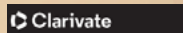

LITTERA SCRIPTA
MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 5, 2025

NAUCHNYI DIALOG

Volume 14, Issue 5, 2025

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 14, выпуск 5, 2025

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIN PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Белгород	Новосибирск
	Владикавказ	Пермь
	Горно-Алтайск	Петрозаводск
	Дацин (Китай)	Псков
	Екатеринбург	Ростов-на-Дону
	Елабуга	Санкт-Петербург
	Казань	Тюмень
	Краснодар	Ульяновск
	Москва	Ургенч (Узбекистан)
	Нижний Новгород	Хабаровск
Авторы, имеющие ученую степень	80 %	

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 14, Issue 5, 2025

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed
© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2025	

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Александр Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogy), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)

Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Андреев В. К., Кочелавва И. С., Никитина Т. Г.</i> Динамика лексикона молодежных арт-субкультур как отражение эволюции жанров, техник и субкультурных практик	9
<i>Богоявленская Ю. В., Палийчук Д. А.</i> Коллокации с адъективным колоративным компонентом <i>bleu</i> во французском языке (на материале лексикографических и корпусных данных).....	29
<i>Бурчанова А. А.</i> Молдавская языковая система : исторический, социально-политический и лингвистический аспекты	51
<i>Галюк А. А., Зиновьева Е. И.</i> Особенности концептуализации и категоризации глагольных синонимов со значением ‘оказание медицинской помощи’ в современном русском языке	68
<i>Дзахова В. Т.</i> Ассимиляция звонкого смычного <i>д</i> в конечной позиции (на материале осетинского языка).....	88
<i>Иванов А. В.</i> Термин двоеточие : историко-лингвистическое исследование	105
<i>Иванова Е. Д.</i> Антропонимия итальянцев Крыма: динамика идентичности сквозь призму истории	128
<i>Котюрова М. П., Баженова Е. А.</i> Речевая системность научного текста : развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожинной).....	144
<i>Соколова Е. Н.</i> Сравнительные конструкции в романе Р. Брэдли «Марсианские хроники»	162

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Данилова Ю. Ю., Мухаметишина Д. Р.</i> Интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемуарах об уходе брендов из России	183
<i>Оленев С. В., Тихомирова Л. С., Пермякова К. В.</i> Рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевого журналов	205
<i>Третьякова О. В.</i> Мультимедийная журналистика в системе правового просвещения	224

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань.</i> Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»	244

Алексеев П. В. Имперский Юго-Запад в травелог П. А. Крушевана «Что такое Россия?»	262
Богданова О. В. Опыты визуальной поэзии Василия Каменского	289
Кирдянова Е. Р. Специфика топосов садов и парков в новеллах Теодора Шторма	304
Черкасов В. А., Демичева В. В., Еременко О. И. Локк — Вольтер — Руссо : философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума»	323

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аганов А. А., Елдинов О. А. Северо-Кавказское краевое отделение Весоюзного общества старых большевиков (1930—1935 годы)	344
Бондарев В. А. Добровольческое движение в сельских районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны : историко-экономический анализ (на материалах Ростовской области)	364
Миронова Е. В. Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков	381
Мухамедов Р. А., Савельев А. В. Сельское хозяйство Ульяновской области в первой половине 1950-х годов	400
Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Сатимов Б. М. Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти	419
Нестеров А. Г., Муслимова Е. О. Специальный административный район Китая Аомэнь (Макао) : особенности взаимоотношений с регионами Европы	438
Новиков М. Д. Влияние государственных займов 1946—1957 годов на личные бюджеты граждан СССР (по материалам финансовых органов и эго-документов)	454
Плате А. Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале : законодательство и практика 1720—1750-х годов	473
Эйльбарт Н. В. Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского» А. Владиславского)	491
Яхуть Ю. А., Диривянкина М. С. Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье : к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов	510
АВТОРАМ	528
CONTENTS	534

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Алина Андреевна Галюк, соискатель (Санкт-Петербург)
Анастасия Александровна Бурчанова, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Андрей Владимирович Иванов, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Вадим Константинович Андреев, канд. филол. наук (Псков)
Вероника Тамбиевна Дзахова, д-р филол. наук (Владикавказ)
Дарья Александровна Палийчук, ассистент (Екатеринбург)
Елена Александровна Баженова, д-р филол. наук (Пермь)
Елена Иннокентьевна Зиновьева, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Елена Николаевна Соколова, д-р филол. наук (Тюмень)
Елизавета Дмитриевна Иванова, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Ирина Сергеевна Кочелаева, научный сотрудник (Псков)
Мария Павловна Котюрова, д-р филол. наук (Пермь)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филол. наук (Псков)
Юлия Валерьевна Богоявленская, д-р филол. наук (Екатеринбург, Петрозаводск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Андреев В. К. Динамика лексикона молодежных арт-субкультур как отражение эволюции жанров, техник и субкультурных практик / В. К. Андреев, И. С. Кочелаева, Т. Г. Никитина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-9-28.

Andreev, V. K., Kochelaeva, I. S., Nikitina, T. G. (2025). Dynamics of Youth Art Subculture Lexicons as Reflections of Evolution of Genres, Techniques, and Subcultural Practices. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-9-28. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Динамика лексикона молодежных арт-субкультур как отражение эволюции жанров, техник и субкультурных практик

Андреев Вадим Константинович

orcid.org/0000-0002-9417-2211

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии, коммуникаций
и русского языка как иностранного
v.k.andreev@mail.ru

Кочелаева Ирина Сергеевна

orcid.org/0009-0002-1240-7150

научный сотрудник,
кафедра образовательных технологий
pta-rimma@yandex.ru

Никитина Татьяна Геннадьевна

orcid.org/0000-0001-9006-9738

доктор филологических наук,
профессор,
кафедра образовательных технологий,
корреспондирующий автор
cambala2007@yandex.ru

Псковский
государственный университет
(Псков, Россия)

Dynamics of Youth Art Subculture Lexicons as Reflections of Evolution of Genres, Techniques, and Subcultural Practices

Vadim K. Andreev

orcid.org/0000-0002-9417-2211

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Philology, Communications
and Russian as a Foreign Language
v.k.andreev@mail.ru

Irina S. Kochelaeva

orcid.org/0009-0002-1240-7150

Researcher, Department
of Educational Technologies
pta-rimma@yandex.ru

Tatiana G. Nikitina

orcid.org/0000-0001-9006-9738

Doctor of Philology, Professor,
Department of Educational Technologies,
corresponding author
cambala2007@yandex.ru

Pskov State University
(Pskov, Russia)

© Андреев В. К., Кочелаева И. С., Никитина Т. Г., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются пути и способы обновления лексикона молодежных арт-субкультур (граффити, диджитал-арт, фурри-арт). Цель исследования — показать отраженное в лексических инновациях развитие субкультурных идей, воплотившихся в новых жанрах, техниках и творческих акциях, выявить обусловленность этих динамических процессов широким социокультурным контекстом функционирования субкультур. Материал исследования отобран на интернет-сайтах субкультурных сообществ, в группах социальных сетей (2005—2025 годы). Использованы записи живой речи представителей арт-субкультуры из архива авторов, а также опубликованные словарные материалы. Использованы методы этимологического и словообразовательного анализа, приемы компонентного и контекстуального анализа, которые позволили выявить мотивы и способы лексической номинации, уточнить семантическую структуру и аксиологическую направленность новых единиц субкультурного лексикона. Эти инновации представлены в их соотносительности с тематическими доминантами субкультурного лексикона. Показаны траектории развития трех арт-субкультур, социокультурные факторы, которые обусловили специфику их обновленных жанров и субкультурных практик, получивших лексическое отображение. Подчеркивается, что наиболее широко лексическими инновациями представлены новые техники рисования — традиционного, цифрового и настенного, которые сформировались благодаря развитию IT-сферы и индустрии товаров для художника.

Ключевые слова:

лингвокультурология; молодежный сленг; лексикон субкультуры; графферы; артеры; фурри.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the pathways and methods of lexical renewal within youth art subcultures (graffiti, digital art, furry art). The aim of the research is to demonstrate how lexical innovations reflect the development of subcultural ideas manifested in new genres, techniques, and creative actions, while also identifying the socio-cultural context that underpins these dynamic processes. The research material was selected from online platforms of subcultural communities and social media groups (2005–2025). It incorporates recordings of spontaneous speech from representatives of art subcultures from the authors' archives, as well as published lexical resources. Employing methods of etymological and word formation analysis, alongside componential and contextual analysis techniques, the study reveals the motivations and means of lexical nomination, clarifies the semantic structure, and elucidates the axiological orientation of new units within the subcultural lexicon. These innovations are presented in relation to the thematic dominants of the subcultural lexicon. The trajectories of development for three art subcultures are illustrated, highlighting the socio-cultural factors that have shaped the specificity of their renewed genres and subcultural practices, which have received lexical representation. It is emphasized that lexical innovations are most prominently represented in new drawing techniques—traditional, digital, and mural — which have emerged due to advancements in the IT sector and the artist goods industry.

Key words:

linguoculturology; youth slang; subcultural lexicon; graffiti artists; digital artists; furries.

УДК 811.161'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-9-28

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Динамика лексикона молодежных арт-субкультур как отражение эволюции жанров, техник и субкультурных практик

© Андреев В. К., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность исследования языка молодежи определяется его аксиологичностью, оперативной реакцией на изменения социокультурного контекста функционирования, креативностью его носителей. Молодежный лексикон, главным образом общемолодежный сленг, в лингвистических и лингвокультурологических исследованиях представлен как динамично развивающаяся система [Воронкова, 2020; Цибизова, 2021; Дмитриева, 2023]. При этом язык субкультур — обособленных сообществ, объединяющих молодежь по социальному составу и сферам деятельности, лишь фрагментарно исследован в динамическом аспекте [Дмитриева, 2022; Андреев, 2023]. Обращение к данной проблематике позволит раскрыть новые закономерности пополнения молодежного лексикона, в том числе неисследованных в динамическом аспекте творческих субкультур. Социокультурные факторы приводят к эволюции субкультурных жанров, техник, используемых в творческом процессе, и реализуемых субкультурных практик, что влечет за собой активное обновление лексико-фразеологического состава. Проанализировать эту обусловленность и выявить особенности языковых процессов, обеспечивающих динамику субкультурного лексикона, — цель исследования, которое мы проводим на материале арт-субкультур и представляем в данной статье.

В отличие от широкого понимания арт-субкультур, когда их деятельность связывается с самыми разными видами массового искусства [Поломошнов, 2023, с. 46], мы относим к таким субкультурам неформальные молодежные объединения, представители которых реализуют свой творческий потенциал исключительно в сфере изобразительного искусства (иногда их называют художественными арт-субкультурами [Коновалова, 2023, с. 253—254]: боди-арт, стрит-арт и артеры — интернет-художники (ср. англ. *art* — ‘искусство; изобразительное искусство’, *artist* — ‘художник’).

Заявленную тему раскроем на материале лексикона граффитистов (граффити, как известно, является основным направлением стрит-арта и имеет более чем тридцатилетнюю историю распространения в России), лексики артеров (интернет-художников) — субкультуры, стремительно набравшей популярность за последние 10—15 лет, и нового направления арт-субкультуры — фурри-арт.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования (более 300 лексических единиц и составных наименований, отражающих реалии субкультур граффити и артеров, в том числе направления фурри-арт) отобран на интернет-сайтах субкультурных сообществ, в группах социальных сетей (2005—2025 годы), где представители субкультур общаются и представляют свои творческие работы, использованы и записи их живой речи из архива авторов. Привлекался также материал словаря «Лексикон молодежных субкультур» [ЛМС]. Методы этимологического и словообразовательного анализа позволили выявить мотивы и способы лексической номинации в языке рассматриваемых субкультур. Приемы компонентного и контекстуального анализа помогли установить денотативную соотнесенность единиц субкультурного лексикона, уточнить их семантическую структуру, аксиологическую направленность. При репрезентации этих параметров в тексте статьи использовался метод лингвокультурологического комментирования, приемы описательного метода (систематизация, обобщение).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате анализа материалов были выявлены пути и способы пополнения лексикона арт-субкультур, установлена обусловленность этих динамических процессов совершенствованием «технической поддержки» творчества, эволюцией стилей и субкультурных практик в соответствии с модными тенденциями и эстетическими предпочтениями субкультурного социума, а также более широким социокультурным контекстом функционирования неформальных творческих молодежных сообществ.

3.1. Субкультура граффити

Граффити — молодежная субкультура, которая пришла в Россию в 90-х годах XX века как одно из направлений американской хип-хоп культуры (наряду с рэпом, брейкингом, диджеингом). Если в первые годы своего функционирования в русскоязычном социуме эта вандальная разновидность уличного арт-дизайна квалифицировалась как явление контркультуры [Луков, 2002, с. 79], то в настоящее время педагоги и культурологи говорят о воспитательном потенциале произведений граффитистов (графферов)

[Кружкова, 2024], а городские власти включают их масштабные проекты, ставшие неотъемлемым элементом уличного дизайна, в планы построения эффективной имиджевой политики территорий.

В современных социокультурных условиях при параллельном функционировании практик «бомбинга» (быстрого вандального нанесения простейших рисунков «бомб» (англ. *bomb*) на поверхности городских объектов) и легального, выполненного по официальному заказу граффити основной словарь графферов по-прежнему составляют англицизмы, заимствованные вместе с реалиями субкультуры и фонетически приближенные к оригиналу (*лун* < *loop* — ‘фрагмент соединения букв’, *райтер* < *writer* — ‘граффитист’), и семантические кальки (*пузырек*, *дутыш* < *bubble* — ‘стиль с использованием округлых, пузырчатых, сливающихся друг с другом букв’) [ЛМС, с. 82, 217]. Меньшим количеством представлены собственно русские наименования типа *чикер*, *чикарь* — ‘неопытный граффитист’ < *чикать* — ‘рисовать кое-как’ [АА ИК, 2023]. Появляется все больше заимствований из общемолодежного сленга и лексикона других субкультур, значение которых в речи графферов специализируется, например, *прыгнуть* — ‘быстро нанести рисунок на стену’ (ср.: в лексиконе футбольных фанатов *прыгнуть* — ‘внезапно напасть на враждебную фанатскую группировку’ [АА РР, 2022]).

Эти типы наименований пополняют доминантные тематические ряды субкультурного лексикона, которые, как показал анализ материала, обновляются неравномерно. Так, в наименованиях представителей субкультуры сохраняет актуальность отражение их специализации (*спрейер* < *sprayer* — ‘граффитист, наносящий изображение краской из баллончика’, *тэггер* < *tagger* — ‘граффитист, занимающийся преимущественно нанесением тэгов’ и т. п.), а также уровня мастерства: неумелый граффер — *той* (ср. англ. *toy* — ‘игрушка, безделушка’) и наоборот: *стайлер* — граффер высокого класса со своим оригинальным стилем (ср.: англ. *stile* — ‘стиль’) [ЛМС, с. 248, 261, 271]. После признания граффити одним из художественно-стилистических направлений стрит-арта графферов стали называть *стрит-артерами*, *стрит-арт художниками*, *уличными художниками*, а сами они приняли эти названия и активно используют их, но есть и те, кто выступает против коммерциализации граффити, не одобряет *коммерсов* (*коммерсов*) — легальных граффитистов, получающих за свою работу деньги, и продолжает называть себя исключительно *райтерами* или *граффити-райтерами* [Graff].

Среди наименований граффитистов «по специализации» появилось новое — *муралисты* — ‘художники, легально выполняющие монументальную художественную роспись вертикальных стен — муралы’. Для оценки

мастерства все чаще используется аксиологически нагруженное определение, известное и в других субкультурах — *скилловый* (< англ. *skill* — ‘навык, умение, опыт’); специализацию значения здесь иллюстрирует контекст: *Граффитиста, хорошо владеющего разными стилями, шрифтами и т. д., характеризуют как скиллового* [Graff]. *Могли бы кого-нибудь по-скилловее позвать в скетчбуке рисовать* [Graff].

Деятельность графферов отражают наименования творческих процессов и их результатов. К первым относятся частотные отглагольные существительные, например, *тэггинг* < *tagging writing* — ‘нанесение тэгов — надписей’, *скретчинг* < *scratching* — ‘выцарапывание надписей на гладких поверхностях’, *бомбинг* < *bombing* — ‘нанесение «бомб» — простейших рисунков’ и глаголы с заимствованной основой, включающиеся в систему слово- и видо-образования: *забомбили пару вагонов* [AA PP, 2023], *хотел поскрепить* [AA PP, 2023]. В последнее время на форумах граффитистов стали часто встречаться глаголы *вливать* и *повесить* (о размещении настенных рисунков), а также *сделать стрит*, *сделать стритец*, то есть произведение стрит-арта [Cross]. Говоря о своей деятельности, граффитисты все чаще используют глагол *рисовать*, а не субкультурно маркированную терминологию, которая с легализацией граффити утратила свою «сакральность» и перестала восприниматься как маркер приобщенности к субкультуре: *Ищу с кем порисовать — Дегунино, Западное Дегунино, Восточное Дегунино!* [Graff]. *В команде 20 человек, рисуем с апреля* [Graff]. Без указания на субкультуру сейчас передаются и значения ‘быть граффитистом’ — *быть в культуре* (*Кто со Стерлитамака и все еще в культуре? Ищу тех с кем порисовать можно* [AA PP, 2024]), ‘перестать заниматься граффити’ — *уйти из культуры* (*Продам это все по деишману, так так ушел из культуры*), ‘активно заниматься (не заниматься) граффити в какое-то время’ — *быть в активе* (*без актива*): *Сейчас мы немного без актива, к лету возрождение* [Graff].

Среди наименований продуктов творческого процесса актуальны уже упоминавшиеся *бомба*, *тэг*, а также *скетч* (< англ. *sketch* — ‘эскиз на бумаге’), *стенсил* (< англ. *stencil* ‘трафарет’) — ‘рисунок, нанесенный по трафарету’ и др. Пока не зафиксировано словарями отражающее технику граффити наименование *роллы* — ‘рисунок, нанесенный валиками’. Новый тип изображений, которые начали выполнять не только художники-монументалисты, но и графферы, — *мурал* (крупноформатное произведение настенной живописи < исп. *mural* — ‘настенная живопись’), хотя не всегда работа графферов в этом жанре получает одобрение ценителей стрит-арта: *Муралы на домах должны быть по-настоящему красивыми и выразительными. Уровня «бомбинга», когда уличный художник пишет что-то второпях, тут явно недостаточно* [Cross].

Показанную выше тенденцию ухода от субкультурных сленгизмов иллюстрирует в данной тематической группе лексики снижение частотности наименований рисунков *пис*, *мастерпис* (ср.: англ. *masterpiece* ‘шедевр’) и замена их общепотребительным *рисунок*: *Под мостом Чибиса рисунок? Вроде бы, его стайл* [АА РР, 2024].

В новом фрагменте лексикона обнаружены и обозначения рисунков по месту их размещения: *руфтон* (< англ. *roof-top*) [Kunst] — рисунок и надпись на крыше или карнизе; *хэвен* (< англ. *heaven* — ‘небеса’) — рисунок в труднодоступном месте, часто — на высоте. Слово *спот* обозначает место скопления большого количества граффити-изображений (работы могут быть разного качества) [Kunst], раньше такие места назывались стенами славы (не совсем точная калька английского *Hall of fame* — ‘зал славы’). Сейчас английское словосочетание стало источником другого сленгизма: *хофами* называют места скопления граффити высокого качества [Kunst]. Шутливое наименование — *баффити* (как результат контаминации) получило граффити, размещенное на *баффе* — рисунке на стене здания, закрашенном работниками коммунальных служб (ср. англ. сленг. *to buff* — ‘чистить’) [Kunst]. Ряд новых единиц лексикона графферов относится к современной стилистике творчества: *Реализм*, *фотореал*, *фотореализм*, *гиперреализм* — *максимально реалистичный рисунок на стене, один из самых технически сложных стилей в граффити* [Graff]; *Концепт-рисунок* — *сложные по смыслу граффити-произведения, совмещающие в себе надписи и рисунки* [Graff].

Что касается инструментов, которыми работают графферы, то постоянное их совершенствование приводит к активному обновлению банка наименований. Так, в последнее время появилось несколько видов *кэпов* (< англ. — *cap* ‘насадка на баллон с краской’). В зависимости от того, какая линия должна получиться, насадки делятся на три типа: *фэт* — для широких линий, *софт*, *софт кэп* — для средних, *скини*, *скинявый кэп* — для тонких линий, *аутлайн* — насадка для создания внешних линий рисунка [Graff].

Среди новых средств для рисования — *сквизеры* — маркеры, которые позволяют создавать надписи и рисунки с эффектом подтеков, *линеры* — капиллярные ручки с чернилами на водной основе, дающие тонкие, насыщенные линии, для работы над скетчами (рисунками на бумаге) [Graff].

Реализация субкультурных практик — прежних и новых — в современных социокультурных условиях также обогатила лексикон графферов.

Команды (коллективы) граффити-райтеров, именуемые, как и прежде, — *крю* (< англ. *screw* — ‘команда, бригада’), реализующие вандальные практики «бомбинга», продолжают практиковать «вылазки» с целью «рас-

писывания» определенных зданий или вагонов поездов. В связи с этим активизировалась и пополнилась лексика противостояния группировок графферов и правоохранительных органов — лексика единения и вражды, субкультурное дополнение к теме, которая в настоящее время активно исследуется на материале русского языка XXI века и разрабатывается лексикографически [Леонтьева, 2021; Леонтьева, 2022]. Субкультурные материалы последних лет свидетельствуют о том, что в борьбу с граффити-вандалами на железной дороге включились *машки* (*машишки, серые*) — машинисты поездов [Graff], *чайки* — контролеры, ревизоры, а также *лисы* — путевые обходчики и ремонтники, которые ходят в оранжевых сигнальных жилетах [Cross].

В отличие от таких экстремальных вылазок единение для большинства графферов реализуется в легальных совместных творческих проектах — *коллабах* (< англ. *collaboration* — ‘взаимодействие’; ед.ч.: *коллаб, коллаба*; из общемолодежного сленга со специализацией значения): *Колаб* — *если, например, вместе рисуют большой рисунок* [АА РР, 2023]; *Псковские граффитчики вместе с бизнес-инкубатором г. Пскова и баром стрит-фуда делают КОЛЛАБУ 12.01.2024* [АА ИК, 2024].

Среди новых субкультурных практик — *граффити-баттлы* — соревнования графферов, где компетентное жюри определяет победителя. Основные критерии — скорость нанесения рисунка, композиция, работа со шрифтом, качество исполнения [Удовыдченко, 2022, с. 79]. Развивается и *граффити-туризм* — путешествие в другой город с целью создания там граффити на стене здания или на вагоне поезда [Кузовенкова, 2019].

Современный период в развитии граффити характеризуется формированием устойчивого сообщества, объединяющего уличных художников из разных городов, появлением масштабных фестивалей и *граффити-джемов* [Удовыдченко, 2022, с. 82]. *Джем* — *когда рисование сопровождается сэтом диджея, могут и рэперы почитать рэп, танцоры потанцевать, а во время рисования будут стоять 2 прилавка и продавать бургеры и напитки, а второй — сувениры* [АА РР, 2024].

Отмечается важная роль граффити в эстетизации городского пространства [Кружкова, 2024, с. 72]. Некоторые исследователи отмечают, что многие создатели современного граффити и стрит-арта — это профессиональные художники, чьи работы имеют концепт и органично вписываются в городскую среду и контекст зданий [Константинова, 2021, с. 96—97]. Однако, как уже отмечалось, среди представителей старой (вандалной) школы граффити наблюдается крайне негативное отношение к легальным практикам — *оформухам* (коммерческому оформлению зданий и монетизации творчества граффитистов). *Граффити* — *нелегальная практика, и*

в этом ее суть, — читаем на популярном молодежном портале «Собака.ру» [АА ИК]. Такие заявления при четком разграничении граффити, стрит-арта, мурализма и монументального искусства дают основания ожидать новых противостояний, пересечений, трансформаций и коллабораций представителей уличного изобразительного искусства, а значит, и интересных проявлений динамики в лексиконе данной сферы.

3.2. Диджитал-арт (интернет-художники, артеры)

Цифровое рисование (диджитал-арт) как направление искусства начало развиваться за рубежом в середине XX века, первые «цифровые картины» выполнялись не художниками, а инженерами на специальном оборудовании и представляли собой изображения абстрактных форм. Развитие компьютерного оборудования и программ позволило в 80-х годах внедрить цифровую графику в профессиональную деятельность архитекторов, дизайнеров, мультипликаторов, а к началу XXI века — распространить новые технологии на более широкую аудиторию.

Цифровое рисование как хобби появилось в России в середине первого десятилетия XXI века и, как всё новое, стало популярным, прежде всего у молодежи. Доступные Интернет-технологии обеспечили молодым непрофессиональным художникам возможность делиться своим творчеством с широкой публикой.

Материал интернет-форумов диджитал-арта создает представление о сообществе художников-любителей как о субкультуре, объединенной общими интересами, родом деятельности, темами обсуждения и специальным лексиконом. Рассмотрим динамические процессы в лексиконе интернет-художников, структурируя лексику по темам, актуальность которых была показана и на материале субкультуры граффити.

Средства для рисования у диджитал-художников — это специальное оборудование (графический планшет) и компьютерные программы (графические редакторы). На раннем этапе функционирования субкультуры для их общего именования использовались официальные названия: графический планшет или просто планшет. В период 2010—20-х годов появляются производные варианты: графический планшет → *графпланшет*, *гп*, *плани*. Официальные номенклатурные наименования также переформируются, превращаясь в субкультурные сленгизмы, например, модели планшетов: *интач* (*Intuos*), *бамбук* (*Bamboo*), *дженius*, *женя* (*Genius*): *Купил интач... мне нравится, даже с кривыми руками* [АА ИК, 2014].

Графические планшеты на тот момент имели простую конфигурацию: прямоугольная пластина, в центре которой расположена рабочая область, откликающаяся на сигнал *пера* (специальной ручки для графического планшета); процесс рисования отображается на экране компьютера. К кон-

цу 2010-х — началу 2020-х годов распространяется новая модель планшетов с сенсорным экраном, непосредственно на котором и можно было рисовать. Так появляется дифференциация: «простой» планшет — *доска* и экранный — *экранник* [АА ИК, 2023]. Упоминаются и новые производители и модели планшетов: *Huawei* (*хуавей*) *Huion* (*хайон, хайончик*), *Gaomon* (*гаомон*): *У меня тоже была доска от хайончика* [Artpod].

Динамика наименований компьютерных программ для рисования также обусловлена развитием технологий, появлением новых продуктов. Наиболее популярны в 2000-е годы: *Paint* (*пейнт*), *Corel Painter* (*пейнтер*), *Photoshop* (*фотошоп, шоп, ф/ш, фи*). В интернет-коммуникации 2010-х годов упоминается много новых программ, в том числе и для 3D-моделирования: *Paint Tool SAI* (*саи, сай*), *Blender* (*Блендер*), *ZBrush* (*Зебра, Браш*), *Google SketchUP* (*Скетчан*), *Autodesk Maya* (*Мая, Майка*). *Кст /кстати/, ты ведь браш изучал?* — *Ну как изучал, тыкался чутка, в майке тоже маленько посмотрел, что это за зверь* [АА ИК, 2013]. В начале 2020-х популярны программы *Krita* (*Крита*), *Procreate* (*прокрейет*), *Clip Studio Paint* (*клипа*): *До этого рисовала в Саи, она стала родной, но куда-то пропало нажатие пера. Перешла в Криту* [АА ИК, 2013].

Для наименования техник рисования на начальном этапе развития субкультуры использовались в основном общеупотребительные словосочетания: *рисовать на компьютере (на компе)*, *рисовать на планшете*. Позже, с повышением интереса к англоязычной художественной среде, появляется и адаптируется все больше заимствованных наименований: *диджитал / дидж*, *CG / сиджи* — ‘цифровое рисование’. *В век технологий дидж на верняка будет очень популярен* [АА ИК, 2013].

Рисунок как продукт творческой деятельности также имеет общеупотребительные названия в среде интернет-художников 2000-х годов: *рисунок, эскиз*, — а к концу десятилетия получает все больше заимствованных наименований: *скетч* (*эскиз, зарисовка*), *арт* (*завершенный рисунок*), *лайн* (*контур; обведенный контуром эскиз*). Постепенно новые слова осваиваются, появляются производные: *скетч* → *скетчик, скетчить*; *лайн* → *лайнить, безлайн*. *Безлайн рисовала, и мне было норм, а потом появился айпад, и вот там и попёр лайн* [АА ИИ, 2023].

На первом этапе функционирования субкультуры общенародная лексика сохранялась и в обозначениях самого автора работы: *художник, рисовальщик*. В 2010-е годы появляется неологизм *артер* — обозначение художника-любителя, которое не сразу было принято: *Всех художников начали вдруг называть артерами. Все такими артерами сразу стали, что ты!* — *Ну, если серьезно, то в каком-нибудь ВК реально артеры, а не художники* [АА ИИ, 2013]. Ближе к третьему десятилетию XXI века

наименование стало привычным и активно используется в субкультуре интернет-художников, участвует в композитивном словообразовании, продуктом которого становятся как нейтральные, так и оценочные наименования: *диджитал-артер*, *дно-артер* (ироническое или пренебрежительное). *Я дно-артер, а так милости прошу X* [АА ИК, 2015]. *Тем временем путь, который проходит диджитал-артер, ровно такой же, как и у традишников* [Order]. Здесь видим и наименование художника, работающего в традиционном, нецифровом формате (среди неформальных художников есть и такие). Имеется и общее сленговое субкультурное наименование для диджитал-артеров и «традишников» — *худы* (сокращение от *художник*).

В общении молодых художников фигурируют и наименования сообществ, форумов, где можно найти уроки по рисованию, показать собственные работы, попросить совета. В 2000-е годы часто упоминаются форумы «Demiart» (*демиарт*), «Drawmanga» (*дромаंगा*, *дравманга*), в настоящий момент не функционирующие, международная социальная сеть «DeviantArt» (*девиантарт*, *девиант*, *ДА*, *д/а*), которая сейчас оценивается артерами в негативном ключе из-за сложностей продвижения и большого количества некачественного контента. Основные площадки формирования сообщества сейчас — это социальная сеть «ВКонтакте» (*вк*, *вконтач*) и мессенджер «Telegram» (*телега*, *тг*), но и они часто вызывают скепсис интернет-художников: *Ну, во-первых, если вы ведете просто паблос /паблик/ в вк, то печально, в вк уже никто не сидит* [Artpod]. *Тг — это мессенджер. Кто сказал, что это суперская соцсеть для худож?* [Artpod].

Темы, волнующие неформальное художественное сообщество, остаются актуальными с начального периода развития субкультуры до настоящего момента. Например, это отношение к критике и советам: *Рисовалось мышкой прямо на компе, поэтому он немного косоглазый, криворукый и косопалый ^_^*. *Жду, как всегда, советов и критики* [АА ИК, 2009]. *Я думаю, что критика не нужна, нужны только советы, и то в случае, когда художник сам их просит* [АА ИК, 2021], отношение к копированию, тема несамостоятельности в творчестве: *Как мне кажется, если вы только начинаете, то полезно было бы просто покопировать, посрисовывать* [АА ИК, 2013]. *Срисовки — это не творчество, а бумагомарание* [Artwork].

В настоящее время в среде интернет-художников вызывает активные споры использование в рисовании технологий искусственного интеллекта (*ИИ*, *ИИшка*, *нейросетка*, *нейронка*). В основном авторы высказываются против «творчества нейросетей» и беспокоятся о замене труда художника новыми технологиями, доступными самой широкой публике: *Прикольно, конечно, постить нейронки и обозначать это хэштэгом «художник»* [АА ИК, 2023]. *И, кстати, ИИ — это не искусство. Искусство имеет свой*

процесс рождения и вложенную душу [Artwork]. А где-то в это время сидит художник, или не один, из чьих работ какой-то Вася слепил это. Только их имен никто не узнает, зато IIIшкой новосхищаемся, ляпота [Order].

Таким образом, несмотря на относительную «молодость» субкультуры интернет-художников, в лексиконе этой группы за два десятилетия произошли определенные изменения. Мощное развитие лексического состава (обновление как официального, так и сленгового его пласта) обусловлено появлением новых технологий и средств для рисования, которые используют представители субкультуры. Вышли из употребления наименования устаревших программ и прекративших свое существование интернет-сообществ. Процесс такой деактуализации лексики протекает не так интенсивно, как расширение субкультурного лексикона. А само цифровое рисование прошло путь от технической сферы — инженерной графики — до художественной арт-субкультуры.

3.3. Субкультура фурри и фурри-арт

По-другому сложилась российская судьба творческой субкультуры фурри-арт, представители которой, также в формате цифрового рисования, воплощают в своих произведениях образы антропоморфных животных и зооморфного человека.

Зарождение субкультуры фурри связывают именно с изобразительным искусством, когда в США в конце 70-х годов прошлого столетия появились «фэнзины» (англ. *fanzine*, от *fan magazine* — ‘фанатский журнал’) — любительские издания комиксов с забавными животными — персонажами популярных мультфильмов и литературных произведений в стиле фэнтези [Кудинова, 2019, с. 114]. В 80-е годы вошло в оборот название субкультуры любителей антропоморфных изображений животных — *фурри* (англ. *furry* — ‘пушистый’). В 90-е годы с активизацией интернет-коммуникации окончательно оформляется творческое направление фурри-арт, объединившее художников-фурри. В США и Европе проходят приближенные к арт-фестивалям конференции фурри (*comFURence*, *euroFURRence*) с художественными выставками, конкурсами зооморфных костюмов, костюмированными парадами и ролевыми играми.

Зооморфный костюм — *фурсьют* (англ. *Fursuit: fur* — ‘мех’, *suit* — ‘костюм’) — в конце 90-х — начале 2000-х годов стал основным средством творческого самовыражения российских фурри, особенно в провинции, где еще не всем были доступны инновационные технологии компьютерной графики и западные сайты фурри-арта. Изготовление фурсьютов требовало высокого профессионального уровня и художественного вкуса мастеров-*сьютеров*. В первые десятилетия XXI столетия представителей субкультуры в костюмах животных, с которыми они себя отождествляли,

можно было увидеть разгуливающими по улицам городов, паркам, пригородам. В полной зооморфной «экипировке» фурри на своих конвентах (фурри-сходках — «русфуренциях») «резвятся, обнимаются и танцуют». По наблюдениям В. Э. Кудиновой, *furry* являются самой милой и дружелюбной субкультурой [Кудинова, 2019, с. 116—117]. Такое положительное отношение окружающих к фурри, зафиксированное в 2019 году, через 5 лет сменилось отрицательными оценками, когда представителей субкультуры начали путать с агрессивными квадроберами, культивирующими спортивно-поведенческую практику подражания животным (спортивную суть этой новой субкультуры, зародившейся в Японии, отражает «вольный перевод» ее названия: *квадробинг, квадрабика (quadrobics)* — «аэробика на четырех ногах» [Прокопенко и др., 2024]. Не вступая в дискуссию о субкультурном статусе квадрабинга, его идеологическом наполнении и влиянии на психику подростков, подчеркнем, что даже при сходстве внешней атрибутики анималистические субкультуры фурри и квадрабинг никак не пересекаются на уровне лексикона, который является объектом нашего исследования: квадраберы не осуществляют вербальной коммуникации в рамках своих перевоплощений, они лишь воспроизводят голосовые проявления животных: мяукают, лают, рычат.

Возвращаясь к фурри, для которых субкультура — это творческое хобби или сфера неофициальной профессиональной деятельности с ее специальным лексиконом, отметим, что к концу второго десятилетия XXI века значительным количеством российских интернет-сайтов уже было представлено и направление фурри-арт, а с началом эпидемии ковида, когда субкультура окончательно ушла в интернет-пространство, фурри-арт стал основной сферой и продуктом деятельности фурри. Так, приняв идеи западной субкультуры, российские фурри «пошли другим путем»: они начали с субкультурного костюмированного «экшена», который постепенно терял популярность, и пришли к фурри-арту как жанру изобразительного искусства.

Анализ материала современной фурри-коммуникации, развернувшейся в социальной сети ВКонтакте и на других интернет-платформах [Furries; MF; Pin], позволяет сделать выводы о динамике лексикона данного субкультурного сообщества. Так, в речи фурри стало меньше «звукотрадиционной адаптации» слов литературного языка. В последние годы не зафиксировано функционирующих 10—15 лет назад [ЛМС, с. 161, 163] личных местоимений *мя, мяф* — вместо *я*; глагольных форм на *-мяу* (вместо *-маю*): *понимяю, снимаю*; трансформированных топонимов: *Мяусква, Мурррманск*. Менее активно, но все же используются субкультурно маркированные никнеймы: *Пчёлка, Барс, Костя Лис, Муркиса Кош*, и др. Сохранились форма обращения к «своим» — *ребята-фурята (-фуррята)* — и обозначение «иных»,

не принадлежащих к субкультуре — *хуманы*. Не изменилось формальное варьирование корня, падежная парадигматика и вариативность флексий ключевого слова: *фурри, фурии*, мн. (*фуррий, фуриев, фуррий, фуриям, фуриям* и т. п.), *фурь*, ед. (*фурия, фуррия, фурия*) [Furries; MF; Pin]. Теперь эти лексические единицы обозначают не только представителей субкультуры, но и *антропов* — антропоморфных животных (самцов), изображаемых фурри-художниками. Широко распространены *фурияшка (фуррияшка)* и *фурька* — наименования самок животных в их антропоморфных изображениях: *Что это за фурька? Кото-сова?* [Pin]. Фурри-художники и их поклонники используют для самономинации традиционные единицы фурри-лексикона: *пушистики*, субстантивированные *пушиные, пушистые*. Тематическая группировка наименований членов субкультуры пополнилась еще одним ключевым словом — *артер*, которое здесь претерпело сужение значения и стало употребляться для обозначения фурри-художника.

С распространением фурри-арта в российском интернет-пространстве активно наполняется новой лексикой и тематическая группа «Субкультурная деятельность». Поскольку теперь эта деятельность сосредоточена в сфере цифрового рисования, фурри активно используют лексику, общую для всех диджитал-художников, например наименования стилей, в которых они работают: *Я новый артер. Рисую в графике, в акварели, в призме, в модуле, в гризале* [АА ИК, 2016].

Общими для артеров разных направлений являются наименования действий художников, зафиксированные и в современной интернет-коммуникации фурри: *отрисовывать* (‘выполнять рисунок какого-либо объекта’), *делать лайн* (‘создавать контур объекта’), *красить* (‘закрашивать контурный рисунок’), *редизайнить* (‘изменять изображение’). При этом в контекстах раскрывается субкультурный (фурри) фон таких номинаций: *Редизайн — изменение деталей у персонажа, цвета его шкуры или чего-то другого* [Furries].

Наименование основного продукта деятельности фурри-художников — *арт* (англ. *art* — ‘рисунок’) — используется как самостоятельная лексическая единица и участвует в композитивном словообразовании (*фурри-арт* — ‘рисунок фурри-художника’): *Иногда фурри-художники объединяются в команды от двух человек, целью которых становятся совместные фурри-арты — коллабы* [Pin]. Так и «общепартерское» *коллаб* — ‘совместно выполненный рисунок’ наполняется «фурри-содержанием». Такая специализация значения характерна и для других номинативных единиц, обозначающих продукты деятельности фурри-артеров — рисунки разных типов. Как правило, это англоязычные заимствования и их сленговые варианты: *референс (рефка, рефа)* < *reference* — ‘вспомогательное

изображение'; *комишн, коммишен (коммишка) < commission* — 'рисунок, выполняемый по заказу за оплату' и др.

Собственно фурри-субкультурными наименованиями представлена лишь тематическая группа «Персонажи фурри-арта». О своих предпочтениях — любимых персонажах фурри-художники говорят, как о живых существах: *Так вышло, что у меня водятся, в основном, самцы разной степени обнаженности. Если кому такой контент по нраву — милости просим, будем рады* (П. Радюкевич) [АА ИК, 2020]. Типы персонажей (в соответствии с видами животных) в субкультуре называют расами: *И скажите, это кошка или волк? Или совсем другая раса?* [Furries].

По продуктивным моделям композитивного словообразования создаются наименования типов персонажей: *фурри-кошки, фурри-волки* и т. п.: *Ищу арты фурри-крыс* [Furries], в том числе с компонентом *фурри* в позиции: *Ну, вот моя первая лисофурри* [АА ИК, 2022], а также гендерно маркированные осново-словосложения: *кошкодевочка, белкодевочка, волкомальчик, тигромальчик: Больше тигродевочек любителям тигродевочек!* [АА ИК, 2021]. *Рисовала котомальчика впервые в жизни* [MF].

Фурризировать какого-то персонажа мультфильма, компьютерной игры означает придать ему фурри-облик, создать фурри-изображение: *Уже фурризировали Наафири? — Не знаю, что там про Наафири, но вообще это персонаж из собственного комикса автора* [Furries].

Ключевым понятием субкультуры по-прежнему остается *фурсона* (контаминация: *фурри + персона*), первоначально (в конце прошлого столетия) — зооморфный образ, который представитель фурри-сообщества избирал для костюмированной ролевой игры. С распространением фурри-арта фурсона становится чем-то вроде аватара, антропоморфным изображением животного, представляющим носителя субкультуры в интернет-сообществе. В 2009 году основатели группы «Мы фурри» (VK) обратились к своим подписчикам: *Фурсона или, проще говоря, фурри-вид есть у каждого из нас, голосуем и при желании описываем своего персонажа. Как выглядит, история, поведение и т. д.* В обсуждении темы «Ваша фурсона. Кто вы?», которое активно идет и сегодня, тысячи пользователей ответили на этот вопрос, а некоторые даже представили «антропо-характеристику» персонажа, наделяя его своими личными качествами или вымышленной биографией: Никита Ф.: *Моя фурсона — волк*. Сергей Т.: *Я — кот Фридрих*. Коля Ч.: *Я — лис Даллас*. Софья Н.: *Мою фурсону зовут Милка ей 13, любит обнимашки, краснодарский чай, — волк с белыми лапами серыми глазами и коричневыми ушами* [АА ИК, 2021—2023; Furries].

Фурсону, как и любой другой арт, можно заказать у художников, выставяющих свои работы и предлагающих свои услуги на субкультурных

сайтах в разделе предложений (*предложка*): *Кто-нибудь нарисует мою фурсону? Опишу в личке, буду признателен* [АА ИК, 2016]. В связи с этим начинается обсуждаться проблема авторских прав на фурсону, которой не возникало на до-диджитальном, костюмно-ролевом этапе функционирования субкультуры.

Таким образом, фурри, пришедшие в интернет-пространство со своей субкультурной идеей, обогатили лексикон диджитал-арта и дополнили свой субкультурный лексико-фразеологический состав адаптированными терминами и сленгизмами артеров.

4. Заключение = Conclusions

Итак, вынесенное в заголовок статьи положение, согласно которому динамика лексикона обусловлена эволюцией субкультурных жанров, техник рисования и реализуемых субкультурных практик, не только получило подтверждение в ходе анализа материала последних лет, но было детализировано и рассмотрено в социокультурном контексте.

Несмотря на различие траекторий, по которым развиваются творческие молодежные субкультуры, очевидна социокультурная обусловленность этих динамических процессов. Так, с развитием компьютерных технологий и активизацией интернет-коммуникации из профессиональной сферы — инженерной графики — вырастает творческое хобби — диджитал-арт. В условиях «эпохи ковида» субкультура фурри от практики косплея и уличных «активностей» переходит в интернет-пространство и становится одним из направлений диджитал-арта. Легализация и коммерциализация граффити, движение определенной части субкультуры в сторону массовой культуры обусловлены тенденциями в сфере имиджирования городских территорий.

Новые техники рисования — традиционного, цифрового и настенного — сформировались также благодаря инновациям IT-сферы и индустрии товаров для художника. Новые наименования инструментов и устройств для рисования, творческих приемов и процессов, самого художника, который их использует, и продуктов творческой деятельности особенно широко представлены в тех пластах лексикона арт-субкультур, которые и в других субкультурах отражают их тематические доминанты: представитель субкультуры, ее атрибутика, субкультурная деятельность и ее результаты.

Материалы исследования могут быть использованы при разработке проблематики молодежных субкультур в лингвокультурологии, социолингвистике, в преподавании современного русского языка и практической лексикографии и лингвокультурологии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА ИК — *Авторский архив* (материалы интернет-коммуникации).
2. АА РР — *Авторский архив* (записи живой речи).
3. ЛМС — *Андреев В. К.* Лексикон молодежных субкультур. Опыт словаря / В. К. Андреев. — Псков : Логос, 2009. — 332 с. — ISBN 978-5-93066-052-4.
4. Artpod — *ART* Подслушано [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/artpodslushano> (дата обращения 02.02.2025).
5. Artwork — *Artwork* Gallery [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/artwork.gallery> (дата обращения 07.02.2025).
6. Cross — *Мурал* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://crossarea.ru/street-art/mural/> (дата обращения 22.02.2025).
7. Furies — *Фурри* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/furies> (дата обращения 20.02.2025).
8. Graff — *Граффити* баракхолка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/graffitimarke> (дата обращения 20.01.2025).
9. Kunst — *Кунст*. Словарь стрит-арта и граффити [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://kustdnipro.com/ru/street-art-dictionary> (дата обращения: 06.03.2025).
10. MF — *m-fur.ru* — сайт фурри сообщества России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dzen.ru/mfur> (дата обращения 10.12.2024).
11. Order — *Орден* карандаша [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://vk.com/order_of_the_pencil (дата обращения 02.01.2025).
12. Pin — *Pinterest* — всемирный каталог идей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ru.pinterest.com/> (дата обращения 10.12.2024).

Литература

1. *Андреев В. К.* Динамика лексикона молодежных субкультур (по материалам интернет-форумов) / В. К. Андреев, С. О. Дмитриева, Т. Г. Никитина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 36—48. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.3.
2. *Воронкова А. А.* Функциональные особенности молодёжного сленга современных студентов / А. А. Воронкова, С. М. Мальцева, Е. М. Ульянкина // Балтийский гуманитарный журнал. — 2020. — Т. 9. — № 2 (31). — С. 237—240. — DOI: 10.26140/bgз3-2020-0902-0059.
3. *Дмитриева С. О.* Динамика молодежного лексикона (на материале субкультуры панков) / С. О. Дмитриева // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2022. — № 5 (44). — С. 542—545. — DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).542-545.
4. *Дмитриева С. О.* Новые сленговые слова и значения в лексикографической репрезентации / С. О. Дмитриева // Вестник филологических наук. — 2023. — Т. 3. — № 4. — С. 164—168.
5. *Коновалова В. А.* Опыт преобразования городской среды под влиянием арт-субкультур / В. А. Коновалова, А. А. Качемцева. // Ландшафтная архитектура и форми-

рование комфортной городской среды / Отв. ред. О. П. Лаврова. — Нижний Новгород : ННГАСУ, 2023. — С. 251—256.

6. Константинова М. А. Граффити и стрит-арт : от художественной практики к социальному действию / М. А. Константинова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. — 2021. — № 2 (32). — С. 94—107.

7. Кружкова О. В. Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом / О. В. Кружкова, М. Р. Бабинова, С. Д. Робин // Образование и наука. — 2024. — № 26 (6). — С. 68—94. — DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94.

8. Кудинова В. Э. Furry как зарождающаяся субкультура в социуме России / В. Э. Кудинова // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. — 2019. — № 14. — С. 114—117.

9. Кузовенкова Ю. А. Молодежные солидарности в граффити-туризме / Ю. А. Кузовенкова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1. — С. 311—323. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.5.15.

10. Леонтьева Т. В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке : тенденции развития / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 186—202. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202.

11. Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

12. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В. А. Луков // Социологические исследования. — 2002. — № 10. — С. 79—87.

13. Поломошнов Л. А. Молодежная субкультура : проблема типологии / Л. А. Поломошнов, М. С. Колышкина // Культура и цивилизация. — 2023. — Т. 13. — № 3А—4А. — С. 41—49. — DOI: 10.34670/AR.2023.41.97.005.

14. Прокопенко Н. М. Подростковый эскапизм : от нигилизма и мечтателей до хобби-хорсинга и квадрансеров / Н. М. Прокопенко, Л. А. Камышева // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2024. — № 3. — С. 9—10. — DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1521.

15. Удовыдченко М. Культура граффити-зинов. Неиндексированные граффити-журналы Санкт-Петербурга 2000—2010-х годов / М. Удовыдченко // Неприкосновенный запас. — 2022. — № 5 (145). — С. 78—95.

16. Цибизова О. В. Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг. : опыт описания и анализа / О. В. Цибизова, И. И. Галанкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2021. — Т. 12. — № 3. — С. 684—698. — DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 09.06.2025.

Material resources

AA IK — *Author's archive (Internet communication materials)*. (In Russ.).

AA PP — *The author's archive (recordings of live speech)*. (In Russ.).

LMS — Andreev, V. K. (2009). *Lexicon of youth subcultures. Dictionary experience*. Pskov: Logos. 332 p. ISBN 978-5-93066-052-4. (In Russ.).

- Artpod — *ART Overheard*. Available at: <https://vk.com/artpodslushano> (accessed 02.02.2025). (In Russ.).
- Artwork — *Artwork Gallery*. Available at: <https://vk.com/artwork.gallery> (accessed 07.20.2025). (In Russ.).
- Cross — *Mural*. Available at: <https://crossarea.ru/street-art/mural/> (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
- Furries — *Furry*. Available at: <https://vk.com/furries> (accessed 02/20/2025). (In Russ.).
- Graff — *Graffiti flea market*. Available at: <https://vk.com/graffitimarke> (accessed 20.01.2025). (In Russ.).
- Kunst — *Kunst. Dictionary of street art and graffiti*. Available at: <https://kustdnipro.com/ru/street-art-dictionary> (accessed 06.03.2025). (In Russ.).
- MF — *m-fur.ru — the website of the furry community of Russia*. Available at: <https://dzen.ru/mfur> (accessed 10.12.2024). (In Russ.).
- Order — *Order of the Pencil*. Available at: https://vk.com/order_of_the_pencil (accessed 02.01.2025). (In Russ.).
- Pin — *Pinterest — the worldwide catalog of ideas*. Available at: <https://ru.pinterest.com/> (accessed 10.12.2024). (In Russ.).

References

- Andreev, V. K., Dmitrieva, S. O., Nikitina, T. G. (2023). Dynamics of the lexicon of youth subcultures (based on Internet forums). *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 22 (2): 36—48. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.3. (In Russ.).
- Dmitrieva, S. O. (2022). Dynamics of the youth lexicon (based on the punk subculture). *Scientific Notes of the Novgorod State University*, 5 (44): 542—545. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).542-545. (In Russ.).
- Dmitrieva, S. O. (2023). New slang words and meanings in lexicographic representation. *Bulletin of Philological Sciences*, 3 (4): 164—168. (In Russ.).
- Konovalova, V. A., Kachemtseva, A. A. (2023). Experience of urban environment transformation under the influence of art subcultures. In: *Landscape architecture and the formation of a comfortable urban environment*. Nizhny Novgorod: NGASU. 251—256. (In Russ.).
- Konstantinova, M. A. (2021). Graffiti and street art: from artistic practice to social action. *Philosophy and Humanities in the Information Society*, 2 (32): 94—107. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V. (2024). Features of students' perception of urban graffiti with a pronounced educational potential. *Education and Science*, 26 (6): 68—94. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94. (In Russ.).
- Kudinova, V. E. (2019). Furry as an emerging subculture in Russian society. *Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*, 14: 114—117. (In Russ.).
- Kuzovenkova, Yu. A. (2019). Youth solidarity in graffiti tourism. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*, 1: 311—323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.5.15. (In Russ.).
- Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the current vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century*. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Leontieva, T. V., Shchetinina, A. V. (2022). New socio-political phraseology in the Russian language: development trends. *Russian Studies*, 20 (2): 186—202. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202. (In Russ.).

- Lukov, V. A. (2002). Features of youth subcultures in Russia. *Sociological research*, 10: 79—87. (In Russ.).
- Polomoshnov, L. A., Kolyshkina, M. S. (2023). Youth subculture: the problem of typology. *Culture and civilization*, 13 / 3A–4A: 41—49. DOI: 10.34670/AR.2023.41.97.005. (In Russ.).
- Prokopenko, N. M., Kamyshcheva, L. A. (2024). Teenage escapism: from nihilism and dreamers to hobbyhorsing and quadrobbers. *Russian Social and Humanitarian Journal*, 3: 9—10. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1521. (In Russ.).
- Tsibizova, O. V., Galankina, I. I. (2021). Anglicisms in youth slang of 2020—2021: the experience of description and analysis. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 12 (3): 684—698. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698. (In Russ.).
- Udovydchenko, M. (2022). Graffiti culture-zinov. Non-indexed graffiti magazines of St. Petersburg in the 2000s and 2010s. *An inviolable reserve*, 5 (145): 78—95. (In Russ.).
- Voronkova, A. A., Maltseva, S. M., Ulyankina, E. M. (2020). Functional features of youth slang of modern students. *Baltic Humanitarian Journal*, 9 / 2 (31): 237—240. DOI: 10.26140/bgzz3-2020-0902-0059. (In Russ.).

*The article was submitted 30.03.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 09.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Богоявленская Ю. В. Коллокации с адъективным колоративным компонентом *bleu* во французском языке (на материале лексикографических и корпусных данных) / Ю. В. Богоявленская, Д. А. Палийчук // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 29—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-29-50.

Bogoyavlenskaya, Yu. V., Paliychuk, D. A. (2025). Collocations with Adjective 'Bleu' in French: A Study Based on Lexicographic and Corpus Data. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 29-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-29-50. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Коллокации с адъективным колоративным компонентом *bleu* во французском языке (на материале лексикографических и корпусных данных)

Богоявленская Юлия Валерьевна ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4500-1491

доктор филологических наук, доцент,

¹ кафедра лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках;

² кафедра немецкого и
французского языков,

корреспондирующий автор

jvbog@yandex.ru

Палийчук Дарья Александровна ¹

orcid.org/0009-0003-6427-3112

аспирант, ассистент,

кафедра лингвистики и
профессиональной

коммуникации на иностранных языках
dasha.paliichuck@yandex.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

Collocations with Adjective 'Bleu' in French: A Study Based on Lexicographic and Corpus Data

Yulia V. Bogoyavlenskaya ^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4500-1491

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ Department of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages;

² Department of German
and French Languages,

corresponding author

jvbog@yandex.ru

Darya A. Paliychuk ¹

orcid.org/0009-0003-6427-3112

post-graduate student, assistant lecturer,

Department of Linguistics and Professional
Communication in Foreign Languages

dasha.paliichuck@yandex.ru

¹ Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

© Богоявленская Ю. В., Палийчук Д. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению сочетаемости прилагательного *bleu* в лексикографических источниках и в репрезентативном корпусе текстов на французском языке. Данные для анализа извлечены из девяти традиционных и электронных словарей французского языка и корпуса frTenTen 2023, размещенного на платформе Sketch Engine. Анализ показал, что количество и состав синтагматических партнеров прилагательного *bleu* в лексикографических источниках различны, их пометы не совпадают. Для ранжирования словарных коллокаций от наиболее представленных до редких использовался словарный индекс, отражающий долю словарей, в которые включены ключи слова '*bleu*'. Анализ автоматически извлеченных из корпуса коллокаций опроверг гипотезу о положительной корреляции между словарными и корпусными показателями. Около 70 % словарных сочетаний не входят в список наиболее частотных коллокаций мегакорпуса. Показано, что корпусные коллокации в большей степени отражают политические, экономические, технические и социокультурные реалии современного общества, а словарные — иллюстрируют употребление слова в специальных областях (медицинской, ботанической, зоологической, геологической). Установлено, что прилагательное *bleu* часто употребляется в переносных значениях, не зафиксированных в лексикографических источниках.

Ключевые слова:

коллокации; колоративные коллокации; корпусная лингвистика; устойчивые сочетания; французский язык.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the collocational patterns of the adjective '*bleu*' as found in lexicographic sources and a representative corpus of French texts. The data for this analysis were extracted from nine traditional and electronic French dictionaries, as well as from the frTenTen 2023 corpus hosted on the Sketch Engine platform. The findings reveal significant discrepancies in the quantity and nature of the syntagmatic partners of '*bleu*' between lexicographic sources, with their annotations not aligning. A lexical index was employed to rank dictionary collocations from the most frequently represented to the rarest, reflecting the proportion of dictionaries that include the keyword '*bleu*'. The analysis of automatically extracted collocations from the corpus refuted the hypothesis of a positive correlation between dictionary and corpus indicators. Approximately 70% of dictionary combinations do not appear in the list of the most frequent collocations within the mega-corpus. It is demonstrated that corpus-based collocations more accurately reflect the political, economic, technical, and sociocultural realities of contemporary society, whereas dictionary entries illustrate usage in specialized fields (medical, botanical, zoological, geological). Furthermore, it has been established that the adjective '*bleu*' is frequently used in figurative meanings not documented in lexicographic sources.

Key words:

collocations; colorative collocations; corpus linguistics; fixed expressions; French language.

УДК 811.133.1'367.623

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-29-50

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Коллокации с адъективным колоративным компонентом *bleu* во французском языке (на материале лексикографических и корпусных данных)

© Богоявленская Ю. В., Палийчук Д. А.

1. Введение = Introduction

В корпусной лингвистике под *коллокациями* понимаются словосочетания, компоненты которых имеют тенденцию к совместной встречаемости. В число коллокаций, таким образом, попадают как фразеологизмы, так и иные единицы: устойчивые словосочетания (*красный перец*), составные наименования (*Белая башня*), неоднословные единицы (*с удовольствием*), речевые штампы и другие. Результаты автоматического извлечения коллокаций в корпусах обычно предоставляются с числовыми коэффициентами, показывающими статистическую устойчивость выявленных единиц. В настоящее время компьютерными лингвистами проводится активная работа, направленная на разработку надежных методов извлечения подобных данных и оценки работоспособности алгоритмов (см., например [Archer, 2010; Захаров, 2010; Хохлова, 2021; Хохлова, 2024]).

Проблема лексикографического описания коллокаций неоднократно ставилась в научной литературе [Аликова и др., 2018; Кульпина 2012; Laurens, 1999; Mel'čuk, 2003]. Обсуждались, в частности, непоследовательный характер отбора, представления значений и сочетаемости лексических единиц в традиционных словарях.

В настоящей статье мы обращаемся к изучению коллокаций с адъективным колоративным компонентом *bleu* во французском языке. Актуальность исследования обусловлена, прежде всего, значимостью наименований цвета в контексте изучения взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Исследователи отмечают, что цвет по-разному воспринимается в национальных культурах и имеет сложные, разнообразные толкования [Влавацкая и др., 2020; Архипова, 2022; Лю Фанбин, 2020]. Значимость цвета «определяется ассоциациями, которые он вызывает в результате накопленного носителями того или иного языкового опыта, отражающего

жизнедеятельность социума и воплощенного в номинации значимых событий и явлений» [Цвенгер, 2020, с. 174]. Как справедливо подчеркивает А. Моллар-Десфур, «лингвистический подход к изучению цвета не только составляет проблему, касающуюся языка, но и требует обращения ко всему культурному наследию. Перевести цвет с одного языка на другой также означает иначе мыслить о цвете в разных языках и культурах, во времени и пространстве» (здесь и далее перевод наш. — Ю. Б., Д. П.) [Mollard-Desfour, 2008, p. 30]. Имена цвета представляют собой «элементы культурного кода», «чрезвычайно емкие, удобно устроенные способы хранения и передачи информации» [Новиков, 2012, с. 7—8].

Несмотря на очевидную теоретическую и практическую ценность, существует лишь небольшое количество работ, посвященных изучению сочетаемости колоративов. Л. В. Цвенгер, понимая под колоративной коллокацией сочетание слов «прилагательное ‘цвет’ + существительное», образованное в основном по адъективному типу, обращается к анализу коллокаций с компонентом *зеленый*, а также выявляет общие и специфические особенности коллокаций с компонентами *белый* и *white* в русском и английском языке [Цвенгер, 2018; Цвенгер, 2019; Цвенгер 2020]. Семантика и сочетаемость колоративов *улан* и *красный* в калмыцком и русском языках описаны в работе [Ургадулова и др., 2024]. К. Биро обращается к изучению семантики словосочетаний с адъективным компонентом *green* в дискурсе окружающей среды Великобритании, сопоставляя зеленый с другими востребованными в данном типе дискурса цветами *red*, *grey*, *black* и особенно *blue*, который, по мнению автора, в настоящее время представляет собой наиболее успешного конкурента *green* [Biros, 2014]. К. М. Ромеро и М. Демаркян посвящают свою работу изучению субстантивных и адъективных компонентов, сочетающихся с *bleu* во французском, испанском и турецком языках [Romero et al., 2010]. Авторам, опирающимся на материал 7 лексикографических источников, в частности, удается выделить 24 значения данного прилагательного. Проведенное нами исследование 9 словарей позволило выделить около 40 значений, однако вопрос их инвентаризации остается за рамками настоящей статьи, поскольку заслуживает отдельного обсуждения.

Выбор лексемы *bleu* связан с несколькими причинами, прежде всего с его значимостью во французской культуре. К. М. Ромеро и М. Демаркян приходят к выводу, что синий является «королем цветов», и не только в буквальном смысле, так как это цвет королевской власти, но и так как, по мнению авторов, синий — самый любимый цвет в мире [Romero et al., 2010]. Известный историк и специалист по символике цвета М. Пастуро отмечает, что отношение к синему цвету в европейских культурах претерпело существенные изменения: «Для античных народов синий ничего не

значил; римлянам он был неприятен и оскорбителен, так как был цветом варваров. Но сейчас синий самый любимый цвет европейцев, гораздо более предпочитаемый, чем зеленый или красный» [Pastoureau, 2006, p. 10]. Синий ассоциируется французами с небом, морем, спокойствием, любовью, мужественностью и миром. Последнее отражается в том числе в национальной и международной символике (один из цветов французского флага, символика ООН, Евросоюза и др.) [Romero et al., 2010]. Вторая причина интереса к колоративу *bleu* связана с широким спектром его сочетаемости с существительными и частотным употреблением в переносных значениях.

Целью исследования, таким образом, стало выявление того, как представлена сочетаемость французского прилагательного *bleu* в лексикографических источниках и многомиллиардном корпусе текстов. На наш взгляд, обращение к этим ресурсам является оправданным, поскольку словари и корпуса не всегда предоставляют одни и те же данные. Поставленная цель предполагает решение двух задач: 1) проанализировать представленность существительных, сочетающихся с прилагательным *bleu*, во французских словарях и электронных базах данных; 2) проанализировать ключевые слова коллоката *bleu* в корпусе frTenTen 2023 и определить, какие коллокации подтверждаются в реальной речевой практике и какие — не отражены в словарях.

Новизна исследования видится в выявлении наиболее частотных синтагматических партнеров прилагательного *bleu* на материале словарей и корпуса, в анализе их семантических ограничений. Практическая ценность заключается в разработке подхода к анализу сочетаемости лексических единиц на примере колоративного прилагательного, в возможности применения полученных результатов в лексикографической практике, в разработке учебных пособий по французскому языку и преподавании ряда теоретических и практических лингвистических дисциплин.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для получения наиболее полной информации о сочетаемости прилагательного *bleu* мы обратились к нескольким типам источников: 1) традиционные печатные словари; 2) электронные словари; 3) электронные лексикографические ресурсы, основанные на корпусном материале; 4) корпус frTenTen 2023.

В первую группу вошли один из ведущих толковых словарей французского языка Le Petit Robert [PR] (2014), объем которого составляет более 60 000 слов, и энциклопедический словарь Auzou [AU] (2006), включающий более 55 000 словарных статей и более 100 000 дефиниций.

Французская лексикографическая традиция имеет богатую историю и считается одной из самых продуктивных в мире, поскольку язык и литература занимают особое место во французской культуре, социальной и политической жизни [Бисерова, 2021, с. 44]. Однако, несмотря на большое количество словарей различных типов, удалось обнаружить только два словаря сочетаемости: *Le grand Druide des cooccurrences* [GD] (2012) и *Le dictionnaire de combinaisons de mots* (2007). Данные ресурсы оказались малоинформативными для нашего исследования: в первом словаре приведено всего 4 коллокации, а во втором лексема *bleu* отсутствовала, так как словарь содержит только заголовочные слова — существительные, обозначающие состояния, процессы, предметы и людей. Это послужило причиной его исключения из списка источников.

Вторая группа источников включает в себя четыре электронных словаря: *Dico en ligne Le Robert* [RL], *Larousse en ligne* [LL], *Dictionnaire de l'Académie française* [AF] и *Antidote Mobile* [AD]. Онлайн-словарь *Dico en ligne Le Robert* является представителем издательства Le Robert и имеет ряд отличий от печатного издания. Так, в [RL] содержится 145 000 постоянно обновляющихся дефиниций слов, словарь располагает функцией просмотра примеров в текстах и отображения сочетаний конкретного слова, которых всего насчитывается 85 000. Онлайн-словарь *Larousse en ligne* предлагает пользователям 90 000 словарных статей со 135 000 дефинициями. Объем третьего словаря *Dictionnaire de l'Académie française* [AF] составляет более 250 000 слов. Последний словарь данной группы *Antidote Mobile* [AD] является продуктом компании *Druide*, включает в себя 169 000 слов и выражений, а также предлагает 1 000 000 сочетаний слов с примерами употребления.

Следующий тип источников представлен двумя электронными лексикографическими ресурсами. *Dictionnaire du Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales* [DC] является онлайн-порталом, цель которого — объединить множество проектов, источников и словарей для изучения французского языка. На данной платформе размещен словарь *Le Trésor de la Langue Française informatisé*, который содержит более 100 000 слов и 270 000 дефиниций. Второй ресурс *La langue française* [LF] также представляет собой портал, созданный на основе словарей и сайтов, которые находятся в открытом доступе в сети Интернет. Словарные статьи LF содержат информацию из таких источников, как словарь *Litttré*, лексикометрический ресурс *Galicagram*, статьи *Wiktionnaire* и др.

Всего из лексикографических источников было извлечено 109 словарных коллокаций. Их количество по словарям показано в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Количество коллокаций, извлеченных из словарей

RL	PR	AU	LL	LF	AF	DC	AD	GD
25	22	7	11	34	41	64	41	4

Четвертый источник — корпус frTenTen 2023, размещенный на сетевой платформе для автоматического извлечения коллокаций Sketch Engine. Его объем составляет 23,8 миллиарда слов. Преимуществом платформы является синтез статистических критериев и методов, основывающихся на собственно лингвистических моделях [Захаров и др., 2020, с. 141]. Поиск коллокаций осуществляется на специальной вкладке, где пользователь может получить списки коллокатов (скетчи), построенные по определенным лексико-синтаксическим шаблонам. Их ранжирование производится при помощи статистической метрики logDice, которая рассчитывается с учетом частотности ключевого слова и его коллоката [Богоявленская и др., 2022, с. 74]. По каждому шаблону платформа предоставляет выборку из 100 единиц.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Перейдем к обсуждению эмпирического материала. Этапы работы следующие: 1) описание и анализ словарных коллокаций; 2) анализ корпусных коллокаций, извлеченных на платформе Sketch Engine, и сопоставительный анализ лексикографических и корпусных данных.

3.1. Сочетаемость прилагательного *bleu* по данным лексикографических источников

При извлечении данных из словарей мы ориентировались на структурные выделения, обозначающие представление о сочетаемости слова (ромбы, тильды и иные символы), а также примеры, приводимые в самой словарной статье или в отдельных рубриках Exemples, Expressions и Locutions, которые часто встречаются в электронных источниках.

Количество синтагматических партнеров *bleu* в словарных источниках существенно разнится. Наибольшее количество существительных, определяемых прилагательным *bleu*, содержится в Le dictionnaire de CNRTL (64), наименьшее — в Le grand Druide des cooccurrences (4). После извлечения ключи с пометами были внесены в таблицу (табл. 2), их наличие в словарном источнике было зафиксировано в соответствующей колонке. Далее приводится словарный индекс (ID), под которым понимаем долю словарей, в которые включен коллокат *bleu*. В крайней правой колонке раз-

мещен ранг коллокации по ID (1-7). Применение данного показателя позволило ранжировать коллокации от наиболее представленных до редких. Единицы, имеющие минимальный индекс 11,1, выведены списком после таблицы (табл. 2), поскольку такая форма позволяет более экономно представить полученные результаты. Высокое значение индекса, как предполагаем, должно говорить о распространенности и узнаваемости словосочетания. Серым цветом выделены ключевые слова, которые не получили подтверждения в корпусной выборке (их обсуждение см. в параграфе 3.2.).

Таблица 2

Представленность коллокаций с компонентом *bleu*
во французских лексикографических источниках

Ключи	RL	PR	AU	LL	LF	AF	DC	AD	GD	ID	Ранг
maladie	+ <i>peau</i>	+	+ <i>méd, vieil</i>	+	+	+ <i>path</i>	+ <i>méd</i>	+		88,9	1
yeux	+	+	+	+	+	+	+	+		88,9	
enfant		+	+ <i>méd, vieil</i>	+	+	+ <i>path</i>	+ <i>méd, p.ext</i>	+		77,8	2
peur	+ <i>peau</i>	+	+ <i>loc</i>	+		+ <i>mé- ton</i>	+ <i>fam,- méton</i>	+		77,8	
sang	+ <i>loc mtp</i>	+ <i>fig</i>		+	+	+ <i>fig</i>	+ <i>fig</i>	+		77,8	
zone		+ <i>an- cien</i>	+ <i>urb</i>	+	+	+ <i>spéc</i>	+ <i>spéc, urb</i>	+		77,8	
bifteck	+	+			+	+ <i>p.ext cuis</i>	+ <i>spéc, gastr</i>	+ <i>cuis</i>		66,7	3
colère		+		+	+	+ <i>mé- ton</i>	+ <i>fam,- méton</i>	+		66,7	
ciel	+			+	+		+		+	55,6	4
casque		+			+	+ <i>spéc</i>	+ <i>méton, instit, intr</i>	+		55,6	
conte		+ <i>vieil</i>			+	+ <i>spéc</i>	+ <i>fig</i>	+		55,6	
cordon		+			+	+ <i>spéc</i>	+ <i>spéc fam</i>	+		55,6	

Продолжение табл. 2

Ключи	RL	PR	AU	LL	LF	AF	DC	AD	GD	ID	Ранг
fleur		+ <i>fig</i>			+	+	+ <i>fig</i>	+		55,6	4
menton		+ <i>p. ext, fig</i>			+	+ <i>spéc</i>	+	+		55,6	
baleine	+					+ <i>p.ext</i>	+ <i>zool</i>	+		44,4	5
carte	+				+		+ <i>fin, spéc</i>	+		44,4	
col					+	+ <i>spéc</i>	+ <i>fam, - mar méton</i>	+		44,4	
œdème	+ <i>peau</i>	+			+		+ <i>méd</i>			44,4	
robe	+					+	+	+		44,4	
ruban					+	+ <i>spéc</i>	+ <i>spéc, - mar</i>	+		44,4	
bibliothèque					+	+ <i>spéc</i>	+			33,3	6
houille		+ <i>fig</i>					+	+		33,3	
lèvre			+	+		+ <i>spéc</i>				33,3	
mer				+		+	+			33,3	
nuit		+						+	+	33,3	
race				+	+		+ <i>zool</i>			33,3	
anémone					+		+ <i>bot</i>			22,2	7
billet					+		+			22,2	
ceinture					+			+		22,2	
chardon					+		+ <i>bot</i>			22,2	
couleur	+					+				22,2	
coup					+		+ <i>fig</i>			22,2	
dentelle					+		+ <i>spéc</i>			22,2	
diable					+		+ <i>arm, - méton</i>			22,2	
diamant	+						+			22,2	
encre						+	+			22,2	

Окончание табл. 2

Ключи	RL	PR	AU	LL	LF	AF	DC	AD	GD	ID	Ранг
époque					+		+ <i>spéc, peint</i>			22,2	7
fille					+		+ <i>méton, hist.rél</i>			22,2	
heure		+ <i>loc</i>						+		22,2	
ligne						+ <i>p.ext</i>		+		22,2	
métal		+ <i>loc</i>						+		22,2	
mouche							+ <i>zool</i>	+		22,2	
officier					+		+ <i>mar,- méton</i>			22,2	
ombre						+ <i>p.ext</i>	+			22,2	
or		+ <i>fig</i>						+		22,2	
papier						+ <i>spéc</i>	+			22,2	
parti					+		+ <i>méton</i>			22,2	
période					+		+ <i>spéc, peint</i>			22,2	
pierre					+		+ <i>géol</i>			22,2	
planète		+ <i>fig</i>						+		22,2	
renard						+ <i>p.ext</i>	+ <i>zool</i>			22,2	
requin		+					+ <i>zool</i>			22,2	
tablier					+		+			22,2	
vin					+		+ <i>spéc, gastr</i>			22,2	

Ключевые слова с ID 11,1 (ранг 8): *air, algue, amiante, barbe, calcaire, cerne, chèvrefeuille, chien, circonscription, drapeau, eau, étoffe, étoile, faïence, fleuve, flot, foin, fond, fromage, glace, hippotrague, homme, horizon, iris, lac, livre, lumière, main, merle, mésange, montagne, nature, navicule, oiseau, pavillon, pays, perdrix, perruche, persan, plafond, pochon, poisson, poudre, rayonnement, rêve, rorqual, sapin, sentiments, songe, veste, vêtement, viande, visage, vitriol, voiture.*

Как наглядно показывает таблица, информация о сочетаемости представлена в лексикографических источниках различно как с точки зрения объема, так и с точки зрения помет, сопровождающих толкование слова (табл. 2). Ни одно словосочетание не было приведено одновременно во всех источниках, поэтому на практике максимальный показатель составляет 88,9 (*maladie bleue* и *yeux bleus*) из 100.

Следует отметить, что в словарях не всегда разделяются свободные и устойчивые словосочетания, пометы часто не совпадают. Например, прилагательное *bleu*, употребляемое с существительным *bifteck* (6 словарей) или *viande* (1 словарь) в значении ‘недожаренный стейк / недожаренное мясо’, приведено в 8 словарях из 9, но представлено в них различно: 1) в словарях Le Robert [PR; RL] оно иллюстрирует значение 1 без помет: «о цвете между индиго и зеленым, о цвете чистого неба, моря, в котором отражается небо, и т. д.»; 2) Larousse [LL] выделяет это значение как самостоятельное; 3) Dictionnaire de l'Académie française [AF] и Auzou [AU] ставят помету CUIS., однако Auzou в качестве примера приводит сочетание *viande bleue*; 4) Dictionnaire de CNRTL [DC] дает помету GASTR.; 5) в La langue française [LF] можно обнаружить *bifteck bleu* только в разделе устойчивых словосочетаний.

Наибольшее число помет дают авторы Dictionnaire de CNRTL [DC] и Dictionnaire de l'Académie française [AF], при этом последний словарь предоставляет более общую информацию, а первый — более подробную. В частности, характеризуя выражение *peur bleue*, AF использует помету *par métonymie*, тогда как DC дополняет ее стилистической окраской сочетания — *par métonymie, familier*. Коллокации *cordon bleu* и *ruban bleu* получают в DA помету *spécialement*, а DC снабжает ее также стилистической пометой *familier* для первого сочетания и дает функционально-стилевую оценку *marine* для второго. Сочетаемость *baleine bleue* и *renard bleu* рассматривается в AF как результат расширения значения слова (*par extension*), а в DC конкретизируется область употребления (*zoologie*).

Единодушие словарей наблюдается лишь в тех редких случаях, когда словарные пометы вовсе отсутствуют, например в *yeux bleus* (88,9), *ciel bleu* (55,6), *robe bleue* (44,4), *mer bleue* (33,3), *nuit bleue* (33,3), *billet bleu* (22,2), *ceinture bleue* (22,2), *couleur bleue* (22,2), хотя некоторые словосочетания, по интуитивному ощущению, явно заслуживают комментариев. В частности, употребление *parti bleu* явно ограничено сферой политики. Словарную коллокацию *robe bleue* можно рассматривать как свободное сочетание (*синее платье*) и как связанное в значении ‘рабочая одежда’ и т. д. Следовательно, можно констатировать, что не все коллокации получают полноценное описание в словарях и требуются наблюдения за речевой

практикой для выявления спектра сочетаемости, а также ее функционально-стилевых, стилистических, семантических, хронологических и прочих ограничений.

3.2. Субстантивные ключи колоратива *bleu*: сопоставительный анализ корпусных и лексикографических данных

На следующем этапе обратимся к анализу данных, автоматически извлеченных из корпуса frTenTen 2023. В корпус включены тексты из франкоязычного сегмента сети Интернет: новостных порталов, сайтов официальных организаций, форумов и других открытых источников (leparisien.fr, marieclaire.fr, fr.wikipedia.org, francebleu.fr, senat.fr, hachette.fr, monde-diplomatique.fr, forum.magicmaman.com и др.). Наше исследование нацелено на проверку гипотезы: высокий индекс словарных коллокаций с адъективным компонентом *bleu* соответствует высоким показателям корпусных коллокаций. Другими словами, мы хотим проверить, существует ли положительная корреляция между словарями и многомиллиардным репрезентативным корпусом.

Платформа Sketch Engine предлагает скетчи по 8 моделям. Для исследования мы пользуемся скетчем, сгенерированным по модели Nom + Adj ‘bleu’. По запросу на извлечение ключевых слов был получен список из 100 единиц. В скетчах все формы приведены к леммам, графические особенности игнорируются. В частности, высокочастотный ключ *yeux* сведен к лемме, представленной в виде двух графических вариантов: *oeil* (ранг 2) и *œil* (ранг 55). Подавляющее большинство примеров покрывают словосочетание *yeux bleus* во множественном числе — эти случаи отнесены анализатором к первому варианту *oeil*. В группу с *œil* сведены употребления в единственном числе, в которых это словосочетание имеет несколько значений, причем все они — переносные: турецкий амулет голубого цвета для защиты от сглаза и притягивания удачи, название камня, свет фонарика или прибора, взгляд человека с голубыми глазами.

Выявлено, что анализатор игнорирует положение *bleu* относительно второго компонента сочетания. Во французском языке прилагательные цвета могут находиться только в постпозиции к существительному. В выборку же попали как «правильные» компоненты, так и существительные, встречающиеся в контекстах после колоратива, но в этой позиции они выступают в роли прилагательных, детализирующих значение синего: *bleu marine*, *bleu turquoise*, *bleu azur*, *bleu cobalt*, *bleu indigo*, *bleu outremer*. Ошибочно в скетч включена конструкция *bleu clair*, в которой оба компонента являются прилагательными. Сочетание *anti-lumière bleu* является сложным прилагательным со значением ‘блокирующий синий цвет’ (очки, экран,

фильтр, стекло) и не соответствует заданной модели. Не соответствующие условиям ключи были удалены из выборки.

Особую группу составили слова, которые могут выступать как право-сторонними, так и левосторонними соседями *bleu*. В первом случае они удовлетворяют нашей модели (*ciel bleu, nuit bleue, canard bleu, roi bleu, jean bleu, mer bleue, océan bleu, pastel bleu, saphir bleu*.), во втором — не соответствуют ей, поскольку *bleu* в них относится к другой модели (Adj ‘bleu’ + Adj), представляющей конструктивно-сложное цветонаименование (*bleu ciel, bleu nuit, bleu canard, bleu roi, bleu jean, bleu mer, bleu océan, bleu pastel, bleu saphir*). Анализ контекстов показывает, что ситуация примерно равного взаимоопределения возникает у *bleu* со следующими компонентами: *ciel, jean, océan, saphir, lagon*, то есть колоратив может определять эти существительные и выступать в уточняющей функции в структуре сложного наименования цвета: *Pourchassez la vie marine magnifique et unique du grand océan bleu. Faites votre choix entre une nuance taupe, jaune miel, bleu océan, à broderie ou motif exotique*. В остальных случаях употребления распределяются неравномерно, преобладают сочетания, построенные по модели Nom + Adj ‘bleu’ либо Adj ‘bleu’ + Adj. Поскольку ни автоматически, ни вручную перенести контексты в другой скетч и перерассчитать меру score в сервисе невозможно, мы приняли компромиссное решение не исключать данные коллокации из общего списка, но выделили курсивом для учета их особого положения. В таблице они маркированы следующим образом: +/- означает примерно одинаковое распределение по моделям, ++/- показывает преобладание коллокаций, соответствующих модели Nom + Adj ‘bleu’ (табл. 3). После удаления ошибок итоговый список составили 82 единицы (81 лемма).

Полученные данные представлены в таблице, включающей 6 колонок: 1) ключевое слово; 2) значение score; 3) ранг коллокации, определяемый по статистической мере score; 4) количество случаев совместной встречаемости (Freq); 5) значение словарного индекса ID; 6) ранг по словарному индексу ID. Серым цветом выделены ключевые слова, которые отсутствуют в лексикографических источниках (табл. 3).

Систематизация данных в таблицах 2 и 3 и анализ стоящих за показателями статистических мер контекстов приводят к следующим выводам.

Наша гипотеза о положительной корреляции лексикографических и корпусных показателей не подтвердилась. Около 70 % словарных словосочетаний (75 из 109) не входят в список наиболее частотных коллокаций мегакорпуса *frTenTen* (выделены серым в табл. 2). В корпусной выборке отсутствуют, прежде всего, составные номинации, используемые в медицинской, ботанической, зоологической, геологической областях (*maladie*

Таблица 3

Представленность коллокаций с компонентом *bleu*
в корпусе frTenTen 2023 и лексикографических источниках

Ключи	Score	Ранг Score	Freq	ID	Ранг ID	Ключи	Score	Ранг Score	Freq	ID	Ранг ID
<i>ciel +/-</i>	10,62	1	86518	55,6	4	<i>reflet</i>	6,18	36	3615	-	-
<i>oeil</i>	10,26	2	82107	88,9	1	<i>fromage</i>	6,16	37	3706	11,1	8
<i>couleur</i>	9,2	3	62594	22,2	7	<i>ruban</i>	6,14	38	3548	44,4	5
<i>lumière</i>	8,91	4	31925	11,1	8	<i>costume</i>	6,13	39	3583	-	-
<i>carte</i>	8,68	5	38936	44,4	5	<i>bande</i>	6,12	40	4271	-	-
<i>fleur</i>	8,46	6	21912	55,6	4	<i>peinture</i>	6,03	41	3883	-	-
<i>fond</i>	7,94	7	17997	11,1	8	<i>or</i>	5,99	42	3371	22,2	7
<i>casque</i>	7,76	8	11166	55,6	4	<i>algue</i>	5,97	43	3065	11,1	8
<i>robe</i>	7,48	9	10771	44,4	5	<i>tissu</i>	5,93	44	3866	-	-
<i>cordon</i>	7,44	10	8484	55,6	4	<i>rose</i>	5,93	44	3259	-	-
<i>cheveu</i>	7,27	11	10322	-	-	<i>rayure</i>	5,92	45	2944	-	-
<i>planète</i>	7,22	12	7904	22,2	7	<i>pantalon</i>	5,9	46	2970	-	-
<i>pierre</i>	7,2	13	9662	22,2	7	<i>étoile</i>	5,89	47	3235	11,1	8
<i>peur</i>	7,18	14	7352	77,8	2	<i>tunique</i>	5,89	47	2830	-	-
<i>jean +/-</i>	6,99	15	6280	-	-	<i>hérisson</i>	5,88	48	2779	-	-
<i>oiseau</i>	6,93	16	6597	11,1	8	<i>économie</i>	5,87	49	4557	-	-
<i>ligne</i>	6,82	17	11454	22,2	7	<i>pilule</i>	5,86	50	2794	-	-
<i>écran</i>	6,82	17	7870	-	-	<i>papier</i>	5,85	51	3323	22,2	7
<i>coloris</i>	6,77	18	5664	-	-	<i>veste</i>	5,85	51	2867	11,1	8
<i>mer +/-</i>	6,77	18	5987	33,3	6	<i>lac</i>	5,83	52	2971	11,1	8
<i>maillot</i>	6,74	19	5316	-	-	<i>sang</i>	5,81	53	3111	77,8	2
<i>eau</i>	6,7	20	11409	11,1	8	<i>manteau</i>	5,76	54	2716	-	-
<i>ton</i>	6,7	20	5786	-	-	<i>œil</i>	5,62	55	2770	88,9	1
<i>encre</i>	6,64	21	4925	22,2	7	<i>carré</i>	5,56	56	2424	-	-
<i>regard</i>	6,63	22	6852	-	-	<i>verre</i>	5,53	57	2544	-	-
<i>baleine</i>	6,63	22	4703	44,4	5	<i>cerele</i>	5,52	58	2540	-	-
<i>océan +/-</i>	6,58	23	4976	-	-	<i>vague</i>	5,51	59	2501	-	-
<i>teinte</i>	6,57	24	5044	-	-	<i>peau</i>	5,51	59	2906	-	-
<i>chemise</i>	6,57	24	4704	-	-	<i>cadran</i>	5,47	60	2135	-	-
<i>bouton</i>	6,52	25	5040	-	-	<i>tarif</i>	5,45	61	2616	-	-
<i>saphir +/-</i>	6,51	26	4296	-	-	<i>sac</i>	5,42	62	2438	-	-
<i>col</i>	6,5	27	4584	44,4	5	<i>cuir</i>	5,42	62	2421	-	-
<i>lagon +/-</i>	6,49	28	4271	-	-	<i>coton</i>	5,42	62	2178	-	-
<i>piste</i>	6,44	29	5352	-	-	<i>heure</i>	5,4	63	3501	22,2	7
<i>zone</i>	6,39	30	7731	77,8	2	<i>mur</i>	5,39	64	2399	-	-
<i>fil</i>	6,35	31	4712	-	-	<i>volet</i>	5,39	64	2285	-	-

Окончание табл. 3

Ключи	Score	Ранг Score	Freq	ID	Ранг ID	Ключи	Score	Ранг Score	Freq	ID	Ранг ID
drapeau	6,3	32	4118	11,1	8	point	5,38	65	5352	-	-
velours	6,27	33	3740	-	-	boule	5,38	65	2135	-	-
mésange	6,27	33	3630	11,1	8	papillon	5,38	65	2021	-	-
flèche	6,22	34	3666	-	-	maison	5,36	66	3719	-	-
flamme	6,19	35	3616	-	-	fumée++/-	5,34	67	1988	-	-

bleue, œdème bleu, houille bleue, anémone bleue, mouche bleue, renard bleu, requin bleu), абстрактные понятия (*colère bleue, époque / période bleue, rêve bleu, sentiment bleu*), гастрономические реалии (*bifeck, viande, vin*), что свидетельствует о том, что их показатель score ниже 5,34. В корпусе обнаруживаются только 34 словарные коллокации, но не все они имеют высокий словарный индекс. В частности, низкий ID 11,1 у ключей *algue* (score 5,97), *drapeau* (6,3), *eau* (6,7), *étoile* (5,89), *fond* (7,94), *fromage* (6,16), *lac* (5,83), *lumière* (8,91), *mésange* (6,27), *oiseau* (6,93), *veste* (5,85). При этом словарные коллокации с высоким словарным индексом *sang* (77,8), *ruban* (44,4) оказываются во второй части корпусного списка. К коллокациям с высокими словарным (1-4) и корпусным (выше 45) рангами можно отнести только 5 единиц: *yeux bleus* (1 / 2), *peur bleue* (2 / 14), *zone bleue* (2 / 30), *casque bleu* (4 / 8), *cordon bleu* (4 / 10). Таким образом, в статистическом смысле словарные коллокации с компонентом *bleu* лишь в небольшой мере отражают речевую реальность. Одной из причин, на наш взгляд, является выбор материалов, к которым обращаются лексикографы, но эта информация не всегда доступна пользователю. Dictionnaire de CNRTL на своей главной странице сообщает, что для подбора иллюстративного материала использовались литературные источники XVI—XX веков, базы данных ATILF, BDLP, словарь литературы XIX—XX веков, TLFi и другие источники [DC]. Нам удалось связаться с редколлегиями некоторых словарей и выяснить, что Le Petit Robert заимствует примеры из литературной коллекции Gutenberg и корпуса протоколов Европарламента за 1996—2011 годы; в редакциях Larousse, Dictionnaire de l'Académie française сообщили, что опираются на примеры, придуманные составителями словаря. Таким образом, источники иллюстративного материала могут существенно разниться, охватывать разные временные периоды, типы и жанры текстов.

Отметим, что высокочастотные корпусные коллокации (*cheveu* (7,27), *chemise* (6,67), *tissu* (5,93) и др.), отсутствующие в лексикографических источниках, в основном характеризуют цвет одежды, волос, природных или созданных руками человека объектов или являются синонимами лексемы

цвет, что иллюстрируется в словарях близкими по значению единицами. Это свидетельствует о качественном подборе примеров для словарных статей.

Вместе с тем анализ контекстов показывает, что в лексикографических источниках не отражены некоторые значения, обнаруживающиеся при изучении поведения колоратива на материале корпуса. В частности, словарная коллокация *oiseau bleu*, имеющая помету *zool* в Dictionnaire de CNRTL (ID 11,1; score 6,93, 6579 вхождений), обнаруживается в корпусе преимущественно не в словарном значении: *Twitter rejoint donc les rangs des «résistants» même si son cas est plus complexe. Le petit oiseau bleu avait en effet signé un contrat à hauteur de 255 000 dollars pour laisser les autorités accéder aux données de Datamir* (Твиттер, таким образом, присоединяется к рядам «сопротивляющихся», хотя его случай более сложный. Синяя птичка подписала контракт на 255 000 долларов, чтобы дать властям доступ к данным из Datamir) (перевод наш. — Ю. Б., Д. П.). Как видим, здесь эта коллокация означает логотип Twitter, который уже прочно ассоциируется с этой социальной сетью.

Подробное изучение корпусной выборки убеждает, что *bleu* обладает высокой способностью к метонимическому и метафтонимическому переносу. Эта особенность отмечается лишь в 5 случаях в Dictionnaire de CNRTL (*peur bleue, colère bleue, casque bleue, col bleu, diable bleu*), другие же словари такие пометы практически не дают. Корпус демонстрирует довольно высокую статистическую устойчивость уже приводимой выше коллокации *oiseau bleu*, приведем в пример также *piste bleue* ‘горнолыжная трасса для начинающих’, *maillot bleu* ‘майка национальной сборной’, *regard / œil bleu* ‘взгляд человека с голубыми глазами’, *robe / costume bleu(e)* ‘рабочая одежда’, *économie bleue* ‘экономика, нацеленная на бережное использование ресурсов Мирового океана’, *pilule bleue* ‘лекарство для улучшения мужской потенции’. Оценить степень идиоматичности выявленных корпусных коллокаций на данный момент сложно, однако полагаем, что некоторые из них вполне смогут войти в состав французской идиоматики.

Корпусный анализ позволяет выделить еще не успевшие войти в словари сочетания, отражающие социальные, политические, экономические реалии современного общества (*cheveux bleus, économie bleue, tarif bleu*), сферы информационных технологий, компьютерных игр (*écran bleu, bouton bleu, flèche bleue, roi bleu*).

Полезную информацию предоставляет имеющийся в настройках платформы инструмент автоматического анализа «тип текста», связывающий коллокацию с областями человеческой жизнедеятельности и другими «темами» [SE] (см. рис. 1) и являющийся своеобразной корпусной функционально-стилевой пометой. В перечне фигурируют экономика, финансы,

бизнес, образование, IT, игры, красота и мода, здоровье, история, искусство, религия, наука, новости и др. Так, коллокация *carte bleue* отнесена к сфере экономики, финансов и бизнеса, *vague bleu* — новостям, *maillot bleu*, *tunique bleue* — спорту, *carré bleu*, *bouton bleu* — IT-сфере, *lumière bleu* — здоровью и науке.

Наблюдение за правосторонними ключевыми словами приводит к выводу, что их можно объединить в лексико-семантические группы: природные, физические явления (*ciel, eau, mer, océan, lac, vague, lagon, nuit, lumière, reflet, flamme, glacier*); кожный покров, органы и ткани человека (*peau, œil, menton, cheveu, sang*); животные и растения (*oiseau, mésange, baleine, hérisson, papillon, fleur, rose, algue, lavande*); металлы, камни (*acier, cobalt, or, saphir, pierre*); геометрические понятия (*ligne, rayure, bande, cercle, boule, carré, point*); одежда и ее элементы, аксессуары (*costume, robe, chemise, tunique, manteau, veste, jean, pantalon, maillot, col, cordon, ruban, casque, sac*); материалы (*tissu, velours, cuir, coton*) и другие. Констатация этого факта доказывает идею, развиваемую в трудах С. Гриса, Д. Дивьяка и М. Копотева, о том, что любая лексема имеет собственный уникальный профиль и сочетаемостные ограничения [Gries, 2010; Divijak et al, 2006], ведь «совершенно свободных лексем нет: существуют лишь в большей или мере связанные» [Копотев и др., 2016, с. 56]. Приведенные данные наглядно показывают возможность составления не только морфологического, конструкционного, но и семантического профиля лексемы.

4. Заключение = Conclusions

Лексикографические источники и корпуса, снабженные инструментами для автоматического извлечения коллокаций, по-разному отражают лексико-грамматическую сочетаемость слов, что убеждает в необходимости рассмотрения максимально большего количества источников. Для выявления синтагматических партнеров колоратива *bleu* мы обратились к девяти традиционным и электронным лексикографическим ресурсам. Извлеченные словарные коллокации (109) были ранжированы по показателю словарного индекса (ID). Поскольку словари призваны отражать текущую языковую ситуацию, было выдвинуто предположение о том, что высокое значение индекса говорит о распространенности и узнаваемости сочетания. Анализ корпусных данных опроверг гипотезу о положительной корреляции между словарными и корпусными показателями. Около 70% словарных сочетаний не входят в список наиболее частотных коллокаций многомиллиардного корпуса *fiTenTen*. В корпусной выборке отсутствуют, прежде всего, составные номинации, используемые в медицинской, ботанической, зоологической, геологической областях, некоторые абстрактные

понятия и др. При этом анализ позволил выделить значительное число сочетаний с прилагательным *bleu*, отражающих политические, экономические и социокультурные реалии современного общества, не зафиксированные словарями. Наблюдения за поведением колоратива *bleu* убеждают в его высокой способности к метонимизации и метафоризации, что довольно редко отмечается словарями.

Дальнейшее изучение поведения колоратива *bleu* в мегакорпусе позволит систематизировать его значения и описать те, которые отсутствуют в существующих словарях. Составление его конструктивного, морфологического и семантического профилей может быть востребовано в компьютерной лексикографии и других направлениях компьютерной лингвистики, лингвокультурологии, преподавании ряда теоретических и практических дисциплин в вузах.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. AD — *Antidote Mobile* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.antidote.info/fr/antidote-mobile> (accessed 16.01.2025).
2. AF — *Dictionnaire de l'Académie Française en ligne*. 9ème éd. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dictionnaire-academie.fr> (accessed 10.01.2025).
3. AU — *Dictionnaire encyclopédique Auzou* : noms communs, noms propres. — Paris : Philippe Auzou, 2006. — xv, 2176 p.
4. DC — *Dictionnaire du Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.cnrtl.fr/definition/> (accessed 16.01.2025).
5. GDC — *Le grand Druide des cooccurrences* : dictionnaire. — Montréal : Druide, 2012. — xvi, 1469 p.
6. *Le Trésor de la Langue Française informatisé* [Electronic resource]. — Access mode : <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 11.01.2025).
7. LF — *La langue française* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire> (accessed 16.01.2025).
8. LL — *Le dictionnaire Larousse en ligne* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed 15.01.2025).
9. PR — *Le Petit Robert* : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris : Le Robert, 2014. — 1321 p.
10. RL — *Dico en ligne Le Robert* [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionnaire.lerobert.com> (accessed 10.01.2025).
11. SE — *Sketch Engine*. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 10.01.2025).

Литература

1. Аликова С. В. Лексикографический аспект изучения коллокаций / С. В. Аликова, О. С. Шибкова // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2018. — № 3 — С. 109—112.
2. Архипова Е. И. Применение параллельного корпуса для перевода этнокультурных коллокаций / Е. И. Архипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 2. — С. 554—558. — DOI: 10.30853/phil20220046.
3. Бисерова Н. В. Современные тенденции лексикографии: опыт Франции и России : монография / Н. В. Бисерова. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. — 95 с.
4. Богоявленская Ю. В. Меры ассоциации для установления силы семантико-синтагматической связи элементов словосочетания / Ю. В. Богоявленская, Д. А. Палийчук // Гуманитарные исследования. История и филология. — 2022. — № 5. — С. 69—78. — DOI: 10.24412/2713-0231-2022-5-69-78.
5. Влавацкая М. В. Механизмы сочетаемости слов в образовании экспрессивных коллокаций / М. В. Влавацкая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — Т. 14. — № 3. — С. 34—44.
6. Захаров В. П. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке / В. П. Захаров, М. В. Хохлова // Диалог 2010 : материалы конф. по компьютерной лингвистике. — Москва : Изд-во РГГУ, 2010. — С. 135—143.
7. Копотев М. В. Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стекова. — Москва : Языки славянской культуры : Рукописные памятники древней Руси, 2016. — 168 с. — ISBN 978-5-94457-253-0.
8. Кульпина В. Г. Лексикографическая категоризация коллокаций в переводе / В. Г. Кульпина, В. А. Татарinov // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2012. — № 2. — С. 92—95.
9. Фанбин Лю. Сопоставительное исследование лингвокультурных коннотаций имён основных цветов спектра в русском и китайском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Лю Фанбин. — Екатеринбург, 2020. — 24 с.
10. Новиков Ф. П. Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения : в русском, английском и французском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Ф. П. Новиков. — Москва, 2012. — 23 с.
11. Ургадулова А. И. Представления о красном цвете в калмыцкой и русской лингвокультурах : семантика и сочетаемость колоратива улан / красный / А. И. Ургадулова, Э. У. Омакаева // Nomadic Civilization: Historical Research. — 2024. — Т. 4. — № 1. — С. 72—85. — DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-1-72-85.
12. Хохлова М. В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов / М. В. Хохлова // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 21. — С. 33—68. — DOI: 10.17223/22274200/21/2.
13. Хохлова М. В. Высокочастотные глагольные словарные коллокации с существительными в национальном корпусе русского языка / М. В. Хохлова // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2024. — № 4. — С. 78—88. — DOI: 10.31912/pvrl-2024.4.5.
14. Цвенгер Л. В. Комбинаторно-семантические особенности колоративной коллокации с компонентом «зелёный» / Л. В. Цвенгер // Молодая филология-2018 (По мате-

риалам исследований молодых ученых) : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2018. — С. 81—90. — ISBN 978-5-00104-324-9.

15. Цвенгер Л. В. Колоративные коллокации с компонентами «белый» и «white» в сопоставительно-типологическом рассмотрении / Л. В. Цвенгер // Сопоставительные исследования : межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж : РИТМ, 2019. — С. 36—41. — ISBN 978-5-6042246-4-9.

16. Цвенгер Л. В. Колоративные коллокации и их функции в газетном заголовке / Л. В. Цвенгер // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 1 (435). — С. 173—180. — DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10122.

17. Archer V. MuLLinG : MultiLevel Linguistic Graphs for Knowledge Extraction / V. Archer // Workshop on Graph-based Methods for Natural Language Processing. — 2010. — Pp. 69—73.

18. Biros C. Les couleurs du discours environnemental / C. Biros // Mots. Les langages du politique. — 2014. — № 105. — Pp. 45—66.

19. Laurens M. La description des collocations et leur traitement dans les dictionnaires / M. Laurens // Romanesque. — 1999. — № 4. — Pp. 44—51.

20. Mel'čuk I. Collocations dans le dictionnaire / I. Mel'čuk // Les écarts culturels dans les dictionnaires bilingues. — 2003. — Pp. 19—64.

21. Mollard-Desfour A. Les mots de couleur : des passages entre langues et cultures / A. Mollard-Desfour // Synergie Italie. — 2008. — № 4. — Pp. 23—32.

22. Romero C. M. Collocation et traduction : la couleur bleue [Electronic source] / C. M. Romero, M. Dermirkan // HispanismeS. — 2018. — Hors-série 2. — Access mode : <http://journals.openedition.org/hispanismes/12084> (accessed 22.01.2025).

23. Pastoureau M. Bleu. Histoire d'une couleur / M. Pastoureau. — Paris : Seuil, 2006. — 216 p.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025,
одобрена после рецензирования 28.05.2025,
подготовлена к публикации 14.06.2025.

Material resources

AD — *Antidote Mobile*. Available at: <https://www.antidote.info/fr/antidote-mobile> (accessed 16.01.2025). (In French).

AF — *Dictionnaire de l'Académie Française en ligne. 9ème éd.* Available at: <https://www.dictionnaire-academie.fr> (accessed 10.01.2025). (In French).

AU — *Dictionnaire encyclopédique Auzou: noms communs, noms propres.* (2006). Paris: Philippe Auzou. xv, 2176 p. (In French).

DC — *Dictionnaire du Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales*. Available at: <https://www.cnrtl.fr/definition/> (accessed 16.01.2025). (In French).

GDC — *Le grand Druide des cooccurrences: dictionnaire.* (2012). Montréal: Druide. xvi, 1469 p. (In French).

Le Trésor de la Langue Française informatisé. Available at: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 11.01.2025). (In French).

LF — *La langue française*. Available at: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire> (accessed 16.01.2025). (In French).

LL — *Le dictionnaire Larousse en ligne*. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue> (accessed 15.01.2025). (In French).

- PR — *Le Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. (2014). Paris: Le Robert. 1321 p. (In French).
- RL — *Dico en ligne Le Robert*. Available at: <https://dictionnaire.lerobert.com> (accessed 10.01.2025). (In French).
- SE — *Sketch Engine*. Available at: <https://www.sketchengine.eu/> (accessed 10.01.2025).

References

- Alikova, S. V., Shibkova, O. S. (2018). Lexicographic aspect of the study of collocations. *Modern science: actual problems of theory and practice. The series "Humanities"*, 3: 109—112. (In Russ.).
- Archer, V. (2010). MuLLinG: MultiLevel Linguistic Graphs for Knowledge Extraction. *Workshop on Graph-based Methods for Natural Language Processing*. 69—73.
- Arkhipova, E. I. (2022). The use of a parallel corpus for the translation of ethnocultural collocations. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 15 (2): 554—558. DOI: 10.30853/phil20220046. (In Russ.).
- Biros, C. (2014). Les couleurs du discours environnemental. *Mots. Les langages du politique*, 105: 45—66. (In French).
- Biseroova, N. V. (2021). *Modern trends in lexicography: the experience of France and Russia: a monograph*. Perm: Perm State National Research University. 95 p. (In Russ.).
- Bogoyavlenskaya, Yu. V., Paliychuk, D. A. (202). Measures of association to establish the strength of the semantic-syntagmatic connection of the elements of a phrase. *Humanitarian studies. History and philology*, 5: 69—78. DOI: 10.24412/2713-0231-2022-5-69-78. (In Russ.).
- Fanbin Liu. (2020). *Comparative study of the linguistic and cultural connotations of the names of the main colors of the spectrum in Russian and Chinese*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).
- Khokhlova, M. V. (2021). Attributive collocations in the golden standard of compatibility of the Russian language and their representation in dictionaries and text corpora. *Lexicography issues*, 21: 33—68. DOI: 10.17223/22274200/21/2. (In Russ.).
- Khokhlova, M. V. (2024). High-frequency verbal dictionary collocations with nouns in the national corpus of the Russian language. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language*, 4: 78—88. DOI: 10.31912/pvrlri-2024.4.5. (In Russ.).
- Kopotev, M. V. (2016). *The exception as a rule: Transitional units in grammar and vocabulary*. Moscow: Languages of Slavic Culture: Handwritten monuments of ancient Russia. 168 p. ISBN 978-5-94457-253-0. (In Russ.).
- Kulpina, V. G. (2012). Lexicographic categorization of collocations in translation. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Theory of translation*, 2: 92—95. (In Russ.).
- Laurens, M. (1999). La description des collocations et leur traitement dans les dictionnaires. *Romanesque*, 4: 44—51. (In French).
- Mel'čuk, I. (2003). Collocations dans le dictionnaire. *Les écarts culturels dans les dictionnaires bilingues*. 19—64. (In French).
- Mollard-Desfour, A. (2008). Les mots de couleur: des passages entre langues et cultures. *Synergie Italie*, 4: 23—32. (In French).
- Novikov, F. P. (2012). *The dynamics of cultural codes and its reflection in the semantic field of color designation: in Russian, English and French*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Pastoureau, M. (2006). *Bleu. Histoire d'une couleur*. Paris: Seuil. 216 p. (In French).

- Romero, C. M., Dermirkan, M. (2018). Collocation et traduction: la couleur bleue. *HispanismeS*, 2: Available at: <http://journals.openedition.org/hispanismes/12084> (accessed 22.01.2025). (In French).
- Tsvenger, L. V. (2018). Combinatorial and semantic features of the colorative collocation with the component “green”. In: *Young Philology-2018 (Based on research materials by young scientists): interuniversity collection of scientific papers*. Novosibirsk: NSPU Publishing House. 81—90. ISBN 978-5-00104-324-9. (In Russ.).
- Tsvenger, L. V. (2019). Colorative collocations with the components “white” and “white” in comparative and typological consideration. In: *Comparative studies: interuniversity collection of scientific tr.* Voronezh: RHYTHM. 36—41. ISBN 978-5-6042246-4-9. (In Russ.).
- Tsvenger, L. V. (2020). Colorative collocations and their functions in a newspaper headline. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 1 (435): 173—180. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10122. (In Russ.).
- Urgadulova, A. I., Omakaeva, E. U. (2024). Representations of the red color in Kalmyk and Russian linguistic cultures: semantics and compatibility of the color ulan/krasny. *Nomadic Civilization: Historical Research*, 4 (1): 72—85. DOI: 10.53315/2782-3377-2024-4-1-72-85. (In Russ.).
- Vlavatskaya, M. V. (2016). Mechanisms of word compatibility in the formation of expressive collocations. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 14 (3): 34—44. (In Russ.).
- Zakharov, V. P., Khokhlova, M. V. (2010). Analysis of the effectiveness of statistical methods for detecting collocations in texts in Russian. In: *Dialog 2010: proceedings of the Conference on Computational Linguistics*. Moscow: RGGU Publishing House. 135—143. (In Russ.).

*The article was submitted 15.03.2025;
approved after reviewing 28.05.2025;
accepted for publication 14.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бурчанова А. А. Молдавская языковая система : исторический, социально-политический и лингвистический аспекты / А. А. Бурчанова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 51—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-51-67.

Burchanova, A. A. (2025). Moldovan Linguistic System: Historical, Socio-Political, and Linguistic Aspects. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 51-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-51-67. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Молдавская языковая система: исторический, социально-политический и лингвистический аспекты

Бурчанова Анастасия Александровна
orcid.org/0009-0009-1714-2367
инженер-исследователь
anastasia.burchanova@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01635,
https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01635

Moldovan Linguistic System: Historical, Socio-Political, and Linguistic Aspects

Anastasia A. Burchanova
orcid.org/0009-0009-1714-2367
research engineer
anastasia.burchanova@yandex.ru

Saint-Petersburg
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01635,
https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01635

© Бурчанова А. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая статья посвящена статусу молдавской языковой системы по отношению к румынскому языку. В исследовании проведён комплексный анализ молдавского идиoma в рамках исторического, социально-политического и лингвистического аспектов. В работе представлено развёрнутое описание истории становления и развития молдавского идиoma, систематизированы точки зрения советских, молдавских и румынских лингвистов относительно его статуса. Особое внимание уделяется проблематике деактуализации лингвонима *молдавский язык* в Республике Молдова, при этом подчёркивается его сохранение в статистических документах Российской Федерации. Эмпирическую базу исследования составляют материалы социолингвистического интервьюирования, проведённого в 2024 году в городах Республики Крым среди представителей молдавского сообщества. Новизна работы заключается в том, что впервые осуществлено комплексное исследование статуса молдавского идиoma с привлечением данных об оценке и идентификации родного языка, полученных в ходе опроса крымских молдаван. Делаются выводы о том, что молдавский идиом действительно имеет целый ряд специфических характеристик на фонетическом, лексико-семантическом и на грамматическом уровнях, а представители молдавского сообщества в Республике Крым остаются хранителями самобытных традиций своего родного языка.

Ключевые слова:

язык vs. диалект; социолингвистика; молдавский идиом; румынский язык; молдавское сообщество в Республике Крым; этническая идентичность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the status of the Moldovan linguistic system in relation to the Romanian language. A comprehensive analysis of the Moldovan idiom is conducted within the frameworks of historical, socio-political, and linguistic perspectives. The study provides an elaborate description of the history of the formation and development of the Moldovan idiom, systematically categorizing the viewpoints of Soviet, Moldovan, and Romanian linguists regarding its status. Special attention is given to the issue of the devaluation of the linguistic term '*Moldovan language*' in the Republic of Moldova, while highlighting its preservation in statistical documents of the Russian Federation. The empirical foundation of this research consists of materials from sociolinguistic interviews conducted in 2024 in various cities of the Republic of Crimea among representatives of the Moldovan community. The novelty of this work lies in its pioneering comprehensive investigation into the status of the Moldovan idiom, utilizing data on the evaluation and identification of the native language obtained through surveys of Crimean Moldovans. Conclusions are drawn that the Moldovan idiom indeed possesses a number of specific characteristics at the phonetic, lexico-semantic, and grammatical levels, and that representatives of the Moldovan community in the Republic of Crimea continue to be custodians of the distinctive traditions of their native language.

Key words:

Language vs. Dialect; Sociolinguistics; Moldovan Idiom; Romanian Language; Moldovan Community in the Republic of Crimea; Ethnic Identity.

УДК 811.135.1/2+81'272

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-51-67

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Молдавская языковая система: исторический, социально-политический и лингвистический аспекты

© Бурчанова А. А., 2025

1. Введение = Introduction

Проблема разграничения понятий «язык» и «диалект» уже долгое время считается одной из самых сложных в языкознании. Основная трудность в исследовании данного вопроса кроется в том, что подобная проблематика редко ограничивается только областью лингвистики и предполагает обращение к целому ряду других дисциплин. При попытке определить, является ли тот или иной идиом самостоятельным языком или диалектом, учёные прибегают, как правило, не только к собственно языковым, но и к экстралингвистическим факторам. Поскольку проблема соотношения понятий «язык» и «диалект» находится и в поле зрения социолингвистики, часто учитываются социальные, политические, этнические, исторические, территориальные и другие аспекты.

Среди социолингвистов существуют определённые разногласия по поводу того, как соотносятся друг с другом термины *язык* и *диалект*. Безусловно, главенствующей является идея о том, что диалект входит в состав национального языка, тем самым занимая зависимое или даже подчинённое по отношению к нему положение в иерархии [Десятова, 2006, с. 60; Коряков, 2017, с. 80]. Подобная мысль формирует предубеждение против диалекта и порождает необходимость ввести новую переменную в вышеупомянутом соотношении — понятие «народ». Дискуссионным является вопрос о том, всегда ли разные народы пользуются разными языками или же несколько народов могут использовать один и тот же язык. Здесь же стоит упомянуть и о проблеме выбора лингвонима для той языковой системы, которой пользуется определённый народ. Как утверждал Г. В. Степанов, ни один диалект не может быть «менее правильным» в сравнении с национальным языком. Более того, по мнению носителей, диалект нередко воспринимается как «совершенный и безукоризненный» [Типология ..., 1976, с. 14]. Иногда языковую систему, которой пользуется тот или иной

народ, могут квалифицировать как «диалект», заведомо подразумевая её подчинённость другому языку, или даже полностью отрицать её существование, заменяя один лингвоним на другой.

На данный момент одним из примеров такой проблемной ситуации может послужить статус молдавского идиома по отношению к румынскому языку. Положение молдавской языковой системы до сих пор остаётся дискуссионным. Существует целый ряд работ советских и молдавских лингвистов, которые использовали термин *молдавский язык*, а также подробно изучали историю происхождения языков балкано-романского ареала, однако эти работы были опубликованы в 50—70-х годах прошлого столетия. Современные представители румынского и молдавского языкознания имеют тенденцию отказываться от лингвонима *молдавский язык*. Этот термин исчезает и из политических и правовых документов, в том числе и из Конституции Республики Молдова. При этом сохраняются молдавские языковые сообщества, в частности на территории Республики Крым, представители которых утверждают, что являются носителями молдавского языка — не диалекта — и предпринимают попытки отделить свой родной язык от румынского языка.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящая статья посвящена статусу молдавского идиома относительно румынского языка. Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать и систематизировать факты становления и развития молдавской языковой системы через призму исторического, социально-политического и лингвистического аспектов. В рамках исторического аспекта рассматриваются существующие точки зрения относительно статуса молдавского идиома. Молдавская языковая система активно изучалась советскими, молдавскими и румынскими лингвистами XX века. В их числе В. Ф. Шишмарёв [Шишмарёв, 1952], М. В. Сергиевский [Сергиевский, 1959], Р. Г. Пиотровский [Типология ..., 1976, с. 64—67], Р. А. Будагов [Типология ..., 1976, с. 3—8], А. Граур [Graur, 1979], А. Филиппиде [Philippide, 1923], И. К. Вартичан, С. С. Чиботару, С. Г. Бережан [Типология ..., 1976, с. 52—64] и другие. Кроме того, статус молдавского идиома обсуждают современные молдавские и румынские исследователи (В. Н. Стати [Stati, 2003] и М. Блэнару [Blănuș, 2024]).

Социально-политический аспект исследования предполагает анализ трактовок и практики использования термина *молдавский язык*, обстоятельств отказа от него в правовых актах Республики Молдова. При этом представители молдавских сообществ, проживающие на территории Российской Федерации, отмечают, что их родным языком является молдав-

ский язык. В данных Федеральной службы государственной статистики в России этот лингвоним сохраняется и используется на равноправной основе наряду с термином *румынский язык*.

Лингвистический аспект исследования позволяет выявить особенности молдавской языковой системы, используемой крымскими молдаванами. Фиксируется специфика на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях, позволяющая отделить молдавский идиом от румынского языка.

В ходе исследования применяются метод культурно-исторической интерпретации (периодизация истории молдавской языковой системы и её взаимосвязь со становлением молдавской нации, выявление лексических единиц, указывающих на этнические особенности молдавского идиома), статистический анализ демографических показателей (обзор численности молдавского населения в Республике Крым с 1989 по 2020 годы, сведений о владении языками (молдавский и румынский), данных по владению языками среди различных возрастных групп и т. д.), сопоставительный анализ (сравнение лингвистических явлений в молдавской и румынской языковых системах), социолингвистическое интервьюирование (проведённый в 2024 году опрос представителей молдавского сообщества в Крыму, включающий сбор данных об отношении крымских молдаван к родному языку).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Исторический аспект становления молдавского идиома

С целью провести периодизацию истории молдавской языковой системы, обратимся к *историческому аспекту*. По утверждению В. Ф. Шишмарёва, статус молдавского идиома остаётся неопределённым с XVII века. В. Ф. Шишмарёв также оставляет открытыми вопросы о родине так называемого балкано-романского языка, о периоде и об условиях его становления [Шишмарёв, 1952, с. 80; с. 87—88]. Известно, что балкано-романский ареал характеризовался наличием в нём четырёх языковых единств, к которым относились дакорумынская, арумынская, мегленорумынская и истрорумынская языковые системы. Все эти системы берут начало от балканской латыни, которая, по разным подсчётам, ещё несколько веков после падения Западной Римской империи трансформировалась в новый романский язык (балканский). Предположительно в X веке (возможно, чуть позже) новый балкано-романский язык распался на указанные выше четыре ветви [Десятова, 2006, с. 66]. Отметим, что из дакорумынской языковой системы выделилось ещё несколько подсистем: мунтянская, молдавская, марамурешская, банатская и кришанская [Десятова, 2006, с. 51—52]. Примечательно, что молдавская языковая подсистема восходит к названию

исторической области Молдавия, где находилась часть Молдавского княжества в Средние века и где сейчас располагается часть современной Республики Молдова. Следовательно, Молдову можно отнести к дакорумынскому ареалу [Philippide, 1923, с. 792; Черняк, 2024, с. 161].

История Молдавского княжества подробно рассматривается в работах В. Ф. Шишмарёва и М. В. Сергиевского. В XIV веке было основано Молдавское княжество, и деятельность видных молдавских господарей оказала большое влияние на укрепление государственной организации и складывание национальных границ [Шишмарёв, 1952, с. 95]. М. В. Сергиевский упоминает фигуру Стефана Великого, при правлении которого Молдавия в течение XV века достигла максимальных территориальных пределов [Сергиевский, 1959, с. 22]. Если говорить о лингвистической ситуации, то в Молдавском княжестве складывается двуязычие. В Средние века важную роль играла церковь: литургия велась на славянском языке, на нём же распространяли литературу монастыри. По мнению В. Ф. Шишмарёва, население говорило на романском языке, а писало по-славянски. Свидетельством такого билингвизма является письмо боярина Драгомира Удриште (конец XV века) жителям Брашова, написанное на славянском языке, но с вкраплением романских лексем (например, *bunilor*). Использование романского языка в письменности становится более систематическим только в XVI веке, а официальные акты на романском языке в Молдавском княжестве датированы началом XVII века [Шишмарёв, 1952, с. 96; с. 98]. М. В. Сергиевский отмечает, что славянский язык в Молдавии, помимо того, что он являлся языком церкви, также был литературным и государственным языком (последним вплоть до конца XVI века) [Сергиевский, 1959, с. 37]. До XVI века Молдавия не имела своего национального языка, но, как и Валахия, пользовалась славянским языком [Сергиевский, 1959, с. 43]. А романский характер языков княжеств Молдавии и Валахии начал осознаваться в XVII веке, когда молдавские историки обратили внимание на то, что некоторые молдавские лексемы совпадают с латинскими лексемами (*omul* — *homo*, *ochiul* — *oculus* и другие) [Сергиевский, 1959, с. 29]. Национальный (литературный) язык румынского населения, как полагает В. Ф. Шишмарёв, был создан на основе нескольких видов письменности, в том числе и молдавской. Тогда и произошло возвышение румынского языка как литературного стандарта, а молдавский стал считаться диалектом, применяющимся в разговорной речи. После объединения княжеств Молдавии и Валахии (1859 год), а затем и создания единого Королевства Румыния (1881 год) молдавский идиом постепенно терял свою специфику, сохраняя ряд особенностей только в области лексики [Шишмарёв, 1952, с. 100—101]. При этом, как считает В. Ф. Шишмарёв, создание единого

языка (румынского) было лишь продиктовано желанием создать такую норму, которая «обслуживала бы максимально широкие круги читателей», а писатели-выходцы из княжества Молдавия имели полное право идентифицировать себя как молдаване [Шишмарёв, 1952, с. 104]. В целом, идея формирования молдавской нации и молдавского национального языка активно культивировалась в 1820-е годы в Бессарабии. В 1812 году Бессарабия отошла по Парижскому миру к Российской империи. В Кишинёве стали открываться школы, где преподавался молдавский язык, в 1822 году был издан молдавский букварь, и родным языком разрешалось пользоваться в официальных документах. Этой политике был положен конец при императоре Николае I, и впоследствии молдавский язык стал преподаваться факультативно, а хранителем языка оставался только народ [Шишмарёв, 1952, с. 101—102]. Мысль В. Ф. Шишмарёва о том, что базой национального румынского языка стал целый ряд говоров и диалектов, подтверждает Г. В. Степанов. По его мнению, главное отличие в формировании национальных языков (румынского и молдавского) заключается в том, что молдавский язык, абсолютно самостоятельный в социолингвистическом плане, развивался на базе одного диалекта, а румынский язык — на базе нескольких диалектов, в том числе и молдавского [Типология ..., 1976, с. 12—13]. Среди романистов есть мнение, что мунтянский и марамурешский говоры также стали диалектной основой румынского языка [Десятова, 2006, с. 55].

Если говорить о становлении молдавской лингвистической системы, то в советском языкознании 1950-х годов главенствовала идея о том, что основой литературного языка, которому ещё только предстоит развиваться, должен стать «живой» язык центральной Молдавии, обогащённый лексическими особенностями иных говоров республики и традициями молдавской литературы. Румынский язык, впрочем, тоже может играть положительную роль в развитии молдавского языка [Серебренников, 1952, с. 91].

Интересно мнение советских молдавских лингвистов (среди них И. К. Вартичан, С. С. Чиботару, С. Г. Бережан и А. М. Дырул), авторов статьи «Молдавский язык — самостоятельный язык молдавской социалистической нации». Они утверждают, что молдавский язык является самостоятельной языковой системой, подчёркивая тот факт, что он функционирует независимо и от других романских языков, и от румынского языка [Типология ..., 1976, с. 52]. Молдавский язык оформляется в XIX веке, поскольку именно тогда происходит стремительный рост его словарного состава, пополняемого посредством переводов с русского языка. Авторы отмечают, что тесные контакты Молдавии с Российской империей в XVIII и XIX веках поспособствовали активному притоку восточнославянских

лексем в лексический фонд молдавского языка [Типология ..., 1976, с. 55]. Иной вопрос заключается в том, что подобное обогащение восточнославянской лексикой привело к возникновению в Молдавии и Валахии в конце XVIII века реакционных течений, суть которых заключалась в требовании заменить все лексемы нелатинского происхождения (славянизмы) латинскими лексическими единицами [Типология ..., 1976, с. 56].

В начале XXI века (2003 год) В. Н. Стати, сторонник самобытности молдавского языка, создаёт молдавско-румынский словарь. В предисловии к словарю отмечается, что его цель — зафиксировать многовековую историю молдавского языка. В. Н. Стати убеждён в том, что кампания по дискриминации лингвонима *молдавский язык* направлена на «денационализацию» молдаван и носит исключительно политический характер. Отказаться от этого лингвонима означает «принять румынскую государственность» и «отречься от Молдавии» [Stati, 2003, с. 6]. В современном румынском языкознании существует точка зрения, что молдавский язык был создан в СССР искусственно в рамках преследования определённых геополитических целей [Blănaru, 2024, с. 75]. М. Блэнару утверждает, что с научной точки зрения не существует такого понятия, как *молдавский язык*, поскольку это «даже не диалект», это румынский язык [Blănaru, 2024, с. 76].

3.2. Социально-политический аспект становления молдавского идиома

Известно, что текущая версия Конституции Республики Молдова была принята в июле 1994 года. На тот момент в статье 13 («Государственный язык, функционирование других языков») было зафиксировано следующее положение: «(1) Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики». Оно оставалось неизменным до 2023 года, когда в соответствующую статью внесли поправку и заменили лингвоним *молдавский язык* на *румынский язык*, при этом сохранив пометку «функционирующий на основе латинской графики» [Конституция ...]. Но стоит отметить, что подобная формулировка появилась в Законе Молдавской ССР ещё 1 сентября 1989 года: «В соответствии с Конституцией (Основным Законом) Молдавской ССР государственным языком Молдавской ССР является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики» (Глава I об Общих положениях, статья 1) [Закон ...]. Соответственно, в 1989 году в Молдавской ССР было закреплено использование латиницы с румынской диакритикой. До этого момента в республике был распространён молдавский язык на основе кириллической графики и на нём же велось обучение. С этим же связан и тот факт, что сегодня наблюдаются различные тенденции в использовании языковой графики среди представителей молдавского сооб-

щества: люди старшего поколения, которые учились в Молдавской ССР до 1989 года, предпочитают использовать кириллицу, в то время как более молодые люди — латиницу.

Предпосылки к изменению лингвонима были: в 1996 году президент Республики Молдова Мирча Снегур предлагал заменить в Конституции термин *молдавский язык* на *румынский язык*, но партийный союз, имевший на тот момент парламентское большинство, отклонил данное предложение [История ...]. Страна вернулась к языковому вопросу в начале 2010-х годов: в 2013 году Конституционный суд Молдовы признал Декларацию о независимости от 1991 года частью Конституции, а также её верховенство над нею. В данной Декларации в качестве государственного языка упоминался румынский язык. Это предложение активно поддерживал действующий на тот момент глава страны Николай Тимофти, утверждавший, что молдаване — это «искусственный этнос». Подобная инициатива встретила ожесточённую критику со стороны представителей молдавской оппозиции и воплощена в жизнь не была. В 2016 году президентом Молдовы стал Игорь Додон, который выступал за самостоятельность государства и считал, что нельзя допустить распространения «румынизации», которая в числе прочего предполагает «навязывание» другого государственного языка (не молдавского, а румынского) [Там же]. Безусловно, подобная ситуация сближает языковой вопрос с вопросом политическим. Становится очевидным, что те государственные деятели и жители Молдовы, которые настаивают на независимости внешнего курса страны (или же на сближении Республики Молдова с Российской Федерацией), называют свой родной язык молдавским. С другой стороны, сторонники европейского пути Молдовы, её сближения с Европейским союзом или даже присоединения к Румынии предпочитают использовать лингвоним *румынский язык*.

Несмотря на то, что термин *молдавский язык* постепенно исчезает из правового поля Республики Молдова, он сохраняется в документах Российской Федерации, в частности, в данных Росстата, в которых лингвонимы *молдавский язык* и *румынский язык* равноправны.

Одним из центров проживания молдавского сообщества является Крымский полуостров. В 2014 году в Республике Крым была проведена перепись населения. Всего было учтено 2284,8 тыс. человек, из которых 3147 человек указали, что являются молдаванами. По итогам переписи населения 1989 и 2001 года в Республике Крым насчитывалось 6609 и 4562 представителя молдавского народа соответственно [Итоги ..., 2015, с. 108]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 году на территории полуострова проживало 1811 молдаван при общем количестве 2482,5 тыс. человек [Итоги ВПН-2020]. Следовательно,

с конца 1980-х годов фиксируется постепенное уменьшение численности молдавского населения в Крыму (табл. 1). Тем не менее молдавское сообщество остаётся одним из самых больших на полуострове наряду с русскими, украинцами, крымскими татарами, белорусами и др.

Таблица 1

Динамика численности молдавского населения в Республике Крым

	1989 год	2001 год	2014 год	2020 год
Молдаване (кол-во чел.)	6609	4562	3147	1811
Всё население (кол-во чел.)	2430,5 тыс.	2401,2 тыс.	2284,8 тыс.	2482,5 тыс.

В 2014 году были собраны сведения о владении языками, предполагающем умение говорить, читать, писать или только говорить на том или ином языке. 2121 человек указал, что владеет молдавским языком [Итоги ..., 2015, с. 143]. Исходя из того, что на данном этапе проблема статуса молдавского идиома по отношению к румынскому языку всё ещё является актуальной, необходимо ввести данные по количеству человек, указавших румынский язык в качестве того, которым они владеют. В 2014 году в Республике Крым 562 человека указали, что владеют румынским языком (табл. 2) [Итоги ..., 2015, с. 144]. При этом итоги Крымской переписи населения демонстрируют, что в 2014 году только 189 человек отметили, что являются румынами [Итоги ..., 2015, с. 123].

Есть определённая вероятность, что представители других национальностей в Крыму могли указать владение молдавским языком, однако то, насколько данная вероятность высока, на наш взгляд, является дискуссионным вопросом. Тем не менее статистика явно показывает, что существует доля крымских молдаван, которые могли указать владение румынским языком, а не молдавским, или, например, и румынским, и молдавским. Впрочем, поскольку вариант «молдавский язык» был выбран большинством из учитываемого нами населения, следовательно, можно сказать, что крымские молдаване склоняются к выбору соответствующего лингвонима.

Таблица 2

Количество человек в Республике Крым (2014 год),
указавших владение молдавским и румынским языками

Владение молдавским языком (кол-во чел.)	Владение румынским языком (кол-во чел.)
2121	562

Рассмотрим статистику по владению языками среди населения Республики Крым и города Севастополя в 2020 году. 1048 человек указали, что владеют молдавским языком, а 178 человек отметили владение румынским. 704 человека своим родным языком назвали молдавский, а румынский — 83 человека (табл. 3). Уточним, что в 2020 году 88 человек указали национальную принадлежность «румыны».

Таблица 3

Количество человек в Республике Крым (2020 год),
указавших владение молдавским и румынским языками
или отметивших данные языки в качестве родных

Язык	Владение языком (кол-во человек)	Родной язык (кол-во человек)
Молдавский	1048	704
Румынский	178	83

Исходя из приведённых выше статистических данных, можно наблюдать сохранение приверженности большинства учитываемого населения к использованию термина *молдавский язык*.

Кроме того, в 2020 году был рассчитан медианный возраст носителей молдавского языка на территории Крымского полуострова, который составил 59,3 года (табл. 4).

Таблица 4

Данные по владению молдавским языком
среди разных возрастных групп (2020 год)

Владение молдавским языком				
Возрастная группа (кол-во лет)	0—24	25—49	50—74	75—100
Население (кол-во человек)	49	254	652	93

В целом, вышеприведённая статистика находится в тесной корреляции с историей крымских молдаван. Как правило, молдаване в Крыму — это выходцы из Молдавской ССР, родители которых уезжали в Молдавию в 1950-е и 1960-е годы по работе (открытие новых предприятий и заводов), по семейным обстоятельствам (создание семьи) или по распределению после окончания высших учебных заведений. Соответственно, в таком случае ни родители, ни, впоследствии, их дети не являются этническими молдаванами. Однако дети родились в Молдавии, росли в этой республике и осваивали молдавский язык в естественной среде (в детском саду, школе, при получении среднего профессионального или высшего образования). В 1990-е годы, после прекращения существования СССР такие семьи не-

редко возвращались на родину (в частности, в Крым) и оказывались в среде доминирующего русскоязычного окружения. Следовательно, в 2020-е годы этим людям было около 55—60 лет, и они составляют большинство владеющих молдавским языком. Вторая по численности возрастная группа владеющих молдавским языком — это люди в возрасте от 25 до 49 лет. Среди них есть доля детей тех людей, которые вернулись на территорию Крыма в начале 1990-х годов. Некоторые из них были рождены ещё в Молдавии (конец 1980-х годов) и изучали молдавский язык только в детском саду или в начальной школе. В отличие от своих родителей они оказались в другой языковой среде в гораздо более юном возрасте и могли сохранить владение молдавским языком в том случае, если в семье продолжалось общение на нём. Некоторые из представителей сообщества являются этническими молдаванами, родившимися на территории Молдавии и имеющими ближайших родственников-молдаван. В Севастополе на данный момент проживают молдаване-офицеры, которые переселялись в связи с несением службы, а затем оставались жить на полуострове.

3.3. Лингвистический аспект становления молдавского идиома

Родной язык играет одну из ключевых ролей в объединении любого этнического сообщества. Крымские молдаване, несмотря на то, что многие из них уехали из Молдавии около тридцати или сорока лет назад, тем не менее поддерживают высокий уровень владения родным языком. Представители сообщества подчёркивают, что используют именно молдавский — не румынский — язык и отмечают целый ряд фонетических, грамматических и лексических отличий данного идиома от румынского языка, распространённого на территории Румынии.

На фонетическом уровне в речи информантов наблюдается явная тенденция к палатализации звуков перед буквой *e*. В высказывании *o poveste despre eroii moldoveni* звуки [v], [t], [d], [r] в позиции перед *e* смягчаются. Молдавская речь, в отличие от румынской речи, менее артикулирована, и некоторые звуки на границах смысловых отрезков могут пропускаться или же воспроизводиться носителями недостаточно чётко. Отмечается переход звука [tʃ] в звук [ʃtʃ], отсутствующий в нормативной румынской фонетике. Таким образом, в молдавской речи в вопросе *Ce mai faci?* букве *c* будет соответствовать звук [ʃtʃ]. Некоторые информанты смешивают постальвеолярную аффрикату [dʒ] с велярным звуком [g]: подобное произношение зафиксировано при употреблении лексемы *regiune*. В целом, фонетические изменения в молдавской речи в той или иной степени связаны с влиянием кириллической графики, которая долгое время использовалась в Молдове.

Расхождения на лексико-семантическом уровне связаны с использованием региональных лексем. Информанты утверждают, что в их родном

молдавском языке лексема *basm* используется для передачи значения ‘басня’, а лексема *poveste* имеет специфическое значение ‘сказка’. При этом в толковом словаре румынского языка приведены следующие значения соответствующих лексем: *basm* ‘сказка’, *poveste* ‘повествование, рассказ о реальных или фантастических событиях’ [Dicționarul ...]. Другим примером могут послужить молдавские словоформы для передачи значения ‘одеяло’: к ним относятся *plapumă*, *iorgan* (используется на севере Республики Молдова) и *ogheal* (очевидное славянское заимствование, поскольку оно восходит к старославянской основе *одеяло*). Заимствованием из славянских языков является также лексема *zăpadă* ‘снег’, и для передачи того же значения существует ещё целый ряд форм (*omăt*, *nea*, *ninsoare*). Наличие так называемых дублетов (лексических единиц, имеющих эквивалентное значение в словарном составе румынского и молдавского языков) было изучено в советском (молдавском) языкознании ещё в 1970-е годы. К таким дублетам традиционно относят следующие пары: молд. *păpușoi* и рум. *porumb* ‘кукуруза’; молд. *abricos* и рум. *caisă* ‘абрикос’; молд. *promoroacă* и рум. *chiciură* ‘паморок, пасмурная, сырая погода; моросящий дождь’ [Типология ..., 1976, с. 60].

Грамматические особенности молдавского идиома заключаются в специфическом употреблении глагола *a fi* ‘быть’. В 1993 году была проведена реформа румынской орфографии, и формы глагола *a fi sînt*, *sîntem* и *sînteți* были изменены на соответствующие им *sunt*, *suntem* и *sunteți*. Один из информантов отметил, что норме молдавского языка соответствует употребление форм 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа (*sînt*), 1-го лица множественного числа (*sîntem*) и 2-го лица множественного числа (*sînteți*). Эти формы фактически являются литературными, однако с точки зрения грамматики современного румынского языка они архаичны. Кроме того, помимо перехода звука [i], соответствующего букве *î*, в звук [u] (буква *u*), произошёл сдвиг ударной позиции в глагольных формах. Следовательно, в формах *sîntem* и *sînteți* ударным является второй слог, а в *suntem* и *sunteți* — первый. У одного из информантов в речи было отмечено использование ударного окончания *-em* в глагольных формах 1-го лица множественного числа. Например, речевой отрывок ‘мы говорим на молдавском языке’ прозвучал следующим образом: *vorbem limba moldovenească*. В традиционной румынской грамматике используется форма *vorbim* (глагол *a vorbi* ‘говорить’).

Молдавский идиом также служит средством коммуникации между представителями сообщества и является одним из инструментов формирования групповой идентичности. В определённой степени он выступает параметром известной оппозиции «свой — чужой». В не самых простых

реалиях сегодняшнего дня попытки координировать людей внутри того или иного сообщества часто сталкиваются с недоверием и даже отказом идти на контакт ввиду неизбежно растущей социальной тревожности и страха быть обманутым. Так, использование молдавской языковой системы в общении становится важным критерием принадлежности к сообществу («свои», не «чужие») и повышает уровень доверия между коммуникантами.

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование позволило нам выявить особенности молдавской языковой системы в рамках исторического, социально-политического и лингвистического аспектов. Рассмотрена история становления и развития молдавского идиома, проанализированы существующие точки зрения относительно его статуса. Отмечается, что в советском языкознании 1950—1970-х годов существовала концепция, характеризующая молдавский идиом как диалектный феномен при одновременном признании потенциала его становления в качестве самостоятельного литературного языка посредством интеграции традиций советско-молдавской литературной школы. Также высказывалось мнение о самостоятельном статусе молдавского языка, функционирующего автономно относительно других романских языков, включая румынский язык. В современном молдавском и румынском языкознании представлены полярные мнения. Существуют исследователи, отстаивающие идею самобытности молдавского языка и молдавской национальной идентичности, в то время как другие учёные отказывают молдавскому идиому даже в статусе диалекта, заявляя, что он является румынским языком. Лингвоним *молдавский язык* постепенно исчезает из нормативно-правовой базы Республики Молдова, однако данный термин продолжает использоваться в данных Росстата, касающихся родных языков населения Российской Федерации и владения языками и использования их в повседневной жизни. На примере молдавского сообщества, проживающего в Республике Крым, сделаны выводы об отношении крымских молдаван к родному языку и о специфических характеристиках молдавского идиома. Представители молдавского сообщества утверждают, что являются носителями молдавского языка, демонстрируя ряд фонетических, лексико-семантических и грамматических особенностей в речевой практике. Молдавская языковая система служит одним из важнейших средств формирования групповой идентичности. Таким образом, представители молдавского сообщества в Республике Крым остаются хранителями собственных языковых традиций, несмотря на то, что в международном языковом пространстве (главным образом, в Ре-

спублике Молдова) происходит постепенная деактуализация лингвонима *молдавский язык*.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Закон Молдавской Советской Социалистической Республики «О функционировании языков на территории Республики Молдова» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3281 (дата обращения 22.02.2025).
2. История вопроса о наименовании государственного языка в Молдавии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://tass.ru/info/17287309> (дата обращения 24.01.2025).
3. Итоги ВПН-2020. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. — Т. 5. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 05.02.2025).
4. Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=145723&lang=ru (дата обращения 21.02.2025).
5. DEX.RO — *Dicționarul explicativ al limbii române* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dex.ro/> (accessed 11.01.2025).

Литература

1. Десятова М. Ю. Проблема определения статуса балкано-романских языков / М. Ю. Десятова // Вестник ПСТГУ. Серия III : Филология. — 2006. — № 2. — С. 49—66.
2. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. — Москва : ИИЦ «Статистика России», 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-4269-0054-7.
3. Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода / Ю. Б. Коряков // Вопросы языкознания. — 2017. — № 6. — С. 79—101. — DOI: 10.31857/S0373658X0003839-1.
4. Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды / М. В. Сергиевский. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. — 211 с.
5. Серебренников Б. А. Задачи молдавского языкознания / Б. А. Серебренникова // Совместная научная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. — 1952. — С. 89—92.
6. Типология сходств и различий близкородственных языков / Р. А. Будагов, Г. В. Степанов. — Кишинёв : Штиинца, 1976. — 99 с.
7. Черняк А. Б. Балканороманские этюды / А. Б. Черняк. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2024. — 399 с.
8. Шишмарёв В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарёв // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 80—106.
9. Blănaru M. Who invented the so-called “Moldavian language”? The objectives and the perpetrators behind the invention and weaponization of the so-called “Moldavian” and “Vlach” languages / M. Blănaru // Romanian Review of Political Sciences & International Relations. — 2024. — Vol. XXI. — № 2. — Pp. 74—90.

10. Graur A. Limba literară / A. Graur. — București : Editura științifică și enciclopedică, 1979. — 67 p.
11. Philippide A. Originea românilor / A. Philippide. — Iași : Tipografia “Viața românească”, 1923. — 889 p.
12. Stati V. Dicționar moldovenesc explicativ / V. Stati. — Chișinău : Tipografia Centrală, 2003. — 340 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025,
одобрена после рецензирования 27.05.2025,
подготовлена к публикации 07.06.2025.

Material resources

- Constitution of the Republic of Moldova*. Available at: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=145723&lang=ru (accessed 21.02.2025). (In Russ.).
- DEX.RO — *Dicționarul explicativ al limbii române*. Available at: <https://www.dex.ro/> (accessed 11.01.2025). (In Roman.).
- The history of the naming of the state language in Moldova*. Available at: <https://tass.ru/info/17287309> (accessed 24.01.2025). (In Russ.).
- The Law of the Moldavian Soviet Socialist Republic “On the functioning of languages in the territory of the Republic of Moldova”*. Available at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3281 (accessed 22.02.2025). (In Russ.).
- The results of the VPN2020. National composition and language proficiency, 5*. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed 05.02.2025). (In Russ.).

References

- Blănaru, M. (2024). Who invented the so-called “Moldavian language”? The objectives and the perpetrators behind the invention and weaponization of the so-called “Moldavian” and “Vlach” languages. *Romanian Review of Political Sciences & International Relations*, XXI (2): 74—90.
- Chernyak, A. B. (2024). *Balkanoroman studies*. St. Petersburg: OR RAS. 399 p. (In Russ.).
- Desyatova, M. Y. (2006). The problem of determining the status of the Balkan-Romance languages. *Bulletin of the PSTU. Series III: Philology*, 2: 49—66. (In Russ.).
- Graur, A. (1979). *Limba literară*. București: Editura științifică și enciclopedică. 67 p.
- Koryakov, Yu. B. (2017). The problem of “language or dialect” and an attempt at a lexicostatistical approach. *Questions of Linguistics*, 6: 79—101. DOI: 10.31857/S0373658X0003839-1. (In Russ.).
- Philippide, A. (1923). *Originea românilor*. Iași: Tipografia “Viața românească”. 889 p.
- Results of the population census in the Crimean Federal District*. (2015). Moscow: IIC “Statistics of Russia”. 279 p. ISBN 978-5-4269-0054-7. (In Russ.).
- Serebrennikov, B. A. (1952). The tasks of Moldovan linguistics. *Joint scientific session of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences and the Institute of the History of Language and Literature of the Moldovan Branch of the USSR Academy of Sciences*. 89—92. (In Russ.).
- Sergievsy, M. V. (1959). *Moldavian-Slavic studies*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 211 p. (In Russ.).

Shishmarev, V. F. (1952). Romance languages of Southeastern Europe and the national language of the Moldavian SSR. *Questions of linguistics, 1*: 80—106. (In Russ.).
Stati, V. (2003). *Dictionar moldovenesc explicativ*. Chişinău: Tipografia Centrală. 340 p.
Typology of similarities and differences of closely related languages. (1976). Chisinau: Stiinca. 99 p. (In Russ.).

*The article was submitted 10.03.2025;
approved after reviewing 27.05.2025;
accepted for publication 07.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Галиук А. А. Особенности концептуализации и категоризации глагольных синонимов со значением 'оказание медицинской помощи' в современном русском языке / А. А. Галиук, Е. И. Зиновьева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 68—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-68-87.

Galiuk, A. A., Zinovieva, E. I. (2025). Features of Conceptualization and Categorization of Verbal Synonyms for 'Providing Medical Assistance' in Contemporary Russian. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 68-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-68-87. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Особенности концептуализации и категоризации глагольных синонимов со значением 'оказание медицинской помощи' в современном русском языке

Галиук Алина Андреевна
orcid.org/0000-0002-4028-535X
соискатель кафедры
русского языка как
иностранного и методики
его преподавания,
корреспондирующий автор
alinegalyuk@gmail.com

Зиновьева Елена Иннокентьевна
orcid.org/0000-0001-6253-9739
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания
e.i.zinovieva@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Features of Conceptualization and Categorization of Verbal Synonyms for 'Providing Medical Assistance' in Contemporary Russian

Alina A. Galiuk
orcid.org/0000-0002-4028-535X
degree seeker, Department
of the Russian language
as a foreign language
and methods of teaching,
corresponding author
alinegalyuk@gmail.com

Elena I. Zinovieva
orcid.org/0000-0001-6253-9739
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of the Russian language
as a foreign language
and methods of teaching
e.i.zinovieva@spbu.ru

Saint-Petersburg
State University
(St. Petersburg, Russia)

© Галиук А. А., Зиновьева Е. И., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию концептуализации процесса оказания медицинской помощи посредством анализа синонимов *лечить*, *врачевать*, *исцелять* для выявления особенностей их категоризации на синхронном срезе русского языка. Новизна исследования видится в том, что для выявления концептуальных признаков лексем выбран когнитивно-дискурсивный подход, позволяющий охарактеризовать глаголы с позиции выполняемых ими когнитивной и коммуникативной функции. Актуальность исследования обусловлена вхождением исследуемых глаголов в важную для носителей языка лексико-семантическую группу глаголов помощи, недостаточной информативностью описания лексем в толковых словарях и словарях синонимов русского языка. Авторы устанавливают границы синонимической группы, анализируют ситуативные, когнитивно-семантические, стилистические, грамматические, дискурсивные признаки глаголов, моделируют их когнитивные сценарии. Особенности категоризации глаголов заключаются в следующем: *лечить* вербализует идею физического излечения, что может иметь оценку со стороны наблюдателя; *врачевать* подразумевает излечение человеком, имеющим особый дар, посредством использования традиционных методов; *исцелять* предполагает избавление человека от физических и душевных недугов другим субъектом с помощью божественной помощи или неодушевленного объекта, в первом случае используются вербальные и тактильные способы воздействия.

Ключевые слова:

концептуализация; категоризация; глагол; когнитивно-дискурсивный подход; когнитивная структура; сценарий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the exploration of the conceptualization of the process of providing medical assistance through an analysis of the synonyms *лечить* [*lechit'*] ('to treat'), *врачевать* [*vrachevat'*] ('to heal'), and *исцелять* [*istselyat'*] ('to cure') in order to identify the peculiarities of their categorization within a synchronic perspective of the Russian. The novelty of this study lies in the application of a cognitive-discursive approach to uncover the conceptual characteristics of these lexemes, allowing for a characterization of the verbs based on their cognitive and communicative functions. The relevance of this research is underscored by the inclusion of the examined verbs in an important lexical-semantic group of assistance verbs, as well as the insufficient informative nature of the descriptions provided in Russian explanatory dictionaries and synonym dictionaries. The authors delineate the boundaries of the synonymic group, analyzing situational, cognitive-semantic, stylistic, grammatical, and discursive features of the verbs, while modeling their cognitive scenarios. The categorization features of these verbs are as follows: *lechit'* verbalizes the idea of physical healing, which may be subject to evaluation by an observer; *vrachevat'* implies healing by an individual possessing a special gift through traditional methods; *istselyat'* suggests the removal of physical and mental ailments by another subject with divine assistance or through inanimate objects, utilizing verbal and tactile means of influence in the former case.

Key words:

conceptualization; categorization; verb; cognitive-discursive approach; cognitive structure; scenario.

УДК 811.161.1'373.421

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-68-87

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Особенности концептуализации и категоризации глагольных синонимов со значением ‘оказание медицинской помощи’ в современном русском языке

© Галюк А. А., Зиновьева Е. И., 2025

1. Введение = Introduction

Основным предметом исследования когнитивной лингвистики признается языковое значение, так как именно оно является «связующим звеном между языком и когницией» [Скребцова, 2018, с. 36]. Это сопряжено с тем, что значение слова закрепляет важные для языкового коллектива результаты познавательной деятельности. Данное положение подтверждается и психологами: «Слово не только удваивает мир, не только обеспечивает появление соответствующих представлений, но является мощным орудием анализа этого мира» [Лурия, 2022, с. 54]. В речи актуализируются значения характеристики экстралингвистического мира (ситуация и ее участники, энциклопедические знания, оценка и коннотация и т. д.), которые и фиксируются лексемой в ходе интерпретативной деятельности человека. Как справедливо отмечает И. А. Стернин, «семантика некогнитивной быть не может — она отражает результаты когниции действительности сознанием» [Стернин, 2004, с. 65].

Пристальное внимание к лексической семантике обусловило возникновение теории когнитивной семантики. «В рамках этой теории семантика <...> рассматривается как результат определенного способа осмысления мира на основе соотнесения языковых значений с конкретными концептами и категориями, то есть как отражение процессов концептуализации и категоризации в языке» [Болдырев, 2004, с. 24].

Концептуализация определяется как процесс «познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [КСКТ, с. 93]. Сущность процесса можно свести к тому, что сознание человека осмысляет ту или иную объективную область действительности, с одной стороны, вы-

деляя ее существенные признаки, а с другой — помещая ее в конкретный класс явлений [Попова и др., 2007, с. 84]. Этот процесс часто осуществляется посредством языка, в частности слов, которые «являются универсальными метафорическими ментальными знаками, вызывающими смоделированное в сознании представление о реальности» [Одинцова, 2018, с. 76]. Следствием этого является формирование языковой картины мира человека.

Под *категоризацией* обычно имеют в виду «подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» [КСКТ, с. 42]. Языковая категоризация подразумевает распределение различных концептуальных структур по классам, в результате чего моделируется «языковая типология» вещей и событий [Радбиль, 2018, с. 28]. Так, на лексическом уровне слова объединяются в лексико-семантические группы, синонимические ряды. Следует отметить, что лексическая категоризация не является собственно языковой. По мнению Н. Н. Болдырева, лексические категории являются аналоговыми. Это обусловлено тем, что они «отражают онтологию мира и результаты его познания человеком: знания конкретных предметов, явлений, их характеристик и категорий, то есть категоризацию естественных объектов» [Болдырев, 2009, с. 42]. Таким образом, распределение лексики в различные группировки носит субъективный характер.

В отношении синонимии рассмотрение процессов концептуализации и категоризации представляется особенно важным. Именно синонимы акцентируют наиболее значимые сведения о том или ином понятии в языковом коллективе, иллюстрируют систему ценностей и представлений носителей языка в виде различий в ментальных репрезентациях. В синонимических отношениях наиболее тесно взаимодействуют процессы концептуализации и категоризации: в первом случае происходит ассоциирование схожих областей знаний с одновременной дифференциацией понятий, а во втором осуществляется их пересечение и собственно объединение в одну группировку лексики.

В данной статье исследуются глагольные синонимы с общим значением ‘оказание медицинской помощи’ с позиции когнитивной семантики для определения особенностей их концептуализации и категоризации на синхронном срезе русского языка. Актуальность исследования обусловлена вхождением данных глаголов в значимую в языковой картине мира лексико-семантическую группу глаголов помощи. Анализируемые глаголы употребительны в речи носителей русского языка, частотны в различных типах дискурса, о чем свидетельствует частотный список лемм, частотный список глаголов [Ляшевская и др., 2009]. Данные толковых словарей русского языка и словарей синонимов не позволяют сделать выводы о денота-

тивно-сигнификативном пространстве глаголов лечения. Отметим, что это существенный недостаток толкования в словарях. Как отмечает Е. И. Ривелис, в словарных статьях «отсутствует внятная связь между концептуальной основой символических единиц языка — слов и конструкций — и их сочетаемостью и грамматикой», обнаруживается «мифологизация» языка, которая исключает когнитивную динамику в пользовании языком [Ривелис, 2013, с. 130]. Новизна работы видится в рассмотрении глагольных синонимов в когнитивно-дискурсивном аспекте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Русские глагольные синонимы уже становились объектом лингвокогнитивного анализа. Так, в статье «Глагол *ощущать*: опыт семантико-когнитивного анализа» предпринимается попытка проанализировать лексико-семантические варианты глагола *ощущать* для определения их дейктической природы, а также для разграничения данной лексемы с синонимом *чувствовать* [Го Линь и др., 2018, с. 42–48]. Выделяются исследования, результатом которых является моделирование когнитивной структуры — теоретического конструкта, представляющего собой «описание (интерпретацию) определенной реляционной области во взаимодействиях развивающегося организма» [Кравченко, 2011, с. 99]. Примером служит работа А. М. Плотниковой, в которой охарактеризована денотативная ситуация глаголов поведения, разработан их когнитивный сценарий, выявлены событийные и логические пропозиции [Плотникова, 2009]. Когнитивное рассмотрение синонимов осуществляется и в рамках интегративного подхода на материале глагольных синонимов с общим значением ‘ничего не делать’ [Зиновьева и др., 2020].

Одним из перспективных подходов к изучению синонимов является когнитивно-дискурсивный. Е. С. Кубрякова справедливо указывает, что благодаря данному подходу возможно рассмотрение любого языкового феномена «на перекрестке когниции и коммуникации», тем самым анализ языка включает полноценное рассмотрение двух ключевых его функций — познавательной и коммуникативной [Кубрякова, 2004, с. 16]. При анализе синонимичных глаголов подход применяется М. Д. Авдеевой, изучающей единицы лексико-семантической группы глаголов свечения для описания когнитивной структуры концепта [Авдеева, 2017]. Когнитивно-дискурсивный анализ использует и Т. Б. Радбиль при рассмотрении глаголов осуществления *произойти* и *состояться* [Радбиль, 2022; Радбиль, 2024]. В диссертационном исследовании Ву Нгок Иен Кхань в рамках данного подхода исследуются глаголы, входящие в состав синонимических рядов с доминантами *издеваться*, *лицемерить* и *уязвить* [Ву, 2024]. Ког-

нитивно-дискурсивный анализ глаголов воспитания представлен в статье А. А. Галюк [Галюк, 2022].

Целью данного исследования стало выявление когнитивно-семантических и дискурсивных характеристик глагольных синонимов со значением ‘оказание медицинской помощи’ для определения особенностей их концептуализации и категоризации. Методика исследования включает несколько этапов: 1) анализ толковых словарей, словарей синонимов русского языка с целью определения границ и объема синонимического ряда (далее — СР) с доминантой *лечить*; 2) определение ситуаций, вербализуемых глаголами; 3) исследование когнитивно-семантических, дискурсивных, грамматических, стилистических, синтагматических и аксиологических особенностей синонимов на материале «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ) и других источников Интернета; 4) выявление стабильных и лабильных элементов когнитивной структуры лексем. Стабильные элементы являются узлами когнитивной структуры, применительно к лабильным используется термин *slot*. Узлы четко определены, поскольку они «всегда справедливы относительно предполагаемой ситуации», слоты же включают «частные» данные на базе известной ситуации [Никонова, 2007, с. 229]; 5) конструирование когнитивного сценария. Под данным понятием мы понимаем разновидность фрейма, структуру знания, которая в результате интерпретирующей деятельности индивида посредством лексем с процессуальным значением и их словесного окружения репрезентирует стереотипную последовательность эпизодов, формирующих развитие конкретной ситуации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Объем и границы СР с доминантой *лечить*

А. П. Евгеньева и З. Е. Александрова отмечают, что синонимический ряд с доминантой *лечить* включает в себя также лексемы *врачевать* и *пользовать*, при этом А. П. Евгеньева подчеркивает устаревший характер этих единиц. В словаре З. Е. Александровой при лексеме *пользовать* также наличествует помета «устаревшее», глагол *врачевать* не имеет хронологической пометы, указывается его книжный характер [Евгеньева, т. 1, с. 506—507; Александрова, 2001, с. 194]. К. С. Горбачевич считает, что в представленный ряд входят лексемы *лечить*, *врачевать*, *исцелять* [Горбачевич, 2001, с. 225—226]. Последний глагол, не указанный в предыдущих источниках, имеет помету «книжное», а лексема *врачевать* — «устаревающее». Другие стилистические характеристики совпадают с лексикографическим описанием, представленным З. Е. Александровой.

Анализ контекстов НКРЯ показал, что глагол *пользовать* является неупотребительным. Глагол же *врачевать* функционирует в различных ти-

пах дискурса. Таким образом, исследуемый нами синонимический ряд включает слова *лечить* (доминанта синонимического ряда), *врачевать* и *исцелять*.

3.2. Когнитивно-дискурсивный анализ глагола *лечить*

В «Малом академическом словаре» (далее — МАС) указывается одно значение лексемы ‘применять какие-л. средства для излечения кого-либо’ и его оттенки: ‘принимать меры к излечению больного органа’; ‘принимать меры к прекращению какой-либо болезни’ [МАС, т. 2, с. 180]. Составители «Большого академического словаря» (далее — БАС) считают лексему полисемантической: 1) ‘применять какие-либо средства для восстановления здоровья, излечения кого-либо от болезни’; ‘применять какие-либо средства для излечения больного органа’; 2) ‘восстанавливать силы, душевное равновесие, покой и т. п.’; 3) *перен. разг.* ‘производить ремонт, исправлять поломки; исправлять недостатки, ошибки’ в чем-либо [БАС, т. 9, с. 171]. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой глагол *лечить* также представлен как многозначный: 1) ‘применять медицинские средства для восстановления здоровья, принимать меры к прекращению болезни’; 2) *перен.* ‘обладать целительными свойствами’ [ТСРЯ, с. 325]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой глагол *лечить* включает в себя разные оттенки значения, поскольку лексема, несмотря на характеристики субъекта или объекта, указывает на одну денотативную ситуацию, предполагающую выздоровление человека. Это отображается и на лингвокогнитивном уровне: во всех случаях результатом действия является «излечение человека». Ср. *доктор лечит пациента; доктор лечит ангину; антибиотик лечит ангину*. Третье значение, зафиксированное в БАСе, не будет приниматься во внимание, поскольку оно отражает денотативную ситуацию, основанную на метафорическом сходстве действия.

Согласно анализу материала, глагол *лечить* вербализует ситуации, в которых 1) человек лечит живое существо; 2) человек лечит часть тела, заболевание; 3) какой-либо объект лечит живое существо, часть тела или заболевание.

В первой ситуации субъект действия выражается одушевленным существительным, которое обозначает специалиста в медицинской сфере или обывателя. Приведем примеры: *Лечили врачи меня года три и таблетками, и уколами, и грязью, и массажем, и электричеством* (Олег Афанасьев. Монологи 77-летнего // «Ковчег», 2014); *Многу аппетитно затрапывают какие-то болезнетворные микроорганизмы: у меня то ли корь, то ли коклюш, меня лечат и мама, и тётя Маня <...> Мама приносит с базара шиповника, покупает «капли датского короля»* (Владимир Ланг. Калейдоскоп детства // «Ковчег», 2013) [НКРЯ].

Мы можем выделить различные свойства субъекта действия, фиксирующиеся в слотах узла «характеристика субъекта». Когда действие осуществляет врач, предполагается наличие у него медицинского образования, знаний в области лечения. Если действие осуществляет не медик, то субъект действия характеризуется наличием бытового опыта (личного или чужого) в лечении заболевания, сопереживания в отношении объекта действия. Например: *У нас от матери к дочери передается знание трав и отваров... Я с весны травки да корешки собираю, сушу на чердаке, так вот и себя лечу, и мужа, и людей, кто захаживает <...>* (Марина Марина. Витька-колдун // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ]. Однако важно отметить, что наиболее частотными являются контексты, в которых человек опирается на рекомендации, полученные в ходе консультации с врачом. См. в НКРЯ: *А в субботу извольте к нам в десять утра — будем вашу мать выписывать <...> Острое состояние мы сняли, а дальше ваше дело — ухаживайте, лечите. Рекомендации я дам* (Михаил Окунь. Дикое поле (2013) // «Волга», 2014) [НКРЯ]. Приведенный контекст иллюстрирует необходимость учета экспертного мнения для осуществления действий по выздоровлению человека, что закрепляется в сценарии глагола соответствующим эпизодом, но он не представляется обязательным в ситуации лечения человека непрофессионалом: субъект действия может руководствоваться личными взглядами на процесс лечения.

По нашему мнению, глагол *лечить* в рассматриваемой ситуации презентует следующий когнитивный сценарий: появление болезни у человека → консультация у специалиста → определение диагноза → лечение объекта действия без помощи или с помощью близких людей в соответствии с полученными рекомендациями → выздоровление объекта действия. Второй эпизод может быть исключен из данного сценария в случае, если человек опирается на личный опыт.

Необходимо указать, что на синтаксическом уровне глагол *лечить* часто выступает в роли предиката неопределенно-личного или неполного предложения. Например: *На территории обители была небольшая больница, в которой безвозмездно лечили и давали лекарства всем, кому это было необходимо* (Д. П. Дроздов. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017)) [НКРЯ]. В таком случае может наличествовать детерминант места, репрезентирующего медицинское учреждение. Частотность такого типа предложений, на наш взгляд, обусловлена тем, что детерминанты косвенно определяют субъект действия. Кроме того, поскольку в сознании носителей русского языка существует пресуппозиция о типичном субъекте лечения, его прямая номинация может оказаться избыточной.

Обратимся к анализу второй ситуации. Здесь объект действия предопределяется двумя лексико-семантическими группами: 1) части тела человека, 2) заболевания. Приведем примеры: *Стоматолог лечит зубы, боль он вылечить не может* (И. М. Чубаров. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда (2014)); *На самом деле, любую болезнь или ее проявления, а также функциональные нарушения легче предотвратить, чем лечить* (nastena massage. Массаж Воронеж (2022)) [НКРЯ].

Рассмотрим синтаксические особенности. Помимо роли прямого дополнения существительное при глаголе *лечить* может выступать в конструкции «лечить + от + родительный падеж». *Санаторий имени Аксакова располагался в пяти километрах от деревни. Там лечили народ со всего Союза от туберкулёза лёгких* (Дина Гаврилова. Бабье счастье // «Бельские просторы», 2018) [НКРЯ]. Следует обратить внимание, что при неодушевленном объекте частотно функционирование глагола *лечить* в форме инфинитива. Например, лексическая единица может выступать в синтаксической роли составного глагольного сказуемого: *В Китае депрессии и прочие смежные заболевания, скажем так, модны. Хотя признается, что лечить эпидемию там тоже пока не умеют* (Д. Е. Косырев. Здравствуй, грусть // «Огонек», 2016); *Ученые уверены: их открытие поможет лечить такие заболевания, как болезнь Альцгеймера* (Елена Кудрявцева. Наука. Медицина // «Огонек», 2015) [НКРЯ]. Данная особенность объясняется необходимостью выражения фазисного или модального значения, присущего глаголу. То есть в денотативном пространстве глагола *лечить* частотно закрепление отношения говорящего к процессу лечения, его целевой установки. Инфинитив исследуемого глагола употребляется и в конструкциях с предикативными словами, выражающими оценочное значение (по Л. Л. Буланину). Например, *Помните, что антибиотики не помогают от вирусов. Лечить ими грипп и многие виды «простуды» не только бесполезно, но и вредно* (10 заповедей антибактериального поведения. На основе рекомендаций ВОЗ // «Кот Шрёдингера», 2017) [НКРЯ]. Мы связываем это с тем, что результатом лечения должно являться выздоровление человека, реализация же этого сценария зависит от выбора эффективных методов лечения, что требует наличия оценки при глаголе. Данное свойство фиксируется в узле «характеристика действия» в слоте «оценка лечения».

Перейдем к анализу третьей ситуации. Здесь лечение направлено на нормализацию работы органов, на излечение заболеваний, что осуществляется с помощью предметов. Приведем пример: *Помимо всего прочего считается, что изумруд стабилизирует артериальное давление, снимает головные и суставные боли, лечит заболевания желудка, обладает антибактериальными свойствами* <...> (Ксения Асташенкова. Талисман абсолютного

счастья // «Зеркало мира», 2012) [НКРЯ]. Обычно в узел «характеристика субъекта» включается информация о полезных свойствах предмета.

Необходимо отметить, что выдвижение наименований средств лечения в позицию подлежащего не является единственно возможным. Так, частотное использование конструкций «*лечить* + творительный падеж», «*лечить* + с помощью + родительный падеж». Например: *Вы описываете тревожное расстройство и элементы ипохондрии, вызванные эмоциональным или физ. напряжением, лечат это очень эффективно психотерапией* (Марк Мария, психолог, 2023, <https://sprosirvacha.com/questions/1503357-trevozhnoe-rasstroystvo>) [AA]; *Он чуть ли не первым в мире стал лечить с помощью электрофореза* <...> (Алексей Шлыков. Дворяниново // «Русский репортер», 2014) [НКРЯ]. По нашему мнению, когда подлежащее представляет собой неодушевленный субъект, акцентируются сами средства лечения, а также их целительные свойства. Если же применяется конструкция с косвенными падежами, акцентируется способ достижения желаемого результата.

В роли субъектов, выраженных неодушевленными существительными, может выступать лексика, относящаяся к сфере искусства, абстрактные понятия: *Любовь, это всегда опыт отказа от собственного эгоизма, именно любовь лечит зависимость* (Форум: Мир, в котором девушки не хотят замуж. Обсуждение статьи (2012)) [НКРЯ]. В этой ситуации излечение человека в основном имеет духовную или психологическую природу. Это позволяет говорить о наличии варианта у смоделированного сценария, где первым эпизодом выступает «появление психологических проблем», а последним — «возвращение психологического равновесия».

3.3. Когнитивно-дискурсивный анализ глагола *врачевать*

В МАСе и БАСе выделяется два значения глагола *врачевать* — прямое и переносное. Ср. в МАСе: 1) *книжн.* 'лечить'; 2) *перен.* 'исцелять' [МАС, т. 1, с. 226]; в БАСе: 1) 'заниматься лечением (обычно средствами народной медицины)'; 2) *перен.* 'исцелять, облегчать душевные страдания, приносить освобождение от чего-либо неприятного, тяжелого и т. п.' [БАС, т. 3, с. 230]. Мы считаем глагол моносемантическим, следуя за С. И. Ожеговым и Н. Ю. Шведовой, поскольку толкование «устар. 'лечить, исцелять'» [ТСРЯ, с. 102] соотносит значение глагола с доминантой ряда *лечить*.

Глагол образован от существительного *врач*, которое, являясь исконно русским, в свою очередь восходит этимологически к глаголу *върати*, имевшему значение 'говорить' [Шанский, 2004]. Подразумевалось, что врач — заклинатель, который умеет «заговаривать» болезнь, тем самым вылечивая пациента. Следы подобного представления прослеживаются в том, что субъект действия часто выражается одушевленными существительными,

обозначающими знахарей, целителей, праведников, что и обуславливает типичную ситуацию, вербализующуюся данной лексемой. Например, *Селяне привыкли, что Дашенька всех врачует. Случись, у кого беда в доме, кличут младшую знахарку. Так и повелось* (А. Г. Асмолов. Низкий поклон (2015)) [НКРЯ]. Данное умение расценивается как особый дар, не подразумевающий наличия медицинского образования. Способность лечить обусловлена тем, что у субъекта действия имеются редкие знания или же у него есть дарование, которое может объясняться в том числе божественным промыслом. Приведем пример: *Святая Матрона и такие же люди, как она, — это замысел Божий. Господь дал дар этой удивительной женщине. Она была инвалидом с детства, была слепой с рождения, но могла чувствовать и врачевать инвалидность. В том числе и духовную* (Екатерина Рожаева. Протоиерей Олег Стеняев: Святые отцы допускали, что инопланетяне существуют // Комсомольская правда, 29.12.2012) [НКРЯ]. Отметим, что излечение больного в данном случае расценивается как чудо. Кроме того, божественное дарование наиболее часто актуализируется именно в религиозном типе дискурса, где важно как физическое, так и духовное излечение. Таким образом, возможно смоделировать сценарий глагола: появление болезни у человека → посещение больным знахаря, целителя → лечение объекта действия → физическое или духовное выздоровление объекта действия.

Занимается врачеванием и человек, имеющий профильное образование. См. в НКРЯ: *После операции в Комсомольске его [врача. — А. Г., Е. З.] послали врачевать эзков на Дуссе-Алине* (Александр Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019); *Руки у Кушнерева в те недели были покрыты длинными шрамами ожогов. От горячих противней с сырниками и пончиками. Лучшие девушки курса бились за право их врачевать* (Елена Дьякова. Сделай шаг. Памяти Сергея Кушнерева, нашего друга и одного из основателей «Новой газеты» // Новая газета, 28.02.2017) [НКРЯ]. Здесь лексема *врачевать* реализует когнитивный сценарий, свойственный глаголу *лечить*. Однако важно отметить, что исследуемый глагол претерпевает изменения в стилистической характеристике: в приведенных примерах лексема имеет разговорно-сниженный оттенок (1 контекст) или приобретает иронический характер (2 контекст), что противоречит описанию, представленному в толковых словарях и словарях синонимов русского языка, где преимущественно указывается книжный характер слова. Причины данной модификации видятся в том, что книжное слово используется в окружении нелитературной лексики, тем самым создается контраст, влияющий на модальность высказывания. Согласно нашим наблюдениям, данный оттенок значения наиболее часто реализуется именно в ситуации

врачевания специалистом. То есть единица *врачевать* может варьировать стилистическую характеристику в зависимости от контекста.

Обратимся к ситуации, когда субъектом действия выступает неодушевленное существительное, а объектом действия — человек, часть тела или душа. Необходимо подчеркнуть, что у глагола *врачевать* в узле «способы оказания помощи» не фиксируется вербальный способ лечения, который наличествовал в этимологической характеристике лексемы. В современном русском языке данное слово подразумевает обращение к традиционным методам лечения, в частности, использование природных средств для борьбы с болезнью, например, мазь, грязь, соль, настой трав, особые напитки и т. д. См. в НКРЯ: *Иловая грязь со дна озера Карачи в Чановском районе относится к числу самых ценных лечебных грязей России. С ее помощью врачуют заболевания костно-мышечной, нервной, мочеполовой систем, органов пищеварения, кожи и даже бесплодие <...>* (Лора НИКИТИНА. Целебные грязи и минеральные воды: поправь здоровье на лоне природы // Комсомольская правда, 24.08.2010) [НКРЯ]. Из этого следует, что для успешного выздоровления больного субъекту действия необходимо иметь информацию о средствах, имеющих целительную силу.

В религиозном типе дискурса также могут наличествовать субъекты действия, выраженные неодушевленными существительными. Как правило, они ограничиваются «церковной» лексикой (*икона, молитва* и т. д.). Приведем контекст из подкорпуса НКРЯ «социальные сети»: *«Однажды, во время совершения братиею утрени, внезапно от иконы Божией Матери из руки истекло миро <...> И сие миро соделалось источником многих исцелений и чудес, оно имело благодатную силу врачевать различные недуги»* (sterh1973. Досуг, зрелища и развлечения (2017)) [НКРЯ]. В этом случае реализуется когнитивный сценарий, подразумевающий духовное выздоровление.

3.4. Когнитивно-дискурсивный анализ лексемы *исцелять*

Согласно данным толковых словарей, лексема *исцелять* имеет помету «книжное». Глагол определяется в лексикографических источниках по-разному: и как моносемантический, и как полисемантический. Ср.: *исцелять* — *книжн.* ‘избавить от болезни, недуга; вылечить, излечить’ [МАС, т. 1, с. 694] и *исцелять* — 1) ‘делать здоровым, излечивать’; 2) *перен.* ‘освобождать, избавлять от чего-л.’ [БАС, т. 7, с. 487; ТСРЯ, с. 256]. В данной работе мы будем следовать за МАСом ввиду соотнесения глагола со значением доминанты синонимического ряда.

Внутренняя форма глагола *исцелять* показывает, что подразумевается возвращение человека в состояние целостности. Префикс *ис-*, с одной стороны, фиксирует ориентацию глагола на результат, а с другой — обо-

значает удаление из чего-либо с помощью называемого действия. То есть буквально глагол подразумевает искоренение чего-либо негативного из целостного состояния (например, избавление организма от недуга).

Рассматриваемая лексема вербализует ситуации, в которых: 1) человек исцеляет живое существо или его душу; 2) какой-либо объект исцеляет живое существо, часть тела или заболевание.

Первая ситуация предполагает субъекта, обозначающего людей, наделенных особым даром для помощи человеку — магическими силами или божественным началом (жрецы, подвижники, шаманы, Христос, Бог, святые и т. д.). Приведем пример: *Всегда было ведь понятно, что, в отличие от обычных врачей, его способности зиждились не на одном лишь знании человеческого тела. Лавр не лечил — он исцелял, а исцеления не связаны с опытом. Дар Лавра окрыляли высшие силы, им двигали самоотречение и невиданная по силе любовь к ближним* (Е. Водолазкин. Лавр, 2012) [НКРЯ]. Здесь иллюстрируется наполнение узла «характеристика субъекта». Предполагается, что исцеление — особый дар, не связанный со знанием и опытом человека, следовательно, невозможно целенаправленно научиться исцелять. Кроме того, данная способность обусловлена наличием любви к ближнему, благодаря которой субъект действия самоотверженно занимается лечением человека.

Охарактеризуем объект действия. Это люди, имеющие тяжелые или неизлечимые заболевания, которые не удастся вылечить методами доказательной медицины: *Из Евангелия мы видим, что силу жизни вечной, силу Царства Божия, Господь являл людям <...> останавливая бушующие волны, претворяя воду в вино, умножая хлебы, исцеляя неизлечимо больных и бесноватых* (священник Сергей Круглов. Лазарева суббота: пробуждение души (04.04.2015) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015) [НКРЯ].

Следует подчеркнуть, что одним из релевантных признаков логического объекта действия является мотив массового ожидания исцеления. Это может фиксироваться и отдельным эпизодом в когнитивном сценарии глагола. Например: *Потом Иисус отправился на другой берег Галилейского моря, что зовется также Тиверийдским. За Ним следовала большая толпа, потому что люди видели чудесные знаки, которые Он совершал, исцеляя больных* (Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Новый завет. Евангелие От Иоанна (2011)) [НКРЯ]. Сказанное можно объяснить трепетным и доверительным отношением людей к исцелителю.

Обратим внимание на узел «способы оказания помощи». Как правило, исцеляют вербально или невербально. В первом случае предполагается использование слов, молитв для излечения больного, во втором — прикосно-

лений рук, взгляда, обращения к иконам, мощам. О *Кирилле рассказывается много чудес, когда он исцелял молитвой, но, очевидно, ему приходилось быть и обычным врачом* (Лурье Григорий. Идеал безмолвия. Путь Кирилла Белозерского // «Русская жизнь», 2012); *Он клал руку на лоб больного. Или касался ею раны. Многие верили, что прикосновение его руки исцеляет* (Евгений Водолазкин. Лавр (2012)) [НКРЯ]. Обычно способы оказания помощи вербализуются именно в позиции субъекта, что связано с желанием говорящего выдвинуть на первый план предмет, явление, которое имеет особую силу. Также отметим, что второй контекст демонстрирует необходимость веры больного в исцеление для достижения необходимого результата, что также закрепляется в узле «характеристика объекта» отдельным слотом.

Согласно описанным особенностям, когнитивный сценарий глагола *исцелять* можно смоделировать следующим образом: появление тяжелой или неизлечимой болезни у человека → посещение больным целителя → лечение объекта действия → вера в целительную силу лечения → излечение объекта действия. В этом сценарии также может появиться вариативный эпизод «массовое ожидание в очереди».

Необходимо отметить, что глагол *исцелять* подразумевает не только физическое излечение, но и духовное. Глагол часто функционирует в религиозном типе дискурса или в контекстах, в которых субъектом действия является Бог или святые, а объектом — душа человека. Например, *Орден Пирогова учрежден в честь великого врача и ученого <...> а «медаль Луки Крымского — в честь врача, святителя и подвижника, человека глубокой веры, беззаветно преданного своему призванию исцелять души и тела людей*» (Борящихся с коронавирусом медиков отметят госнаградами // Парламентская газета, 2020.06.20) [НКРЯ]. Это позволяет сделать вывод о наличии сходства между глаголами *лечить* и *исцелять*, но если первый глагол подразумевает лечение различных по тяжести болезней разнообразными методами, то второй указывает на излечение смертельных болезней благодаря сильной вере. Наличие духовного аспекта исцеления позволяет смоделировать вариант сценария: первым эпизодом может являться «отсутствие душевного равновесия», последний эпизод подразумевает «духовное исцеление».

Перейдем к анализу второй ситуации. В роли субъектов действия, выраженных неодушевленными существительными, могут быть церковные атрибуты, абстрактные явления, понятия искусства, предметы, занятия: *Большинство людей разочаровываются и не любят. А зря, потому что любовь исцеляет, прежде всего, душу самого любящего* (ДАО Эмоций телесные практики ВОРОНЕЖ. Здоровье (2020)) [НКРЯ].

Проанализируем грамматические особенности глагола *исцелять*. Так, наличие объекта действия оказывается необлигаторным, поскольку важно

указание на проблему человека. Это реализуется с помощью конструкции «*исцелять* + *от* + родительный падеж». Трансформация косвенного дополнения в прямое не представляется возможной ввиду внутренней формы глагола (нельзя «извлечь» болезнь из болезни).

Перейдем к рассмотрению дискурсивных особенностей глагола *исцелять*. Помимо функционирования в религиозном типе дискурса лексема может использоваться и в психологическом типе дискурса, при этом речь идет о сохранении отношений между людьми, возвращении спокойного психоэмоционального состояния. Например, *Поделиться же бедою с родными, с друзьями — тот выход, который отчего-то всегда помогал, общение исцеляло <...>* (А. А. Поступинский. Бог № 264 // «Волга», 2013) [НКРЯ]. В психологии выдвигается идея об исцелении «внутреннего ребенка», что подразумевает решение человеком психологических проблем, берущих свое начало в детстве и препятствующих нормальной жизни во взрослом возрасте. *Как психотерапевты исцеляют внутреннего ребёнка. У детских травм долговременные последствия. Поэтому, если во время общения с внутренним ребёнком вы поняли, что он ранен или обижен, его нужно исцелить* (К. Железницкая. Исцеление внутреннего ребёнка: как не дать детским травмам испортить взрослую жизнь, 2021, <https://lifehacker.ru/vnutrennij-rebyonok/>) [AA]. В данном случае сценарий глагола подвергается изменениям: наличие у человека давних психологических проблем → обращение к специалисту → совершение действий, позволяющих справиться с внутренними конфликтами → решение психологических проблем → возвращение благоприятного психоэмоционального состояния.

В публицистическом типе дискурса также обнаруживаются когнитивно-дискурсивные особенности глагола: исцеление может быть направлено на ложное излечение человека для получения финансовой выгоды. В этом случае субъект при глаголе совершает мошеннические действия. Например: *«Уголовное дело началось с того, что несколько потерпевших обратились в полицию с заявлением о мошенничестве. На телевидении крутили постановочное видео с демонстрацией ритуалов. Магу якобы в прямом эфире звонил подставной человек, который жаловался на семейные проблемы или здоровье», — рассказывает следователь. Маг чудом исцелял звонившего прямо на глазах телезрителей* (Любовь Ширижик. Магия обмана // lenta.ru, 17.12.2016) [НКРЯ]. Здесь исцеление человека не происходит ввиду отсутствия нужных характеристик у субъекта-деятеля. Так как в представленной ситуации не все когнитивно-семантические признаки совпадают с данным ранее описанием, наблюдается другой сценарий, финальный эпизод которого — «обман объекта действия».

4. Заключение = Conclusions

Глаголы *лечить*, *врачевать* и *исцелять* образуют такую языковую категорию, как синонимический ряд, на основании общности выражаемого значения и сходства в реализуемом когнитивном сценарии.

Мы можем выделить следующие дифференциальные признаки синонимов *лечить*, *врачевать*, *исцелять*, демонстрирующие особенности концептуализации глаголов: 1) субъект действия, выраженный одушевленным существительным: при лексеме *лечить* субъект действия широко варьируется, однако часто он не называется; *врачевать* предполагает деятеля, имеющего магические способности или особый дар; глагол *исцелять* подразумевает человека, связанного с религиозной деятельностью; 2) объект действия, выраженный неодушевленным существительным: синонимы *лечить* и *врачевать* подразумевают болезни, поддающиеся лечению, глагол *исцелять* указывает на излечение тяжелых и смертельных недугов; 3) когнитивный сценарий: если *лечить* репрезентирует в большей мере физическое излечение, то лексемы *врачевать* и *исцелять* вербализуют идею о взаимосвязи физического и духовного здоровья; 4) узел «характеристика действия»: оценка лечения присутствуют только у глагола *лечить*; 5) объект действия, выраженный одушевленным существительным: в узле «характеристика объекта» глагола *лечить* фиксируется необходимость выполнения рекомендаций врача, глагола *врачевать* — использование конкретных средств для излечения, а для лексемы *исцелять* релевантно иметь доверие к субъекту действия; 6) стилистическая характеристика: *врачевать* и *исцелять* — книжные лексемы, тем не менее первый глагол может иметь иронический характер, употребляться в стилистически сниженном контексте; 7) узел «способы оказания помощи»: *лечить* предполагает использование различных методов лечения, глагол *врачевать* — традиционных методов и методов, направленных на возвращение душевного равновесия, глагол же *исцелять* включает в себя обращение к религии, использование вербальных и невербальных способов лечения; 8) дискурсивная характеристика: лексема *врачевать* используется в религиозном типе дискурса, единица *исцелять* функционирует в психологическом и публицистическом типе дискурса.

Итак, когнитивно-дискурсивный анализ синонимов продемонстрировал, что концептуализация процесса лечения не ограничивается указанием на выздоровление и используемые для этого методы. Выявление языковых, речевых, когнитивных, семантических и коммуникативных особенностей глаголов в свете когнитивной семантики позволило смоделировать когнитивные структуры глаголов, наличествующие в сознании носителей языка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : практический справочник : ок. 11 000 синонимич. рядов / З. Е. Александрова. — 11-е изд. перер. и доп. — Москва : Русский язык, 2001. — 568 с.
3. БАС — *Большой академический словарь русского языка* : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Наука, 2004—2021.
4. *Горбачевич К. С.* Словарь синонимов русского языка / К. С. Горбачевич. — Москва : Эксмо, 2012. — 608 с.
5. *Евгеньева А. П.* Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : ООО «Издательство Астрель», 2003. — Т. 1. — 680 с.
6. КСКТ — *Краткий словарь когнитивных терминов*. — Москва : Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
7. *Ляшевская О. Н.* Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. — Москва : Азбуковник, 2009. — 1087 с. — ISBN 978-5-91172-024-7.
8. МАС — *Словарь русского языка* / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : «Русский язык», 1985—1988. — Т. 1—4.
9. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 02.03.2025).
10. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка* : 80000 слов и фразеологических выражений. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
11. *Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский. — Режим доступа : <http://https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения 02.03.2025).

Литература

1. *Авдеева М. Д.* Когнитивно-дискурсивный аспект семантики глаголов лексико-семантической группы «СВЕЧЕНИЕ» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Д. Авдеева. — Мытищи, 2020. — 189 с.
2. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—36.
3. *Болдырев Н. Н.* Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики / Н. Н. Болдырев // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой / Институт языкознания РАН. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 38—50.
4. *Ву Н. И. К.* Синонимические ряды русских глаголов межличностных отношений : когнитивно-дискурсивный подход : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ву Нгок Иен Кхань. — Санкт-Петербург, 2024. — 161 с.
5. *Галюк А. А.* Исследование русских синонимичных глаголов с позиции когнитивно-дискурсивного подхода (на материале глаголов воспитания) / А. А. Галюк // Из-

вестия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — № 3 (166). — С. 153—161.

6. *Го Линь*. Глагол ощущать : опыт семантико-когнитивного анализа / Го Линь, В. А. Косова // Вестник ТГГПУ. — 2018. — № 1 (51). — С. 42—48.

7. *Зиновьева Е. И.* Интегративный подход к описанию синонимов в лингводидактике (на материале синонимического ряда глаголов с общим значением 'ничего не делать') / Е. И. Зиновьева, Ву Нгок Иен Кхань // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 44—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-44-64.

8. *Кравченко А. В.* Что такое «когнитивная структура», или об одном распространенном заблуждении / А. В. Кравченко // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. — 2011. — Выпуск 9. — С. 96—104.

9. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 6—17.

10. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Санкт-Петербург : Питер, 2022. — 448 с. — ISBN 978-5-4461-1673-7.

11. *Никонова Ж. В.* Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж. В. Никонова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2007. — № 6 (50). — С. 229—234.

12. *Одинцова И. В.* Когнитивная лексикология и когнитивный синтаксис в лингводидактике / И. В. Одинцова // Мир русского слова. — 2018. — № 2. — С. 75—80.

13. *Плотникова А. М.* Когнитивные сценарии глаголов поведения (на материале русского языка) / А. М. Плотникова // Вестник ЮУрГУ. Серия : Лингвистика. — 2009. — № 2 (135). — С. 48—50.

14. *Попова З. Д.* Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2006. — 226 с.

15. *Радбиль Т. Б.* ИмPLICITная оценочность русского слова по данным корпусного анализа / Т. Б. Радбиль // Международный педагогический форум «Русский язык без границ : новые возможности развития диалога культур» : Сборник статей международной научно-методической конференции, организованной в рамках международного педагогического форума, Республика Беларусь — Россия, 21—24 ноября 2022 года / Под редакцией И. Ю. Абрамовой. — Нижний Новгород — Москва : ИП Маркин А. О., 2022. — С. 320—331.

16. *Радбиль Т. Б.* Язык и мир : парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. — 592 с. — ISBN 978-5-9500226-4-7.

17. *Радбиль Т. Б.* Семантические преобразования глаголов осуществления в языке русской поэзии (на примере глагола состояться) / Т. Б. Радбиль // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии : Сборник статей международной научной конференции, Петрозаводск, 05—06 июня 2023 года. — Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 2024. — С. 89—92.

18. *Ривелис Е. И.* Адъективный концепт в динамике и в словаре / Е. И. Ривелис // *Studia linguistica cognitiva* : межвузовский сборник научных трудов. — Москва : ФЛИНТА, 2013. — С. 130—154.

19. *Скребцова Т. Г.* Когнитивная лингвистика : классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 392 с. — ISBN 978-5-6040195-7-3.

20. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 65—69.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025,
одобрена после рецензирования 17.05.2025,
подготовлена к публикации 02.06.2025.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

Alexandrova, Z. E. (2001). *Dictionary of synonyms of the Russian language: a practical reference: approx. 11,000 synonyms. Rows*. Moscow: Russian Language. 568 p. (In Russ.).

BAS — Gorbachevich, K. S., Gerd, A. S. (eds.). (2004—2021). *A large academic dictionary of the Russian language: in 30 volumes*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Evgenieva, A. P. (2003). *Dictionary of synonyms of the Russian language. In 2 volumes, 1*. Moscow: Astrel Publishing House. 680 p. (In Russ.).

Gorbachevich, K. S. (2012). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Eksmo. 608 p. (In Russ.).

KSCT — *A short dictionary of cognitive terms*. (1996). Moscow: Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. 245 p. (In Russ.).

Lyashevskaya, O. N. (2009). *Frequency dictionary of the modern Russian language based on the materials of the National Corpus of the Russian language*. Moscow: Azbukovnik. 1087 p. ISBN 978-5-91172-024-7. (In Russ.).

MAS — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Dictionary of the Russian language, 1—4*. Moscow: Russian Language. (In Russ.).

NKRR — *National Corpus of the Russian Language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 02.03.2025). (In Russ.).

Shansky, N. M. *Etymological dictionary of the Russian language*. Available at: <http://lexicography.online/etymology/shansky/> (accessed 03/02/2025). (In Russ.).

TSRYA — *Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*. (1999). Moscow: Azbukovnik Publ. 944 p. (In Russ.).

References

Avdeeva, M. D. (2020). *Cognitive-discursive aspect of the semantics of verbs of the lexico-semantic group "GLOW"*. PhD Diss. Mytishchi. 189 p. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2004). Conceptual space of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics, 1*: 18—36. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2009). The processes of conceptualization and categorization in language and the role of names of abstract semantics in them. In: *Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation: A collection in honor of E. S. Kubryakova*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 38—50. (In Russ.).

Galiuk, A. A. (2022). A study of Russian synonymous verbs from the perspective of a cognitive-discursive approach (based on the material of parenting verbs). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 3 (166)*: 153—161. (In Russ.).

Guo Lin, Kosova, V. A. (2018). The verb to feel: the experience of semantic and cognitive analysis. *Bulletin of the TGGPU, 1 (51)*: 42—48. (In Russ.).

Kravchenko, A. V. (2011). What is “cognitive structure”, or about one common misconception. *Cognitive language research. The interaction of cognitive and linguistic structures, 9*: 96—104. (In Russ.).

- Kubryakova, E. S. (2004). On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics*, 1: 6—17. (In Russ.).
- Luria, A. R. (2022). *Language and consciousness*. St. Petersburg: Peter. 448 p. ISBN 978-5-4461-1673-7. (In Russ.).
- Nikonova, Zh. V. (2007). Frame analysis as a method of linguistic description of verbal structures. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 6 (50): 229—234. (In Russ.).
- Odintsovo, I. V. (2018). Cognitive lexicology and cognitive syntax in linguodidactics. *The world of the Russian word*, 2: 75—80. (In Russ.).
- Plotnikova, A. M. (2009). Cognitive scenarios of behavior verbs (based on the material of the Russian language). *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 2 (135): 48—50. (In Russ.).
- Popova, Z. D. (2006). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki Publ. 226 p. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2017). *Language and the world: paradoxes of mutual reflection*. Moscow: YASK Publishing House. 592 p. ISBN 978-5-9500226-4-7. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2024). Semantic transformations of verbs of realization in the language of Russian poetry (on the example of the verb to take place). In: *The third Fortunatov readings in Karelia: Collection of articles of the international scientific conference, Petrozavodsk, 05—06 June 2023*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. 89—92. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2022). Russian Language without Borders: New opportunities for the development of a dialogue of cultures: Collection of articles of the international scientific and methodological conference organized within the framework of the International Pedagogical Forum, Republic of Belarus - Russia, November 21—24, 2022. In: *Implicit evaluative value of the Russian word according to corpus analysis. International Pedagogical Forum "Russian language without borders: new opportunities for the development of a dialogue of cultures": Collection of articles of the international scientific and methodological conference organized within the framework of the International Pedagogical Forum, Republic of Belarus — Russia, November 21—24, 2022*. Nizhny Novgorod — Moscow: IP Markin A. O. 320-331. (In Russ.).
- Rivelis, E. I. (2013). The subjective concept in dynamics and in the dictionary. In: *Studia linguistica cognitiva: interuniversity collection of scientific papers*. Moscow: FLINTA Limited Liability Company. 130—154. (In Russ.).
- Skrebtsova, T. G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Moscow: YASK Publishing House. 392 p. ISBN 978-5-6040195-7-3. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2004). Cognitive interpretation in linguocognitive research. *Questions of cognitive Linguistics*, 1: 65—69. (In Russ.).
- Vu Ngoc Yen Khanh. (2024). *Synonymous series of Russian verbs of interpersonal relations: a cognitive-discursive approach*. PhD Diss. St. Petersburg. 161 p. (In Russ.).
- Zinovieva, E. I., Vu Ngoc Yen Khanh. (2020). Description of Synonyms in Linguodidactics: Integrative Approach (based on the Synonymous Row of Verbs with a Common Meaning 'do nothing'). *Nauchnyi dialog*, 6: 44—64. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-44-64>. (In Russ.).

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 17.05.2025;
accepted for publication 02.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Дзахова В. Т. Ассимиляция звонкого смычного *d* в конечной позиции (на материале осетинского языка) / В. Т. Дзахова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 88—104. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-88-104.

Dzakhova, V. T. (2025). Assimilation of Voiced Plosive /*d*/ in Word-final Position in Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 88-104. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-88-104. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ассимиляция звонкого смычного *d* в конечной позиции (на материале осетинского языка)

Дзахова Вероника Тамбиевна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-8767-8177

доктор филологических наук, доцент,

¹ кафедра

романо-германских языков;

² научный сотрудник

tambi69@mail.ru

¹ Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

² Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

Assimilation of Voiced Plosive /*d*/ in Word-final Position in Ossetian Language

Veronika T. Dzakhova^{1,2}

orcid.org/0000-0002-8767-8177

Doctor of Philology, Associate Professor,

¹ Department

of Romano-Germanic

Languages;

² Researcher

tambi69@mail.ru

¹ North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

² Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование консонантных сочетаний современного осетинского (иронского) языка. Целью исследования стало установление фонетических характеристик и фонологического статуса звуков, реализуемых носителями языка на месте орфографических звонких согласных. В качестве материала исследования привлекаются осетинские слова с кластерами согласных. Дикторами для цифровой записи слов выступили носители осетинского языка, не имеющие отклонений от нормативного произношения. Методы, используемые в исследовании — инструментальный (анализ осциллограмм) и статистический. Новизна исследования определяется самим характером проводимого исследования — в научном дискурсе нет данных относительно комбинаторных изменений осетинских согласных. Актуальность исследования обусловлена необходимостью полученных в ходе работы данных для создания орфоэпического словаря осетинского языка. На данный момент можно сформулировать следующие выводы: (1) на месте орфографических звонких смычных согласных в позиции конца слова реализуются парные им глухие, независимо от качества предшествующего согласного; (2) фонемный статус согласного, реализуемого в конечной позиции, должен определяться как глухой смычный.

Ключевые слова:

осетинский язык; ассимиляция согласных; оглушение согласных; орфоэпия; коартикуляция; сочетания согласных.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates consonant clusters in modern Ossetian (Iron dialect). The primary aim is to establish the phonetic characteristics and phonological status of sounds produced by native speakers in place of orthographic voiced consonants. The research material comprises Ossetian words containing consonant clusters. Native speakers of Ossetian, with no deviations from normative pronunciation, served as the sources for digital recordings of the words. The methods employed in this study include instrumental analysis (oscillogram analysis) and statistical techniques. The novelty of this research lies in its focus on combinatory changes of Ossetian consonants, a topic that has not been previously addressed in the scientific discourse. The relevance of this study is underscored by the necessity for the data obtained to contribute to the development of an orthoepic dictionary of the Ossetian language. The following conclusions can be drawn: (1) In the position of orthographic voiced plosive consonants at word-end, voiceless counterparts are realized, regardless of the quality of the preceding consonant; (2) The phonemic status of the consonant realized in final position should be classified as voiceless plosive.

Key words:

Ossetian language; consonant assimilation; devoicing of consonants; orthoepy; coarticulation; consonant clusters.

УДК 811.221.18'342.623

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-88-104

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Ассимиляция звонкого смычного *ɔ* в конечной позиции (на материале осетинского языка)

© Дзахова В. Т., 2025

1. Введение = Introduction

Под ассимиляцией в научной литературе понимается уподобление одного звука другому. В отличие от аккомодации, ассимиляция происходит между звуками одного типа, то есть гласные ассимилируются с гласными, согласные с согласными. По объему уподобления ассимиляция может быть полной (один звук полностью уподобляется другому) и неполной (изменяются несколько признаков ассимилируемого звука). По направлению ассимиляции различают прогрессивную (предыдущий звук оказывает влияние на последующий) и регрессивную (предыдущий звук испытывает влияние последующего). Если звуки, участвующие в процессе ассимиляции, соседствуют друг с другом, принято говорить о контактной ассимиляции. Если же звуки находятся на расстоянии друг от друга, то это дистактная ассимиляция. Самый типичный пример дистактной ассимиляции — гармония гласных, или сингармонизм, присущий для большинства тюркских языков. Ассимиляция наряду с диссимиляцией и конечным оглушением согласных обусловлены действием фонологических правил, обусловленных контекстом [Князев, 2021а, с. 137].

Для русского языка, например, правила, регулирующие изменения согласных по способу и месту образования в комбинации с другими согласными, хорошо описаны и изложены как в научной литературе [Дурагин, 2015а; Дурагин, 2015б; Князев, 2021а; Князев 2021б], так и в многочисленных учебниках и практических пособиях, а также отражены в орфоэпических словарях [Каленчук, 2012]. В данной статье речь пойдет о контактной ассимиляции согласных в осетинском языке. Исследование является актуальным, так как при создании орфоэпического словаря осетинского языка разработчики столкнулись с вопросом о том, как транскрибировать слова, в которых соседствуют глухие и звонкие согласные. Несмотря на то, что фонемы осетинского языка были подробно описаны на основании

инструментального и экспериментального анализа речи, их комбинаторные изменения, то есть то, как ведут себя согласные в случаях, когда они оказываются в соседстве с другими согласными, предметом специального исследования не были. Ранее в нашей статье [Дзахова, 2024] были подробно описаны все выявленные в осетинском языке сочетания согласных и определены 114 сочетаний, в которых теоретически возможны разные варианты произношения. Речь идет о следующих сочетаниях:

- сочетания двух звонких согласных в позиции конца слова / морфемы (бæрзонд и др.);
- сочетания звонкого и глухого согласных на стыке морфем (къабæз/тæ и др.);
- сочетания глухого и звонкого согласных на стыке морфем (кус/джытæ);
- два звонких согласных на стыке морфем (фыд/ми, цад/мæ);
- три звонких согласных, морфемная граница проходит после второго (тындз/гæйæ);
- два звонких согласных и глухой, морфемная граница проходит после второго согласного (хæрз/тæ);
- глухой согласный между двумя звонкими согласными, морфемная граница проходит после второго согласного (арф/дæр);
- два глухих согласных и третий звонкий, морфемная граница проходит после второго согласного (раст/дæр).

В настоящей статье мы продолжаем исследование, начатое в 2024 году. Необходимо было определить, какие фонетические процессы происходят в установленных типах сочетаний согласных. В частности, в статье будет уделено внимание реализации согласного *д* в конечной позиции после сонорных и щелевых согласных. Анализ проводился с помощью компьютерной программы Praat. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие работ по фонетике осетинского языка [Дзахова, 2008; Гацалова, 2014; Баскаева, 2014; Сатцаев, 2015], инструментальный анализ сочетаний согласных осетинского языка проводится впервые, что определяет новизну настоящего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основной целью исследования является установление объема и направления ассимиляции согласных в современном осетинском языке. Но не менее важным является и вопрос о фонемном статусе ассимилированных согласных.

Привлечение фонетических данных к фонологическому анализу (установлению фонемного статуса звуков) кажется нам вполне логич-

ным, вопреки высказанному А. В. Андроновым мнению о «невозможности извлечения устройства системы из ее реализации» [Андронов 2023, с. 206]. Естественно, что определение статуса звонких и глухих смычных в осетинском языке, равно как и их фонологических признаков (неполнозвонкость, придыхание), проводилось на основании исследования языкового мышления носителей языка. Мнение носителей языка необходимо учитывать, и оно учитывается каждый раз при решении тех или иных спорных моментов в фонологической системе осетинского языка. Однако прежде, чем обращаться к носителям языка по поводу фонологичности того или иного фонетического признака, этот признак надо обнаружить и описать. Оба метода — инструментальный анализ речи и обращение к мнению носителей языка — не противоречат друг другу, а лишь дополняют друг друга. Иногда может оказаться, что существенные фонетические различия между звуками не воспринимаются носителями языка. Так было, в частности, с определением фонологических признаков звонких и глухих смычных в осетинском языке. Инструментальный анализ выявил, что звонкие неполнозвонки, а глухие в большинстве случаев придыхательны. Однако эти признаки оказались излишними для носителей осетинского языка, которые определяли звонкие как звонкие и при их полнозвонкости, а глухие как глухие даже тогда, когда они не придыхательны [Дзахова, 2008].

Вопрос относительно статуса ассимилированных фонем по-разному решается представителями Московской фонологической школы (МФШ) и Санкт-Петербургской фонологической школы (СПФШ) [Зиндер, 1960, с. 56—59].

Так, например, если мы возьмем слова *водá* и *вóды*, то, с точки зрения МФШ, на месте первого гласного в обоих случаях реализуется фонема /o/. В первом слове она находится в слабой (безударной) позиции, и для определения ее статуса требуется поставить ее в сильную позицию. Иными словами, звуки в слабых позициях объединяются в одну фонему не по акустическому сходству, а по функционированию в составе морфемы.

С позиций СПФШ, в словах *водá* и *вóды* на месте буквы о реализуются разные фонемы - /a/ в первом случае и /o/ во втором случае. То, что не различается в произношении, не различается и в фонемном составе. Фонема с точки зрения СПФШ представляет собой звуковой тип, объединяющий акустически различные звуки, заменяющие друг друга в разных фонетических условиях, но объединенные общей функцией в языке. Так, например, в словах *мал*, *мял*, *мать* гласный *a* произнесен по-разному, то есть мы имеем звуки, отличающиеся акустически, от более переднего до более заднего /a/. Но эти звуки заменяют друг друга в разных фонетических позициях:

после палатализованного согласного гласный более передний, перед палатализованным — более задний.

Отталкиваясь от определения фонемы как наименьшей линейно неделимой звуковой единицы языка, образующей звуковой облик слов и служащей тем самым для различения слов (СПФШ), мы признаем, что качество согласного должно определяться по его реальным акустическим характеристикам в каждом конкретном случае, а не по сильной позиции. Иными словами, если в сочетании *x+дж* звонкая аффриката /dʒ/ в результате прогрессивной ассимиляции по глухости будет произнесена как глухая парная ей аффриката [tʃ] (что должно подтвердиться данными анализа осциллограмм), то в транскрипции необходимо обозначать глухую аффрикату /tʃ/, а не объединять ее вместе с /dʒ/ в одну фонему.

Основным методом, используемым в исследовании, является инструментальный метод. В качестве технического средства для инструментального анализа речи использована компьютерная программа Praat, позволяющая выполнить осциллографический анализ речи. Осциллограммы представляют собой надежный инструмент для получения объективной информации о качестве звука. Подробнее об этом можно посмотреть в [Бондарко, 1981]. Так, например, звонкие смычные согласные имеют на осциллограмме рисунок, состоящий из двух частей: волнистая линия, соответствующая звонкой смычке, и высокие составляющие в момент взрыва.

Глухие смычные, в отличие от звонких, не имеют периода основного тона, поэтому фазе смычки соответствует ноль звука, нулевая линия на осциллограмме. Взрыв характеризуется высокочастотным шумом. Для осетинских глухих смычных характерно также придыхание, которое фиксируется на осциллограммах в виде частотной шумовой «щеточки» после взрыва. Наглядно разница между глухой фонемой /t/ и звонкой фонемой /d/ видна ниже на изображениях (рис. 1, рис. 2).

Рис. 1. Звук [t] в слове худ

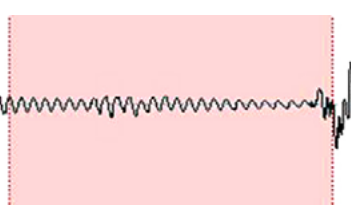

Рис. 2. Звук [d] в слове мидбыл

Рисунки звонких и глухих щелевых также отличаются на осциллограммах. В рисунке звонких щелевых присутствуют колебания основного тона

(рис. 4), которые осложняются высокочастотными шумовыми составляющими. На осциллограммах глухих щелевых отсутствуют колебания основного тона и заметна более интенсивная шумовая составляющая (рис. 3).

Рис. 3. Глухой [s] в слове *мыдбахацыд*

Рис. 4. Звонкий [z] в слове *мызд*

При этом интенсивность щелевых *ф* и *в* значительно меньше, чем щелевых *с* и *з*, что отражается на осциллограммах (рис. 5, рис. 6).

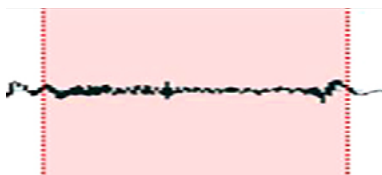

Рис. 5. Глухой [f] в слове *нывтае*

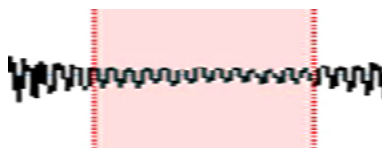

Рис. 6. Звонкий [v] в слове *нывджын*

Аналогично обстоит дело и с аффрикатами. Поскольку аффрикаты — это звуки со сложной артикуляцией (смычка + щелевая часть), то для глухой аффрикаты *ч* на осциллограмме фазе смычки соответствует нулевая линия, далее следует высокочастотная шумовая составляющая (рис. 7). На осциллограмме звонкой аффрикаты *дж* фазе смычки соответствует волнистая линия (колебания голосовых связок), щелевая часть также характеризуется колебаниями основного тона (рис. 8).

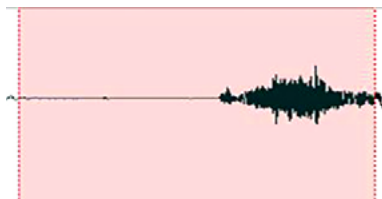

Рис. 7. Аффриката [tʃ] в слове *митджын*

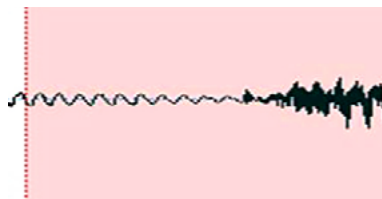

Рис. 8. Аффриката [dʒ] в слове *низджын*

В зарубежной лингвистике для определения звонкости / глухости согласных используют критерий «время начала озвончения» (ВНО, англ. VOT — voice onset time). Это интервал между началом размыкания смычки взрывного согласного и моментом начала колебания голосовых связок. Термин был введен в употребление американскими фонетистами Л. Лискером и А. Абрамсоном в 60-е годы XX века. Этот признак может быть полезен для исследования согласных в начальной позиции. В отечественном языкознании данный признак активно используют А. Ю. Вихрова и Т. В. Лыпкань [Вихрова, 2023; Лыпкань, 2018]. Так, например, Т. В. Лыпкань было установлено, что «в русском языке глухие смычные согласные [п, т, к] обладают кратким позитивным ВНО (18—38 мс); звонкие смычные [б, д, г] обладают негативным ВНО (70—78 мс), поскольку периодические колебания начинаются перед фазой взрыва согласного. В немецком языке глухие смычные согласные [p, t, k] обладают длинным позитивным ВНО (31—75 мс); фонетически полувзвонкие или оглушенные [b, d, g] обладают кратким позитивным ВНО (5—21 мс)» [Лыпкань, 2018, с. 365].

В нашем исследовании признак ВНО не используется в силу отсутствия последующего гласного, поскольку анализируется конечный смычный.

Материал исследования составляют 235 осетинских слов, в которых представлены все возможные консонантные сочетания. Произведена цифровая запись слов носителями осетинского (иронского) языка, в речи которых не наблюдается отклонений от узуального нормативного произношения. В данной статье представлены результаты анализа речи трех носителей для демонстрации алгоритма определения фонемного статуса согласного *ð* в консонантных сочетаниях. Работа продолжается, так как делать окончательные выводы возможно только на достаточно репрезентативном языковом материале. В частности, предполагается привлечь не менее десяти носителей языка.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Актуальность проводимого исследования

Основная задача, которую необходимо решить для создания орфоэпического словаря осетинского (иронского) языка, — сформулировать правила для автоматического транскриптора. При этом на данном этапе речь идет о транскрипторе для письменного текста. Иными словами, специально созданная на основании правил компьютерная программа должна преобразить графический облик слова и его фонематическую транскрипцию, то есть представить слово *фырт*, например, в виде /fərt/. И для этого необходимо, в первую очередь, проанализировать, каким комбинаторным изменением подвергаются согласные осетинского языка в устной речи.

Все возможные сочетания согласных осетинского языка были разделены по группам в зависимости от позиционных и комбинаторных особенностей. В данной статье приведены результаты анализа смычного *д* в позиции конца слова после сонантов *н* /n/, *р* /r/, *л* /l/, *й* /j/ и шумных согласных *гъ* /g/, *в* /v/. В осетинском языке, как и в некоторых других индоевропейских, действует закон конца слова, то есть на месте звонкого согласного реализуется парный ему глухой — в случае, если согласный стоит в позиции конца слова после гласного. Предстоит выяснить, «работает» ли этот закон в тех случаях, когда звонкому согласному предшествует сонант или шумный согласный.

3.1. Согласный *д* в позиции после сонанта *н*

Сочетание *нд* встречалось в словах *сæрмагонд* «главный», *барзонд* «высокий», *заæронд* «старый».

Сложность осциллографического анализа данного сочетания обусловлена тем, что оба согласных — /n/ и /t/ — переднеязычные зубные смычные. Иными словами, смычка у обоих согласных совпадает. Поэтому анализ осциллограмм проводился при параллельном слуховом контроле, чтобы определить, соответствует ли волнистая линия согласному *н* или *д*.

В речи всех дикторов данное сочетание произнесено как /nt/, то есть на месте орфографического *д* реализован глухой согласный /t/. Это можно увидеть по наличию нулевой линии, соответствующей глухой смычке согласного (рис. 9). Двойной взрыв на осциллограмме может быть свидетельством особой артикуляции смычного, когда кроме смычки в полости рта смыкаются голосовые связки. Такая артикуляция часто встречается в осетинском языке, она характерна для осетинских смычно-гортанных согласных. Надо отметить, что это не единственный случай, когда на осциллограмме смычного виден двойной взрыв. Однако на слух это не воспринимается.

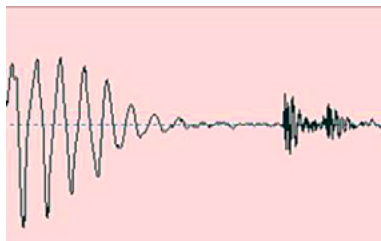

Рис. 9. Сочетание *нд* /nt/ с глухой смычкой

В некоторых случаях на осциллограмме видна волнистая линия, соответствующая смычке. Однако при слуховом контроле можно установить,

что она соответствует сонанту /n/. Согласный, реализованный на месте *д*, произнесен без смычной части, сразу за смычкой /n/ следует глухой взрыв (рис. 10).

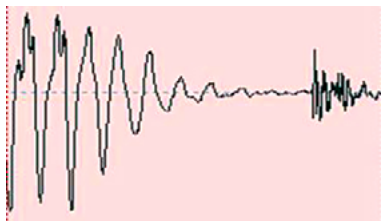

Рис. 10. Сочетание *nd* /nt/ с озвонченной смычкой

3.2. Согласный *д* в позиции после сонанта *р*

Сочетание — *рд* встречалось в словах *лавеард* «подарок», *амбырд* «собрание», *цард* «жизнь». По данным слухового анализа, на месте звонкого *д* всеми дикторами произнесен глухой смычный /t/. На осциллограмме видна глухая смычка (нулевая линия). Для самого сонанта *р* характерно гласноподобное окончание, напоминающее гласный *ы*. Уменьшение амплитуды на осциллограмме соответствует моменту сближения языка с верхними зубами, а увеличение амплитуды — артикуляционному раскрытию согласного *р*. Поэтому акустически между согласным *р* и следующим согласным всегда бывает слышен призвук *ы*.

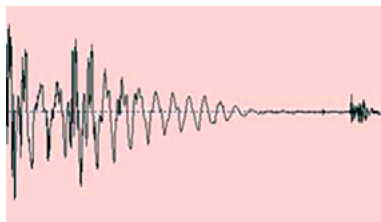

Рис. 11. Сочетание *рд*

3.3. Согласный *д* в позиции после сонанта *л*

Сочетание *лд* в словах *калд* «пролитый», *змелд* «движение», *фембалд* «встреча» также, по данным слухового анализа, произнесено с глухим согласным /t/ на месте орфографического *д*. По данным осциллограмм также можно определить смычный как глухой, так как моменту смычки соответствует нулевая линия (рис. 12). Сам согласный /t/ может произноситься и с придыханием, и без него.

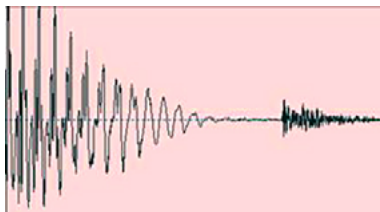

Рис. 12. Сочетание *ld*

Для этого сочетания, так же как и для сочетания *нд*, трудно отделить смычку согласного *л* от смычки согласного *д*, так как место образования у них одинаковое (рис. 13). Поэтому решение принимается каждый раз при слуховом контроле.

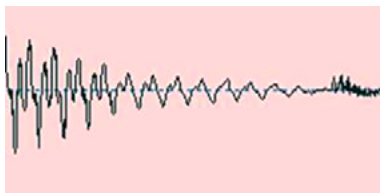

Рис. 13. Сочетание *ld* с озвонченной смычкой

3.4. Согласный *д* в позиции после сонанта *й*

Сочетание *йд* встретилось в словах *архайд* «действие» и *сайд* «обман». В речи всех дикторов произнесено как */jt/*, то есть на месте звонкого *д* произнесен глухой смычный */t/*. На осциллограмме взрыву согласного предшествует нулевая линия. Сам взрыв характеризуется шумовыми составляющими и придыханием (рис. 14).

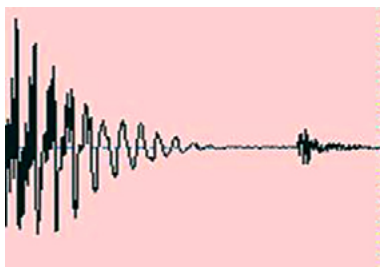

Рис. 14. Сочетание *йд*

3.5. Согласный *д* в позиции после щелевого *гъ*

Следующее сочетание, в котором встречается конечный *д*, это позиция после звонкого увулярного щелевого *гъ*, обозначаемого в транскрипции как */в/* (*уагъд* «распущенный», *тагъд* «быстро», *хыгъд* «счет»). В данном случае теоретически возможно несколько вариантов взаимодействия согласных: и прогрессивная ассимиляция по звонкости, препятствующая оглушению конечного *д*, и регрессивная ассимиляция по глухости, способствующая оглушению согласного *гъ* (то есть произношению на его месте парного ему глухого согласного */х/*).

В речи двух дикторов сочетание было реализовано как */кт/* (рис. 15). На осциллограмме видны периоды основного тона согласного *гъ*, соответствующие работе голосовых связок, что характеризует его как звонкий щелевой. Для согласного, реализованного на месте *д*, видна нулевая смычка, что говорит о его глухости. Такое произнесение данного сочетания говорит об отсутствии коартикуляции в данном сочетании: конечный *д* реализован как глухой в соответствии с законом конца слова, на него не действует предшествующий звонкий */в/*. Но конечный глухой тоже не влияет на предшествующий звонкий.

Рис. 15. Сочетание *гъд*, реализованное как */кт/*

В речи третьего диктора сочетание произнесено как */хт/*, о чем говорит характер осциллограммы согласного, произнесенного на месте орфографического *гъ* (рис. 16). Сам согласный */т/* произнесен как придыхательный.

Рис. 16. Сочетание *гъд*, реализованное как */хт/*

3.6. Согласный *д* в позиции после щелевого *в*

Согласный *д* встречался также в позиции после щелевого звонкого *в* (*авд* «семь», *ивд* «измененный»). Во всех случаях вместо звонкого *д* был произнесен глухой согласный */t/*, что наглядно видно на осциллограмме (рис. 17).

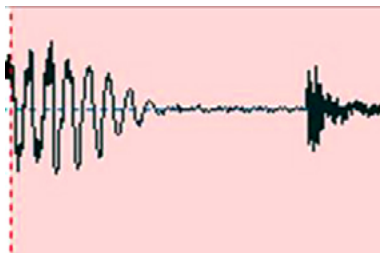

Рис. 17 Сочетание *вд*

При этом сам звонкий согласный *в* по-разному произносился дикторами. В речи двух дикторов в слове *авд* был реализован звонкий */v/*, в слове *ивд* — глухой */f/*. В речи третьего диктора в обоих словах на месте *в* реализован глухой */f/*. Разница в осциллограммах */f/* и */v/* очевидна: */v/* более интенсивный и имеет четкие периоды основного тона (рис. 19), в то время как рисунок */f/* характеризуется шумовыми составляющими (рис. 18).

Рис. 18. */f/* на месте *вд*

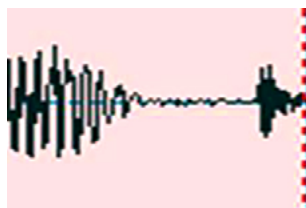

Рис. 19. */v/* на месте *вд*

Поскольку сильной позицией согласного считается интервокальная позиция, в которой согласный полностью реализует свои признаки, было принято решение сравнить осциллограммы конечного смычного *д* с осциллограммой согласного *д* из слова *уадынз* «свирель», в котором *д* находится в интервокальной (сильной) позиции. На осциллограмме четко видны периоды основного тона, соответствующие звонкой смычке, и звонкий взрыв (щетка, соответствующая высокочастотным составляющим, небольшая, накладывается на колебания основного тона) (рис. 20).

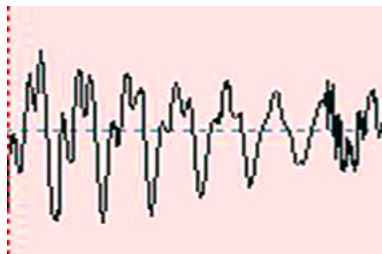

Рис. 20. Согласный /d/ в интервокальном положении

В отличие от звонкого *d* глухой смычный *t* имеет на осциллограмме другой рисунок: нулевая линия, то есть отсутствие колебаний голосовых связок, и взрыв, не имеющий периодов колебания основного тона и «отягощенный» на всей своей протяженности высокочастотными составляющими (рис. 21).

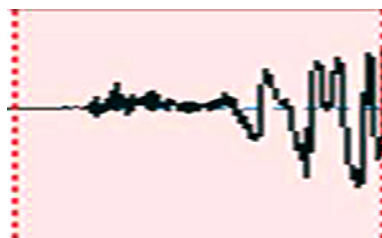

Рис. 21. Начальный согласный /t/ из слова *тыхстдзинад*

4. Заключение = Conclusions

Анализ звукового материала, проведенный с помощью компьютерной программы PRAAT при одновременном слуховом анализе, выявил, что во всех случаях на месте орфографического звонкого переднеязычного согласного *d* реализуется парный ему глухой смычный /t/ независимо от качества предшествующего согласного. В экспериментальном материале согласный *d* встречался в комбинации после сонантов *й, л, р, н* и после шумных *сʼб, в*.

Что касается качества согласных, предшествующих согласному *d*, то сонанты не меняли своего качества. Шумные согласные могли оглушаться и произноситься как парные им глухие (/χ/ вместо /γ/, /f/ вместо /v/), могли не оглушаться и произноситься как звонкие.

Таким образом, в двухчленных сочетаниях «согласный + *d*» последний реализуется в соответствии с действующей в языке фонологической

программой, не допускающей произношения звонких смычных в позиции конца слова.

Для определения качества предшествующего согласного необходимо увеличить количество дикторов. Если большинством дикторов предшествующие согласные будут произнесены как глухие, то в транскрипции они автоматически будут обозначаться как глухие, возникшие в результате регрессивной ассимиляции по глухости. Если же реализации распределятся поровну или с преобладанием звонких согласных, то и в транскрипции в данных сочетаниях будет обозначаться звонкий согласный. В таком случае мы должны будем признать отсутствие ассимиляции.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Андронов А. В. К проблеме фонетического вмешательства в фонологические рассуждения / А. В. Андронов // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2023. — № 4. — С. 206—229. — DOI: 10.31912/pvrgli-2023.4.14.
2. Баскаева Ж. Х. Согласные фонемы современного осетинского литературного языка / Ж. Х. Баскаева // В книге : Фонологические проблемы современного осетинского языка. — Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 2014. — С. 22—25. — ISBN 978-5-8336-0792-3.
3. Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л. В. Бондарко. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1981. — 199 с.
4. Вихрова А. Ю. Время начала озвончения взрывных смычных согласных в устной речи монолингвов в России / А. Ю. Вихрова, Т. В. Лыпкань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — № 9. — С. 2741—2751. — DOI: 10.30853/phil20230430.
5. Гацалова Л. Б. О составе фонем в осетинском языке / Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 544.
6. Дзахова В. Т. а Фонетические процессы в сочетаниях согласных (на материале осетинского языка) / В. Т. Дзахова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — № 6. — С. 1925—1930. — DOI:10.30853/phil20240276.
7. Дзахова В. Т. Релевантные признаки простых смычных согласных осетинского (иронского) литературного языка / В. Т. Дзахова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 3 (145). — С. 121—124.
8. Дурягин П. В. а. Реализация сочетаний гоморганных взрывных согласных на стыках слов в современном русском языке / П. В. Дурягин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 7—1 (49). — С. 56—63.
9. Дурягин П. В. б. Изменения согласных по месту и способу образования на стыках слов в некоторых двухфонемных сочетаниях / П. В. Дурягин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : Лингвистика и педагогика. — 2015. — № 2 (15). — С. 78—88.
10. Зиндер Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1960. — 334 с.

11. Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века : норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. — Москва : АСТПРЕСС КНИГА, 2012. — 1008 с. — ISBN 978-5-6046027-1-3.

12. Князев С. В. а. О взаимодействии фонетических параметров, реализующих фонологический контраст по голосу в русском языке / С. В. Князев // Сибирский филологический журнал. — 2021. — № 4. — С. 137—153.

13. Князев С. В. б. Три стратегии коартикуляции по голосу в русском языке / С. В. Князев // Slověne. — 2021. — Т. 10. — № 2. — С. 297—320. — DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.12.

14. Краузе М. Произношение смычных согласных в условиях немецко-русского языкового контакта / М. Краузе, Т. Диттмерс // Социо- и психолингвистические исследования. — 2017. — № 5. — С. 39—51.

15. Либерман А. С. Зачем существует система фонем? / А. С. Либерман // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2020. — Т. 17. — № 4. — С. 537—542. — DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.402>.

16. Лыпкань Т. В. Реализация глухих и звонких смычных взрывных согласных в русской речи детей-билингвов в Германии / Т. В. Лыпкань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 6—1 (84). — С. 104—111. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.24.

17. Сатцаев Э. Б. Фонетические особенности восточноиранских языков (осетинский и афганский языки) / Э. Б. Сатцаев // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2—1. — С. 357.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025,
одобрена после рецензирования 06.06.2025,
подготовлена к публикации 15.06.2025.

References

- Andronov, A. V. (2023). On the problem of phonetic interference in phonological reasoning. *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language*, 4: 206—229. DOI: 10.31912/pvrl-2023.4.14. (In Russ.).
- Baskaeva, J. H. (2014). Consonant phonemes of the modern Ossetian literary language. In: *Phonological problems of the modern Ossetian language*. Vladikavkaz: Publishing House of the North Ossetian State University. 22—25. ISBN 978-5-8336-0792-3. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1981). *Phonetic description of language and phonological description of speech*. Leningrad: LSU Publishing House. 199 p. (In Russ.).
- Duryagin, P. V. a. (2015). The realization of combinations of homo-organ explosive consonants at the junctions of words in modern Russian. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 7—1 (49): 56—63. (In Russ.).
- Duryagin, P. V. b. (2015). Changes in consonants by place and method of formation at the junctions of words in some two-phoneme combinations. *Proceedings of the Southwestern State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2 (15): 78—88. (In Russ.).
- Dzakhova, V. T. (2008). Relevant features of simple bowed consonants of the Ossetian (Irionic) literary language. News of higher educational institutions. *The North Caucasus region. Social sciences*, 3 (145): 121—124. (In Russ.).

- Dzakhova, V. T. (2024). Phonetic processes in consonant combinations (based on the Ossetian language). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 17 (6): 1925—1930. DOI:10.30853/phil20240276. (In Russ.).
- Gatsalova, L. B., Parsieva, L. K. (2014). On the composition of phonemes in the Ossetian language. *Modern problems of science and education*, 5: P. 544. (In Russ.).
- Kalenchuk, M. L., Kasatkin, L. L., Kasatkina, R. F. (2012). *The Great orthoepical Dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the early 21st century: the norm and its variants*. Moscow: ASTPRESS BOOK. 1008 p. ISBN 978-5-6046027-1-3. (In Russ.).
- Knyazev, S. V. a. (2021). On the interaction of phonetic parameters that implement phonological contrast in voice in the Russian language. *Siberian Philological Journal*, 4: 137—153. (In Russ.).
- Knyazev, S. V. b. (2021). Three strategies of coarticulation by voice in the Russian language. *Slove*, 10 (2): 297—320. DOI: 10.31168/2305-6754.2021.10.2.12. (In Russ.).
- Krause, M., Dittmers, T. (2017). Pronunciation of consonants in the context of German-Russian language contact. *Socio- and psycholinguistic studies*, 5: 39—51. (In Russ.).
- Lieberman, A. S. (2020). Why is there a phoneme system? *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 17 (4): 537—542. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.402>. (In Russ.).
- Lypkan, T. V. (2018). The realization of deaf and sonorous consonantal explosive consonants in the Russian speech of bilingual children in Germany. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 6—1 (84): 104—111. DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-1.24. (In Russ.).
- Sattsaeav, E. B. (2015). Phonetic features of the Eastern Iranian languages (Ossetian and Afghan languages). *Modern problems of science and education*, 2—1: P. 357. (In Russ.).
- Vikhrova, A. Yu., Lypkan, T. V. (2023). The time of the beginning of the ringing of explosive consonants in the oral speech of monolinguals in Russia. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 16 (9): 2741—2751. DOI: 10.30853/phil20230430. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1960). *General phonetics*. Leningrad: LSU Publishing House. 334 p. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2025;
approved after reviewing 06.06.2025;
accepted for publication 15.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иванов А. В. Термин *двоеточие* : историко-лингвистическое исследование / А. В. Иванов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 105—127. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-105-127.

Ivanov, A. V. (2025). Dvoyetochiye [Colon]: A Historical-Linguistic Study. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 105-127. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-105-127. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Термин *двоеточие*: историко-лингвистическое исследование

Иванов Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0003-0031-5769

доктор филологических наук,

профессор,

руководитель научно-

исследовательской лаборатории

«Фундаментальные и прикладные

лингвистические исследования»

aivan@lunn.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Dvoyetochiye [Colon]: A Historical-Linguistic Study

Andrey V. Ivanov

orcid.org/0000-0003-0031-5769

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Scientific Research

Laboratory “Fundamental

and Applied Linguistic Research”

aivan@lunn.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Систематизированы сведения о термине *двоеточие* и его аналогах, извлеченные из грамматических и лексикографических источников XVI — начала XIX веков. Используются методы сравнительно-сопоставительного, семантического и историко-лингвистического анализа. Установлено, что слово *двоеточие* имело терминологический статус с момента своего первого упоминания в текстовых источниках в 1619 году. Сообщается, что в период с начала XVII века по 1810 год двоеточие как пунктуационный и диакритический знак реализует ряд функций, каждая из которых соответствует отдельному значению термина. В числе этих значений названы следующие: строчный знак препинания в виде двух вертикальных точек; знак, обозначающий конец фразы; надстрочный знак над ижицей; надстрочный знак над *ī*; надстрочный знак над *ē*; надстрочный знак, обозначающий обособленную звуковую реализацию стоящих рядом гласных букв. Выявлен ряд дублетных терминологических наименований: *две точки* (1738 (вертикальное двоеточие) / 1780 (горизонтальное двоеточие)), *двоесроchie* (XVI век), *двоестрочие* (1640), *двосрочная* (XVII век), *два пункта* (1627), *диерезис* (1788), *трема* (1798), *пункт двоякий* (1730), *два апострофа* (1808). Эти наименования объединены в терминологическое микрополе «Двоеточие», отражающее двоякую репрезентацию соответствующего знака на письме: горизонтальную (как диакритического или псеводиакритического обозначения над буквой) и вертикальную (как знака препинания).

Ключевые слова:

двоеточие; лингвистический термин; пунктуация; пунктуационный знак; терминология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper systematically compiles information about the term *dvoyetochiye [colon]* and its equivalents, drawn from grammatical and lexicographical sources spanning the 16th to the early 19th centuries. Employing methods of comparative, semantic, and historical-linguistic analysis, it establishes that the word *dvoyetochiye [colon]* has held a terminological status since its first recorded mention in textual sources in 1619. The study reveals that from the early 17th century to 1810, the colon as a punctuation and diacritical mark served a range of functions, each corresponding to a distinct meaning of the term. Among these meanings are the following: a linear punctuation mark represented by two vertical dots; a sign indicating the end of a phrase; a superscript mark above the letter *i*; a superscript mark above *ē*; and a superscript mark denoting the distinct phonetic realization of adjacent vowels. The investigation identifies several doublet terminological designations, including *dve tochki [two dots]* (1738 — vertical colon / 1780 — horizontal colon), *dvoestrochie* (16th century), *dvoestrochnaya* (17th century), *dva punkta [two points]* (1627), *diaeresis* (1788), *trema* (1798), *punkt dvoyakiy [double point]* (1730), and *dva apostrofa [two apostrophes]* (1808). These designations are encapsulated within the terminological microfield of “Colon”, reflecting the dual representation of the corresponding sign in writing: horizontal (as a diacritical or pseudo-diacritical mark above a letter) and vertical (as a punctuation mark).

Key words:

colon; linguistic term; punctuation; punctuation mark; terminology.

УДК 811.161.1'373.46+003.086

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-105-127

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Термин *двоеточие*: историко-лингвистическое исследование

© Иванов А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Двоеточие, которое в качестве слова-термина в разное время упоминается в текстовых и лексикографических источниках в различных орфографических вариантах (*двоеточие*, *двоточие*, *двуточие*), традиционно определяется как знак препинания в виде двух точек, расположенных вертикально одна над другой, после которого содержится разъяснение или раскрытие содержания предшествующей этому знаку части предложения.

Изучение *двоеточия* как термина, номинирующего соответствующий знак, с историко-лингвистических позиций носит эпизодический характер. Такого рода информация, как правило, дополняет и иллюстрирует то, что полагается знать о функциях и правилах использования двоеточия в письменной речи с учетом современного состояния русской пунктуации. О двоеточии с упоминанием некоторых фактов из его истории пишут, к примеру, Н. С. Валгина [Валгина, 2004, с. 9], Б. С. Шварцкопф [Шварцкопф, 1997, с. 104] и другие исследователи. Шварцкопф, рассуждая о двоеточии как об одиночном разделительном знаке препинания, в «историко-лингвистическом» разделе статьи со ссылкой на грамматики М. Смотрицкого и Л. Зизания говорит, однако, не о двоеточии, а о его терминологическом аналоге — «двух точках» [Там же], в то время как это обозначение, как показывает исследование, обладает собственным терминологическим статусом. Наиболее подробная информация об истории знаков препинания, в том числе и о двоеточии, приводится в «Основах русской пунктуации» А. Б. Шапиро [Шапиро, 1955].

Целью исследования является систематизация сведений о содержании термина *двоеточие* и его синонимичных именовании, встречающихся в грамматических и лексикографических источниках, датируемых XVI — началом XIX вв. Проводится также уточнение функционального статуса знака, обозначаемого данным термином и его аналогами. В качестве научного результата предлагается описание структуры одноименного терми-

нологического микрополя, формируемого совокупностью синонимичных терминологических номинаций.

Исследование текстовых и лексикографических источников показывает, что в указанный период в семантической структуре этой языковой единицы, которая практически сразу получила статус термина, сформировались как минимум пять значений: (1) знак препинания (1619); (2) надстрочный знак над гласной буквой, указывающий, что соответствующий этой букве гласный произносится отдельно от предшествующего гласного (диереза, трема или подобные им знаки) (1782); (3) надстрочный знак над ижицей («v»), показывающий ее реализацию в речи как гласного звука /и/ (1619); (4) надстрочный знак в славянской письменности над буквой «і» (1725); (5) знак, обозначающий конец фразы (1666). Каждое выявленное значение соответствует определенной функции, которую двоеточие как знак выполняет в письменном тексте. Все эти значения в терминологическом смысле обслуживались целым рядом появившихся в разное время номинаций, обозначавших как вертикальное, так и горизонтальное двоеточие.

В случае вертикального расположения точек двоеточие выступает как знак строчного препинания, а в случае горизонтального расположения — как надстрочный диакритический знак. В последнем случае диакритика может считаться истинной, если приводит к изменению звука, передаваемого той или иной буквой, или псевдодиакритикой, если она является органической частью графического образа буквы и не модифицирует ее звуковое значение.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили текстовые и лексикографические источники, относящиеся к периоду XVI — начала XIX веков, из которых методом сплошной выборки были отобраны контексты, значимые с учетом цели и задач исследования. К числу текстовых источников относятся среди прочих грамматические сочинения Л. Зизания, М. Смотрицкого, Ф. Максимова, Ф. П. Поликарпова-Орлова, В. Е. Адодурова, М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. Шванвица, А. А. Барсова, М. И. Агента, И. Шеллера, Ф. Гелтергофа, Н. Г. Курганова, И. Астахова, В. С. Подшивалова, Д. В. Нехачина, Ф. В. Каржавина, В. Ляцевского, С. Протасова, И. Орнатовского, М. П. Бутовского, Х. Бредера, Ф. Ф. Розанова, И. В. Ягича и др., грамматические рукописи неизвестных авторов и переписчиков, алфавиты, буквари [Агентов, 1762; Адодуров, 2014; Астахов, 1787; Барсов, 1768; Бредер, 1809; Бутовский, 1809; Гелтергоф, 1775; Каржавин, 1794; Курганов, 1793; Ломоносов, 1755; Ломоносов, 1895; Ляцевский, 1788; Максимов, 1723; Нехачин, 1796; Нимчук, 1964; Орнатовский, 1810; Под-

шивалов, 1796; Поликарпов-Орлов, 2000; Протасов, 1788; Розанов, 1810; Смотрицкий, 1619; Смотрицкий, 1648; Тредиакowski, 1748; Шванвиц, 1745; Шеллер, 1787; Ягич, 1895 и др.]. Лексикографические источники принадлежат перу таких авторов, как П. Берында, Л. Зизаний, Ф. П. Поликарпов-Орлов, Ф. Ф. Розанов, И. И. Татищев, П. А. Алексеев, В. Н. Татищев, Н. М. Яновский, Н. Ф. Грамматин и др. [Алексеев, 1794; Берында, 11627; Грамматин, 1808; Нимчук, 1964; Поликарпов-Орлов, 1704; ПФРЛ, 1798; РЛ, 1964; Розанов, 1810; Яновский, 1804].

В ходе исследования используются методы сравнительно-сопоставительного, семантического и историко-лингвистического анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вертикальное двоеточие

3.1.1. Значение 1: строчный знак препинания как индикатор причинно-следственных связей между частями предложения

Основное (первое) значение в семантической структуре слова-термина «двоеточие» возникло, как показывает исследование, уже в начале XVII века. В «Грамматике Славенския правильное Синтагма» Смотрицкого слово в варианте *двоточие* сразу выступает как лингвистический термин, обозначающий строчное препинание (вертикальное двоеточие): «По запатой полагаётся двоточіе, рáзуму глѣмагw слóвом прешедших препинаній кончйтиса совершеннw мóгшу, слóвом же двотóчiа нѣ у[м] в'совершеніе пришедшу, вѣдохомъ обáче восторгаему и'препина́ему» [Смотрицкий, 1619]. В «Грамматике или Писменница языка Словенскаго» (1638) и «Грамматика славенския» (1648) Смотрицкого эти формулировки повторяются [Hrammatiki, 1977, с. 85; Смотрицкий, 1648, с. 56].

В XVII веке термин встречается практически только в букварях и «алфавитах», и (за редким исключением) почти всегда в варианте *двоточие*. При этом статус двоеточия как знака оказывается двойственным. С одной стороны, оно упоминается в ряду с иными знаками строчного препинания: точкой, чертой, запятой [Букварь₁, 1657, с. 154; Букварь₃, 1681; Bragone, 2008, с. 64; Истомин, 1696, с. 12 об.], с другой — относится к просодиям [Букварь₂, 1669, с. 12].

В «Грамоте Холмогорскаго архіепископа Афанасія» встречается термин *двоеточіе*: «...указали мы преосвященный архіепископъ вамъ <...>, чтобъ они во время переписанія писали бѣ рѣчи и литеры, и просодію, и точки, и запятые, и двоеточіе хранили противъ подлинного переписанного отъ насъ чиновника отнюдь непреложно...» [РИБ, 1894, т. XIV, стб. 487]. Составители «Словаря русского языка XI—XVII веков» полагают, что в этом контексте *двоеточие* употребляется в значении 5 (знак препинания,

обозначающий конец фразы) [СРЯ, 1977, т. 4, с. 187]. С нашей точки зрения, здесь реализуется основное (первое) значение этого слова-термина, поскольку под знаками препинания, маркирующими конец фразы, понимаются запятая и точка с запятой (см. раздел 3.1.2).

В начале XVIII века *двоеточие* встречается в риторических трактатах, относится к строчным знакам, членит высказывание на отдельные смысловые части [Максимов, 1723, с. 177], связывается с артикуляторными паузами [Яворский, 1878, с. 32—33], с «малою переменною голоса и едва чувствительною остановкою» [Ломоносов, 1895, т. III, с. 75], с «долгим отдохновением» [Курганов, 1769, с. 103]. Позднее некоторые языковеды рассчитали даже длительность такой паузы, которая «останавливает голосъ на столько времени, сколько намъ надобно, чтобъ сказать въ себѣ *три*» [Нехачин, 1796, т. I, с. 84]; см. также: [Яновский 1804, т. II, стб. 279].

Во 2-й четверти XVIII века в грамматиках начинают появляться формулировки, кодифицирующие употребление двоеточия. В компилятивной грамматике немецкого языка 1730 года двоеточие предписывается ставить в случаях, «когда какая притчина слѣдуетъ, или рѣчь на предходящее и послѣдующее раздѣляется словами» [Немецкая грамматика, 1730, с. 123]. В «Пространной грамматике» Адодурова (1738) указано, что двоеточие «и^является^т часто средину стиха гдѣ смыслъ не такъ совѣршенно оканчивается, какъ въ цѣло^м стихѣ» [Адодуров, 2014, с. 254]. Заметим, что речь здесь не идет о правилах постановки знаков препинания, предложенных самим автором, а о правилах, сформулированных другими грамматистами, которые «покусились правила свои о том предложить». Эту мысль развил Астахов, отметив, что двоеточие «становится для отдѣленія половины стиха, въ полномъ смыслѣ, по поставленіи же онаго, дополняется оной стихъ второю половиною, подобною первой» [Астахов, 1787, с. 16].

В 1745 году Шванвиц в своей «Немецкой грамматике» пишет, что «двоеточіе, или двѣ вмѣстѣ положенныя точки (:) употребляется 1.) тогда, когда періодъ состоитъ изъ двухъ частей или больше, чтобъ оныя части тѣмъ между собою раздѣлить. 2.) Когда слова другаго человѣка упоминаются, или когда рѣчь указываетъ на тѣ слова, которыя за оною слѣдуютъ» [Шванвиц, 1745, с. 67]. В этих правилах двоеточие функционирует как средство выделения прямой речи и как индикатор причинно-следственных связей между частями предложения или большей по объему единицы — периода. В последнем случае двоеточие можно рассматривать как знак, с одной стороны, разделяющий эти части, а с другой — объединяющий их в единое смысловое целое. На эту функциональную двойственность двоеточия обратил внимание Тредиаковский, с точки зрения которого оно «есть раздѣленіе цѣлыя подлинно рѣчи; но съ послѣдующимъ содержаніемъ

еязъ соединенныя» [Тредиаковский, 1748, с. 264]: см. также: [Агентов, 1762, с. 9; Барсов, 1768, с. 56; Курганов, 1769, с. 103; Вуяновский, 1772, с. 349; Российская грамматика, 1981, с. 75 и др.]. Эту точку зрения разделяет Гелтергоф: «Двоеточіе [:] ставится тогда, ...когда въ одномъ періодѣ двѣ особливия рѣчи совѣмъ о разныхъ вещахъ соединяются» [Гелтергоф, 1775, с. 11]. При этом, несмотря на «разность вещей», двоеточие «ставится вообще между такими предложеньями, которыя одно безъ другаго не оканчиваютъ смысла, и которыя составляютъ члены одного періода» [Орнатовский, 1810, с. 307].

Завершить анализ текстовых источников, относящихся к концу XVIII — началу XIX веков, в которых по прошествии почти двух веков сложилось определение термина *двоеточие* и были сформулированы основные правила его употребления, целесообразно цитатой из «Российской грамматики» Розанова: «Двоеточіе (:) употребляется 1) По большей части въ длинныхъ и *многочленныхъ* періодахъ, между первоею и послѣднею половиною... 2) Между предложеньемъ и приводимою на него причиною... 3) При изчисленіи чего-нибудь... 4) Предъ вносными или посторонними словами...» [Розанов, 1810, с. 252]. Как видим, в дополнение к уже известным нам случаям использования двоеточия в письменной речи добавилось еще одно правило — постановка этого знака препинания перед перечислением предметов, относящихся к какому-либо одному виду, роду или классу. Заметим, однако, что в грамматике Розанова этот случай следует воспринимать лишь как обобщенное толкование того же правила, которое уже было предложено ранее в «Словаре Академии Российской» (ср.: «напереді приводимыхъ примѣровъ»).

На протяжении всего XVIII века термин *двоеточие* в подавляющем большинстве случаев выступает в своем традиционном написании. Отклонения встречаются только в отдельных случаях: *двоточіе* [Букварь₄, 1710] и *двучіе* [Курганов, 1769, с. 5; Курганов, 1793, т. I, с. 3; Нехачин, 1796, т. I, с. 84].

Как показывает исследование, термин *двоеточие* стал объектом лексикографирования уже в середине XVII века. В работе Зизаня «Синонима славеноросская» читаем: «Двѣ точки або два пункти двоточіе двосрочіе» [Нимчук, 1964, с. 109]. Следующее упоминание об этом знаке строчного препинания встречается только в 1771 году в «Российском Целлариусе» Гелтергофа, где этот термин сопоставляется «колону» [Гелтергоф, 1771, с. 531].

В период с 1771 по 1808 годы термин встречается неоднократно в переводных двуязычных словарях Жданова, Гейма, Грамматина и др., будучи сопровождаем немецким и английским эквивалентами, а также в толковых словарях, наиболее ценными из которых в интересующем нас смыс-

ле выступают «Словарь Академии Российской» (1794) и «Новый словотолкователь» Яновского (1804). В первом источнике двоеточие трактуется как «знакъ правописанія», который ставится «1) Въ концѣ одного изъ членовъ періода, коего смыслъ хотя и полонъ, но зависить нѣкоторымъ образомъ отъ другаго. 2) напередѣ приводимыхъ примѣровъ, причинъ и вносныхъ рѣчей» [САР, 1794, т. VI, стб. 215]. Во втором источнике находим следующее: «...онъ поставляется въ концѣ одного изъ членовъ періода, за которымъ слѣдуетъ другой, служащій или къ распространенію или къ поясненію перваго; такъ же на передѣ приводимыхъ примѣровъ, причинъ и вносныхъ рѣчей» [Яновский, 1804, т. II, стб. 278]. Приведенные здесь контексты в дополнительных комментариях не нуждаются, поскольку всего лишь аккумулируют уже имеющуюся информацию о двоеточии, которая предлагается в более ранних текстовых источниках.

Термин *двоеточие*, будучи калькой лат. *duo puncta* или греч. *δισχις*, обязан своим происхождением старославянскому термину *двоестрочіе* (см. раздел 3.1.3.5), образованному, в свою очередь, от слова *строка*, то есть ‘точка’ [Багриновский, 2020, с. 297].

3.1.2. Значение 5: строчный знак препинания, обозначающий конец фразы

Первое упоминание о *двоеточіи* как о строчном знаке составители «Большого академического словаря русского языка» [БАСРЯ, 2006, т. IV, с. 550] с отсылкой к «Словарю русского языка XI — XVII веков» [СРЯ, 1977, т. 4, с. 187] относят к 1666 году, но не в общепринятой трактовке его функционала, описанного в рамках значения 1, поскольку в источнике, датированном этим годом, *двоеточіе* выступает в значении 5. В частности, в «Романо-борисоглебскаго попа Лазаря росписи вкратце нововводным церковным раздором, ихже собра Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер» говорится: «...да отступать отъ насъ вся воздушная и неявленная привидѣнія, и да не утаится въ водѣ сей демонъ темный. И посемъ двоеточіе» [Материалы раскола ..., 1878, т. IV, с. 187]. Нетрудно представить себе, как выглядел этот знак в представлении попа Лазаря, поскольку в великой ектении как части «Послѣдованія святого крещенія» находим текст этой молитвы в ее церковнославянском изводе: «Молимсѧ тебѣ, гдси, да ѡступѧтъ ѡ насъ всѧ воздушнаѧ ѧ неявиѣннаѧ привидѣнїѧ: ѧ да не ѡутѧтсѧ въ водѣ сей дѣмѡнъ тѣмный: ниже да снѣдетъ съ крещѧющимся дѹхъ лукавый, помрачѣнїе помыслѡвъ, ѧ матѣжъ мысли наводѧй: но ты, влдко всѣхъ, покажи водѹ сїю, водѹ избавленїѧ, водѹ ѡспѣнїѧ...». В современном русском переводе отрывок звучит следующим образом: «Молимся Тебе, Господи, да отступят от нас все воздушные и неясные призраки, и да не утаится в воде сей демон темный, и да не сойдет с крещающимся

дух лукавый, помрачение помыслов, и смятение мысли наводящий; но Ты, Владыка всех, яви эту воду водою избавления, водою освящения...». Сравнение знаков препинания в церковнославянском и русском текстах показывает, что двоеточию здесь соответствуют запятые, разделяющие независимые предложения, а также точка с запятой, реализующая аналогичную функцию, но при этом отделяющая от предыдущей части предложения обобщающую его часть.

3.1.3. Случаи терминологической синонимии

У термина *двоеточие* в рассмотренных выше значениях на протяжении всего периода формирования семантической структуры возникают несколько дублетных номинаций, в числе которых следующие: *два пункта*, *две точки*, *двоесрочие*, *двоестрочие*, *двосрочное*, *пункт двоякий*.

3.1.3.1. Два пункта

Термин *два пункта*, по данным исследования, впервые фиксируется в 1627 году в «Лексиконе Славеноросском» Берынды и в середине XVII века заимствуется Зизанием в его «Синонима славеноросская». Оба упоминания не сопровождаются какими-либо пояснениями, за исключением того, что у Берынды этот термин представляет собой толкование термина «*двосрочие*», а у Зизания — наоборот. Ср.: «Двосрочіе: Двѣ точцѣ, двѣ пѹнкта» [Берында, 1627, стб. 49]; «Двѣ точки або два пункти двоточіе двосрочіе» [Нимчук 1964, с. 109]. В текстовых источниках эта номинация не встречается.

3.1.3.2. Две точки

Терминологическая единица *две точки*, как показывает исследование, впервые используется Адодуровым в 1738 году в его «Пространной грамматике» [Адодуров, 2014, с. 253]. Позднее этот термин встречается в «Немецкой грамматике» Шванвица [Шванвиц, 1745, с. 67], в «Российской грамматике» Ломоносова, показывая «примѣры, причины и рѣчи вносныя наперед» [Ломоносов, 1755, с. 51], в «Азбуке церковной и гражданской» Барсова [Барсов, 1768, с. 55], в «Вожаке...» Каржавина [Каржавин, 1794, с. 19], в «Сокращенном курсе Российскаго слога» Подшивалова, с точки зрения которого «двѣ точки ставятся тамъ, гдѣ находится полсмысла, или гдѣ мысль кончится; но требуя объясненія, далѣе продолжается, или иногда для подлинности своей раздѣляется» [Подшивалов, 1796, с. 20], а также в ряде других, более поздних источников, где эта номинация используется параллельно термину *двоеточие*.

Термин *две точки* впервые лексикографирован в тех же источниках, что и предшествующая терминологическая номинация *два пункта* (см. раздел 3.1.3.1). После упоминания у Зизания он встречается в 1722 году в «Лексиконе сиречь Словеснике Славенском» [Лексикон 1722, с. 6 об.],

а в конце XVIII века — в «Церковном словаре» Алексеева как элемент метаязыкового описания в составе определения термина *двоеточіе* [Алексеев, 1794, т. I, с. 196]. В 1808 году термин обнаруживается в «Новом Английско-Российском словаре» Грамматина: «Colon, s. двоеточіе, двѣ точки» [Грамматин, 1808, с. 155].

3.1.3.3. Двоесрочіе (двосрочіе)

Термин *двоесрочіе* в числе строчных препинаний, или точек, впервые фиксируется в XVI веке в нескольких источниках: 1) в списках рукописи «О еже како просодия достоит писати и глаголати» [Ягич, 1895, с. 747]; 2) в «Книге, глаголемой Алфавит, содержащей в себе толкование иностранных речей» [Сказания 1849, т. II, с. 157]; 3) в «Грамматике словенской» Зизания, согласно которому двоесрочіе употребляется, «еігда глі́ощей, нѣ съвершеннѹ рѣчь ізречемъ, вѣ́баче жѣ съвершеннѣ́шу ѿ ѣ́же за запато́ю» [Зизаний, 1596, с. 14].

Двоесрочіе продолжает употребляться в первой половине XVII века, в основном в грамматических трактатах (алфавитах) и грамматиках «по языку словенску» в числе знаков препинания, именуемых «лицами этимологии или истиннословия». Во второй половине XVII века и позднее этот термин выходит из употребления.

Случаи лексикографической фиксации можно считать единичными. Помимо «Лексикона Славеноросского» Берынды (1627) и «Синонима славеноросская» Зизания (середина XVII века) термин в варианте *двоесрочіе* обнаруживается единожды после 1650 года в «Лексиконе славено-латинском» Елифания Славинецкого: «Двосрочіе. D[u]o puncta» (ЛСЛ, 1973, с. 442).

3.1.3.4. Двосрочное

Номинация *двосрочное* представляет собой субстантивированный вариант прилагательного *двосрочный* и встречается только в рукописи XVII века «Грамматичество» в качестве «лица разделительного» в ряду таких строчных препинательных знаков, как *срока* (точка), запятая и пр. [Алфавит₂, 39 об.; Ягич, 1895, с. 994].

3.1.3.5. Двоестрочіе (двострочіе)

Впервые, согласно результатам исследования, слово *двоестрочіе* встречается в 1640 году в «Алфавите слов неясных» [Алфавит₃, 1640, с. 86], будучи отнесено к разряду «точек», то есть строчных знаков препинания, которыми «изъявляется» или «изъяняется» этимология. Второй случай такого употребления находим в «Книге глаголемой Алфавит» [Алфавит₁, с. 56], датируемой концом XVII века.

Анализ текстовых источников показывает, что терминологическое обозначение *двоестрочіе* обладает многозначностью, появляясь еще в двух значениях, относящихся к разным периодам времени: 1) стих или строфа,

состоящая из двух строчек (1659 год и позднее), и 2) бустрофедон (1810). Многозначность термина вытекает из семантической двойственности номинации *строка*, лежащей в его основе: она может и выступать в качестве обозначения строки в поэтическом произведении, и обозначать точку, синонимом которой, в свою очередь, является *срок*.

Обнаруженные нами случаи лексикографирования термина *двоестрочие* (*двострочие*) относятся в основном к началу XVIII века, причем орфографический вариант *двострочие* оказывается хронологически наиболее ранним: 1) в «Лексиконе русско-латинском» («двострочие duo puncta» [ЛРЛ, 1700, с. 56]); 2) в «Лексиконе трехязычном» Поликарпова-Орлова («двоестрóчiе, διςτιχis, duopuncta» [Поликарпов-Орлов, 1704, с. 84]); 3) в «Рукописном лексиконе», датируемом 1-й половиной XVIII века и приписываемом перу В. Н. Татищева (*двоестрочие* [РЛ, 1964, с. 84]). Последний случай лексикографической фиксации сложно назвать бесспорным, поскольку Татищев ограничивается только леммой, не приводя к ней ни пояснений, ни переводных эквивалентов.

3.1.3.6. Пункт двоякий

Данная номинация появляется только в «Немецкой грамматике» 1730 года и выступает как элемент метаязыкового описания терминов *колон* и *двоеточие*, относящихся к разряду строчных знаков препинания [Немецкая грамматика ..., 1730, с. 123].

3.2. Горизонтальное двоеточие

3.2.1. Значение 3: надстрочный знак над ижицей

В 1619 году Смотрицкий использует термин *двоеточие* применительно к ижице, над которой ставится знак горизонтального двоеточия или другой знак (псили, знак ударения) с целью показать звуковую реализацию ижицы в речи как гласного /и/. В той же функции *двоеточие* могла заменять *кендема*, которую иногда ошибочно называют *двойным грависом* или *двойной вариет* из-за внешнего сходства со знаком тяжелого ударения. Такие обозначения встречаются обычно в греческих заимствованиях: «Ѹ: Грѣским то́чию речѣнемъ есть прикладно, иногда гласнагѡ, и, силу имѹще, двотóчiемъ свѣише ѡзнаменовано бывше» [Смотрицкий, 1619]. В изданиях «Грамматики или Писменница языка Словенскаго» (1638) и «Грамматика славенская» (1648) дословно повторена эта формулировка [Hrmmmatiki, 1977, с. 85; Смотрицкий, 1648, с. 56]. Она же встречается в «Прологе сентябрьской и мартовской половины года» [Пролог, 1643, с. 951 об.], в «Апостоле» [Апостол, 1644, с. 313], а также во 2-й половине XVIII века, когда грамматика Смотрицкого без указания авторства была опубликована под названием «Грамматика доброглаголивана славенороссийскаго языка» [Грамматика славенороссийская ..., 20 об.].

3.2.2. Значение 4: надстрочный знак над русской буквой *і*

В период до 1810 года в этом значении термин обнаруживается только единожды в «Технологии» Поликарпова-Орлова (1725): «Над' літерою *i*, когда дѹхъ, и' когда двоточіе, или удареніе полагается» (Поликарпов-Орлов, 2000, с. 249). Двоеточие передавало звук /и/, обозначенный соответствующей буквой, если она находилась перед гласными, а также в позиции перед согласными в заимствованных греческих словах на месте йоты (*i*) и дифтонгов *ei*, *oi* [Алипий, 1991, с. 18].

3.2.3. Значение 2: надстрочный знак раздельного произнесения звуков в сочетании из двух гласных

Наряду с упомянутыми выше значениями в семантической структуре слова-термина *двоеточие* со временем возникает еще одно, отражающее специфику реализации гласных звуков в звукосочетаниях, состоящих из двух гласных. Речь идет об одном из значений синонимичного *двоеточию* термина *диереза* как обозначения надстрочного диакритического знака: две точки над буквой, указывающие, что соответствующий этой букве гласный звук произносится отдельно от предшествующего гласного.

Это значение, как показывает исследование, сформировалось в последней четверти XVIII века и связано прежде всего с возросшим интересом к изучению французского языка как языка «просвещенной Европы», поэтому основными текстовыми источниками, в которых встречается термин в этом значении, выступают «Новая французская грамматика» Астахова (1782; 1787), «Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений Французских» Каржавина (1794) и под. Характерный пример интересующего нас терминопотребления находим в каржавинском «Вожаке...»: «Тогда единственно надлежит ставить двоеточіе надъ самогласною, когда она можетъ съ предъидущею самогласною же двоякимъ образомъ выговариваться...» [Каржавин, 1794, с. 26].

Астахов использует термин *двоеточие* в контексте своих рассуждений об особенностях произнесения французской буквы *i* в составе гласных звукосочетаний, в частности, *oui* (*ouïr*) и его производных. В XVI—XVII веках упомянутое звукосочетание рассматривалось как неделимое, и знак двоеточия над *i* ставился с целью показать обособленное произнесение этого звука [Гак, 1959, 22]. Наряду с *i* Астахов комментирует постановку двоеточия над *u* (*ü*) и другими гласными буквами, но связывает это не с функцией расчленения звукосочетания на составные элементы, а с усилением громкости и напряжения при произнесении («для громкаго произношенія оныхъ») [Астахов, 1787, с. 14]. Эта произносительная особенность выходит, однако, за рамки функционала обсуждаемого здесь надстрочного знака.

3.2.4. Случай терминологической синонимии

3.2.4.1. Две точки

Номинация *две точки* аккумулирует в своей семантической структуре несколько значений (без учета значения, связываемого со строчными знаками препинания): 1) надстрочный знак над буквой, указывающий, что соответствующий этой букве гласный звук произносится отдельно от предшествующего гласного (то же, что *диереза* или *трема*); 2) надстрочный знак в славянской письменности над буквой (*i*), передававшей звук /и/ перед гласными, а также перед согласными в заимствованных греческих словах на месте йоты (*i*) и дифтонгов *ei*, *oi*; 3) псевдодиакритический знак в русском языке над буквой (*ë*), передающий ее произношение как /jo/.

В первом значении термин ожидаемо появляется в грамматиках французского языка, опубликованных в последней четверти XVIII века: «(“) Двѣ точки поставленныя надъ словомъ, называются *dierefe*» [Пеплие, 1780, с. 24]; «Что такое *Diaerelis* (*dierefe*)? Двѣ точки, которыя становятся надъ гласною, если особливо ее выговаривать должно» [Теплов, 1787, с. 23]; «... Сей знакъ, двоеточіе становится для того, когда онъ стоитъ надъ *і* съ двумя точками, то надлежало бы тутъ стоять буквѣ игрекѣ, напримѣръ, оиіг слышать» [Астахов, 1787, с. 14]; «Двѣ точки ставятся надъ самогласною, въ знакъ того что она не сливается въ произношеніи съ предъидущей самогласною же буквою; то есть не выговаривается однимъ съ нею голосомъ, но своимъ особнымъ...» [Каржавин, 1794, с. 26].

С учетом того, что в древнегреческом языке и латыни также есть диграфы и дифтонгические сочетания, элементы которых могут произноситься раздельно, соответствующее графическое средство обособления второго элемента в таких буквосочетаниях упоминается и в грамматиках этих языков. К примеру, Шеллер называет его *двумя точками разделительными* (перевод лат. *puncta diaeretica*), указывая на функцию этого знака [Шеллер, 1787, с. 12]. Искомая номинация встречается в «Греческой грамматике» Лящевского [Лящевский, 1788, с. 5], «Латинской грамматике» Бредера [Бредер, 1809, с. 1] и др.

Во втором значении, отражающем специфику применения на письме буквы *i* перед гласными, а также перед согласными в заимствованных греческих словах на месте йоты (*i*) и дифтонгов *ei*, *oi*, данный термин в 1748 году используется Тредиаковским в его сочинении об орфографии: «Но что нынѣ, двѣ сіхъ точекекъ ставітся і въ гражданской печати; то подлинно какъ безъ нужды, такъ і не на тотъ, на который надобно, обрабещъ всіяра» [Тредиаковский, 1748, с. 228—229].

В третьем значении термин *две точки* встречается применительно к горизонтальному двоеточию над русской буквой *ë*. Это обозначение целесоо-

бразно охарактеризовать как псевдодиакритическое с учетом самостоятельного существования этой буквы в русском алфавите, никак не связанного с буквой *e* и особенностями ее звуковой реализации. Справедливости ради, следует сказать, что еще в начале XIX века грамматисты отказывали букве *ë* в самостоятельности, считая ее разновидностью буквы *e*, поэтому о «псевдодиакритичности» горизонтального двоеточия в этом смысле можно говорить лишь применительно к нынешнему статусу буквы *ë*. Случай такого терминопотребления отмечен в «Грамматике российского языка в пользу польского юношества» Бутовского: «Нѣкоторые для означенія голоса буквы *e*, произносимаго иногда такъ, какъ Польское *io*; поставляютъ надъ онымъ двѣ точки (*ë*). Другіе писали вмѣсто того: *ê. îö. йо. ъо*» [Бутовский, 1809, с. 23].

Первая лексикографическая фиксация термина *две точки* с учетом горизонтального написания соответствующего знака, по результатам нашего исследования, обнаруживается в 1786 году в «Полном Французском и Российском Лексиконе» в словарной статье, посвященной термину *tréma*: «TRÉMA, adj. de t. g. & de tout nombre, Съ двумя точками; говорится о гласныхъ буквахъ, надъ которыми поставятся двѣ точки... TRÉMA, бываетъ иногда существительное, на прим. Il faut mettre un tréma sur cette voyelle, надобно поставить двѣ точки надъ сею гласною буквою» [ПФРЛ, 1786, II, с. 631]. В 1798 году во втором издании этого словаря под редакцией И. И. Татищева приведенная выше формулировка повторяется дословно. В начале XIX века в «Новом Английско-Российском словаре» Грамматина выражение *две точки* встречается как элемент метаязыкового описания термина *diaeresis* [Грамматин, 1808, с. 226].

3.2.4.2. Диерезис (диерезис)

Семантическая структура термина *диерезис* включает два значения: 1) раздельное произнесение звуков, обозначаемых двумя стоящими рядом буквами; 2) две точки над буквой, указывающие, что соответствующий этой букве гласный звук произносится отдельно от предшествующего гласного. Первое значение, имеющее отношение к произносительным особенностям (прежде всего греческих) букв, над которыми стоит знак диерезы, возникло еще в 1620 году и зафиксировано в первом трактате о риторике, написанном на русском языке. В грамматиках этого и более позднего времени диереза рассматривалась как риторическая фигура, указывающая на правильное чтение (скандирование) стихов античных авторов. В рамках нашего исследования интерес представляет только второе значение термина, связанное с графическим отображением и терминологическим обозначением самого знака диерезы.

В греческих и латинских грамматиках при описании этого знака и его функционала предпочтение отдавалось написанию соответствующе-

го термина на греческом или латинском языках. Первое (и единственное до 1810 года) упоминание о диерезе как о знаке встречается, по нашим данным, в «Греческой грамматике, или Наставлениях Греческого языка» Протасова: «Діересись (") двоегласную на два слога раздѣляетъ» [Протасов, 1788, с. 18]. Отметим попутно, что, несмотря на приводимый контекст, диереза продолжает оставаться для автора грамматики прежде всего риторической фигурой [Там же, с. 345].

До 1810 года случаи лексикографической фиксации термина *диерезис* не обнаруживаются.

3.2.4.3. Трема

До 1810 года термин *трема* не встречается в грамматиках. Что касается словарных источников, то можно говорить об упоминании этого термина только в контексте описания слова *tréma*, где он выступает в качестве транслитерированного варианта французского этимона, но никак не в качестве существительного. В силу этого обстоятельства термин не появляется в статусе самостоятельного заголовочного слова (леммы), а только как элемент метаязыкового описания французского гласного «i» (*i трема*), который, имея над собой такой знак, при произнесении не смешивается артикуляторно с соседними гласными: «Три рода *i*, гласный, согласный и трема или несливаемый съ предыдущей и послѣдующей буквами» [ПФРЛ, 1798, т. I, с. 872].

3.2.4.4. Два апострофа

Два апострофа — данный терминологический синоним *двоеточия* зафиксирован единожды в «Новом Английско-Российском словаре» Грамматина в контексте описания английской лексемы *diaeresis*: «Diaeresis, s. (въ Граммат.) раздѣленіе двоегласнаго слова, или одного слога на двое. Англичане означаютъ сіе раздѣленіе двумя Апострофами, какъ то: а"ег..."» [Грамматин, 1808, с. 226].

4. Заключение = Conclusions

1. Языковая единица *двоеточие* получила терминологический статус с момента своего первого упоминания в текстовых источниках. Впервые она встречается в 1619 году в «Грамматике Славенския правилное Синтагма» Смотрицкого в варианте *двоточіе*. Первая лексикографическая фиксация термина в том же виде отмечена в «Синонима славеноросская» Зизания.

2. В период с начала XVII века по 1810 год *двоеточие* выступает в функции строчного знака препинания, знака, обозначающего конец фразы, надстрочного знака над ижицей, надстрочного знака над *i*, надстрочного знака над *ě*, а также надстрочного знака, обозначающего обособленную звуковую реализацию стоящих рядом гласных букв.

3. В описываемый период терминологическая единица *двоеточие* получила ряд синонимичных наименований, в числе которых *две точки* (1738 (вертикальное двоеточие) / 1780 (горизонтальное двоеточие)), *двоесрочие* (XVI век), *двоестрочие* (1640), *двосрочная* (XVII век), *два пункта* (1627), *диерезис* (1788), *трема* (1798), *пункт двоякий* (1730), *два апострофа* (1808). В совокупности все эти наименования образуют терминологическое микрополе «Двоеточие». С учетом реализуемых этим знаком функций микрополе схематически может иметь следующий вид (рис.).

Рис. Терминологическое микрополе «Двоеточие»

4. Взаимосвязь между внешней формой (видом) знака, обозначаемого термином *двоеточие* или его синонимичными наименованиями, с одной стороны, и сферами его функционирования — с другой, становится очевидной с момента возникновения знака: надстрочный знак всегда горизонтален, строчный знак — вертикален.

5. Двоеточие выполняет структурирующую функцию. Структуризация представляется двояконаправленным процессом, поскольку двоеточие не только делит предложение или фразу на относительно завершённые в смысловом отношении части (подфункция разделения), но и объединяет их в единое семантическое целое (подфункция объединения).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев П. А.* Церковный словарь, или истолкование речений славенских древних / П. А. Алексеев. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1794. — Т. 1. — 359 с.
2. *Багриновский Г. Ю.* Большой этимологический словарь русского языка / Г. Ю. Багриновский. — Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 1184 с. — ISBN 978-5-389-13920-6.
3. БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка*. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2006. — Т. IV. — 678 с.
4. *Берында П.* Ле́зиконъ Славенорѣ́сскій, и́ Именъ Тлъкованіе / П. Берында. — Киев : Киево-Печерская лавра, 1627. — 324 с.
5. *Гелтергоф Ф.* Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон / Ф. Гелтергоф. — Москва : Императорский Московский Университет, 1771. — 656 с.
6. *Грамматин Н. Ф.* Новой Английско-Российской словарь (= A New Dictionary English and Russian) / Н. Ф. Грамматин. — Москва : Дубровин и Мерзляков, 1808. — Т. 1. — 364 с.
7. Лексикон — *Ле́зиконъ Сирѣ́чь Словесникъ Славенскій*. — Супрасль : Типография Монастыря Общежителнаго Супраслскаго, 1722. — 64 с.
8. ЛСЛ — *Лексикон словено-латинський С. Славинецького та А. Корецького-Сатановського*. — Київ : Наукова думка, 1973. — 546 с.
9. *Нимчук В. В.* Лексис Лаврентия Зизания. Синонима Славеноросская / В. В. Нимчук. — Київ : Наукова думка, 1964. — 203 с.
10. *Поликарпов-Орлов Ф. П.* Ле́зиконъ трелазы́чный / Ф. П. Поликарпов-Орлов. — Москва : В царской типографии, 1704. — 806 с.
11. ПФРЛ, 1786 — *Полной Французской и Российской Лексикон*. — Санкт-Петербург : Императорская типография, 1786. — 693 с.
12. ПФРЛ, 1798 — *Полной Французской и Российской Лексикон*. — Санкт-Петербург : Императорская типография у Ивана Вейтбрехта, 1798. — 839 с.
13. РЛ — *Рукописный лексикон первой половины XVIII века* / отв. ред. Б. А. Ларин. — Ленинград : Ленинградский государственный университет, 1964. — 402 с.
14. САР — *Словарь Академии Российской*. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1794. — 600 с.
15. СРЯ — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — Москва : Наука, 1977. — 404 с.
16. *Яновский Н. М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту / Н. М. Яновский. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1804. — 500 с.

Литература

1. *Агентов М. И.* Краткая Немецкая грамматика, из разных авторов в пользу российского юношества собранная / М. И. Агентов. — Москва : Университетская типография, 1762. — 198 с.
2. *Адодуров В. Е.* Василий Евдокимович Адодуров. «Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache» или «Первые основания русского языка» / В. Е. Адодуров ; отв. ред. К. А. Филиппов и др. — Санкт-Петербург : Наука, Нестор-История, 2014. — 256 с.
3. *Алипий (иером.).* Грамматика церковнославянского языка / Алипий (иером.). — Москва : МП «Паломник», 1991. — 272 с.
4. Алфавит₁ — *Книга глѣмаѣ алѣави́тъ*. — Рукоп. РГБ. Ф. 173.III. Ед. хр. № 118.1. Кон. XVII — нач. XVIII вв.

5. Алфавит₂ — *Алѡавитъ*. — Рукоп. РГБ № 2. Ф. 256 (Рум.). XVII в.
6. Алфавит₃ — *Алфавит* слов неясных. — Рукоп. РГБ № 630. Ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова). 1640.
7. *Астахов И.* Самый легчайший способ ко обучению французскому языку, то есть говорить, читать и писать ; или Новая французская грамматика / И. Астахов. — Санкт-Петербург : Морской Кадетский Корпус, 1787. — 49 с.
8. *Барсов А. А.* Азбука церковная и гражданская / А. А. Барсов. — Москва : Императорский Московский университет, 1768. — 60 с.
9. *Бредер Х. Г.* Грамматика латинского языка / Х. Г. Бредер. — Харьков : Университетская Типография, 1809. — 222 с.
10. Букварь₁ — *Букварь* азыка славѣнска, сирѣчь Начало оучѣнїа дѣтемъ, хотѣющимъ оучитисѧ чтѣнїю писанїи. — Рукоп. РНБ № 1175. Ф. III.8.15. 1657. — 165 с.
11. Букварь₂ — *Букварь* азыка славѣнска, писанїи чтѣнїа оучитисѧ хотѣющимъ. — Рукоп. РГБ № 375 (Рум.). Ф. 810-88 / 109-05 (144924-О). 1669. — 28 с.
12. Букварь₃ — *Букварь* азыка Славѣнска. Писанїи Чтѣнїа оучитисѧ хотѣющимъ въ полезное руковождѣнїе. 1681. — 76 с.
13. Букварь₄ — *Букварь* азыка Славѣнска Писанїи, Чтѣнїа Оучѣнїа хотѣющимъ въ полезное Руковождѣнїе. — Львов : Друкарня Братства, 1710. — 80 с.
14. *Бутовский М. П.* Грамматика российского языка в пользу польскаго юношества в вольнской гимназии / М. П. Бутовский. — Почаев : W Drukarni XX. Bazylianow, 1809. — 366 с.
15. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 258 с.
16. *Вуяновский С.* Немецкая грамматика, из разных авторов, наипачеже готшедовых книг собрана / С. Вуяновский. — Вена : При Иосифе Курцбеке, 1772. — 561 с.
17. *Гак В. Г.* Французская орфография / В. Г. Гак. — Москва : Учпедгиз, 1959. — 224 с.
18. *Гелтергоф Ф.* Немецкая грамматика / Ф. Гелтергоф. — Москва : Императорский Московский Университет, 1775. — 360 с.
19. *Грамматика* славенороссийская — *Грамматика* доброгоувагау славенороссийскаго азыка. — Москва : Московский Печатный двор. 2-я пол. XVIII в.
20. *Истомин (Карион).* Букварь азыка славѣнска хотѣющимъ дѣтемъ оучитисѧ чтѣнїа писанїи начало всѣхъ писменъ достоѣнное начертанїе. — Москва : [б. и.], 1696. — 42 с.
21. *Каржавин Ф. В.* Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений Французских / Ф. В. Каржавин. — Санкт-Петербург : И. К. Шнор, 1794. — 286 с.
22. *Курганов Н. Г.* Писмовник, содержащий в себе науку российского языка. — в 2 т. / Н. Г. Курганов. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1793. — Т. 1. — 394 с.
23. *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие / Н. Г. Курганов. — Санкт-Петербург : Морской Корпус, 1769. — 424 с.
24. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика / М. В. Ломоносов. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1755. — 211 с.
25. *Ломоносов М. В.* Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухоминова / В. М. Ломоносов. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1895. — Т. 3. — 567 с.
26. *Ляцевский В.* Греческая грамматика, в которой синтаксис, так же различные греческие диалекты и просодия разных древних писателей выбранными правилами и

примерами объяснены / В. Лящевский. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1788. — 488 с.

27. Максимов Ф. Грамматика славенская, вкратце собранная / Ф. Максимов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1723. — 250 с.

28. Материалы раскола — *Материалы* для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. — Москва : Э. Лисснер и Ю. Роман, 1878. — Т. 4. — 315 с.

29. *Немецкая* грамматика из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1730. — 413 с.

30. Нехачин Д. В. Новое краткое понятие о всех науках / Д. В. Нехачин. — Москва : А. Решетников, 1796. — Т. 1. — 138 с.

31. Орнатовский И. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных / И. Орнатовский. — Харьков : Университетская типография, 1810. — 311 с.

32. Пеплие Ж. Р. Французская грамматика / Ж. Р. Пеплие. — Москва : Университетская типография у Н. Новикова, 1780. — 487 с.

33. Подшивалов В. С. Сокращенный курс российского слога / В. С. Подшивалов. — Москва : Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1796. — 140 с.

34. Поликарпов-Орлов Ф. П. Технология то есть художное собеседование о грамматическом искусстве / Ф. П. Поликарпов-Орлов. — Санкт-Петербург : Инапресс, 2000. — 374 с.

35. Пролог сентябрьской и мартовской половины года. — Москва : [б. и.], 1643. (ст. печ.)

36. Протасов С. Греческая грамматика, или Наставления греческого языка / С. Протасов. — Москва : Типография Пономарева, 1788. — 378 с.

37. РИБ — *Русская* историческая библиотека. — Санкт-Петербург : Типография А. Катанского и К°, 1894. — Т. XIV. — 762 с.

38. Розанов Ф. Ф. Российская грамматика, содержащая в себе новый, легкий и достаточный способ к изучению российского языка / Ф. Ф. Розанов. — Москва : Типография С. Селивановского, 1810. — 272 с.

39. *Российская* грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. Б. А. Успенского. — Москва : Издательство Московского университета, 1981. — 776 с.

40. Сказания русского народа. В 2 т. — Санкт-Петербург : Типография Сахарова, 1849. — Т. 2. — 128 с.

41. *Смотрицкий* М. Грамматіи Славѣнскія правільное Сѣнтагма. — Рукоп. № 126 (Рум.) / М. Смотрицкий. — Эвью (Евье) : Типография Братская, 1619. — 478 с.

42. *Смотрицкий* М. Грамматіка Славѣнскія / М. Смотрицкий — Москва : Московский Печатный двор, 1648. — 754 с.

43. Теплов В. Е. Французская грамматика, собранная из разных авторов господином Ресто / В. Е. Теплов. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1787. — 310 с.

44. Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой / В. К. Тредиаковский. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1748. — 462 с.

45. Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : АН СССР, 1955. — 398 с.

46. Шванвиц М. Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов / М. Шванвиц. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1745. — 447 с.

47. Шварцкопф Б. С. Двоеточие / Б. С. Шварцкопф // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. — Москва : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 2020. — С. 104.

48. Шеллер И. И. Сокращенное латинское языкоучение или Грамматика новейшая / И. И. Шеллер. — Москва : Университетская типография у Н. Новикова, 1787. — 364 с.

49. Яворский С. Риторическая рука / С. Яворский ; пер. Ф. Поликарпова. — Санкт-Петербург : В. Я. Рейнгардт, 1878. — 692 с.

50. Ягич И. В. Исследования по русскому языку. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке / И. В. Ягич. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1895. — 784 с.

51. Bragone M. C. Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Rossia del Seicento / M. C. Bragone. — Firenze : Firenze University Press, 2008. — 285 p.

52. *Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneč*, 1638 : eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj / hrsg. von Olexa Horbatsch. — München : Kubon & Sagner, 1977. — 120 p.

Статья поступила в редакцию 29.03.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 15.06.2025.

Material resources

Alekseev, P. A. (1794). *The Church dictionary, or the interpretation of the ancient Slavonic sayings*, 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 359 p. (In Russ.).

Bagrinovsky, G. Y. (2020). *A big etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. 1184 p. ISBN 978-5-389-13920-6. (In Russ.).

BASRYa — *A big academic dictionary of the Russian language, IV*. (2006). Moscow; Saint Petersburg: Nauka. 678 p. (In Russ.).

Berynda, P. (1627). *Slavic-Russian lexicon, and names interpretation*. Kiev: Kiev-Pechersk Lavra. 324 p. (In Russ.).

Grammatin, N. F. (1808). *New English-Russian Dictionary (= A New Dictionary of English and Russian)*, 1. Moscow: Dubrovin and Merzlyakov. 364 p. (In Russ.).

Hölterhof, F. (1771). *The Russian Cellarius, or the Etymological Russian Lexicon*. Moscow: Imperial Moscow University. 656 p. (In Russ.).

Lexikon — *The Slavic Lexicon*. (1722). Suprasl: Printing house of the Suprasl Cenobitic Monastery. 64 p. (In Russ.).

LSL — *The lexicon of Slavic and Latin by E. Slavinsky and A. Koretsky-Satanovsky*. (1973). Kiev: Naukova Dumka Publ. 546 p. (In Russ.).

Nimchuk, V. V. (1964). *The Lexis of Laurentius Zizania. Slavic-Russian synonyms*. Kyiv: Naukova Dumka Publ. 203 p. (In Russ.).

PFRL, 1786 — *Complete French and Russian Lexicon*. (1786). St. Petersburg: Imperial Printing House. 693 p. (In Russ.).

PFRL, 1798 — *Complete French and Russian Lexicon*. (1798). St. Petersburg: Imperial Printing House of Ivan Weitbrecht. 839 p. (In Russ.).

Polikarpov-Orlov, F. P. (1704). *Trilingual Lexicon*. Moscow: In the Tsar's Printing House. 806 p. (In Russ.).

RL — Larin, B. A. (ed.). (1964). *The handwritten lexicon of the first half of the 18th century*. Leningrad: Leningrad State University. 402 p. (In Russ.).

- SAR — *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. (1794). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 600 p. (In Russ.).
- SRYa — *Dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries*. (1977). Moscow: Nauka Publ. 404 p. (In Russ.).
- Yanovsky, N. M. (1804). *A new dictionary, arranged alphabetically*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 500 p. (In Russ.).

References

- Adodurov, V. E. (2014). *Vasily Evdokimovich Adodurov. "Anfangs-Gruende der Rußischen Sprache" or "The first foundations of the Russian language"*. Saint Petersburg: Nauka, Nestor-Istoriya. 256 p. (In Russ.).
- Agentov, M. I. (1762). *Short German grammar, collected from various authors in favor of Russian youth*. Moscow: University Printing House. 198 p. (In Russ.).
- Alipius (hierom.). (1991). *Grammar of the Church Slavonic language*. Moscow: MP "Pilgrim". 272 p. (In Russ.).
- Alphabet₁ — *The book of alphabet. RGB Manuscript no. 118.1. F. 173.III. The end of the 17th—early 18th centuries*. (In Russ.).
- Alphabet₂ — *Alphabet. RGB Manuscript no. 2. F. 256 (Rum). 17th century*. (In Russ.).
- Alphabet₃ — *The alphabet of obscure words. (1640). RGB Manuscript no. 630. F. 98 (collected by E. E. Egorova)*. (In Russ.).
- Astakhov, I. (1787). *The easiest way to learn French, that is, to speak, read and write; or A New French grammar*. St. Petersburg: Naval Cadet Corps. 49 p. (In Russ.).
- Barsov, A. A. (1768). *The church and civil ABC*. Moscow: Imperial Moscow University. 60 p. (In Russ.).
- Bragone, M. C. (2008). *Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Rossia del Seicento*. Firenze: Firenze University Press. 285 p. (In Ital.).
- Breder, H. G. (1809). *Grammar of the Latin language*. Kharkov: University Printing House. 222 p. (In Russ.).
- Butovsky, M. P. (1809). *Grammar of the Russian language in favor of Polish youth in the Volyn gymnasium*. Pochaev: W. Drukarni XX. Bazylianow. 366 p. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1959). *French spelling*. Moscow: Uchpedgiz. 224 p. (In Russ.).
- German grammar, from various authors collected and published in favor of Russian youth*. (1730). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 413 p. (In Russ.).
- Grammar of Slavic-Russian — Grammar of the correct Slavic-Russian language*. Moscow: Moscow Printing Yard. The 2nd half of the 18th century. (In Russ.).
- Hölterhof, F. (1775). *German grammar*. Moscow: Imperial Moscow University. 360 p. (In Russ.).
- Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneč, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj*. (1977). München: Kubon & Sagner. 120 p. (In Germ.).
- Istomin (Karon). (1696). *The Slavic primer for children who want to learn to read and write*. Moscow: [b. i.]. 42 p. (In Russ.).
- Karzhavin, F. V. (1794). *The leader, showing the way to a better pronunciation of French letters and phrases*. St. Petersburg: I. K. Schnor. 286 p. (In Russ.).
- Kurganov, N. G. (1769). *Russian universal grammar, or General writing*. St. Petersburg: Marine Corps. 424 p. (In Russ.).
- Kurganov, N. G. (1793). *A writing guide containing the science of the Russian*. In 2 volumes, 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 394 p. (In Russ.).

- Lomonosov, M. V. (1755). *Russian grammar*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 211 p. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. (1895). *The writings of M. V. Lomonosov with explanatory notes by academician M. I. Sukhomlinov*, 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 567 p. (In Russ.).
- Lyashchevsky, V. (1788). *Greek grammar, in which syntax, as well as various Greek dialects and prosody of various ancient writers are explained by selected rules and examples*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 488 p. (In Russ.).
- Materials of the split — *Materials for the history of the church split during the first period of its existence*, 4. (1878). Moscow: E. Lissner and Y. Roman. 315 p. (In Russ.).
- Maximov, F. (1723). *Slavic grammar, briefly collected*. St. Petersburg: [b. i.]. 250 p. (In Russ.).
- Nekhachin, D. V. (1796). *A new brief concept of all sciences, 1*. Moscow: A. Reshetnikov. 138 p. (In Russ.).
- Ornatovsky, I. (1810). *The latest outline of the rules of Russian grammar, based on the principles of universal philosophy*. Kharkov: University Printing House. 311 p. (In Russ.).
- Peplier, J. R. (1780). *French grammar*. Moscow: N. Novikov University Printing House. 487 p. (In Russ.).
- Podshivalov, V. S. (1796). *The shortened course of the Russian literary style*. Moscow: University Printing House of Ridiger and Claudius. 140 p. (In Russ.).
- Polikarpov-Orlov, F. P. (2000). *Technologia, or The Art of Grammar*. St. Petersburg: Inapress. 374 p. (In Russ.).
- Primer₁ — *The Slavic primer for children who want to learn to read and write*. (1657). RNB Manuscript no. 1175. F. III.8.15. 165 p. (In Ukr.).
- Primer₂ — *The Slavic primer for children who want to learn to read and write*. (1669). RGB Manuscript no. 375 (Rum). F. 810-88 / 109-05 (144924-O). 28 p. (In Russ.).
- Primer₃ — *The Slavic primer for children who want to learn to read and write*. (1681). 76 p. (In Russ.).
- Primer₄ — *The Slavic primer for children who want to learn to read and write*. (1710). Lviv: Drukarnya Bratstva. 80 p. (In Ukr.).
- Prologue of September and March half of the Year*. (1643). Moscow: [b. i.]. (In Russ.).
- Protasov, S. (1788). *Greek grammar, or the Instructions of the Greek language*. Moscow: Ponomarev Printing House. 378 p. (In Russ.).
- RIB — *Russian Historical Library, XIV*. (1894). St. Petersburg: Printing house of A. Katansky and Co. 762 p. (In Russ.).
- Rozanov, F. F. (1810). *Russian grammar, which contains a new, easy and sufficient way to learn the Russian language*. Moscow: Printing house of S. Selivanovsky. 272 p. (In Russ.).
- Russian Grammar by Anton Alekseevich Barsov*. (1981). Moscow: Moscow University Press. 776 p. (In Russ.).
- Schwanwitz, M. (1745). *German grammar, previously collected from various authors*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 447 p. (In Russ.).
- Schwarzkopf, B. S. (2020). Colon. In: *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; Drofa. P. 104. (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).
- Sheller, I. I. (1787). *Abbreviated science of Latin or modern Grammar*. Moscow: N. Novikov University Printing House. 364 p. (In Russ.).

- Smotritsky, M. (1619). *The correct Slavic grammar Syntagma. Manuscript no. 126 (Rum).* Evyu (Evye): Bratskaya Printing House. 478 p. (In Ukr.).
- Smotritsky, M. (1648). *Slavic grammar.* Moscow: Moscow Printing Yard. 754 p. (In Russ.).
- Tales of the Russian people. In 2 volumes, 2.* (1849). St. Petersburg: Sakharov Printing House. 128 p. (In Russ.).
- Teplov, V. E. (1787). *French grammar, collected from various authors by Mr. Restaut.* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 310 p. (In Russ.).
- Trediakovsky, V. K. (1748). *A conversation between a stranger and a Russian about ancient and new orthography.* Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 462 p. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation.* Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 258 p. (In Russ.).
- Vuyanovsky, S. (1772). *German grammar, from diverse authors, the most widely read books collected.* Vienna: Under Joseph Kurzbeck. 561 p. (In Ukr.).
- Yagich, I. V. (1895). *Studies in the Russian language. Reflections of the South Slavic and Russian antiquity on the Church Slavonic language.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. 784 p. (In Russ.).
- Yavorsky, S. (1878). *The rhetorical hand.* St. Petersburg: V. Ya. Reinhardt. 692 p. (In Russ.).

*The article was submitted 29.03.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 15.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иванова Е. Д. Антропонимия итальянцев Крыма: динамика идентичности сквозь призму истории / Е. Д. Иванова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 128—143. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-128-143.

Ivanova, E. D. (2025). Anthroponymy of Crimean Italians: Identity Dynamics Through Lens of History. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 128-143. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-128-143. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Антропонимия итальянцев Крыма: динамика идентичности сквозь призму истории

Иванова Елизавета Дмитриевна
orcid.org/0009-0000-3346-6016
инженер-исследователь, ассистент,
кафедры романской филологии
elizaveta.d.ivanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект №24-28-01635

Anthroponymy of Crimean Italians: Identity Dynamics Through Lens of History

Elizaveta D. Ivanova
orcid.org/0009-0000-3346-6016
Research Engineer, Assistant,
Department of Romance Philology
elizaveta.d.ivanova@spbu.ru

Saint-Petersburg
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01635

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию антропонимии потомков итальянских переселенцев в Крыму и её связи с культурно-этнической идентичностью итальянцев, изменявшейся на протяжении XX—XXI веков. Цель исследования — составить комплексное представление об особенностях антропонимии крымских итальянцев в исторической перспективе, в частности, в области имяназрения или изменения имени. В качестве материала привлекаются данные социолингвистического интервьюирования представителей итальянского сообщества, проведенного в 2024 году. Анализ полученных данных проведен в рамках эмического подхода. Показано, что в начале XX века в сообществе преобладали имена итальянского происхождения, в то время как в 1940-е годы, в связи с депортацией и частичным отказом от идентичности, использование итальянских имён резко сократилось. В настоящее время наблюдается возвращение к итальянским именам, что свидетельствует о растущем интересе к национальным корням. Делается вывод о том, что выбор этнически окрашенных имён связан с процессом возвращения к итальянской культурной идентичности. Новизна исследования заключается в том, что впервые в научный оборот вводятся данные о перечне имен собственных (личных имен) и динамике их использования в итальянском сообществе Крыма.

Ключевые слова:

сообщество итальянцев Крыма «Черкио»; итальянское сообщество; антропонимия; этническая идентичность; итальянские имена; персональное имя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the anthroponymy of descendants of Italian settlers in Crimea and its connection to the cultural and ethnic identity of Italians, which has evolved over the 20th and 21st centuries. The aim of this study is to provide a comprehensive understanding of the peculiarities of anthroponymy among Crimean Italians from a historical perspective, particularly concerning naming practices and name changes. The research draws on data from sociolinguistic interviews conducted with members of the Italian community in 2024. The analysis is framed within an emic approach. It is shown that in the early 20th century, names of Italian origin predominated within the community, whereas during the 1940s, due to deportation and a partial renunciation of identity, the use of Italian names sharply declined. Currently, there is a resurgence of interest in Italian names, indicating a growing connection to national roots. The study concludes that the choice of ethnically marked names is linked to the process of returning to Italian cultural identity. The novelty of this research lies in its introduction of data on the list of proper names (personal names) and the dynamics of their usage within the Italian community of Crimea into scholarly discourse.

Key words:

Crimean Italian community "Cherkio"; Italian community; anthroponymy; ethnic identity; Italian names; personal name.

УДК 811.131.1'373.231

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-128-143

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Антропонимия итальянцев Крыма: динамика идентичности сквозь призму истории

© Иванова Е. Д., 2025

1. Введение = Introduction

В современном мире в условиях глобализации и разнообразия взглядов на мироустройство особое значение приобретают вопросы, связанные с этническими особенностями человеческих сообществ и ролью языка в формировании этнической идентичности. Языковая личность представляет собой сложное явление, и в условиях мультикультурализма можно говорить о множественной идентичности, а не об однородной. Это касается как национальной, так и культурной, этнической и лингвистической идентичности [Кузнецова, 2011, с. 103].

Существует два подхода к определению этнической идентичности. Первый подход, примордиальный, рассматривает этничность как изначальную неизменяемую данность. Конструктивистский подход видит этническую идентичность как конструкт, который индивид формирует самостоятельно либо под влиянием внешних факторов [Теркулов, 2024, с. 106—107]. В свою очередь, основой для формирования коллективной идентичности служит культурное наследие, которое передаётся через общение на одном языке, а также в единой системе знаков, которая включает в себя не только слова и выражения, но и обычаи, кухню, искусство, песни [Кравченко, 2017, с. 461].

Одним из ярких примеров множественной идентичности может служить сообщество потомков итальянских переселенцев Крыма, в частности Керчи. Итальянская диаспора в Крыму, хотя и немногочисленная, на протяжении своего многовекового существования на полуострове оказала значительное влияние на формирование культурной, исторической и лингвистической картины Крыма. По данным переписей, в 2014 году в Республике Крым и Севастополе свою национальную принадлежность к итальянцам указали 77 человек [ИПН-2015]. Следует заметить, что эта цифра увеличилась к 2020 году, когда в результате переписи в Крыму итальянцами себя назвали уже 82 человека [Итоги ВПН-2020]. Некоторое

увеличение итальянцев после возвращения Крыма в состав России может объясняться притоком новых итальянских иммигрантов из числа бизнесменов, в основном рестораторов, или изменением восприятия собственной культурно-этнической идентичности среди некоторых представителей итальянского сообщества Крыма.

Наиболее широко потомки итальянских переселенцев представлены в городе Керчь. История керченской диаспоры начинается в XIX веке, когда в период с 1840-х по 1880-е годы в восточную часть Крыма прибывали новые переселенцы из Италии в поисках новых рабочих мест [Шишмарев, 1975, с. 165—167]. Претерпев на протяжении XIX и XX веков множество изменений и трудностей, в том числе депортацию из Керчи в 1942 году, а затем постепенное возвращение в Крым, сообщество потомков итальянских переселенцев продолжает свое существование. На данный момент объединяющую роль для представителей сообщества выполняет общественная организация «Сообщество итальянцев Крыма “Черкио”», занимающаяся культурно-просветительской, а также историко-научной деятельностью в интересах сообщества [Урядова, 2015, с. 221].

С постепенным развитием сообщества итальянских переселенцев Крыма растет интерес исследователей к данному культурному феномену. Вместе с тем многие аспекты до сих пор остаются неизученными. Это касается в том числе антропонимов, функционирующих во внутренних границах итальянского сообщества. Хотя существуют труды, так или иначе затрагивающие вопрос итальянских фамилий, представленных на полуострове, например, антропологическое исследование С. Дзини [Дзини, 2023] или подробный перечень фамилий с вариациями их написания, составленный главой сообщества «Черкио» Дж. Джаккетти-Бойко [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 286—288], тем не менее неисследованным остается вопрос бытования итальянских имен внутри группы крымских итальянцев. Данная тема представляется важной для изучения, поскольку, в отличие от фамилий, имена зачастую имеют две формы: официальную, закрепленную в документах, и бытовую, — а также могут определять национально-культурную принадлежность индивида к тому или иному сообществу [Рылов, 2006, с. 5].

В данной статье на примере итальянского сообщества Керчи мы анализируем, как символическое использование отдельных языковых элементов, в частности антропонимов, может послужить маркером этнической идентичности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес исследователей к итальянскому сообществу Крыма возник в начале XX века. Так, в 1920—30-е годы академик В. Ф. Шишмарев со-

ставил подробное описание истории, быта и культуры итальянцев Крыма, отдельно выделив среди различных итальянских групп итальянцев Керчи. В своем труде «Романские поселения на юге России» В. Ф. Шишмарев уделяет значительное внимание также диалекту керченских итальянцев, их песням, кухне, одежде и прочим бытовым аспектам жизни [Шишмарев, 1975]. Современное состояние итальянского сообщества исследуется преимущественно в двух направлениях: историко-антропологическом и лингвистическом. Истории сообщества итальянцев Керчи посвящена статья А. В. Урядовой «Крымские итальянцы», охватывающая период с основания итальянского сообщества в Керчи в XIX веке, далее время переселения итальянцев из Крыма в 1940-е годы, их постепенное возвращение и инициативы по возрождению сообщества вплоть до 2014 года [Урядова, 2015]. Кроме того, подробное описание быта, культуры, праздников и мероприятий, направленных на сохранение культурной и исторической памяти крымских итальянцев, представлено в книге Дж. Джаккетти-Бойко «Итальянцы Крыма. История и судьбы», подготовленной при поддержке гранта, полученного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп в рамках программы поддержки депортированных народов Крыма [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 5].

Современное состояние итальянского сообщества Керчи с точки зрения сохранности языка и культуры данной этнической группы исследуется в статье М. С. Самариной, где отмечается возросший интерес потомков итальянских переселенцев к итальянскому языку, а также отдельное внимание уделено деятельности сообщества «ЧЕРКИО», являющегося основным центром, объединяющим керченских потомков итальянских переселенцев [Самарина, 2020]. Лингвистический аспект, касающийся так называемых «новых носителей» языка, а также вопрос переключения кодов в двуязычном пространстве, рассматривается в исследовании П. Бокале [Bocale, 2019].

В период с 2017 по 2019 годы московским антропологом Стефанией Дзини было проведено комплексное социально-историческое, антропологическое и биодемографическое исследования современных итальянцев Крыма, а также составлены их обобщенные портреты в сопоставлении с портретами их итальянских предков-мигрантов XIX—XX веков [Дзини, 2021]. Данное исследование не только интересно с точки зрения содержащихся в нем научных результатов, позволяющих по-новому взглянуть на историю итальянской миграции и генезис итальянского этноса на полуострове, но также значимо для самоидентификации керченских итальянцев самим фактом внимания к ним как объекту научного исследования. Именно в работе С. Дзини наиболее подробно рассмотрен и вопрос антропони-

мии в среде представителей итальянского сообщества Керчи, однако фокус внимания направлен на фамилии как на маркер географической связи того или иного семейства с определенными регионами Италии [Дзини, 2023].

Объектом внимания в настоящей статье выступает антропонимия внутри сообщества потомков итальянских переселенцев Керчи, а именно личные имена, использовавшиеся или на данный момент используемые представителями данной группы.

В целях изучения актуального состояния итальянской диаспоры Крыма летом 2024 года состоялась экспедиция в Керчь. Результатом полевых исследований стала серия устных интервью с потомками итальянских переселенцев. Следует отметить, что интервьюирование потомков крымских итальянцев включало в себя опрос не только тех, кто продолжает жить на территории Крыма, но также их потомков и родственников в других городах и странах: Санкт-Петербурге, Владивостоке, Армении, Италии. В интервьюировании приняли участие 21 представитель сообщества возрастом приблизительно от 30 до 65 лет, 6 мужчин и 15 женщин. Респонденты отличались не только по возрасту или месту проживания, но также по степени заинтересованности в обсуждении своей культурной принадлежности и осведомленности о своем происхождении. В приводимых в статье цитатах из интервью респонденты обозначаются следующим образом: (АБ, м, 1955) — вымышленные инициалы, пол и год рождения респондента соответственно.

Исследование выполнено в рамках эмического подхода, поскольку важным представляется рассмотреть динамику появления и использования итальянских имен внутри рассматриваемой группы именно с точки зрения ее представителей. Так как имена могут иметь различные вариации, не всегда совпадающие с их официально фиксированной формой [Рылов, 2006. с. 75—76], некоторые аспекты данного вопроса могут быть отмечены исключительно изнутри сообщества, от носителей культуры, использующих эти имена в повседневной жизни. Также было проведено сопоставление данных, полученных в ходе собеседований от респондентов, с данными, предоставленными представителями сообщества итальянцев Крыма [Джаккетти-Бойко, 2016], на предмет выявления соответствий и особенностей модификации, закономерностей изменения итальянских имен внутри сообщества итальянцев Крыма.

Цель данной статьи — составить комплексное представление об особенностях антропонимии итальянцев Крыма, в частности, установить закономерности в использовании или отказе от итальянских антропонимов внутри сообщества в зависимости от степени владения итальянским языком и наличия или отсутствия интереса к этническому наследию со стороны сообщества в различные исторические периоды.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Итальянские личные имена в Керчи начала XX века

Антропонимия неразрывно связана с этнической идентичностью через историзм и социальность [Никонов, 1974, с. 7]. Имена собственные играют ключевую роль в формировании связей человека с его ближайшим окружением и обществом в целом. Человек существует не просто среди других людей, но и среди имён, которые создают вокруг него национально-культурное пространство, общее для всего языкового сообщества. Антропонимические традиции отражают взгляд народа на мир и место в нём отдельного человека. [Рылов, 2006, с. 5]. Наши данные свидетельствуют о том, что итальянские переселенцы первой волны в Керчи носили национальные итальянские фамилии и имена.

Среди исконно итальянских имён, упоминаемых респондентами в своей оригинальной итальянской форме, были названы следующие: *Анджелина* (ит. *Angelina*), *Лаура* (ит. *Laura*), *Элеонора* (ит. *Eleonora*), *Доната* (ит. *Donata*), *Грациелла* (ит. *Graziella*), *Франческа* (ит. *Franceschina*), *Тереза* (ит. *Teresa*), *Роза* (ит. *Rosa*), *Долората* (ит. *Dolorata*), *Пасквале* (ит. *Pasquale*), *Джакомо* (ит. *Giacomo*), *Марко* (ит. *Marco*), *Мауро* (ит. *Mauro*), *Вителло* (ит. *Vitello*), *Антонио* (ит. *Antonio*), *Саверио* (ит. *Saverio*), *Маммео* (ит. *Matteo*), *Джустино* (ит. *Giustino*), *Франческо* (ит. *Francesco*). Преимущественно эти имена носили старшие члены семьи из первого и второго поколений итальянских переселенцев:

Раз вы изучаете итальянский язык, значит, вы знаете, что есть правила итальянских семей. Естественно, в нашем роде, в нашем поколении это правило соблюдалось. Если мы про дедушку Пасквале и про бабушку Анжелину, то у моего деда тоже был сын Паскуале и дочь была Анжелина. Ну и по маминой линии, прабабушкиной, там тоже и имя дедушки, и имя бабушки использовалось. Поэтому в роду моего родного деда Джакомо были и Паскуале, и Карл, и Анжелина, и Марко. <...> Ну, когда ещё дядя и тётя мои были живы, они, естественно, общались по-итальянски в основном ... говорили. Лаура там, Марко, Карло, Паскваль... (ВП, ж, 1988);

Ну, значит, скажу сразу, что у нас была бабушкина сестра старшая, Долората. Бабушку звали Полина, но не знаю почему, но мне кажется, это не совсем итальянское имя. А братья у неё были Марк и Бенедикт, ну это явно итальянские имена. А младшая сестра её была Тоня, но это уже было русское имя явно. Она была самая маленькая. Родителей звали Роза и Савелий, значит Саверио (ИЧ, ж, 1975);

У дедушки было две сестры, младшая и старшая. Младшая Тереза, а старшая Мария. И они все были Винченцовны. Мария Винченцовна

старшая, она была всегда такой хранительницей очага, она говорила по-итальянски (АД, м, 1995).

Кроме того, многие респонденты упоминают более «интернациональные» имена, распространенные в семьях итальянских переселенцев: *Анна, Виктория, Мария* (ит. *Anna, Vittoria, Maria*), а также русскоязычные варианты подобных имён: *Пётр* (ит. *Pietro*), *Павел* (ит. *Paolo*), *Антон* (ит. *Antonio*), *Елизавета* (ит. *Elisabetta*). Подобное наложение двух антропонимических традиций друг на друга объясняется общим происхождением имен, зачастую связанных с религией или заимствованных из другого языка, например греческого [Рылов, 2006, с. 70]. Некоторые итальянские имена получали несколько вариаций написания, например, *Винченцо* или *Винченсо* — это могло зависеть как от произношения, так и от решения представителя бюрократии при оформлении документов [Дзини, 2023, с. 316—317].

Даже мы с папой вспоминали, что, в принципе, вот так вот по родственникам, по дедушке его, братьям, сёстрам, ну, точнее, прадедушке, прабабушке его, братьям, сёстрам, у всех русские имена. Ну, как бы, или русские, или такие, как бы, скажем, универсальные, типа там, Павел, Пётр, Анна, Антон, они встречаются, как бы, и в Италии, и здесь. То есть каких-то вот таких вот прям особенных не было (ВР, ж, 1980).

Потомки итальянских переселенцев упоминают о традиции называть детей в честь бабушек и дедушек. Так, старшему сыну обычно давали имя дедушки по отцовской линии, а старшей дочери — имя бабушки по материнской линии [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 289]. Подобным образом многие имена передавались через поколение, а в некоторых семьях эта традиция сохраняется до сих пор:

Ну, я вот, например, помню, что мою прабабушку звали Анна, как меня, и меня назвали в её честь, потому что была такая традиция, не только в этой семье, а вообще в итальянских семьях, давать имена дедушек, бабушек, чтобы <...> они не забылись, вот. Потом какое другое имя было, знаю, что ещё пра-пра-прабабушку звали Виктория, и вот как бы моя сестра, она тоже Виктория (МР, ж, 1970);

...у них в семье у всех была Зинаида, это Грациелла, имя бабушки, и был Яков, то есть это Джакоб, то есть правила семьи мой отец и его родные братья соблюдали, потому что род итальянский считается по отцовской <линии> (НД, ж, 1960);

И я знаю, что бабушкина племянница, её назвали Розой в честь её бабушки. То есть старшая сестра моей бабушки свою дочку назвала Розалией. <...> Потом, значит, бабушкин племянник был <...> Саверий, Саверио. Да, два бабушкиных племянника были Саверио. Значит, один был Саверий Маурович. А второй был Саверий Бенедиктович (ИЧ, ж, 1975).

Один респондент рассказывает об интересном переосмыслении традиции имянаречения, когда имена выбирались по критерию чередования первых букв имен для представителей страших и младших поколений, например *F / V: Франческо — Винченцо* (ит. *Francesco, Vincenzo*); *Франц — Валерий*. Подобное отклонение от традиции могло быть связано с общей тенденцией внутри итальянского сообщества к русификации имен”

Со стороны отца. Нет, его назвали Валерий. Сохранив только то, что у нас чередовались всегда мужские имена на F и на V. Франц, Винченцо, Франческо и так далее. У него как бы после F на V Валерия выбрали (АД, м, 1995).

Адаптации имен во многом способствовала неизбежность ассимиляции итальянского сообщества с местным населением [Дзини, 2023, с. 316]. Поскольку некоторые из имён являлись устаревшими, не имели русского аналога или не поддавались «русификации», эта традиция привела к появлению двойных имён: семейное имя по традиции оставалось итальянским, в то время как официальный его вариант мог мало ему соответствовать [Ясинская, 2022, с. 130].

И потом из мужских имён я знаю, что моего прадедушку звали Мауро, но его называли Марко, потому что Мауро прям как-то совсем не очень звучал, поэтому назвали Марк, Марк, вот так его называли. И потом я знаю, что был ещё один родственник у нас, Винченцо, и его называли Виктор, потому что Винченцо совсем по-русски не очень звучало (РД, м, 1980);

При рождении мой дедушка был Бенетто Виталий Пантелеймович. <...> Вообще, я так понимаю, что он должен был быть Витто, но его называли Виталием на русский манер (АБ, ж, 1980);

Сами между собой они уже Нина, Нина её называли, Нина. А вообще Джованнина была. То есть многие имена уже русифицированы между собой (АД, м, 1973).

Кроме того, перевод имени на русский язык тоже представляет собой особый вид двуименности [Ясинская, 2022, с. 132]. Иногда подобные преобразования приводили к радикальным изменениям, как, например, в случае с именем *Сперанца* (ит. *Speranza*), которое было дословно переведено на русский язык и приобрело форму Надежда. Отдельный интерес представляет имя *Грациелла* (ит. *Graziella*). Русифицированным аналогом этого имени считается имя *Галина* [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 289—291], однако три респондента в устном интервью называют в качестве русской версии для *Грациеллы* имя *Зинаида*. В то же время имя *Зинаида* указывается как русифицированный эквивалент имени *Тереза* [Там же]:

Даже вот некоторые, вот даже моя бабушка... по документам... Сперанца, по документам Надежда, а вообще-то Сперанца, по документам Вячеслав, а называл себя Винченцо (ДД, ж, 1965);

В семье у всех была Зинаида, это Грациелла, имя бабушки, и был Яков, то есть это Джакоб... <...> Деллолио Грациелла. Я ставила вопрос, что такое? Кто Грациелла? Кто Деллолио? Она говорит, я Зина. Я Грациелла, меня называли в честь бабушки. Ну, записано по-русски, Зина (НД, ж, 1960).

В случае с женскими именами Джованнина (ит. *Giovannina*) и Грациелла, упомянутыми респондентами, представляется любопытным, что изначально по форме эти антропонимы являются уменьшительно-ласкательными вариантами имен Джованна, Грация (ит. *Giovanna, Grazia*), однако существуют уже только в варианте «ласкового» персонального имени и используются как официальные [Рылов, 2006, с. 75]. Официально зафиксированная в документах уменьшительно-ласкательная форма имени могла иметь сразу несколько полных вариантов, например, Лориной (ит. *Lorina*) могли звать как Лауру, так и Элеонору [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 289].

3.2. Постепенный отказ от итальянских имен

В 1930-е годы, а также в военный и послевоенный периоды многие представители итальянской диаспоры были переселены из Крыма в другие области, например, высланы в Казахстан или на Урал; часть итальянцев оказалась в Новороссийске. Возвращение итальянцев на родину в Керчь стало происходить постепенно с середины 1950-х годов, однако некоторые семьи или части семей остались на новых местах проживания. В этот период, чтобы скрыть свое происхождение, многие начинают менять свои имена на более нейтральные. Некоторые преобразования минимальны: Карло (ит. *Carlo*) — Карл, Франческо — Франц, Джованнина — Нина, Лаура — Лора. Другие более значительны: Джакоб (ит. *Jacoro*) — Яков, Мауро — Марк, Саверио — Слава, Винченцо — Вячеслав, Вито (ит. *Vito*) — Виталий, Натале — Анатолий (ит. *Natale*). Изменениям подвергались также и отчества, поэтому часто сложно было угадать, как того или иного человека могли звать на итальянский манер [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 289].

И в один момент, ну у меня дед Франц Винченцевич Деллолио. Его попросили хотя бы сменить отчество на Викторовича, чтобы он мог устроиться в порту. И вот он по документам каким-то поменял отчество на Викторовича (АД, м, 1995);

Вообще, вот моя мама Элла Дилерно в девичестве, у неё был отец Мауро, Марк. Марком его уже на русский (манер) называли. А, то есть, извините, дедушка, дедушку пропустил. Это Саверий был его, то есть рождён как Саверио. Ну, всех звали, звали даже Слава. Сава, Слава, вот так вот (РД, м, 1980);

Единственное, что вот мою бабушку хотели записать как Франчески-на. Это именно итальянское имя. Но, опять-таки, находясь здесь, <...> ее назвали просто Инной. От Франческины осталась Инна (АП, ж, 1990);

В моём поколении русифицировали, прятали, скрывали. <...> Брат родной, тоже Вадим. Правда, называли тоже Домиником, но так как бы неофициально. Так что в моём поколении скрывали (ДД, ж, 1965).

Во второй половине XX века традиция давать итальянские имена постепенно исчезает, большая часть представителей итальянской диаспоры получает распространенные русские имена: *Наталья, Александр, Дмитрий, Светлана*. Поскольку численность итальянского сообщества в Крыму сокращается, выбор имени зависит уже скорее от внешних факторов, итальянцы ориентируются на общее окружение [Никонов, 1974, с. 158]. Однако следующее поколение частично вновь получает имена, типичные для итальянских семей Керчи, поскольку поддерживается традиция называть детей в честь бабушек и дедушек, но она соблюдается преимущественно в случае, если имя было универсальным для обоих языков: *Виктория, Анна, Мария*:

Поэтому, ну не знаю почему, захотели и назвали мою маму Наталья (ИЧ, ж, 1975);

Уже что-то менять под итальянский манер нет смысла... (ВП, ж, 1988).

3.3. Возрождение интереса

На рубеже XX—XXI веков интерес к итальянским или интернациональным именам начинает возвращаться постепенно вместе с возрождением этнической идентичности итальянцев Крыма. Этот процесс происходит во многом благодаря консолидации итальянского сообщества вокруг темы депортации итальянцев Крыма в 1942 году. Поиск исторических сведений об этом периоде, попытки узнать о судьбах своих предков, стремление сохранить и передать молодым поколениям историческую память привели к тому, что итальянцы Керчи вновь почувствовали принадлежность к своему культурно-этническому наследию. Единение итальянцев Крыма было подкреплено в 2015 году Указом Президента Российской Федерации о реабилитации депортированных из Крыма итальянцев от 12.09.2015 № 458. Некоторые представители диаспоры возвращают себе утерянную итальянскую фамилию, некоторые меняют имя на итальянизированный вариант (*Юлия — Джулия*):

Я вам честно скажу, я пошла и поменяла, вернула имя в ту интерпретацию, которую меня, в принципе, в семье и называли (ДД, ж, 1965).

Любопытным представляется случай одной респондентки, переехавшей из Крыма в Италию на постоянное место жительства, родившей детей в браке с итальянцем и давшей им итальянские имена: *Ноэми, Аделия* (ит. *Noemi, Adelia*):

У меня сейчас две девочки, одной семь лет, Её зовут Аделия, ну, как бы, практически итальянское имя, да, я ей дала. И вторая, ей два года, её зовут Нозми, тоже итальянское имя. Вот, имена я выбрала итальянские, потому что не хочу, чтобы, может быть, потом у них возникали какие-то небольшие проблемы, что ли, здесь, в этой стране. Со своим уставом не будешь ходить, поэтому пусть у них уже будут итальянские имена, таким образом они лучше адаптируются здесь (АП, ж, 1985).

По данным активистов сообщества итальянцев Крыма, на данный момент в семьях потомков итальянских переселенцев Керчи младшее поколение получает итальянские имена: *Доминик* (ит. *Domenico*), *Лючана* (ит. *Luciana*), *Орнелла* (ит. *Ornella*), *Сальваторе* (ит. *Salvatore*) [Джаккетти-Бойко, 2016, с. 291].

Таким образом, из интервью с представителями итальянской диаспоры Крыма становятся очевидными приверженность многих из них итальянской традиции передачи имен через поколение, а также возрастающий интерес к этнически более окрашенным именам, отображающим их этнокультурную принадлежность. Эта тенденция подтверждается и данными, которыми располагает сообщество итальянцев Крыма «Черки». Поскольку не все представители итальянского сообщества Крыма владеют итальянским языком, использование его как основного маркера этнической и культурной идентичности не представляется возможным. Однако потомки итальянских переселенцев испытывают потребность относить себя к итальянской культуре, в этом случае возвращение к итальянским именам может служить своего рода выделительной характеристикой для принадлежности к итальянской этнической группе [Benor, 2019, с. 9]. Подобный подход к выбору итальянских антропонимов можно рассматривать как осуществление символической функции языка внутри этнической группы, не владеющей языком в полной мере [Schluter, 2021, с. 240; Avineri et al., 2021, с. 8].

Итальянцы Крыма используют итальянский язык в символическом ключе, внедряя итальянские имена в преимущественно русскоязычную среду. Таким образом, можно утверждать, что сохранение обычаев именования детей (выбор итальянских имен, одинаковые имена через поколение) связывает представителей итальянского сообщества с их предками и способствует их идентификации, связанной с языком и по ассоциации через него с итальянской культурой.

4. Заключение = Conclusions

В этой статье мы проанализировали, как изменялся набор антропонимов, используемых итальянцами Крыма, с течением истории их проживания на полуострове с начала XX века по настоящее время. Можно

утверждать, что история антропонимов внутри сообщества потомков итальянских переселенцев соответствует в своих основных этапах внешней истории самого сообщества, отражая, таким образом, сложные процессы ассимиляции с крымским населением в начале прошлого века, сокрытия своих корней или отказа от них в период депортации, а затем постепенного возвращения к культурной и этнической идентичности на фоне возрастающего интереса к истории своих предков.

Изменения в традиции именования — от исконно итальянских антропонимов к двуименности, затем к почти полному исчезновению итальянских имен и, наконец, к возрождению интереса к итальянским вариантам имени — отчетливо демонстрируют влияние политических и социальных изменений на сохранение культурной идентичности итальянского сообщества Керчи. Постепенное возвращение потомков итальянских переселенцев к итальянским именам внутри сообщества свидетельствует о возобновлении интереса к собственному культурному наследию и стремлении к сохранению и укреплению этнической идентичности.

Выбор этнически окрашенных личных имен в сообществе итальянских переселенцев Крыма, таким образом, может рассматриваться как активный инструмент восстановления чувства принадлежности к итальянской культуре. Имя — важный элемент самоидентификации и коллективной памяти для итальянского сообщества, играющий значительную роль в процессе сохранения и передачи идентичности между поколениями, поскольку может использоваться как символический элемент, относящийся к итальянскому языку, и тем самым наиболее тесным образом связывающий говорящего с итальянской культурой.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Итоги* ВПН-2020. Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. — Т. 5. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 21.02.2025).
2. *ИПН-2015*. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. — Москва : ИИЦ «Статистика России», 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-4269-0054-7.

Литература

1. *Джаккетти-Бойко Д. Е.* Итальянцы Крыма. История и судьбы / Д. Е. Джаккетти-Бойко. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2016. — 344 с. — ISBN 978-5-9909227-0-9.
2. *Дзини С.* Возникновение, формирование и динамика развития итальянского населения Крыма XIX—XXI вв. : автореферат ... кандидата диссертации : 03.03.02 / С. Дзини. — Москва, 2021. — 26 с.

3. Дзини С. Анализ фамилий представителей современной этнической группы итальянцев Крыма и их предков в качестве квазигенетических маркеров / С. Дзини, Н. В. Хохлов // Вестник антропологии. — 2023. — № 2. — С. 308—324. — DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/308-324.
4. Кравченко Е. Ю. Итальянцы в Крыму : культурная память и национальная идентичность / Е. Ю. Кравченко // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7. — № 5А. — С. 457—466.
5. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность / Е. В. Кузнецова // Омский научный вестник. — 2011. — № 3 (98). — С. 102—105.
6. Никонов В. А. Имя и общество / В. А. Никонов // Институт Этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая, АН СССР. — Москва : Наука, 1974. — 278 с.
7. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика / Ю. А. Рылов. — Москва : АСТ, 2006. — 311 с. — ISBN 5-17-038554-4.
8. Самарина М. С. Итальянская диаспора Крыма : задачи возрождения и развития / М. С. Самарина // Герценовские чтения. Иностранные языки : сборник научных трудов. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — С. 317—319. — ISBN 978-5-8064-2913-2.
9. Теркулов В. И. Соотношение языковой и этнической идентификации / В. И. Теркулов // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 2 (60). — С. 104—115. — DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115.
10. Урядова А. В. Крымские итальянцы / А. В. Урядова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2015. — № 5 (103). — С. 211—222.
11. Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России : Научное наследие / М. А. Бородина, Б. А. Малькевич, Л. Н. Сухачев ; отв. редакторы акад. В. М. Жирмунский, Б. В. Левшин. — Ленинград : Наука, 1975. — 244 с.
12. Ясинская М. В. Некоторые особенности функционирования антропонимов у словенцев на итальянско-словенском пограничье (на материале полевых исследований) / М. В. Ясинская // Вопросы ономастики. — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 126—145. — DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.033.
13. Avineri N. Introduction : Exploring agency, ideology, and semiotics of language across communities / N. Avineri, J. Harasta // Metalinguistic communities : Case studies of agency, ideology, and symbolic uses of language. — Cham : Palgrave Macmillan, 2021. — Pp. 1—23.
14. Benor S. B. Ethnolinguistic infusion at Sephardic adventure camp. / S. B. Benor // The Routledge companion to the work of John Rickford. R. — London : Routledge, 2019. — Pp. 142—152. — ISBN 978-04-2942-788-6.
15. Bocale P. Language shift and language revival in Crimea / P. Bocale // International Journal of the Sociology of Language. — 2019. — № 260. — Pp. 85—103. — DOI: 10.1515/ijsl-2019-2049.
16. Schluter A. A. The Historical Tie that Binds : Deploying Kurdish to Index Ownership, Authenticity, Collective Memory, and Distinction within Kawaguchi's Kurdish Metalinguistic Community / A. A. Schluter. — Cham : Palgrave Macmillan, 2021. — Pp. 225—246.

*Статья поступила в редакцию 13.03.2025,
одобрена после рецензирования 17.05.2025,
подготовлена к публикации 05.06.2025.*

Material resources

- IPN-2015. *The results of the population census in the Crimean Federal District*. (2015). Moscow: IIC “Statistics of Russia”. 279 p. ISBN 978-5-4269-0054-7. (In Russ.).
- The results of the VPN2020. National composition and language proficiency*, 5. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (accessed 21.02.2025). (In Russ.).

References

- Avineri, N., Harasta, J. (2021). Introduction: Exploring agency, ideology, and semiotics of language across communities. In: *Metalinguistic communities: Case studies of agency, ideology, and symbolic uses of language*. Cham: Palgrave Macmillan. 1—23.
- Benor, S. B. (2019). Ethnolinguistic infusion at Sephardic adventure camp. In: *The Routledge companion to the work of John Rickford*. R. London: Routledge. 142—152. ISBN 978-04-2942-788-6.
- Bocale, P. (2019). Language shift and language revival in Crimea. *International Journal of the Sociology of Language*, 260: 85—103. DOI: 10.1515/ijsl-2019-2049.
- Dzini, S. (2021). *The emergence, formation and dynamics of the development of the Italian population of the Crimea of the XIX—XXI centuries*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).
- Dzini, S., Khokhlov, N. V. (2023). Analysis of surnames of representatives of the modern ethnic group of Italians of the Crimea and their ancestors as quasi-genetic markers. *Bulletin of Anthropology*, 2: 308—324. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-2/308-324. (In Russ.).
- Giacchetti-Boyko, D. E. (2016). *Italians of the Crimea. History and destinies*. Simferopol: Business-Inform. 344 p. ISBN 978-5-9909227-0-9. (In Russ.).
- Kravchenko, E. Y. (2017). Italians in Crimea: cultural memory and national identity. *Culture and Civilization*, 7 (5A): 457—466. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (2011). Language and national identity. *Omsk Scientific Bulletin*, 3 (98): 102—105. (In Russ.).
- Nikonov, V. A. (1974). *Name and society*. In: *Institute of Ethnography named after N. I. Miklukho-Maklay, USSR Academy of Sciences*. Moscow: Nauka Publ. 278 p. (In Russ.).
- Rylov, Yu. A. (2006). *Proper names in European languages. Roman and Russian anthroponymy*. Moscow: ACT. 311 p. ISBN 5-17-038554-4. (In Russ.).
- Samarina, M. S. (2020). The Italian Diaspora of Crimea: tasks of revival and development. In: *Herzen Readings. Foreign languages: a collection of scientific papers*. Saint Petersburg: Publishing House of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 317—319. ISBN 978-5-8064-2913-2. (In Russ.).
- Schluter, A. A. (2021). *The Historical Tie that Binds: Deploying Kurdish to Index Ownership, Authenticity, Collective Memory, and Distinction within Kawaguchi’s Kurdish Metalinguistic Community*. Cham: Palgrave Macmillan. 225—246.
- Shishmarev, V. F., Malkevich, B. A., Sukhachev, L. N. (1975). *Romanesque settlements in the South of Russia: Scientific heritage*. Leningrad: Nauka Publ. 244 p. (In Russ.).
- Terkulov, V. I. (2024). Correlation of linguistic and ethnic identification. *Questions of psycholinguistics*, 2 (60): 104—115. DOI: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115. (In Russ.).
- Uryadova, A. V. (2015). Crimean Italians. An inviolable reserve. *Debates about politics and culture*, 5 (103): 211—222. (In Russ.).

Yasinskaya, M. V. (2022). Some features of the functioning of anthroponyms among Slovenes on the Italian-Slovenian border (based on field research). *Questions of onomastics*, 19 (3): 126—145. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.3.033. (In Russ.).

*The article was submitted 13.03.2025;
approved after reviewing 17.05.2025;
accepted for publication 05.06.2025.*

Информация для цитирования:

Котюрова М. П. Речевая системность научного текста : развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожинной) / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 144—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161.

Kotyurova, M. P., Bazhenova, E. A. (2025). Speech Systemicity of Scientific Texts: Conceptual Development (On Centenary of M. N. Kozhina's Birth). *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 144-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Речевая системность научного текста: развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожинной)

Котюрова Мария Павловна
orcid.org/0000-0001-5418-726X
доктор филологических наук,
профессор, кафедра
русского языка и стилистики
kotyurova@yandex.ru

Баженова Елена Александровна
orcid.org/0000-0003-4580-4128
доктор филологических наук,
профессор, кафедра
русского языка и стилистики,
корреспондирующий автор
bazhenova_e2000@mail.ru

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Speech Systemicity of Scientific Texts: Conceptual Development (On Centenary of M. N. Kozhina's Birth)

Maria P. Kotyurova
orcid.org/0000-0001-5418-726X
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language and
Stylistics
kotyurova@yandex.ru

Elena A. Bazhenova
orcid.org/0000-0003-4580-4128
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language and
Stylistics,
corresponding author
bazhenova_e2000@mail.ru

Perm State National
Research University
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из важнейших понятий функциональной стилистики — речевой системности. Это понятие, введенное в научный оборот М. Н. Кожиной, позволило объяснить языковую специфику функциональных стилей. Цель статьи — рассмотреть научный текст как речевую систему, которая детерминирована эпистемической ситуацией. Утверждается, что эпистемическая ситуация представляет собой единство онтологического, методологического и аксиологического компонентов научного знания. Описаны бинарные свойства речевой системы научного текста: целостность — фрагментарность, устойчивость — неустойчивость, динамичность — статичность. Сообщается, что целостность обусловлена замыслом автора и терминосистемой текста; устойчивость — понятийной конкретизацией терминосистемы; динамичность — движением мысли автора от незнания к знанию. С опорой на синергетический подход выдвигается тезис, что речевая системность текста проявляется не только в упорядоченности, но и в хаотичности, асистемности. Асистемные свойства научного текста проявляются в эластичности, иллюзорности, открытости и эмерджентности его содержания. Подчеркивается, что свойство речевой системности входит в разные парадигмы лингвистического анализа, однако сохраняет целостность и допускает вариативность интерпретации. Сделан вывод о большом объяснительном потенциале рассматриваемого понятия и его высокой продуктивности для функциональной стилистики и речеведения.

Ключевые слова:

функциональная стилистика; Маргарита Кожина; речевая системность; научный текст; эпистемическая ситуация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to one of the most significant concepts in functional stylistics — speech systemicity. Introduced into scholarly discourse by M. N. Kozhina, this concept elucidates the linguistic specificity of functional styles. The objective of the article is to examine the scientific text as a speech system that is determined by the epistemic situation. It is asserted that the epistemic situation represents a unity of ontological, methodological, and axiological components of scientific knowledge. The binary properties of the speech system within scientific texts are described: integrity vs. fragmentation, stability vs. instability, and dynamism vs. statism. It is reported that integrity is conditioned by the author's intent and the terminological system of the text; stability arises from the conceptual concretization of the terminological system; and dynamism reflects the author's movement from ignorance to knowledge. Drawing on a synergistic approach, it is posited that the speech systemicity of a text manifests not only in orderliness but also in chaos and asystematicity. The asystematic properties of scientific texts are evident in their elasticity, illusoriness, openness, and emergent content. It is emphasized that the property of speech systemicity fits into various paradigms of linguistic analysis while maintaining coherence and allowing for interpretative variability. The conclusion highlights the considerable explanatory potential of the concept under discussion and its high productivity for functional stylistics and speech studies.

Key words:

functional stylistics; Margarita Kozhina; speech systemicity; scientific text; epistemic situation.

УДК 811.161.1'42:001.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Речевая системность научного текста: развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожиной)

© Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Столетие — это веха! Она вызывает желание заново осмыслить идеи большого ученого, давшие толчок развитию нового знания. В трудах Маргариты Николаевны Кожиной¹ к одной из таких идей, безусловно, относится обоснование понятия «речевая системность», которое занимает особое место среди фундаментальных понятий функциональной стилистики [Кожина, 1968]. По значимости для отечественного языкознания понятие речевой системности можно поставить в один ряд с выдающимися открытиями гуманитариев XX века: оно ознаменовало наступление эпохи лингвистики речи.

Без преувеличения можно сказать, что понятие речевой системности изменило всю предшествующую российскую стилистику, ведущую свое начало от М. В. Ломоносова. По сложившейся с XVIII века традиции стиль понимался как совокупность языковых примет текста (в художественных текстах к таким приметам относили прежде всего метафоры, в научных — термины, в деловых — канцеляризмы). М. Н. Кожина с присущей ей экспрессией заявила: «Мы утверждаем, что стиль речи создается <...> особой речевой системностью (отличной от языковой), особой организацией речи, свойственной каждой области общения, как результат своеобразных закономерностей функционирования языковых средств» [Кожина, 1970, с. 5]. По мнению М. Н. Кожиной, изучение речевой системности «немыслимо вне установления глубинных связей организации языковых элементов <...> с экстралингвистическими основами этой организации» [Кожина 1972, с. 13].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» М. Н. Кожина определила речевую системность функционального стиля

1 Маргарита Николаевна Кожина (1925—2012) — основоположник функциональной стилистики, автор теории экстралингвистической обусловленности речи, основатель Пермской научной школы функциональной стилистики.

как «взаимосвязь разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанную на стремлении к единой коммуникативной цели и выполнении общей функции, обусловленную экстралингвистической базой этой разновидности...» [СЭС, 2003, с. 347]. Хрестоматийным, но не потерявшим своей актуальности является тезис о принципиальном отличии речевой системности от системности языка. В рамках речевой системности функционального стиля «та или иная общезыязыковая единица (лексема, форма, конструкция) <...> как бы семантически расщепляется и определенной своей стороной участвует в выражении и создании речевой системности соответствующего стиля» [СЭС, 2003, с. 348]. Бесспорная объяснительная значимость этого понятия связана с философским осмыслением единства формы и содержания, лингвистического и экстралингвистического в речи (см., например: [Гричин, 2022; Десяткин и др., 2025]).

Развивая понятие речевой системности, можно говорить о системности двух видов. С одной стороны, это универсальное свойство текстов определенного стиля. Власть речевой системности такова, что она «порабощает, сглаживает единичное как не идущую к делу шероховатость <...> стиль системен, целостен, тотален» [Парамонов, 1997, с. 7]. С другой стороны, речевая системность является уникальным свойством конкретного текста, позволяющим осуществить более глубокий его анализ. Вместе с тем при анализе конкретного текста системность неизбежно обогащается асистемностью, вызванной дискурсивными факторами его порождения.

Цель данной статьи — рассмотреть научный текст как речевую систему, обусловленную комплексным экстралингвистическим фактором — *эпистемической ситуацией* (ЭС) в единстве *онтологической, методологической и аксиологической* сторон содержания (подробнее см. [Котурова, 1996]).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили монографии по лингвистике: 1) Бондарко А. В. Функциональная грамматика (Ленинград, 1984) [Бондарко, 1984]; 2) Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект (Москва, 2005) [Рябцева, 2005]. Этот выбор обусловлен тем, что в лингвистических монографиях, по нашему мнению, стандарт научной речи нашел свое наиболее яркое выражение.

Считаем необходимым установить следующие принципы интерпретации научного текста как речевой системы:

— научный текст понимается как функционирующая речевая система (система-паутина), «поддающаяся» только системному мышлению;

— системное мышление оперирует *речевой системой* как феноменом, то есть целой данностью, и *речевой системностью* как свойством этой системы члениться на части (компоненты, элементы);

— рассматривается содержание именно научного знания, за пределами которого возможна асистемная информация о мнении автора, вводимом дискурсивами *можно сказать, с нашей точки зрения, на наш взгляд* и др.;

— под *эпистемической ситуацией* имеется в виду содержание научного текста, организованное по принципу речевой системы; понятие «эпистемическая ситуация» может использоваться в широком смысле (в частности, с позиций «общей системы научного знания, сложившейся в момент создания конкретного текста и определяющей методологические границы научного поиска его автора» [Чернявская, 2004, с. 164]), а также в узком смысле — применительно к отдельному тексту (понятие ЭС в широком смысле в статье не рассматривается);

— речевая система содержания текста минимизируется посредством отвлечения, абстрагирования, обобщения;

— понятие эпистемической ситуации употребляется в качестве посредника между научным знанием как экстралингвистическим фактором и научным знанием как содержанием текста.

Целесообразно дифференцировать системные (облигаторные) и асистемные (факультативные) свойства содержания научного текста. К системным свойствам относятся *целостность / фрагментарность, относительная устойчивость / неустойчивость, динамичность / статичность*. Среди факультативных свойств, обусловленных авторской индивидуальностью, доминируют *эластичность, иллюзорность, открытость, змерджентность* (см. об этом [Котюрова и др., 2011]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Системные свойства научного текста

Научное понятие «эпистемическая ситуация» целесообразно конкретизировать (М. Н. Кожина справедливо противопоставляет художественно-образную и понятийную конкретизацию). Так, эпистемическая ситуация раскрывается, развертывается, развивается, расширяется, сужается, уточняется, то есть она связана с конкретизацией понятия в контексте целого научного произведения. При этом данное понятие выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно ориентирует автора текста на представление об эпистемической ситуации, сложившееся под влиянием трудов предшественников; с другой стороны, благодаря понятию эпистемической ситуации адресант и адресат формируют кон-

текстуально-целостную сущность — системное содержание конкретного научного текста.

Обратимся к целому тексту как носителю эпистемической ситуации. Системное содержание текста оформлено в виде заверщенного научного произведения: статьи, монографии, диссертации, учебника. Рассмотрим целостность этого содержания в качестве доминирующего параметра на шкале **целостность / фрагментарность**.

Научный текст как система не монолитен ни в формальном, ни в содержательном отношениях. Отсюда ясно, что целостность — понятие многомерное и разноаспектное, а его содержание обусловлено и основанием деления, и результатом деления — компонентами, элементами, единицами и их связью. Целостность создаваемой автором речевой системы определяется его замыслом, в то время как читатель формирует (или не формирует) речевую систему в результате восприятия и понимания элементов содержания уже заверщенного произведения. В связи с этим вопрос о целостности речевой системы и речевой системности также членится: на каком основании, из каких компонентов складываются речевая система и речевая системность? Какие отношения устанавливаются между компонентами этих систем? Какими речетекстовыми средствами выражаются все эти сущности?

Речевая система **эпистемическая ситуация** целостна, в противном случае она утрачивает основное качество — системность. В то же время система сохраняется при условии **эластичности**. Поясним, что под эластичностью понимается готовность автора (исследователя) к изменению содержания и формы уже усвоенной речевой / текстовой единицы; поиск и актуализация вариантов (прежде всего синонимов) в тех или иных подсистемах языка (лексической, грамматической, семантической, функционально-семантической и др.). Формирование «недостающих», но актуальных элементов можно соотносить с тем, что эластичность мышления воздействует на отбор единиц речи с учетом их семантики. Кстати, следует отметить, что именно эластичность как готовность к изменению отдельных элементов речевой системности сдерживает «поток сознания» автора, обуславливая тем самым возможность саморедактирования и совершенствования текста.

В качестве другого параметра фундаментального свойства речевой системности научного текста выступает **устойчивость / неустойчивость** как результат полного либо неполного соблюдения языковых и речетекстовых норм, принципов отбора и сочетания языковых единиц, эксплицирующих содержание в соответствии с принятой традицией, а также индивидуальными пристрастиями автора. **Устойчивость / не-**

устойчивость речевой системы зависит от влияния экстралингвистических факторов. Как пишет М. Н. Кожина, «комплекс действующих экстралингвистических факторов многообразен и каждый раз выступает в новых, в том числе и неповторимых сочетаниях, а у носителя языка имеются лишь общие представления, приблизительные знания о принципах отбора и сочетания языковых средств...» [Кожина и др., 2008, с. 106]. И. П. Хуыз установлено, что «академическое письмо на русском языке, как правило, представляется читателю сложным, поскольку при восприятии необходимо домысливать информацию [Хуыз, 2023, с. 149]. Поэтому при создании научного текста большое значение приобретает понятие-посредник «эпистемическая ситуация», объединяющее как объективную (устойчивую), так и субъективную (неустойчивую) стороны познавательной деятельности. Устойчивость речевой системы текста обусловлена экстралингвистическими стилеобразующими факторами: формой общественного сознания, видом деятельности, сферой общения и типом мышления. Наряду с этими — ядерными, сильнодействующими — факторами влияние на текст оказывают нестилеобразующие, дискурсивные факторы. Важно, что воздействие дискурсивных факторов не приводит к разрушению речевой системы научного текста в силу устойчивости ядра этой системы — эпистемической ситуации.

В рассматриваемом плане важно подчеркнуть, что устойчивость ядерной подсистемы эпистемическая ситуация противостоит неустойчивости ее окружения, которая объясняется воздействием целого ряда сильнодействующих дискурсивных условий [Викторова, 2015]. На этом основании можно заключить, что речевая система научного текста благодаря устойчивости ядерного компонента, то есть эпистемической ситуации, преодолевает «натиск» среды как неустойчивого компонента речевой системы. На шкале параметра **устойчивость / неустойчивость** среда выступает в качестве неустойчивой, дополнительной, периферийной по отношению к основной, ядерной части ЭС.

Представляется, что понятие эпистемической ситуации не противоречит синергетическому подходу к изучению систем, во всяком случае в части понимания системы как единства упорядоченности и хаоса. Так, онтологическая сторона ЭС организована совокупностью семантических блоков, объединяющих исходные, основные и уточняющие понятия. Исходные понятия относятся к фонду научного знания, являются общими для адресанта и адресата и не определяются в тексте. Основные понятия выражают концептуальное содержание полученного знания, поэтому они не только определяются, но и развиваются, конкретизируются, уточняются. Динамичность понятийной системы обусловлена ориентацией автора на

совершенствование текста. Уточняющие понятия используются в качестве логико-семантических конкретизаторов основных понятий.

В отличие от четкой системности онтологической стороны эпистемической ситуации, ее методологическая и аксиологическая стороны отличаются хаотичностью, поскольку они в большей степени зависят от воли автора. Конечно, важно, что для передачи типизированного научно-познавательного процесса автором используются прежде всего термины, составляющие устойчивое ядро научного знания. Вместе с тем в реальном тексте устойчивость терминосистемы вынуждена преодолевать хаотичное сопротивление неустойчивости (воли автора, выраженной в «шлейфе» терминосистемы текста), обеспечивая тем самым понимание и самодостраивание целостной структуры содержания (смысла) научного текста.

Итак, **устойчивость / неустойчивость** — фундаментальный параметр *феномена* речевой системы и его *свойства* речевой системности. Подчеркнем, что устойчивость научного текста обеспечивается системным мышлением и адресанта, и адресата, а также их интеллектуальной волей и интуицией.

Перейдем к рассмотрению еще одного универсального свойства речевой системы содержания научного текста — **динамичности / статичности**. Этот параметр мы соотносим с движением мысли от не-знания к знанию, от формирования эпистемического контекста к постановке проблемы, выдвижению гипотезы, поиску аргументов и обобщению. Динамика системной мысли автора обусловлена формированием концепции, причем не только концепции со сложной структурой, но и любого утверждения вместе с его аргументацией. Динамика речевой системности текста осознается благодаря наличию в нем уточняющих слов и оборотов, синонимов, различных дискурсивов, сочинительных рядов и др. Приведем примеры использования сочинительных рядов из книги Н. К. Рябцевой: *Механизм формирования таких представлений предельно прост и эффективен. Он заключается в том, что абстрактные и сложные явления получают неявное, неосознаваемое, «автоматическое», метафорическое или метонимическое* [5 компонентов ряда] *определение, структурирование, описание, и в целом концептуализацию, подсознательное осмысление, интерпретацию* [6 компонентов], *в терминах конкретных, физических, наиболее значимых, данных в ощущениях* [4 компонента], *предметов и явлений, ассоциируются с ними, уподобляются им и представляются* [3 компонента] *в сознании и языке по аналогии с ними* [Рябцева, 2005, с. 58].

Насыщение текста сочинительными рядами свидетельствует о конкретизации автором используемых понятий.

Фрагмент более сложного, попарного структурирования сочинительного ряда, акцентированного сложными союзами: *Это не просто сопоставление и сравнение, а установление аналогии и уподобление, не восприятие структуры и устройства, а их проецирование и «наложение», не распознавание целого, а его «достраивание», не улавливание категориального сходства, а его формирование и т.п.* [Рябцева, 2005, с. 30].

Динамичность, изменчивость мысли адресанта до публикации текста не требует доказательства. В частности, об эластичности текста, то есть готовности автора к изменению содержания, свидетельствует многократное переиздание (с исправлениями) научного труда. Так, по словам А. В. Бондарко, текст «Функциональной грамматики» он редактировал 14 раз (!). Это не только пример ответственности, но и научный факт, который можно интерпретировать в качестве аргумента к тезису о динамичности мысли автора.

Таким образом, необходимыми и в совокупности достаточными свойствами речевой системы научного текста выступают **целостность**, **устойчивость** и **динамичность**. Наряду с этими универсальными свойствами, в данной системе обнаруживаются (или не обнаруживаются) такие дополнительные, факультативные свойства, как иллюзорность, открытость, эмерджентность.

3.2. Асистемные свойства научного текста

В научном тексте тесно переплетены знание и незнание, которые образуют единство содержания и «вопрошающего компонента». По мнению М. К. Мамардашвили, в работах которого используется этот термин, знание того, что мы видим, мешает нам видеть видимое. Поэтому содержательной частью знания в научном тексте является то, что известно о предмете исследования, в то время как «вопрошающая часть» соотносится с «неполнотой знания, необходимостью выхода за пределы разумного в сферу иллюзии» [Мамардашвили, 1995, с 44].

От иллюзий, погрешностей и ошибок не защищены ни автор, ни читатель. Иллюзорность восприятия текста соотносится с заблуждениями, возникающими при его чтении, в частности с иллюзией адекватного понимания выраженной автором мысли. Именно такой иллюзией можно объяснить погрешности и ошибки, допущенные переводчиками научных текстов (см.: [Алексеева, 2013]).

Любой компонент текста как системы (на уровне онтологии, методологии, аксиологии) может выступать источником и носителем как логически предсказуемых, так и непредсказуемых свойств создаваемого текста. Открытость, присущая как системе в целом, так и ее компонентам, является природным свойством речевой системы научного текста: в процессе

его восприятия и тем более понимания читатель может достраивать и совершенствовать содержание текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции, что, несомненно, также говорит об открытости речевой системы.

На получение нового научного знания оказывает воздействие эпистемическая ситуация, сложившаяся в науке к моменту создания текста (взлет, застой, кризис, флуктуация и т. д.). Современная наука весьма динамична, тем не менее нередко звучат нарекания в связи с недостатком методологичности и призывы к ее расширению и углублению. Потому и возникает вопрос, как понимать н о в ы з н у з н а н и я . На наш взгляд, для интерпретации полученного автором знания можно наложить модель ЭС на доминирующий результат и определить его онтологическую, методологическую и аксиологическую ценность.

Так, объект философского знания, представленный понятиями «материя — сознание», претерпевает существенное изменение, обуславливающее перестройку в связи с разработкой искусственного интеллекта (ИИ) и быстрым расширением сферы роботизации. Буквально на глазах происходит переформирование онтологии философского знания, поскольку субъект познавательной деятельности уже представлен не только интеллектуально-языковой личностью, но и сущностью, наделенной ИИ. Понижение познавательного уровня от абстрактного к конкретно-абстрактному неизбежно характеризуется изменением методологии любого исследования. А к с и о л о г и я знания, на первый взгляд, не столь существенна, однако... Если учесть, что аксиология формируется прежде всего через оценку нового знания, причем не только рациональную, но и эмоциональную, то нельзя не признать особой роли личности ученого. Оценка невероятно зависима от личных качеств отдельно взятого эксперта, дающих о себе знать на разных уровнях, в разных условиях и ситуациях функционирования системы.

3.3. Репрезентация динамичности знания в научном тексте

Объем статьи не позволяет рассмотреть все аспекты системности научного текста, поэтому ограничимся лишь иллюстрацией динамичности понятийной системы — наиболее важного свойства, обусловленного движением мысли автора от незнания к знанию. Представим краткий анализ первого раздела монографии А. В. Бондарко «Функциональная грамматика» (1984), посвященной изложению теории функциональной грамматики (раздел «Общая характеристика» первой главы «Предмет и задачи функциональной грамматики»). Обратим внимание, что этой монографии предшествовала серия публикаций (более 20 книг и статей), в которых на протяжении трех десятилетий шлифовалась новаторская лингвистическая

теория. В предисловии к книге автор знакомит читателей с этапами формирования концепции, сосредоточив внимание на выдвижении и развитии основных понятий. См.:

В наших прежних публикациях (до 1981 г. [см. Бондарко 1968; 1971а, с. 3—75; 1976, с. 204—244]) речь шла о ФСП, опирающихся на грамматическую категорию как на центр (ядро), вокруг которого группируются другие (периферийные) средства. Именно так... мы трактовали ... отношения в ряду: глагольное время и темпоральность, наклонение и аспектуальность...

Морфологические категории (МК) рассматривались нами как исходный пункт для выделения функционально-семантической категории (ФСК)...; следующий шаг — определение других языковых элементов, которые взаимодействуют с данной МК на базе частичной семантической общности...

Правда, в принципе допускалась возможность существования ФСК, не опирающихся на МК... Однако подобные типы ФСК... не играют существенной роли в излагаемой теории.

Данная морфолого-центрическая интерпретация функционально-семантических категорий (полей), изложенная нами в ряде работ конца 60-х годов и (в наиболее полном виде) в указанной работе 1971 г., не рассматривается нами в настоящее время как устаревшая. Однако теперь мы трактуем тип ФСП, опирающегося на морфологическую (и шире — грамматическую) категорию не как основу самого понятия ФСП, а как один из возможных структурных типов ФСП. Таким образом, мы исходим из принципа многообразия возможных типов ФСП. Следовательно, излагаемая нами в настоящее время теория ФСП не отменяет указанную выше морфологически ориентированную концепцию..., а включает ее (как частный, хотя и очень важный случай) в теорию ФСП, ориентированную на более широкий круг ФСП разных типов. Эта более новая теория ориентируется на понятие системы ФСП [Бондарко, 1984, с. 58—60].

В приведенном фрагменте на динамику знания указывают ссылки (Бондарко 1968, 1971а); лексемы с темпоральной семантикой (в *прежних публикациях, следующий шаг, в ряде работ конца 60-х годов, излагаемая в настоящее время теория*); противопоставление глаголов прошедшего и настоящего времени (*речь шла о... мы трактовали, категории рассматривались, допускалась возможность — теперь мы трактуем...*).

Привлечение внимания к хронологической последовательности этапов исследования не только актуализирует фоновые знания читателя, но и создает основу для дальнейшего развития теории, ядром которой является

понятие функциональной грамматики. См.: *В каждой грамматике в той или иной мере представлен функциональный аспект. Что же дает основание говорить о функциональной грамматике (функц. гр.) как об особом типе грамматического описания? Какова специфика грамматики этого типа?* [Бондарко, 1984, с. 3].

Для конкретизации основного понятия и заострения внимания на его новизне автор включает это понятие в систему логических отношений с близкими, но не тождественными понятиями: «грамматика» — «функциональная грамматика» — «функциональная грамматика особого типа». Целенаправленное сужение предмета исследования, с одной стороны, является способом понятийной конкретизации, с другой — привлекает внимание адресата к новому знанию, в данном случае посредством использования вопросительных предложений с акцентирующим повтором: *особый тип грамматического описания — специфика грамматики этого типа*. Обоснование ответа на поставленные вопросы составляет главное содержание монографии и определяет развертывание ее смысловой структуры в силу «векторной направленности предтекста» [Гальперин, 2006, с. 52, 61].

Конкретизация понятия «функциональная грамматика особого типа» начинается с выделения двух аспектов новой науки: *Первый аспект — это система грамматических единиц, классов и категорий <...> Второй аспект — это система закономерностей и правил функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней* [Бондарко, 1984, с. 3].

Подчеркнем, что понятийная конкретизация, которая в рассматриваемом фрагменте текста осуществляется посредством усложнения основного понятия, сопровождается выражением авторской уверенности в достоверности нового знания. На это указывают, в частности, наречия меры и степени (*чрезвычайно важным компонентом функц. гр. является..., абсолютно новую... дисциплину*); противительная семантика синтаксических конструкций (*Функ. гр. представляет собой не отрицание грамматики..., а специальное развитие функциональной грамматики как целого; Функц. гр. не порывает с системно-структурным... аспектом грамматического строя языка. Напротив...; описание строится не по отдельным уровням..., а на основе опоры на функционально-семантические единства данного языка*), а также констатирующая тональность изложения в целом (*специфика функц. гр. заключается в том, что...; системно-структурный аспект описания... отличается сильной, подчеркнутой функциональной ориентацией; господствующим началом являются потребности передачи смысла...; принцип единства... определяет место функц. гр. В общей системе грамматики как науки*).

В научном тексте специальным логико-речевым средством понятийной конкретизации выступает дефиниция. См.: ***Итак, функц. гр. может быть определена как грамматика, 1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания; 2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к значению..., но и в направлении от значения к форме...*** [Бондарко, 1984, с. 5].

Ядром приведенной дефиниции является детерминирующий предикат, который указывает на ближайший к определяемому понятию род: *функциональная грамматика — грамматика*. С ядром соотносятся спецификаторы, сообщающие характерологические, конструктивные и функциональные признаки основного понятия. В данной дефиниции спецификаторы выражены двумя причастными оборотами, первый из которых указывает на область приложения и структуру основного понятия (1), второй эксплицирует его методологический потенциал (2). Форма сказуемого *может быть определена* свидетельствует о некатегоричности изложения как одной из конвенциональных стилевых черт научной речи.

Хотя в первом разделе анализируемой монографии не раскрывается в деталях содержание понятия «функциональная грамматика», опорные точки его дальнейшей конкретизации даются читателю уже здесь. Для развития основного понятия автор прибегает к процедуре расчленения выводного знания и систематизации уточняющих понятий путем установления между ними логико-семантических отношений. Понятийная система теории функциональной грамматики схематично представлена на рис. 1.

Рис. 1. Понятийная система функциональной грамматики А. В. Бондарко

Данным понятиям принадлежит ведущая роль в речевой системе и смысловой структуре рассматриваемой монографии. Неслучайно номинации ключевых понятий входят в названия глав: «Структурные типы функционально-семантических полей» (глава II), «Категориальные ситуации» (глава III).

Отдельные понятия в речевой системе научного текста связаны логико-семантическими отношениями наличия, сопоставления, включения, зависимости, цели и др. В монографии А. В. Бондарко для экспликации этих отношений используются релятивные глагольные формы, например: *Грамматика данного типа должна включать... а) анализ системы языковых средств, участвующих в реализации изучаемых функций; б) анализ семантических функций, реализуемых в высказывании, в речи. В разрабатываемом нами варианте функц. гр. этим целям служат* два компонента: *а) описание структуры ФСП в составе системы полей данного языка...; б) описание типовых категориальных ситуаций..., базирующихся на определенном ФСП и репрезентирующих элементы его содержания и выражения в высказывании* [Бондарко, 1984, с. 5].

Большую роль в понятийной конкретизации играют средства квалификативной оценки (в примерах выделены разрядкой), которые акцентируют значимость того или иного понятия в общей терминосистеме текста. Например: *В системе понятий и терминов функц. гр... понятие категориальной ситуации соотносится с понятием функционально-семантического поля. Это два основных понятия, на которых строится данный тип функц. гр. Из двух указанных понятий первичным, базовым является понятие ФСП. Понятие КС производно от него, представляя собой отношение ФСП не только к языку, но и к речи, высказыванию* [Бондарко, 1984, с. 104].

В основной части книги понятийно-терминологическая система нового знания не только уточняется, но и «доставляется» за счет введения в текст новых понятий («макросреда», «микросреда», «моноцентрическое поле», «полицентрическое поле», «таксис» и др.). Так, понятие «система ФСП» конкретизируется через понятие «группировки полей», последнее, в свою очередь, получает дальнейшую конкретизацию в зависимости от типа ядра той или иной группировки: *поля с предикативным ядром, поля с предметным ядром, поля с обстоятельственным ядром* и др. В результате анализа и синтеза, деления и объединения понятийная конструкция нового знания приобретает целостный, системный и относительно завершённый вид, отличающий теорию от дотеоретических форм научного знания.

Итак, в рассмотренном фрагменте монографии лаконично представлена понятийная система концепции, из которой посредством понятийной

конкретизации будет сформировано новое знание в его полном объеме. Организация смысловой структуры научного текста в соответствии с развитием понятий и отражением динамики научной мысли автора направлена не только на создание речевой системы текста, но и на вовлечение адресата в процесс усвоения нового знания.

4. Заключение = Conclusions

Понятие системы так широко и многопланово, что его изучение остается актуальным. Несмотря на то, что лингвистикой приняты понятия «языковая система», «речевая система», в современных условиях, особенно в связи с интересом к системному мышлению в разных областях научного знания, системность научной речи требует дальнейшего изучения. В данной статье рассмотрены необходимые и достаточные параметры феномена рече-текстовой системы, а также ее облигаторного свойства — системности содержания научного текста. Установлено, что научно-познавательный комплекс «научное знание (как экстралингвистическая основа) — текст» формируется системным мышлением автора через посредника — эпистемическую ситуацию. Это понятие рассматривается нами в соответствии с принципом понятийной конкретизации, введенным в функциональную стилистику М. Н. Кожиной в 70-х годах прошлого века. Аналитико-синтезирующий компонент системного мышления обусловил выявление и дифференциацию доминирующих параметров эпистемической ситуации — посредника между научным знанием как экстралингвистическим фактором и научным знанием как содержанием текста. Функционирование содержательно-речевой системы текста обеспечивается свойствами целостности, устойчивости, динамичности. Целостность содержания создается онтологическим центром — терминосистемой текста. Устойчивость содержания достигается совокупностью блоков исходных, основных и уточняющих понятий, ориентированных на понятийную конкретизацию терминосистемы. Динамичность содержания подпитывается окружением, «шлейфом», средой, в которой формируется научное знание.

Таким образом, применение системного мышления (от целого — к части) к речевой системе эпистемическая ситуация, понимаемой как единство компонентов онтологии, методологии и аксиологии познавательной деятельности, позволяет установить такие основные (они же необходимые и достаточные) параметры речевой системности речи, как целостность, устойчивость и динамичность, а также дополнительные, факкультативные, периферийные параметры этой системы — эластичность, иллюзорность, открытость, эмерджентность.

В заключение подчеркнем, что понятие речевой системности как универсального свойства текста соотносится с разнопорядковыми единицами и категориями, сохраняя при этом целостность и допуская использование разных методов анализа. Все сказанное свидетельствует о большой объяснительной силе этого понятия и его продуктивности для функциональной стилистики и речеведения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, 1984. — 133 с.
2. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — Москва : Academia, 2005. — 640 с. — ISBN 5-87444-224-3.
3. СЭС — *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожиной. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 696 с. — ISBN 5-89349-342-7.

Литература

1. Алексеева Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект) / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. — 189 с. — ISBN 978-5-7944-2077-7.
2. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса / Е. Ю. Викторова. — Саратов : Наука, 2015. — 404 с. — ISBN 978-5-9999-2517-6.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 4-е стереотипное. — Москва : КомКнига, 2006. — 144 с.
4. Гричин С. В. Моделирование эвиденциальности в научном дискурсе / С. В. Гричин, О. В. Ульянова // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 3 (50). — С. 185—187.
5. Девяткин Д. А. Большие языковые модели и жанрово-речевая системность / Д. А. Девяткин, В. А. Салимовский, Н. В. Чудова, А. А. Рыжова, О. Г. Григорьев // Жанры речи. — 2025. — Т. 20. — № 1 (45). — С. 6—23.
6. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. — Пермь : Пермский государственный университет, 1968. — 251 с.
7. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. — Пермь : Пермский государственный университет, 1972. — 395 с.
8. Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / М. Н. Кожина. — Москва, 1970. — 46 с.
9. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0256-7.

10. Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. В 3 т. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1996. — Ч. 1. — Т. 2. — С. 341—370.

11. Котюрова М. П. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. — Пермь : Пермский государственный университет, 2011. — 394 с. — ISBN 978-5-9765-4298-3.

12. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. — Москва : Ad Marginem, 1995. — 548 с.

13. Парамонов Б. М. Конец стиля / Б. М. Парамонов. — Санкт-Петербург, Москва : Аграф, Алетея, 1997. — 462 с.

14. Хурыз И. П. Фактор адресата в письменном академическом дискурсе / И. П. Хурыз // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — С. 146—162. — DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162.

15. Чернявская В. Е. Научное познание — «власть дискурса» (Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий) / В. Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Пермский университет, 2004. — Выпуск 7. — С. 162—173.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025,
одобрена после рецензирования 17.05.2025,
подготовлена к публикации 10.06.2025.

Material resources

- Bondarko, A. V. (1984). *Functional grammar*. Leningrad: Nauka Publ. 133 p. (In Russ.).
Ryabtseva, N. K. (2005). *Language and natural intelligence*. Moscow: Academia. 640 p. ISBN 5-87444-224-3. (In Russ.).
SES — Kozhina, M. N. (ed.). (2003). *Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka Publ. 696 p. ISBN 5-89349-342-7. (In Russ.).

References

- Alekseeva, L. M. (2013). *Specificity of scientific translation (anthropocentric aspect)*. Perm: Perm State National Research University. 189 p. ISBN 978-5-7944-2077-7. (In Russ.).
Chernyavskaya, V. E. (2004). Scientific knowledge — “the power of discourse” (Linguistic understanding of premature scientific discoveries). In: *Stereotyping and creativity in the text*, 7. Perm: Perm University. 162—173. (In Russ.).
Devyatkin, D. A., Salimovsky, V. A., Chudova, N. V., Ryzhova, A. A. (2025). Large language models and genre-speech consistency. *Genres of speech*, 20 / 1 (45): 6—23. (In Russ.).
Galperin, I. R. (2006). *Text as an object of linguistic research. Ed. 4th stereotypical*. Moscow: KomKniga Publ. 144 p. (In Russ.).
Grichin, S. V., Ulyanova, O. V. (2022). Modeling evidentiality in scientific discourse. *Cognitive studies of language*, 3 (50): 185—187. (In Russ.).
Khutyzy, I. P. (2023). The addressee’s factor in written academic discourse. *Communicative research*, 10: 146—162. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162. (In Russ.).

- Kotyurova, M. P. (1996). The expression of the epistemic situation in the peripheral texts of the whole work. In: *Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII—XX centuries. In 3 volumes, 1 (2)*. Perm: Publishing House of Perm University. 341—370. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P., Tikhomirova, L. S., Solovyova, N. V. (2011). *Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist*. Perm: Perm State University. 394 p. ISBN 978-5-9765-4298-3. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1968). *On the foundations of functional stylistics*. Perm: Perm State University. 251 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1970). *Problems of specificity and consistency of functional speech styles*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1972). *On the speech consistency of scientific style in comparison with some others*. Perm: Perm State University. 395 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0256-7. (In Russ.).
- Mamardashvili, M. K. (1995). *Lectures on Proust: the psychological topology of the path*. Moscow: Ad Marginem. 548 p. (In Russ.).
- Paramonov, B. M. (1997). *The end of style*. St. Petersburg, Moscow: Agraf, Aleteya. 462 p. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2015). *Auxiliary system of discourse*. Saratov: Nauka Publ. 404 p. ISBN 978-5-9999-2517-6. (In Russ.).

*The article was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 17.05.2025;
accepted for publication 10.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Соколова Е. Н. Сравнительные конструкции в романе Р. Брэдли «Марсианские хроники» / Е. Н. Соколова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 162—181. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-162-181.

Sokolova, E. N. (2025). Comparative Constructions in Ray Bradbury's "The Martian Chronicles". *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 162-181. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-162-181. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сравнительные конструкции в романе Р. Брэдли «Марсианские хроники»

Соколова Елена Николаевна
orcid.org/0000-0003-3268-0971
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и литературоведения
ensokolova2009@yandex.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Comparative Constructions in Ray Bradbury's "The Martian Chronicles"

Elena N. Sokolova
orcid.org/0000-0003-3268-0971
Doctor of Philology,
Professor, Department
of Linguistics and Literary Studies
ensokolova2009@yandex.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Целью исследования является комплексный анализ сравнений в контексте индивидуально-авторского стиля. Источниками исследования послужили оригинальный текст романа Р. Брэдли «Марсианские хроники» и его перевод на русский язык Л. Л. Жданова. Материалом исследования стали 354 параллельных текстовых фрагмента, включающих сравнительные конструкции. Применяются методы сопоставительного, контекстуального и компонентного анализа, лингвокультурологического комментирования и количественной характеристики. Установлено, что в русском переводе «Марсианских хроник» Л. Л. Жданова представлено 180 случаев эквивалентного перевода сравнений и 64 примера перевода сравнительных оборотов с применением различного рода трансформаций (генерализация, конкретизация, модуляция, лексическое добавление, компрессия, описательный перевод). Уделяется внимание фиксации в сравнениях универсальных и национально-обусловленных черт языковой картины мира. Доказано, что и субъектами, и объектами сравнения в контексте авторского мировосприятия Р. Брэдли становятся человек, артефакт, природа. Выявленные модели иллюстрируются примерами: кисти рук — сосульки; лицо — яблоко; женщины — медведицы (ЧЕЛОВЕК > ПРИРОДА); жилища — змеи; город — ящерница; ружья — журавли; корабли — лепестки; воротник — цветок (АРТЕФАКТ > ПРИРОДА) и др. Отмечено 80 примеров отсутствия сравнения в оригинале при его наличии в переводе и 10 случаев отсутствия сравнительной конструкции в переводе при ее наличии в оригинале.

Ключевые слова:

Рэй Брэдли; перевод сравнений; индивидуально-авторская картина мира; художественный перевод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aim of this study is to conduct a comprehensive analysis of comparative structures within the context of the author's individual stylistic approach. The research sources include the original text of Ray Bradbury's "The Martian Chronicles" and its Russian translation by L. L. Zhdanova. The material for analysis consists of 354 parallel textual fragments featuring comparative constructions. Methods employed in this study include comparative, contextual, and component analysis, as well as linguistic and cultural commentary and quantitative assessment. It is established that in L. L. Zhdanova's Russian translation of "The Martian Chronicles," there are 180 instances of equivalent translation of comparisons and 64 examples of comparative phrases translated through various transformations (generalization, specification, modulation, lexical addition, compression, descriptive translation). Attention is given to the identification of universal and culturally specific features within the linguistic worldview reflected in these comparisons. It is demonstrated that both subjects and objects of comparison, in the context of Bradbury's authorial perception, encompass humanity, artifacts, and nature. The identified models are illustrated with examples: wrists — icicles; face — apple; housewives — bears (HUMAN > NATURE); dwellings — snakes; city — lizard; shotguns — cranes; ships — petals; blouse — flower (ARTIFACT > NATURE), among others. Notably, there are 80 instances where comparisons are absent in the original but present in the translation, and 10 cases where comparative constructions are missing in the translation despite their presence in the original.

Key words:

Ray Bradbury; comparison; English language; Russian language; individual authorial worldview; literary translation.

УДК 81'255.2+821.111(73)Bradbury.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-162-181

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.2. Литературы народов мира

Сравнительные конструкции в романе Р. Брэдбери «Марсианские хроники»

© Соколова Е. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Сравнение, являясь одним из ключевых приемов создания образности в структуре художественного текста, служит уникальным средством объективации индивидуально-авторской картины мира и фиксации этнических стереотипов. Обладая высоким эмоционально-оценочным потенциалом, «сравнение может выступать как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре» [Маслова, 2001, с. 147].

К настоящему времени научное исследование сравнения как целостного и многоуровневого языкового явления имеет тенденцию к обособлению в отдельную отрасль языкознания — лингвистику сравнения. В рамках переводоведческой парадигмы не теряет своей значимости проблема художественного перевода сравнений, связанная как с «межъязыковой асимметрией» [Рябцева, 2013, с. 69], проявляющейся в лексико-грамматических и семантико-прагматических несоответствиях исходного и переводящего языков, так и с переводческим осмыслением идиоматичности. Актуальность предпринятого исследования обусловлена научным вниманием к изучению сравнительных конструкций в лингвокультурологическом аспекте, перспективностью проведения сопоставительного описания авторских сравнений на материале художественных текстов с целью обнаружения специфики индивидуального стиля и фиксации универсальных и национально-обусловленных черт языковой картины мира.

Всемирно известный роман Р. Брэдбери «Марсианские хроники», оказавший значительное влияние на литературу середины XX столетия, представляет особый интерес в качестве источника для комплексного лингвистического описания сравнительных конструкций. В произведении, относящемся к литературной фантастике, которая трактуется как особый тип мышления, через посредство образных сравнений передаются особенности авторского мировосприятия, поскольку «для Брэдбери фантастиче-

ское — элемент мировоззренческий, способ воплощения взгляда на мир» [Новикова, 1992, с. 58]. «Марсианские хроники» включают в себя расположенные в хронологическом порядке тематические новеллы о будущей колонизации Марса с проекцией на социально-значимые проблемы (угроза ядерной войны, борьба с расизмом и цензурой, сохранение природы, ностальгия по размеренной жизни, где отсутствует глобальная механизация).

Научная новизна определяется тем, что впервые осуществлен сопоставительный анализ сравнительных конструкций в оригинальном тексте романа «Марсианские хроники» и его русскоязычном переводе, позволивший выявить структурно-семантические особенности авторских сравнений и принципы их воспроизведения в процессе перевода.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили 354 параллельных текстовых фрагмента, включающих сравнения, извлеченные из текста романа Р. Брэдли «Марсианские хроники» (1950) и его классического перевода на русский язык Л. Л. Жданова (1965) путем сплошной выборки.

Целью работы является комплексный сопоставительный анализ сравнений в контексте индивидуально-авторского стиля. Для реализации поставленной цели используются методы сопоставительного, контекстуального и компонентного анализа, лингвокультурологического комментирования и количественной характеристики. Процедура анализа материала подразумевает выявление образных парадигм сравнений с учетом культурных и авторских коннотаций, а также описание видов лексико-семантических и грамматических трансформаций сравнительных конструкций в русском переводе.

К настоящему времени имеется достаточно широкий круг работ, посвященных различным аспектам исследования сравнительных конструкций на материале русского и английского языков, в том числе их структурно-семантическим и функционально-стилистическим особенностям [Девятова, 2011; Моисеенко и др., 2023; Трегубчак, 2008; Ушакова, 2005; Черемисина, 2006; Gargani, 2014; Jordan et al., 2009; Mrouli, 2016], лингвокогнитивным и лингвокультурологическим характеристикам [Заруднева, 2007; Лукин, 2016; Рыженкова, 2020], а также выявлению критериев синонимии [Хлебникова, 2005] и типологии образности компаративных единиц [Литвинов, 1990; Павлович, 2004; Степанова, 2006]. Актуальным, на наш взгляд, представляется парадигматический подход к выявлению образов сравнений, основанный на понимании парадигмы образов как «инварианта ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления» [Павлович, 2004, с. 14].

Устойчивые и авторские сравнения в составе англоязычных художественных текстов становились предметом сопоставительного анализа в аспекте стратегий перевода и выявления функций в структуре авторского повествования [Баранова, 2021; Зубинова, 2022; Новикова, 2015].

Произведения Р. Брэдбери послужили основой для поиска базовых авторских концептов и способов их вербализации [Литвинова, 2009], а также выявления особенностей перевода сложных и концептуально-значимых образных сравнений на материале повести «Вино из одуванчиков» [Лапина, 2023]. Традиции и новаторство в творчестве Р. Брэдбери, процессы формирования авторского стиля с позиций рецептивной поэтики и социокультурной динамики, трактовка «Марсианских хроник» как символической антиутопии в современном литературном контексте неоднократно становились объектом исследования литературоведов [Маркина, 2006; Новикова, 1992; Серенков и др., 2019; McMillan et al., 2013].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Структурно-семантическая характеристика сравнений

По типу принадлежности сравниваемых предметов к одному или разным семантическим классам для русского и английского языков характерно деление сравнений на предметно-логические (comparison) и образные (simile). Образное сравнение, основанное на сопоставлении двух равноуровневых предметов, явлений или состояний, имеющих общий признак, нацелено на более выразительное и детальное описание одного из них и может являться языковым (устойчивым) или индивидуально-авторским. Оно содержит в себе информацию о связи и ассоциативном сходстве между явлениями реальной или вымышленной действительности и рассматривается в русском и английском языках как трехкомпонентная структура, включающая: 1) наименование того, что сравнивается (предмет / субъект сравнения — *tenor*); 2) наименование того, с чем сравнивается (объект / образ сравнения — *vehicle*); 3) общий признак (основание / модуль сравнения — *basis*). Дополнительным компонентом принято считать показатель сравнения (*marker of comparison*), сигнализирующий о типе отношений между элементами структуры и представленный различными компаративными связками. Структура с включением всех элементов называется «стандартной» [Gargani, 2014, с. 5].

Сравнение может быть выражено грамматическими, лексическими или синтаксическими средствами, как эксплицитно, так и имплицитно (при формальном отсутствии общего признака и / или показателя сравнения). В последнем случае происходит достраивание образа в соответствии с предполагаемым основанием сравнения. В структурном отношении тра-

диционно выделяются простые, сложные и развернутые сравнения, указывающие на несколько признаков одного предмета [Черемисина, 2006].

В оригинальном тексте романа «Марсианские хроники» формальными показателями сравнения являются компаративные связки *like, as, as if, as...as, as though, similar, to seem, to resemble, to appear, look like, seem like, seem as if, seemingly*. Кроме того, имеется и морфологический способ выражения сравнительного значения с помощью суффикса *-like* (*flower-like, bull-like, fishlike, Oz-like*), характерный для английского языка, например: *in the... house, which turned and followed the sun, flower-like* [MCh, p. 3] / *в... доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем* [MX, с. 8]. В качестве показателя сравнения в русском переводе Л. Л. Жданова используются связки *как, будто, как будто, как бы, точно, словно, чисто, совсем как, все равно что, наподобие, подобно, вроде, почти что, похож, похожий, напоминать, смахивать, казаться*.

Исследуемое произведение содержит сравнения предметно-логического характера: *it's a small town the like of Earth towns* [MCh, p. 51] / *Маленький городок, похожий на земные города* [MX, с. 56] (20 примеров) — и образные (устойчивые и индивидуально-авторские) сравнения (254 примера), представляющие особый интерес.

3.2. Образные парадигмы сравнений в романе

Сравнительные конструкции, генерирующие в себе ассоциативно-образную информацию, необходимую для интерпретации частных контекстов, непосредственно связаны с авторскими интенциями. Через посредство индивидуальной парадигмы образов транслируется авторское мировидение, обусловленное системой представлений определенной культуры. Модель образной парадигмы сравнения представляет собой устойчивое соотношение двух понятий, находящихся в отношениях уподобления на основе семантической общности и репрезентирующих субъект и объект сравнения.

Текст романа «Марсианские хроники» включает образные парадигмы с левым компонентом (субъектом сравнения, репрезентирующим значимые для автора компоненты окружающего мира) ЧЕЛОВЕК — ... (86 единиц), АРТЕФАКТ — ... (54 единицы), ПРИРОДА — ... (36 единиц), ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ / ОЩУЩЕНИЕ — ... (30 единиц), ФИЗИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ — ... (18 единиц), СИТУАЦИЯ — ... (9 единиц), МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ — ... (8 единиц), ПОВЕДЕНИЕ — ... (5 единиц), ФАНТАСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО — ... (5 единиц), АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ — ... (3 единицы). Судя по количественным данным, ключевыми компонентами окружающей действительности в контексте авторского мировосприятия становятся человек, артефакт, природа.

Образные парадигмы с правым компонентом (объектом сравнения, репрезентирующим сферы-источники образа) представлены следующими данными: ... — ПРИРОДА (104 единицы), ... — АРТЕФАКТ (57 единиц), ... — ЧЕЛОВЕК (29 единиц), ... — СИТУАЦИЯ (28 единиц), ... — ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ / ОЩУЩЕНИЕ (10 единиц), ... — ФИЗИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ (9 единиц), ... — ФАНТАСТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО (6 единиц), ... — МЕНТАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ (5 единиц), ... — ПОВЕДЕНИЕ (3 единицы), ... — АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (3 единицы). Таким образом, по объекту сравнения, отражающему субъективность индивидуально-авторских ассоциаций, компаративные конструкции в большинстве случаев соотносятся со следующими когнитивными сферами: натурфактной, артефактной, антропоморфной.

3.2.1. Образные парадигмы с субъектом сравнения ЧЕЛОВЕК

Среди образных парадигм с субъектом сравнения ЧЕЛОВЕК наиболее частотны соотношения: ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДА (38), ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ (24), ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (18).

В рамках парадигмы ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДА для Р. Брэдбери характерны сопоставления человека с неорганическими (boys — jackstones / мальчишки — камешки; wrists — icicles / кисти рук — сосульки; eyes — moons / глаза — луны; legs — stumps / ноги — колоды; eyes — agate marbles / глаза — каменные шарики) и органическими натурфактами (cheeks — roses / щеки — розы; eyes — eggs / глаза — яйца; face — apple / лицо — яблоко), в том числе с животными (housewives — bears / женщины — медведицы; she — insect / она — насекомое; men — hounds / люди — псы). Компаративные единицы указанной группы используются автором при описании особенностей внешнего облика человека и поведения для того, чтобы формировать в сознании читателя детальный образ, например, *They would come like a scatter of jackstones... the candy-cheeked boys with blue-agate eyes* [MCh, p. 133] / Горстью звучных камешков высыпали мальчишки — кирпичные щеки, голубые бусины глаз [MX, с. 138] (общие признаки — звуковое сходство шума детских голосов со звуком рассыпавшихся камешков и хаотичность движений); *A great skull would roll to view, like a snowball* [MCh, p. 134] / Снежным комом выкатывается огромный череп [MX, с. 139] (общий признак — специфика движения, тяжелого и медленного в силу величины).

Достаточно многочисленными в данной парадигме являются характерные для идиостиля Р. Брэдбери сравнения человека с животными. Основанием служат стереотипные представления о конкретных живых существах, отражающие их типичные черты. Например, *Robert splashed his hand. It looked like a small crab jumping in the violet water* [MCh, p. 258] / Поверп

шлепал рукой по воде — будто маленький краб прыгал по фиолетовой глади [MX, с. 263] (основание — специфика перемещения в пространстве).

Образная модель ЧЕЛОВЕК — АРТЕФАКТ включает несколько инвариантных парадигм, среди которых наибольшую актуализацию приобретают сопоставления человека и частей человеческого тела с техническими и музыкальными инструментами, предметами одежды, архитектуры и интерьера, игрушками, продуктами питания (*he — calipers / он — кронциркуль; eyes — nailheads / глаза — шляпки гвоздей; she — harp / она — арфа; hands — material of old gloves / руки — старые перчатки; men — statues / они — статуи; girl — figurine / девушка — статуэтка; faces — New Year balloons / лица — новогодние шары, lips — peppermints / губы — мятные лепешки и др.*). Основанием сравнения может служить сходство по структуре, форме и цвету, назначению предмета, его свойствам и функциям. Например: *And down the causeway he raced, like a pair of wild calipers* [MCh, p. 31] / *И он помчался по дорожке, точно взбесившийся кронциркуль* [MX, с. 36] (основание сравнения — сходство по форме и выполняемым движениям); *hands like the material of old gloves* [MCh, p. 131] / *руки задубевшие, как старые перчатки* [MX, с. 136] (модулем сравнения служит сходство по ощущению структуры).

Парадигма ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК представлена многочисленными примерами сравнений взрослого человека с ребенком (*he — child / он — ребенок; people — children / люди — дети; we — kids / мы — дети; I — eight years old / я — восьмилетний*); с лицом, находящимся в определенном физическом или психоэмоциональном состоянии (*me — crazy fellow / я — психопат; he — very sick / он — тяжелобольной; he — blinded / он — ослепленный*); людьми, выполняющими некую социальную функцию / миссию (*I — politician / я — политик; I — businessman / я — бизнесмен; the men of Earth — Pilgrims / земляне — паломники*) и др. Основанием сравнения может служить общность действий, состояний и внешних признаков. Следует отметить, что феномен детства как социокультурная категория получает в творчестве Р. Брэдли особое осмысление, основанное на противоречивости, обособленности, специфическом познании опасного окружающего мира. В романе «Марсианские хроники» сравнением действий, ощущений взрослых людей с детским мировосприятием и поведением Р. Брэдли выражает беспокойство глобальной механизацией жизни, взаимодействием технических / космических устройств и человека. Например: *we're kids..., shouting with our play rockets and atoms* [MCh, p. 84] / *Мы просто дети..., которые носятся со своими ракетными и атомными игрушками* [MX, с. 89] (основание сравнения — общность поведения, проявляющаяся в увлеченности новым, необычным и недооценке опасности).

3.2.2. Образные парадигмы с субъектом сравнения АРТЕФАКТ

В составе образных парадигм с субъектом сравнения АРТЕФАКТ в романе преобладают соответствия: АРТЕФАКТ — ПРИРОДА (29), АРТЕФАКТ — АРТЕФАКТ (15), АРТЕФАКТ — ЧЕЛОВЕК (5).

Образная парадигма АРТЕФАКТ — ПРИРОДА репрезентирует характерные для идиостиля Р. Брэдбери сопоставления предметов человеческой деятельности с животными (*dwelling — snakes / жилища — змеи; city — lizard / город — ящерица; rockets — locusts / ракеты — саранча; machine — insect / машина — насекомое; ships — butterflies / корабли — бабочки; shotguns — cranes / ружья — журавли*). Представлены сопоставления артефактов с растительным миром (*house — flower / дом — цветок; ships — petals / корабли — лепестки; blouse — flower / воротник — цветок*) и некоторыми неорганическими натурфактами (*mirrors — ice / зеркала — лед*).

Основанием для сравнения с животными служат стереотипные и символические представления, связанные с их типичными чертами (форма, внешний вид, цвет, издаваемые звуки, передвижение, поведение). Например: *shotguns sticking up..., like a carful of cranes* [MCh, p. 150] / торчат дула ружей, будто полный кузов журавлей [MX, с. 155] (общий признак — форма); *the tables folded like great butterflies* [MCh, p. 253] / столы сложились, словно огромные бабочки [MX, с. 258] (основание сравнения — сходство движения). Наиболее частотным является сопоставление с бабочкой, символом свободы и легкости: *like cobalt butterflies immense and quiet, the old ships* [MCh, p. 213] / древние корабли — ... огромные и бесшумные кобальтовые бабочки [MX, с. 218].

Сравнения с растениями основаны на сходстве по форме, цвету или сходстве движений (гелиотропизм — движение вслед за солнцем, никти-настия — движение при изменении температуры и света, а также движение под воздействием ветра): *the canopy like a flower petal* [MCh, p. 10] / балдахин — трепещущий белый лепесток [MX, с. 15] (общий признак — легкость движения и цвет); *The house was closing itself in, like a giant flower, with the passing of light* [MCh, p. 7] / по мере того, как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок [MX, с. 12] (общий признак — движение при изменении света); *her blouse opened like a white flower* [MCh, p. 261] / подобно белому цветку, открывался воротник [MX, с. 266] (общий признак — цвет и форма). Наиболее частотным является сравнение с цветком, символизирующим красоту и гармонию.

В рамках интегральной парадигмы АРТЕФАКТ — АРТЕФАКТ имеют место соотношения летательных аппаратов и музыкальных инструментов (*rockets — drums / ракеты — барабанная дробь*); элемента одежды и части музыкального инструмента (*suspenders — harp strings / подтяжки — стру-*

ны арфы); строений и фигур настольной игры (towers — chess pieces / башни — шахматные фигурки); двух неорганических материалов с отражающими свойствами (glass — mirrors / стекло — зеркала); двух помещений (theater — tomb / зал — склеп).

Многообразные продукты творческой деятельности человека в большинстве случаев сближаются в восприятии писателя на основании внешнего сходства и / или выполняемых функций. Например: *The rockets came like drums, beating in the night* [MCh, p. 118] / ракеты, как барабанная дробь в ночи [MX, с. 123] (общий признак — издаваемый звук). Частотны и характерны для авторского идиостиля сопоставления городских строений с шахматными фигурами: *the towers of the little... Martian village, like sharply carved chess pieces* [MCh, p. 108] / башни маленького... марсианского селения — будто резные шахматные фигурки [MX, с. 113] (общий признак — внешний вид).

Образная модель АРТЕФАКТ — ЧЕЛОВЕК представлена соотношениями: строение — часть человеческого тела (hot-dog stand — heart / сосисочная — сердце); детали механизмов — части тела человека (films — entrails / пленки — внутренности); материал для письма — часть человеческого тела (papers — skin / бумага — кожа); водное судно — наименование человека по полу / социальной принадлежности (boats — women / челны — женщины; ships — plumes / корабли — султаны) и др. Сопоставления артефактов с человеком (наиболее часто с частями тела) происходит за счет сходства формы, структуры, восприятия и функций. Например: *beautiful boats as slim as women* [MCh, p. 127] / прекрасные челны, изящные, как женщины [MX, с. 132] (общий признак — восприятие утонченной красоты); *The papers crinkled like an old man's skin* [MCh, p. 268] / Бумага морщилась, словно стариковская кожа [MX, с. 273] (общий признак — структура: неровная складчатая поверхность кожи и горячей бумаги).

3.2.3. Образные парадигмы с субъектом сравнения ПРИРОДА

Образные парадигмы с субъектом сравнения ПРИРОДА в тексте «Марсианских хроник» представлены наиболее частотными соответствиями: ПРИРОДА — ПРИРОДА (18), ПРИРОДА — АРТЕФАКТ (10), ПРИРОДА — ЧЕЛОВЕК (4).

Интегральная образная парадигма ПРИРОДА — ПРИРОДА реализуется через сопоставления неорганических натурфактов (warmth — fire / воздух — пламя; sky — sea / небо — море; air — river / воздух — река), органических натурфактов, а именно растений с животными и животных с частями растений (bees — seeds / пчелы — семена; mice — leaves / мыши — листья), органических натурфактов с неорганическими и наоборот (bird — stone / птица — камень; starlight — fireflies / звездный свет —

светлячки). Основанием сравнения служат температурные и световые характеристики, размер, цвет, особенности движения в пространстве. Например: *blue Martian sky was hot and still as a warm deep sea water* [MCh, p. 26] / *синее, жаркое марсианское небо недвижимое, будто глубокое теплое море* [MX, с. 31] (модули сравнения — цвет, температурная характеристика и неподвижность); *bees, that stung... and fell lifeless, like seeds on the sand* [MCh, p. 16] / *пчел, которые жалят... и падают замертво, будто семена на песок* [MX, с. 21] (основание сравнения — движение в пространстве).

Образная модель ПРИРОДА — АРТЕФАКТ включает инвариантные парадигмы, репрезентирующие сопоставления объектов неживой природы с продуктами питания и напитками, оружием, оптическими приборами и драгоценностями (*mists — cotton-candy* / *мгла — сахарная вата*; *night — wine* / *ночь — вино*; *rain — sherry* / *дождь — херес*; *starlight — daggers* / *звездный свет — кинжал*; *meteors — buckshot* / *метеоры — картечь*; *Mars — kaleidoscope* / *Марс — калейдоскоп*; *Earth — fine-cut stone* / *Земля — камень лучшей огранки*). Основанием сравнения может являться сходство формы, структуры, цвета, сенсорного восприятия (вкусовых, слуховых, зрительных, тактильных ощущений), особенностей передвижения в пространстве. Например: *The rain. ... carrying a ... dust in it, and, moving like a rare light sherry on his tongue* [MCh, p. 117] / *Дождь. ... он нес с собой... пыль, оставляя на языке то же ощущение, что выдержанный старый херес* [MX, с. 122] (общий признак — вкусовые ощущения); *starlight burning in their limbs like daggers...* [MCh, p. 125] / *звездный свет в их конечностях сверкал и переливался, как острие кинжала...* [MX, с. 130] (модуль сравнения — световосприятие).

Парадигма ПРИРОДА — ЧЕЛОВЕК представлена несколькими примерами соотношений объектов неживой природы и животных с человеком / частями тела (*stars — eyes* / *звезды — глаза*; *mist — woman* / *облачко — женщина*; *ring fish — iris* / *рыба-кольцо — зрачок*), где основанием сравнения служат внешние особенности. Например: *stars flickering like violet eyes* [MCh, p. 125] / *звезды мерцали, точно фиолетовые глаза* [MX, с. 130] (общий признак — сходство зрительного восприятия).

3.3. Виды трансформаций при переводе сравнений

Сопоставительный аспект исследования позволяет выявить способы передачи авторских сравнений при переводе, установить смысловые совпадения и расхождения по ассоциативным признакам, связанные с национально-культурными различиями в русской и английской языковых картинах мира и индивидуальными переводческими стратегиями.

В русском переводе «Марсианских хроник» Л. Л. Жданова представлено 180 случаев эквивалентного перевода сравнений с сохранением ис-

ходного образа и 64 примера перевода сравнительных конструкций с применением различного рода трансформаций. Кроме того, нами отмечено 80 примеров отсутствия сравнения в оригинале при его наличии в переводе и 10 случаев отсутствия сравнительной конструкции в переводе при ее наличии в оригинале.

Примерами дословного перевода сравнений (нулевая трансформация) могут служить следующие: *eyes like nailheads* [MCh, p. 131] / *глаза как шляпки гвоздей* [MX, с. 136]; *her thoughts... in her eyes, like fish — some bright, some dark* [MCh, p. 261] *мысли в ее глазах — словно рыбы, одни светлые, другие темные* [MX, с. 266] и др.

Особый интерес представляют окказиональные способы перевода сравнительных конструкций, среди которых наиболее частотны различного рода лексико-семантические и грамматические замены. В ряде случаев имеют место сочетания нескольких трансформаций.

Dumping a perfume bottle on her hair, she resembled a drowned sheep dog [MCh, p. 230] / *Потом опрокинула на голову флакон духов и стала похожа на мокрую овчарку* [MX, с. 235]. При описании внешнего облика Женевиэвы Селзор переводчик заменяет причастие *drowned* ‘утонувший’ на прилагательное *мокрый*, что позволяет передать образную характеристику с большей точностью.

Watermelons... striped like tortoise cats [MCh, p. 153] / *арбузы, полосатые, как тигровые кошки* [MX, с. 158]. В оригинале романа упоминаются черепаховые кошки, обладающие исключительно редким окрасом (сочетание пятен и полос). С точки зрения стандартности восприятия полосатой окраски для русской языковой картины мира вполне оправданной является замена на *тигровые кошки*.

В контексте *Mars was a place as unpredictable as time* [MCh, p. 116] / *Марс непостоянен, как время* [MX, с. 121] в рамках сравнительной конструкции производится лексическо-семантическая замена прилагательного *unpredictable* ‘непредсказуемый’ на *непостоянный* с некоторой утратой исходного смысла.

В ряде случаев переводчик использует прием генерализации, заменяя языковые единицы с более узким значением языковыми единицами с более широким значением, например: *the hot blue eyes like agate marbles* [MCh, p. 259] / *с ярко-голубыми глазами вроде каменных шариков* [MX, с. 264] (в результате замены лексемы *agate* лексемой *каменный* происходит утрата цветового компонента значения при описании объекта сравнения, агата голубого оттенка, являющегося разновидностью халцедона); *It had moved in the midnight waters of space like a pale sea leviathan* [MCh, p. 49] / *Сквозь черные пучины космоса он скользил, подобно призрачному морскому чудо-*

вищу [MX, с. 54] (в оригинальном тексте сравнение космического корабля с Левиафаном, вероятно, несет в себе более глубокий смысл, поскольку в христианстве образ библейского морского змея традиционно использовался как воплощение дьявола, угрожающего гибелью божьих созданий в водах хаоса); *the touch of his son's hand on his arm, like a young tarantula* [MCh, p. 259] / *прикосновение пальцев сына, легких, как паучы лапки* [MX, с. 264]. В последнем примере прикосновение руки (*hand*) в оригинале сравнивается с молодым тарантулом (*young tarantula*), в то время как в русском переводе помимо генерализации (нет указания на вид паука) присутствует элемент конкретизации и делается акцент на сопоставлении пальцев с паучими лапками, благодаря чему образ воспроизводится с большей полнотой.

Модуляция (смысловое развитие), при которой значение лексической единицы в переводе логически выводится из значения исходной единицы, фиксируется в примерах: *You look like you lost something* [MCh, p. 188] / *У тебя такой вид, словно ты что-то ищешь* [MX, с. 193] (потерял, следовательно, ищешь); *accordion... gave a sound like a dying animal* [MCh, p. 85] / *аккордеон... издал звук, похожий на предсмертный стон* [MX, с. 90] (звук, издаваемый умирающим животным, получает смысловое развитие во фразе *предсмертный стон*).

Одной из переводческих стратегий можно считать случаи игнорирования отдельных компонентов сравнений, являющихся, как правило, семантически избыточными. Например: *like an image on cold water, she rippled* [MCh, p. 206] / *она колыхалась, совсем как отражение на воде* [MX, с. 211] (опущение прилагательного *cold* ‘холодный’ в связи с отсутствием необходимости концентрировать внимание на температурной характеристике воды); *something like the icy rime of winter on the brittle sedge* [MCh, p. 206] / *нечто... напоминающее иней на хрупком камыше* [MX, с. 211] (пропуск прилагательного *icy* ‘ледяной, холодный’, которое является семантически избыточным при существительном *rime* ‘иней, изморозь’).

В переводе Л. Л. Жданова имеются случаи замены стандартного сравнительного оборота (с сохранением исходного образа) творительным падежом сравнения, характерным для русского языка, где при отсутствии связей компоненты конструкции оказываются максимально сближенными: *People moved like blue vapor lights* [MCh, p. 86] / *Голубыми светящимися призраками или люди* [MX, с. 91]; *The rockets came like locusts, swarming and settling* [MCh, p. 118] / *Ракеты роями саранчи садились* [MX, с. 123] и др.

Отметим, что в романе «Марсианские хроники» достаточно широко представлены сравнительные конструкции, включающие национально-культурные компоненты. Способы передачи их смыслового содержания в переводе требуют отдельных комментариев.

Pikes, the man of ten thousand faces... a bat, a gargoyle, a monster, that was Pikes! [MCh, p. 165] / *Пайкс — человек с тысячами личин... летучая мышь, горгона, чудовище, вот кто Пайкс!* [MX, с. 170]. В русском переводе романа лексема *gargoyle* ‘горгулья’ заменена более распространенной в употреблении лексической единицей с переносным значением *горгона* (родовое именование чудовищных змееволосых существ греческой мифологии). Горгульи, изначально обозначающие частично антропоморфных и, как правило, крылатых демонических существ, в качестве архитектурного элемента оставались популярными в США на протяжении XIX—XX веков, а их образы были актуальными в контексте английской языковой картины мира.

Belter, you fly up and up like a July Fourth rocket [MCh, p. 140] / *Белтер, вы взлетите вверх, как шутиха в день четвертого июля* [MX, с. 145]. В данном примере Л. Л. Жданов прибегает к описательному переводу безэквивалентной единицы *July Fourth rocket*, обозначающей петарду для патриотического фейерверка в День Независимости США 4 июля.

He felt... something as blue as hickory-wood smoke at twilight [MCh, p. 206] / *Он ощутил... нечто... голубое, словно плывущий в сумерках дым над горячими чурками гикори* [MX, с. 211]. При передаче образа голубоватого дыма от горящего гикори (разновидность североамериканского орешника, опилки которого применяют при копчении) в русском варианте используется описательный перевод сложного слова *hickory-wood* с лексическим добавлением — *над горячими чурками гикори*.

It was as if... in an instant, a whirlwind twister of Oz-like proportions had carried the entire town off to Mars to set it down without a bump [MCh, p. 132] / *Все это... создавало впечатление, будто... смерч сказочной мощи мгновенно перенес весь городок на Марс и осторожно поставил его здесь, даже не трягнув...* [MX, с. 137]. Фрагмент оригинала *whirlwind twister of Oz-like proportions*, включающий безэквивалентную лексему *Oz-like*, транслируется с помощью описательного перевода *смерч сказочной мощи* и в обобщенном виде передает образ урагана, соотносимого с тем, который произошел в сказочной стране Оз. В данном случае присутствует аллюзия к детской книге «The Wonderful Wizard of Oz» («Удивительный волшебник из страны Оз») американского писателя Л. Ф. Баума, опубликованной в 1900 году, где рассказывается о смерче, который поднимает в воздух дом сироты Дороти, переноса его в другую страну.

I've led the life of Reilly [MCh, p. 231] / *я живу, как миллионерша* [MX, с. 236]. Английская идиома *lead / live the life of Riley* (дословно: *жить жизнью Райли*, то есть ‘жить роскошной и беззаботной жизнью, не обремененной тяжелой работой’) в русском переводе трансформирована

в сравнительный оборот, опосредованно передающий исходное смысловое содержание.

Одной из характерных черт индивидуальной переводческой стратегии является добавление сравнительной конструкции в русском варианте при ее отсутствии в оригинале, которое свидетельствует о стремлении к наиболее точному и выразительному воспроизведению художественных образов с учетом национально-культурных коннотаций. В частности, Л. Л. Ждановым активно используются устойчивые сравнения русского языка: *you were suspended in the waiting time* [MCh, p. 17] / *ты натянут как струна в ожидании* [MX, с. 21]; *and her running to answer...* [MCh, p. 17] / *и она стпелой метнется навстречу* [MX, с. 21]; *the dust springing up around him* [MCh, p. 79] / *пыль столбом поднялась* [MX, с. 84]; *on the raven grass* [MCh, p. 155] / *на черной как вороново крыло траве* [MX, с. 160]; *his hands at his sides* [MCh, p. 215] / *руки повисли как плети* [MX, с. 220]; *cheeks were white* [MCh, p. 243] / *был бледен, как полотно* [MX, с. 248] и др. Кроме того, сравнительными конструкциями могут переводиться метафоры, литоты и иные тропы исходного текста: *bone-chess cities* [MCh, p. 10] / *дома — словно вырезанные из кости шахматы* [MX, с. 15]; *a little Martian town, no bigger than a game of chess, in the blue hills* [MCh, p. 227] / *марсианского городка, который шахматными фигурками прилепился к голубым склонам* [MX, с. 232] и др.

Немногочисленные примеры отсутствия сравнительных конструкций в русском переводе при их наличии в оригинале, как правило, не влияют на передачу исходного образа, демонстрируя возможность находить не менее выразительные способы их трансляции в переводе: *Hot as hell daytimes, cold as hell nights* [MCh, p. 119] / *Днем жарница адская, ночью адский холод* [MX, с. 124] (о погоде на Марсе).

4. Заключение = Conclusions

Сравнительные конструкции, занимающие существенное место в романе Рэя Дугласа Брэдбери «Марсианские хроники» (354 примера), служат одним из важнейших художественно-изобразительных средств в контексте индивидуально-авторского стиля.

Количественный анализ образных парадигм сравнений позволяет сделать вывод о продуктивности моделей с субъектом сравнения ЧЕЛОВЕК — ... (86 единиц), АРТЕФАКТ — ... (54 единицы), ПРИРОДА — ... (36 единиц) и объектом сравнения ... — ПРИРОДА (104 единицы), ... — АРТЕФАКТ (57 единиц), ... — ЧЕЛОВЕК (29 единиц), репрезентирующих значимые для автора компоненты окружающего мира и сферы-источники образов.

Среди образных парадигм с субъектом сравнения ЧЕЛОВЕК наиболее частотны соотношения: ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДА (38), ЧЕЛОВЕК — АР-

ТЕФАКТ (24), ЧЕЛОВЕК — ЧЕЛОВЕК (18). В рамках парадигмы ЧЕЛОВЕК — ПРИРОДА преобладают сопоставления человека с неорганическими и органическими натурфактами (wrists — icicles / кисти рук — сосульки; face — apple / лицо — яблоко; housewives — bears / женщины — медведицы; she — insect / она — насекомое). Наиболее многочисленны характерные для идиостиля Р. Брэдбери зооморфные сравнения, основанные на стереотипных и символических представлениях о животных.

В составе образных парадигм с субъектом сравнения АРТЕФАКТ преобладают соответствия: АРТЕФАКТ — ПРИРОДА (29), АРТЕФАКТ — АРТЕФАКТ (15), АРТЕФАКТ — ЧЕЛОВЕК (5). Образная парадигма АРТЕФАКТ — ПРИРОДА репрезентирует характерные для индивидуально-авторского стиля сопоставления предметов человеческой деятельности с животными (dwellings — snakes / жилища — змеи; machine — insect / машина — насекомое) и растениями (house — flower / дом — цветок; ships — petals / корабли — лепестки).

Образные парадигмы с субъектом сравнения ПРИРОДА представлены наиболее частотными соответствиями: ПРИРОДА — ПРИРОДА (18), ПРИРОДА — АРТЕФАКТ (10), ПРИРОДА — ЧЕЛОВЕК (4). Интегральная парадигма ПРИРОДА — ПРИРОДА реализуется преимущественно через сопоставления двух неорганических натурфактов (sky — sea / небо — море; air — river / воздух — река) либо двух органических натурфактов (bees — seeds / пчелы — семена; mice — leaves / мыши — листья).

В русском переводе «Марсианских хроник» Л. Л. Жданова представлено 180 случаев эквивалентного перевода сравнений и 64 примера перевода сравнительных конструкций (в том числе включающих национально-культурные компоненты) с применением различного рода трансформаций, среди которых наиболее частотными являются лексико-семантические замены (генерализация, конкретизация, модуляция), лексическое добавление, компрессия, описательный перевод.

Наличие устойчивых сравнений исключительно в русском переводе при их отсутствии в оригинале свидетельствует о стремлении переводчика к наиболее точному и выразительному воспроизведению художественных образов с учетом национально-культурных коннотаций (*натянут как струна; пыль столбом; почернели, как головешки; руки повисли как плети*).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. МХ — *Марсианские хроники* / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского Л. Жданова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 304 с. — ISBN 978-5-04-176577-4.

2. Мюллер В. К. Англо-русский словарь : 40000 слов. Русско-английский словарь : 50000 слов / В. К. Мюллер, С. К. Боянус. — Москва : АСТ-Астрель, 2005. — 1424 с. — ISBN 5170148011.

3. Словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1—4. — Режим доступа : <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 19.11.2024).

4. Cambridge English Dictionary [Electronic resource]. — Access mode : <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 12.02.2025).

5. MCh — *The Martian* Chronicles / R. D. Bradbury. — Garden City : Doubleday, 2001. — 271 p. — ISBN 978-0965017466.

Литература

1. Баранова Т. М. Индивидуальное образное сравнение как компонент идиостиля Т. Пратчетта и особенности его перевода на русский язык (на материале романов серии «Плоский мир») : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. М. Баранова. — Мытищи, 2021. — 29 с.

2. Девятова Н. М. Диктумно-модусная организация сравнительных конструкций в русском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Н. М. Девятова. — Москва, 2011. — 43 с.

3. Заруднева Е. А. Компаративные конструкции в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Заруднева. — Краснодар, 2007. — 23 с.

4. Зубинова А. Ш. Сравнение в идиостиле С. Кинга : лингвопрагматические и переводческие характеристики : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. Ш. Зубинова. — Казань, 2022. — 23 с.

5. Лапина Л. Г. Перевод образных сравнений (на материале перевода повести Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков» на русский язык) / Л. Г. Лапина // Гуманитарные исследования. История и филология. — 2023. — № 9. — С. 59—74. — DOI: 10.24412/2713-0231-2023-9-059-073.

6. Литвинов Ю. В. Типология образности сравнений (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ю. В. Литвинов. — Ленинград, 1990. — 20 с.

7. Литвинова В. В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественного мира Рэя Брэдбери : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / В. В. Литвинова. — Волгоград, 2009. — 20 с.

8. Лукин Д. С. Лингвокультурные особенности перевода средств выразительности с языка оригинала на русский язык : на материале произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Д. С. Лукин. — Москва, 2016. — 28 с.

9. Маркина Н. В. Художественный мир Рэя Брэдбери : традиции и новаторство : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Маркина. — Самара, 2006. — 21 с.

10. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 5-7695-0745-4.

11. Моисеенко А. В. Структурные и семантические особенности сравнений (на материале поэтического сборника сестёр Бронте) / А. В. Моисеева, Ю. П. Галкина // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — № 9 (45). — С. 67—70. — DOI: 10.18454/RULB.2023.45.21.

12. Новикова В. Г. Фантастическая новелла Рэя Брэдбери : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / В. Г. Новикова. — Нижний Новгород, 1992. — 182 с.
13. Новикова В. П. Некоторые вопросы перевода авторских сравнений / В. П. Новикова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2015. — № 6. — С. 179—185.
14. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. — Москва : Азбуковник, 2004. — 527 с. — ISBN 5-98455-007-5.
15. Рыженкова А. А. Особенности английских и русских сравнений в лингвокультурологическом аспекте / А. А. Рыженкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — Выпуск 3. — С. 278—284. — DOI: doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.58.
16. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект / Н. К. Рябцева. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 224 с. — ISBN 978-5-9765-1070-8.
17. Серенков Ю. С. Рэй Брэдбери : Феномен творческой личности в культуре / Ю. С. Серенков, А. В. Громова. — Новокузнецк : Издательский центр СибГИУ, 2019. — 132 с. — ISBN 978-5-7806-0522-5.
18. Соколова Е. Н. Лексика цвета в «Марсианских хрониках» Р. Брэдбери / Е. Н. Соколова // Филологический класс. — 2023. — Т. 28. — № 2. — С. 152—161.
19. Степанова А. В. Интертекстуальная природа образа и образности (на материале образных сравнительных конструкций английской и американской литературы XIX и XX вв.) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / А. В. Степанова. — Самара, 2006. — 21 с.
20. Трегубчак А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Трегубчак. — Рязань, 2008. — 221 с.
21. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ю. Ю. Ушакова. — Москва, 2005. — 48 с.
22. Хлебникова М. В. Сравнительные конструкции и их синонимия в русском и английском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. В. Хлебникова. — Ростов-на-Дону, 2005. — 46 с.
23. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. — Москва : КомКнига, 2006. — 272 с. — ISBN 978-5-484-00574-1.
24. Gargani A. Poetic Comparisons : How Similes Are Understood / A. Gargani. — Salford : University of Salford, 2014. — 366 p.
25. Jordan W. I. A. Richard's concept of tenor-vehicle interaction / W. Jordan, A. Clifton // Central State Speech Journal. — 2009. — Vol. 27. — № 2. — Pp. 136—143. — DOI: 10.1080/10510977609367880.
26. Mpouli S. Automatic annotation of similes in literary texts / S. Mpouli. — Paris : Université Pierre et Marie Curie, 2016. — 233 p.
27. McMillan G. Orbiting Ray Bradbury's Mars : Biographical, Anthropological, Literary, Scientific and Other Perspectives / G. McMillan, D. E. Palumbo, C. W. Sullivan III. — Jefferson (NC) : McFarland & Company, 2013. — 264 p. — ISBN 978-0786475766.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025,
одобрена после рецензирования 02.06.2025,
подготовлена к публикации 15.06.2025.

Material resources

Cambridge English Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 12.02.2025).

Evgenyeva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language, 1—4*. Moscow: Russian language; Polygraph Resources. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 19.11.2024). (In Russ.).

MCh — *The Martian Chronicles*. (2001). Garden City: Doubleday. 271 p. ISBN 978-0965017466.

Muller, V. K., Boyanus, C. K. (2005). *English-Russian dictionary: 40,000 words. Russian-English dictionary: 50,000 words*. Moscow: AST-Astrel. 1424 p. ISBN 5170148011. (In Russ.).

MX — *Martian Chronicles*. (2023). Moscow: Eksmo. 304 p. ISBN 978-5-04-176577-4. (In Russ.).

References

Baranova, T. M. (2021). *Individual figurative comparison as a component of T. Pratchett's idiosyncrasy and the features of its translation into Russian (based on the novels of the Discworld series)*. Author's abstract of PhD Diss. Mytishchi. 29 p. (In Russ.).

Cheremisina, M. I. (2006). *Comparative constructions of the Russian language*. Moscow: KomKniga. 272 p. ISBN 978-5-484-00574-1. (In Russ.).

Devyatova, N. M. (2011). *Dictum-mode organization of comparative constructions in the Russian language*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 43 p. (In Russ.).

Gargani, A. (2014). *Poetic Comparisons: How Similes Are Understood*. Salford: University of Salford. 366 p.

Jordan, W., Clifton, A. (2009). I. A. Richard's concept of tenor-vehicle interaction. *Central State Speech Journal*, 27 (2): 136—143. DOI: 10.1080/10510977609367880.

Khlebnikova, M. V. (2005). *Comparative constructions and their synonymy in Russian and English*. Author's abstract of PhD Diss. Rostov-on-Don. 46 p. (In Russ.).

Lapina, L. G. (2023). Translation of figurative comparisons (based on the translation of Ray Bradbury's novel "Dandelion Wine" into Russian). *Humanitarian Studies. History and philology*, 9: 59—74. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-9-059-073. (In Russ.).

Litvinov, Yu. V. (1990). *Typology of imagery of comparisons (based on the material of Russian and English languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 20 p. (In Russ.).

Litvinova, V. V. (2009). *Individual author's concepts in the structure of Ray Bradbury's artistic world*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ.).

Lukin, D. S. (2016). *Linguistic and cultural features of the translation of means of expression from the original language into Russian: based on the works of J. K. Rowling "Harry Potter"*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).

Markina, N. V. (2006). *The artistic world of Ray Bradbury: traditions and innovation*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 21 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya Publ. 208 p. ISBN 5-7695-0745-4. (In Russ.).

McMillan, G., Palumbo, D. E., Sullivan III, C. W. (2013). *Orbiting Ray Bradbury's Mars: Biographical, Anthropological, Literary, Scientific and Other Perspectives*. Jefferson (NC): McFarland & Company. 264 p. ISBN 978-0786475766.

Moiseenko, A. V., Galkina, Y. R. (2023). Structural and semantic features of comparisons (based on the poetry collection of the Bronte Sisters). *Russian Linguistic Bulletin*, 9 (45): 67—70. DOI: 10.18454/RULB.2023.45.21. (In Russ.).

- Mpouli, S. (2016). *Automatic annotation of similes in literary texts*. Paris: Université Pierre et Marie Curie. 233 p.
- Novikova V. P. Some issues of translation of author's comparisons / V. P. Novikova // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2015. No. 6. pp. 179-185. (In Russ.).
- Novikova, V. G. (1992). *Ray Bradbury's fantastic novel*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 182 p. (In Russ.).
- Pavlovich, N. V. (2004). *The language of images. Paradigms of images in the Russian poetic language*. Moscow: Azbukovnik. 527 p. ISBN 5-98455-007-5. (In Russ.).
- Riabtseva, N. K. (2013). *Applied problems of translation studies. The linguistic aspect*. Moscow: FLINT: Nauka Publ. 224 p. ISBN 978-5-9765-1070-8. (In Russ.).
- Ryzhenkova, A. A. (2020). Features of English and Russian comparisons in the linguistic and cultural aspect. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 13 (3): 278—284. DOI: doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.58. (In Russ.).
- Serenkov, Yu. S., Gromova, A. V. (2019). *Ray Bradbury: The phenomenon of creative personality in culture*. Novokuznetsk: SibGIU Publishing Center. 132 p. ISBN 978-5-7806-0522-5. (In Russ.).
- Sokolova, E. N. (2023). Vocabulary of color in the “Martian Chronicles” by R. Bradbury. *Philological class*, 28 (20): 152—161. (In Russ.).
- Stepanova, A. V. (2006). *The intertextual nature of image and imagery (based on figurative comparative constructions of English and American literature of the 19th and 20th centuries)*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 21 p. (In Russ.).
- Tregubchak, A. V. (2008). *Semantics of comparison and ways of its expression*. PhD Diss. Ryazan. 221 p. (In Russ.).
- Ushakova, Yu. Y. (2005). *Lexical content and structural and semantic features of comparative tropes in the Russian language*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 48 p. (In Russ.).
- Zarudneva, E. A. (2007). *Comparative constructions in the linguocognitive aspect (based on the material of the Russian and English languages)*. Author's abstract of PhD Diss. Krasnodar. 23 p. (In Russ.).
- Zubanova, A. Sh. (2022). *Comparison in the idiosyncrasy of S. King: linguopragmatic and translational characteristics*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 23 p. (In Russ.).

*The article was submitted 03.03.2025;
approved after reviewing 02.06.2025;
accepted for publication 15.06.2025.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Динара Ринатовна Мухаметшина, старший преподаватель (Елабуга)

Кристина Валерьевна Пермякова, канд. филол. наук (Пермь)

Лариса Сергеевна Тихомирова, канд. филол. наук (Пермь)

Ольга Владимировна Третьякова, д-р полит. наук (Санкт-Петербург)

Станислав Владимирович Оленев, канд. филол. наук (Дацин, Китай)

Юлия Юрьевна Данилова, канд. филол. наук (Елабуга)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Данилова Ю. Ю. Интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемах об уходе брендов из России / Ю. Ю. Данилова, Д. Р. Мухаметшина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 183—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-183-204.

Danilova, Yu. Yu., Mukhametshina, D. R. (2025). Intertextuality and Precedent Situations in Memes Regarding Brand Exits from Russia. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 183-204. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-183-204. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемах об уходе брендов из России

Данилова Юлия Юрьевна
orcid.org/0000-0001-5736-0590
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра
русского языка и литературы,
корреспондирующий автор
danilovaespu@mail.ru

Мухаметшина Динара Ринатовна
orcid.org/0000-0002-6801-1481
старший преподаватель кафедры
русского языка и литературы
nurievadinara@yandex.ru

Казанский федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Intertextuality and Precedent Situations in Memes Regarding Brand Exits from Russia

Yulia Yu. Danilova
orcid.org/0000-0001-5736-0590
PhD in Philology, Associate Professor,
Department
of the Russian and Literature,
corresponding author
danilovaespu@mail.ru

Dinara R. Mukhametshina
orcid.org/0000-0002-6801-1481
Senior Lecturer, Department
of the Russian and Literature
nurievadinara@yandex.ru

Kazan Federal University
(Yelabuga Institute)
(Yelabuga, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются способы создания смысла в поликодовом тексте через трансформацию и интерпретацию вербального и иконического компонентов текста. Целью данного исследования стала попытка выявить специфические (универсальные и индивидуальные) характеристики современного мема как поликодового текста. Материалом исследования послужили отобранные методом аспектной выборки из сети Интернет более 48 мемов, посвященных уходу некоторых брендов из России в связи с изменением геополитической ситуации. Анализ материала показывает, как визуальный образ в совокупности с вербальными знаками создает и транслирует социально значимые смыслы. Комментируются варианты соотнесения визуального и вербального компонентов каждого мема, мотивы выбора того или иного образа и принципы его трансформации для характеристики современных реалий. В рамках рассмотренной авторами тематической группы выделены подгруппы, отражающие общественную реакцию на события. Результаты исследования демонстрируют, что современные мемы не только иллюстрируют актуальные события, но и служат важным инструментом для формирования социальных установок в условиях культурного и экономического изменения и для снижения эмоционального напряжения участников интернет-коммуникации.

Ключевые слова:

поликодовый текст; мем; вербальный компонент; визуальный код; образ экономических санкций в медиа; уход западных брендов из России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the mechanisms of meaning-making in polycode texts through the transformation and interpretation of verbal and iconic components. The aim of this study is to identify the specific (both universal and individual) characteristics of contemporary memes as polycode texts. The research material consists of over 48 selected memes, gathered through aspect sampling from the Internet, focusing on the departure of certain brands from Russia due to changes in the geopolitical landscape. The analysis reveals how visual imagery, in conjunction with verbal signs, creates and conveys socially significant meanings. The paper discusses various ways of correlating the visual and verbal components of each meme, the motives behind the selection of particular images, and the principles of their transformation to reflect contemporary realities. Within the thematic group examined by the authors, subgroups are identified that reflect public reactions to these events. The findings demonstrate that modern memes not only illustrate current events but also serve as crucial tools for shaping social attitudes amid cultural and economic change and for alleviating emotional tension among participants in online communication.

Key words:

polycode text; meme; verbal component; visual code; image of economic sanctions in media; exit of Western brands from Russia.

УДК 811.161.1'42:004.738.5+316.776:341.655

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-183-204

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемах об уходе брендов из России

© Данилова Ю. Ю., Мухаметшина Д. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Специфика нового мема интернет-коммуникации обусловлена не столько обновленными приемами создания комического эффекта, сколько формой организации композиционной структуры текста. В настоящее время в связи с активным развитием виртуального пространства произошло расширение понятия, обозначаемого словом *мем*. Термин стал общим для номинации ранее выделяемых разновидностей поликодовых текстов: демотиватора, интернет-комикса и, собственно, мема. Если ранее мем состоял из изображения определенного персонажа на квадратном поле (часто — многоцветном) и подписи, отражающей типичное мышление или поведение этого героя, какую-либо ситуацию из его жизни и стереотипы, явления современной действительности (рис. 1) [Щурина, 2012], то сегодня мем — массовое и популярное явление интернет-коммуникации, текст, не ограничивающийся строгим шаблоном и определенным форматом (рис. 2); это поликодовый текст, включающий в свою структуру знаки разных каналов коммуникации (вербальные, визуальные и т. д.).

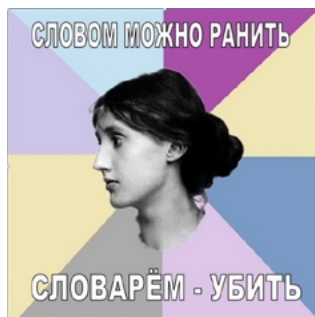

Рис. 1 Мем «Филологическая дева» [АА]

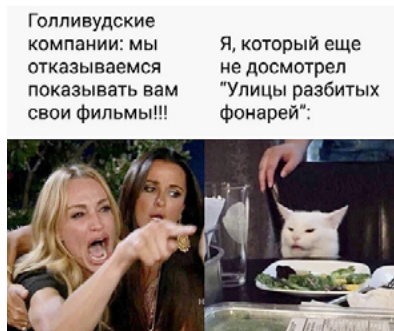

Рис. 2 Мем сегодня [AA]

На просторах всемирной компьютерной сети можно встретить большое количество подобных текстов, но не все мемы пользуются равной популярностью. Методом аспектной выборки из интернет-дискурса нами было извлечено 80 фрагментов поликодовых текстов. Установлено, что постоянной популярностью пользуются интернет-мемы политической и социально-экономической тематики, их доля составляет 60 % от общего объема собранного нами фактического материала.

Интернет-мемы являются ярким отражением актуальных социокультурных трендов и общественных настроений. В условиях геополитических изменений и социально-экономических трансформаций, начавшихся в России с 2022 года, наблюдается заметная эволюция тематики и концептуальной наполненности интернет-мемов. В данной статье рассматривается обусловленность современных российских интернет-мемов экстралингвистическими факторами политического, социально-экономического характера.

Значительные социально-экономические изменения, связанные с введением санкций, также нашли отражение в интернет-мемах. Широко тиражировались шутки о последствиях ухода зарубежных брендов, дефиците товаров, росте цен, снижении уровня жизни населения. Актуальными стали мемы, выражающие оценки попыток властей компенсировать негативные экономические тренды, импортозамещения, а также высказываний чиновников по социально-экономической повестке.

Интернет-пользователи активно реагировали на новые реалии повседневной жизни — например, переход многих организаций на дистанционный формат работы, развитие отечественных IT-решений взамен зарубежных аналогов, популяризация различных форм самозанятости. Все это нашло отражение в соответствующих мемах.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализируя в своих ранее опубликованных работах советские политические плакаты как поликодовые тексты, мы выявили следующие функции визуальной составляющей плаката: аттрактивная (привлечение внимания), информативная, экспрессивная, сатирическая и символическая [Данилова и др., 2015]. Визуальный компонент в современных мемах сохранил за собой перечисленные функции, но в то же время современные тексты стали разнообразными тематически, и для создания смыслового целого и оказания необходимого эффекта на адресата понадобились новые средства и приемы.

В процессе создания и интерпретации поликодовых текстов взаимодействие вербальных и невербальных знаков реализуется в двух аспектах: 1) в аспекте взаимодействия семантического значения знаков на внутреннем уровне с целью создания смыслового целого; 2) в коммуникативно-прагматическом аспекте взаимодействия материальной формы знаков с целью информирования о коммуникативной функции текста [Ариас, 2011].

Рассматривая вербальную и невербальную составляющую поликодового текста, Е. Е. Анисимова отмечает, что вербальный комментарий может играть в нем как главную, так и второстепенную роль. В первом случае вербальный компонент снимает возможную неопределенность в интерпретации смысла изобразительного компонента, во втором случае он только описывает изображение, дублируя его информацию [Анисимова, 2003, с. 12]. Е. Е. Анисимова выделяет отношения *взаимодополнения* и *взаимозависимости* вербальной и иконической составляющей поликодового текста. В первом случае изображение может существовать и передавать смысл текста без соотнесения с вербальным компонентом. Вербальному компоненту отводится вторичная функция — дублирование информации, выраженной в иконической составляющей. Во втором случае изображение зависит от вербального компонента, без него смысл иконической части неясен или может быть неверно истолкован. Вербальный компонент выполняет здесь основную текстовую функцию [там же].

Специфика подобных текстов анализируется в работах Е. Е. Анисимовой [Анисимова, 2003], А. А. Бойко [Бойко, 2010], А. М. Ариас [Ариас, 2011], М. Б. Ворошиловой [Ворошилова, 2013], В. Е. Чернявской [Чернявская, 2013], И. В. Васьуниной [Вашунина, 2016], послуживших теоретической базой данного исследования.

Целью настоящей статьи стала попытка выявить типичные (универсальные и индивидуальные) характеристики современных мемов интернет-коммуникации как поликодовых текстов. Данные тексты рассматриваются как особые лингвокогнитивные образования, которые воспринима-

ются через зрительный канал коммуникации, смысловая нагрузка которых актуализируется посредством вербального, графического и иконического кодов одновременно.

Тема настоящей статьи охватывает несколько ключевых аспектов, связанных с анализом мемов как социальных и коммуникативных явлений:

1. Интертекстуальность — взаимосвязь между текстами, один текст отсылает к другому, создавая новые значения и контексты. В случае мемов интертекстуальность позволяет использовать известные культурные отсылки (из фильмов, музыки, литературы и т. д.) для передачи сообщений. Обращение авторов мемов к знакомым произведениям или культурным символам активизирует процесс интерпретации у зрителя, побуждая его сопоставлять текущие события с ранее известными контекстами.

2. Прецедентные ситуации — уникальные культурные, исторические или литературные моменты, которые становятся основой для создания значений в конкретном контексте. Прецедентные ситуации служат основой для понимания и интерпретации новых сообщений. Прецедентные ситуации в мемах создают узнаваемые и резонирующие образы, которые помогают зрителю (читателю) быстрее осознать и понять актуальные события или переживания. Например, сцена из известного художественного фильма или цитата вызывает мгновенные ассоциации с определенными эмоциями или ситуациями.

3. Семиотическая основа закладывается знаками и символами, а также способами, которыми они создают значения. В данном контексте семиотическая основа мемов включает в себя анализ визуальных и вербальных компонентов, их взаимодействие и способы организации смысловых конструкций. Разноструктурные визуальные (изображения, графика) и вербальные элементы (тексты, фразы) взаимодействуют и создают «многослойные» смыслы. Например, сочетание изображения и текста в мемах может подчеркивать определенные эмоции или иронично обыгрывать ситуацию.

4. Категоризация социальной реальности относится к тому, как сложные события и феномены упрощаются и группируются с помощью специальных знаков и символов. Мемы помогают автору упорядочить и структурировать восприятие социальных изменений, таких как политические события, экономические кризисы или культурные трансформации. Они делают это через использование знакомых образов и метафор, что позволяет аудитории легче ориентироваться в новой информации и формировать свое мнение о происходящем.

Таким образом, интертекстуальность и прецедентные ситуации в мемах служат семиотической основой для категоризации социальной реальности.

Она подчеркивает важность взаимодействия визуальных вербальных компонентов в текстах и их роль в создании и передаче общественного опыта, предоставляя зрителям механизмы для осмысления и интерпретации актуальных социальных событий в стране. Исследование в этой области помогает понять, как мемы становятся инструментами не столько развлечения, сколько глубокого анализа социальных, экономических, политических реалий.

Материалом исследования послужили отобранные методом аспектной выборки из социальной сети «ВКонтакте», на сервисе «Яндекс.Картинки» и иных развлекательных сайтах и порталах сети Интернет более 48 статических поликодовых текстов (мемов), введению международных санкций против России. Хронологическими рамками исследования стал период: март — май 2022 года. Именно в этот период, по мнению авторов статьи, наблюдается активное создание и распространение мемов тематической группы «Уход западных брендов из России», которые условно можно определить как «актуальные мемы текущего момента». Они прогнозировали большие перемены в экономической и социальной сферах страны, выражали отношение и эмоциональный настрой среднестатистического россиянина к происходящему.

Нами были использованы следующие **общенаучные методы**: систематизация и обобщение с целью обработки предшествующего опыта относительно специфики поликодовых текстов; метод аспектной выборки для сбора эмпирического материала в медиапространстве; контент-анализ для исследования вербальных и визуальных (иконических) компонентов с целью выявить значимые тексты и темы, связанные с уходом западных брендов и общественной реакцией на эти события; контекстуальный (в совокупности с интертекстуальным) анализ, который позволил рассмотреть устойчивые визуальные элементы и их влияние на смысловые нагрузки мемов. Данные методы исследования позволили получить комплексное представление о функционировании мемов в интернет-коммуникации и их концептуальном преломлении в контексте изменяющейся социальной реальности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Отобранный эмпирический материал нам представляется целесообразным поделить на две тематические группы. Макротема первой группы — «Уход западных брендов из России — последствия и общественная реакция». Самыми частотными и, следовательно, вызывающими резонанс в российском лингвосоциуме стали мемы, относящиеся к данной группе. Вторыми по частотности стали мемы следующей группы, макротеме которой можно сформулировать так: «О блокировке в России социальной сети для обмена фотографиями и видео».

В рамках данной статьи рассмотрим тексты тематической группы «Уход западных брендов из России — последствия и общественная реакция» более детально, доля которых — 62 % (30 единиц) от общего объема (48) собранного нами фактического материала. В рамках данной группы можно выделить несколько тематических подгрупп, которые можно логически выстроить: 1 подгруппа «Уход западных брендов из России» => 2 подгруппа «Общественная реакция на уход западных брендов из РФ» => 3 подгруппа «Контрафакция на российском рынке». Рассмотрим их более детально согласно представленной логической цепочке.

3.1. Мемы тематической группы «Уход западных брендов из России»

Мем «Последний день IKEA» (рис. 3) отражает реакцию российских потребителей на уход шведской компании IKEA с российского рынка в 2022 году в связи с введением международных санкций.

Рис. 3 «Последний день IKEA» [AA]

Сразу обращает на себя внимание заголовок «Последний день IKEA», который создает концептуально-визуальный контекст, намекая на неизбежность и необратимость ухода известного бренда из России. В данном меме используется визуальная трансформация известной картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», работа над которой была завершена в 1833 году, на картине изображены события в Помпеях во время катастрофического извержения Везувия, произошедшего в 79 году н.э. [Голдовский и др., 1999]. Отсылка к знаменитому полотну Брюллова подчеркивает гиперболизированный масштаб происходящего события в восприятии российских потребителей. В визуальный ряд текста включены самые ходовые и узнаваемые российским потребителем брендовые товары типа столика, комода, кресла, мягкой игрушки, стула, стеллажа. Это визуально транс-

лирует «гибель» ставшего привычным для россиян ассортимента товаров этого бренда. Такая визуальная трансформация классического художественного образа в современный мем создает мощный эмоциональный отклик и ассоциативный ряд у аудитории, знакомой с творчеством Брюллова. Использование классического живописного образа «Последнего дня Помпеи» придаёт поликодовому тексту глубину и культурный контекст.

Здесь можно говорить о визуальной интертекстуальности как о способе выстраивания иного содержательно-смыслового единства. На первый взгляд, визуальная параллель между «Последним днём Помпеи» Брюллова и «Последним днём IKEA» в России может показаться серьёзной и драматичной. Однако при более внимательном анализе можно обнаружить иронический подтекст. Во-первых, сама идея изображения массовой эвакуации и «гибели» популярных товаров IKEA в российском контексте несёт оттенок комизма. Вряд ли закрытие магазинов шведской компании в России можно сравнить с катастрофическим извержением Везувия, стёршим с лица земли целый древний город. Во-вторых, замена человеческих фигур на картине Брюллова на узнаваемые предметы мебели и декора IKEA тоже наводит на ироничные размышления. В поликодовом тексте прослеживается «овеществление» трагедии, сведение драмы к уровню бытовых вещей и потребительских товаров. В-третьих, сам выбор «Последнего дня Помпеи» как визуального образца для данного мема можно интерпретировать как преувеличение, гиперболу, подчёркивающую несоразмерность реальной ситуации с закрытием IKEA и грандиозности классической картины. Ирония проявляется в снижении пафоса трагедии до уровня бытовых предметов. Это позволяет взглянуть на ситуацию с определённой долей саркастического отстранения и критического осмысления.

Мем фокусирует внимание именно на потребительском поведении, когда основной задачей становится скорейшее приобретение товаров перед уходом бренда. Эмоциональные и социокультурные аспекты отходят на второй план, уступая место примитивному инстинкту обладания вещами. Это позволяет интерпретировать данный мем как своеобразную сатиру на «шопоголизм» и потребительскую психологию в кризисных ситуациях, когда люди забывают о более глубоких переживаниях и сосредоточены исключительно на обладании материальными благами.

В данном интернет-меме визуальное взаимодействие между исходным образом картины Брюллова и добавленными элементами продукции IKEA создает сложное символично-метафорическое соединение, в котором сохраняется узнаваемый иконический образ картины великого художника, что задаст прочную культурную основу, на фоне которой разворачивается новая интерпретация. Встраивание в эту классическую композицию кон-

кретных предметов из ассортимента IKEA (стол, стул, комод, др.) визуально соединяет два контекста — древней трагедии и современной корпоративной реальности. Такое наложение узнаваемых икеевских товаров на сцену гибели Помпеи создает комический, ироничный эффект, превращая величественную катастрофу прошлого в гротескную метафору современного события. Такое визуальное решение выполняет функцию своеобразного «скрещивания» (наложения) двух мощных культурных референтов — классического художественного образа и современного корпоративного бренда. Данное явление порождает яркий, ироничный мем, вызывающий у зрителя узнавание, удивление и смех.

Так, сочетание устоявшегося визуального канона с актуальными визуальными элементами выступает ключевым приемом, с помощью которого автор мема создает свежую, запоминающуюся интерпретацию ухода IKEA с российского рынка.

Функциональная нагрузка вербального компонента в данном меме также весьма примечательна. Во-первых, краткая фраза «Последний день IKEA» выполняет роль своеобразного заголовка, резюмирующего всё визуальное действие, разворачивающееся на картине. Это лаконичное текстовое сообщение задаёт основную тему и смысловой ключ для восприятия мема. Во-вторых, такая лаконичность и простота вербального компонента контрастирует с визуальной сложностью и многослойностью самого мема. Краткая фраза как бы «фокусирует» внимание зрителя, отсылая его к ключевому событию, к уходу IKEA с российского рынка. В-третьих, выбор именно такого вербального оформления создаёт интересное смысловое наложение на классический сюжет картины Брюллова. Аллюзия на «последний день» отсылает к гибели Помпеи, но переносит её в современный корпоративный контекст. Наконец, простота и лаконичность текстового компонента позволяют ему выступать в роли своеобразной «подписи», «этикетки» к визуальному ряду. Это делает мем более «ёмким» и универсальным, облегчая его восприятие. Кроме того, лаконичность текста удачно контрастирует с визуальной сложностью, создавая выразительный и запоминающийся интернет-мем.

Между вербальным и визуальным составляющими мема прослеживаются отношения взаимозависимости. Визуальная часть зависит от вербального комментария, который определяет ее интерпретацию. Без вербальной составляющей поликодовый текст «Последний день IKEA» теряет целостный смысл и иронический подтекст. Минималистичный вербальный компонент мема лаконично «этикеткирует» визуальную коллизию, акцентируя внимание на ключевом сюжетном параллелизме.

Таким образом, сочетание узнаваемых атрибутов IKEA и драматического полотна Брюллова создаёт ироничный контраст, высмеивающий

эмоциональную реакцию российских потребителей на уход популярного бренда. Мем категоризирует уход IKEA как значимое событие, но не настолько, чтобы сравнивать его с катастрофой вселенского масштаба.

3.2. Мемы тематической группы «Реакция российских интернет-пользователей на уход западных брендов из России»

Реакция россиян на сложившуюся ситуацию разная. Один из ее вариантов отражен в меме «Мне уже неинтересно, что закрывается, скажите, пожалуйста, что осталось» (рис. 4), в основе которого лежит прецедентная ситуация — знаменитая сцена из культового фильма Квентина Тарантино «Криминальное чтиво».

**Мне уже не интересно,
что закрывается, скажите,
пожалуйста, что осталось**

Рис. 4 «Растерянный Траволта» [AA]

Образ «Растерянный Траволта» («Confused Travolta») прецедентен: мем о гангстере Винсенте Веге. Джон Траволта, который сыграл в фильме одну из главных ролей, демонстрирует свое искреннее недоумение по поводу происходящего. По сюжету картины Винсент Вега приезжает домой к своему шефу Марселласу Уоллесу, который поручил Винсенту забрать его жену, чтобы повести ее на ужин. Однако Мия (в исполнении Умы Турман) сначала решает спрятаться и общается с героем через микрофон. Винсент не сразу понял, в чем дело, а потому сначала разводит руками и оглядывается в поисках источника голоса. «Растерянного Траволту» можно использовать и как «гифку» (растровый формат графических изображений, который поддерживает анимацию), и как картинку — все зависит от предпочтений пользователя и возможностей сервиса, на котором он собирается разместить данный мем, который находит применение в самых различных ситуациях непонимания, недоумения, удивления.

В контексте уходящих из России западных брендов очевидной становится трансформация настроений и оценки происходящего. И это понятно: привычный мир необратимо меняется, что вызывает у людей неоднозначные реакции. Первоначально — шок, растерянность, непонимание происходящего, как в случае с реакцией на уход западных брендов из России (например: аналогия ситуаций «извержение Везувия в Помпее = закрытие ИКЕА» (рис. 3)). Люди не сразу могут принять новую реальность. Затем следует попытка «пережить»: адаптироваться, найти альтернативы, приспособиться к новым условиям (согласно формуле: не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней). Следовательно, их реакция в какой-то момент становится более спокойной, отстраненной, и, как следствие, это приводит к безразличию: «Мне уже неинтересно, что закрывается...».

Если рассматривать вербальную часть данного мема «Мне уже неинтересно, что закрывается, скажите, пожалуйста, что осталось», можно отметить несколько важных аспектов. Во-первых, это интонация и формулировка вопроса. В целом, фраза передает безразличие, поскольку ажиотаж спал, острый интерес к происходящим событиям потерян: вместо возмущения или активной реакции — спокойное любопытство в отношении того, что еще осталось, причем вполне можно усомниться в необходимости и целесообразности «остатков». Во-вторых, вежливое обращение «скажите, пожалуйста». Несмотря на общее равнодушное настроение, человек сохраняет подчеркнутую вежливость в формулировке вопроса. В-третьих, можно отметить отсутствие конкретики: в контексте используется обобщенное «что осталось». Это лишний раз подчеркивает трансформацию восприятия и оценки сложившейся ситуации и в некотором смысле даже безразличие к деталям происходящего. В целом вербальная часть мема очень точно передает осознание неизбежности происходящих изменений и принятие новой реальности, что актуализирует социальную динамику.

Визуальный образ Траволты, разводящего руками и демонстрирующего удивленное выражение лица, стал давно узнаваемым прецедентным феноменом в интернет-культуре. В данном контексте образ становится центральным элементом, вокруг которого выстраивается смысловое и композиционное единство всего мема. Он является основным способом актуализации авторской интенции в этом меме: отсылка к этому тексту позволяет автору наглядно проиллюстрировать трансформацию реакции российских пользователей на уход западных брендов, а также служит смысловым контрастом к финальному состоянию безразличия, отраженному в данном меме. Контраст между первоначальным недоумением и последующим равнодушием создает комический эффект, который усиливает сатирический

посыл всего мема, и меткую характеристику динамики общественных настроений.

Мем «Голливудские компании: мы отказываемся...» (рис. 5) представляет собой коллаж из двух фотографий, объединенных общей темой и идеей.

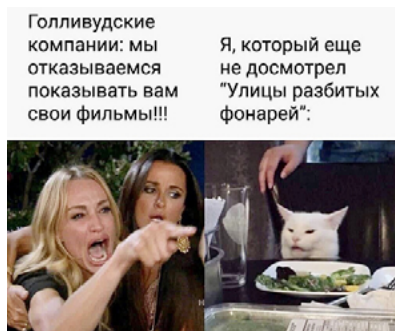

Рис. 5 «Голливудские компании: мы отказываемся...» [AA]

Первая часть — кадр из сериала «Настоящие домохозяйки Беверли-Хиллз», а именно: из 14 серии 2 сезона, которая вышла 5 декабря 2011 года. На фото изображена истерично рыдающая актриса и телеведущая Тейлор Армстронг в компании утешающей ее подруги Кайлы Ричардс. В кадре молодая женщина в чрезвычайно эмоционально возбужденном состоянии, у нее широко открыт рот, как будто громко кричит, сморщен и напряжен лоб, она указывает пальцем в сторону. В тот момент, когда был сделан скриншот, в шоу разбиралась тема домашнего насилия. Эта эмоциональная и экспрессивная реакция визуально соотносится с надписью «Голливудские компании: мы отказываемся показывать вам свои фильмы!!!» Здесь подчеркивается драматизм и категоричность решения голливудских студий прекратить показ своих фильмов в России.

Вторая часть мема — фотография кота по кличке Смадж, сидящего за столом перед тарелкой овощей, которые явно ему не нравятся. Надпись гласит: «Я, который не досмотрел “Улицы разбитых фонарей”». Этот образ воплощает отстраненность, равнодушие и даже некоторую насмешку российского телезрителя по отношению к решению Голливуда. Зритель, как этот кот, спокойно принимает решение досмотреть известный российский сериал, просмотр которого он, возможно, отложил, чтобы посмотреть американское шоу. Очевидно, два контрастных визуальных образа и текстовые комментарии создают комический эффект и отражают разные реакции на один и тот же сюжет: реакцию истерики и реакцию полного безразличия.

Ключевым приемом создания данного мема становится визуальная интертекстуальность. Прецедентным в этом меме является образ белого кота, сидящего за столом. Этот образ используется в тексте для передачи ощущения спокойствия, безразличия или даже насмешки в ответ на происходящие события. Образ довольно широко распространен в интернет-культуре и узнаваем многими пользователями. Кроме того, в первой части мема присутствует прямая отсылка к Голливуду и голливудским компаниям и их категоричному решению о прекращении трансляций своих фильмов в России. Это актуальное событие, на которое и ссылается данный мем.

Прецедентный характер носит и первое изображение, которое представляет собой кадр из типичного американского сериала про домохозяек, друзей. Выразительный жест и эмоциональная мимика американки напоминают манеру актерской игры, характерную для многих голливудских драматических моментов фильмов и сериалов. Такая очевидно гиперболизированная эмоциональность часто встречается в кинопродукции Голливуда. Использование этого визуального образа в меме обеспечивает прочную связь с Голливудом и его кинопродукцией, что усиливает смысловой контекст и направленность высказывания.

3.3. Мемы тематической подгруппы «Контрафакция на российском рынке»

Отметим, что в большей части рассмотренных новых поликодовых текстов вербальный компонент играет главную роль в интерпретации смысла, а иконический компонент — второстепенную.

Мем на рисунке 6: черный фон, на котором написано: «— Это точно Версаче? — Да, да, Версаче! Становись на картоночку!», — отражает трансформацию потребительских практик и изменение экономической ситуации в России после 2022 года.

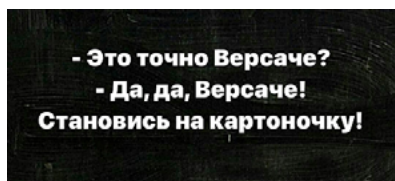

Рис. 6 «Становись на картоночку!» [АА]

В данном случае очевидной становится авторская ирония: попытки российских «продавцов» продать, а потребителей приобрести недоступные из-за санкций брендовые товары. Данный мем является своего рода актуализацией прецедентной ситуации, характерной для потребительского

рынка в России в период 90-х годов. В то время, когда в стране происходили масштабные социально-экономические трансформации, доступность многих брендовых товаров была сильно ограничена. В период после распада СССР Россия переживала глубокий социально-экономический кризис. На фоне резкого обвала производства, высокой инфляции, задержек заработных плат и социальных пособий значительная часть населения оказалась за чертой бедности. В условиях нестабильности и дефицита потребительских товаров сформировался особый уклад «челночной» торговли. Напомним, что «челночниками» называли мелких предпринимателей, которые закупали товары за рубежом и перепродавали их на стихийных рынках и в торговых палатках в России. Они ездили в поездки в Турцию, Китай, Корею, Польшу, Финляндию и другие страны, чтобы закупить партии одежды, обуви, бытовой техники, парфюмерии и косметики. Зачастую это была контрафактная или некачественная продукция, ввозимая нелегально. Модель «челночной» торговли позволяла удовлетворять потребительский спрос на фоне дефицита легальных каналов поставок и стала своего рода адаптационным механизмом для значительной части населения в условиях российской социально-экономической нестабильности 1990-х годов.

Использование в поликодовом тексте фразы «Становись на картоночку!» напрямую отсылает к этой прецедентной ситуации, когда покупатели, стремившиеся приобрести желанные, но отсутствующие в продаже или недоступные по цене брендовые вещи, вынуждены были соглашаться на такие примитивные условия. Им приходилось буквально «вставать на картоночку» в уголке палатки коммерсанта, увешанной товаром, чтобы примерить и приобрести подделку известного бренда.

Смысловая целостность мема возникает при взаимодействии визуального и вербального знаков. Однако следует заметить, что в данном примере визуальная составляющая ограничивается черным фоном и белыми буквами на нем. Иконическая часть выражает коннотативную информацию, отражает определенное отношение к сложившейся ситуации: черный фон символизирует тревожность, безысходность, негативные настроения в обществе на фоне экономических трудностей. В данном тексте в сильной позиции находится вербальная часть, выражающая денотативную информацию, а визуальная составляющая выполняет функцию дополнения. «Искажение» названия бренда «Versace» — «Верчасе» — в вербальной части мема указывает, с одной стороны, на низкое качество предлагаемого товара, скорее всего контрафактного происхождения. Намеренное искажение названия бренда является маркером нелегальной, теневой экономической деятельности, связанной с реализацией подделок. С другой стороны, здесь присутствует намеренное введение кириллицы вместо латинского написа-

ния, чтобы подчеркнуть «русификацию» известного западного названия в условиях ограниченной доступности оригинальной продукции.

Очевидно, что мем, обыгрывающий ситуацию с покупкой «Версаче», является своеобразной аллюзией на реалии 90-х годов. Он наглядно демонстрирует, как экономические трудности вынуждают современных российских потребителей вновь прибегать к подобным практикам, анализируя прошлый опыт. Кроме того, кириллическая графика «Верчасе» может восприниматься не только как маркер контрафакта, но и как символ замещения импортных брендов отечественными аналогами или их адаптированными версиями. Это отражает более общую тенденцию к импортозамещению и переориентации потребительского рынка в России на фоне внешнеэкономических ограничений.

Мем «Все есть, дорогой» (рис. 7) нами был включен в данную тематическую группу поликодовых текстов.

Рис. 7 «Все есть, дорогой» [AA]

Однако, в отличие от предыдущего мема, вербальная и визуальная составляющие здесь взаимодействуют несколько иначе. В иконическом компоненте визуализируются (на рис. 6 приходилось только ассоциативно «воспроизводить» ситуацию) типичный прилавок с одеждой на рынке под открытым небом и типичный продавец с восточной внешностью.

Безусловно, в первую очередь на себя обращает внимание вербальная составляющая данного мема, основанная на трансформации графического облика: кириллица вместо латиницы, намеренная трансформация названий известных брендов класса «люкс» (вместо «Louis Vuitton», «Burberry»), которые подчеркивают свой статус и достаток их обладателей, вводятся искаженные номинации «луивутон», «булбери»). Вербальная часть воспроизводит речь типичного продавца рынка — мигранта с ближнего за-

рубежья или соседних республик, говорящего с акцентом и неточной артикуляцией: «кальвин клей» вместо «Кэ́львин Кля́йн» («Calvin Klein»). Использование русской транслитерации для английских брендов передает специфику речи и особенности произношения человека, для которого не только английский, но и русский языки являются иностранными. Семантически обобщенное обращение *дорогой* в конце фразы звучит как типичная «уловка» продавца, пытающегося расположить к себе клиента и продать свой товар. В целом, визуальная подача текста мема пародирует речь и манеру общения уличных торговцев, зачастую нелегальных мигрантов, которые пытаются продать поддельную или дешевую продукцию под видом престижных брендов. Это создает комический эффект и высмеивает данную практику.

Отметим, что образ продавца в мемах о поддельной брендовой продукции часто стереотипен: на фоне уличной палатки, переполненной разнообразными товарами (верхней одеждой, нижним бельем, аксессуарами), в простой курточке и шапочке, смуглый (или загорелый от постоянного нахождения на улице), с типичным узким разрезом глаз. В данном меме можно выделить три ключевых визуальных маркера: уличная торговая палатка создает атмосферу нелегального рынка; простая одежда продавца контрастирует с теми «дорогими люксовыми» брендами, которые он пытается продать; смуглая кожа и узкий разрез глаз обычно подчеркивают неславянскую внешность продавца, что поддерживает стереотипы о продавцах контрафакта. Сочетание этого визуального образа с текстом, имитирующим характерную речь такого продавца, создает комический эффект и усиливает пародийный характер мема. Это своего рода карикатура на нелегальный бизнес с поддельной продукцией и его участников. Безусловно, такие стереотипные образы в контексте интернет-мемов используются для гиперболизации и пародирования явления.

Обобщая сказанное, отметим, что между вербальной и визуальной составляющими мема «Все есть, дорогой» возникают отношения взаимозависимости. Визуальная часть зависит от вербального компонента, который определяет ее интерпретацию. Без вербальной составляющей «луивутон есть и булбери есть и кальвин клей все есть, дорогой» текст теряет целостный смысл. При восприятии данного синтетического феномена у адресата произвольно возникает желание прочитать вербальный текст с акцентом и интонацией, свойственной изображенному человеку. Данный мем, с одной стороны, содержит в себе авторскую иронию: попытки российских потребителей приобрести недоступные из-за санкций брендовые товары, с другой — воссоздает реальную торгово-экономическую ситуацию. Очевидно, что данный мем является своего рода актуализацией прецедентной

ситуации, характерной для потребительского рынка в России в период 90-х годов.

Мем «Шурик и фарцовщик» (рис. 8) также отражает реакцию российских потребителей на уход шведской компании IKEA с российского рынка.

Рис. 8 «Шурик и фарцовщик» [АА]

Рис. 9 Кадр из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»
[Иван Васильевич меняет профессию (1973): комедия / реж. Л. Гайдай]

Данный мем примечателен тем, что вербальная составляющая в нем отсутствует, как и в предыдущем примере (рис. 3). В меме «Шурик и фарцовщик» визуальный компонент находится в абсолютно сильной позиции. На нем изображен кадр из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» Леонида Гайдая. Однако, в отличие от других мемов данной тематической

группы, в поликодовом тексте (рис. 8) отсутствует также и брендовая символика IKEA. В визуальный ряд текста включен самый ходовой и узнаваемый российским потребителем товар бренда — акула Блохэй. Именно популярность и узнаваемость данной игрушки делает возможным смысловое восприятие мема «Шурик и фарцовщик».

Визуальный компонент мема состоит из кадра из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» (в оригинале: Шурик покупает транзисторы у спекулянта) с добавленным элементом продукции IKEA, что создает сложное символично-метафорическое соединение, в котором сохраняется узнаваемый иконический образ кадр из фильма великого режиссера, что задает прочную культурную основу, на фоне которой разворачивается новая интерпретация.

Рассмотрим явление прецедентности в данном поликодовом тексте. Прецедентный характер носит визуальный компонент мема (ср. рис. 8 и 9), который почти в точности повторяет исходный кадр из х/ф. Внимание привлекает лишь цветовая гамма вставленного изображения игрушки-акулы, спрятанной под пиджаком. Прецедентна и сама ситуация покупки нужного товара у спекулянта. Для жителей СССР это было привычно: нужный товар приходилось долго разыскивать по магазинам, выстаивать огромные очереди. Наконец, в очередном магазине, где нет транзисторов, почти отчаявшемуся Шурику подмигивает спекулянт. Спекулянт распахивает полы пиджака, и Шурик видит настоящее богатство — куча радиодеталей, которых нет в магазине. В нашем случае Шурику предлагается товар из IKEA, который уже невозможно купить в магазине. Фильм снят в 1973 году, Л. Гайдай саркастически изобразил в этом эпизоде ситуацию товарного дефицита, характерную для потребительского рынка СССР 1970—80 годов, а мем актуализировал данный прецедент для воссоздания современной для периода создания мема торгово-экономической ситуации в России.

4. Заключение = Conclusions

Мем — особый вид поликодовых текстов, включающий в себя разнообразные приемы и способы организации смыслового единства и воздействующий на читателя через несколько каналов кодирования информации. Проанализировав мемы одной тематической группы, посвященные событиям ухода из России некоторых брендов (торговых марок), мы установили:

1. Прецедентные ситуации как основа смыслообразования: мемы, использующие кадры из зарубежных и отечественных художественных фильмов или известных культурных произведений, создают уникальные прецедентные ситуации, которые функционируют как своеобразные культурные маркеры. Эти визуальные отсылки позволяют зрителям активно

встраивать свои переживания в знакомые нарративы. Например, использование иконографии или реплик персонажей из культовых фильмов (фильма «Криминальное чтиво», отечественных комедий) активизирует образы, знакомые аудитории, что пробуждает ассоциации и эмоциональные реакции, адаптируя информацию о текущих событиях (как уход западных брендов) к уже существующим культурным кодам. Это не только усиливает вовлеченность зрителей, но и позволяет глубже осмыслить изменения в обществе, связывая их с личным опытом и коллективной памятью.

2. Оценка и реакция общества через мемы: мемы становятся важным средством для выражения оценки происходящих событий, служа индикаторами общественного настроения. Их создание и распространение позволяют людям анонимно и открыто делиться своими мнениями, страхами и переживаниями по поводу новых реалий, таких как экономические санкции и уход брендов. Например, мемы могут отражать как горечь и сожаление о потерях, так и ироничное или даже саркастическое восприятие ситуаций, предоставляя платформу для коллективного дискурса. Этот процесс создает возможность для диалога в обществе, где различные мнения и реакции могут сосуществовать, способствуя более комплексному пониманию социальной динамики.

3. Самоопределение и психотерапия через концептуализацию мира: мемы становятся не только средством (способом) отражения социальной реальности, но и инструментом, позволяющим людям осмысливать свою жизнь и окружающий мир. В условиях постоянной неопределенности и стресса мемы помогают организовать хаотичную информацию, упрощая сложные реалии и превращая их в доступные символы. Этот процесс категоризации и концептуализации позволяет пользователям легче воспринимать происходящее, способствуя снижению эмоционального и когнитивного напряжения. Мемы, наполненные юмором и самоиронией, становятся формой самопсихотерапии через ощущение контроля в условиях кризиса. Они позволяют людям не только справляться с негативными эмоциями, но и находить новые образы (иногда путем трансформации старых) для самоидентификации, создавая общий «язык» для обсуждения и переживания текущих событий.

Таким образом, современные мемы выполняют различные функции в обществе, выступая не только как средства коммуникации, но и как важные инструменты смыслообразования и саморефлексии, помогающие людям адаптироваться к изменяющейся социальной реальности. Они способствуют созданию общего культурного пространства, в котором происходит активное осмысление и обсуждение значимых вопросов, касающихся каждого члена общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Иван Васильевич* меняет профессию (1973) : комедия / реж. Л. Гайдай. 00:45:29 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rutube.ru/video/de108b940b59e5e9d361077328ca9201> (дата обращения 07.10.2024).

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на основе креолизованных текстов) : учеб. Пособие / Е. Е. Анисимова. — Москва : Академия, 2003. — 128 с. — ISBN 5-7695-0961-9.
2. *Ариас А.-М.* Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) / А.-М. Ариас // *Известия СПбГЭУ*. — 2011. — № 6. — С. 62—64.
3. *Бойко А. А.* Иконографическая типология авторского политического плаката периода перестройки / А. А. Бойко // *Общество. Среда. Развитие*. — 2010. — № 2 (15). — С. 173—178.
4. *Вашунина И. В.* Особенности восприятия креолизованных текстов / И. В. Вашунина // *Вопросы психолингвистики*. — 2016. — № 4 (30) — С. 39—53.
5. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст : ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова. — Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т». 2013. — 193 с. — ISBN 978-5-7186-0543-3.
6. *Голдовский Г. Н.* Карл Павлович Брюллов. Живопись, рисунки и акварели из собрания Русского музея / Г. Н. Голдовский, Е. Н. Петрова. — Санкт-Петербург : Palace Editions, 1999. — 198 с. — ISBN 5-93332-011-0.
7. *Данилова Ю. Ю.* Советские плакаты как средство визуально-вербальной политической агитации / Ю. Ю. Данилова // *Мир науки, культуры, образования*. Горно-Алтайск : Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 2 (51). — С. 408—411.
8. *Чернявская В. Е.* Медиаальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. — 2013. — № 2 (23). — С. 122—127.
9. *Щурина Ю. В.* Демотиватор как комический речевой жанр Интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его прикладной потенциал : материалы I международной научной конференции, Барнаул, 05—07 октября 2011 года*. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2012. — С. 405—407.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2025,
одобрена после рецензирования 03.06.2025,
подготовлена к публикации 18.06.2025.*

Material resources

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Ivan Vasilyevich changes his profession (1973): comedy / directed by L. Gaidai. 00:45:29. Available at: <https://rutube.ru/video/de108b940b59e5e9d361077328ca9201> (accessed 07.10.2024). (In Russ.).

References

- Anisimova, E. E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts): textbook. The manual*. Moscow: Akademiya Publ. 128 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).
- Arias, A. M. (2011). Polycode text as a semiotic, semantic and aesthetic symbolic unity (on the example of German caricature). *Izvestiya SPbGEU*, 6: 62—64. (In Russ.).
- Boyko, A. A. (2010). Iconographic typology of the author's political poster of the period of perestroika. *Society. Wednesday. Development*, 2 (15): 173—178. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2013). The medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts. *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2 (23): 122—127. (In Russ.).
- Danilova, Yu. Y. (2015). Soviet posters as a means of visual and verbal political agitation. The world of science, culture, and education. *Gorno-Altaysk: The World of Science, Culture, and Education*, 2 (51): 408—411. (In Russ.).
- Goldovsky, G. N., Petrova, E. N. (1999). *Karl Pavlovich Bryullov. Paintings, drawings and watercolors from the collection of the Russian Museum*. St. Petersburg: Palace Editions. 198 p. ISBN 5-93332-011-0. (In Russ.).
- Shchurina, Yu. V. (2012). Demotivator as a comic speech genre of Internet communication. In: *Functional and cognitive analysis of language units and its applicative potential: proceedings of the I International Scientific conference, Barnaul, 05—07 October 2011*. Barnaul: Altai State Pedagogical University. 405—407. (In Russ.).
- Vashunina, I. V. (2016). Features of perception of creolized texts. *Questions of psycholinguistics*, 4 (30): 39—53. (In Russ.).
- Voroshilova, M. B. (2013). *Political creolized text: the keys to reading: a monograph*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. un-t. 193 p. ISBN 978-5-7186-0543-3. (In Russ.).

*The article was submitted 28.02.2025;
approved after reviewing 03.06.2025;
accepted for publication 18.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Оленев С. В. Рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевого журналов / С. В. Оленев, Л. С. Тихомирова, К. В. Пермякова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 205—223. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-205-223.

Olenev, S. V., Tikhomirova, L. S., Permyakova, K. V. (2025). Rational and Emotional Communicative Strategies and Tactics in Advertising Discourse of Russian Glossy Magazines. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 205-223. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-205-223. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевого журналов

Оленев Станислав Владимирович¹

orcid.org/0000-0002-7116-1309

кандидат филологических наук, доцент
olenestan@yandex.ru

Тихомирова Лариса Сергеевна^{2,3}

orcid.org/0000-0003-3068-2770

кандидат филологических наук, доцент
tikhomirova.lar@yandex.ru

Пермякова Кристина Валерьевна³

orcid.org/0000-0001-6066-1300

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
лингвистики и перевода
kpuctu@rambler.ru

¹ Северо-Восточный нефтяной университет
(Дахин, Китай)

² Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Пермь, Россия)

³ Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
(Пермь, Россия)

Rational and Emotional Communicative Strategies and Tactics in Advertising Discourse of Russian Glossy Magazines

Stanislav V. Olenev¹

orcid.org/0000-0002-7116-1309

PhD in Philology, Associate Professor
olenestan@yandex.ru

Larisa S. Tikhomirova^{2,3}

orcid.org/0000-0003-3068-2770

PhD in Philology, Associate Professor
tikhomirova.lar@yandex.ru

Kristina V. Permyakova³

orcid.org/0000-0001-6066-1300

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Linguistics and Translation
kpuctu@rambler.ru

¹ North-East Petroleum University
(Daqing, China)

² Perm State National Research University
(Perm, Russia)

³ Perm National Research Polytechnic University
(Perm, Russia)

© Оленев С. В., Тихомирова Л. С., Пермякова К. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются коммуникативные стратегии и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевых журналов как основа оказываемого воздействия и как проявление системы ценностей дискурса глянцевого журнала. Цель работы — выявление и описание стратегий и тактик воздействия и реализации идеалоформирующей функции рекламы в медиатекстах современных российских глянцевого журналов. Методологической базой выступили лингвостилистический, лингвопрагматический и социокоммуникативный подходы. Анализ рекламных текстов позволяет авторам сделать выводы о значимости базовых ценностей дискурса глянцевого журнала в выстраивании стратегий воздействия на читателей. Материалом эмпирического анализа послужили 100 современных рекламных текстов, опубликованных в популярных российских глянцевого журналах за 2023—2024 годы. Установлено количественное преобладание эмоциональных стратегий воздействия над рациональными и комбинированными в рекламе российских глянцевого журналов. Подтверждена идея о том, что языковые средства рекламного текста в соотношении с изобразительными средствами глянцевой рекламы воздействуют на читателя не столько понятийно, сколько образно и эмоционально, формируя при этом образ носителя ценностей глянцевого издания, заложенный адресантом рекламного текста.

Ключевые слова:

стратегии и тактики воздействия; дискурс глянцевого журнала; рекламный текст; рациональное и эмоциональное воздействие; медиатекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the communicative strategies and tactics of advertising within the discourse of Russian glossy magazines, highlighting their impact and reflecting the value system inherent in glossy magazine discourse. The aim of this study is to identify and describe the strategies and tactics employed to exert influence and realize the ideal-forming function of advertising in the media texts of contemporary Russian glossy magazines. The methodological framework is grounded in linguistic stylistics, linguistic pragmatics, and socio-communicative approaches. Analyzing advertising texts allows the authors to draw conclusions about the significance of fundamental values in glossy magazine discourse when constructing strategies to influence readers. The empirical analysis is based on 100 contemporary advertising texts published in popular Russian glossy magazines during 2023-2024. It has been established that emotional strategies of influence quantitatively dominate over rational and combined approaches in the advertising of Russian glossy magazines. The findings confirm the notion that the linguistic elements of advertising texts, in conjunction with the visual elements of glossy advertising, affect readers not merely conceptually but also imaginatively and emotionally, thereby shaping the image of the value bearer represented by the advertiser in the text.

Key words:

influence strategies and tactics; glossy magazine discourse; advertising text; rational and emotional influence; media text.

УДК 81'42:070+17.022.1+316.752

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-205-223

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Рациональные и эмоциональные коммуникативные стратегии и тактики рекламы в дискурсе российских глянцевых журналов

© Оленев С. В., Тихомирова Л. С., Пермякова К. В., 2025

1. Введение = Introduction

Реклама в глянцевых журналах занимает заметную нишу рекламного рынка, став неотъемлемой частью жизни современного человека. Ярко иллюстрированные рекламные тексты имеют информационно-мировоззренческую направленность, поскольку не только сообщают сведения о товаре или услуге, но и транслируют образцы стиля жизни, одежды, питания, времяпрепровождения, иными словами, формируют ценностные координаты стиля жизни и образа мыслей. При этом, по справедливому замечанию А. Ю. Маевской, «современная российская глянцевая пресса дает основания говорить о принципиальном различии в функционировании глянцевых изданий на западном и русском медиарынке: если на Западе позиционирование журнала на аудиторию с определенным уровнем доходов означает, что его читает именно эта аудитория, то в России у читателей глянцевых журналов обнаружилась высокая степень “аспирации” (стремления), поскольку их стала читать даже та часть населения, которая не может позволить себе рекламируемые в них блага» [Маевская, 2015, с. 5]. Данное обстоятельство обуславливает разнородность читательской аудитории журнала, который изначально, в западной формации, ориентирован на довольно узкую прослойку общества с высоким уровнем достатка. Российские глянцевые журналы в большей мере, чем западные, соответствуют определению, сформулированному Н. К. Якубенко: «Глянцев в этом смысле — классический инструмент идентификации себя с социальной успешностью. Это не столько источник информации и гид по шопингу, сколько зеркало, в которое смотрится читатель, чтобы увидеть себя иным, принадлежащим к желанной “глянцевой” референтной группе» [Якубенко, 2004, с. 381].

Типологическую группу глянцевых журналов в России, подобно зарубежным изданиям, составляют журналы о моде и стиле жизни. В. В. Смею-

ха в качестве свойств журналов, называемых элитарными, выделяет «большой объем, качество полиграфии, насыщенность иллюстративным материалом, большой процент рекламы (преимущественно элитная косметика, парфюмерия, одежда, обувь, мебель)» [Смеюха, 2008, с. 140]; А. С. Саввин добавляет такие признаки, как «формирование собственного стиля, высокая цена» [Саввин, 2010, с. 184].

Современная лингвистика и теория медиакommunikации демонстрируют неослабевающий интерес как к рекламному тексту в целом [Ластовецкая, 2005], так и к дискурсу глянцевого журналов [Зиновьева, 2016] в частности, значимым элементом которого является рекламный текст, нередко интегрирующийся в изначально нерекламные жанры публикаций [Лазеева, 2019]. В последние годы исследования «глянцевого дискурса» становятся междисциплинарными и разноаспектными. Дискурс глянцевого журналов анализируется с точки зрения поиска его ключевых конституирующих параметров и формируемых им ценностных установок [Полонский, 2010], в плане взаимосвязей с дискурсом потребления [Лолло, 2011] и дискурсом моды [Исхакова, 2017; Киуру, 2019], в качестве коммуникативной среды, благоприятствующей переключению кодов, прежде всего, русского и английского языков [Бакалова, 2023], как средство конструирования, воспроизведения и транслирования социально-статусной системы российского общества [Гоголева, 2024] и ценностно-маркированного образа будущего [Казыдуб, 2023]. Значительное внимание уделяется анализу гендерно-стереотипных представлений [Бахаева, 2018; Овсянникова, 2015; Рассадина, 2012; Шхумишхова, 2017].

В то же время недостаточным видится исследование стратегической природы воздействия, оказываемого на читательскую аудиторию глянцевых журналов, хотя нельзя не отметить наличие ряда публикаций, авторы которых работают в этом направлении, исследуя рекламные тексты различной тематики и целевой аудитории [Ван Чжо, 2017; Дзараева, 2018; Кротова, 2011; Стрижкова, 2012; Тихомирова, 2024].

Таким образом, актуальность настоящего исследования, нацеленного на выявление системы стратегий и тактик воздействия и реализации идеолоформирующей функции рекламы в медиатекстах современных российских глянцевых журналов, обусловлена недостаточной изученностью и важностью анализа механизмов воздействия такой рекламы на массовую аудиторию России в период напряжённой социально-политической обстановки, в условиях доминирования массовой культуры, в том числе глянцевых журналов, а также на фоне декларируемого отказа от ряда западных ценностей, побуждающего журналы к распространению традиционно отечественных моделей поведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили современные рекламные тексты (всего исследовано 100 рекламных текстов), опубликованные в популярных российских гляцевых журналах за 2023—2024 годы: *Караван историй*, *Москвичка*, *Собака.ru*, *The VOICE*. Выбор журналов основан на результатах интервью 120 жителей г. Перми в возрасте от 18 до 54 лет (70 % женщин и 30 % мужчин) относительно их отношения к гляцевым журналам и практике взаимодействия с ними. В ходе неформального интервью использовались вопросы для выявления интереса читателей к тем или иным изданиям и опубликованным в них рекламным текстам.

Методологической базой исследования служит комплексный аналитический подход (лингвостилистический, лингвопрагматический и социокоммуникативный) к изучению материала с целью выявления средств выражения, обеспечивающих воздействие рекламы на потребителя, реализацию коммуникативных стратегий и тактик речевого воздействия. В качестве **методов исследования** выступают описательный метод, метод контекстно-ситуативного анализа, коммуникативно-прагматический метод, метод дискурс-анализа, предполагающий анализ рекламы как продукта особой сферы бытования дискурса, обладающего собственными ценностными установками и присущими ему семиотическими способами представления идей и установок.

А. Ж. Греймас и Ж. Куртэ отмечали, что в дискурсе существуют «глубинные организации содержания, поддающиеся формулировке в виде систем ценностей» (аксиологий), манифестируемых «в самых разных дискурсах» [Греймас, 1983, с. 493]. Мощным инструментом формирования «аксиологий» и стереотипов, их внедрения в сознание аудитории гляцевых журналов является размещаемая в них реклама, воздействие которой усиливается посредством визуализации, выступающей способом соблазна и интимизации дистанции с читателем. Современный гляцевый журнал, реализуя стереотип обеспеченной и респектабельной женщины, представляет новую систему общественно значимых ценностей и складывающегося типа поведения: преодолевая тот или иной возрастной рубеж, женщина должна становиться все более обеспеченной и респектабельной. Идеальная героиня современного журнала, как и герой, являются успешными, медийно заметными людьми, известность которых связана и с их профессиональной деятельностью, и с увлечениями в сферах здоровья и красоты, отдыха, спорта, путешествий и моды. Сферы жизни, в которых проявляется личностная состоятельность стереотипного героя «глянца», формируют тематику рекламы для женщин (косметика, ювелирные украшения,

уходовые процедуры, модная одежда и пр.) и мужчин (автомобили, охота, рыбалка, мужская одежда и пр.). Идеализированный образ «успешного человека» поддерживается частотным рекламным ходом, использующим образы знаменитостей для привлечения внимания и усиления воздействия рекламы. Система ценностей, транслируемых массовой аудитории в рекламном тексте, проявляется и в выборе стратегий и тактик воздействия, опирающихся на заданные ценностные установки и, как следствие, поддерживающих их бытование и распространение.

Коммуникативная стратегия определяется как «совокупность запланированных адресантом заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Бобырь, 2001, с. 6]. Коммуникативная стратегия складывается на основе цели и задач коммуникации, формируется с учётом коммуникативной компетенции и коммуникативного опыта адресанта воздействия и реализуется посредством коммуникативной тактики, испытывающей ограничения, связанные с тематикой общения, коммуникативными правилами и нормами. Помимо прочих оснований, классификация коммуникативных стратегий рекламы может быть основана на том, на что она опирается в качестве источника аргументов и «рычагов» влияния на реальные утилитарные свойства товара (рационалистический тип рекламы) или на его психологически значимые свойства (проекционный тип рекламы); встречается и «смешанный тип рекламирования, совмещающий черты рационалистического и эмоционального подходов» [Стрижкова, 2012, с. 35]. Наиболее удачной обычно считается реклама, совмещающая эмоциональный эффект и фактическую информацию.

Стратегический подход к анализу рекламного текста представлен в работе [Ван Чжо, 2017]. В статье [Дзараева, 2018] реализация коммуникативных стратегий и тактик в рекламном дискурсе изучается на примере сопоставления текстов рекламы косметики на русском и английском языках. В исследовании [Кротова, 2011] показано, как на основе применения стратегий комплимента и апелляции к авторитету реклама в глянцево́м журнале формирует речевыми и визуальными средствами сильный образ, отражающий и формирующий ценности аудитории и побуждающий к покупке. В работах [Стрижкова, 2012; Тихомирова, 2024] анализируются коммуникативные стратегии рекламирования кисломолочной продукции, кондитерских изделий и жилых комплексов, классифицируемые на рациональные, эмоциональные и оценочные. В настоящем исследовании осуществляется попытка выявить и оценить систему коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в рекламных текстах современных русскоязычных глянцево́в журналов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Анализ фактического материала показал, что в рекламном дискурсе глянцевого издания для усиления прагматического воздействия на потребителя эмоциональное воздействие зачастую сочетается с рациональным, поэтому, кроме рациональной и эмоциональной стратегий, выделяем комбинированную коммуникативную стратегию, совмещающую рациональные и эмоциональные тактики воздействия. Для анализа стратегий и тактик способом сплошной выборки был получен ряд рекламных текстов, типичных для исследуемых глянцевых журналов. Среди групп рекламируемых товаров и услуг — косметические средства и процедуры ухода за кожей, ювелирные украшения, женское нижнее бельё, повседневная одежда и обувь, домашний текстиль, посуда, кофейня, автомобили и т. д. В ходе анализа 100 рекламных текстов были установлены и описаны речевые тактики, воплощающие рациональные, эмоциональные и комбинированные стратегии воздействия, среди которых эмоциональная стратегия является доминирующей, а тактика самопохвалы обнаружена более чем в 70 % рекламных текстов с данной стратегией (см. таблицу). Приоритетным способом воплощения рациональной стратегии в рекламных текстах глянцевых изданий выступает тактика апелляции к разуму. Выбор комбинированной стратегии менее частотен в сравнении с «чистыми» стратегиями.

Таблица

Стратегии и тактики в рекламных текстах глянцевых журналов

№	Тип стратегий и тактик	Кол-во, ед.
Рациональная стратегия (30 текстов)		
1.	Тактика демонстрации практической выгоды	16
2.	Тактика апелляции к разуму	8
3.	Тактика самопрезентации	6
4.	Тактика апелляции к здоровому образу жизни и красоте	5
5.	Тактика приведения примера	3
6.	Тактика ценообразования	3
7.	Тактика указания на достижения бренда	2
Эмоциональная стратегия (45 текстов)		
1.	Тактика самопохвалы	32
2.	Тактика создания приятной атмосферы вокруг товара	11
3.	Тактика контраста	8
4.	Тактика гиперболлизации и усиления	6
5.	Тактика сближения с адресатом	5
6.	Тактика избранной адресации	3

Окончание табл. 1

№	Тип стратегий и тактик	Кол-во, ед.
7.	Тактика апелляции к авторитету	2
8.	Тактика сочетания неожиданных деталей	1
Комбинированная стратегия (25 текстов)		
1	Тактика ценообразования + тактика акцентирования внимания и самопохвалы	10
2	Тактика статистических данных и прагматической выгоды + тактика апелляции к красивому образу	7
3.	Тактика указания на достижения бренда + тактика самопохвалы	5
4.	Тактика проблемной ситуации + тактика сближения с адресатом	3

Далее рассмотрим примеры тактик реализации рациональной, эмоциональной и комбинированной стратегий воздействия.

3.1. Тактики реализации рациональной стратегии

В рекламе патчей для зоны вокруг глаз бренда *d'Alba* воздействие вербального ряда основано на **рациональной стратегии**: основная информация о товаре и его свойствах раскрывается в рекламном тексте за счет использования **тактик апелляции к разуму и практической пользе**. Рациональная стратегия репрезентируется в текстах употреблением абстрактных существительных: *концепция, точка роста, философия жизни, разумный подход, высокая концентрация* — и статистических данных, аргументирующих качество продукции. Ярче всего выделяется рекламное имя бренда: *d'Alba / Piedmond*, расположенное в верхней части страницы, где *d'Alba* — это название бренда, а *Piedmond* — указание на экологически чистую местность Пьемонт (Италия), где произрастает белый трюфель. Основные характеристики товара подтверждают его полезность для кожи: *...все представленные брендом продукты содержат в своем составе белый трюфель, который имеет высокую концентрацию витамина С, витамина В12, минералов, аминокислот, способных придать большую эластичность и обладающих антиоксидантным действием*. Таким образом, упоминание о месте происхождения товара приковывает внимание потребителя и вызывает чувство сопричастности этому месту. Благодаря использованию в заголовке безглагольной структуры предложения и названия товара, он характеризуется как *экологически чистый товар*, что помогает потребителю лучше его идентифицировать.

Также уделяется внимание сведениям об основных компонентах, содержащихся в составе товара: *Веганский коллаген и итальянский белый трюфель*... Преимущества рекламируемого продукта, его принадлежность

к премиальному сегменту подчеркнуты прилагательными *веганский, итальянский* и словосочетанием *белый трюфель*. Усилить восприятие положительных свойств товара и акцентировать внимание целевой аудитории на высоком качестве помогает апелляция к молодости и красоте кожи: *для упругой и напитанной кожи*. В зачине текста удачно воплощена рациональная стратегия, объективируемая прилагательными с положительной оценкой и открытыми синтаксическими конструкциями, маркированными многоточием: *Патчи, как и все ультрамодные тканевые маски и различные средства ухода, пришли к нам из Южной Кореи. Корейцы славятся своей любовью к уходовой косметике и являются производителями и законодателями многих трендов в косметологии. Само же название взято из компьютерной терминологии, где патчем называют быструю коррекцию дефекта...* Многоточие выступает сигналом активации воображения и побуждает адресата домыслить информацию. Рекламный текст последовательно аргументирует преимущества рекламируемого объекта, что характерно для рекламы рационалистического типа, при этом текст выступает поясняющим комментарием к изображению.

Основной визуальный компонент рекламы сети клиник «ЛИН-ЛАЙН» — изображение красивой молодой женщины, **апеллирует к красоте и здоровью** и помогает адресату представить эффект оздоровления после процедур лазерного омоложения ReCoSMA и ультразвукового SMAS-лифтинга. **Рациональная коммуникативная стратегия** реализуется здесь за счет **тактик апелляции к разуму и апелляции к здоровому образу жизни**, поскольку забота о теле и здоровье — одна из главных ценностей для современного человека. Реклама построена так, чтобы адресат смог убедиться в эффективности и важности рекламируемых услуг для красоты и здоровья: **УЛЬТРАЗВУКОВОЙ SMAS-ЛИФТИНГ** — *атравматическая процедура для уплотнения и подтяжки тканей. Ультразвук высокой интенсивности укрепляет подкожный каркас, способствует выработке коллагена и обновлению тканей. В результате овал лица становится скульптурным и подтянутым, устраняются дряблость и провисания кожи, улучшается ее состояние и качество, выравнивается цвет*. Очевидно, что концепты красоты и молодости в данной рекламе отождествляются с концептом здоровья: *Лазерное излучение стимулирует ускоренную регенерацию тканей, не нагревая и не повреждая их. Процедура позволяет устранить большинство внешних признаков старения: морщины, опущение бровей, нависание кожи верхних век, углубление носогубных складок, нечеткий овал лица. Эффект виден уже после 1-й процедуры и нарастает в течение нескольких месяцев*.

Описание косметических процедур с помощью косметологических терминов обеспечивает высокую информативность рекламного текста: *ЛАЗЕРНОЕ ОМОЛОЖЕНИЕ ReCoSMA® / Лазерный лифтинг RecoSMA — инновационная процедура омоложения на клеточном уровне, разработанная и эксклюзивно применяемая LINLINE!* Важно отметить, что при реализации **тактики апелляции к разуму** терминологическая лексика может сочетаться с экспрессивной, и даже с поговорками: *Как встретишь Новый год, так его и проведешь! Получите WOW-эффект омоложения на 5—7 лет, который станет вашим украшением на празднике и будет нарастать в течение последующих месяцев,* — что помогает акцентировать внимание на действенности процедур.

Таким образом, рациональная стратегия реализуется в рекламе глянце-вых журналов посредством тактик апелляции к разуму, самопрезентации, приведения примера, апелляции к здоровому образу жизни, указания на достижения бренда, ценообразования, которые основаны на использовании логических доводов о соответствии качества и цены продукта потребностям адресата.

3.2. Тактики реализации эмоциональной стратегии

Основные визуальные компоненты рекламы крупных ювелирных украшений в глянце-вом журнале *The VOICE* — пронумерованные изображения ювелирных украшений по периметру страницы вокруг рекламного текста, в хаотичном порядке, на белом фоне. Рекламное сообщение действует на эмоции использованием экспрессивной лексики и синтаксических конструкций, направленных на привлечение внимания реципиентов и создание привлекательного образа рекламируемого объекта: *Весной модный закон таков: много хочешь — много получишь. В том числе крупные украшения: чем они заметнее и чем чуднее их форма, тем лучше!* Средством реализации **эмоциональной коммуникативной стратегии** в данной рекламе выступают **тактики гиперболизации и усиления**, воплощаемые лексическими единицами, усиливающими экспрессивность и выразительность рекламного текста: *крупные, заметнее, много хочешь-много получишь* и т. п.

Заголовок *С большим отрывом* акцентирует внимание аудитории на превосходстве крупных ювелирных изделий среди конкурирующих брендов. Качественное прилагательное *большим* подчеркивает уникальность ювелирных изделий, указывая на их размер. Основной текст начинается с провозглашающего высказывания: *Весной модный закон таков...*, которое задает тон всей рекламной кампании, воздействуя на психику человека, и воспринимается как заведомо верное утверждение. Через сравнительный оборот *чем они заметнее и чем чуднее их форма, тем лучше!*, в котором

рекламируемые изделия сравниваются с остальной продукцией данной товарной категории, реализуются сразу две ключевые **тактики** — **самопохвалы и усиления**. Утверждение о том, что чем «исключительнее» товар, *тем лучше!*, направлено на то, чтобы у адресата сложилось мнение, что эти украшения — лучшие. Параллелизм *много хочешь — много получишь*, основанный на языковой игре, усиливает эффект каждого последующего аргумента и, следовательно, воздействие на адресата. Эпитеты *модный закон, крупные украшения, чуднее их форма* создают яркий образ товара и еще раз подчеркивают его уникальность. В тексте наблюдается яркая эмоциональная оценка товара как типичная черта российской рекламы, склонной гиперболизировать уникальность и качество товара.

На изображении рекламы товаров для домашнего уюта и косметики для ухода за кожей выстроена визуальная композиция рекламируемых товаров, которые сами по себе ассоциируются с теплом и уютом, обстановкой домашнего вечера: товары расположены друг за другом на темно-красном фоне с новогодними огоньками, символизирующем любовь и радость жизни. В тексте автор рекламы обращается к **эмоциональной стратегии** воздействия на адресата, стараясь вызвать эмоции. **Тактика создания приятной атмосферы вокруг товара** апеллирует к домашнему уюту, теплу, заботе о себе и своих близких, завершающимся праздникам, самым заветным мечтам, которые должны сбываться в «*Старый Новый год*» — благодаря рекламируемым товарам: *ДИФФУЗОР GIOIA <...>. Пряный коктейль* наполняет дом ароматом апельсина, корицы и имбирных пряников; *ПИТАТЕЛЬНЫЙ КРЕМ ДЛЯ ТЕЛА CHATAIGNE VERTE <...>. Уютный аромат* каштанов, ванили и ели, щедрая порция масла карите — все, чтобы укутать в **невидимый плед**; *ТОНАЛЬНАЯ СЫВОРОТКА НА ОСНОВЕ MASEL TINTED OLEO-SERUM <...>. Две капли — сияние, три — ровный цвет лица. Масла лесного ореха и жожоба возвращают мягкость* недовольной морозами кожей; *ОМОЛАЖИВАЮЩАЯ МАСКА ДЛЯ ЛИЦА FLORACTIV 20+ <...>. Букет из экстрактов розы, гардении, лотоса и еще дюжины цветов не позволяет завянуть даже на второй неделе широких гуляний*; *АРОМАТ ДЛЯ ДОМА ZEFIRO <...>. В облаке из нот розмарина, эвкалипта, шалфея и лаванды особенно продуктивно загадывать желание вернуться на Лазурный берег*. Использование большого количества средств выразительности помогает создавать положительные ассоциации с рекламируемыми объектами, моделировать ситуации, помогающие мысленно проецировать «рекламируемые» ощущения на себя. **Тактика самопохвалы** в данных фрагментах рекламы реализуется не только через превосходную степень сравнения прилагательных или красочные эпитеты (*приятный коктейль, уютный аромат, невидимый плед, мягкая кожа, ши-*

рокие гулянья, лазурный берег), но и через рациональное видение удобства и комфорта.

Важная особенность рекламы в гляцевых журналах — это включение рекламного сообщения в статьи, посвященные конкретному кругу тем. Так, реклама дизайнерской одежды бренда Daniil Antsiferov относится к рубрике «Мода» — здесь рассказывается о дизайнерских решениях, коллекциях бренда, стильных образах и выборе дизайнера. Побуждение потребителя к действию реализуется за счет **эмоциональной стратегии**, включающей в себя **тактики самопохвалы, контраста, сближения с адресатом, апелляции к авторитету, сочетания неожиданных деталей**.

Коммуникативная тактика **самопохвалы** реализуется за счет оценочной лексики, для семантики которой характерна сема ‘лучший’ или ‘особенный’: *Самые эффектные образы на выход <...>; <...> какую бы вещь вы ни надели, будете королевой; Лучшее сочетание на все сезоны и времена <...>; Экстраординарным можно быть и в спортивном костюме <...>*. Структурировать информацию о товаре и отдать предпочтение рекламируемому помогает **контраст**, основанный на противопоставлении: *В каждом сезоне стоит охотиться не за конкретной вещью, а за вдохновением, и не изменять своему стилю. Если вы работаете на автосервисе, но при этом любите цветы, почему бы не украсить робу бутоньеркой? А если вы няня, но в душе рок-звезда, носите джинсы, которые пережили не один рок-фестиваль или концерт, и чокер с иппами*. Лицом рекламной кампании является сам дизайнер бренда Daniil Antsiferov, который рассказывает о нем от первого лица, повышая тем самым уровень доверия аудитории. **Тактика сближения с адресатом** реализуется с помощью притяжательных местоимений (*Мой личный стиль; в моей праздничной коллекции*) и личных (*на фото на мне олимпийка и джоггеры*). Употребляя притяжательные и личные местоимения первого лица, адресант ассоциирует себя с адресатом, создавая впечатление единого целого. Отсылка к известной личности в рекламном тексте является характерной особенностью **апелляции к авторитету**: *...в лучших традициях Эди Слимана и рок-звезд, ведь все мы в душе Мик Джаггер*. На лексическом уровне ее обеспечивают существительные с коннотативными значениями ‘личность, статусность, изысканность’, что подчеркивает чувство собственного достоинства реципиента рекламного сообщения и включает его в круг избранных. **Неожиданное сочетание деталей** реализуется в традициях современной рекламы — за счет использования конкретных терминов, фактов и примеров: *Самые эффектные образы на выход — в моей праздничной коллекции. Корсеты по историческим лекалам, жакет, вдохновленный пуантами, микрошорты из сверкающей ткани: какую бы вещь вы ни надели, будете королевой*.

Таким образом, реализация эмоциональной коммуникативной стратегии в рекламе гляцевых журналов позволяет сформировать в сознании адресата яркий положительный образ рекламируемых товаров и услуг, вызвать у потребителя интерес и позитивные эмоции. В рекламе гляцевых журналов **тактика самопохвалы** и **тактика усиления** реализуются чаще, реже — **тактика апелляции к авторитету** и др.

3.3. Тактики реализации комбинированной стратегии

В рекламе бьюти-боксов True Intimacy Beauty Box VOICE x Royal Samples представлено 28 косметических средств, что, на первый взгляд, можно оценить как избыточную концентрацию несвязанной информации. Это помогает вызвать интерес потребителей к содержанию бьюти-боксов, однако такое количество изображений небольшого размера создает иллюстративный «шум» и может быть воспринято негативно.

Для достижения коммуникативной цели в рекламе использована **комбинированная стратегия**, вербально реализуемая за счет тактик рационального воздействия: **статистических данных и прагматической выгоды** (*В бьюти-боксах вы найдете минимум 23 маст-хэва и бестселлера от бьюти-брендов + гарантированный подарок, а заодно сэкономите более 80 % от их стоимости*), **тактики апелляции к здоровому образу жизни** (красота в данном случае — способность «*делать неотразимым свой образ*» с помощью «*23 маст-хэвов*», а здоровье — «*ежедневные бьюти-ритуалы*»). Престиж рекламному сообщению придают использованные в тексте оценочные номинативные англицизмы: *бьюти-боксы, маст-хэв, бестселлер, бьюти-бренды, бьюти-ритуалы*, усиливающие внимание потребителей к рекламируемому товару за счет выразительности. Повтор словоформ с лексемой *бьюти (красота)* призван показать тесную взаимосвязь между красотой и здоровьем. Сочетания *гарантированный подарок, в лимитированных коробочках* и обращение *встречайте новые ...* также указывают на преимущества продуктов из бьюти-бокса. Выражение *есть все <...>, чтобы оставаться яркой каждый день!*, а также эпитет *неотразимый образ* апеллируют к желанию целевой группы (женщин) быть здоровыми и привлекательными, что выражается в эмоциональной **тактике, апеллирующей к здоровому образу жизни**.

В рекламе автомобиля Toyota RAV4 визуальные и вербальные компоненты дополняют друг друга, удерживая внимание реципиентов. Изображения автомобиля и его салона помогают запомнить рекламу, а текст способствует пониманию основных характеристик рекламируемого объекта и формированию отношения к нему. Для более целостного и эффективного восприятия адресатом текст рекламы разделен на несколько абзацев. Рекламисты успешно реализуют основные этапы психологического воздействия

за счет **комбинированной коммуникативной стратегии**, состоящей из **эмоциональных тактик самопохвалы и апелляции к мотивации адресата** иметь машину и **рациональной тактики апелляции к разуму**.

Действенность тактики апелляции к мотивации адресата иметь машину обусловлена желанием большого количества людей путешествовать с семьей: *В мире автомобилей есть модели, которые превращают путешествия в истинное удовольствие. Среди них, безусловно, выделяется новый семейный кроссовер Toyota RAV4 — воплощение современного комфорта и технологического величия.* Кроме того, рекламное сообщение построено так, чтобы акцентировать внимание аудитории на таких ценностях, как **безопасность** (*Toyota всегда придает высший приоритет безопасности, и RAV4 — не исключение. Активный круиз-контроль, система контроля отклонения от полосы движения, вспомогательная система управления на подъеме, система панорамного наблюдения PVM обеспечивает вам и вашим пассажирам максимальную безопасность*) и **комфорт** (*Внутри RAV4 царит атмосфера исключительного комфорта. Просторный салон с лаконичным дизайном, регулируемые пассажирские сидения, поясничная поддержка водительского сидения и двухфазный климат-контроль превратят даже самую долгую дорогу в комфортную поездку*).

Коммуникативная тактика самопохвалы реализуется в рекламе за счет включения в текст описания инновационных, уникальных характеристик, позиционирования его превосходства: *новый кроссовер, современный комфорт, технологическое величие.* Эмоциональная насыщенность текста усиливает экспрессивность и помогает адресату сформировать положительный образ рекламируемого объекта: *Одним из основных отличий нового Toyota RAV4 является его обновленный внешний вид; Первое, что бросается в глаза — захватывающий дизайн... Динамичные и плавные линии силуэта, ярко-выраженные формы кузова, массивная решетка радиатора и элегантные светодиодные фары — все это визитная карточка Toyota RAV4.*

Рациональная тактика апелляции к разуму отличается в данной рекламе тем, что аргументация, подчеркивающая преимущества автомобиля Toyota RAV4, преподносится в качестве основания для приобретения рекламируемого товара. Включение профессиональных терминов в основной рекламный текст обеспечивает ему высокую информативность: *Под капотом RAV4 скрывается мощь и эффективность. В движение автомобиль приводит силовая установка на базе двухлитрового бензинового двигателя. Комбинированная отдача составляет 171 лошадиную силу. Благодаря передовой системе полного привода, автомобиль без труда справляется с самыми сложными дорожными условиями и позволяет ис-*

следовать мир без ограничений. Фактологическая информация дополняется оценочной лексикой: В списке технических плюсов RAV4 — умная оплата парковки, голосовое управление и возможность подключиться к умному дому. «Сердце» салона — 10,1-дюймовая мультимедийная навигационная система. Эргономичный дизайн приборной панели и удобное расположение элементов управления позволяют сосредоточиться на дороге и не отвлекаться на лишние детали.

Количественное сопоставление рациональной и эмоциональной составляющих воздействия в рамках текстов с комбинированной речевой стратегией, позволяет сделать вывод, что основное внимание рекламисты уделяют эмоциональному воздействию на потребителя, при этом преобладание эмоциональной составляющей не является подавляющим.

4. Заключение = Conclusions

В проанализированных текстах наиболее частотной оказалась эмоциональная стратегия (45 %); рациональная (30 %) и комбинированная (25 %) стратегии менее частотны. Тексты с эмоциональной стратегией воздействуют на эмоционально-волевую сферу человека, усиливая формирование нужных ценностей, а в конечном итоге, и побуждая его к покупке, подтверждающей принадлежность к кругу «избранных». Использование рациональной стратегии требует доводов здравого смысла, позволяющих потребителю посмотреть на товар прагматически. Воздействующий потенциал комбинированной стратегии более насыщен, поэтому и возможности влияния таких текстов выше.

Типичность используемых языковых средств воздействия (мелиоративная эмоционально-окрашенная лексика, конструкции с антитезой и гиперболой, научные термины и статистические сведения и т. д.) подтверждает универсальность прагматической цели рекламного дискурса, в том числе текстов рекламы глянцевого изданий. Установка на формирование ценностей и, на их базе, на последующее побуждение к покупке, актуальна как для рекламных текстов современного глянцевого журнала, так и для реклам в иных коммуникативных средах.

Система ценностей, выступающих опорой рационального и эмоционального воздействия в глянцевого рекламе, включает заботу о себе в повседневной жизни (красота, здоровье, комфорт, безопасность) при помощи товаров и услуг высокого качества, имеющими признаки эксклюзивности и элитарности; обладание красивыми и дорогими вещами, демонстрирующими профессиональную успешность и высокий социальный статус обладателя, помогающими человеку самовыразиться и проявить свою уникальную личность.

Стремление авторов рекламы к созданию образа разумного, прагматически осмысленного потребления, даже в тех ситуациях, когда речь идет о предметах роскоши, подтверждается заметной ролью рациональных, аргументирующих тактик воздействия, апеллирующих к разуму и практической выгоде. В то же время высокая распространенность лексики, репрезентирующей красоту, престиж, успех, привилегированность, принадлежность к определенному сословию и т. д. в рекламных сообщениях обусловлена тем, что данные средства воздействия практически безотказно действуют на эмоции потребителя. Выбор в пользу эмоциональной, рациональной или комбинированной стратегии воздействия должен опираться не только на возможный спрос потребителя, но и на внешние характеристики потребительской аудитории: социально-демографические и поведенческие.

Перспективы дальнейшего исследования заявленной темы видятся в диахроническом исследовании рекламного дискурса глянцевого журналов, которое позволит раскрыть динамику ценностных ориентаций, актуальных для изучаемой сферы массовой коммуникации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Литература

1. Бакалова Е. В. Переключения кодов в дискурсе глянцевого журналов: взаимосвязь структуры и прагматики / Е. В. Бакалова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — 2023. — № 2. — С. 62—68. — DOI: 10.14529/ling230209.
2. Бахаева Л. М. Конструирование гендерно-маркированных единиц в номинативной системе языка в дискурсе глянцевого журналов (на материале русского языка) / Л. М. Бахаева // Гуманитарные и социальные науки. — 2018. — № 6. — С. 108—114. — DOI: 10.18522/2070-1403-2018-71-6-108-114.
3. Бобырь И. В. Прагмалингвистические аспекты речевой коммуникации: фактор адресата / И. В. Бобырь // Прагматические аспекты языкознания: сб. ст. — Москва: Междунар. независ. экол.-политол. ун-т, 2011. — С. 5—18.
4. Ван Чжо. Стратегический подход к исследованию рекламного текста / Чжо Ван // Вопросы науки и образования. — 2017. — № 3 (4). — С. 64—71.
5. Гоголева Е. Н. Воспроизводство социально-статусной системы российского общества в дискурсе глянцевого журналов: социологический анализ / Е. Н. Гоголева // Вестник Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. — 2024. — № 77. — С. 204—214. — DOI: 10.17223/1998863X/77/17.
6. Греймас А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. — Москва: Радуга, 1983. — С. 483—550.
7. Дзараева Н. А. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в рекламном дискурсе / Н. А. Дзараева, А. М. Бороздина // Проблемы романо-германской филоло-

гии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. — 2018. — № 14. — С. 29—35.

8. Зиновьева Е. С. Дискурс русскоязычных глянцевого журналов как объект изучения медиалингвистики / Е. С. Зиновьева // Вестник Череповецкого гос. ун-та. — 2016. — № 4 (73). — С. 88—92.

9. Исхакова О. С. Дискурс моды vs глянцевого журнального дискурс моды / О. С. Исхакова // European Science. — 2017. — № 3 (25). — С. 28—30.

10. Казыдуб Н. Н. Аксиологическая параметризация как способ конструирования образа будущего в дискурсе глянцевого журналов / Н. Н. Казыдуб, И. Е. Кламер // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2023. — № 4. — С. 36—41. — DOI: 10.51955/23121327_2023_4_116.

11. Киуру К. В. Глянцевый журнал о моде в эпоху постлюкса: дискурсивные трансформации / К. В. Киуру, В. А. Исакова // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 4 (34). — С. 122—126. — DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10413.

12. Кротова М. А. Коммуникативно-прагматические стратегии представления рекламного образа в дискурсе журнальной рекламы / М. А. Кротова // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 1. — С. 159—163.

13. Лазеева Н. В. Рекламный аспект речевого жанра «Переписка с читателем» в дискурсе глянцевого журналов / Н. В. Лазеева, Л. П. Прохорова // Вестник ЧелГУ. — 2019. — № 4 (426). — С. 130—136. — DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10417.

14. Ластовецкая М. А. Основные направления в изучении рекламного текста (обзор) / М. А. Ластовецкая // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание: Реферативный журнал. — 2005. — № 3. — С. 192—206.

15. Лолло А. Р. Дискурс глянцевого журнала: социокоммуникативные аспекты / А. Р. Лолло // Экономическая социология. — 2011. — № 4. — С. 73—92.

16. Маевская А. Ю. Глянцевый журнал в условиях глобализации массмедиа (российская практика): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / А. Ю. Маевская. — Санкт-Петербург, 2015. — 218 с.

17. Овсянникова Е. К. Проблема формирования гендерных стереотипов в дискурсе глянцевого журналов: социологический аспект / Е. К. Овсянникова, М. В. Насонова, Л. В. Овсянникова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 8. — С. 91—94.

18. Полонский А. В. Ключевые особенности дискурса глянцевого журналов / А. В. Полонский, Е. А. Самотуга // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2010. — № 18 (89). — С. 227—235.

19. Рассадина Т. А. Динамика образа современной женщины: дискурсы глянцевого журнала и общественного мнения / Т. А. Рассадина, А. А. Агеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2012. — № 3 (23). — С. 91—102.

20. Саввин А. С. «Глянцевая» реклама как инструмент маркетинга / А. С. Саввин // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2010. — № 1. — С. 182—187.

21. Смеюха В. В. Современные тенденции развития женских журналов / В. В. Смеюха // Научная мысль Кавказа. — 2008. — № 3 (55). — С. 137—143.

22. Стрижкова О. В. Сопоставительный анализ реализации коммуникативных стратегий в англо- и русскоязычной рекламе кисломолочной продукции / О. В. Стрижкова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2012. — № 2. — С. 46—50.

23. Тихомирова Л. С. Виды коммуникативных стратегий и тактик в рекламе подвижности (на материале интернет-сайтов г. Перми) / Л. С. Тихомирова, А. С. Черноусова // Медиалингвистика. — 2024. — № 3. — С. 325—340. — DOI: 10.21638/spbu22.2024.303.

24. Шхумишхова А. Р. Образ современной женщины в рекламных медиатекстах (на материале гляцевых журналов) / А. Р. Шхумишхова, А. А. Калашаова // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2017. — № 4 (207). — С. 139—143.

25. Якубенко Н. К. Динамика журнальной периодики России / Н. К. Якубенко // СМИ в современном мире. Петербургские чтения: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет Факультет журналистики, 2004. — С. 381—382.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025,
одобрена после рецензирования 08.06.2025,
подготовлена к публикации 19.06.2025.

References

- Bakalova, E. V. (2023). Switching codes in the discourse of glossy magazines: the relationship between structure and pragmatics. *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 2: 62—68. DOI: 10.14529/ling230209. (In Russ.).
- Bakhaeva, L. M. (2018). The construction of gender-marked units in the nominative system of language in the discourse of glossy magazines (based on the material of the Russian language). *Humanities and Social Sciences*, 6: 108—114. DOI: 10.18522/2070-1403-2018-71-6-108-114. (In Russ.).
- Boby, I. V. (2011). Pragmalinguistic aspects of speech communication: the addressee's factor. In: *Pragmatic aspects of linguistics: collection of articles*. Moscow: International. independent. ecol.- a political scientist. Univ. 5—18. (In Russ.).
- Dzaraeva, N. A., Borozdina, A. M. (2018). Implementation of communicative strategies and tactics in advertising discourse. *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*, 14: 29—35. (In Russ.).
- Gogoleva, E. N. (2024). Reproduction of the socio-status system of Russian society in the discourse of glossy magazines: a sociological analysis. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 77: 204—214. DOI: 10.17223/1998863X/77/17. (In Russ.).
- Greimas, A. J., Courte, J. (1983). Semiotics. Explanatory dictionary of language theory. In: *Semiotics*. Moscow: Raduga Publ. 483—550. (In Russ.).
- Iskhakova, O. S. (2017). Fashion discourse vs glossy fashion magazine discourse. *European Science*, 3 (25): 28—30. (In Russ.).
- Kazydub, N. N., Klammer, I. E. (2023). Axiological parameterization as a way of constructing an image of the future in the discourse of glossy magazines. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 4: 36—41. DOI: 10.51955/23121327_2023_4_116. (In Russ.).
- Kiuru, K. V., Isakova, V. A. (2019). Glossy fashion magazine in the post-Lux era: discursive transformations. *The sign: a problematic field of media education*, 4 (34): 122—126. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10413. (In Russ.).
- Krotova, M. A. (2011). Communicative and pragmatic strategies for presenting an advertising image in the discourse of magazine advertising. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1: 159—163. (In Russ.).

- Lastovetskaya, M. A. (2005). The main directions in the study of advertising text (review). *Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 6, Linguistics: An Abstract journal*, 3: 192—206. (In Russ.).
- Lazeeva, N. V., Prokhorova, L. P. (2019). The advertising aspect of the speech genre “Correspondence with the reader” in the discourse of glossy magazines. *Bulletin of ChelSU*, 4 (426): 130—136. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10417. (In Russ.).
- Lollo, A. R. (2011). The discourse of a glossy magazine: sociocommunicative aspects. *Economic sociology*, 4: 73—92. (In Russ.).
- Mayevskaya, A. Y. (2015). *Glossy magazine in the context of globalization of mass media (Russian practice)*. PhD Diss. St. Petersburg. 218 p. (In Russ.).
- Ovsyannikova, E. K., Nasonova, M. V., Ovsyannikova, L. V. (2015). The problem of the formation of gender stereotypes in the discourse of glossy magazines: a sociological aspect. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 8: 91—94. (In Russ.).
- Polonsky, A. V., Samotuga, E. A. (2010). Key features of the discourse of glossy magazines. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*, 18 (89): 227—235. (In Russ.).
- Rassadina, T. A., Ageeva, A. A. (2012). Dynamics of the image of a modern woman: discourses of a glossy magazine and public opinion. *News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*, 3 (23): 91—102. (In Russ.).
- Savvin, A. S. (2010). “Glossy” advertising as a marketing tool. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1: 182—187. (In Russ.).
- Shkhumishkhova, A. R., Kalashova, A. A. (2017). The image of a modern woman in advertising media texts (based on the material of glossy magazines). *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism*, 4 (207): 139—143. (In Russ.).
- Smeyukha, V. V. (2008). Modern trends in the development of women’s magazines. *Scientific thought of the Caucasus*, 3 (55): 137—143. (In Russ.).
- Strizhkova, O. V. (2012). Comparative analysis of the implementation of communication strategies in English- and Russian-language advertising of fermented dairy products. *Intelligence. Innovation. Investment*, 2: 46—50. (In Russ.).
- Tikhomirova, L. S., Chernousova, A. S. (2024). Types of communicative strategies and tactics in real estate advertising (based on Perm Internet sites). *Media linguistics*, 3: 325—340. DOI: 10.21638/spbu22.2024.303. (In Russ.).
- Wang Zhuo. (2017). A Strategic approach to Advertising text research. *Issues of science and education*, 3 (4): 64—71. (In Russ.).
- Yakubenko, N. K. (2004). Dynamics of journal periodicals in Russia. In: *The media in the modern world. Petersburg readings: Mat-ly mezhvuz. Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Journalism. 381—382. (In Russ.).
- Zinovieva, E. S. (2016). Discourse of Russian-language glossy magazines as an object studies of media linguistics. *Bulletin of Cherepovets State University*, 4 (73): 88—92. (In Russ.).

*The article was submitted 17.03.2025;
approved after reviewing 08.06.2025;
accepted for publication 19.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Третьякова О. В. Мультимедийная журналистика в системе правового просвещения / О. В. Третьякова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 224—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-224-242.

Tretyakova, O. V. (2025). Multimedia Journalism in Legal Education System. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 224-242. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-224-242. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мультимедийная журналистика в системе правового просвещения

Третьякова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0002-9431-6756
доктор политических наук, доцент,
кафедра теории журналистики
и массовых коммуникаций
o.tretyakova@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Multimedia Journalism in Legal Education System

Olga V. Tretyakova
orcid.org/0000-0002-9431-6756
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor,
Department of Theory of Journalism
and Mass Communications
o.tretyakova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются мультимедийные средства правовой журналистики, играющей важную роль в системе правового просвещения. Исследование основано на концепции мультимедиа как среды, которая объединяет самостоятельные формы визуальной информации: фотографии, рисунки, инфографику, видеоролики, анимацию и др. Новизна исследования видится в изучении форм, назначения и эффективности мультимедийного контента в произведениях правовой журналистики. Цель исследования — выявить использование мультимедийных средств в материалах российских онлайн-СМИ на темы права. Материалом для исследования послужили веб-сайты и спецпроекты российских изданий, рассмотренные с точки зрения визуализации и мультимедийности, а также результаты опроса потребителей массовой информации. Автор приходит к выводу о том, что в публикациях на темы права используется ограниченный набор мультимедийных элементов: фотографии, гиперссылки, инфографика. В просветительских спецпроектах редакции массмедиа активно используют видео, интерактивную инфографику, тесты, викторины, которые могли бы применяться и для популяризации правовых знаний, однако мультимедийные проекты на правовые темы редко появляются в российском медиaproстранстве. Результаты опроса также позволяют сделать вывод о том, что говорить о значительном вкладе мультимедийной журналистики в правовое просвещение преждевременно.

Ключевые слова:

правовое просвещение; правовая журналистика; онлайн-СМИ; мультимедиа; спецпроекты; опрос.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the multimedia tools of legal journalism, which play a crucial role in the legal education system. The research is grounded in the concept of multimedia as a medium that integrates various forms of visual information, including photographs, illustrations, infographics, videos, animations, and more. The novelty of this research lies in its examination of the forms, purposes, and effectiveness of multimedia content within legal journalism. The objective of the study is to identify the use of multimedia tools in the content produced by Russian online media outlets on legal topics. The materials for this research include websites and special projects from Russian publications, analyzed from the perspective of visualization and multimedia integration, as well as the results of a media consumption survey. The author concludes that a limited range of multimedia elements — such as photographs, hyperlinks, and infographics — are utilized in publications addressing legal issues. In educational special projects, media outlets actively employ videos, interactive infographics, quizzes, and tests that could also be used to promote legal knowledge; however, multimedia projects on legal topics are rarely found in the Russian media landscape. The survey results further indicate that it is premature to assert a significant contribution of multimedia journalism to legal education.

Key words:

legal education; legal journalism; online media; multimedia; special projects; survey.

УДК 659.13+659.132.212::34

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-224-242

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Мультимедийная журналистика в системе правового просвещения

© Третьякова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

В октябре 2024 года Совет глав государств СНГ принял решение объявить 2027 год Годом правового просвещения с целью повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан [2027 год объявлен..., 2024]. Об актуальности проблемы свидетельствует и значительное количество научных работ, исследующих механизмы правового просвещения, правового воспитания, правовой пропаганды, а также роли в этих процессах средств массовой информации и коммуникации. Просветительская функция журналистики сложилась в России с появлением периодики: издатели, редакторы и журналисты всегда считали просвещение граждан одной из своих основных задач.

Традиционное восприятие журналиста как дилетанта, обладающего поверхностными знаниями по множеству тем и не углубляющегося ни в одну из них, меняется. В современной журналистике все больше ценится предметно-тематическая специализация в определенной сфере жизни общества, в том числе правовой. Правовая журналистика охватывает, в частности, популярные у массовой аудитории новости о преступлениях и происшествиях, анализ работы правоохранительных органов, публикации и передачи о судебных делах, интервью с юристами, ответы на вопросы читателей. Распространяя сведения о правовых событиях, средства массовой информации помогают аудитории достичь определенного уровня правовой информированности; создавая публицистические произведения о правовых проблемах, об участниках и о событиях правовой жизни общества, — просвещают, искореняют правовой нигилизм и развивают массовое правосознание и правовую культуру общества. Исследователи считают просветительскую функцию основной функцией правовой журналистики [Березина, 2015; Герасимова и др., 2017; Мартынкина, 2011].

Медиатизация правовой жизни общества привела к определенной зависимости правовой культуры от того, насколько полно, достоверно и корректно массмедиа отражают и интерпретируют события правовой

действительности. Среди факторов дисфункционального воздействия массовой информации на правосознание (когда СМИ из агента правовой социализации превращаются в контрагента) можно отметить недостаточную правовую грамотность журналистов, распространение недостоверной информации, тиражирование насилия и жестокости, что сейчас принято называть *шокейнментом* или *трэш-контентом*.

Цифровизация медиа повлекла за собой трансформацию журналистских текстов, которые под влиянием информационных технологий становятся не просто статьями, а мультимедийными проектами. Отличительной чертой таких произведений становится визуализация контента. Эта новая тенденция в развитии правовой журналистики актуализирует изучение роли мультимедийного контента в произведениях СМИ, направленных на правовое просвещение потребителей информационного продукта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Содержание понятий «правовое просвещение», «правовое информирование», «правовое воспитание», «правовая пропаганда», «правовая социализация» достаточно хорошо изучено наукой, в том числе авторами крупных монографических исследований, изданных в последние годы [Певцова, Соколов, 2019; Медиафера как пространство..., 2023; Керимов, 2022]. Следует отметить, что в указанных трудах исследуется также медиафера с точки зрения ее образовательного потенциала, в том числе распространения правовой информации; рассматривается проблема медиатрансформации правовой культуры личности в условиях цифровизации и глобализации.

Е. А. Певцова и Н. Я. Соколов включают в правовое просвещение такие формы, как правовое обучение, правовая пропаганда, правовое воспитание [Певцова и др., 2019]; другие исследователи, наоборот, считают правовое просвещение частью правового воспитания [Стреляева, 2006]. Можно ли поставить знак равенства между правовым просвещением и правовой пропагандой, между правовым воспитанием и правовой социализацией? Все эти категории близки, но не тождественны. А. С. Доценко рассматривает правовое просвещение как самостоятельное направление государственной политики [Доценко, 2020]. В 2011 году президентом РФ Д. А. Медведевым была сформулирована задача борьбы с правовым нигилизмом в России и с этой целью были утверждены Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [Основы государственной политики..., 2011]. В Основях указано на большое значение распространения правовой информации в электронных и печатных средствах массовой информации, в том числе в формате постоянных рубрик и тематических передач.

С большой долей вероятности можно предположить, что в документе речь идет не о специализированных журналах, адресованных юристам, перегруженных юридической терминологией, обсуждением проблем правоприменения, цитированием законов и научных исследований, а об универсальных медиа, распространяющих адаптированную для массовой аудитории правовую информацию («криминальная хроника», судебные репортажи, журналистские расследования и т. п.). Поэтому особенно важной для исследования является еще одна категория, наиболее близкая, на наш взгляд, понятию правового просвещения, — популяризация правовых знаний. Популяризация права в СМИ в наиболее доступной для понимания адресата форме является необходимым компонентом правового просвещения, включающим в себя помимо распространения правовых знаний формирование устойчивого интереса к праву [Соловьева, 2022б]. Более того, в качестве популяризаторов права рассматриваются как юристы, так и журналисты, специализирующиеся на правовой тематике [Соловьева, 2022а, с. 205].

Темы визуализации и мультимедийного контента становятся все более популярными у исследователей средств массовой информации и коммуникации. В частности, А. В. Колесниченко уделяет особое внимание формату мультимедийного лонгрида [Колесниченко, 2022], Е. Н. Прохорова рассматривает понятие мультимедийного проекта и тенденции его развития [Прохорова, 2023]. Более детально мультимедийные проекты изучены Д. Г. Качановым, работы которого посвящены трансформации нарратива в мультимедийных проектах [Качанов, 2019; Качанов, 2021]. С. С. Распопова и С. И. Симакова, Ю. В. Ткаченко, исследуя визуальные элементы в СМИ, рассматривают визуализацию информации как медиатренд современности [Распопова и др., 2021; Симакова, 2017; Ткаченко, 2022]. Тема новых медиа, уже достаточно разработанная, приобретает новый аспект, связанный с мультимедийностью [Головин и др., 2020; Иовва, 2020]. Исследователи рассматривают также проблемы трансформации просветительской журналистики в новых медиа [Чутчева и др., 2021].

Аналогичные актуальные вопросы изучают иностранные исследователи. А. Туфа и Э. Села рассматривают более двадцати трактовок понятия «мультимедиа» и три основных подхода: с точки зрения компьютерных наук, педагогических наук, а также коммуникационных технологий и теории коммуникации [Tufa et al., 2023]. Согласно последнему подходу, мультимедиа предполагает такое распространение новостей, при котором используют сразу несколько каналов передачи информации. Среди возможных каналов распространения М. Дозе выделял веб-сайт, мобильные медиа, печатные издания (газеты и журналы), радиовещание, телевидение,

email-рассылка, SMS, MMS [Deuze, 2004]. В данном исследовании мы исходим из иной концепции, согласно которой мультимедиа трактуется как среда, объединяющая самостоятельные средства визуализации контента: текст, инфографику, видео, аудио, анимацию [Costello, 2023].

Цель исследования — выявить использование мультимедийных средств в материалах российских онлайн-СМИ, направленных на правовое просвещение потребителей информации. Материалом для исследования послужили тексты и спецпроекты изданий «РИА Новости», «Московский комсомолец», «Известия», «Коммерсантъ», «Такие дела», «Если быть точным», которые анализировались с точки зрения визуализации и мультимедийности. Материалы отбирались из электронных архивов изданий по ключевым словам «право», «закон» и «суд». Временные рамки исследования ограничены периодом с января по декабрь 2024 года. С целью проверки гипотезы исследования о том, что использование мультимедийных инструментов в правовой журналистике может способствовать правовому просвещению, в январе-феврале 2025 года был проведен пилотажный массовый опрос потребителей массовой информации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мультимедийные формы представления правовой информации в онлайн-СМИ

Информационные технологии настолько ускорили процесс доставки новостей до аудитории, что однообразные по структуре короткие новостные материалы не успевают завладеть вниманием адресата, уставшего от лавинообразного потока информации. Поэтому в современных СМИ в противовес «быстрой» новостной журналистике (fast-food journalism) развивается направление «медленной» объяснительной журналистики (slow journalism) для размеренного и вдумчивого чтения. С помощью такого формата можно более полно реализовать просветительскую функцию журналистики в целом и правовой журналистики в частности. Захватывающее, психологичное, с элементами детектива журналистское произведение, содержащее подробный рассказ о реальном правовом конфликте, может оказать воздействие и на когнитивный компонент (дать информацию о правовом событии), и на эмоциональный компонент правосознания читателей (формирование отношения к праву).

Для удержания внимания аудитории объемный текст требует визуализации — дополнения иллюстративными и мультимедийными элементами. К тексту добавляются рисунки, фотографии, инфографика, гиперссылки и видеотрекеры. Так создается самый распространенный мультимедийный формат — лонгрид: продуманное расположение мультимедийных эле-

ментов, которые необходимо просматривать вместе с текстом. Визуальные элементы упрощают понимание сложных материалов, делая их более привлекательными для аудитории. Для правовой журналистики это особенно важно, поскольку правовые темы часто содержат сложные термины, отсылки к правовым актам и юридическим нюансам, которые сложно воспринимать без наглядности. Визуальный контент легко запоминается и формирует отношение к поведению действующих лиц криминальной или судебной истории. Кроме этого, элементы визуализации могут выступать в качестве документального свидетельства, подтверждающего достоверность информации.

Исследователи считают, что в российской интернет-среде для лонгридов в основном характерна мономедийность: сопровождение текста только иллюстрациями [Колесниченко, 2022, с. 3]. И результаты анализа онлайн-СМИ это подтверждают. Публикации о расследовании преступлений, о судебных процессах и приговорах, как правило, сопровождаются только фотографиями. Но часто это стоковые и другие универсальные изображения. Например, в «Коммерсанте» и в «Московском комсомольце» часто используются фотографии колючей проволоки и абстрактное изображение судебного молотка. Такие иллюстрации лишь указывают на правовую или судебную проблематику текста. В материалах «Известий» встречаются изображения зданий судов или прокуратуры, статуи Фемиды, папок томов уголовного дела, которые также являются визуальным фоном. Хотя иногда использование такого изображения может быть оправданным: например, новостная заметка «Наркоторговец в Сочи украл том уголовного дела в попытке избежать наказания» («Известия» от 25 ноября 2024 года) сопровождается фотографией стопки томов дела на столе. Фотоиллюстрация содержит информацию о том, как выглядит том уголовного дела, и может заинтересовать читателя: как удалось фигуранту дела найти, спрятать и вынести такой объемный документ.

«Известия» регулярно публикуют фотографии, более эффективно воздействующие на эмоциональный компонент правосознания читателей, — репортажные снимки из зала суда. Например, в заголовочный комплекс публикации «Суд продлил арест еще четырем фигурантам дела о теракте в “Крокус”» (от 20 ноября 2024 года) входит фотография фигурантов на скамье подсудимых, которая детально передает выражения лиц изображаемых, их мимику и позы (склоненные головы, сжатые руки). Такие снимки не нуждаются в словесных пояснениях и становятся самостоятельной частью информационного сообщения, передавая эмоциональные состояния участников и ключевые моменты судебных заседаний. Изображение представителя обвинения или защиты, выражение лица потерпевшего или

судьи — фотографии могут стать важным элементом эмоциональной медиарепрезентации судебного процесса.

Судебные очерки, зарисовки, эссе Е. Меркачевой в «Московском комсомольце» часто сопровождаются портретными фотоснимками. Очерковая группа публицистических жанров журналистики человекоцентрична: на первый план выходит, как правило, житейская история отдельного человека, через которую передается его индивидуальный опыт или решается общая проблема. Интригующая судебная история была бы еще более увлекательной, если бы в ней использовались не только фотографии, но и видео, таймлайн, интерактивные карты и другие мультимедийные средства.

В произведениях аналитических жанров эффективным способом донесения до аудитории важной правовой информации является инфографика. В лонгридах, исследующих проблемные ситуации в сфере права, часто используются документы, отчеты, статистика — объективные данные, которые визуализируются в таблицах, схемах, графиках, диаграммах и гистограммах. Инфографика выступает смыслообразующим элементом в публикации «“Им абсолютно не страшна смерть”». Почему казни не делают общество безопаснее» («Такие дела» от 8 апреля 2024 года). Опираясь на объективные данные (статистику преступлений), социологические исследования и мнения экспертов, журналисты выясняли, влияет ли применение смертной казни на снижение уровня преступности. Здесь используется интерактивная инфографика: при наведении курсора на столбцы гистограмм появляются дополнительные подписи или становятся бледными другие элементы, и это значительно упрощает восприятие визуальных данных.

Примерно такая же структура у исследовательских материалов издания «Если быть точным». В публикации «В пять раз выросло число приговоренных к принудительным работам за последний год» (от 8 августа 2024 года) журналисты объясняют, почему в России растет число приговоренных к этой мере наказания, чем принудительные работы отличаются от исправительных и обязательных работ, показывают уменьшение рецидива после принудительных работ и т. п. И все это наглядно представлено на разноцветных графиках. Исследование «Шансы получить оправдательный приговор в России — 0,15 %. Исключений всего три: дела против силовиков, суды присяжных и частное обвинение» (от 24 мая 2023 года) содержит одно сгенерированное нейросетями изображение и восемь разнообразных графиков. Графический материал показывает динамику вынесения российскими судами оправдательных приговоров, сравнение с оправдательными вердиктами присяжных и с решениями по делам частного обвинения, долю оправдательных приговоров в отношении представителей определенных категорий служащих и др. «В России самый высокий в Европе

уровень убийств — как в Англии в XVII веке. Но назвать точное число погибших почти невозможно, а статистика очень запутанная» (от 16 мая 2024 года), «Число тяжких преступлений в России достигло рекордных значений за 12 лет — но это не связано с ростом насилия. Главное о преступности в 2023 году» (от 12 сентября 2024 года) и т. п. — около двух десятков материалов, размещенных в разделе «Преступность в России», позволяют судить прежде всего об уровне безопасности жизни в разных регионах, а также разъясняют нормы Уголовного кодекса. И в каждом из них повествование строится вокруг данных, отображенных на графиках, диаграммах, схемах и картографии, в результате большие объемы цифровой информации подаются просто и доступно.

Видеоконтент, в отличие от текста или статичных фотоиллюстраций, увеличивает уровень погружения в материал, позволяя зрителям «присутствовать» на месте событий. При освещении судебных разбирательств нюансы невербальной коммуникации (позы, мимика, жесты) могут иметь существенное значение для понимания происходящего. В правовой онлайн-журналистике видеофрагменты используются реже, чем инфографика и тем более фотографии. При этом журналисты часто используют не собственный видеоконтент, а заимствованный. Это объясняется развитием пользовательского контента и любительской съемки. Очевидцы снимают на видео место происшествия, участников, сотрудников полиции, а журналисты используют эти кадры или берут видеозаписи камер наблюдения, а также видеоролики из телеграм-каналов пресс-служб правоохранительных органов и судов. На сайте «Известий» видеофрагментами сопровождаются как аналитические корреспонденции, так и короткие новостные заметки. Активное использование видеоформата во многом объясняется тем, что «Известия» — конвергентное СМИ, которое распространяет контент в формате печатной газеты, новостного сайта и телеканала. Фрагменты новостных сюжетов для телевидения могут использоваться в качестве мультимедийного дополнения к публикациям на сайте. Так появляется журналистское произведение с мультимедийными элементами, которое еще нельзя считать полноценным мультимедийным проектом, потому что видеоролики обособлены от текста. Например, в текст «Подземный уход: дело о смертельной экскурсии по Неглинке дошло до суда» (от 14 ноября 2024 года) вставлено видео с советами о том, как распознать экскурсовода-мошенника. Видеоролик не является незаменимым элементом журналистской истории, его просмотр опционален. Здесь прослеживается аналогия с гиперссылками, которые вставляются в тексты онлайн-СМИ и по которым пользователь может заходить на сайты с текстами закона или с другими публикациями на ту же тему.

Исследование показало, что влияние цифровых технологий на содержание правовой журналистики в онлайн-изданиях незначительно: используются лишь фотографии, инфографика, гиперссылки и реже — видеосюжеты.

3.2. Спецпроекты федеральных массмедиа

Произведения мультимедийной журналистики, в которых помимо статичных иллюстраций используются и другие дополнительные средства (традиционные видео и аудио, а также новые — анимация, интерактив, игры), обозначаются понятием «мультимедийный проект». Роль визуализации в таких проектах становится первостепенной, а использование кроссвордов, тестов и викторин может повысить познавательное, просветительское значение проекта, в том числе на темы права. Интерактивная инфографика, таймлайн, тесты, викторины активно используются на порталах Наука-ТАСС, ПостНаука и Arzamas, популяризирующих научные знания. Представляется, что подобные элементы могут эффективно использоваться и в проектах, направленных на популяризацию правовых знаний, однако мультимедийные проекты на правовые темы пока еще редко появляются в российском медиапространстве.

В большинстве СМИ мультимедийные проекты располагаются в отдельной рубрике или на отдельной странице издания. В разделах «Спецпроекты» некоторых онлайн-изданий размещаются исключительно рекламные (партнерские) публикации, не имеющие отношения к журналистике. Но такие издания и информационные агентства, как «Российская газета», «Коммерсантъ», «Известия», «Аргументы и Факты», «Такие дела», ТАСС, «РИА Новости», регулярно выпускают редакционные мультимедийные проекты на исторические и экономические темы, на темы образования, культуры и искусства, не теряющие своей актуальности со временем.

В 2024 году издательский дом «Коммерсантъ» запустил проект о смертной казни «Жизнь как право», который продолжает дополняться. Обсуждение применения смертной казни регулярно актуализируется в российском обществе, неслучайно проект был опубликован спустя три месяца после теракта в «Крокус Сити Холле», который и вызвал новую волну полемики и поляризацию мнений о необходимости отмены моратория. В проекте акцентируется не только исторический, но и правовой аспект проблемы, рассказываются истории приговоренных к казни, которыми делятся их родственники, прослеживается перемена отношения общества к этой мере наказания. Цель проекта — повлиять на правосознание населения и укрепить значение жизни человека как права и ценности, сформировать представление о справедливости и необходимости моратория на смертную казнь. Иначе говоря, через личные истории, исторический опыт общества

у аудитории формируются правовые ценности и установки, которые могут быть актуальны и сегодня.

Проект «Жизнь как право» содержит множество архивных фото исторических личностей, номеров газет, циркуляров, докладных, манифестов и других документов; видеохронику известных судебных процессов первой половины XX века, видеофрагменты с комментариями экспертов и интервью родственников казненных; фоновое аудиосопровождение; инфографику. Эффект погружения в прошлую эпоху создается тем, что видеохроника запускается автоматически и разворачивается на весь экран, что делает зрителя участником истории.

В мультимедийном лонгриде «Известий» «Темные углы» на криминальную конспирологическую тему о сатанинских организациях рассказывается о процессе задержания подозреваемых, прикладываются фотографии из материалов дела, цитируется Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», приводится комментарий судебного эксперта-религиоведа. Проект представляет собой одну из наиболее простых форм лонгрида, в котором текстовые элементы чередуются с фотографиями, в том числе полноэкранными, создающими соответствующую теме атмосферу: красно-черный фон, символика, свечи и т. п. Для облегчения навигации создано меню с подзаголовками материала. В спецпроекте «Вместо силы» рассказывается о том, как в нашу страну нелегально попадают опасные для жизни препараты — анаболики. Преобладающее место в материале занимают фотографии, однако в текст также интегрированы двухминутные видео с комментариями экспертов и спортсменов о последствиях употребления этих препаратов. Чрезвычайно полезна с точки зрения правового просвещения информация, которая размещена в спецпроекте «Невидимая угроза». Этот спецпроект «Известий» с помощью текста и сгенерированных изображений рассказывает о том, какие угрозы могут ждать в Интернете детей (заманивание в виртуальные преступные сообщества, кибербуллинг, шантаж) и пожилых людей (обман, мошенничество, утрата сбережений).

Реализации просветительской функции способствует погружение в создаваемую журналистом виртуальную реальность, передаваемую пользователю через его ощущения: зрение, слух, осязание. Несмотря на то, что иммерсивная журналистика (журналистика погружения) пока не может стать массовой из-за отсутствия у большинства населения необходимого оборудования, такие проекты есть на сайте «РИА Новости». На создание одного VR-проекта авторам «Ria.lab: виртуальная и дополненная реальность» требуется один-три месяца, поэтому такие материалы обычно готовят к конкретным датам [Сидунова, 2020, с. 54], и создатели отдают

предпочтение не актуальным событиям, а историческим темам с образовательным уклоном. Например, в VR–детективе «Нюрнберг. VRдикт народов» рассказывается о преступлениях лидеров Третьего рейха против человечности на материалах военного трибунала в Нюрнберге после окончания Второй мировой войны. Зрителю предлагается переместиться в пространстве и времени, погрузиться в историю и стать ее участником, провести свое расследование, найти реальные улики преступлений и вынести собственный приговор.

Таким образом, мультимедийные проекты можно считать одним из форматов медленной журналистики, которая соответствует потребности человека в знаниях, понимании, анализе и, соответственно, в неторопливом чтении с погружением в тематику и атмосферу журналистского произведения. Нечастое появление мультимедийных проектов на темы права можно объяснить их трудоемкостью, сложностью документальной основы, большими затратами времени и необходимостью привлечения специалистов из разных областей: журналистов, юристов, фотографов, операторов, веб-дизайнеров.

3.3. Правовое просвещение vs правотейнмент

В советский период система правового просвещения населения включала в себя распространение правовых знаний органами юстиции и прокуратуры, даже судьи были обязаны читать лекции в трудовых коллективах и выступать в прессе с заметками о поучительных уголовных и гражданских делах. Лекции общества «Знание», диспуты на темы права и морали, выездные судебные заседания на производстве или в Домах культуры при большом скоплении народа должны были воспитывать у граждан уважение к закону [Горбачева и др., 2016, с. 172]. В 1971 году было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению правового воспитания трудящихся» [Об идеологической работе..., 1977], которое подчеркнуло повышенное внимание государства к популяризации права через прессу. Трудно было представить печатное издание, в котором не было бы публикаций на правовые темы. При редакциях газет имелись внештатные юридические консультации, и бывшие прокуроры и судьи помогали читателям в разрешении правовых конфликтов, давали советы журналистам, вели правовую пропаганду.

Сегодня едва ли не основной медиаплощадкой для популяризации правовых знаний становится Интернет, а правовое просвещение заставляет говорить о праве в жанре «просто о сложном». Новые форматы меняют нарративную структуру медиатекстов, и целью мультимедийных произведений становится подготовка занимательного информирования аудитории через визуализацию контента, с помощью которой можно «апеллировать

к чувствам и эмоциям аудитории» [Распопова и др., 2021, с. 378]. Меняются и приоритеты в предназначении материалов: функции информирования, ориентирования, просвещения, преобладающие в традиционных СМИ, в новых медиа уступают место развлекательности. Эту функцию называют *рекреативной, развлекательной, гедонистической, функцией снятия напряжения, психологической разрядки* и т. п. Называя исследуемую функцию *гедонистической*, С. Г. Корконосенко полагает, что ее содержание намного богаче, чем бездумное развлечение, к которому ее зачастую сводят. Он считает, что «на самом деле удовольствие могут доставлять и весьма трудоемкие и для журналиста, и для читателя операции» [Корконосенко, 2009, с. 219]. Поэтому по аналогии с уже прижившимся в журналистике термином *инфотейнмент* (от англ. *information* и *entertainment* — «информируя, развлекай»), когда журналист дополняет материалы на «серьезные» и даже «скучные» темы занимательными деталями, для текстов и сюжетов на правовые темы можно предложить формат *правотейнмент* или *эдьютейнмент* (от англ. *education* и *entertainment* — «обучая, развлекай»).

В правовой журналистике мультимедийность содержит большой потенциал для создания захватывающе интересных, увлекательных произведений о преступлениях и наказаниях. Увеличение количества фотографий, рисунков, видео, инфографики и т. п. может положительно сказаться на привлекательности материала, многократно повысить его выразительность, доходчивость и интерес к теме публикации, что особенно важно для правового просвещения потребителей информации [Третьякова, 2022, с. 124—125].

Данный тезис подтверждается результатами пилотажного массового опроса потребителей массовой информации об использовании мультимедийных инструментов в произведениях правовой журналистики. Опрос проводился с помощью анкетирования методом снежного кома, в нем приняло участие 156 респондентов от 18 до 48 лет, из них 45 процентов — с высшим образованием, 22 процента — со средним специальным образованием, остальные — студенты.

На вопрос «Откуда вы получаете правовые знания» 72 % процента респондентов ответили — из Интернета, 23 % — из телепередач, 5 % — из справочной литературы. Примечательно, что среди востребованных каналов правового информирования не оказалось ни печатных СМИ, ни радио, ни обучающих лекций. Из интернет-ресурсов на первом месте у опрошенных оказалась информационная система «КонсультантПлюс» (35 %). Онлайн-версии печатных изданий и сайты телерадиокомпаний (33 % и 13 % соответственно) опередили правовые порталы РАПСИ (8 %) и ПРАВО. Ру (7 %). Из онлайн-СМИ наибольшей популярностью пользуются сайты

«Российской газеты», РИА Новости, «Известий», «РБК daily», «Коммерсанта» и «Московского комсомольца». Только 24 % респондентов ответили, что не испытывают сложностей при понимании правовой информации, остальные признали, что часто (21 %) или иногда (55 %) воспринимают такую информацию с трудом. На вопрос о дополнительных мультимедийных элементах в произведениях журналистов на криминальные, судебные и правовые темы опрошенные ответили, что тексты без фотографий не вызывают интереса (87 %), инфографика очень полезна и помогает разобраться в проблеме (44 %), также важны гиперссылки на законодательство (13 %) и на предыдущие публикации на ту же тему (25 %). Любые тексты могли бы стать более интересными и понятными, если бы они сопровождались видеосюжетами, анимацией, интерактивностью, комиксами или карикатурами, но эти элементы встречали на сайтах изданий лишь 6 % респондентов.

Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что потребителям массовой информации сложно представить медийный контент без визуального сопровождения, но тексты правовой журналистики на веб-сайтах периодических изданий чаще всего дополняются только фотографиями, инфографикой и гиперссылками, остальные мультимедийные форматы практически не используются. Поэтому о значительном вкладе веб-сайтов федеральных изданий в правовое просвещение говорить преждевременно.

4. Заключение = Conclusions

Современная коммуникация радикально отличается от той, которая была характерна для советского и начала постсоветского периодов истории России. Исследователи считают, что визуализация новостей позволяет современному человеку в условиях «информационного шума» воспринимать информацию «быстро и бегло, наглядно, без излишнего интеллектуального напряжения, что во многом защищает психику человека от стрессов» [Распопова и др., 2021, с. 370]. Рекреативная, развлекательная функция журналистики доминирует над функциями информирования, ориентирования и просвещения. И в то же время визуализация контента, наглядность информации создает у адресата эффект присутствия, способствует его включению в происходящее. Так, визуальные, мультимедийные элементы превратились из дополнительных, вторичных источников информации в первостепенные компоненты контента.

Результаты исследования показали, что в материалах правовой журналистики чаще других мультимедийных элементов можно увидеть фотографии (репортажные, портретные, тематические), рисунки (в основном сгенерированные нейросетью), гиперссылки, инфографику и видеофрагменты,

которые часто не интегрируются в текст и не создают единого нарратива. Следует отметить, что эти мультимедийные средства являются самыми распространенными и в новых медиа в целом. Лонгрид как формат правовой публикации используется редко, журналисты отечественных СМИ предпочитают создавать мультимедийные проекты с историческим или развлекательным уклоном. С точки зрения мультимедийности проблемами правовой журналистики в онлайн-среде являются преобладание неоригинальных изображений (в том числе стоковых, которые не выполняют функции информирования), использование не интегрированного в текст заимствованного видеоконтента, низкая степень интерактивности в мультимедийных проектах.

Новые медиа могут полноценно реализовывать правотейнмент в рамках концепции медленной журналистики, используя сочетание текста и мультимедийных и интерактивных форматов, то есть создавая лонгриды, мультимедийные проекты или иммерсивные произведения. Это требует от журналистов готовности к постоянному обучению и адаптации к меняющимся медийным реалиям. В условиях, когда визуальный контент становится равноправным элементом информационного сообщения, сотрудникам СМИ необходимо научиться использовать его для более эффективной популяризации правовых знаний, а именно — для создания в цифровой среде привлекающих внимание мультимедийных форматов, с помощью которых можно рассказывать интересные и поучительные истории, дающие правовые знания и воспитывающие уважение к закону.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. 2027 год объявлен в Содружестве Независимых Государств Годом правового просвещения [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. — 2024. — 8 окт. — Режим доступа: <https://e-cis.info/news/564/121743/> (дата обращения 20.03.2025).
2. Березина Е. А. Правовая журналистика в системе средств массовой информации современной России (на материале газет «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «РБК daily», «Российская бизнес-газета»): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Е. А. Березина. — Москва, 2015. — 30 с.
3. Герасимова Н. Д. Роль средств массовой информации в правовом воспитании личности [Электронное издание] / Н. Д. Герасимова, Е. В. Зевайкина // Контентус. — 2017. — № 11 (64). — Режим доступа: <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2017/11/Герасимова-Зевайкина.pdf> (дата обращения 20.03.2025).
4. Головин Ю. А. Особенности функционирования новых медиа в условиях конвергенции / Ю. А. Головин, О. Е. Коханая // MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: V Междунар. науч. конференция, Челябинск, 24—25 ноября 2020 г.: Материалы / Под ред. А. А. Морозовой. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2020. — С. 300—305.

5. Горбачёва Е. В. Мировой опыт распространения правовых знаний / Автор-сост. Е. В. Горбачёва ; под ред. А. В. Федичева. — Москва: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. — 196 с. — ISBN 978-5-901167-43-4.
6. Доценко А. С. О понятии правового просвещения / А. С. Доценко // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1 (110). — С. 179—189. — DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.110.1.179-188>.
7. Иовва Н. И. Новые медиа: понятие и особенности / Н. И. Иовва // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы: Сб. материалов Всероссийской науч.-практич. конференции с междунар. участием / Сост. О. Ф. Автохутдинова. — Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2020. — С. 65—68. — ISBN 978-5-7996-3080-5.
8. Качанов Д. Г. Нарратив в мультимедийных журналистских проектах: от вербальной к поликодовой технике / Д. Г. Качанов // Меди@льманах. — 2019. — № 1. — С. 59—69. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.5969.
9. Качанов Д. Г. Трансформация нарративных приемов в мультимедийных журналистских проектах: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.10 / Д. Г. Качанов. — Москва, 2021. — 221 с.
10. Керимов А. А. Проблемы правовой культуры в современной России / А. А. Керимов // Koipon. — 2022. — Т. 3. — № 3—4. — С. 98—106. — DOI: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.034.
11. Колесниченко А. В. Типология мультимедийных лонгридов / А. В. Колесниченко // Вестник Московского университета. — Серия 10. Журналистика. — 2022. — № 4. — С. 3—20. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.320.
12. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: Учебник для студентов вузов / С. Г. Корконосенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Аспект Пресс, 2009. — 318 с. — ISBN 978-5-7567-0410-5.
13. Мартынкина Д. Ю. СМИ как субъект и инструмент правового просвещения населения [Электронное издание] / Д. Ю. Мартынкина // Медиаскоп: Электронный научный журнал. — 2011. — № 1. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/771> (дата обращения 28.03.2025).
14. Медиасфера как пространство развития правовой культуры в современной России: Коллективная монография / Отв. ред. и сост. Н. Б. Кириллова. — Москва: Академический проект, 2023. — 275 с. — ISBN 978-5-8291-4141-7.
15. Об идеологической работе КПСС: Сб. документов. — Москва: Политиздат, 1977. — 639 с.
16. Основы государственной политики России в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. — 2011. — № 151.
17. Певцова Е. А. Правовое просвещение в России: проблемы и перспективы развития: Монография / Е. А. Певцова, Н. Я. Соколов. — Москва: Проспект, 2019. — 271 с. — ISBN 978-5-392-28815-1.
18. Прохорова Е. Н. Понятие мультимедийного проекта и тенденции его развития / Е. Н. Прохорова // Вестник РГГУ. — Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2023. — № 10. — Ч. 2. — С. 188—196. — DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-188-196.
19. Распопова С. С. От жанра к формату через визуализацию «упаковки» контента / С. С. Распопова, С. И. Симакова // Przegląd Wschodnioeuropejski. — 2021. — Т. XII. — № 2. — С. 376—378. — DOI: 10.31648/pw.6887.

20. Сидунова М. К. Точки роста иммерсивной журналистики в России / М. К. Сидунова // Медиасреда. — 2020. — № 1. — С. 53—57. — DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10112.

21. Симакова С. И. Визуальный поворот в массовых коммуникациях: коллектив. моногр. / С. И. Симакова, С. С. Распопова, Е. В. Выровцева ; под ред. С. И. Симаковой. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. — 112 с. — ISBN 978-5-7271-1472-8.

22. Соловьева Ю. О. Новые формы популяризации правовых знаний в популярно-юридическом дискурсе и его жанрах / Ю. О. Соловьева // Жанры речи. — 2022. — Т. 17. — № 3 (35). — С. 205—211. — DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-205-211.

23. Соловьева Ю. О. Популяризация правовых знаний в РФ посредством возможностей современных медиаплатформ / Ю. О. Соловьева // Диалог культур и цивилизаций: Сб. трудов III Междунар. науч.-практич. конференции (14—16 апреля 2022 г.). — Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. — С. 437—446.

24. Стрелева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / В. В. Стрелева. — Москва, 2006. — 183 с.

25. Ткаченко Ю. В. Визуализация медиаконтента: форматы и возможности / Ю. В. Ткаченко // Новые тренды журналистики и медиакommunikаций: Материалы Междунар. науч.-практич. Конференции: Сер. «Трансформация медиасреды в XXI веке: международный научно-практический медиафорум»: РГГУ. Москва, 6 апреля 2022 года. — Москва: РГГУ, 2022. — С. 37—41.

26. Третьякова О. В. Правовая журналистика в интернете: влияние на формирование массового правосознания / О. В. Третьякова // Вопросы журналистики. — 2022. — № 12. — С. 124—125. — DOI: 10.17223/26188422/12/6.

27. Чутчева А. В. Трансформация просветительской журналистики в условиях функционирования новых медиа / А. В. Чутчева, В. В. Витвинчук, М. С. Лаврищева // Меди@льманах. — 2021. — № 2 (103). — С. 14—24. — DOI: 10.30547/mediaalmah.2.2021.1424.

28. Costello V. Multimedia foundations: Core concepts for digital design / V. Costello. — New York: Routledge, 2023. — 512 p.

29. Deuze M. What is multimedia journalism? / M. Deuze // Journalism Studies. — 2004. — Vol. 5. — № 2. — Pp. 139—152. — DOI: 10.1080/1461670042000211131.

30. Tufa A. Defining multimedia journalism: A systematic literature review / A. Tufa, E. Cela // Beder Journal of Humanities. — 2023. — Vol. 18. — № 1. — Pp. 39—60.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025,
одобрена после рецензирования 08.06.2025,
подготовлена к публикации 18.06.2025.

References

- 2027 was declared the Year of Legal Education in the Commonwealth of Independent States. (2024). *CIS Internet Portal*. October 8. Available at: <https://e-cis.info/news/564/121743/> (accessed 20.03.2025). (In Russ.).
- Berezina, E. A. (2015). *Legal journalism in the mass media system of modern Russia (based on the material of the newspapers Vedomosti, Izvestia, Kommersant, RBC daily, Rossiyskaya Biznes-gazeta)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

- Chutcheva, A. V., Vitvinchuk, V. V., Lavrishcheva, M. S. (2021). Transformation of educational journalism in the context of the functioning of new media. *Copper@lmanach*, 2 (103): 14—24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2021.1424. (In Russ.).
- Costello, V. (2023). *Multimedia foundations: Core concepts for digital design*. New York: Routledge. 512 p.
- Deuze, M. (2004). What is multimedia journalism? *Journalism Studies*, 5 (2): 139—152. DOI: 10.1080/1461670042000211131.
- Dotsenko, A. S. (2020). On the concept of legal education. *Actual problems of Russian law*, 1 (110): 179—189. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.110.1.179-188>. (In Russ.).
- Fundamentals of the state policy of Russia in the field of the development of legal literacy and legal awareness of citizens (approved by the President of the Russian Federation on 28.04.2011 № Pr-1168). (2011). *Rossiyskaya Gazeta*, 151. (In Russ.).
- Gerasimova, N. D., Zevaikina, E. V. (2017). The role of mass media in the legal education of a personality. *Contentus*, 11 (64). Available at: <http://kontentus.ru/wp-content/uploads/2017/11/Герасимова-Зевайкина.pdf> (accessed 03/20/2025). (In Russ.).
- Golovin, Yu. A., Kohanaya, O. E. (2020). Features of the functioning of new media in the context of convergence. In: *Media education: media as a total everyday life: V International Scientific Conference, Chelyabinsk, November 24—25, 2020: Materials*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 300—305. (In Russ.).
- Gorbacheva, E. V. (2016). *World experience in the dissemination of legal knowledge*. Moscow: FBU NCPI under the Ministry of Justice of Russia. 196 p. ISBN 978-5-901167-43-4. (In Russ.).
- Iovva, N. I. (2020). New media: concept and features. In: *Professional culture of a journalist in the era of social and technological transformations of the media sphere: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation*. Yekaterinburg: Publishing House. The Urals. University. 65—68. ISBN 978-5-7996-3080-5. (In Russ.).
- Kachanov, D. G. (2019). Narrative in multimedia journalistic projects: from verbal to polycode techniques. *Media@lmanakh*, 1: 59—69. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.5969. (In Russ.).
- Kachanov, D. G. (2021). *Transformation of narrative techniques in multimedia journalistic projects*. PhD Diss. Moscow. 221 p. (In Russ.).
- Kerimov, A. A. (2022). Problems of legal culture in modern Russia. *Koinon*, 3 / 3—4: 98—106. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.3.4.034. (In Russ.).
- Kirillov, N. B. (ed.). (2023). *The media sphere as a space for the development of legal culture in modern Russia: A collective monograph*. Moscow: Academic Project. 275 p. ISBN 978-5-8291-4141-7. (In Russ.).
- Kolesnichenko, A. V. (2022). Typology of multimedia longrides. *Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*, 4: 3—20. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.320. (In Russ.).
- Korkonosenko, S. G. (2009). *Fundamentals of journalism: A textbook for university students*. Moscow: Aspect Press. 318 p. ISBN 978-5-7567-0410-5. (In Russ.).
- Martynkina, D. Y. (2011). Mass media as a subject and instrument of legal education of the population. *Mediascope: Electronic scientific journal*, 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/771> (accessed 28.03.2025). (In Russ.).

- On the ideological work of the CPSU: Collection of documents.* (1977). Moscow: Politizdat Publ. 639 p. (In Russ.).
- Pevtsova, E. A. (2019). *Legal education in Russia: problems and prospects of development: A monograph.* Moscow: Prospekt. 271 p. ISBN 978-5-392-28815-1. (In Russ.).
- Prokhorova, E. N. (2023). The concept of a multimedia project and its development trends. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural studies"*, 10 (2): 188—196. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-188-196. (In Russ.).
- Raspopova, S. S., Simakova, S. I. (2021). From genre to format through visualization of “packaging” of content. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, XII (2): 376—378. DOI: 10.31648/pw.6887. (In Russ.).
- Sidunova, M. K. (2020). The growth points of immersive journalism in Russia. *The media environment*, 1: 53—57. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10112. (In Russ.).
- Simakova, S. I., Raspopova, S. S., Zaitseva, E. V. (ed.). *Visual turn in mass communications: collective. Monograph.* Chelyabinsk: Publishing House of the Chelyabinsk State University. 112 p. ISBN 978-5-7271-1472-8. (In Russ.).
- Solovyova, Yu. O. (2022). New forms of popularization of legal knowledge in popular legal discourse and its genres. *Genres of speech*, 17 / 3 (35): 205—211. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-205-211. (In Russ.).
- Solovyova, Yu. O. (2022). Popularization of legal knowledge in the Russian Federation through the capabilities of modern media platforms. In: *Dialogue of Cultures and Civilizations: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (April 14—16, 2022)*. Moscow: FSBEI AT MGLU. 437—446. (In Russ.).
- Strelyaeva, V. V. (2006). *Legal education in the context of the formation of the rule of law.* PhD Diss. Moscow. 183 p. (In Russ.).
- Tkachenko, Yu. V. (2022). Visualization of media content: formats and possibilities. In: *New trends in journalism and media communications: Materials of the International Scientific and Practical Conferences: Series "Transformation of the media environment in the 21st century: international scientific and practical media Forum": RGGU. Moscow, April 6, 2022.* Moscow: RGGU. 37—41. (In Russ.).
- Tretyakova, O. V. (2022). Legal journalism on the Internet: influence on the formation of mass legal awareness. *Questions of journalism*, 12: 124—125. DOI: 10.17223/26188422/12/6. (In Russ.).
- Tufa, A., Cela, E. (2023). Defining multimedia journalism: A systematic literature review. *Beder Journal of Humanities*, 18 (1): 39—60.

*The article was submitted 01.04.2025;
approved after reviewing 08.06.2025;
accepted for publication 18.06.2025.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. FOLKLORE

.....

Валерий Анатольевич Черкасов, д-р филол. наук (Белгород)

Ван Юцзюань, аспирант (Хабаровск)

Вера Владимировна Демичева, канд. филол. наук (Белгород)

Елена Робертовна Кирдянова, канд. филол. наук (Москва)

Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Ольга Ивановна Еременко, канд. филол. наук (Белгород)

Ольга Николаевна Александрова-Осокина, д-р филол. наук (Хабаровск)

Павел Викторович Алексеев, д-р филол. наук (Новосибирск, Горно-Алтайск)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Александрова-Осокина О. Н. Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 244—261. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-244-261.

Alexandrova-Osokina, O. N., Wang Juan. (2025). Motif of Road in Stepan Shevyrev's "Journey to Kirillo-Belozersky Monastery". *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 244-261. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-244-261. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

**Александрова-Осокина
Ольга Николаевна**

orcid.org/0000-0003-2960-9920
доктор филологических наук, доцент,
профессор высшей школы
русской филологии
корреспондирующий автор
osokina-11@mail.ru

Ван Юцзюань

orcid.org/0009-0006-0818-3851
аспирант высшей школы
русской филологии
1873532752@qq.com

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Motif of Road in Stepan Shevyrev's "Journey to Kirillo- Belozersky Monastery"

Olga N. Alexandrova-Osokina

orcid.org/0000-0003-2960-9920
Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Higher School
of Russian Philology
corresponding author
osokina-11@mail.ru

Wang Juan

orcid.org/0009-0006-0818-3851
post-graduate student,
Higher School
of Russian Philology
1873532752@qq.com

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предметом исследования стал образ дороги в книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь». Обосновывается мысль о том, что дорога — это ключевой сюжетобразующий и смысловой элемент произведения. В процессе анализа были выявлены «дорожные сюжеты» в произведении и проведена их классификация, которая позволила сформировать две группы: 1) эпизоды с преобладающим изобразительным началом и 2) эпизоды, где образ дороги концептуализируется (выражает геополитические, историософские и т. д. представления писателя). Это позволило обоснованно утверждать, что образ дороги в названном произведении отражает реалии путешествия и вместе с тем связан с выражением историософских представлений писателя о судьбе России, о национальном историческом пути, о характере русского народа. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к творчеству Шевырева как ключевой фигуры в историко-литературном процессе первой половины XIX века, а также непреходящим интересом к поэтике документально-художественных жанров. Новизна работы обусловлена малой изученностью произведения и выбранным ракурсом его анализа, в результате которого были выявлены изобразительно-выразительные средства, создающие образ дороги, и прослежены механизмы концептуального обогащения образа.

Ключевые слова:

хронотоп дороги; документальное и художественное; национальный пейзаж; портрет; бытовой жанр; художественный образ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the motif of the road in S. P. Shevyrev's "Journey to the Kirillo-Be-lozersky Monastery." It is argued that the road serves as a pivotal narrative and thematic element within the work. Through a detailed analysis, "road narratives" present in the text are identified and classified into two distinct groups: (1) episodes characterized predominantly by their descriptive nature, and (2) episodes where the motif of the road is conceptualized, reflecting the author's geopolitical and historical-philosophical perspectives. This classification supports the assertion that the road motif in the aforementioned work not only mirrors the realities of travel but also encapsulates the writer's historical-philosophical views on Russia's fate, its national historical trajectory, and the character of the Russian people. The relevance of this study is underscored by the growing interest in Shevyrev's oeuvre as a key figure in the literary-historical process of the first half of the 19th century, as well as an enduring fascination with the poetics of documentary-artistic genres. The novelty of this research lies in the relative under-exploration of the work and the chosen analytical perspective, which reveals the expressive means that construct the road motif and traces the mechanisms of its conceptual enrichment.

Key words:

chronotope of the road; documentary and artistic; national landscape; portrait; everyday genre; artistic image.

Образ дороги в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

© Александрова-Осокина О. Н., Ван Юцзюань, 2025

1. Введение = Introduction

Книга Степана Петровича Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» в последние два десятилетия обратила на себя внимание исследователей: рассматривались вопросы жанровой традиции [Бознак, 2004; Жукова, 2012; Николюкин, 2019], краеведческих источников [Чистякова, 2013].

Историко-литературная проблематика предложенного исследования связана с расширением представления о литературном творчестве писателя, который был ключевой фигурой в историко-литературном процессе первой половины XIX века, и с наблюдениями над процессами концептуализации документального материала в документально-художественной литературе.

Авторы настоящей статьи ранее уже обращались к изучению рассматриваемого произведения С. П. Шевырева: в аспекте геопоэтики и этнопоэтики [Александрова-Осокина и др., 2023а; Александрова-Осокина и др., 2023б], с точки зрения ценности страноведческого (этнографического) материала [Ван Юцзюань, 2022], также анализировались некоторые особенности художественного пространства произведения, например пейзаж [Ван Юцзюань, 2024].

Новизна предпринятого исследования обусловлена тем, что вопросы идейно-художественного содержания книги Шевырева рассматриваются сквозь призму образа дороги, который отражает предметные и географические реалии и вбирает в себя символично-концептуальные представления народной картины мира, а также является жанровым, сюжетно-композиционным и ценностно-смысловым скрепляющим началом произведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Метод исследования заключался в выборке «дорожных эпизодов» из книги Шевырева, их систематизации, анализе и интерпретации.

Теоретической базой послужили работы, в которых дорога осмысливалась как значимый структурный элемент литературного произведения, отражающий реальные пространственные маршруты и вместе с тем обозначающий концептуальные, символично-философские и универсальные категории человеческой жизни и истории [Лотман, 1997; Щепанская, 2003; Меркулова, 2007; Травников, 2017; Инь Дун, 2018; Мальцева, 2022].

В процессе анализа все «дорожные события» в книге Шевырева были разделены на две группы:

1) бытовые и коммуникативные обстоятельства путешествия (характеристика качества дорог, типы повозок, образы извозчиков, качество гостиниц и дорожных трактиров, курьезные ситуации дорожного быта, встречи, диалоги, знакомство с документами, письмами и т. д.);

2) хронотопические, где природно-ландшафтные характеристики (маршрут путешествия, пейзаж, погода, рельеф местности, топонимика, ландшафтные очертания и т. п.) выступали в единстве с историко-культурной памятью местности.

В процессе работы внимание было направлено на роль автора, в восприятии которого реальные события дорожного маршрута получают концептуальное осмысление и сюжетно-фабульное оформление. Теоретической опорой в этих наблюдениях послужили классические работы М. М. Бахтина и Л. Я. Гинзбург [Бахтин, 1975; Гинзбург, 1976]. Ключевой в работе стала мысль Л. Я. Гинзбург о том, что автор документально-художественной литературы «прокладывает дорогу от факта к его значению», выявляет в жизненном факте символические и репрезентативные смыслы и в конечном счете создает художественный образ, который является «единичным знаком обобщений <...> обширных пластов человеческого опыта» [Гинзбург, 1976, с. 10—11].

Образ дороги у Шевырева неразрывно связан с жанром его произведения («поездка», путешествие), и поэтому в работе были учтены исследования по проблемам путевой прозы, см.: [Шачкова, 2008]. В первой половине XIX века для развития путевого жанра наиболее значимы были «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых утвердился тип авторской самопрезентации и был сформирован канон в изображении дорожных впечатлений: авторский «легкий» тон воплощался в свободном переходе от темы к теме, во внимании к бытовым подробностям, в некоторой ироничности. Карамзин утвердил эстетическую традицию, при которой описания дорожного быта были мотивированы не «прагматическим заданием путеводителя», но идейно-художественной установкой на «свободный творческий диалог повествователя с окружающим миром» [Алпатова, 2017, с. 75].

Важным направлением в исследовании было выявление геоэстетической составляющей в эстетике произведения: писатель рассматривает характеристики русского ландшафта, климата, флористику, цветовую палитру русского пейзажа как черты, связанные с самой русской жизнью и русским народным характером. В работе было учтено, что на формирование геоэстетических взглядов писателя большое воздействие оказали идеи немецкого историка искусства XVIII века И. Винкельмана о влиянии климата на облик народной культуры, см.: [Лаппо-Данилевский, 2002, с. 26—27; Манн, 1998, с. 223].

Таким образом, анализ книги Шевырева строился с учетом историко-культурной и жанровой традиции, а образ дороги рассматривался как синтез реальных путевых впечатлений и философско-концептуальных обобщений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ дороги как предмет авторской рефлексии в книге Шевырева

Образ дороги, цель поездки, условия путешествия — это темы, к которым Шевырев многократно обращается в авторских прямых высказываниях в «Поездке...», раскрывая при этом как грани своей личности, так и взгляд на различные вопросы русской жизни.

Повествование открывается «признанием» о цели поездки: *Мне нужен был отдых от трудов академического года. Я хотел согласить его с занятием по сердцу. Ни на чем нельзя так отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1].

Так, уже в начале повествования формируется ракурс восприятия авторского образа: это академический ученый, «*утомленный кабинетной жизнью*», ищущий в поездке одновременно и отдыха, и труда. В противопоставлении *дороги* и *кабинетной жизни* можно увидеть и дополнительный смысловой оттенок, связанный с идеей познания жизни: дорога — это то, что может обогатить и расширить «кабинетное», «книжное» знание. Многообразием дорожных впечатлений и свободой путевого жанра мотивируется автором и многообразие произведения: *В дороге все случайно: <...> не знаешь, с кем встретишься, и что заметишь <...> Пускай рассказ мой будет верной, незатейливой копией с самого странствия* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1—2].

Опыт познания народной жизни становится возможным благодаря дороге, ее возможности к расширению природных и социальных границ, и переплетаются, говоря словами М. М. Бахтина, «пространственные и вре-

менные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизуясь социальными дистанциями» [Бахтин, 1975, с. 392].

Значимой видится мысль Шевырева о медитативной сущности дорожного странствия: это не просто «перемещение» в пространстве, но особое состояние, связанное с возможностью философского восприятия окружающего мира: в дороге *впечатления сменяются быстро, душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 1]. Так, уже в начале повествования задан ракурс ценностного восприятия дороги как пространства.

3.2. Дорожный быт и дорожные встречи как сюжетная основа произведения

Многопланово раскрывается в книге Шевырева образ дороги в рассказах о дорожных происшествиях и встречах. Дорожные сцены, отраженные писателем, складывались в зарисовки, близкие к бытовому жанру очерковой этнографической прозы 1840-х годов.

3.2.1. Образ извозчика и русской тройки в книге Шевырева

В русской культуре ямщик связан с идеей русского бескрайнего пространства, с фольклором; в искусстве образ ямщика часто выступает как символ «народного лирического и душевного универсума» [Старшова и др., 2018, с. 215].

Обращаясь к этому образу, Шевырев делает интересные этнографические и филологические наблюдения и вместе с тем, в русле очерковой прозы своего времени, стремится отразить и типологические черты профессии, и элементы психологизма, и связь с народной культурой.

Автор приводит любопытную этнографическую информацию о типах повозок: *«лихая почтовая тройка»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48] противопоставлена *«обывательской»*, которая *«тащила очень вяло»*, потому что *«обывательские лошади», в отличие от «почтовых», «не знают овса»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 64—66]. В описании тройки историко-этнографический материал лирически окрашен, воспринимается символически как отражение русского характера: *Дружная тройка, которую знает извозчик и которая сама знает извозчика, есть необыкновенная ездовая сила, созданная русским человеком* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 117].

Портретные зарисовки ямщиков проходят сквозной темой через всю книгу: *Путь сокращал мне извозчик Фаддей, очень умный малый, которого подрядил я в Троицком посаде* (глава «Александров») [Шевырев, 1850, ч. I, с. 31]; *...неразговорчив был извозчик, который вез нас из Александрова в Переславль <...> красивый, высокий мужчина сменил его на станции* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48]; *Иван, который нас вез от Семенковской станции, весьма красивый юноша, с греческим профилем* [Шевырев, 1850, ч. I,

с. 98]; *С Ивановской станции повез нас извозчик Семен, весьма красивый малый <...> с потребностями нового поколения. <...> Семену нужна была трубка. Он выпросил позволения курить ее* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 113]. Колоритной дорожной картиной становится сцена, где молодой извозчик, любуясь собой, лихо проносится по своей деревне, красуясь перед местными барышнями и думая про себя: *«Ай да наш Иван! Как лихо скачет!»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 97—98].

Автор не только называет имена своих провожатых, но приводит детали портрета, характеризует черты психологического склада, особенности речи, привычки, детали личной жизни, то есть создает очерки народных типов.

Речь извозчиков становится для Шевырева источником филологических наблюдений над местными говорами: так, он отмечает, что его жога-тый из селения Холопова произносит вместо [х] звук [ф] — *«Фолопово», «тем доказывая, что он верен своему местному произношению»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 48]; язык ямщика из Троицкого посада был для автора *«уроком в московской народной речи»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 9].

В зарисовках Шевырева извозчик — это носитель народной традиции, он знает народные песни и легенды. От ямщиков записывает автор легенду о святом дереве преподобного Корнилия, о кургане Синеуса, исторические и любовные песни. Причастность народной культуре проявляется и в набожности, в знании религиозных традиций: *Извозчик <...> был <...> отличный песенник. Но он не хотел петь песен ради завтрашнего воскресенья и всенощной* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 103].

3.2.2. Дорожный быт и путевые встречи в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь...»

Неотъемлемыми сюжетами путешествия являются сцены дорожного быта и разнообразных встреч. Подобные зарисовки динамичны, наполнены предметными деталями, отражающими мир дорожной повседневности, воссоздают народную разговорную речь, часто окрашены юмором: *К Ростову ехали мы ночью. <...> У шоссейного шлагбаума потребовали мытищинского ярлыка <...> Смотритель впросонках настоячиво требует ярлыка с меня, также полусонного. Давай искать, шарить по всем карманам, и в портфеле, <...>. Нет, так нет. Надобно было вновь заплатить что-то <...> Был час ночи. Лишь только стали мы подъезжать к самой гостинице, <...> как тарантас мой повалился на бок. «Ось с треском по-полам!»* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 64—65].

Описание дорожной трапезы представляет собой значимую картину из панорамы дорожного быта и отражает не только особенности дорожной атрибутики, но и региональный колорит: *Проезжая мимо села Прилук,*

<...> нельзя было не купить калачей, известных в народе под именем калачей Димитрия Прилуцкого. Конечно, постный их вид и вкус дали им право на такое название [Шевырев, 1850, ч. I, с. 127].

Шевырев сравнивает условия своего путешествия с европейскими, то иронично противопоставляя европейский комфорт русскому неустройству, то, напротив, показывая, что плоды европейской цивилизации оказывают свое влияние на русскую дорожную культуру, меняют ее.

Противопоставляя «путешествие» «поездке по делам», автор пишет, что в России возможно только второе, потому что атрибутом «путешествия» является бытовой комфорт («прекрасный завтрак, вкусный обед, мягкая постель»), которого на русских дорогах нет: *...странствуя по России, вы <...> и ночью, и днем чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими [Шевырев, 1850, ч. I, с. 2].*

Вместе с тем логика всего произведения показывает, что сравнение типов европейского и русского путешествия является лишь полемическим приемом, «игрой» автора, вся книга которого нацелена на то, чтобы показать, что русская культура в сравнении с Европой имеет свою лицо и не сводится к вопросам бытового комфорта.

Важными зарисовками, позволяющими показывать духовность жизни русской провинции, являются эпизоды дорожных встреч. Эти сюжетные элементы в книге Шевырева представлены разными жанровыми формами: от «простого» портрета до развернутых рассказов.

Отдельное внимание уделяет автор встречам со случайными проводниками («чичероне» — по характеристике Шевырева). Эти эпизоды связаны с одной из ведущих замысла книги — показать образ провинциального интеллигента, подчеркнуть духовную жизнь русской провинции и противопоставить ее атмосфере столичных русских городов. Круг провинциальных «краеведов» у Шевырева составляют педагоги и «простые люди», взрослые и дети. *Рано утром пошел я осматривать древности Переславля. В то время, когда на улице zatrudнялся я в проводнике <...>, заметил мое затруднение шедший по улице мещанин. «Что вам угодно, барин?» — спросил он у меня. «Да вот, взглянуть на вашу древность <...>». — «Извольте, барин, я вам все покажу. Как нам не знать своего города!» <...> Этот переславский чичероне — <...> преумный малый знает в городе все старое и новое, а грамоте не учился [Шевырев, 1850, ч. I, с. 49].* Автор видит провинциального русского человека как хранителя народных духовных сил.

Ценной в историко-культурном отношении является зарисовка о встрече в Вологде с русским поэтом К. Н. Батюшковым, который вторую половину своей жизни был болен и жил под присмотром родственников в родовом имении в Вологде [Кошелев, 1987, с. 291—340.].

Шевырев пишет о встрече с Батюшковым как о «*грустном свидании*» [Шевырев, 1850, ч. II, с. 109—115]. Создавая портрет, он обращает внимание на контраст между романтическим обликом молодого поэта, каким он сохранился в памяти современников, и впечатлением от «настоящего Батюшкова», постаревшего и измененного болезнью, у которого «*все связи с прошедшим уже разорваны*». В чертах портрета отражается печать времени и болезни в облике поэта: «*небольшого роста человек лет пятидесяти*», «*почти совсем седой, с глазами, ни на чем не остановленными*», «*подвижное лицо его свидетельствовало о нервической его раздражительности*» [Там же, с. 109]. Вместе с тем автор отмечает и отдаленное сходство с романтическим портретом и подчеркивает духовное направление взглядов угасающего поэта: «*...в числе несвязных мыслей, которые выразил Батюшков <...> была одна, достойная человека вполне разумного: что свобода наша должна быть основана на Евангельском законе*» [Там же, с. 110]. Также автор обращает внимание на то, что чувство прекрасного у Батюшкова сохраняется в любви к цветам, к чтению и поэзии, к живописи, а также в любви к детям (*никогда ни в чем не откажет ребенку, и дети его любят* [Там же, с. 110]).

Встреча с большим Батюшковым является «дорожным эпизодом» и занимает небольшой объем во всем произведении, однако в идейно-художественном замысле книги играет значительную роль. Образ поэта, память которого чтут соотечественники, составляет также характеристику духовного облика русской провинции.

Рассматривая образ дороги, важно уделить внимание эпизодам встреч со странниками (паломниками).

Тема странничества воплощается в книге отдельными очерками в стиле «бытового жанра» — как зарисовка дорожной встречи. Шевырев акцентирует географическую тематику, подчеркивая, что странничество — это дальний путь к русским святыням: *На мосту, перед самым монастырем, встретили мы многих странников из Москвы. Я спрашивал, кто откуда. Тот — с Воробьевых гор, другой — из под Боровска, этот — из Рязьска. Особенно заняла меня старушка из Каширы* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 7—8]; *...встретил пешехода-странника, который шел поклониться гробу преподобного Нила. Странник служил во флоте, но вышед (в источнике так. — О. А., В. Ю.) в отставку, отправился по богомольям. Весь оброс бородой, другой год уже как ходит* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 102].

Из уст странницы слышит Шевырев и записывает пословицу, связанную со странничеством и поклонением Сергию Радонежскому: *Не было бы рук ни ног — катком бы покатила к чудотворцу* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 7—8].

В эпизодах, посвященных странникам, находит отражение главная тема книги — монастырская культура Русского Севера. В едином художественном пространстве произведения образы автора и странников сближаются: путешествие автора по русским монастырям преследует не только научные, но и паломнические цели. Автор-путешественник участвовал в богослужениях, подходил поклониться святыням (мощам, иконам), и через описание этого личного опыта он раскрывается не только как ученый медиевист, но и как «простой» русский паломник.

Также образ странника репрезентирован и в исторической перспективе, а именно — в рассказе о путях-дорогах первых монахов-поселенцев (XIV век), осваивавших земли Русского Севера: *Кирилл Новоезерский* <...> *долго блуждал по всем приделам России, прежде чем достиг стран Белозерских* (глава «Горицы - Белозерск...») [Шевырев, 1850, ч. II, с. 84—85]; *...отправился он* [Нил Сорский. — О. А., В. Ю.] *к святым восточным местам и провел несколько лет в монастырях Афона и Константинополя, <...> пришел в монастырь, <...> створил себе келью* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 95]. Рассказ о маршрутах русского монашества воспринимается в единстве географического, исторического и духовного.

3.3. Геопоэтика и этнопоэтика дорожного хронотопа в книге Шевырева

Процессы концептуализации ярко проявляются в дорожных пейзажных зарисовках. Образ дороги формируется как природно-ландшафтными деталями, так и историко-культурными. Природно-ландшафтные акценты создаются сменой перспективных планов, природными картинами (пейзаж, погода, рельеф местности). Историко-культурное содержание дорожного хронотопа создается топонимикой, легендами и преданиями о происхождении названий местностей.

Ряд дорожных пейзажных зарисовок выполнен в поэтике «унылого» русского пейзажа, типичными приметами которого являются дождь (*Дождик ливнем лил, когда отправились мы к Троице* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 8]) и бездорожье (*Дорога небольшая, <...> колеи такие, что способу нет, а когда грязь, так не приведи Господи!* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 31]; *...дорога идет болотами и лесом <...> все это, мешаясь, теряется в глубоком отдалении* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 82]). Региональный северный колорит подчеркивают флористические детали: *...ольха, вяз, малина, шиповник <...> все это мешается очень живописно по берегам озер и по беспрерывным пригоркам, между которыми вьется ровная дорога* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 134]. Рельеф русского ландшафта дополняют очертания храмов: *На расстоянии 27 верст от Вологды до села Кубенского вы видите по дороге <...> 17 церквей, которые со всех сторон поднимаются к небу* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 128].

Лейтмотивом проходит в пейзажных зарисовках Шевырева образ русской дали, далеких горизонтов, пространственного размаха. При этом автор использует формы динамического пейзажа, в котором фиксирует визуальные изменения ландшафта: *Сначала дорога идет болотами и лесом, но от Семибратского <...> чем ближе к Ярославлю, тем шире и далее, во все три стороны* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 83—84].

Размах русского ландшафта и пространственной перспективы Шевырев видит символическими знаками, указывающими на смысл русской истории и на сущность русского характера: *...многообъемлющий небосклон физический русского человека да будет со временем залогом такой же всеобъемтности его небосклона умственного!* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 83].

Большое внимание уделяется автором историко-культурной составляющей дорожного хронотопа, которая проявляется в топонимике, легендах о происхождении названий местностей, в историческом комментарии, наполняющих историко-культурным, или сакральным, смыслом географические реалии: *От дороги поворотили мы влево к городу. Версты за две до него курган, довольно высокий, <...> «Что это у вас за курган?» — спросил я у Онисима. «Здесь, сударь, говорят, лежит царь Синеус»* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 60]; *На <...> пути в Кириллов мы вышли из тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непременно взойти, чтобы здесь помянуть преподобного Кирилла* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 63].

Историко-культурное содержание несет и хронология, особенно в случаях, когда в связи с календарной датой указывается религиозный праздник: *24 июня я выехал из Москвы в Крестовскую заставу. Иванов день сказывался венками цветов на поярковых шляпах фабричных щеголей московских* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 3]; *Мы приехали накануне соборного праздника: 3 июля празднуется память св. Василия и Константина Всеволодовичей, которых мощи почивают в соборе* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 87].

Так, в книге пространство, время, история и религия предстают неразрывными составляющими целостного образа русской культуры. Говоря словами М. М. Бахтина, «здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему», отсюда метафоризация: «жизненный путь», «исторический путь» [Бахтин, 1975, с. 392].

3.4. Дорога как символ русской культуры

В начале своего повествования Шевырев полемически заявляет: *У нас есть люди, готовые осмелить даже мысль о путешествии по России* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 2]. И далее на протяжении всего произведения сравнивает русские и европейские путешествия, европейские и русские дороги, подчеркивая, что достоинства «европейских» дорог связаны с условиями комфорта.

Автор ищет и на русских маршрутах достижения европейского прогресса: отмечает и улучшение качества дорог, и меняющийся в сторону развития личной свободы характер отношений, но вместе с тем вся логика его повествования подводит к тому, что для русского пути эти внешние достижения европейского комфорта несущественны; он показывает, что Россия — *другая*, залог ее будущего — это сохранение национальной самобытности, национальной истории. Показательна для иллюстрации этой мысли следующая цитата из книги Шевырева, в которой подчеркивается синтез европейского комфорта и русской самобытности: *...катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами европейской гражданственности и в то же время вспоминаешь старинную Русь с ее царскими походами* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 3].

Дорога и дорожные характеристики в таком контексте выступают как символ, знак культурно-исторического развития европейских стран и России. В этом понимании главная тема книги может быть прочитана как размышление о русском пути. Взгляд Шевырева на русскую историю и судьбу России строился в русле споров славянофилов и западников, где писатель пытался занять синтезирующую позицию. Хорошо зная европейскую культуру, он видел и ее грани, чуждые России. Мыслитель соглашается с тем, что многие формы европейской жизни должны быть усвоены в русской практике, но вместе с тем он видит, что сущностное содержание русской культуры связано с традициями православия и отлично от европейского просвещения.

Как духовные центры показаны у автора Троицкая Лавра, монастыри Русского Севера: *Перед самым городом Кирилловым находится поклонная гора, где останавливаются пешие богомольцы и кланяются угоднику обители. <...> Кириллов монастырь лежит на пути к великому богомолью русского народа, к Соловкам, и не обойдет белозерского угодника ни один странник-богомлец* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 135—134]. В книге образ русской дороги как дороги к храму, богомолью метафорически расширительно проецируется вообще на образ русского исторического пути-дороги.

Символичным видится и образ дороги, устремленной к храму, который в контексте всего произведения выступает как метафорически понятый путь всей России.

Образ дороги как символ, указывающий на связь земного и небесного, воплощается у Шевырева в «горизонтальной» и «вертикальной» проекциях. В «горизонтальной плоскости» дорога — географическое пространство, в «вертикальной плоскости» воплощение образа дороги связано с описанием небесной высоты, горизонта, открывающегося до небес пути к храму.

Особо стоит подчеркнуть в этом контексте образ радуги. Он встречается в книге Шевырева в пейзажных панорамных описаниях храмовых пространств на подъезде к Троице-Сергиевой Лавре (*Лишь только мы выехали из леса на поляну, <...> влево семицветная радуга двойною окружностью охватила небесный свод* [Шевырев, 1850, ч. I, с. 10]) и к Кирилло-Белозерскому монастырю (*радуга ярко озарила все небо перед нами и сияла над монастырем, как небесные ворота* [Шевырев, 1850, ч. II, с. 58]).

Радуга — символ небесного покровительства в культурах многих народов. В христианстве символическое понимание радуги восходит к Книге Бытия, где она есть знамение Завета Бога с человечеством: *И будет радуга [Моя] в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом [и между землею] и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле* (Быт. 9: 16). В Библии «радуга приобретает мощную символическую силу <...> служит выражением новых взаимоотношений, установленных между людьми и их Творцом <...> играет роль образа Божьей милости и мира после бури суда» [Словарь библейских образов ..., 2005, с. 974]. Изображения радуги широко представлены в христианской иконографии [Макарова, 2019, с. 410—419]; этот образ находит многоплановое отражение в русской литературе [Зверева, 2015, с. 95—102].

В пейзажных описаниях Шевырева радуга связана с дорогой, возвышается над землей и храмовым (монастырским) пространством, символически обозначая связь человека, неба, земли и храма. Новые смыслы при таком прочтении вычлениются в пословице, сказанной извозчиком о радуге: *Как ни прытко едешь, а все в радугу не въедешь*, — что видится не просто как характеристика физического явления, но и как обозначение небесного, «вертикального», ориентира в человеческой жизни.

4. Заключение = Conclusions

Образ дороги в русской литературе многогранен и глубок. В произведениях русских писателей подчеркиваются самые разные его аспекты: путь как личная судьба человека, путь как движение души к Богу и гармонии и, наконец, путь как судьба России и история целого народа. У Шевырева этот образ связан с поэтикой документального (характеристики реального путешествия: география, топонимика, дорожный быт, встречи и т. п.) и с поэтикой концептуально-символического — отражение в поэтике хронотопа национальной картины мира и философско-эстетических представлений писателя (национальный пейзаж, история, дорога-судьба и т. д.).

Образ дороги в цикле путевых очерков Шевырева оказывается не просто отражением внелитературной реальности путешествия, но художественным приемом, инструментом беллетризации, средством концеп-

туального соединения отдельных путевых впечатлений в единое художественное целое. Этот ключевой образ объединяет географическое изображение дороги как маршрута и образно-символическое содержание, предопределенное национальной картиной мира. Картины дорожного пейзажа, дорожных встреч и размышлений через систему мотивов и образов выражают ценностно-смысловое начало произведения.

Многочисленные географические и этнокультурные реалии, исторические комментарии, философские обобщения, литературные переключки, связанные с оформлением хронотопа дороги, — все это делает книгу емким источником информации о культуре и состоянии философско-эстетической мысли 1840-х годов XIX века.

В описании поездки образ дороги имеет сюжетно-фабульное и концептуальное значение. На уровне сюжетно-фабульного прочтения образ дороги связан с маршрутом, очерчивает направление движения, начальные и конечные точки маршрута и очерченное время начала и конца странствия. На уровне концептуальном дорога в книге Шевырева — это дорога к богомолью, поиск духовных маршрутов, символ исторического пути самой России.

Анализ образа дороги в книге Шевырева свидетельствует, что художественное мышление писателя основывается на преломлении художественного опыта романтиков и Любомудров в контексте этнопоэтических поисков русских писателей-очеркистов середины XIX века. Перспективой дальнейшего изучения творчества Шевырева видится расширение контекста исследований, привлечение к анализу поэтики и других очерковых и поэтических произведений писателя. Изучение особенностей философско-эстетической манеры Шевырева позволит создать целостное представление о гранях его литературного мастерства и дополнить представление о русском литературном процессе середины XIX века.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Кошелев В. А. Константин Батюшков : Странствия и страсти / В. А. Кошелев. — Москва : Современник, 1987. — 351 с.
2. *Словарь* библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Лиланда Райкена и др. — Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. — 1423 с. — ISBN 5-7454-0945-2.
3. Шевырев С. П. Отрывки из писем Русского путешественника по Италии. Письмо 2 / С. П. Шевырев // Московский вестник. — 1830. — Ч. 2. — № 5. — С. 77—88.

4. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. В двух частях / С. П. Шевырев. — Москва : В Университетской тип., 1850 : Ч. 1. [2]. — 158, III с ; Ч. 2. — 134 с.

Литература

1. Александрова-Осокина О. Н. Геопоэтика Белозерья в книге «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Научный диалог. — 2023а. — Т. 12. — № 5. — С. 233—249. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249_

2. Александрова-Осокина О. Н. Духовное пространство Нило-Сорского монастыря в книге С. П. Шевырева «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь...» / О. Н. Александрова-Осокина, Ван Юцзюань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023б. — Т. 16. — Выпуск 11. — С. 3881—3887. — DOI: 10.30853/phil20230593_

3. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина : поэтика повествования : монография / Т. А. Алпатова. — 2-е изд., перераб. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017. — 154 с. — ISBN 978-5-7017-2854-5.

4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С.234—407.

5. Бознак О. А. Литературная деятельность С. П. Шевырева 1840—1850-х годов : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Бознак. — Санкт-Петербург, 2004. — 23 с.

6. Ван Юцзюань Книга С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) как источник страноведческой информации / Ван Юцзюань // Язык. Культура. Перевод : межкультурная коммуникация в цифровую эпоху / под ред. В. А. Иконниковой и др. — Москва : РУСАЙНС, 2022. — Ч. 2. — С. 292—295.

7. Ван Юцзюань Пейзаж в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» : национальное и сакральное / Ван Юцзюань // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2024. — № 2. — Т. 2. — С. 5—16. — DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_5.

8. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург — Изд. 2-е. — Ленинград : Художественная литература, 1976. — 448 с.

9. Жукова А. Н. «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырева в контексте русской литературы о путешествиях первой половины XIX в. / А. Н. Жукова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2012. — № 2. — С. 125—138.

10. Зверева Т. В. Радуга : об одном оптическом сюжете в русской поэзии конца XVIII — первой половины XIX веков / Т. В. Зверева // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. — Выпуск 5. — С. 95—102.

11. Инь Дун Метафорическая модель «дорога → жизненный путь» в русском и китайском языках / Дун Инь // «Дарагое мне і маё — беларускае» : навуковы зборнік да 100-годдзя з дня нараджэння прафесара Ф. М. Янкоўскага / рэдкал. : Г. М. Валочка [і інш.] ; навук. рэд. Д. В. Дзятко. — Рīga : BVKI, 2018. — С. 339—342.

12. Лапто-Данилевский К. Ю. Шевырев и Винкельман (статья первая) / К. Ю. Лапто-Данилевский // Русская литература. — 2002. — № 2. — С. 3—27.

13. Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах / Ю. М. Лотман // О русской литературе (Статьи и исследования 1958—

1993). История русской прозы. Теория литературы. — Санкт-Петербург : Искусство СПб, 1997. — С. 112—117.

14. Макарова Н. И. Мотив радуги в христианском искусстве / Н. И. Макарова // Идеи и идеалы. — 2019. — Т. 11. — № 2. — С. 410—419. — DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-410-419.

15. Мальцева Е. А. Дорога как предмет концептуальной рефлексии / Е. А. Мальцева // Идеи и идеалы. — 2022. — Т. 14. — № 3. — С. 385—402. — DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-385-402.

16. Манн Ю. В. Русская философская эстетика / Ю. В. Манн. — Москва : МАЛП, 1998. — 381 с.

17. Меркулова И. И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830—1840-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Меркулова. — Самара, 2007. — 22 с.

18. Николюкин А. Н. Путешествие С. П. Шевырева по России / А. Н. Николюкин // Литературоведческий журнал. — 2019. — № 46. — С. 190—194.

19. Старшова А. П. Коннотации образа ямщика в русской культуре / А. П. Старшова, А. В. Парайл // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 213—217. — DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10054.

20. Травников С. Н. «И шли горами каменными и ярами глубокими, тилко небо да земля...» : особенности изображения пространства в «Пеллгримации» Ипполита Вишенского / С. Н. Травников // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 43. — С. 121—133.

21. Чистякова Е. А. Тверской край в книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (1847) / Е. А. Чистякова // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Сб. науч. трудов по материалам Международной научной конференции. — 2013. — Выпуск 3 (9). — С. 154—159.

22. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы : вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277—281.

Статья поступила в редакцию 05.02.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 12.06.2025.

Material resources

Koshelev, V. A. (1987). *Konstantin Batyushkov: Wanderings and passions*. Moscow: Sovremennik Publ. 351 p. (In Russ.).

Ryken, L. (ed.). (2005). *Dictionary of Biblical Images: [Reference]*. Saint Petersburg: Bible for All. 1423 p. ISBN 5-7454-0945-2. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1830). Excerpts from letters of a Russian traveler in Italy. Letter 2. *Moscow Bulletin*, 2 (5): 77—88. (In Russ.).

Shevyrev, S. P. (1850). *A trip to the Kirillo-Belozersky monastery. The vacancy days of Professor S. Shevyrev in 1847. In two parts*, 2. Moscow: In the University press. 134 p. (In Russ.).

References

Aleksandrova-Osokina, O. N., Wang You Juan. (2023). Geopoetics of Belozerye in Book 'Journey to Kirillo-Belozersky Monastery' by S. P. Shevyrev. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 233—249. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-233-249. (In Russ.).

- Alexandrova-Osokina, O. N., Wang Yujuan. (2023b). The spiritual space of the Nilo-Sorsky monastery in the book by S. P. Shevyrev "Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery...". *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 16 (11): 3881—3887. DOI: 10.30853/phil20230593. (In Russ.).
- Alpatova, T. A. (2017). *The prose of N. M. Karamzin: the poetics of narration: a monograph. 2nd ed., revised*. Moscow: IIU MGOU. 154 p. ISBN 978-5-7017-2854-5. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics. Research from different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 234—4407. (In Russ.).
- Boznak, O. A. (2004). *Literary activity of S. P. Shevyrev in the 1840s and 1850s*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p. (In Russ.).
- Chistyakova, E. A. (2013). Tver Region in S. P. Shevyrev's book "A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery" (1847). *Native literature in the modern cultural and educational space. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific Conference*, 3 (9): 154—159. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1976). *On psychological prose. Ed. 2*. Leningrad: Fiction. 448 p. (In Russ.).
- Lappo-Danilevsky, K. Y. (2002). *Shevyrev and Winkelman (first article)*. *Russian Literature*, 2: 3—27. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997). On the concept of geographical space in Russian medieval texts. In: *About Russian literature (Articles and studies 1958—1993). The history of Russian prose. Theory of literature*. Saint Petersburg: Iskusstvo SPB. 112—117. (In Russ.).
- Makarova, N. I. (2019). Rainbow motif in Christian art. *Ideas and ideals*, 11 (2): 410—419. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-410-419. (In Russ.).
- Maltseva, E. A. (2022). The road as a subject of conceptual reflection. *Ideas and ideals*, 14 (3): 385—402. DOI: 10.17212/2075-0862-14.3.2-385-402. (In Russ.).
- Mann, Yu. V. (1998). *Russian philosophical aesthetics*. Moscow: MALP Publ. 381 p. (In Russ.).
- Merkulova, I. I. (2007). *Chronotope of the road in Russian prose of the 1830s and 1840s*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 22 p. (In Russ.).
- Nikolyukin, A. N. (2019). S. P. Shevyrev's journey through Russia. *Literary Journal*, 46: 190—194. (In Russ.).
- Shachkova, V. A. (2008). "Journey" as a genre of fiction: questions of theory. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University*, 3: 277—281. (In Russ.).
- Starshova, A. P., Parail, A. V. (2018). Connotations of the image of a coachman in Russian culture. *Upper Volga Philological Bulletin*, 2: 213—217. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10054. (In Russ.).
- Travnikov, C. N. (2017). "And they walked through the stone mountains and the deep yars, the sky and the earth were soft ...": features of the image of space in the "Illumination" of Hippolytus Vishensky. *Bulletin of Slavic Cultures*, 43: 121—133. (In Russ.).
- Wang Yujuan. (2022). S. P. Shevyrev's book "A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery" (1847) as a source of regional information. In: *Language. Culture. Translation: Intercultural communication in the digital age*, 2. Moscow: RUSAINS. 292—295. (In Russ.).
- Wang Yujuan. (2024). Landscape in the book by S. P. Shevyrev "Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery": national and sacred. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 2 (2): 5—16. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_2_2_5. (In Russ.).

- Yin Dong. (2018). Metaphorical model “road → life path” in Russian and Chinese. In: “*Give me a gift I May — belaruskaye*”: *navukovy zbornik da 100-godja z day narajennya prafesara F. M. Yankoyaskaga*. Riga: BVKI. 339—342. (In Russ.).
- Zhukova, A. N. (2012). “Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev in the context of Russian travel literature of the first half of the XIX century. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 2: 125—138. (In Russ.).
- Zvereva, T. V. (2015). Rainbow: about an optical plot in Russian poetry of the late XVIII — first half of the XIX centuries. *Bulletin of the Udmurt University*, 25 (5): 95—102. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 12.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Алексеев П. В. Имперский Юго-Запад в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?» / П. В. Алексеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 262—288. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-262-288.

Alekseev, P. V. (2025). Imperial Southwest in P. A. Krushevan's Travelogue "What is Russia?" *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 262-288. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-262-288. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Имперский Юго-Запад в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?»

Алексеев Павел Викторович
orcid.org/0000-0003-3680-1785

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
профессор кафедры русского
языка и литературы
pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Горно-Алтайский
государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре
конца XVIII — XIX веков (на материалах
отечественных травелогов):
дискурсы, нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>)

Imperial Southwest in P. A. Krushevan's Travelogue "What is Russia?"

Pavel V. Alekseev

orcid.org/0000-0003-3680-1785

Doctor of Philology, Associate Professor,
senior research scientist,
Professor of the Department
of the Russian and the Literature
pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Gorno-Altaiisk
State University
(Gorno-Altaiisk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01431
"Representation of Ukrainian space
in Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi",
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу травелога П. А. Крушевана «Что такое Россия?» (1896) в контексте имперского восприятия Юго-Западных окраин Российской империи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов имперской политики и националистического дискурса в травелогах как инструментах формирования идеологического взгляда на пространство и население. В статье исследуется маршрут Крушевана, его концепция унифицирующего национализма, а также имагологические стратегии в описании украинцев, поляков, евреев и других народов. Установлено, что автор травелога уделяет особое внимание Киеву как сакральному центру русской государственности и символическому пространству, где решается вопрос о допустимых границах национального слияния. Показано, как через описание путешествия автор проектирует желаемую картину имперского единства, используя механизм воображаемых границ. Исследуется связь маршрута с идеологическими концепциями русской цивилизационной миссии, где территориальная целостность оказывается залогом национального единства. Выявляются ключевые элементы имперского дискурса, такие как представление о внутреннем «Востоке», национальная иерархия и стратегии исключения. Анализ травелога позволяет глубже понять, как конструировались образы «своих» и «чужих» в имперском сознании и какие риторические приемы использовались для их легитимации.

Ключевые слова:

П. А. Крушеван; имперский травелог; Юго-Западная Россия; национализм; русификация; имагология; еврейский вопрос; консерватизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines P. A. Krushevan's travelogue "What is Russia?" (1896) within the context of imperial perceptions of the Southwestern fringes of the Russian Empire. The relevance of this study lies in the necessity to explore the mechanisms of imperial policy and nationalist discourse in travel writing as instruments for shaping ideological views on space and population. The paper investigates Krushevan's journey, his concept of unifying nationalism, and the imagological strategies employed in his descriptions of Ukrainians, Poles, Jews, and other ethnic groups. It establishes that the author places particular emphasis on Kyiv as a sacred center of Russian statehood and a symbolic space where the question of acceptable boundaries for national amalgamation is addressed. The study demonstrates how, through his travel narrative, Krushevan projects an envisioned image of imperial unity by utilizing the mechanism of imagined borders. It explores the connection between his route and the ideological concepts of Russian civilizational mission, where territorial integrity is seen as a guarantee of national unity. Key elements of imperial discourse are identified, including notions of an internal "East," national hierarchies, and strategies of exclusion. Analyzing the travelogue provides deeper insights into how images of "the familiar" and "the other" were constructed within the imperial consciousness and what rhetorical techniques were employed to legitimize them.

Key words:

Pavel Krushevan; imperial travelogue; Southwestern Russia; nationalism; Russification; imagology; Jewish question; conservatism.

Имперский Юго-Запад в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?»

© Алексеев П. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос репрезентации юго-западных территорий Российской империи в травелогах конца XIX века остается важной, но недостаточно изученной темой. Большая часть исследований, посвященных пространственным образам этой части империи, сосредоточена либо на крымском тексте, который традиционно воспринимается как один из ключевых элементов русского имперского воображения [Галушко, 2022; Люсый, 2003; Орехов, 2021; Сень, 2008; Храпунов, 2022;], либо на украинском тексте русской литературы [Курьянов, 2018] или русских травелогах, описывающих украинское пространство [Киселев и др., 2012; Киселев и др., 2014]. Однако представление о Юго-Западе империи не складывалось в отдельный нарратив, а чаще интерпретировалось как пограничная зона, сопряженная с культурными, этническими и политическими разломами.

Настоящее исследование направлено на выявление специфики пространственных образов юго-западной окраины империи в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?» (1896), которая представлена как сакральное пространство русской государственности, где решается вопрос о границах национального единства. В фокусе этого травелога Юго-Западный край как воображаемое пространство — это не только Подольская, Волынская и Киевская губернии [Миллер, 2000, с. 36], но также Крым и Бессарабия: первый за счет включения в орбиту значимого символического узла воображаемой географии, вторая — за счет акцентирования «южной» (бессарабской) субъектности автора, который вовлекает читателей в дискурс «большой русской нации».

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к пространственной репрезентации империи Романовых в контексте русской литературы путешествий и необходимо рассмотреть юго-западный регион не только как политический, но и как символический фено-

мен, формировавший представления о границах «русского мира» в период поздней империи.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования служит травелог П. А. Крушевана «Что такое Россия?», опубликованный в московской типолитографии товарищества И. Н. Кушнерева в 1896 году. Автор этих путевых заметок фиксирует маршрут по юго-западным территориям Российской империи, в рамках которого пространственные образы крайне идеологизированы: они служат инструментом формирования одновременно имперской и национальной идентичности. Определение соотношения двух этих дискурсов в сознании автора травелога не является целью статьи, однако в качестве допущения определим, что они имеют большое количество пересечений: «русскость» и «имперскость» для Крушевана были не индентичными, но очень близкими понятиями.

Методология исследования основана на имагологии, постколониальных исследованиях, семиотике пространства и компаративистике, что позволяет рассмотреть травелог Крушевана в широком культурном и политическом контексте. В данной работе используются следующие исследовательские подходы: имагологический анализ, в том числе сближающийся с категориальным аппаратом культурной антропологии [Башляр, 2004; Pageaux, 1983], позволяющий выявить концептуальные модели «Своего» и «Чужого», используемые Крушеваном для описания имперских окраин; семиотика пространства [Семиотика..., 1986; Пеллегрини, 2020], применяемая для интерпретации маршрута путешествия как элемента имперской репрезентации; постколониальные подходы к травелогам, русской словесности и проблеме национальной идентичности [Pratt, 1992; Tolz, 2005, Алексеев, 2015; Kleespies, 2006], анализирующие, как имперский дискурс формирует представления о территориях и этносах; анализ украинского текста русской литературы [Киселев и др., 2014], позволяющий интерпретировать пространственные образы Киевщины, Бессарабии и Одессы в рамках имперского видения, особенности субъектной организации путевой прозы русской литературы [Шенле, 2004; Кублицкая, 2019].

Современные исследования, посвящённые имперскому Юго-Западу России, охватывают широкий спектр вопросов, включая пограничную политику, национальную интеграцию, военное управление, русификацию и разные аспекты «украинского вопроса». Вопрос пограничного контроля и административного управления рассматривался в исследованиях, посвященных механизмам интеграции Западного края [Западные..., 2006; Бовуа, 2011, Лескинен, 2018]. Развитие этих территорий после разделов

Речи Посполитой подробно изучалось в контексте генерал-губернаторской системы и процесса колонизации [Вех, 2021].

Языковая и религиозная политика в юго-западной части империи имела решающее значение в контексте стратегий русификации. Эти процессы анализировались с точки зрения их долгосрочных последствий, включая ограничения на украинскую печать и образование, а также баланс между интеграцией и репрессивными мерами [Миллер, 2000; Тесля, 2020]. Борьба за культурную гегемонию в регионе привела к возникновению конкурирующих национальных и имперских нарративов, формировавших образ «пограничья» как зоны потенциальной нестабильности. Исследования, посвященные пространственным стратегиям в русской литературе путешествий, демонстрируют, что маршрут путешественника мог служить способом доказательства имперской легитимности земель, имеющих иматологический статус «лиминальных» [Жданов, 2024].

Современные исследования показывают, что юго-западный край был пространством перманентного столкновения имперской модели и национального сопротивления, что формировало его двойственный статус: с одной стороны, сакральное ядро русской государственности, с другой — зона потенциального этноконфессионального конфликта. В этом ключе анализ травелога Крушевана даёт возможность не только изучить имперские нарративы конца XIX века, но и выявить механизмы, с помощью которых конструировались образы территориального единства и «воображаемых границ» в русской литературе путешествий.

Таким образом, настоящее исследование впервые фокусируется на пространственных образах Юго-Запада Российской империи через призму имперского дискурса и идеологических стратегий. Это позволяет по-новому взглянуть на механизмы формирования имперской идентичности и границ национального воображаемого пространства, которые продолжали оказывать влияние на политическое и культурное восприятие региона в XX и XXI веках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Травелог П. А. Крушевана как реплика в консервативном дискурсе поздней империи

Фигура П. А. Крушевана (1860—1909), журналиста, писателя и политического деятеля правомонархического толка, несмотря на ее одиозность, продолжает интересовать исследователей русской консервативной мысли в Российской империи конца XIX — начала XX веков. Выходец из Бессарабии, Крушеван прошел путь от либерального публициста до антисемитского провокатора, прямо или косвенно способствовавшего

Кишиневскому погрому 1903 года и популяризации в России фальшивых «Протоколов сионских мудрецов», от издателя провинциальной газеты до депутата Государственной думы, чья фамилия стала нарицательным обозначением черносотенного движения. По меткому замечанию О. А. Грома, «спектр историографических оценок Крушевана варьируется от демонизации в связи с его антисемитизмом и крайне правыми взглядами до заявлений, что он был «христианским социалистом» и даже «деятелем молдавского национального движения», стремившимся с помощью русификации оградить молдаван от румын» [Гром, 2023, с. 59]. В плане «демонизации» часто рассматриваются работы Ю. А. Трубецкого [Трубецкой, 1989] и В. М. Топилиной [Топилина, 1987], а в плане ревизии (или реабилитации) — публикации И. П. Шорникова [Шорников, 2011] и, в большей степени, Д. И. Стогова [Стогов, 2015]. В добавление к этому можно указать на работы С. А. Громыко [Громыко, 2016] по парламентской деятельности Крушевана, Н. В. Некрасова [Некрасов, 2014] о финансовых скандалах вокруг его имени и др.

В контексте эволюции правых идеологий в современном мире (как в России, так и в странах Запада) изучение дискурсивного поля русского национализма периода поздней империи, особенно в ситуации культурного пограничья на южных и западных рубежах, требует, безусловно, более взвешенного подхода и привлечения максимального количества разнообразного фактического материала. Кроме того, назрела необходимость расширить исторические исследования текстов и идей Крушевана при помощи инструментария имагологии в фокусе теории русского ориентализма, привлекая не только материалы его публицистики, думских речей, биографии и редких малоизученных (за исключением отдельных аспектов — см., например: [Ижболжина, 2007]) художественных текстов («Счастливец всех», «Разоренное гнездо», «Дело Артабанова» и др.), но и единственный травелог под названием «Что такое Россия?» (1896).

Основной идеологический посыл этого травелога может быть охарактеризован как унифицирующий национализм: травелог предлагает такую модель империи, где бы существовала одна русская нация, составленная из этносов центральной и южной России, готовых добровольно отказаться от своей политической субъектности в пользу цивилизационного единства. Подобные идеи Крушевана о создании единой большой русской нации на базе цивилизационного единства перекликаются с тем, как основная часть петербургских интеллектуалов и бюрократии представляла себе образ «большой русской нации, включавшей в себя всех восточных славян империи» [Миллер, 2000, с. 41], а также с тем, как российские востоковеды конца XIX века (Н. П. Кондаков, А. Н. Веселовский, В. Р. Розен) представ-

ляли национальное строительство: будучи предшественниками евразийцев 1920-х годов, они подчеркивали не столько необходимость этнической ассимиляции, сколько формирование гражданской идентичности через интеграцию разных народов на основе общих норм таким образом, чтобы не затрагивать их культурную самобытность [Tolz, 2005, p. 132—134]. В отличие от академических кругов, нацеленных на позитивное единство народов империи, Крушеван в своем травелоге говорит о единстве империи без привлечения сведений обо всех ее окраинах. Например, остается в стороне вопрос о том, должны ли «русскими» стать этносы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Возможно, именно поэтому его маршрут в поисках ответа на вопрос «Что такое Россия?» ограничивается территорией, куда зауральские владения не входят.

Анализ этого травелога также позволяет увидеть, как акторы русско-го национализма конца XIX века воспринимали и интерпретировали то пространство империи, которое было теснейшим образом связано с истоками российской государственности, но при этом максимально открыто западному влиянию, а также понять механизмы формирования русской национальной идентичности и поиска «внутреннего врага». Очевидно, что в рамках консервативного дискурса оба эти механизма были взаимосвязаны, поэтому и исследовать их надо в совокупности. При этом, когда мы говорим в одном контексте о праворадикальных, консервативных, охранительных и националистических дискурсах, это не значит, что Крушеван был вовлечен в них в равной степени или что эти дискурсы обязательно взаимосвязаны и образуют единую идеологическую систему — эти термины используются инструментально, чтобы подчеркнуть разные аспекты его идеологической позиции в зависимости от контекста.

3.2. Маршрут и геополитическое измерение национального воображения

Прежде всего обратим внимание на маршрут, который в любом травелоге является структурообразующим элементом: именно маршрут помогает понять связь пространственно-временной организации текста с идеологической перспективой, лежащей в основе выбора объектов описания и логики их репрезентации, понять «философию пространства» [Фарафонова, 2016, с. 262]. В случае же имперского травелога [Пономарев, 2017], к которому, без сомнения, относится исследуемый текст, последовательность перемещения в пространстве напрямую связана с колониальными дискурсами контроля и наблюдения, поскольку для такого путешественника важно перемещение по «контактным зонам» [Pratt, 1992, с. 6—7], не вполне охваченным «цивилизующим» влиянием метрополии. В такой перспективе актуализируется значимость реальных и воображаемых границ.

В травелогe Крушевана маршрут имеет кольцевую структуру и охватывает основные символические оси европейской части Российской империи:

1) Западные губернии (Жлобин, Рогачев, Могилев, Орша) — пространства, включенные в империю после разделов Речи Посполитой, где встречаются польские, еврейские, белорусские, молдавские и русские элементы.

2) Центральные города (Москва, Смоленск) — «ядро» имперского центра, через который проходит маршрутизация идентичности путешественника: «история Москвы — это история России, это очаг, в котором зарождалась и выковывалась мощь России» [Крушеван, 1896, с. 38].

3) Волга и Каспий (Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Царицын, Астрахань) — торговый и этноконфессиональный коридор, соединяющий русское пространство с мусульманскими регионами, где чувствуется «пульс большого торгового центра страны, выросшего быстро у слияния таких жизненных артерий» [Крушеван, 1896, с. 120].

4) Кавказ (Петровск, Владикавказ, Тифлис, Батум) — рубеж, где империя сталкивается с ориентальной инаковостью, но и одновременно заявляет свое присутствие.

5) Крым и Одесса — символические территории имперской экспансии, включенные в российский нарратив как отвоєванные у Османской империи.

Возвращение по Днепру (Бессарабия, Киев, Минск) — это также символический путь через пространства, исторически колебавшиеся между разными национальными влияниями. В целом этот маршрут можно рассматривать как акт национальной самоидентификации автора через движение по геополитически значимым точкам империи, где формируется новая нация, преодолевающая этничность в обмен на коллективное чувство контроля над «бесконечным пространством земли Русской» [Крушеван, 1896, с. 2]. Это также пересекается с концепцией «внутреннего круга» России, представляющей империю как концентрическую структуру с ядром в Москве и расширяющимися зонами идентичности [Gorizontov, 2007, p. 71]. Его кольцевой маршрут соединяет западные губернии, центральные города, волжско-каспийский торговый коридор, Кавказ, Крым и Одессу, символизируя движение от центра к периферии и обратно. Западные губернии предстают как исторически нестабильные границы, Кавказ — как рубеж столкновения с «ориентальной инаковостью», а Волга и Крым — как зоны экономического и военного укрепления империи.

Включение Кавказа и Бессарабии говорит о геополитическом измерении национального воображения, в котором окраины должны быть не

просто освоены, но интегрированы в общий нарратив. Такой маршрут позволил автору сформировать символическую связь центра и периферии, а также оценить инокультурное влияние на формирование российской идентичности. Если посещение Юга давало пищу для размышлений о разнообразии культур, этносов и религий, составляющих империю, то путешествие по западным рубежам предоставляло возможность изучить пограничные территории, где особенно ярко проявлялись позитивные и негативные процессы культурного обмена. Связь маршрута с заглавием текста, таким образом, объясняет жанрово-тематическую специфику травелога Крушевана: это литература путешествий только по форме, по содержанию же это трактат о геополитической миссии России, в котором реальное передвижение по имперскому пространству служит способом легитимации национальной унифицирующей идеи. Путешествие превращается в ритуал подтверждения принадлежности к великой державе, а наблюдение за окраинами — в средство их концептуального «присоединения» к единому национальному организму.

Центральная проблема, волнующая автора путевых заметок, обозначена уже в эпиграфе, составленном из цитат Э. Ренана и М. Ю. Лермонтова, которые, взаимодействуя друг с другом, открывают два ключевых измерения травелога: коллективное и индивидуальное восприятие пространства. Цитата из знаменитой речи Ренана, прочитанной им в Сорбонне в марте 1882 года, до публикации травелога уже переводилась на русский язык и вполне могла быть знакома Крушевану по петербургскому изданию 1886 года [Что такое ..., 1886]. Она задает теоретическую основу размышления о нации, как о коллективной идентичности, создаваемой через общее историческое наследие.

Однако в контексте Крушевана этот принцип трансформируется: нация в его представлении строится не через общее стремление к свободе или взаимопониманию, а через выделение тех, кто, по его мнению, «свой» и «чужой». Эпиграф позволяет осмыслить, почему в травелоге так важно пространство: это не просто география, это символическое поле борьбы за «правильную» идентичность, ради которой необходимо приносить жертвы. «Нация есть великая солидарность, как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, какие будут принесены в будущем» [Крушеван, 1896, с. I], — красноречиво гласит эпиграф. Может показаться, что концепция нации Ренана как «повседневного плебисцита» противоречит устремлениям Крушевана обнаружить повсюду негативные последствия еврейского влияния, однако в контексте других речей Ренана (например, его речи «Участие семитических народов в истории цивилизации», переведенной на русский язык и опубликованной в России [Ренан, 1888]) сле-

дует признать, что антисемитизм Крушевана не противоречит, а, скорее, развивает позицию французского мыслителя, которую можно назвать европоцентристской и ориенталистской. В такой оптике образы евреев легко смещаются из плоскости богатой дохристианской культуры, которую нужно изучать, в плоскость социально-экономического «паразитизма», от которого нужно избавляться.

Цитата из поэмы «Мцыри» Лермонтова погружает читателя в субъективное измерение: пространство становится тюрьмой, в которой личное самоопределение сталкивается с ограничениями, накладываемыми культурными, политическими и этническими границами. Этот мотив плена резонирует с внутренним конфликтом самого Крушевана, молдаванина по происхождению, который пытается интегрироваться в русскую националистическую среду и именно на границах империи видит главные угрозы русской нации. Таким образом, эпиграфы образуют концептуальную рамку всего текста: они задают динамику напряжения между коллективным проектом русификации и личной борьбой за идентичность в пространстве идеологической борьбы.

3.3. Образы «славянских братьев» в травелогe

Травелог Крушевана начинается с символического эпизода проводов путешественника, который после эпиграфа, отсылающего к Ренану, формулирует основную идеологическую рамку текста. В этой сцене автор собирает вокруг себя представителей разных народов — великоросса, поляка, украинца, белоруса, итальянца, — создавая миниатюрную модель Российской империи. Их общение демонстрирует не просто дружеское единство, но переход от этнической разобщенности прошлого к интеграции в единую государственную и культурную систему.

Эта композиция отражает центральную идею Крушевана: Россия — это не этнически однородная нация, а цивилизационный проект, объединяющий народы под руководством великороссов. Таким образом, путешествие автора превращается в ритуал осознания имперской идентичности, а маршрут — в процесс пространственной репрезентации национального единства. Важным компонентом этой конструкции становится модель четырех славянских братьев, «полных свежих сил молодой расы» [Крушеван, 1896, с. 5] — русских, украинцев, поляков и белорусов. В воображении Крушевана эти группы образуют своего рода иерархию, где великоросс выступает как сильный и уверенный лидер, способный объединить остальных. Поляк — порывистый и эмоциональный, утративший устойчивость после исторических потрясений, но все еще сохраняющий энергию борьбы. Белорус — угнетенный и замкнутый, переживший историческую несправедливость и не доверяющий никому. Украинец — свободолюбивый

и экспрессивный, уставший от вековой борьбы, но все еще сохраняющий силу и волю. Повествователь-южанин — это тот, кто сумел все это осознать и описать. Такая модель отражает имперскую стратегию русификации подданных имперского Юго-Запада, в которой малые народы постепенно ассимилируются в объятиях «старшего брата», сохраняя некоторую национальную специфику, но теряя при этом политическую субъектность.

Переход от сцены застолья к ночному путешествию на поезде усиливает метафизический аспект маршрута, превращая его в акт погружения в историческое прошлое. По мере того, как поезд уносит героя от современного общества, его сознание начинает воспринимать окружающее пространство как место столкновения времен: среди ночных пейзажей возникают образы древних славянских богов, языческих племен и воинских кличей [Крушеван, 1896, с. 4]. Этот момент становится ключевым для концепции России в травелог: она представляется глубинной культурно-исторической сущностью, в которой современный человек соединен с предками через сакральную территорию империи. Таким образом, отправление в путешествие оформляется не как индивидуальное приключение, а как инициация в русскую национальную мифологию: Крушеван вписывает себя в миф о единой русской судьбе, преодолевшей этнические границы в пользу позитивно воображаемого единства, основанного на имперской мощи.

В сцене проводов Крушеван включает в круг собеседников не только представителей славянских народов, но и итальянца — фигуру, которая, на первый взгляд, не вписывается в предложенную имперскую модель России как цивилизационного единства. Однако его присутствие выполняет важную символично-риторическую функцию. Крушеван описывает его как «изнеженного потомка когда-то могучего Рима» [Крушеван, 1896, с. 2], акцентируя разницу между былым величием итальянской истории и ее современным состоянием.

Идея Крушевана о кризисе Запада и молодости России не является оригинальной. Очевидно, его националистические и цивилизационные идеи, репрезентированные в травелог, — вольный пересказ работ Н. Я. Данилевского и тех, кто испытал его влияние, например, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова и др. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869) утверждал, что европейская цивилизация исчерпала себя, а ее место должна занять новая, славянская цивилизация во главе с Россией: «Ежели вызывается культурная жизнь нового исторического типа, то, должно быть, жизнь старого угасает» [Данилевский, 1895, с. 175]. Достоевский в «Дневнике писателя» также развивал представление о миссии России как цивилизации, способной спасти мир от духовного

разложения, противопоставляя ее Западу, который он считал погрязшим в рационализме и эгоизме. В частности, нельзя не заметить идейную переключку названия травелога Крушевана с вопросом из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за апрель 1877 года, при помощи которого он в контексте начавшейся русско-турецкой войны критикует противников своих националистических идей, вопрошающих: «Россия! Но как же она может, как она смеет? Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только материально? Там Европа, легко сказать Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?» [Достоевский, 1983, с. 94].

3.4. Комплиментарные образы европейского «Другого»

Как элементы стратегии острашения Крушеван вводит в травелоге образы западноевропейцев, позволяя взглянуть на Россию глазами европейского «Другого», но при этом трансформируя их фигуры в комплиментарные зеркала, отражающие имперские амбиции автора: неназванный итальянец становится символом упадка Запада, утратившего былую мощь, а француз Дю-Фар — восторженным, но поверхностным наблюдателем, неспособным осознать подлинную суть российской цивилизации.

Итальянец — потомок некогда могущественного Рима, он изнежен, поверхностен, лишен былой силы и импульса к историческому развитию, в то время как Россия — молодая, энергичная цивилизация, способная предложить альтернативу вырождающемуся миру Европы. Таким образом, его взгляд на Россию как на субъект, находящийся на историческом подъеме и предназначенный для великой миссии, продолжает идеологическую традицию, в которой Россия противопоставляется Западу не как его продолжение, а как его цивилизационный антагонист и провозвестник новой исторической эпохи. Если великоросс, белорус, поляк и украинец изображаются как участники внутреннего славянского конфликта, который еще может быть преодолен, то итальянец оказывается фигурой наблюдателя, стоящего вне этого процесса. В отличие от славян, ему не нужно находить свое место в русском мире — он существует параллельно ему, оставаясь символом европейской пассивности. Его роль в застольной сцене подчеркивает, что Россия вступает в диалог с Европой, но не следует ее путем.

Итальянец проявляет типичные черты южанина — эмоциональность, поверхностность, легкость в общении, что контрастирует с серьезными, иногда даже напряженными отношениями внутри славянского круга. Когда он на прощание шутит о помидорах и баклажанах [Крушеван, 1896, с. 4], а затем исчезает из повествования, это демонстрирует, что, в отличие от русских, он озабочен не судьбами нации, а житейскими мелочами. «Русский южанин» Крушеван противопоставляет Россию не позднему вырождающемуся Западу, а Риму в моменте экспансии, подчеркивая, что у славян

есть шанс не повторить судьбу западных империй. Таким образом, включение итальянца в эпизод проводов служит не случайной экзотической деталью, а концептуальным элементом, усиливающим общий нарратив. Это позволяет автору сформулировать ключевую идею: Россия — это не Рим, но, если она потеряет свой исторический импульс и внутреннее единство, ее ждет та же судьба. В этом смысле путешествие автора становится поиском ответа на вопрос: как избежать европейского сценария?

Значительное место в травелоге занимает фигура француза Дю-Фара, парижанина, два месяца путешествующего по России с целью ознакомления с русской живописью [Крушеван, 1896, с. 115]. Этот европейский путешественник помогает автору сформировать ситуацию двойного сравнения: между Россией и Францией, а также между разными способами осмысления пространства — русским и западноевропейским. Его роль отличается от функции итальянца, который в начале книги символизировал Запад в его историческом упадке. Дю-Фар, напротив, представляет современный западный взгляд на Россию, восторженный, но все же поверхностный, наполненный стереотипами, где экзотика превалирует над аналитическим пониманием. Его появление в травелоге позволяет показать, как Россия воспринимается извне и одновременно подчеркнуть ее величие, новизну и непохожесть на Европу.

Образ Дю-Фара семиотически связан с первыми появлениями французской темы в травелоге — эпитафией из Ренана и размышлениями о Бородинском поле, где Наполеон фактически проиграл свою решающую битву. Здесь Крушеван ведет историко-философский спор с тенью Наполеона, задавая вопросы о судьбе Франции и ее цивилизационной мощи, растраченной напрасно: «И для чего?.. Для того, чтобы сегодня их дети и внуки, полные симпатий и восторженной братской любви, бросались в объятия друг друга при единодушных возгласах: *Vive la Russie! Vive la France!*» [Крушеван, 1896, с. 27]. Он намекает на разрушительную природу французского экспансионизма, который истощает нацию, не создавая долгосрочного единства, и противопоставляет этому идею национальной прочности, основанной на духовной и внутренней силе добровольного объединения. Таким образом, Франция уже на этом этапе вводится в текст не как равный России партнер, а как предостережение, как пример великой державы, способной создавать значимые нарративы, но уже утратившей исторический импульс. Этот мотив перекликается с описанием итальянца в сцене проводов, но если итальянец олицетворял Рим в его стремительном упадке, то Наполеон — это символ энергичного, но непродуманного строительства империи, не сумевшего создать прочную государственную структуру.

Знакомство с Дю-Фаром делает этот контраст еще более явным. Француз восторгается Россией, но его впечатления кажутся Крушевану слишком эмоциональными и сумбурными. Он говорит о русской культуре, искусстве, византийских традициях, но воспринимает их как экзотическую новизну, а не как самостоятельный и мощный цивилизационный проект. Он ориентируется на французский путеводитель Бедекера, что становится знаком различных эпистемологических систем: западный путешественник осмысливает пространство через кодифицированные схемы, пусть и лучшие в своем роде, тогда как повествователь полагается на личное восприятие. Этот эпизод с путеводителем можно интерпретировать и как метафору более широкого противостояния между российским и западным пониманием географии, истории и идентичности: Франция ориентируется на рациональную систему знаний, а Россия — на живое переживание пространства.

Важный момент участия француза в сюжете травелога — решение Дю-Фара продолжить путь на Кавказ в компании с Крушеваном. Это не просто акт дружеского согласия, а символическое подчинение западного путешественника российскому маршруту. Кавказ в травелоге Крушевана — это колониальная граница, зона, где Россия утверждает свое право на новые территории. Таким образом, включение французского путешественника в этот этап маршрута подчеркивает гегемонию российской имперской логики над западным нарративом. Дю-Фар, сам того не замечая, становится фигурой европейца, который добровольно вписывается в русский имперский проект, переходя от роли восторженного наблюдателя к роли спутника в освоении новых пространств.

Француз также помогает внести в идейно-тематическую конструкцию травелога значимость «южного фактора». В диалоге Дю-Фара и Крушевана о русской литературе имперский Юг предстает ключевой движущей силой формирования русской нации. Как выходец из Бессарабии, Крушеван не воспринимает себя периферийной фигурой в русском мире и видит в Юге энергетический импульс, способный оживить и преобразить российскую культуру. В его представлении северный компонент русской литературы, характеризующийся холодной рациональностью, аналитизмом и реализмом, пока еще подавляет живое, эмоциональное и творческое начало юга, но этот баланс должен измениться. Южная экспрессия, пылкость воображения, богатая мифологическая традиция и естественная склонность к художественному синтезу являются тем недостающим элементом, который придаст русской культуре законченность и силу [Крушеван, 1896, с. 120].

В этом утверждении читается не только общая философия Крушевана, суждение о будущем России, но и его собственная автопрезентация как

представителя нового, пока недооцененного, но чрезвычайно важного элемента русского националистического движения. В отличие от традиционного имперского взгляда, где Юг рассматривается как пассивный объект освоения, Крушеван предлагает альтернативную концепцию национального единства, в которой южане становятся ее активными со-творцами. Таким образом, его травелог превращается не просто в описание путешествия, а в манифест нового национального синтеза, в котором южный элемент, еще недавно воспринимаемый как периферийный, оказывается необходимым катализатором будущего русского величия.

3.5. Украина в оптике унифицирующего национализма

3.5.1. Образы украинцев

В травелогe еще два национальных типа имеют важное идеологическое значение — украинцы и евреи. Образ украинца стереотипен и представлен как неотъемлемая, но все еще не до конца интегрированная часть русской нации, что отражает ключевые идеологические представления Российской империи конца XIX века. В этот период украинский вопрос в имперском дискурсе формировался вокруг идеи малороссов как «младшего брата», и, следуя этой логике, Крушеван изображает украинца не как самостоятельного исторического субъекта, а как переходный тип, который движется от казацкой анархии к органичному включению в единую русскую цивилизацию.

В уже упомянутом эпизоде прощального ужина «четвертый брат» украинец предстает сначала как бунтарь, наделенный неукротимой энергией, фантазией и боевой удачей, но уже усталый от вековой борьбы, рефлексирующий над своим прошлым и готовый к новой роли. Этот образ иллюстрирует ключевую имперскую идею Крушевана: Украина уже не воспринимается как чуждое пространство, но она еще не вполне встроена в единую национальную конструкцию. Вообще, готовность встроиться в «государственное единство» — это качество этноса, которое Крушеван противопоставляет центристскому индивидуализму, когда «каждый шляхетский пуп, ничего не делая, только и был занят своей амбицией и яснотельможностью» [Крушеван, 1896, с. 234]. Украинцы, в отличие от поляков и грузин, по его мнению, вполне преодолели этот порок Речи Посполитой.

Эта же мысль подкрепляется описанием Киева, где Крушеван наблюдает украинскую культуру уже не как альтернативную, а как органично вплетенную в русское пространство. Киевляне, по его словам, сохраняют поэтичность, чувственность, эмоциональность, но уже говорят на языке единой русской культуры. Этот подход соответствовал националистическим дискурсам Российской империи, в которых Киев рассматривался не как центр самостоятельного национального движения, а как символ «рус-

ского единства». Однако нужно сказать, что этот нарратив не вполне соответствовал объективной исторической картине конца XIX века: Киев действительно был центром имперской политики русификации, но он оставался и ключевым очагом украинской культурной активности. В 1876 году Эмский указ запретил публикации, театральные постановки и образование на украинском языке, что свидетельствовало о страхе властей перед украиноязычной культурой, а не об ее естественном исчезновении. Киев был местом, где одновременно действовали имперские русификационные институты и украинские интеллектуальные круги, которые, несмотря на запреты, продолжали существовать и укреплять украинскую национальную идентичность. Крушеван, говоря о запрете малороссийской театральной труппы в Киеве, трактует это как попытку властей избежать «экстаза» и «необузданных эмоций» зрителей [Крушеван, 1896, с. 34], в то время как в реальности запрет театра был скорее частью систематической политики подавления украинской культуры, имевшей, с точки зрения властей, явный сепаратистский уклон.

В его интерпретации украинцы предстают эмоциональными, восторженными, но управляемыми, что отражает характерный имперский нарратив: украинцы — это не самостоятельный исторический субъект, а энергичный, но подчиненный элемент в составе русского народа. В этом смысле Крушеван выдает желаемое за действительное, пытаясь представить Киев как город, где уже нет борьбы за культурную идентичность, тогда как в реальности украинское движение не только не исчезло, но и продолжало набирать силу. Сопротивление украинизации и само существование репрессивных мер говорят о том, что Киев к моменту рассуждений Крушевана не был «успешно русифицирован», а оставался ареной культурного и политического противостояния.

Таким образом, в концепции Крушевана украинец занимает особую позицию в русской нации: он уже включен в нее, но еще сохраняет элементы автономной идентичности, которые, по мысли автора, должны со временем раствориться. Его историческая судьба представляется завершенной: эпоха запорожской вольницы осталась в прошлом, а будущее Украины — в слиянии с русским государством и культурой. Этот взгляд перекликается с более широкими тенденциями имперской политики конца XIX века, направленной на культурную унификацию окраин и устранение любых признаков национальной автономии, заменяя их идеей общерусского единства. В этом контексте украинцы оказываются не просто частью Российской империи, а важным звеном в процессе формирования концепции новой, универсальной русской нации, которая, по мнению Крушевана, еще не достигла своей окончательной формы.

3.5.2. Оппозиции Киев — Одесса и Москва — Петербург

Значимость украинского пространства для идеологических построений Крушевана закреплена также нарративом о соперничестве Киева и Одессы — так же как в России соперничают Москва и Петербург. В нарративе Крушевана противостояние городов используется не просто как сюжетный прием, а как инструмент конструирования иерархии внутри имперского пространства. Киев, Одесса, Москва и Петербург оказываются неравнозначными центрами, а выполняют разные функции в имперском проекте.

Москва, как Рим, к которому ведут все дороги, — логистический центр «ядра» России: «Москва кажется мне в эту минуту пауком, который, растопырив во все концы России свои ножки, держит в них всю русскую жизнь центральной полосы» [Крушеван, 1896, с. 29]. Киев же получает исключительный статус, становясь духовной и исторической основой русского единства, что прямо соотносится с русификационной политикой властей конца XIX века. Он противопоставляется Одессе, которую автор представляет как торговый, космополитичный, но менее «национально-русский» центр Юго-Запада, а также Петербургу, который выступает скорее административным, чем народным символом.

Противопоставление Киева и Одессы в травелогe также демонстрирует идеологический подтекст, связанный с борьбой за символическое господство над Юго-Западом империи. Одесса в представлении Крушевана — город нервный, торговый, чрезмерно европеизированный, в котором преобладает прагматизм и коммерческий расчет, отчасти ориентализованный: этот город вырастает в дымке «минаретами фабричных труб» [Крушеван, 1896, с. 291], здесь ползут «точно уродливые верблюды, караваны барж с прикрытым брезентом грузом» [Крушеван, 1896, с. 92]. Но вместе с тем Одесса — скорее евразийский город, где Восток и Запад органично слились вместе: «Сюда стремились и екатеринославцы, и херсонцы, и бессарабцы, отсюда разливалась по всей окраине европейская культура, здесь степняк-малоросс, великоросс и бессарабец терлись бок о бок с иностранцем, и в этой мировой толпе, на этом мировом рынке “чумацкая” размашистая натура южанина слилась с европейцем» [Крушеван, 1896, с. 293].

Киев, напротив, оказывается пространством сакральной русскости, местом, где народная энергия сохраняет свою чистоту и силу. Эта оппозиция также отражает не реальность, а идеологическую потребность нарратора показать Киев в роли древней русской «духовной столицы», противопоставленной меркантилизму Одессы. Будучи мультикультурным портом, Одесса действительно играла важную экономическую роль «окна в Европу», влияя на экономические и культурные процессы всей страны, но представление Крушевана о том, что «настоящая» русская городская культура

формируется в Киеве, а не в более динамичной Одессе, является не более чем идеологическим конструктом, призванным сделать пространство Юга более «русским», чем оно было на самом деле.

Кроме того, Крушеван использует сопоставление Киева и Москвы, чтобы дополнительно подчеркнуть уникальную роль Киева в русском сознании. Киев оказывается чем-то вроде «южной Москвы», обладающей не только древностью, но и народной подлинностью, в отличие от Петербурга, который в русской словесности XIX века традиционно воспринимался как искусственный, бюрократический и, в целом, inferнальный город, оторванный от национальной почвы. Это противопоставление снова создает иллюзию преемственности, согласно которой Киев органически вписан в русский мир с центром в Москве, а его история воспринимается исключительно как часть русской и только русской цивилизации. В таком случае образ «дедушки городов русских» способствует вытеснению альтернативных нарративов о прошлом и игнорированию современного культурного разнообразия и напряженности, которые существовали в Киеве и делали его не только русским, но и украинским, польским, еврейским, в общем, вполне интернациональным городом.

Таким образом, травелог Крушевана отражает не столько реальную картину имперского юга, сколько желание вписать Киев в идеологическую матрицу русского единства, сделав его опорным пунктом русификации и мифа о тысячелетнем национальном единстве. Одесса и Петербург при этом оказываются маргинализированными, потому что они представляют собой слишком открытые, слишком космополитичные и слишком «неконтролируемые» модели городского развития. В конечном счете, Крушеван предлагает читателю не объективное описание городского пространства, а его политически мотивированную интерпретацию, в которой Киев играет роль не только административного центра имперского Юго-Запада, но и инструмента имперской легитимации русской идентичности.

3.5.3. Образы евреев и антисемитский дискурс травелога

Еврейская тема травелога имеет непосредственное отношение к главному вопросу травелога: «что такое Россия?». По всему тексту Крушеван описывает «еврейский элемент» как нечто отрицательное, противопоставленное всем без исключения народам, встречающимся у него на пути по юго-западным окраинам империи, но особое место имагология евреев занимает в финале травелога, где вопрос «Что такое Россия?» получает, наконец, определенный, идеологически выверенный ответ: это не просто географическое пространство и государство, а единый национальный организм, в котором народное и этническое разнообразие должно быть упорядочено, а элементы, мешающие этому порядку, либо слиты воедино,

либо отвергнуты. Центральным препятствием на пути к такому единству, по Крушевану, являются евреи, которым отводится роль чуждого, непреодолимого элемента. Если украинцы и поляки, по его логике, могут быть включены в империю через «братское слияние», то евреи оказываются в иной категории — народа, который сам выбрал обособленность и теперь должен нести за это историческую ответственность.

Ключевой момент заключается в том, что итоговый, программный разговор происходит именно в пространстве Киева, и это еще раз подчеркивает, что в идеологических конструкциях Крушевана Киев воспринимался как колыбель русской государственности, сакральный центр, через который легитимировалась символическая преемственность Российской империи от Древней Руси (и Византии). В нарративе Крушевана Киев играет роль места, где русский и украинский элементы на глазах соединяются в «здоровый» народный союз, формируя настоящее русское пространство. Однако именно здесь по причине плотного еврейского расселения наиболее остро проявляется «еврейская проблема», что для автора становится тревожным сигналом: Киев оказывается символическим рубежом, где определяются границы допустимого и недопустимого слияния народов.

Главные тезисы его рассуждений наследуют общую логику антисемитского дискурса русской словесности, сближающуюся с антисемитскими конструктами Ф. М. Достоевского: евреи сознательно изолируют себя от русской культуры, паразитируют на экономической системе страны, не способны к трудовой деятельности «на земле», а потому естественным образом вызывают ненависть к себе со стороны русских и украинцев. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский также определяет «еврейский фактор» как помеху на пути «славянскому единству»: «Не будь так сильна еврейская идея в мире, и, может быть, тот же самый “славянский” (прошлогодний) вопрос давно бы уже решен был в пользу славян, а не турок» [Достоевский, 1983, с. 77].

Однако при этом евреи обвиняются одновременно и в нежелании ассимилироваться, и в том, что их ассимиляция невозможна, что ставит целый этнос в безвыходное положение: любые их действия интерпретируются как подтверждение их чуждости. Этот аргументативный тупик совпадает с реальной государственной политикой Российской империи эпохи Александра III, которая, с одной стороны, требовала от евреев экономической интеграции и политической лояльности, а с другой — вводила ограничения на их обучение, передвижение за пределы «черты оседлости» и трудовую и коммерческую деятельность, сознательно делая невозможным их полное слияние с русским обществом. Консервативная русская пресса («Новое время», «Русь», «Киевлянин» и др.) при поддержке или попусти-

тельстве властей наращивала антисемитскую агитацию, и это вылилось в череду погромов, прокатившихся по Югу империи 1881—1882 годов, которые В. Е. Кельнер справедливо называет «погромной эпидемией» [Кельнер, 2024, с. 18]. Эти события связаны с эволюцией как общественного, так и государственного отношения к «еврейскому вопросу», при этом миф об опасности евреев, как точно подметил А. А. Тесля, оставался и остается постоянно действующей категорией русского национального сознания, не исчезая и не появляясь, а только актуализируясь в определенных обстоятельствах [Тесля, 2023, с. 133].

Не менее важным оказывается и литературный прием, с помощью которого автор оформляет этот финальный идеологический тезис — внезапный переход на третье лицо. Описывая себя как смуглого большеглазого «путешественника», Крушеван создает иллюзию объективности, делая вид, что его антисемитские рассуждения — не личное мнение, а результат «беспристрастного наблюдения» над историей и современным состоянием России. Это также снижает эмоциональный накал, превращая даже самые радикальные высказывания в «рациональные» и «научные» аргументы. Прием дистанцирования позволяет Крушевану не просто выразить собственные идеи, но и представить их как единственно возможные выводы, к которым пришел бы любой человек, внимательно изучивший Россию.

Таким образом, финальная глава травелога не просто резюмирует путешествие, но и подводит читателей к ключевому выводу: Россия как национальный организм должна стремиться к единству, внутренней целостности, но эта целостность возможна лишь при «правильном» слиянии народов, исключая тех, кто не вписывается в эту далекую от реальности модель. Киев становится символической точкой этого необходимого разделения, а еврейский вопрос — завершающим аргументом, оформляющим концепцию русского национального единства через исключение. Антисемитская риторика Крушевана вписывается в общий имперский дискурс конца XIX века, где разговор об объединении России неизбежно сопровождался жестким размежеванием между теми, кто может стать русским, и теми, кому это не позволено.

4. Заключение = Conclusions

Итак, анализ травелога Крушевана демонстрирует, насколько важную роль играли подобные тексты в формировании националистического взгляда на территорию, население и идентичность имперского Юго-Запада. Путевые заметки становились не столько отражением увиденного, сколько инструментом, с помощью которого автор проектировал желаемую картину российского пространства, выстраивая его по принципу «свое — чужое». Включение еврейской темы в итоговый дискурс травелога подчеркивает,

что в консервативном националистическом сознании конца XIX века представления о нации и государстве невозможно было выстроить без жесткого определения границ — не только географических, но и культурных, этнических, религиозных. Киев в этой системе координат оказывается не просто географической точкой на карте путешествия, а пространством, где решается вопрос о допустимой и недопустимой идентичности. Его статус «колыбели Руси» делает его идеальной сценой для окончательного ответа на вопрос «Что такое Россия?», но этот ответ оказывается глубоко проблематичным: единство возможно только через насильственное включение или исключение. Неизбежность насилия в отношении внутренних «чужих», сознательно вставших на пути имперского прогресса, — вот главный тезис, который должен был усвоить читатель этого трактата-травелога.

Таким образом, идеология имперского Юго-Запада предстает не как статичное представление о подчиненных территориях, а как постоянный процесс перерисовывания воображаемых границ между «нашими» и «чужими», между теми, кто может быть включен в национальное тело, и теми, кто навсегда останется вне его. Изучение подобных текстов остается крайне актуальным для понимания того, как имперские, националистические и ориенталистские дискурсы взаимодействовали друг с другом в пространстве российского государства и каким образом эти взаимодействия повлияли на политическое и культурное восприятие Украины, Бессарабии и других «контактных зон» империи. Травелоги, подобные книге Крушевана, не просто фиксировали впечатления путешественников — они участвовали в формировании имперской политики, задавали образцы мышления, конструировали исторические нарративы влиятельных общественных групп. В этом смысле анализ таких текстов позволяет глубже понять механизмы формирования имперской идентичности и те стратегии исключения и ассимиляции, которые продолжали работать на протяжении всего XX века и сохраняют свое влияние в XXI веке.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Крушеван П. А. Что такое Россия? Путевые заметки / П. А. Крушеван. — Москва : Т-во Кушнерев и К°, 1896. — 374 с.

Литература

1. Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века : от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому / П. В. Алексеев. — Томск : Изд-во Томского университета, 2015. — 347 с. — ISBN 978-5-7511-2407-6.

2. *Башияр Г.* Избранное : Поэтика пространства / Г. Башияр. — Москва : РОС-СПЭН, 2004. — 376 с. — ISBN 5-8243-0489-0.

3. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи : Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914) / Д. Бовуа. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 1008 с. — ISBN 978-5-86793-829-1.

4. *Вех С.* Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи / С. Вех // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. — 2021. — Т. 18 (2). — С. 97—123. — DOI: 10.36121/swiech.18.2021.2.097.

5. *Галушко А. Д.* «Свое» — «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым / А. Д. Галушко // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3—16.

6. *Гром О. А.* Национальный вопрос в Бессарабии на страницах газеты «Бессарабец», 1897—1905 гг. / О. А. Гром // *Русская старина*. — 2023. — № 14 (2). — С. 58—68. — DOI: 10.13187/rs.2023.2.58.

7. *Громыко С. А.* П. А. Крушеван — думский оратор : риторико-прагматические особенности выступлений / С. А. Громыко // *Вестник Череповецкого государственного университета*. — 2016. — № 4 (73). — С. 84—88.

8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1895. — 629 с.

9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1983. — Т. 25. — 470 с.

10. *Жданов С. С.* Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) / С. С. Жданов // *Два века русской классики*. — 2024. — Т. 6 (3). — С. 30—63. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63.

11. *Западные окраины Российской империи* / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с. — ISBN 5-86793-425-х.

12. *Ижболдина И. А.* «Волки» Павла Крушевана / И. А. Ижболдина // *Revista de Etnologie și Culturologie*. — 2007. — № 2. — С. 161—165.

13. *Кельнер В. Е.* Евреи, которые жили в России / В. Е. Кельнер // *Евреи в России : XIX век*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — С. 5—26. — ISBN 9785444821909.

14. *Киселев В. С.* «Странное политическое сонмище» или «Народ, поющий и пляшущий» : конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX в. / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 478—517. — ISBN 978-5-4448-0002-7.

15. *Киселев В. С.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в. : регионализм, этнографизм, политизация (статья третья. «Между Польшей и Россией») / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2014. — № 1 (27). — С. 102—123.

16. *Кублицкая О. В.* Путевая проза : жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) / О. В. Кублицкая // *Вестник Марийского государственного университета*. — 2019. — Т. 13. — № 1 (33). — С. 76—84. — DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-1-76-84.

17. *Курыянов С. О.* О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курыянов // *Крымский гуманитарный вестник : сборник*

научных статей / Отв. редактор А. Н. Рудяков ; ГБОУ ДПО РК «КРИППО». — Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47. — ISBN 978-5-9500652-4-8.

18. *Лескинен М. В.* Очерк 2. Возникновение научных представлений об общности русского народа : вопросы исторической топонимии и этнонимии (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.) / М. В. Лескинен // Малороссы vs украинцы : Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР : Очерки : Колл. монография. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2018. — С. 101—157.

19. *Люсый А. П.* Крымский текст русской литературы / А. П. Люсый. — Санкт-Петербург : Алетей, 2003. — 314 с. — ISBN 5-89329-585-4.

20. *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А. И. Миллер. — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — 284 с. — ISBN 5-89359-246-4.

21. *Некрасов Н. В.* Финансовые скандалы вокруг П. А. Крушевана и кишиневского отдела «Союза русского народа» (февраль — июль 1907 г.) / Н. В. Некрасов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 4. — С. 131—137.

22. *Орехов В. В.* Миф о разрушении Херсонеса : эпизод литературного освоения Крыма / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. — 2021. — № 15. — С. 194—213. — DOI: 10.17223/24099554/15/12.

23. *Пеллегрино П.* Семиотика пространства : гетеротопия и значение места / П. Пеллегрино // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2020. — № 1 (41). — С. 11—28. — DOI: 10.31249/chel/2020.01.01.

24. *Пономарев Е. Р.* Русский имперский травелог / Е. Р. Пономарев // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2(144). — С. 33—44.

25. *Ренан Э.* Место семитских народов в истории цивилизации : Речь при открытии курса языков еврейского, халдейского и сирийского в Collège de France / Э. Ренан. — Москва : В. Н. Маракуев, 1888. — 32 с.

26. *Семиотика пространства и пространство семиотики* / Ред. Ю. М. Лотман. — Тарту : ТГУ, 1986. — 163 с.

27. *Сень Д. В.* Воображаемая география и имперский дискурс : практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — начале XIX в. / Д. В. Сень // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 146—160.

28. *Стогов Д. И.* Предисловие / Д. И. Стогов // Знамя России. — Москва : Институт русской цивилизации, 2015. — С. 5—90. — ISBN 978-5-4261-0099-2.

29. *Тесля А. А.* Семь коротких лекций о славянофильстве / А. А. Тесля. — Тула : ТИАМ, 2023. — 200 с. — ISBN 978-5-6049427-8-9.

30. *Топилина В. М.* Легальная печать Молдавии 1905—1907 гг. О первой русской революции / В. М. Топилина. — Кишинев : Штиинца, 1987. — 63 с.

31. *Трубецкой Б. А.* Из истории периодической печати Бессарабии. (1854—1916 гг.) / Б. А. Трубецкой. — Кишинев : Штиинца, 1989. — 275 с. — ISBN 5-376-00005-2.

32. *Фарафонова О. А.* Маршруты русских травелогов XVIII века / О. А. Фарафонова // Русский травелог XVIII—XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. — С. 261—285. — ISBN 978-5-00023-878-0.

33. *Храпунов Н. И.* «Другие» на имперском пограничье : восприятие жителей Крыма в российских травелогах рубежа XVIII—XIX вв. / Н. И. Храпунов // Астраханские Петровские чтения : материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый

и имперские практики фронтального пространства», Астрахань, 24 ноября 2021 года. — Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2022. — С. 44—55. — ISBN 978-5-9926-1355-1.

34. *Что такое нация?* : Лекция Э. Ренана, чит. В Сорбонне. — Санкт-Петербург : Вл. Берман и С. Войтинский, 1886. — 43 с.

35. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

36. *Шорников И. П.* П. А. Крушеван и национальный вопрос в России : Молдаванин или русский националист? / И. П. Шорников // Вестник РУДН. Серия : История России. — 2011. — № 1. — С. 93—106.

37. *Gorizontov L.* The “great circle” of interior Russia : Representations of the imperial center in the nineteenth and early twentieth centuries / L. Gorizontov // Russian Empire : Space, People, Power, 1700—1930. — Bloomington, IN : Indiana University Press, 2007. — Pp. 67—93.

38. *Kleespies I.* Caught at the Border : Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler” and Dostoevsky’s “Winter Notes on Summer Impressions” / I. Kleespies // The Slavic and East European Journal. — 2006. — Pp. 231—251.

39. *Pageaux D. H.* L’imagerie Culturelle : de la Littérature Comparée à L’anthropologie Culturelle / D. H. Pageaux // Synthésis. — 1983. — № 10. — Pp. 79—88.

40. *Pratt M. L.* Imperial Eyes : Travel and Transculturation / M. L. Pratt. — London ; New York : Routledge, 1992. — 257 p. — ISBN 10: 041502675X.

41. *Tolz V.* Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia / V. Tolz // The Historical Journal. — 2005. — Vol. 48 (1). — Pp. 127—150.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2025,
одобрена после рецензирования 04.06.2025,
подготовлена к публикации 19.06.2025.*

Material resources

Krushevan, P. A. (1896). *What is Russia? Travel notes*. Moscow: Kushnerev and Co. 374 p. (In Russ.).

References

Alekseev, P. V. (2015). *The conceptual sphere of oriental discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: from A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 347 p. ISBN 978-5-7511-2407-6. (In Russ.).

Bashlyar, G. (2004). *Selected works: Poetics of space*. Moscow: ROSSPAN. 376 p. ISBN 5-8243-0489-0. (In Russ.).

Beauvois, D. (2011). *The Gordian knot of the Russian Empire: Power, nobility and People in Right-bank Ukraine (1793—1914)*. Moscow: New Literary Review. 1008 p. ISBN 978-5-86793-829-1. (In Russ.).

Danilevsky, N. Ya. (1895). *Russia and Europe*. St. Petersburg: Printing house of the Panteleev brothers. 629 p. (In Russ.).

Dolbilov, M., Miller, A. (2006). *The Western outskirts of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 5-86793-425-x. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1983). *Complete works: in 30 volumes*, 25. Leningrad: Nauka, Leningrad Publishing House. 470 p. (In Russ.).

- Farafonova, O. A. (2016). Russian travelogue of the XVIII century. In: *Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: routes, toposes, genres and narratives*. Novosibirsk: NSPU Publishing House. 261—285. ISBN 978-5-00023-878-0. (In Russ.).
- Galushko, A. D. (2022). “Own” — “alien” in the description of Taurida by P. I. Sumarokov. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 8 (1): 3—16. (In Russ.).
- Gorizontov, L. (2007). The “great circle” of interior Russia: Representations of the imperial center in the nineteenth and early twentieth centuries. In: *Russian Empire: Space, People, Power, 1700—1930*. Bloomington, IN: Indiana University Press. 67—93.
- Grom, O. A. (2023). The national question in Bessarabia on the pages of the newspaper “Bessarabets”, 1897—1905. *Russian Antiquity*, 14 (2): 58—68. DOI: 10.13187/rs.2023.2.58. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2016). P. A. Krushevan — Duma speaker: rhetorical and pragmatic features of speeches. *Bulletin of Cherepovets State University*, 4 (73): 84—88. (In Russ.).
- Izhboldina, I. A. (2007). “Wolves” by Pavel Krushevan. *Revista de Etnologie și Culturologie*, 2: 161—165. (In Russ.).
- Kellner, V. E. (2024). Jews who lived in Russia. In: *Jews in Russia: XIX century*. Moscow: New Literary Review. 5—26. ISBN 9785444821909. (In Russ.).
- Khrapunov, N. I. (2022). “Others” on the Imperial frontier: the perception of Crimean residents in Russian travelogues of the turn of the XVIII—XIX centuries. In: *Astrakhan Petrovsky readings: proceedings of the VI International Scientific Conference “Peter the Great and Imperial practices of frontier space”, Astrakhan, November 24, 2021*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. 44—55. ISBN 978-5-9926-1355-1. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2012). “A strange political crowd” or “A people singing and dancing”: constructing the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — beginning of the XIX century. In: *Inside there. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia*. Moscow: New Literary Review. 478—517. ISBN 978-5-4448-0002-7. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2014). The evolution of the image of Ukraine in imperial literature of the first quarter of the 19th century: regionalism, ethnographism, politicization (article three. “Between Poland and Russia”). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1 (27): 102—123. (In Russ.).
- Kleespies, I. (2006). Caught at the Border: Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler” and Dostoevsky’s “Winter Notes on Summer Impressions”. *The Slavic and East European Journal*. 231—251.
- Kublitskaya, O. V. (2019). Travel prose: genre, style, discourse, narrative (results and prospects of study). *Bulletin of the Mari State University*, 13 / 1 (33): 76—84. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-1-76-84. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On Russian-Ukrainian literary relations and the Ukrainian text in Russian literature. In: *Crimean Humanitarian Bulletin: collection of scientific articles*. Simferopol: IP Minakir I. L. 40—47. ISBN 978-5-9500652-4-8. (In Russ.).
- Leskinen, M. V. (2018). Essay 2. The emergence of scientific ideas about the community of the Russian people: issues of historical toponymy and ethnonymy (the last third of the XVIII — first half of the XIX century). In: *Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Em-*

- pire and the USSR: Essays. Coll. monograph. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 101—157. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (ed.). *Semiotics of space and the space of semiotics*. Tartu: TSU. 163 p. (In Russ.).
- Lyusyi, A. P. (2003). *The Crimean text of Russian literature*. St. Petersburg: Aleteya. 314 p. ISBN 5-89329-585-4. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2000). *The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the 19th century)*. St. Petersburg: Aleteya. 284 p. ISBN 5-89329-246-4. (In Russ.).
- Nekrasov, N. V. (2014). Financial scandals around P. A. Krushevan and the Chisinau department of the Union of the Russian People (February — July 1907). *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 4: 131—137. (In Russ.).
- Orehov, V. V. (2021). The myth of the destruction of Chersonesos: an episode of the literary development of the Crimea. *Imagology and comparative studies*, 15: 194—213. DOI: 10.17223/24099554/15/12. (In Russ.).
- Pageaux, D. H. (1883). L'imagerie Culturelle: de la Littérature Comparée à L'anthropologie Culturelle. *Synthésis*, 10: 79—88.
- Pellegrino, P. (2020). Semiotics of space: heterotopia and the Meaning of Place. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects*, 1 (41): 11—28. DOI: 10.31249/chel/2020.01.01. (In Russ.).
- Ponomarev, E. R. (2017). Russian Imperial travelogue. *New Literary Review*, 2 (144): 33—44. (In Russ.).
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel and Transculturation*. London; New York: Routledge. 257 p. ISBN 10: 041502675X.
- Renan, E. (1888). *The place of the Semitic peoples in the history of civilization: Speech at the opening of the course of Hebrew, Chaldean and Syriac languages at the Collège de France*. Moscow: V. N. Marakuev. 32 p. (In Russ.).
- Schenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature 1790—1840*. Saint Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287. (In Russ.).
- Senh, D. V. (2008). Imaginary Geography and Imperial discourse: the practices of the Russian Empire in Crimea and the North-West Caucasus in the Late 18th and Early 19th centuries. *Ethnographic Review*, 3: 146—160. (In Russ.).
- Shornikov, I. P. (2011). P. A. Krushevan and the national question in Russia: Moldovan or Russian nationalist? *Bulletin of the RUDN University. Series: The History of Russia*, 1: 93—106. (In Russ.).
- Stogov, D. I. (2015). Preface. In: *Banner of Russia*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 5—90. ISBN 978-5-4261-0099-2. (In Russ.).
- Teslya, A. A. (2023). *Seven short lectures on Slavophilism*. Tula: TIAM. 200 p. ISBN 978-5-6049427-8-9. (In Russ.).
- Tolz, V. (2005). Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia. *The Historical Journal*, 48 (1): 127—150.
- Topilina, V. M. (1987). *The legal seal of Moldavia 1905—1907. About the first Russian Revolution*. Chisinau: Stiinca. 63 p. (In Russ.).
- Trubetskoy, B. A. (1989). *From the history of the periodical press of Bessarabia. (1854—1916)*. Chisinau: Stiinca. 275 p. ISBN 5-376-00005-2. (In Russ.).

- Vech, S. (2021). Milestones in the village of the Western Region (“occupied lands”) in the internal policy of the Russian Empire. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 18 (2): 97—123. DOI: 10.36121/swiech.18.2021.2.097. (In Russ.).
- What is a nation?: Lecture by E. Renan, chit. At the Sorbonne*. (1886). St. Petersburg: V. Ber-
man and S. Voitinsky. 43 p. (In Russ.).
- Zhdanov, S. S. (2024). Spatial images of the liminal Southwest of the Russian Empire (based on the material of M. P. Zhdanov’s “Travel Notes on Russia”). *Two Centuries of Russian Classics*, 6 (3): 30—63. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63. (In Russ.).

*The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 04.06.2025;
accepted for publication 19.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Опыты визуальной поэзии Василия Каменского / О. В. Богданова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 289—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303.

Bogdanova, O. V. (2025). Visual Poetry of Vasily Kamensky. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 289-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Опыты визуальной поэзии Василия Каменского

Богданова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательский
гуманитарный центр «Слово»
olgabogdanova03@mail.ru

Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-18-00764
(Русская христианская
гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского)

Visual Poetry of Vasily Kamensky

Olga V. Bogdanova

orcid.org/0000-0001-6007-7657

ResearcherID: C-5907-2016

ScopusAuthorID 57219902824

Doctor of Philology, Professor,
Scientific Research

Humanitarian Center “Slovo”
olgabogdanova03@mail.ru

Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The research was supported
by the Russian Science Foundation,
Project № 25-18-00764
(Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В работе предложена интерпретация отдельных стихотворений поэта-авангардиста начала XX века Василия Каменского. На примере ранних произведений из сборника «железобетонных поэм» В. Каменского «Танго с коровами» (1914) рассмотрены различные образцы визуальных текстов поэта-футуриста. Предложены возможные интерпретации сложных для обычного восприятия стихов-картин поэта-летчика. Рассмотрены тексты поэм «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» и «Константинополь». Проанализированы приемы и механизмы необычных зрительных впечатлений, которые порождают авангардистские тексты поэта. Прослежено, как визуальный образ поэтического текста дополняет его вербально переданное содержание. Продемонстрировано, что поэмы-картины В. Каменского имеют строгую логику построения, четкую последовательность сюжетного развития и осмысленно-продуманную композиционную структуру, опосредованные как семантикой изображаемого, так и «сквозными» авангардными стратегиями. Показано, что «сложность» и «таинственность» поэм В. Каменского из сборника «Танго с коровами» внешние, что при внимательном отношении к визуальным тактикам они легко раскрывают свои секреты. Подчеркнуто, что стихи-картины В. Каменского имеют не только «космическую», но и «земную» природу. Отмечается, что контекст авангардной литературы, в законах которой формировался поэт, не мог помешать созданию глубоко поэтических изящных произведений.

Ключевые слова:

Василий Каменский; первый русский авангард; визуальная поэзия; приемы совмещения вербального и визуального.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper offers an interpretation of select poems by the early 20th-century avant-garde poet Vasily Kamensky. Through an examination of early works from Kamensky's collection of "reinforced concrete poems," particularly "Tango with Cows" (1914), various examples of the poet's visual texts are explored. Possible interpretations of the complex, often elusive pictorial poems of the aviator-poet are proposed. The texts of the poems "Vasily Kamensky's Flight on an Airplane in Warsaw" and "Constantinople" are analyzed, focusing on the techniques and mechanisms that generate unusual visual impressions characteristic of the poet's avant-garde works. The study traces how the visual imagery within the poetic text complements its verbally conveyed content. It is demonstrated that Kamensky's pictorial poems possess a strict logic of construction, a clear sequence of plot development, and a thoughtfully designed compositional structure, mediated by both the semantics of the depicted imagery and overarching avant-garde strategies. The research shows that the "complexity" and "mystique" of Kamensky's poems from "Tango with Cows" are superficial; with careful attention to visual tactics, their secrets can be readily unveiled. It is emphasized that Kamensky's pictorial poems embody not only a "cosmic" but also a "terrestrial" nature. Furthermore, the context of avant-garde literature, within which the poet was formed, did not hinder the creation of deeply poetic and exquisite works.

Key words:

Vasily Kamensky; Russian avant-garde; visual poetry; techniques of verbal-visual integration.

УДК 821.161.1Каменский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-289-303

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Опыты визуальной поэзии Василия Каменского

© Богданова О. В., 2025

1. Введение = Introduction

В условиях русского авангарда — *первого*, футуризма 1910—20-х годов, или *второго*, концептуализма 1970—80-х, обращенного к формальным экспериментам в области стиха (хотя некоторые исследователи выделяют *три* русских авангарда [Казарина, 2005]), первостепенную роль занимают игра со словом, словотворчество, изобразительность и фактурность слова. Слово становится опорой формальных экспериментов, в первую очередь на себе сосредоточивая экспериментальные практики. И в этом смысле *визуальная поэзия* — едва ли не первый шаг авангардной поэтики (аргумент: не как целостное явление, но как единичные образцы тексты визуальной поэзии можно обнаружить и много раньше — в числе произведений античности, средних веков, нового времени).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Что касается критического освещения вопроса теории и практики визуальной поэзии, то можно отметить, что в условиях реальности конца XX — начала XXI веков исследовательский интерес к визуальному тексту вырос — причем как со стороны искусствоведения, так и со стороны литературоведения. В последние десятилетия появились интересные научные статьи, защищены кандидатские диссертации, опубликованы сборники и монографии по проблемам визуализации текста [Бирюков, 1994; Орлицкий, 1995; Кулаков, 1995; Гаспаров, 2001; Гик, 2004; Суховой, 2008; Кучина, 2016; Галечьян, 2023; и др.].

Как ясно из самого термина, визуальная поэзия представляет собой такой род поэтического текста, который, наряду с собственно поэтически организованными строками, вбирает в себя и некие изобразительные элементы, как правило и особенно на раннем этапе работы в этом направлении *графические*. Возникает вопрос: какой смысл в стремлении к визуализации поэзии? какие грани придают графические элементы поэтическому тексту? какие формы принимают графические тексты?

Отвечая на поставленные вопросы, на самом предварительном и общем уровне можно предположить, что визуализация должна дополнить поэтический текст некой новой семантикой, придать тексту обновленный (= дополняющий) смысл. Как же рождается новый смысл? Каковы пути графической изобразительности поэзии? Очевидно, что они разные.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сборник «железобетонных поэм» «Танго с коровами»

Как правило, искусствоведами и филологами в качестве раннего и наиболее репрезентативного образца визуальной поэзии называется сборник Василия Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» (1914). Теоретики авангардной поэзии давно сформулировали, что визуальный текст возникает на пересечении вербального и визуального — «на стыке литературы и традиционного изобразительного творчества (живописи, графики)» [Гик, 2004]. Среди ранних образцов первого авангарда именно «Танго с коровами» репрезентирует выразительные практики смещения письменного текста с графическими изобразительными приемами.

Сборник В. Каменского «Танго с коровами», включающий в себя 8 поэм, «вылетел» [Каменский, 1914] из печати в марте 1914 года. Издание было подготовлено Каменским совместно братьями Владимиром и Давидом Бурлюками, имена которых значились на титуле и которые включили в книгу поэта-футуриста несколько своих рисунков.

Внешне по всем признакам издание не было обычным. Тираж в 300 экземпляров был выполнен в виде «пестрой тетради, отпечатанной на обороте ярких обоев» [Спасский, 1940, с. 23]. Издание на обоях ранее уже осуществлялось («Садок судей», 1910) — использованием того же материала Каменский выражал солидарность собратьям-футуристам и демонстративно выводил книгу за пределы привычных типографских норм, протестовал против дорогих буржуазных изданий, выступал против «мертвых форм словопредставления» [Каменский, 1918, с. 132] и, как следствие, «культивировал самописьмо» [Молок, 1991]. Желтый цвет обоев, избранный для печати, без сомнения, был подчеркнуто вызывающим. Как писал искусствовед Ю. Молок, цвет мог включать говорящую ассоциацию к желтой блузе В. Маяковского [Там же]. И такое предположение имеет под собой весомые основания: известно, что при публикации в «Первом журнале русских футуристов» часть стихов Каменского, вошедших позднее в сборник, была посвящена друзьям-футуристам, в частности, «Скэтингрин» — Д. Бурлюку, а ставшее титульным в книге «Танго с коровами» — В. Маяковскому. Напомним и то, что в сознании современников танго было связано именно с желтым цветом. Приведем строки из «Беспоемии» Иго-

ря-Северянина: *Смышлёный малый Маяковский, / который кофтой (цвет танго) / наделал бум из ничего...* (выделено нами. — О. Б.) [Северянин, 1995, с. 262]. Поэт-эгофутурист в один ряд поставил Маяковского, танго и желтый цвет блузы кубофутуриста, то есть считать желтый цвет обоев у Каменского случайным вряд ли возможно.

Книга-тетрадь «Танго с коровами» была издана в формате пятиугольника, точнее квадрата 20(19,7) x 20(19,7) см со срезанным правым верхним углом (NB: поскольку книги делались вручную, то в сохранившихся вариантах размер и оформление обложки могут несколько разниться). Подобная форма использовалась Каменским впервые (хотя в том же 1914 году еще и в сборнике Каменского «Нагой среди одетых» [Каменский, 1914]) и должна была непременно привлечь внимание. Отечественный фразеологизм *искать пятый угол* мог служить экспликации подтекстового смысла — тщетности в традиционном осмыслении как формы, так и содержания выпускаемого издания. Неожиданный формат генерировал новизну рецептивного ракурса и участвовал в созидании новых форм нового искусства.

«Пятиугольная книжка» В. Каменского напечатана литографическим способом, однако обложка включает в себя элемент *коллажа*, направленного на донесение важной репрезентативной информации, и одновременно ориентирована на деформацию привычных функций титула и его оборота. Поверх обоев, представляющих собой обложку, которая, как правило, включает имя автора и название произведения, наклеен листок не только с именем автора, но и с полными выходными данными: «издание д д бурлюка — издателя 1го журнала русских футуристов», «МОСКВА 1914» — и даже с ценой книги «ц1р10». Иными словами, привычный *оборот титула* выносится на обложку и размещается на ней, демонстрируя коллажный прием, нарушая привычные законы книгопечатания и острая издание.

Несомненно, обложка книги (рис. 1) и ее оборот неординарны. Все сведения о книге включены в единое пространство и могут быть охвачены одним взглядом.

Слово *Футуристы* (левый верхний угол) эксплицирует причастность автора В. Каменского к авангардному течению и встраивает его книгу в серию изданий Д. Бурлюка и русских футуристов (информация на нижней строке титульного «оборота»).

Далее имя автора — *Василий Каменский*. Заметим, оно дублируется в нижней части обложки — словно бы оставаясь открытым после того, как на обложку книги «приклеили» ее выходные данные, закрыв при этом название сборника (возможно, ранее действительно планируемое к размещению на титульной странице). «Двойное» имя автора словно бы дезавуирует

Рис. 1. Обложка книги-тетради «Танго с коровами»

динамику творческого авторского поиска по конструированию и формированию футуристической обложки.

Ниже приводится название — *Танго с коровами*. Здесь же жанровый подзаголовок — *железобетонные поэмы* (смысл и значения слова, обозначающего жанр, ничем не дезавуируются).

Следом дополнительная информация: *рисунки влад и давида бурлюков*.

Как видно, на коллажном листке заглавные буквы заменены строчными, точки и запятые не используются, демонстрируя присущую футуристам свободу, в том числе свободу графической изобразительности, не обремененной отвлекающими и задерживающими восприятие знаками препинания. Сегодняшнему читателю это незаметно, но Каменский издает книгу без Ж и А, без устаревавшего на тот момент использования Ъ в конце слов. Отсутствие пунктуационных знаков и обновленная грамматика настраивают не на чтение, но на (рас)смотрение, на зримую образность более, чем на содержательность.

Сразу обращает на себя внимание, что внутри «вклейки» издательские «выходные данные» разделены на кванты-группы, которые организованы внутри себя и одновременно — относительно друг друга. Если название —

прямоугольник букв «Танго с коровами» — помещено в центр, его буквы подчеркнuto крупны, заголовочны, если разные по размеру группы-кванты разделяют пространство по четкой диагонали, то нижняя строка (*издание д д бурлюка — издателя 1го журнала русских футуристов*) и особым образом прописанное слово *поэмы* тонкими буквенными линиями обрамляют коллажную вклейку, создавая условные рамочные горизонталь и вертикаль, композиционно замыкая пространство «картины»-вклейки.

Исследователями уже неоднократно ставился вопрос о том, кто автор изобразительного ряда книги — Каменский или Бурлюки? Точного ответа на вопрос дать нельзя. Однако несомненно, что это совместный труд, при этом скорее всего на практике осуществленный художниками Бурлюками. Более того, осмелимся высказать предположение, что оформление могло быть выполнено преимущественно Владимиром Бурлюком, работам которого свойственны фрагментарность и квантовость, витражность или, как считали современники, черты «перегородчатой эмали» (Б. Лившиц) — достаточно взглянуть на панно В. Бурлюка «Рай» или «Павлин» (1908), работы «Фруктовый сад» или «Пейзаж» (начало 1910-х). Характеристики обложки книги Каменского также изобразительно «фрагментарны», в своем расположении подчинены законам мозаичной геометрии, отчетливо сформированы центр и периферия. Пространство вклейки организовано по-художнически изысканно, ее черно-белая графика контрастирует с яркой и сочной колористикой обоев нижней половины титула-обложки.

В своей сложной изысканности обложка книги Каменского выполняет весьма важную роль: она изначально втягивает читателя в пространство книги, интригует его вербально-визуальной изоощренностью и накрепко овладевает вниманием реципиента. Читателя, сумевшего прочесть иероглифику титула, не могло не привлечь парадоксально-интригующее название «Танго с коровами», «вполне во вкусе алогизмов нового искусства» [Молок, 1991], знатоков современной литературы отсылая к публичной лекции И. Зданевича «О танго» (запрещенном министром Л. А. Кассо страстном новом танце), дилетантов вовлекая в лабиринт множащихся загадок.

3.2. Поэма «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве»

Издание Каменского лишено пагинации, порядковой нумерации страниц, но на условно первой странице (точнее — первом развороте) располагается поэма «Полет Васи Каменского на аэроплане в Варшаве» [Каменский, 1914]. Условно поэму можно рассматривать как своеобразный эпиграф к книге — с одной стороны, потому что она не организована «ячейками» последующих «железобетонных поэм», с другой — она указывает на вектор освоения сборника: *полет*. Полет фантазии, полет воображения, полет домысливания.

Весьма важно, что вся поэма размещается Каменским на одной странице. Исследователи уже отмечали, что фигуративный абрис поэмы, ее укорачивающиеся сверху строки, вбирает в себя представление о взлете самолета (напомним, что Каменский в числе прочих увлечений был и авиатором). В. Марков писал: «Строки становятся все короче и короче, образуют пирамиду с единственной буквой на вершине — наглядное изображение того, как пилот постепенно набирает высоту и исчезает из виду» [Марков, 2000, с. 171].

Если быть более точными, то основной контур стиха воссоздан в виде четырех полос дыма, извергаемых двигателями самолета, — неслучайно вся «дымовая» структура распадается на четыре «шлейфа», которые смешиваются и сливаются в высоте (наверху страницы).

Название поэмы — условно — расположено на «земле»: оно воспроизведено самыми крупными литерами и размещается под тонкой линией — как будто бы перед горизонтом, границей между чистым воздушным пространством и землей, поросшей лесом. Подобная ассоциация не произвольна: Каменский выделяет (укрупняет) отдельные буквы названия, которые выхватывает взгляд, какие-то из них вытягивает или расплющивает, и в итоге порождает калейдоскопичное впечатление о мелькании в сознании корней слов «лес», «роща» или даже «водопад».

Графика букв в названии примечательна. Обращает на себя внимание, что в заглавии поэмы графически акцентированы буквы *А*. Буква зрительно словно бы повторяет схематический облик аэроплана (А) и в сво-

ем написании (и расположении на странице) острой вершиной указывает направление движения — полет от земли вверх, «*снизу вверх*». Заметим, в фамилии лирического персонажа (alter ego автора), фигурирующего в названии, вновь акцентирована буква *А*, — КАменскАго, дополняя динамику движения и стремительности взлета.

Как и положено названию, оно написано самыми крупными и (в том числе) самыми жирными буквами, порождая ощущение прочности черной жирной земли, с которой взлетает самолет. И одновременно разноразмерность букв названия зрительно воспроизводит схематизированный образ той «ТОЛПЫ» маленьких человечков (по модели «точка-точка, два крючочка...»), которые собрались на аэродроме в ожидании взлета аэроплана.

Можно обратить внимание, что самую нижнюю строку страницы составляет указание в скобках «(*читать снизу вверх*)», и напомнить, что подобный прием был использован Д. Бурлюком в ряде его абстрактных картин (например, «Мост. Пейзаж с четырех точек зрения», 1912), когда художник словесно уточнял — «*низ картины*». Аналогия приема может служить аргументацией в пользу высказанного предположения, что оформителями книги Каменского (не только авторами трех рисунков) были братья Бурлюки. Как и у Д. Бурлюка, измененная «точка зрения» позволяет разглядеть в названии поэмы Каменского и лес, и деревья, и смешных маленьких человечков-зрителей.

«Клубы дыма», выхлопные газы двигателя, которые сопровождают взлет самолета и устремляются вслед за ним ввысь, первоначально объемно стелются по условной линии земли («АЭРОДРОМ ТОЛПА МЕХАНИК СУЕТИТСЯ»), но при подъеме самолета в небо и его удалении становятся тоньше и прозрачнее — на 4-й строке графически уже: «ВДРУГ ЛЕГКО ЗЕМЛЯ УК АТИЛА». От строки к строке заглавные (крупные) литеры сменяются строчными (маленькими), в отдельных случаях последние дополняются курсивом. Третья, пятая и шестая строки допускают смешение букв больших и маленьких («ПОЛО сы пол ей БЕГУТ выше»), словно иллюстрируя вихревое движение клубов дыма, их объемность, переменчивость, произвольность формы.

В верхней части листа — на уровне максимального удаления самолета — буквенные завихрения воздуха словно бы превращаются в чистый звук, подчеркнутый повторяющейся буквой *ю*, передающей свист (*ю-ю*) стремительно удаляющегося аэроплана и одновременно для Каменского символизирующей синь небес: 8-я строка — «в *ы*ше го род синь *ю*».

Вершинную точку текста составляет даже не буква (исходная *А*), но типографский знак *l* или цифра *1* (может быть, *1* десятиричное), символизируя последнее зримое впечатление от уже почти невидимого вдали само-

лета. Каменский работает в унисон К. Малевичу, который утверждал: «Мы вырываем букву из строки, из одного направления, и даем ей возможность свободного движения <...> мы приходим к <...> распределению буквенных звуковых масс в пространстве подобно живописному супрематизму» (из письма К. Малевича к М. Матюшину (1916) [Цит. по: Злыднева, 2013, с. 82]).

Текст около-супрематической поэмы Каменского в своем содержании весьма прост: взлет самолета к сини небес. Однако выписана поэма весьма сложно и витиевато: слова разбиты на части («тум *ан*», «*ви раж*»), одно слово может перетекать с одной строки на другую («велич / альн»), слова могут обрываться («еш»), не иметь начала и / или конца («ензу»), в итоге превращаясь то ли в слоги, то ли в отдельные буквы («з э», «ю», «ю»). Легко воспринимаемый смысл первых строк [«Аэродром. Толпа. Механик суется»; «Вдруг земля легко укатила»; «Полосы полей бегут выше»] постепенно утрачивается, разрывается, превращается в «туман» и «синь ю». То есть можно предположить, что Каменского интересовало не столько содержание стиха, выраженное буквенно, словесно, сколько его образ, зрительное впечатление. Достаточно прочесть название стиха, чтобы далее воспринимать текст не посредством чтения, но путем разглядывания: вся страница допускала охватить ее единым взглядом и в проекциях линейной (отчасти и воздушной) перспективы прочувствовать стремительность удаления «точки» — Васи Каменского на аэроплане.

По словам В. Маркова, в использовании новой стиховой графики Каменский «обогнал всех русских футуристов»: «Бурлюк уже применял в своих стихах разные шрифты и знаки, и тем не менее его стихи предназначались для чтения. В “железобетонных поэмах” Каменского визуальная форма уничтожает все остальное: читать их вслух практически невозможно» [Марков, 2000, с. 169]. Действительно, Каменский создает даже не столько визуальную поэму (ее словесный текст раздроблен), сколько *стихокартину*, изображающую, а не описывающую полет. Именно так будут названы самим Каменским его «железобетонные поэмы», представленные на выставке «№ 4. Выставка картин. Футуристы, лучисты, примитив», проходившей в марте-апреле 1914 года в Москве (Б. Дмитровка, 32, торговый дом Р. Б. Левиссона) [№ 4, 1914].

Итоговость восприятия поэмы Каменского порождают не слова и буквы, а зримый образ, почти зарисовка или подобие (уже популярной) фотографии. Новые реалии действительности, новое восприятие времени и пространства (возможность преодоления их в полете аэроплана) заставляют Каменского искать новую форму поэмы (! не стихотворения), вмещающей видимое и созерцаемое, а не читаемое и осмысляемое. Принцип

визуально-образного восприятия поэзии торжествует. Новое мироощущение поэта-авиатора активно ретранслируется зрителю. В. Каменский верил: «Футуризм обносит всю культуру. Футуризм не только движение в искусстве. Мы создадим футуристическую науку, новую физику, новую математику» [Спасский, 1940, с. 23].

3.3. Восточная экзотика в поэме «Константинополь»

Иной тип визуальной поэзии демонстрируют другие «железобетонные поэмы», вошедшие в сборник «Танго с коровами»: «Константинополь», «Кабарэ», «Дворец С. И. Щукина», «Цирк», «Скэтинг рин», «Бани». Каждая из этих поэм-картин представляет собой линиями выделенное на странице пространство, разделенное на различные по размеру и форме ячейки, в которых расположены слова, слоги, отдельные буквы. Разнородные в исполнении слова и буквы (жирные и тонкие, крупные и мелкие) не формируют связного текста, но на основе графически выделенных ключевых слов порождают заданные автором ассоциации. Включенность реципиента предусмотрена и зависит от бэкграунда (background) воспринимающего.

Подобного рода поэмы больше, чем «Полет Васи Каменского на самолете...», требуют всматривания и разглядывания. Если «Полет...» создавал изначально цельный образ (шлейф удаляющегося самолета), который можно было охватить одним взглядом, то «ячеистые» поэмы требуют рассматривания каждого фрагмента в отдельности и только после этого — сопоставления их между собой.

Применительно к поэме «Константинополь» сохранились авторские пояснения, которые получил критик А. А. Шемшурин при встрече с поэтом-авангардистом [Шемшурин, 1915, с. 165—170]. Каменский рассказал, что «в поэме излагаются в художественной форме впечатления от поездки в Константинополь» [Шемшурин, 1915, с. 166], среди которых первые звуки при сходе с корабля на турецкий берег, крики чаек и голоса мальчишек-попрошайек («Впечатление это записано автором в виде буквы Й»), названия улиц (нередко искаженные), непривычные обозначения домов («буква Т»), вид голубей и воробьев, турецких военных («энвербей») и мулл, впечатление от спицей мечетей и «удивительного для поэта фона неба» (записаны буквами «Й Ю» и «си, синь, ией»). Особая значимость Святой Софии подчеркнута тем, что название «Ай Софи» «выделено в сторону». В других прямоугольниках еще представлены «нечто вроде перевода песни, слышанной поэтом в заливе», запись температуры воздуха («ноль с крестиком»), называние чисел на игральном костях и мн. др.

Очевидно, что без комментария Каменского было бы трудно понять содержание отдельных «ячеек», но вглядывание в многообразие переданных поэтом звуков и немногих ясных номинаций-обозначений должно

было породить у читателя (зрителя) впечатление о чужой стране и об огромном цветном многоголосом Константинополе, пересечении Запада и Востока.

В еще более радикальном ключе решена и поэма, которую исследователи называют «Дворец С. И. Щукина». Однако эта поэма более других криптографична, она требует знания не только общего культурного контекста времени, но и знакомства с конкретными деталями реальной жизни Василия Каменского, его бытовых увлечений и футуристических пристрастий. К разговору о ней мы перейдем в следующей статье о самом бюджетлянском из всех бюджетлянских поэтов (см. выпуск 14(6), 2025 журнала «Научный диалог»).

4. Заключение = Conclusions

Завершая размышления о визуальной поэзии Василия Каменского, подытожим.

Действительно, практики совмещения вербальных и визуальных стратегий в творчестве В. Каменского в поэзии начала XX века могут быть признаны одними из самых радикальных, поистине «бюджетлянских». Каменский в числе первых русских футуристов успешно и весьма творчески совмещал разнообразные приемы живописи и литературы, используя приемы различных видов искусств: разнообразие печатных шрифтов или включения рукописных вставок, микширование размера букв, тонирование страницы книги (или листовки и др.) вплоть до буквального графического вычерчивания поэтических строк в виде непосредственного предмета его творческой рефлексии (как показывает материал, у поэта-авиатора чаще всего это были самолет или связанные с ним образы-абрисы взлетной полосы, удаляющейся линии леса или растворяющегося в небе шлейфа самолетного дыма). Сама фактура типографской бумаги (обои), жирность чернил или красок (акварель или масло), в целом *материальность* исполнения стиха формировали комплекс условий, которые творили новый текст — то ли картину, то ли стихотворение (= поэму), так называемую футуристическую стихокартину.

Заслуга песнебойца Василия Каменского в освоении подобного рода дихотомичных стратегий и их активное внедрение в процесс рождения нового искусства в России не вызывают сомнения. Однако к настоящему времени критическое освещение и научное осмысление стихографики Василия Каменского осуществлено далеко не в полной мере как современным искусствоведением, так и литературоведением. Концептуальное обращение к этой емкой культурологической задаче и ее постепенное решение еще впереди.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Каменский В.* Танго с коровами. Железобетонные поэмы / В. Каменский ; рис. В. и Д. Бурлюков. — Москва : Издание Д. Д. Бурлюка — издателя 1го журнала русских футуристов, 1914. — 18 с.
2. *Каменский В.* Его-моя биография великого футуриста / В. Каменский. — Москва : Китоврас, 1918. — 228 с.
3. *Каменский В.* Нагой среди одетых / В. Каменский, А. Кравцов. — Москва : Издание русских футуристов, 1914. — 36 с.
4. № 4. *Выставка картин.* Футуристы, лучисты, примитив. [Каталог]. — Москва : [б. и.], 1914. — 12 с.

Литература

1. *Бирюков С. Е.* Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 ; 10.01.08 / С. Е. Бирюков. — Москва , 1994. — 20 с.
2. *Галечьян В. А.* Визуальная поэзия / В. А. Галечьян. — Москва : Московский союз литераторов, 2023. — 84 с. — ISBN 978-5-91696-060-0.
3. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна Лимитед, 2001. — 288 с. — ISBN 5-85695-023-2.
4. *Гик Ю.* Визуальная поэзия. Теория и практика [Электронный ресурс] / Ю. Гик // Черновик. — 2004. — № 19. — Режим доступа : <https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664> (дата обращения 21.04.2025).
5. *Злыднева Н.* Визуальный нарратив : опыт мифопоэтического прочтения / Н. Злыднева. — Москва : Индрик, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-91674-266-2.
6. *Казарина Т. В.* Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Казарина — Самара, 2005. — 38 с.
7. *Кулаков Вл.* Визуальность в современной поэзии : минимализм и максимализм / Вл. Кулаков // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 253—257.
8. *Кучина С. А.* Кинетические электронные поэтические тексты : структура и лексико-стилистические особенности / С. А. Кучина // Научный диалог. — 2016. — Выпуск 10 (58). — С. 157—169.
9. *Марков В. Ф.* История русского футуризма / В. Ф. Марков ; пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — 438 с. — ISBN 5-89329-274-X.
10. *Молок Ю.* Типографские опыты поэта-футуриста [Приложение] / Ю. Молок // Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы / рис. В. и Д. Бурлюков. Факсим. изд. — Москва : Книга, 1991. — [36 с. +15 с.]. — ISBN 5-212-00585-X.
11. *Орлицкий Ю. Б.* Визуальный компонент в современной русской поэзии / Ю. Б. Орлицкий // НЛО. — 1995. — № 16. — С. 181—192.
12. *Северянин И.* Сочинения : в 5 т. / И. Северянин. — Санкт-Петербург : Logos, 1995—1996. — Т. 2. — 1995. — 704 с. — ISBN 5-87288-082-0.
13. *Спасский С.* Маяковский и его спутники. Воспоминания / С. Спасский. — Москва : Сов. писатель, 1940. — 159 с.

14. Суховой Д. А. Графика современной русской поэзии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. А. Суховой. — Санкт-Петербург, 2008. — 27 с.
15. Фоконье Б. Сезанн / Б. Фоконье ; пер. с фр. и комм. И. А. Сосфеновой. — Москва : Молодая гвардия, 2011. — 314 с. — ISBN 978-5-235-03444-0.

Статья поступила в редакцию 19.04.2025,
одобрена после рецензирования 04.06.2025,
подготовлена к публикации 19.06.2025.

Material resources

- Kamensky, V. (1914). *Tango with cows. Reinforced concrete poems*. Moscow: Edition of D. D. Burluk, publisher of the 1st journal of Russian Futurists. 18 p. (In Russ.).
- Kamensky, V. (1918). *His-my biography of the great futurist*. Moscow: Kitovras Publ. 228 p. (In Russ.).
- Kamensky, V., Kravtsov, A. (1914). *Naked among the clothed*. Moscow: Edition of Russian Futurists. 36 p. (In Russ.).
- № 4. *Exhibition of paintings. Futurists, rayists, primitive. [Catalog]*. (1914). Moscow: [b. i.]. 12 p. (In Russ.).

References

- Biryukov, S. E. (1994). *Zevgma. Russian poetry from Mannerism to postmodernism*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).
- Fauconnier, B. (2011). *Cezanne*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 314 p. ISBN 978-5-235-03444-0. (In Russ.).
- Galechyan, V. A. (2023). *Visual poetry*. Moscow: Moscow Union of Writers. 84 p. ISBN 978-5-91696-060-0. (In Russ.).
- Gasparov, M. L. (2001). *Russian verse of the early twentieth century in the comments*. Moscow: Fortuna Limited. 288 p. ISBN 5-85695-023-2. (In Russ.).
- Geek, Yu. (2004). Visual poetry. Theory and practice. *Draft, 19*. Available at: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=12664> (accessed 21.04.2025). (In Russ.).
- Kazarina, T. V. (2005). *Three epochs of the Russian literary avant-garde (the evolution of aesthetic principles)*. Author's abstract of Doct. Diss. Samara. 38 p. (In Russ.).
- Kuchina, S. A. (2016). Kinetic Electronic Poetic Texts: Structure and Lexical-Stylistic Features. *Nauchnyy dialog, 10 (58)*: 157—169. (In Russ.).
- Kulakov, V. V. (1995). Visuality in modern poetry: minimalism and maximalism. *UFO, 16*: 253—257. (In Russ.).
- Markov, V. F. (2000). *The history of Russian Futurism*. St. Petersburg: Alethea. 438 p. ISBN 5-89329-274-X. (In Russ.).
- Molok, Yu. (1991). Typographic experiments of the futurist poet [Appendix]. In: *Kamensky V. Tango with cows. Reinforced concrete poems*. Moscow: The book. 36 p. +15 p. ISBN 5-212-00585-X. (In Russ.).
- Orlitsky, Yu. B. (1995). The visual component in modern Russian poetry. *UFO, 16*: 181—192. (In Russ.).
- Severyanin, I. (1995). *Essays: in 5 volumes, 2*. Saint Petersburg: Logos. 704 p. ISBN 5-87288-082-0. (In Russ.).
- Spassky, S. (1940). *Mayakovsky and his companions*. Memoirs. Moscow: Soviet Writer. 159 p. (In Russ.).

Sukhovey, D. A. (2008). *Graphics of modern Russian poetry*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 27 p. (In Russ.).

Zlydneva, N. (2013). *Visual narrative: the experience of mythopoeic reading*. Moscow: Indrik. 360 p. ISBN 978-5-91674-266-2. (In Russ.).

*The article was submitted 19.04.2025;
approved after reviewing 04.06.2025;
accepted for publication 19.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Кирдянова Е. Р. Специфика топосов садов и парков в новеллах Теодора Шторма / Е. Р. Кирдянова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 304—322. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-304-322.

Kiryanova, E. R. (2025). Specificity of Garden and Park Topoi in Novellas of Theodor Storm. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 304-322. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-304-322. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специфика топосов садов и парков в новеллах Теодора Шторма

Кирдянова Елена Робертовна
orcid.org/0000-0001-5280-2847
кандидат филологических наук, доцент
кафедра актёрского мастерства
rober70@mail.ru

Московский
университет «Синергия»
(Москва, Россия)

Specificity of Garden and Park Topoi in Novellas of Theodor Storm

Elena R. Kiryanova
orcid.org/0000-0001-5280-2847
PhD in Philology,
Associate Professor, Acting
Department rober70@mail.ru

Moscow University
“Synergy”
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы художественного значения топосов садов и парков в поэтике новелл Теодора Шторма. Автор останавливается на характеристиках этих элементов с точки зрения их эстетической, структурной и смысловой значимости. Как комплексное явление художественного мира автора, сады и парки реализуют систему отношений человека с природой и миром (обществом). Актуальность работы обусловлена введением в научный обиход современных подходов к анализу парковых, садовых, усадебных топосов в новеллистике Теодора Шторма, позволяющих выявить универсальные и авторские приёмы моделирования этих топосов. Цель исследования: обобщить наблюдения за особенностями художественного изображения садов и парков как уникальных пространств в новеллах Теодора Шторма. В статье указывается, что сады как часть литературного произведения являются удобным текстом. С одной стороны, они являются аналогом реального мира, а с другой стороны, связаны с культурной традицией и функционированием в литературе. Сад как текст в тексте приобретает новые смыслы, которые интерпретируются авторским сознанием. Отмечается, что сады являются текстом, объединяющим различные искусства и подверженным изменениям восприятия в разные эпохи. Устанавливается, что основная семантика топоса сада заключается в представлении о нем как особом нравственном и духовном пространстве. Выявляется такая особенность манеры Шторма, как фокусировка на переживаниях и эмоциональных состояниях, часто в форме воспоминаний.

Ключевые слова:

Теодор Шторм; топос сада; усадебный текст; сад как духовное пространство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the artistic significance of garden and park topoi within the poetics of Theodor Storm's novellas. The author focuses on the characteristics of these elements concerning their aesthetic, structural, and semantic importance. As a complex phenomenon within the author's artistic world, gardens and parks embody the system of relationships between humanity, nature, and society. The relevance of this study is underscored by the introduction of contemporary approaches to analyzing park, garden, and estate topoi in the novellistic works of Theodor Storm, which reveal both universal and author-specific techniques for modeling these spaces. The aim of the research is to synthesize observations regarding the distinctive artistic representation of gardens and parks as unique spaces in Storm's novellas. It is noted that gardens, as integral components of literary works, function as a double text; on one hand, they serve as analogs of the real world, while on the other hand, they are intertwined with cultural traditions and their literary functions. The garden as a text within a text acquires new meanings that are interpreted through the author's consciousness. It is emphasized that gardens represent a text that unites various arts and is subject to changing perceptions across different eras. The primary semantics of the garden topos is established as representing a unique moral and spiritual space. A notable characteristic of Storm's style is his focus on experiences and emotional states, often expressed through the lens of memory.

Key words:

Theodor Storm; garden topos; estate text; garden as spiritual space.

Специфика топосов садов и парков в новеллах Теодора Шторма

© Кирдянова Е. Р., 2025

1. Введение = Introduction

Сады и парки в новеллах Т. Шторма являются устойчивым топосом художественной реальности, встречающимся в значительном числе текстов («Иммензее» (1849), «В замке» (1861), «Университетские годы» (1862) «Из заморских стран» (1864), «Aquis submerses» (1876), «Сыновья Сенатора» (1880), «Лесная и водяная усада» (1880) и др). В своей работе мы опираемся на современное понимание категории «топос» как универсальной модели, имеющей семантическую и семиотическую общность, в которой на протяжении длительных периодов сохраняется пространственная характеристика, передаваемая физически, антропологически и символически [Агратин, 2023, с. 13].

Семантика пейзажного пространства сада формулируется и уточняется писателем на протяжении всего творчества. Ядро этой семантики — представление о саде как особом нравственном и духовном пространстве. Интерпретация этого значения может обогащаться в каждом отдельном случае по-своему.

Новизна исследования, обусловлена тем, что, несмотря на очевидную необходимость осмысления этой особенности поэтики Шторма, в настоящий момент эта проблема мало изучена. Анализ публикаций последних лет в ежегодных «Записках общества Теодора Шторма» («Schriften der Theodor-Storm-Gesellschaft») [Schriften...] показывает, что наиболее близкой к затронутой теме является статья «Цветы в произведениях Теодора Шторма» [Bouillon, 2002, s. 117—125], в которой Р. Буйон развивает и уточняет идеи работы Анны Гут «Theodor Storms “Gartenpoesie” ihre Grundlagen und ihre Entwicklung» [Gut, 1928].

Актуальность исследования садов и парков в новеллах Теодора Шторма обосновывается их многозначностью и важной ролью в формировании художественной структуры произведений, а также в раскрытии внутренних конфликтов персонажей. Сады и парки в творчестве Шторма становятся не просто фоном, но и важными элементами, проявляющимися че-

рез символику, отражающую глубинные философские и эмоциональные состояния героев. Задачи исследования: охарактеризовать базовую модель топосов садов и парков в новеллах Т. Шторма; установить взаимосвязь внутреннего мира героев и предметно-символического плана топосов; изучить механизм включения варианта мифологемы сада (на примере новеллы «Сыновья сенатора») в художественное решение конфликта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретической базой исследования стали работы отечественных учёных, объединённых проектом изучения русского усадебного текста «Усадьба и дача в русской литературе XXI—XXI веков: судьбы национального идеала» (рук. О. А. Богданова, 2022—2024 годы).

Результаты научных исследований, публикуемые в рамках проекта, демонстрируют уникальное сочетание научной концепции, методологической базы, объёма и качества текстового поля, на основе которого ведётся анализ. В серии монографий: коллективная монография «Усадьба и дача в литературе советской эпохи: [Усадьба и дача..., 2024], книги О. А. Богдановой «Герменевтика литературной усадьбы: теория, история, современность» [Богданова, 2024], Г. А. Велигорского «“Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX — начала XXI века» [Велигорский, 2022] — представлена методологическая база, восходящая к отечественной культурно-исторической, семиотической и структуралистской школам литературоведения В. А. Веселовского, В. Я. Проппа, О. Фрейденберг, Д. С. Лихачёва, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Ю. В. Манна. В работе используется комплексный подход к анализу художественного мира автора, где сочетаются герменевтический, мифопоэтический, структурно-семиотический и культурно-исторический методы научного анализа.

Анализ дискуссий вокруг терминологии и стратегии изучения усадебного текста, как и публикуемые результаты исследований, позволяют говорить о том, что выработанная методология носит универсальный характер и её можно использовать для анализа сходных явлений любой литературы и эпохи.

Топос сада в творчестве Т. Шторма является частью единой модели, в которую входят такие элементы, как усадьба, семья, дом и сад. По предложенной В. И. Тюпой характеристике, усадьба в этой модели является локусом: «Признаки локуса представляют собой не художественные — социокультурные характеристики» [Тюпа, с. 6]. К таким характеристикам относятся следующие: 1) факт того, что это родной дом для членов семьи, часто нескольких поколений; 2) «хозяйственные постройки, обрабатываемые пространства, подсобные помещения»; 3) «обитатели усадьбы обычно делятся на категории хозяев, работников и гостей» [Тюпа, 2023, с. 6].

В свою очередь, топос, как его описывает О. А. Богданова: «...это ... регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики и несущие устойчивые смысловые значения» [Богданова, 2024, с. 48].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности функционирования базовой модели топов садов и парков (новелла «Иммензее»)

Впервые наиболее полно усадьба и сад обретают черты семантически значимого топоса в ранней, наиболее известной новелле Т. Шторма, «Иммензее». Здесь складывается базовая модель, с набором устойчивых и вариативных элементов и смыслов. В «Иммензее» локус усадьбы является метафорой «омещивания». Символом этого процесса Т. Шторм делает огороды — предмет особой заботы хозяина усадьбы «Иммензее». Огород предельно обращён в быт и действительность, социально одобряем и оправдан, полезен для семейного благополучия. Альтернативные топосы — озеро и сад. Описывая усадебный дом, автор отмечает, что из господского дома видны не огороды и виноградники, а сад и озеро.

В описании сада Шторм использует весь арсенал изобразительно-выразительных средств: цвет, свет, звук, запахи, орнаментальные и архитектурные элементы.

В соответствии с доромантическими традициями, сад — пространство огражденное: «eine hohe Gartenmauer ... [Storm, B. 2, S. 38] (высокая садовая стена, ограда). Подобный способ организации топоса, неоднократно используемый Теодором Штормом в новеллах разных лет, имеет некоторые общие черты, восходящие к мифологической традиции восприятия и описания сада. М. Н. Соколов отмечает: «Древний сад изначально был “огородом”, огороженной землей, на что указывает и корень “geard” (или “gard”), перешедший в слова “garden”, “Garten” и т. д. * “Срединное ограждение” (“Midgard”) обозначает обитаемую землю в скандинавской мифологии» [Соколов, 2011, с. 138]. В соответствии с этой традицией сад изображается как *hortus conclusus* (сад заключённый), ограждённость которого символизирует отдалённость от хаоса, находящегося за пределами обжитого и окультуренного пространства. В таком саду произрастает священное дерево, организующее пространственную модель мира, плоды из этого сада творят чудеса и помогают своей волшебной силой.

В библейской традиции рай рисуется именно как сад, а первым садовником райского сада выступает Бог, порекомендовавший затем эту функцию первому человеку или культурному герою. Ограда рая теперь воспринимается как

спасение от грехопадения, как граница между состояниями до и после падения, а сам райский сад постепенно объединяется с образом Богоматери, и они воспринимаются как одно целое. Сад символизирует также модель Вселенной, в которой представлены все живые существа, которыми и заселен этот сад.

К началу XVI века, времени распространения гуманизма в Европе, в иконографической традиции ограждённость и сцены грехопадения отходят на второй план, уступая место земным, реальным ландшафтам садов и парков: «Сад распространяет свою чарующую гармонию на весь зримый ландшафт, который выглядит словно чаемая “земля живых” (Пс. 114: 9), хотя красуется не “пред лицом Господним” (там же), а перед эмпирическим зрительским взглядом» [Соколов, 2011, с. 138].

В «Иммензее» влияние трансформированной мифологической традиции можно отметить в эпизоде, описывающем перспективу, открывающуюся с веранды дома: «...через раскрытую настежь дверь, ведущую в сад, вливался яркий свет весеннего дня, и виден был сад с круглыми клумбами и рядами подстриженных деревьев, разделённых прямой и широкой аллеей, откуда открывался вид на озеро и раскинувшиеся за ним леса» [Шторм, 1965, т. 1, с. 75].

Отметим, что мифологическая модель перекрывается реалистическими подробностями, которые, однако, создают очень эмоциональное, чувственное описание топоса. На первом плане ранних новел Шторма не развитие ситуации, не картина бытия, а перипетии переживания сильного чувства, чаще в форме воспоминаний.

Тот факт, что в саду усадьбы в «Иммензее» есть круглые клумбы и прямые аллеи, говорит о том, что та часть сада, которая прилегает к дому, выдержана в регулярном стиле. Для садов и парков этого стиля основой является принцип геометрических построений. Для них характерно стремление к парадности. Обычно здесь была широкая центральная аллея с симметричными построениями обеих частей сада по обе стороны оси и обязательно сохранялась наружная ограда. Перспектива такого парка открывала огромные просторы. Для регулярного парка характерна неподвижная точка зрения на окружающее. Смотреть и любоваться им можно стоя или сидя. Именно такую точку обзора предполагает описываемый в «Иммензее» парк: на веранде перед дверью в сад любит сидеть Элизабет и смотреть на открывающийся вид (именно сидеть).

На развитие садово-паркового искусства в Германии XVIII века (а именно к этому времени относится начало постройки «Иммензее»: хозяин говорит, что многое осталось от того, что было построено отцом и дедом) огромное влияние оказал пятитомный труд поэта Гиршфельда «Теория садового искусства» (Christian Cains Laurenz Hirsschfeld. Theorie der

Gartenkunst, 1779—1785) [Лихачёв, 1998, с. 208], который во многом был приверженцем пейзажных парков, где основным принципом было воссоздание образа естественной природы. В результате в усадьбах регулярность сохраняется только вблизи дома, связывая архитектуру дома с пейзажной частью парка. Эта иррегулярная часть была всегда в садах имений, здесь часто располагались сады и огороды, хозяйственные постройки. Именно эту часть имения показывает Эрих Рейнгарду.

Сад «Иммензее» обращён во внутренний мир героев, противопоставленный практичности огородов, — то пространство, в котором осуществляется глубокий эмоциональный диалог между человеком и природой. В этом нам видится влияние романтизма. Анализируя концепцию романтического сада, Д. С. Лихачёв отмечает появление новых символов, новой динамики и способа переживания: «Природа из замкнутой в себе, огороженной изгородями и стенами, стала выражением внутренней жизни человека. Преимущественное значение получили те элементы природы и сада, которые напоминали о движении, времени, мимолетности и суетности всего в мире. В садах ценились непокойные воды, как прежде, и льющиеся (потоки, водопады), но в спокойных водах подчеркивалась их способность отражать мир, а в текущих — изображать ее мимотекущность» [Лихачёв, 1998, с. 281].

Романтизм обновляет и стратегию присутствия и взаимодействия с садом: это прогулка, не имеющая цели, по лабиринту тропинок, удлинняющему время в пути [Богданова, 2024, с. 444], а также предпочтительное время — вечер. В новелле «Иммензее» примером такого романтического топоса сада может быть эпизод с прогулкой к «вечерней» скамейке: «Со второго дня своего пребывания в этом доме он совершал вечерние прогулки по берегу озера. Тропинка окаймляла сад, спускавшийся к самой воде. В конце её на мысу, под высокими березами, стояла скамья. Мать Элизабет называла её “вечерней” (“die Abendbank”), потому что мыс смотрел на запад и на склоне дня особенно хорошо было любоваться отсюда заходом солнца» [Штурм, 1965, т. 1, с. 77]. Весь романтический комплекс атрибутов представлен в этой зарисовке: озеро, тропинка, мыс, закат, переходные состояния, переживание трансцендентного опыта сумеречности, меланхолия, которая, как замечает С. А. Мирошниченко, «становится фоном во многих произведениях» [Мирошниченко, 2021, с. 53]. В совокупности всё описанное раскрывает безрадостную картину семейной (под присмотром матери) жизни Элизабет.

Наиболее поэтичное время для описания сада — ночь. Если вечер — скорее время затаённости, ночь полна природного движения, восторга жизни: «Над садом и озером сгушалась тьма; ночные бабочки с шелестом пронесли мимо открытых дверей, в которые вливалось всё более силь-

ное благоухание цветов и трав; с воды доносилось кваканье лягушек, под окнами защёлкал соловей, другой вторил ему в глубине сада; луна поднялась высоко над деревьями. Рейнгард глядел в сад, туда, где скрылся в аллеях нежный силуэт Элизабет...» [Шторм, 1965, т. 1, с. 30]. Ночные картины сада в описании Шторма очень чувственны и полнокровны, поскольку автор задействует тактильные, звуковые и обонятельные ощущения.

Как мы отметили выше, в новелле «Иммензее» Шторм описывает модель «сада заключённого», в светской интерпретации связанного с любовью и наслаждениями. Топос сада здесь имеет вполне реальные и легко читаемые с точки зрения особенностей архитектуры черты. Именно на основании этих «документальных» подробностей можно заключить, что, как произведение садово-паркового искусства, сад «Иммензее» сочетает в себе черты регулярного и ландшафтного стилей. Как художественная модель, рассматриваемый тоpos является воплощением романтического мировосприятия, со всеми свойственными ему приметами. Жизнь сада, изображённая в новелле, — параллель к внутренней жизни Рейнгарда и Элизабет, пытающихся разобраться в своих чувствах.

3.2. Взаимосвязь внутреннего мира героев и предметно-символического плана топосов сада и парка

По сравнению с топосом сада в новелле «Иммензее» описание парка в новелле «В замке» (1861) заметно более наполнено предметно-символически. Для главной героини Анны парк предстаёт местом уединения и свободы. Шторм сохраняет идею ограждённого пространства. В этом варианте топоса архетипическая модель сада-рая оказывается разрушенной: образ стремится слиться с образом некультуренной, невозделанной окружающей замок природы. Сад ещё находится в запустении: он так же разрушается, как и жизнь героини, потерявшей всё самое дорогое в жизни. Сад в этой новелле противопоставлен замку. Замок с его комнатами и таинственными портретами умерших людей, на одном из которых изображён рыцарь с «нечистой совестью», манит своей таинственностью, сад же ясен, прост, открыт для сердца.

К началу повествования Анна живёт одиноко в замке после смерти сына, изгнания и неожиданной кончины нелюбимого мужа, возможный рай-сад утрачен. Шторм использует параллелизм «Анна — воробей», где Анна — изгнанница, находящаяся в добровольном уединении в замке, а воробей — свободная птичка, летящая по своей прихоти, куда захочет. Разрушенную жизнь символизируют разрушенные солнечные часы: «За окном виднелся узкий, шагов двадцать пять в ширину, вымощенный камнем дворик, отдалявший сад от дома. Взгляд синих глаз, над которыми изгибались дуги близко сходявшихся бровей, некоторое время покоился на массивных

вазах из песчаника, венчавших колонны садовых ворот, расположенных прямо против окна. Между гирляндами каменных роз, обвивавшими вазы, торчали перья и соломинки. Очевидно, воробей свил себе там гнездо: а вот он и сам — выпорхнул и уселся на чугунную перекладину решётчатых ворот, но вскоре расправил крылышки и полетел вдоль тенистой буковой аллеи, уходившей в глубину сада. Шагах в ста от ворот этот зелёный коридор прерывался круглой солнечной лужайкой, в середине которой между буйно разросшимися астрами и резедой виднелись обломки солнечных часов на невысоком постаменте. Женщина следила взглядом за птицей; она видела, как та с минуту посидела на металлическом стержне солнечных часов, затем вспорхнула и исчезла в тенистой глубине аллеи» [Шторм, т. 1, с. 107]. Движение в пространстве сада в процитированном эпизоде организовано через наблюдение за перемещающейся птицей. Наблюдающий субъект (Анна) статичен, находится в замкнутом пространстве замка, а объект наблюдения находится вовне, свободен и активен. Сад в такой комбинации является проекцией желаемого состояния героини, пока недоступного ей. Рай утрачен и разрушен, руинирован и ждёт своего часа для возрождения.

Восстановление рая в концепции Шторма начинается с воссоединения влюблённой пары Анны и Арнольда, направляющейся в замок — место возрождения жизни. Возрождение сада произойдёт только после восстановления семьи и дома, в этом конкретном случае — семьи и замка. В рассматриваемой новелле последовательно реализуется модель усадьба-дом-семья-сад, внутри которой любые трансформации топоса сада определяют качества и содержательность модели. Сад, как уже было показано ранее, — топос с семантикой рая и, одновременно, романтического напряжения чувств.

Один из самых ярких образцов концептуального становления топоса сада и парка в новеллистике Шторма представлен в новелле «Из заморских стран», написанной в 1863—1864 годах. Оригинальность концепции в этой новелле связана с особой культурной семантикой топоса. Главная героиня новеллы, Дженни, живет в усадьбе своих друзей, братьев Ганса и Альфреда, которая была куплена их предками у эмигранта-француза, разбившегося вокруг прекрасный парк в стиле Ленотра: «Мать писала мне, что большая часть парка, так называемая “роща”, ещё хорошо сохранилась: кое-где посреди прудов и в уединённых уголках, между высокими рядами деревьев, даже стоят в одиночестве, как заколдованные, изящные статуи, для которых служили моделью прекрасные придворные дамы Людовика Пятнадцатого» [Шторм, 1965, т. I, с. 231]. Кстати, именно одну из таких статуй хотел бы продать Ганс и выручить за неё приличную сумму денег, однако контракт не позволяет ему это сделать. Братья тем и отличаются, что для одного из них сад бесполезен, а для другого — источник вдохновения и любви.

Описание сада Ганса и Альфреда довольно точно передаёт существенные особенности регулярного парка: растительные массивы в таких парках были сделаны в основном как боскеты (то есть густые рощи, окружённые высокой стриженной изгородью), большие водные партеры служили зеркалами, увеличивающими пространство. Для создания неожиданного эффекта в садах ставили колоннады, арки, обелиски, делали бальные залы, декоративные перспективы, лабиринты, фонтаны и скульптуры.

Жена Ганса, любуясь садом, прямо называет его «нашим раем», что позволяет говорить о влиянии мифологемы сада — рая на пространство сада в новелле «Из заморских стран». Эта мифологема воплощает упорядоченность, гармоничное место, где каждое чувство человека находит приятное созвучие в природе: звуки, запахи, и т. п. Н. А. Бондарко отмечает: «В Септуагинте “парадиз” означал как Едемский сад, так и огражденный (“заключенный”) сад Песни Песней. В Новом Завете это слово стало обозначением небесного жилища блаженных (Лук 23:43; 2 Кор 12:4; Откр 2:7). Таким образом, рай и сад изначально были неразрывно связаны между собой, и сад был не вторичным метафорическим значением рая, а, скорее, конкретным образным воплощением рая как более абстрактного понятия» [Бондарко, 2003, с. 11]. Хозяин сада, главный его садовник, обустривая его по своему усмотрению, представляет нам своё понимание мироустройства. Свой сад Ганс получает уже готовым, его действия скованы контрактом, по которому он не может ничего менять в парке, а это значит, что ему недоступна роль садовника. Таким образом, Шторм акцентирует внимание на идее созерцательности и примирения со сложившимся порядком (французским! садовым порядком), в котором гораздо больше фривольности, игривости и безрассудства, чем могут себе позволить немецкие рачительные хозяева.

Обратим внимание на то, что Т. Шторм фиксирует внимание на фактических подробностях, на процессе создания сада, приведении его к нужному стилю, и наоборот, подчинении человека эстетике сада (так, Ганс смиряется с существованием бесполезных статуй, передающих несомненное игривое эротическое настроение и вступающих в противоречие с достойным образом жизни нынешних владельцев, и получает удовольствие от их созерцания). В случае с парком в новелле «Из заморских стран» не может быть воспроизведена модель «сад — садовнику», утвердившаяся во времена более ранние, чем античность [Цивьян, 1983, с. 152]. Именно отголоски этой модели присутствуют в образах хозяев садов и парков в новеллах Т. Шторма [Кирдянова, 2024, с. 3].

3.3. Механизм включения варианта мифологемы сада в художественное решение конфликта

В мифологических истоках топоса сада заложен конфликт, связанный с динамикой движения из сада вовне, из рая — в мир, полный страдания

и печали по утраченному раю. Внутри сада, его ограды присутствует порядок, это пространство окультуренное, а хозяин такого топоса — демиург. Описанный конфликт наилучшим образом реализован в новелле «Сыновья сенатора» (1879—1880).

Сад в этом произведении — причина ссоры между двумя братьями: Христианом Альбрехтом и Фридрихом. Дом, в котором жило семейство сенатора Йоверса, был очень удобен и хорош с практической точки зрения, но «недоставало лишь одного: при доме не было сада <...> Семья, правда, владела прекрасным, обширным садом, но он находился в нескольких кварталах от дома» [Шторм, 1965, т. 2, с. 75]. Таким образом, разделяются две необходимые составляющие семейного быта: дом и сад. Однако если вспомнить истоки мифологемы сада, то нигде нет указаний на то, что в саду-рае есть дом. В Раю есть центр, представленный в виде Мирового Древа, небесных светил, звёзд, золотых яблок, но дома нет, сам сад и есть райский дом. Но в реалиях цивилизованной жизни XIX века совместность физического дома и сада — это факт реальности, осознаваемый как модель идеального устройства быта. В случае разделения этих двух составляющих возникают новые семантические акценты. Во-первых, за счёт своей отдалённости движение по дороге к саду и пребывание в нём приобретают форму ритуала, который сенатор выполнял почти каждый вечер, а его семья — по воскресеньям. Во-вторых, ритуализация и возделывание создают сакральный смысл сада.

Семантика райского сада как места, где пребывают праведники и человек общается к благодати Божьей, поддерживается в новелле «Из заморских стран» тем, что по воскресеньям вся семья собирается здесь для отдыха, а типология их поведения позволяет проводить аналогии со святым семейством: «... для жителей прилегающей улицы всякий раз было праздником, когда по воскресеньям вся семья Йоверсов собиралась здесь за послеобеденным кофе <...> Женщины с детишками на руках, подростки — мальчишки и девчонки — толпились у калитки, чтобы поглазеть сквозь столбики, как патрицианская семья наслаждается отдыхом на лоне природы, они восхищались блестящим кофейным сервизом, а самые зоркие любовались красивой картиной на задней стене павильона, где очень мило изображена была танцующая Флора, и затем оживлённо доказывали, что парящая в воздухе дама и есть добрая госпожа сенаторша в молодости. Но самое большое удовольствие доставлял детишкам зелёный попугай с Кубы <...> Зачастую маленькая, приветливая сенаторша, держа в руках чашку, спускалась по дорожке, чтобы ради воскресенья побаловать внучек Андреаса какими-нибудь фруктами или подарить им по шиллингу ...» [Шторм, 1965, т. 2, с. 76—78].

В описании сада Йоверсов античная мифология сада сочетается с библейской. Из античных мотивов довольно отчетливо звучат мотивы идил-

лии с атмосферой игривости, кокетства, изысканной фриivolности в сочетании с имитацией пастушьей идиллии, её простоты.

Огражденность сада (очень строгая, без допущения посторонних) и одаривание детей плодами отсылают к мотиву «ограждённого сада» в его библейском варианте, однако и сюда вносится шуточный тон: райская птица в саду Йоверсов — это зеленый попугай, насвистывающий «негритянскую песенку своей родины».

Однако время идиллии ушло, и родители Христиана Альбрехта и Фридриха умерли. И как у идиллической жизни есть своё пространство сада, так и у смерти есть своё — кладбище: «Северная часть сада позади павильона граничила с кладбищем» [Шторм, 1965, т. 2, с. 78]. Здесь покоятся сенатор и сенаторша. С одной стороны, подобное соседство выглядит контрастно идиллии, это подчёркивается даже контрастом строений: для жизни — павильон в стиле рококо, для смерти — фамильный склеп. С другой стороны, сад — это рай, в данном случае — земной рай — Эдем и переход в иное состояние, точнее, место, фактически фиксирующее этот переход, — кладбище — приближено к раю.

Соседство пространств «сад» — «кладбище» создает границы семантического поля, в котором действуют персонажи новеллы, сыновья сенатора. Сад и кладбище — это модели фундаментальных форм бытия в их конкретно-образном, земном выражении.

Христиан Альбрехт решает внести некоторые коррективы в организацию этих топосов после того, как на кладбище был похоронен его отец, он намеревается отгородить кладбище высоким забором (в то время как раньше сад отделялся низким забором) : «... ему просто не хотелось, чтобы оно было видно из сада; если захочет он навестить родную могилу, он может пойти туда не через сад, а по улице, через общий для всех вход» [Шторм, 1965, т. 2, с. 79]. Христиан желает отгородить свой земной рай от власти неизвестности, которая стоит за смертью. Даже путь на могилы родителей не должен проходить через «райский сад». Тем самым ещё раз подчёркивается особая сакральность топоса сада. Его огражденность приобретает персонализированный характер: это пространство принадлежит только Йоверсам, а так как сад — это ещё и модель Вселенной, то в этой точке очень локально концентрируется и создаётся модель «патрицианского бытия» как идеального бытия. Намереваясь отгородить сад от кладбища, Христиан строит преграду на пути к жизни после смерти, разъединяет то, что по своей сути едино.

Именно за полное обладание садом ведут между собой спор братья. Они не могут представить себе, что каждому достанется часть сада: «... каждый получит по изуродованному клочку!» [Шторм, 1965, т. 2, с. 82].

Таким образом, борьба направлена на сохранение целостности са-кравальной модели. Сад должен не просто оставаться цельным, но и принадлежать только одному из братьев. В этом случае речь идёт не об отлучении другого брата от возможности гулять и отдыхать в саду, а о желании одного из них быть единственным «садовником», уподобляемым богу, благосклонно принимающему в свои владения страждущих. Гордыня и индивидуализм берут верх над родственными узами братьев.

Спор заходит так далеко, что Фридрих начинает строить огромную стену между своим домом и домом брата — ещё одна ограда. Стена достигает огромных размеров, таких, что препятствует проникновению солнца в дом. Здесь происходит важное смещение акцентов в традиционной модели сада. Отметим, что оба брата стремятся стать добропорядочными хозяевами, в частности потому, что могут лучшим образом распорядиться наследственным садом, то есть идет борьба за наиболее полное воссоздание той модели, в которой «добропорядочный хозяин (-ая хозяйка)» (как тип) обладает земным раем — садом. Созданная граница (ограда означает ее пересечение) выступила символической ритуальной перекодировкой типа персонажа: один из двух перестанет быть добропорядочным хозяином и станет «одиноким человеком», который будет только прикасаться к саду, но не владеть им.

Процесс ограждения теперь уже не может восприниматься как процесс отгораживания от хаоса, скорее наоборот: стена разрушает узы кровного родства, единство рода человеческого. Христиан Альбрехт уже готов примириться с братом, но Фридрих чувствует, что «через воздвигнутую им самим стену ему уже не перебраться» [Шторм, 1965, т. 2, с. 108].

Кульминацией развития сюжетного напряжения и отдаления братьев друг от друга становится рождение сына у Христиана. Его крёстным отцом должен был стать Фридрих, но ссора помешала этому.

Перелом в сознании Фридриха наступает после сновидения, в котором умершие родители предстают перед ним отделенными огромной стеной и поэтому не могут видеть и слышать его. После этого он посещает кладбище и через него проходит в сад, но не наоборот — из сада на кладбище.

В христианской религиозной традиции мотив воскрешения природы после зимней омертвелости имеет огромное символическое значение. Весенний сад, таким образом, символизирует возрождение обновлённого мира и возможность восстановления гармонии в семье Йоверсов.

Новелла завершается символическим актом «открытия врат рая» для всех жителей городка. Символические слова попугая («райской птицы»): «Поди сюда» — наводят Фридриха на мысль пригласить детей, которые стоят за оградой, в сад. Ранее строго отделенный от общего течения жизни, «сад Йоверсов» становится достоянием для каждого. Шторм даёт сцену-

двойник той, где прежние хозяева пьют кофе под любопытными взглядами жителей за оградой. Ограда есть и теперь, на месте и беседка в стиле рококо с парящей Флорой, сад полон спелых плодов крыжовника, на которые с жадностью смотрят дети и даже «райская» птица — попугай на своём обычном месте, однако воцарившийся в душе братьев мир не оставляет там места эгоизму, и они разрешают впустить всех детей лакомиться крыжовником. Так преодолевается закрытость пространства сада в патрицианском понимании. Размыкание ограды и разрушение стены между домами братьев — это восстановление целостности мира, нет больше деления на возделанное и хаотичное, вернее, то, что за границами ограды, не угрожает больше миру внутри её, поскольку он укрепился, стал более полноценным.

Финальная зарисовка новеллы прямо отсылает читателя к иконографической традиции сюжета «Мадонна в розовой беседке или в розовом саду» (такие сюжеты мы обнаруживаем у Доменикино — Доменико Венециано (1410—1461 годы), Стефано Да Верона (1375—1451 годы), Стефана Лохнера (1440), Мартина Шонгауера (1473), Ханса Мемлинга (1440—1490 годы), Сандро Боттичелли (1470), Пьер Франческо Фиорентино (около 1445—1475 годов), Мастера легенды о Святой Люси (1475/1480), Лукаса Кранаха Старшего (1520—1530 годы), Луини Бернардино (1482—1532 годы), Альбрехта Дюрера (1506) и др).

В новелле Т. Шторма присутствует сюжет, изображающий Мадонну с младенцем на фоне розового сада, луга цветов или розовой беседки, поскольку рай и Богоматерь, олицетворяющая чистоту, представлены как единый комплекс: «Когда они обернулись, то увидели в открытой двери павильона окружённую гостями молодую прелестную сенаторшу; высоко подняв руки, она протягивала братьям своего только что проснувшегося младенца, который широко открытыми глазами смотрел на окружающий его красочный мир» [Шторм, 1965, т. 2, с. 190]. Отметим, что и здесь происходит отказ от замкнутости сада в пользу окружающего мира (ср. «Иммензее»). Таким образом, пространство сада в новелле «Сыновья сенатора» является концептуальным, образным и сюжетным ядром новеллы. Мифологическая модель рая-сада позволяет Шторму ввести в традиционный художественный текст новые неожиданные аналогии. В новелле происходит переосмысление семантики огражденности райского сада, и его открытость становится критерием нравственной полноценности, которая в свою очередь позволяет братьям обрести новый смысл в своих взаимоотношениях и в отношениях с миром.

4. Заключение = Conclusions

Как видно из представленного анализа новелл Теодора Шторма, художественное и семантическое решение топосов садов и парков в текстах

имеет двойственную природу. С одной стороны, они являются отражением реального мира, а с другой стороны, связаны с культурной традицией и функционированием устоявшихся моделей в литературе. Сад, парк и усадьба, как текст внутри текста, обретают новые значения, которые толкуются индивидуальным авторским сознанием в соответствии с замыслом. Сады являются текстом, который объединяет различные искусства и подвержен изменениям восприятия в разные эпохи.

Четко выделяется основная семантика топоса сада как особого нравственного и духовного пространства. В ходе анализа раскрыты особенности стиля Теодора Шторма, заключающаяся в фокусировке на переживаниях и эмоциональных состояниях, часто в форме воспоминаний. В новеллистическом творчестве Шторма импрессионистическое мировосприятие играет важную роль. Это проявляется как в структурных особенностях произведений (изображение отдельных эпизодов из жизни, использование формы воспоминаний и других художественных средств), так и в описании сада в новелле «Иммензее».

В новелле «В замке» концепция топоса сада осложнена и решена многозначно. Сад здесь оказывается в тени более значимого и сковывающего пространства замка. Борьба этих пространств выражается через преимущество сада как пространства, возрождающего жизнь. Однако финальное звено разворачивающейся истории опрокидывает эту идею, отдавая преимущество дому (замку) как месту, где возрождается семья.

В новелле «Из заморских стран» особое значение для героини имеет культурная и эстетическая среда, в которой она живет. Усадьба, описываемая в новелле, содержит в себе великолепный парк в стиле Ленотра, который служит значимым элементом духовной жизни героини. Регулярный парк характеризуется растительными массивами и присутствием изящных статуй. Теодор Шторм подчеркивает связь между архитектурой и природой, а также между внешним окружением и духовным состоянием персонажей. Сады и усадьбы служат источником вдохновения, возможностей для прогулок и реализации чувств, а также являются символами богатой культурной и эстетической среды.

Методология нашего исследования, сочетая структурно-семиотический и герменевтический подходы, позволила выявить уровень взаимодействия между физическим пространством сада и его символическим значением в контексте жизни и чувств героев. Как показал анализ, сад в «Иммензее» воплощает романтическое восприятие, тогда как в «Сыновьях Сенатора» открывается тематический конфликт внутри семейного уклада, устанавливающий границы как между персонажами, так и между физическими пространствами.

Проведённое исследование является частью более обширного научно-го наблюдения за категорией топоса как в творчестве Теодора Шторма, так и в творчестве его современников. Перспективным представляется расширение каталога анализируемых топосов (дом, водные топосы (озеро, море), степь, лес, небо), сопоставление особенностей топосов в поэтических и новеллистических произведениях самого Шторма, а также И. С. Тургенева и Теодора Фонтане.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Шторм Т.* Новеллы : в 2 т / Т. Шторм. — Москва : Художественная литература, 1965. — 1036 с.
2. *Storm Th.* Sämtliche Werke in vier Bänden / Th. Storm. — Berlin ; Darmstadt : Tempel-Verl, 1967. — 4528 s.

Литература

1. *Аргатин А. Е.* Нарратология как тезаурусный резерв “усадебной” терминологии / А. Е. Аргатин // Отчет о втором (шестом) заседании продолжающегося научного семинара «Проблемы методологии и тезауруса “усадебных” исследований в российском и зарубежном литературоведении» на тему : «О границах “усадебной” терминологии» (ИМЛИ РАН, 30 октября 2023 г.). — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 6—9.
2. *Богданова О. А.* Герменевтика литературной усадьбы : теория, история, современность : монография / О. А. Богданова ; отв. ред. М. В. Скороходов. — Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — 560 с. — ISBN 978-5-9208-0783-0.
3. *Богданова О. А.* Глава 1. Структура «усадебного топоса» в произведениях русской литературы рубежа XIX—XX вв. И европейская Традиция / О. А. Богданова // Усадьба и дача в русской литературе XIX—XXI вв. : топика, динамика, мифология. — Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2019. — С. 104—114. — ISBN 978-5-9208-0604-8.
4. *Бондарко Н. А.* Сад, рай, текст: аллегория сада в немецкой религиозной литературе позднего Средневековья. Образ рая : от мифа к утопии / Н. А. Бондарко // Образ рая : от мифа к утопии. Серия “Symposium”. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — Выпуск 31. — С. 11—30.
5. *Булгакова А. А.* Диалектика категории топоса : к постановке проблемы / А. А. Булгакова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 3—17.
6. *Велигорский Г. А.* «Усадебный текст» и национальный культурный код : русско-британские литературные связи XIX — начала XXI века / Г. А. Велигорский. — Москва : Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2022. — 416 с. — ISBN 978-5-9208-0701-4.
7. *Гордеенок Т. М.* Пространственные образы леса и сада как художественные формы воплощения идеи судьбы в немецкой романтической прозе (Новалис, Л. Тик, Э. Т. А. Гофман) / Т. М. Гордеенок // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. — 2007. — № 1. — С. 112—117.

8. Калныня Д. Я. Новеллистика Теодора Шторма / Д. Я. Калныня // Учён. зап. Рижского пед. ин-та. — 2000. — Т. IX — С. 173—199.

9. Кирдянова Е. Р. Лейтмотивные элементы в образах хранителя очага в новеллах Теодора Шторма «Из заморских стран» и «Карстен попечитель» / Е. Р. Кирдянова // Российский лингвистический бюллетень. — 2024. — № 4 (52). — С. 67—69. — DOI: 10.18454/RULB.2024.52.3.

10. Лихачев Д. С. Поэзия садов : к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Согласие: Тип. «Новости», 1998. — 471 с.

11. Мирошниченко С. А. Отображение ландшафта в поэтическом тексте Шарля-Юбера Мильвуа «Падение листьев» / С. А. Мирошниченко // Растительные, ландшафтные и садово-парковые образы во французской литературе XIX века : Коллективная монография. — Санкт-Петербург : Российский государственный гидрометеорологический университет, 2021. — С. 48—56.

12. Соколов М. Н. Принцип рая: Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида / М. Н. Соколов. — Москва : Прогресс-Традиция, 2011. — 704 с. — ISBN 978–5–89826-375-1.

13. Тюпа В. И. Усадебный локус или усадебный хронотоп? / В. И. Тюпа // Отчет о втором (шестом) заседании продолжающегося научного семинара «Проблемы методологии и тезауруса “усадебных” исследований в российском и зарубежном литературоведении» на тему : «О границах “усадебной” терминологии» (ИМЛИ РАН, 30 октября 2023 г.). — Москва : ИМЛИ РАН, 2023. — С. 6—9.

14. Усадьба и дача в литературе советской эпохи : потери и обретения : коллективная монография / сост. О. А. Богданова ; отв. ред. В. Г. Андреева, О. А. Богданова. — Москва : ИМЛИ РАН, 2024. — 672 с. — ISBN 978-5-9208-0758-8.

15. Цивьян Т. Б. Verg Georg. IV, 116—148 : к мифологеме сада / Т. Б. Цивьян // Текст : семантика и структура : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; [отв. ред. Т. В. Цивьян]. — Москва : Наука, 1983. — С. 140—152.

16. Bouillon R. Blumen im Werk Theodor Storms / R. Bouillon // Schriften der Theodor Storm-Gesellschaft. — Heide : Heide in Holstein, 2002. — S. 117—125.

17. Guth A. Theodor Storms “Gartenpoesie” ihre Grundlagen und ihre Entwicklung / A. Guth. — Königsberg : [b. i.], 1928. — 83 s.

18. *Schriften der Theodor-Storm-Gesellschaft* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.storm-gesellschaft.de/jahrbuecher> (accessed 3.02.2025).

Статья поступила в редакцию 05.02.2025,
одобрена после рецензирования 08.05.2025,
подготовлена к публикации 20.06.2025.

Material resources

Storm, T. (1965). *Novels: in 2 tons*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1036 p. (In Russ.).
Storm, Th. (1967). *Sämtliche Werke in vier Bänden*. Berlin; Darmstadt: Tempel-Verl. 4528 s. (In Germ.).

References

Agratin, A. E. (2023). Narratology as a thesaurus reserve of “manor” terminology. In: *Report on the second (sixth) session of the ongoing scientific seminar “Problems of methodology and thesaurus of “manor” studies in Russian and foreign literary studies”*

- on the topic: “On the boundaries of the “manor” terminology” (IMLI RAS, October 30, 2023). Moscow: IMLI RAS. 6—9. (In Russ.).
- Andreev, V. G., Bogdanova, O. A. (eds.). (2024). *The manor and the cottage in the literature of the Soviet era: losses and gains: a collective monograph*. Moscow: IMLI RAS. 672 p. ISBN 978-5-9208-0758-8. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2019). Chapter 1. The structure of the “manor topos” in the works of Russian literature at the turn of the XIX—XX centuries. And the European Tradition. In: *Manor and cottage in Russian literature of the XIX—XXI centuries: topics, dynamics, mythology*. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 104—114. ISBN 978-5-9208-0604-8. (In Russ.).
- Bogdanova, O. A. (2024). *Hermeneutics of the literary estate: theory, history, modernity: monograph*. Moscow: IMLI RAS. 560 p. ISBN 978-5-9208-0783-0. (In Russ.).
- Bondarko, N. A. (2003). Garden, paradise, text: garden allegory in German religious literature of the late Middle Ages. The Image of paradise: from myth to utopia. In: *The image of paradise: from myth to utopia. The “Symposium” series, 11*. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 11—30. (In Russ.).
- Bouillon, R. (2002). Blumen im Werk Theodor Storms. In: *Schriften der Theodor Storm-Gesellschaft*. Heide: Heide in Holstein. 117—125. (In Germ.).
- Bulgakova, A. A. (2021). Dialectics of the topos category: towards a problem statement. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 7 (3): 3—17. (In Russ.).
- Gordeenok, T. M. (2007). Spatial images of forests and gardens as artistic forms of embodying the idea of fate in German romantic prose (Novalis, L. Tick, E. T. A. Hoffman). *Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities*, 1: 112—117. (In Russ.).
- Guth, A. (1928). *Theodor Storms “Gartenpoesie” ihre Grundlagen und ihre Entwicklung*. Königsberg: [b. i.]. 83 s. (In Germ.).
- Kalninya, D. Ya. (2000). Novelistics of Theodor Storm. Scientific notes. *Riga Pedagogical Institute*, IX: 173—199. (In Russ.).
- Kirdyanova, E. R. (2024). Leitmotif elements in the images of the keeper of the hearth in the novels of Theodor Storm “From Overseas countries” and “Karsten the Trustee”. *Russian Linguistic Bulletin*, 4 (52): 67—69. DOI: 10.18454/RULB.2024.52.3. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1998). *Poetry of gardens: towards the semantics of garden and park styles. The garden as a text*. Moscow: Consent: JSC Type. Novosti. 471 p. (In Russ.).
- Miroshnichenko, S. A. (2021). The representation of the landscape in the poetic text of Charles-Hubert Milvois “The Fall of leaves”. In: *Plant, landscape and landscape images in French literature of the XIX century: A collective monograph*. Saint Petersburg: Russian State Hydrometeorological University. 48—56. (In Russ.).
- Schriften der Theodor-Storm-Gesellschaft*. Available at: <https://www.storm-gesellschaft.de/jahrbuecher> (accessed 3.02.2025). (In Germ.).
- Sokolov, M. N. (2011). *The principle of Paradise: Chapters on the iconology of the garden, park and beautiful view*. Moscow: Progress-Tradition. 704 p. ISBN 978-5-89826-375-1. (In Russ.).
- Tsivyan, T. B. (1983). Verg Georg. IV, 116—148: Towards the Mythologeme of the Garden. In: *Text: semantics and structure: a collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 140—152. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2023). Manor locus or manor chronotope? In: *Report on the second (sixth) meeting of the ongoing scientific seminar "Problems of methodology and thesaurus of "manor" research in Russian and foreign literary studies" on the topic: "On the boundaries of the "manor" terminology" (IMLI RAS, October 30, 2023)*. Moscow: IMLI RAS. 6—9. (In Russ.).

Veligorsky, G. A. (2022). *"Manor text" and the national cultural code: Russian-British literary relations of the XIX — early XXI century*. Moscow: Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 416 p. ISBN 978-5-9208-0701-4. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2025;
approved after reviewing 08.05.2025;
accepted for publication 20.06.2025.*

Информация для цитирования:

Черкасов В. А. Локк — Вольтер — Руссо : философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума» / В. А. Черкасов, В. В. Демичева, О. И. Еременко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 323—342. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342.

Cherkasov, V. A., Demicheva, V. V., Eremenko, O. I. (2025). Locke, Voltaire, Rousseau: Philosophical Genesis of Griboedov's Comedy "Woe from Wit". *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 323-342. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Локк — Вольтер — Руссо: философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума»

Черкасов Валерий Анатольевич

orcid.org/0000-0001-9581-1487

доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики
и методики начального образования
и изобразительного искусства,
корреспондирующий автор
cherkasov.valeri@mail.ru

Демичева Вера Владимировна

orcid.org /0009-0009-5572-5790

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики
и методики начального образования
и изобразительного искусства
Demicheva@bsuedu.ru

Еременко Ольга Ивановна

orcid.org/0009-0007-6306-0018

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра теории, педагогики и методики
начального образования
и изобразительного искусства
Eremenko@bsuedu.ru

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
(Белгород, Россия)

Locke, Voltaire, Rousseau: Philosophical Genesis of Griboedov's Comedy “Woe from Wit”

Valery A. Cherkasov

orcid.org/0000-0001-9581-1487

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy
and Methodology of Primary
Education and Fine Arts,
corresponding author
cherkasov.valeri@mail.ru

Vera V. Demicheva

orcid.org /0009-0009-5572-5790

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy
and Methodology of Primary
Education and Fine Arts
Demicheva@bsuedu.ru

Olga I. Eremenko

orcid.org/0009-0007-6306-0018

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Theory, Pedagogy and
Methodology of Primary
Education and fine arts
Eremenko@bsuedu.ru

Belgorod State National
Research University
(Belgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье существенно расширена историко-философская перспектива взглядов Грибоедова на природу человеческого ума. Конкретизированы и обоснованы различия в позициях автора комедии «Горя от ума» и ее протагониста Чацкого в вопросе толерантности к мнению других людей как критерию человеческого ума. Источники скрытых цитат в тексте Грибоедова выявлены с помощью метода «медленного прочтения» таких философских и литературных произведений XVII—XVIII веков, как трактат Джона Локка «Опыт о человеческом разуме», «Философские письма» Вольтера, роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или новая Элоиза». В результате применения интертекстуального метода, прояснены идейные установки Грибоедова как автора «Горя от ума» в контексте не только европейской литературы и философии XVII — первой четверти XIX веков, но и общественно-политической обстановки в стране накануне декабрьского восстания. Авторы статьи приходят к выводу, что Грибоедов критикует художественными средствами руссоистский склад ума Чацкого за его субъективную ограниченность, незнание реальных людей и жизненных обстоятельств, агрессивность, опасную для общества («горе» в финале комедии испытывает не только Чацкий), своего рода юношеский максимализм, иначе говоря, за нетерпимость к чужому мнению. Утверждается, что катастрофическая развязка комедии отражает пессимистические воззрения драматурга на интеллектуальное развитие российского образованного общества.

Ключевые слова:

А. Грибоедов, комедия *Горе от ума*, Дж. Локк, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, роман *Юлия, или новая Элоиза*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article significantly expands the historical and philosophical perspective on Griboedov's views regarding the nature of human intellect. It delineates and substantiates the differences between the positions of the author of the comedy “Woe from Wit” and its protagonist Chatsky concerning tolerance for differing opinions as a criterion of human intellect. Sources of hidden quotations within Griboedov's text are identified through a method of “slow reading” of philosophical and literary works from the 17th and 18th centuries, such as John Locke's treatise “An Essay Concerning Human Understanding,” Voltaire's “Philosophical Letters,” and Jean-Jacques Rousseau's novel “Julie, or the New Eloise.” By employing an intertextual approach, the article clarifies Griboedov's ideological premises as the author of “Woe from Wit” within the broader context of European literature and philosophy from the 17th century to the early 19th century, as well as the socio-political climate in Russia on the eve of the December uprising. The authors conclude that Griboedov critiques, through artistic means, the Rousseau-inspired mindset of Chatsky, characterized by subjective limitations, ignorance of real people and life circumstances, aggressiveness detrimental to society (the “woe” experienced at the end of the comedy is not solely that of Chatsky), and a form of youthful maximalism — essentially, intolerance for opposing viewpoints. It is asserted that the catastrophic resolution of the comedy reflects the playwright's pessimistic outlook on the intellectual development of the Russian educated society.

Key words:

A. Griboedov; comedy *Woe from Wit*; John Locke; Voltaire; Jean-Jacques Rousseau; novel *Julie, or the New Eloise*.

УДК 821.161.1Грибоедов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-323-342

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Локк — Вольтер — Руссо: философский генезис комедии Грибоедова «Горе от ума»

© Черкасов В. А., Демичева В. В., Еременко О. И., 2025

1. Введение = Introduction

Актуальность темы статьи обусловлена большим интересом в современном научном сообществе к плюралистическим, мультикультурным методам и подходам при рассмотрении идейной стороны комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». К рассмотрению поднимаемой в произведении проблемы человеческого ума применяется не только традиционный историко-литературный и образно-мотивный методы [Фуксон, 2003; Лебедев 2013; Кошелев 2020], но и лингвистический [Аблогина, 2011], социокультурный [Нечаев, 2016], театроведческий подходы [Штайн и др., 2018]. Канадский славист Д. Клейтон применил статистический метод, продемонстрировав высокую частотность употребления в комедии Грибоедова слова *ум* и доказав таким образом релевантность этого понятия для ее идейного мира [Clayton, 1987]. Предлагаемый в настоящем исследовании историко-философский подход к рассмотрению содержательной стороны «Горя от ума» соответствует отмеченному тренду в современном грибоедоведении. Данный подход проявился в начале 1990-х годов в работах А. Л. Моторина [Моторин, 1993] и С. П. Ильёва [Ильёв 1994], которые расширили представления современного читателя о философском мировоззрении драматурга, о его глубоких интересах и знаниях в области истории философии, далеко отойдя, таким образом, от доминировавшего до сих пор в отечественном грибоедоведении «декабристского» дискурса при изучении идейного мира «Горя от ума». Однако вопрос о философском генезисе «Горя от ума» был впервые поставлен в монографии С. И. Данелии «О философии Грибоедова», первое издание которой датируется 1931 годом.

Моторин и Ильёв сосредоточились исключительно на рассмотрении взглядов французских философов-просветителей, увидев в них непосредственный источник концептуальных представлений Грибоедова о природе человеческого ума. Такое сознательное ограничение предмета исследо-

вания было обусловлено прежде всего теми историко-литературными задачами, которые ставили перед собой исследователи в рамках выбранной ими темы. Сознательная аннигиляция историко-философской перспективы со стороны Моторина и Ильёва привела не только к хронологическому ограничению философской перспективы «Горя от ума», но и к некоторой абстрактности выводов о генезисе той или иной идейной установки драматурга, не подкрепленных конкретными результатами интертекстуального анализа текстов-доноров (произведений французских философов-просветителей) и текста-реципиента («Горе от ума»). Интертекстуальная методология в данном случае была бы более чем уместна, если принять во внимание писательский статус французских авторов и во многом беллетризованный характер тех принадлежащих им текстов, которыми вдохновлялся Грибоедов. В настоящей работе мы намереваемся, во-первых, существенно расширить намеченную в монографии Даниели историко-философскую перспективу взглядов Грибоедова на природу человеческого ума, во-вторых, посредством интертекстуального подхода конкретизировать и обосновать различие философских взглядов Грибоедова как автора «Горя от ума» и Чацкого как протагониста этой комедии, которое в указанных исследованиях было выражено декларативно.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Даниели строит свои рассуждения вокруг затронутой в комедии Грибоедова проблемы человеческого ума. Он обоснованно возводит якобы аналитический ум Чацкого к представлениям французских просветителей XVII—XVIII веков, не дифференцируя при этом взгляды отдельных философов: «...ум Чацкого, представленный пьесой Грибоедова, совпадает с тем понятием об уме, которое имели Просветители XVII—XVIII века. Сами фактически обладая преимущественно умом различающим, анализирующим, феноменализирующим, механизующим, но отнюдь не творческим, синтезирующим и организующим, просветители и теоретически пытались доказать, что ум есть только аналитическая функция» [Даниели, 1940, с. 42]. Из общего контекста рассуждений Даниели становится ясно, однако, что имеется в виду прежде всего учение Жан-Жака Руссо. Именно к нему исследователь возводит противопоставление простого народа и образованного общества, которое сделал Чацкий в нравственном плане не в пользу последнего. При этом Даниели считает возможным провести аналогию между взглядами на эту, генетически руссоистскую, проблему между Чацким и его создателем, отметив подобным образом построенное рассуждение в статье Грибоедова «Загородная поездка»: «...представление о русском образованном обществе, выраженное в произведении Грибое-

дова, находится в отношении логического противоречия или логического отрицания к представлению о русском народе, предполагаемому этим же произведением. В статье своей “Загородная поездка”, служащей, по верному замечанию Пыпина, хорошим комментарием к “Горю от ума”, Грибоедов, как бы следуя за Руссо, который испорченной французской аристократии противопоставлял народ, не развращенный культурой и живущий инстинктами, сам отмечает “резкую противоположность нравов” русского народа и русского образованного общества, и этим косвенно подтверждается предположение, что и в представлении пьесы Грибоедова народная масса и образованное общество находятся в отношении логического противоречия» [Данелиа, 1940, с. 16]. По мнению Данелиа, и чаемое Чацким (и Грибоедовым) пресловутое «премудрое незнание иноземцев» так же восходит к учению Руссо: «С другой же стороны, тот же Чацкий, как бы следуя по стопам великого женева, воспевавшего дифирамбы персам и скифам за их “hereuse ignorance”, сам прославляет “премудрое незнание иноземцев”» [Там же, с. 20].

Согласно концепции Данелиа, конкретное разложение нравственности в образованном обществе, произошедшее под влиянием ума, под которым понимается в том числе просвещение, та же образованность, можно наблюдать на примере отчуждения Фамусова от своей дочери: «Ум ведь разложил естественную связь родства между Фамусовым и Софьей: Фамусов чужд своей дочери, не чувствует ее, не постигает. Из действительного отца он превратился лишь в отца лишь мнимого, призрачного, отца не по существу, а по форме, который заботится не столько о том, чтобы дочери его было действительно хорошо, сколько о том, чтобы выполнить общественным приличием установленные отцовские обязанности» [Там же, с. 29—30]. В примечании к этому рассуждению ученый раскрывает его руссоистский подтекст, якобы аутентичный замыслу Грибоедова: «В этом пункте, как и во многих иных, Грибоедов как бы следует за Руссо, давшим критику современной ему семьи у образованных общественных классов. Ср. Emile, 1. I., p. 27» [Там же, с. 30].

Конструктивное значение для темы настоящей статьи имеют выводы и наблюдения Л. В. Моторина, которые он обнаружил в статье «Эволюция художественного миропонимания в творчестве А. С. Грибоедова» [Моторин, 1993]. Во-первых, ученый акцентировал внимание читателя на фактах из биографии Грибоедова, свидетельствующих о серьезном интересе драматурга не только к истории философии, но и к ее современному развитию. Отсюда он сделал релевантный для нашей концепции вывод о необходимости философского подхода к изучению содержательной стороны творчества Грибоедова. Во-вторых, Моторин отдал должное новаторскому подходу Да-

нелиа, благодаря которому открывается перспектива для трактовки «Горя от ума» в плане «сентиментального, руссоистского идеала» [Моторин, 1993, с. 24]. В-третьих, Моторин сделал существенное наблюдение об «увлечении» [Моторин, 1993, с. 26] Грибоедова в период создания «Горя от ума» взглядами Вольтера и, более того, о допущенном им сознательном «сближении» своей авторской позиции в «Горе от ума» с позицией французского философа, выраженной тем в дружественной переписке с Вовенаргом.

В работе С. П. Ильёва «“Ум” и “горе” в комедии Грибоедова» [Ильёв, 1994] существенным представляется акцент на толерантности к мировоззрению окружающих людей как на критерии человеческого ума. При этом исследователь ссылается на учение французского философа-просветителя Гельвеция как на первоисточник истинных представлений Грибоедова об уме Чацкого: «...умный человек непременно выбирает общество единомышленников, поскольку ум „есть струна, звучащая только в унисон”. И „если умный человек станет расточать свой ум в различных кругах людей, он будет считаться то сумасшедшим, то мудрым, то приятным, то тупым, то остроумным”. Поэтому в просвещенном человеке предполагается знание человеческого ума и снисходительное отношение к посредственным людям: „Умный человек знает, что люди таковы, какими они должны быть, что всякая ненависть к ним несправедлива...; и если посредственный человек кажется ему глупым, то сам он кажется тому сумасшедшим»» [Ильёв, 1994, с. 53]. Очевидно, что отсюда следует, по словам Ильёва, «посредственность и пошлость» [Там же] ума Чацкого, который, как известно, не отличался «снисходительным отношением» к мнениям своих слушателей и собеседников и, как следствие, прослыл в их кругу сумасшедшим.

Таким образом, упомянутые исследователи указали на релевантность философской перспективы для понимания идейного замысла автора «Горя от ума», указав на учения Жан-Жака Руссо, Вольтера и Гельвеция как на возможный первоисточник его взглядов на природу человеческого «ума». Однако их наблюдения и выводы нуждаются в дальнейшей разработке как в плане поиска первоисточника соответствующих представлений о толерантности как существенном критерии человеческого ума, так и в плане расширения представлений об интертекстуальных связях между текстом-реципиентом («Горе от ума») и текстами-донорами, до сих пор не рассматривавшимися в качестве таковых в научной литературе («Философские письма» Вольтера, «Юлия, или новая Элоиза» Руссо).

При написании настоящей работы были использованы историко-литературный, сравнительно-исторический и историко-философский подходы. Существенное значение в исследовании имеет также интертекстуальный метод, способствовавший прояснению идейных особенностей «Горе от

ума» в контексте европейской литературы и философии XVII — первой четверти XIX веков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Представление о человеческом уме в освещении Вольтера, Локка и Руссо

Как было отмечено выше, в работе Ильёва, о толерантности как о существенном критерии человеческого ума размышлял такой видный представитель французского Просвещения, как Гельвеций. Однако следует заметить, что эта тема занимала значительное место также и в трудах Вольтера, соратника и друга указанного французского философа.

Например, в характерной концовке «Письма тринадцатого. О г-не Локке», вошедшего в состав «Философских писем», Вольтер относит к числу характерологических свойств мыслящего человека как раз толерантность: «Разделим человеческий род на двадцать частей. Девятнадцать из них будут составлять те, кто живет трудом своих рук и кому никогда не придет в голову, что на свете жил некий г-н Локк; и как же мало в оставшейся двадцатой части людей, привыкших читать! А среди тех, кто читает, на двадцать человек, зачитывающихся романами, приходится всего один, штудирующий философию; число же тех, кто мыслит, вообще крайне невелико, и людям этим не приходит в голову блажь сотрясать мир. Ни Монтень, ни Локк, ни Бейль, ни Спиноза, ни Гоббс, ни милорд Шефтсбери, ни г-н Коллинз, ни г-н Толанд и т. д. не зажгли факела раздора в своем отечестве; большей частью такими людьми оказывались теологи; они питают честолюбивые чаяния главарей сект, но кончается это обычно тем, что они стремятся стать во главе партий. Да что там говорить! Все книги новейших философов, вместе взятые, никогда не устроят в мире такого шума, какой вызвал некогда один лишь диспут францисканцев по поводу фасона их рукавов и капюшона» [Вольтер, 1988, с. 114—115]. Важно подчеркнуть в данном рассуждении Вольтера, во-первых, повторяющееся количественное противопоставление нечитающего / немыслящего большинства читающему / мыслящему меньшинству в пропорции 20:1; во-вторых, травестирование диспутов францисканцев по поводу формы их одежды, в основе которых лежала не только необходимость регламентации в условиях существования среди других католических орденов, но и понимание ее глубокого символического значения [Мулен, 2002] и стремление к «подражанию» св. Франциску [Задворный]. Вольтер рассимволизирует монашеское одеяние, сводит его смысл к обычной моде.

Однако и Вольтер не был первооткрывателем в рассматриваемом вопросе о толерантности как критерии для человеческого ума. Собственно

говоря, в указанном «Письме о г-не Локке» он сам указывает на учение английского философа как на первоисточник своих рассуждений о толерантности. В приведенном фрагменте этого «Письма...» противопоставление философов, к числу которых относится и Локк, и теологов по принципу толерантность / нетерпимость является заключением лейтмотивного рассуждения о религиозной толерантности, по словам Вольтера, «мудрой и непритязательной философии Локка», которая «вовсе не противоречит религии и, наоборот, помогает ей доказательством, если религия в этом нуждается» [Вольтер, 1988, с. 114].

Таким образом, есть основание обратиться к учению Джона Локка, который считается одним из наиболее влиятельных философов либерализма, в поисках первоисточника идеи о толерантности как критерии человеческого ума. Локк посвятил проблеме ума свою главную книгу «Опыт о человеческом разуме» (1690). В главе «О степенях согласия» содержится следующее рассуждение философа о недостоверности субъективных мнений и о вытекающей отсюда необходимости принимать в расчет точку зрения другого: «Так как [...] большинство людей, если не все, неизбежно придерживаются различных *мнений*, не имея достоверных и несомненных доказательств их истинности, — а отходить и отказываться от своих прежних убеждений тотчас же после того, как представят довод, на который нельзя немедленно возразить и показать его недостаточность, — значит навлекать на себя слишком тяжкие обвинения в невежестве, легкомыслии или глупости, — то мне кажется, *при различии мнений* всем людям следовало бы соблюдать *мир* и выполнять общий долг человечности и *дружелюбия*» [Локк, 1985, т. 2, с. 139]. Далее Локк утверждает, что люди всегда предпочитают доверять своему собственному «рассуждению (Reason)», а не «слепо подчиняться воле и диктату других лиц» [Локк, 1985, т. 2, с. 139]. Отсюда следует необходимость относиться с уважением к мнению других людей, которые могут знать даже больше, чем обращающийся к ним с увещанием либо поучением субъект, представляющий другую точку зрения (и не более того!), а не истину в последней инстанции. По Локку, идеальным поведением для субъекта высказывания является внимательное слушание и вникание в дискурс собеседника, исходящее из понимания ограниченности и ничтожности своего собственного дискурса [Локк, 1985, т. 2, с. 139—140].

Таким образом, согласно Локку, очень часто люди не могут отказаться от своих мнений, даже если видят их ошибочность, из боязни оказаться в смешном положении. Как следствие, они настаивают на своем субъективном мнении, сталкиваясь с мнением, часто прямо противоположным и столь же субъективным. По Локку, возникающая конфликтность проис-

текает из психологической невозможности для человека признать ограниченность своих умственных способностей. Признаком умного человека является следование голосу разума, диктующего необходимость признать сущностную ограниченность человеческого ума и проистекающую отсюда толерантность к мнению своего оппонента как норму для поведения.

В середине XVIII века возникло новое философское направление, составившее антитезу либерализма [Рассел, 1997, с. 557]. Его основатель Ж.-Ж. Руссо считал главным в умном человеке не разум, а «чувствительность», то есть способность следовать голосу естественных страстей. Это положение особенно ярко раскрывается в прославившем Руссо романе «Юлия, или новая Элоиза» (1761). Его главный герой Сен-Пре, пользующийся несомненной авторской симпатией, характеризуя своего друга лорда Бомстона, считает ум («здоровое» рассуждение) следствием чувства и впечатления, а не рациональных знаний: «<...> об изящных искусствах он <Бомстон> говорил очень здраво, но сдержанно и скромно. Я нашел, что он судит о них, скорее основываясь на чувствах, нежели на познаниях, на впечатлении, а не на правилах, — это убедило меня, что он наделен чувствительной душой» [Руссо, 1961, т. 2, с. 94]. И Юлия, возлюбленная Сен-Пре, и Клара, наперсница Юлии, согласны в своей оценке протагониста как натуры чрезвычайно впечатлительной, страстной и эмоциональной. В XLIX письме части I Юлия, пытаясь успокоить Сен-Пре в его чувстве внезапно вспыхнувшей ревности, говорит ему об этом качестве характера очень искренно и откровенно: «У тебя слишком увлекающаяся натура, и ты не можешь быть осмотрительным; пожалуй, тебе легче одолеть свои страсти, чем утаить их. От пустячного повода к тревоге ты приходишь в неистовство, от пустячного проблеска надежды ты забываешь о всех сомнениях!» [Руссо, 1961, т. 2, с. 104].

В рассматриваемом романе Руссо отчетливо выделяется и существенный мотив безумия из-за любви к женщине. К такому поведению Сен-Пре обязывает уже его имя, в буквальном переводе на русский язык означающее «Святой Рыцарь». Воплощая именно такое понятие «безумия», он пытается выразить свое чувство любви к Юлии. «То, что ты заставляешь меня испытывать, — пишет он возлюбленной, — близко к иступлению, и я боюсь, что в конце концов сойду с ума» [Руссо, 1961, т. 2, с. 86]. Кроме того, в романе Руссо содержится и важнейший для темы настоящей статьи мотив женской мести посредством клеветы. Когда Сен-Пре посещал парижский свет, он, не будучи в состоянии думать о чем-либо другом, кроме Юлии, невнимательно отнесся к разговору с некой госпожой Белон, отвечая на ее вопросы невольно. «Поэтому она, — сообщает герой своей корреспондентке, — отнеслась ко мне весьма пренебрежительно. А потом всем и каждому говорила <...>

что у меня нет здравого смысла, и хуже того, — ни капли остроумия, что я глуп, как мои книги» [Руссо, 1961, т. 2, с. 78].

Таким образом, согласно учению Руссо о человеческом уме, представленному в романе «Юлия, или новая Элоиза», толерантность отнюдь не является его критерием. Скорее наоборот, умный человек не может не находиться в состоянии конфликта с окружающим его обществом. Недаром в письме Клары к Юлии (ч. I, LVI) выражается обоснованное опасение с точки зрения здравого смысла относительно потенциального конфликта между отцом последней и Сен-Пре как носителями противоположных мировоззренческих и жизненных позиций: «Бог знает, что может случиться при столкновении разгневанного старого вояки, помешанного на семейной чести <т. е. отца Юлии>, и дерзкого, запальчивого молодого человека, не способного сносить обиды» [Руссо, 1961, т. 2, с. 117]. Согласно учению Руссо, нормы традиционной морали, законы человеческого общежития становятся невыносимым бременем для индивида, даже могут послужить причиной его трагической гибели, как это произошло с Юлией. Ее случайная гибель символизирует жертвенность добродетели, подчинившейся требованиям общества.

Не ограничиваясь проповедью, Руссо жил по принципам своего учения [Мелихов, 2013]. В каком бы обществе писатель ни находился, он вел себя предельно независимо, прямо высказывал свои мысли, чем часто шокировал присутствующих. У него появились многочисленные враги. Вольтер считал его «злым сумасшедшим» [Рассел, 1997, с. 637]. Руссо умудрился ополчить против себя даже своих друзей-просветителей. В конце концов, он должен был бежать за границу, где, впрочем, также не мог обрести покой. Дело осложнилось действительной психической болезнью философа — манией преследования.

По мнению Б. Рассела, последователем Руссо считается Байрон: «... благородные пираты Байрона являются прямым следствием учения Руссо...» [Рассел, 1997, с. 643]. Некоторые мотивы биографии и творчества английского поэта проливают дополнительный свет на учение Руссо и поэтому достойны хотя бы беглого упоминания. В самом деле, жизнь Байрона сильно напоминает жизнь Руссо: тот же конфликт с обществом на идеологической почве, тот же слух о сумасшествии и вынужденный отъезд за границу. По замечанию Б. Рассела, «то, что он <Байрон> говорит о Руссо, применимо к нему самому:

Руссо — апостол скорби, обаянье

Вложивший в страсть, безумец, что обрек

Терзаниям себя (выделено нами. — В. Ч., В. Д., О. Е.), но из страданья
Власть красноречья дивного извлек [Рассел, 1997, с. 690].

Таким образом, согласно Байрону, для личности и творчества Руссо характерно противоречивое сочетание «красноречия», предполагающего незаурядный ум, и «скорби», «страдания», добровольных духовных «терзаний», которые можно допустить только находясь в состоянии «безумия». Для Байрона последнее и является необходимым условием для «истинного» словесного творчества, захватывающего широкие круги читательской аудитории. По Байрону, «безумие», в котором пребывал Руссо добровольно, не только не отрицает его ум, но и придает созданным им творениям статус гениальных. Отсюда становится понятным возможное стремление Байрона к подражанию своему кумиру.

3.2. К вопросу о толерантности как о критерии человеческого ума в комедии Грибоедова «Горе от ума»

В сохранившихся текстах Грибоедова имя Локка ни разу не упоминается прямо. Однако в письме к П. А. Вяземскому от 11 июля 1824 года драматург ярко выразил свое отношение к личности и творчеству его последователя и популяризатора Вольтера в связи с исполнением главной роли И. Сосницким в пьесе А. Шаховского «Ты и Вы, Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта». В этом письме между прочим Грибоедов иронизирует над стремлением Шаховского к «прозаическому сходству» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74] в изображении престарелого Вольтера, в том числе — к передаче его «самодовольствия», «что он первый познакомил французов с англичанами» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74], то есть прежде всего с учением Локка. Сам Грибоедов довольно высоко оценивал личность и деятельность Вольтера, выделяя в них такие явно симпатичные для него черты, как пассионарность («решительно действовал на умы современников, вел их, куда хотел» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 74]); активное противодействие суеверию и обману (« всю жизнь провел в борьбе с суеверием — богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах» [Там же]). Как показано выше, Вольтер опирался в своей «борьбе с суеверием», в частности «богословским», на учение Локка. Таким образом, Грибоедов не только косвенно указал на свое знакомство с последним, по крайней мере, в переложении Вольтера, но и подтвердил свое представление о его субстанциальном статусе.

В комментариях к «Полному собранию сочинений» Грибоедова зафиксировано очень раннее знакомство писателя с романом Руссо «Юлия, или новая Элоиза». Еще в 1809 году Грибоедов опубликовал свою «Оду на поединки», которая является, по словам С. Фомичева, «поэтической интерпретацией» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 514] одного из писем из указанного романа. Как показал М. Строганов, в письме Грибоедова к А. Рыхлевскому от 25 июня 1820 года содержится реминисценция притчи о Диогене в трак-

товке Руссо: «А в письме Рыхлевскому, написанном 25 июня, Грибоедов намекает на историю о Диогене, который „днем с огнем” искал человека и не мог найти его среди людей: „В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь? Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург?”. Возможно, что Грибоедов следовал здесь не просто за притчей о Диогене, но — более — за его трактовкой у Руссо в „Рассуждении о происхождении неравенства”: „...причина, по которой Диоген никак не мог найти человека, заключена в том, что он искал среди современников человека времен уже минувших”. Но если Руссо видел идеал человека в прошлом, то Грибоедов видел его в современности, сравнивая „век нынешний и век минувший”» [Строганов, 1994, с. 58]. Мы считаем, что иронию Грибоедова по поводу поисков идеального, то есть прежде всего умного человека в тифлисском трактире или в Петербурге можно трактовать и как тотальное отрицание их успешности, в прошлом или в современности. Но здесь важно подчеркнуть ярко выраженный иронический контекст, в котором упоминается учение Руссо об идеальном человеке. Во всяком случае, очевидно, что Грибоедов к этому времени давно перерос свое ученическое отношение к декларациям Руссо, выраженное в «Оде на поединки».

Перейдем к рассмотрению проблемы человеческого ума в комедии Грибоедова «Горе от ума» в свете темы настоящего исследования. Эта проблема является одной из главных в произведении Грибоедова и лежит в основе как любовного, так и общественного конфликта произведения. Сам драматург в письме к Катенину от января 1825 года, которое является «основой грибоедовского понимания пьесы» [Тынянов, 1969, с. 348], следующим образом объясняет сюжет («план») «Горя...»: «Ты находишь главную погрешность в плане — мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка, сама неглупая, предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих...» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 87]. Чацкий назван единственным «здравомыслящим», то есть умным персонажем среди других героев пьесы (исключая Софию). Здесь же Грибоедов обозначает существенное качество ума протагониста, — непримиримость с окружающим обществом. То есть, по Грибоедову, умный человек не собирается скрывать свои мысли и не намеревается молчать, если задето его самолюбие.

Однако уже современник Грибоедова, такой тонкий критик, как А. Пушкин, отказал Чацкому в уме, признав за ним только некоторые ду-

шевные достоинства. По его словам, «первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.» [Пушкин, 1981, с. 164]. Для Пушкина далеко не очевидна столь твердо выраженная Грибоедовым конфликтность как *sine qua* существования ума. Высказывание своей точки зрения перед неподготовленной аудиторией может привести к комическому результату.

При всей краткости пушкинской оценки ума, можно заметить ее родственность позиции Локка и Вольтера: у всех них центр тяжести переносится с утверждения абсолютной истины *par excellence* на понимание относительности ее восприятия. Противостояния мнений, во всяком случае, не должно существовать.

По наблюдению В. А. Кошелева, кроме Пушкина, критически оценивали ум Чацкого также такие «первоочитатели» «Горя от ума», как М. А. Дмитриев, Н. И. Надеждин, П. А. Вяземский, В. Г. Белинский [Кошелев, 2020, с. 143—144]. По обоснованному мнению Кошелева, все они не приняли ум Чацкого за его потенциально высокую конфликтность в общении с окружающими людьми: «...все названные современники не приняли “дурацкого ума” Чацкого именно потому, что этот ум неуместен в совместном бытовании со всеми прочими, обыкновенными людьми. Для героя Грибоедова оказывается “недействителен” тот общежительный принцип, который приняли для себя многие неглупые современники автора» [Кошелев, 2020, с. 144].

Как было отмечено выше, впервые Даниелиа обратил внимание на реминисценции таких руссоистских идей в монологах Чацкого, как акцентирование нравственности простого народа в ущерб образованному обществу, а также «премудрое незнание иностранцев». Даниелиа считал, что Чацкий в данном случае выступал простым резонером задушевных мыслей Грибоедова. Он обосновал свое мнение указанием на аналогичные идеи, зафиксированные в статье Грибоедова «Загородная поездка», написанной в период создания «Горя от ума». К наблюдениям Даниелиа о руссоистском подтексте некоторых рассуждений Чацкого можно добавить замечание Моторина о «проявлении сентиментального руссоизма» в последнем монологе героя, в котором якобы содержится признание «поражения своего ума и значимость чувственного начала: “Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!...”» [Моторин, 1993, с. 25]. Ю. Лебедев убедительно характеризует руссоистский подтекст в поведении Софии [Лебедев, 2013, с. 6].

Парадоксальное название комедии Грибоедова содержится в приведенной выше байроновской характеристике Руссо: *...безумец, что обрек / Терзаниям себя...* О сходстве Чацкого с последним говорит первый оценочный эпитет, вложенный автором в уста Лизы:

*Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 23]

И протагонист при своем появлении вполне подтверждает свое амплу «руссоистского героя», вплоть до того, что выше ума ставит страсть, чувство любви:

*Пушай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы, вам угождены?..* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 63].

Сам конфликт между Фамусовым и Чацким, фамусовским обществом и Чацким в зародыше содержится в приведенном выше письме Клары к Юлии (ч. I, LVI) о потенциальном столкновении отца адресата и Сен-Пре. Между прочим, здесь же приведена емкая и очень точная характеристика людей типа Сен-Пре и Чацкого в плане их толерантности: «...дерзкий, запальчивый молодой человек, не способный сносить обиды» [Руссо, 1961, т. 2, с. 117]. Как было показано выше, в романе Руссо «Юлия, или новая Элоиза» содержится и важнейший, сюжетообразующий для «Горя...» мотив женской мести посредством клеветы. Этот мотив подробно рассмотрел Ю. Тынянов в статье «Сюжет “Горя от ума”». Он же обратил внимание на тесную связь между мотивами сумасшествия Чацкого и любви к женщине [Тынянов, 1969, с. 354], мотивами, которые были отмечены выше в романе Руссо по поводу поведения Сен-Пре в отношении своей возлюбленной. Правда, ученый возвел этот паттерн к эпохе рыцарской средневековой культуры, обозначив таким образом общий архетип для взаимоотношений между Чацким и Софией, Сен-Пре и Юлией: «В рыцарский кодекс любви к даме в куртуазную рыцарскую эпоху входит безумная любовь, безумие из-за дамы, — таково безумие неистового Роланда из-за Анжелики, таково безумие Дон Кихота из-за Дульцинеи» [Тынянов, 1969, с. 353].

И. Гончаров, доказывая ум Чацкого, прибегает как раз к аргументации в духе Руссо, когда чувство становится неизменным атрибутом умного человека, заслоняя собой все прочие качества под именем «развитости»: «Но Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен. Речь его кипит умом, остроумием. У него есть и сердце, и притом он безукоризненно честен. Словом — это человек не только умный, но и развитой, с чувством, или, как рекомендует его горничная Лиза, он “чувствителен, весел, и остер”. <...> Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее

Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь “ум”» [Гончаров 1981, с. 64]. Этот удивительный период, где ум, инъецированный изрядной долей таких понятий, как «сердце», «честность», «развитость», «чувство», «искренность», «общественная активность», превращается в свою тень, очерченную кавычками. Если бы ум Чацкого был другого склада, например, такого, каким он предстает в описании Локка или Вольтера, Грибоедов не мог бы так уверенно писать («разумеется») о неизбежности конфликта между героем и обществом. Естественно, в сюжете такого рода герой должен быть уверенным в своем умственном превосходстве над окружающими и не хотеть скрывать этой своей уверенности. Как заметил Кошелев, «...эти остроты (Чацкого. — В. Ч., В. Д., О. Е.) про ближних имеют ту цель, что человек, рассыпающий эти остроты, должен почитаться сам лишенным осмеиваемых недостатков...» [Кошелев, 2020, с. 141]. Ученый абсолютизировал авторскую оценку ума Чацкого «немножко повыше прочих» [Там же]. Однако, на наш взгляд, настоящее понимание Грибоедовым ума Чацкого может быть раскрыто только с помощью целостного анализа текста пьесы.

И. Медведева обоснованно указала на сознательное «осмешение высокого и трогательного» [Медведева, 1974, с. 63] в образе Чацкого со стороны Грибоедова. При этом она, вслед за Пушкиным, опирается в своих суждениях на неудачное коммуницирование Чацкого с Фамусовым, Софией, Молчалиным [Медведева, 1974, с. 63—64]. С содержательной стороны монолог Чацкого о «Французике из Бордо» исследовательница оценивает в высоком, трагическом плане: «Не замечая, что София равнодушна к его состоянию и меньше всего расположена выслушивать политические и общественные сатиры, Чацкий во время танцев на незначачий насмешливый вопрос ее: *Что вас так гневит?* — раздражается своим скорбным монологом, из которого ясно, что *миллион терзаний* связан не только с обманутыми надеждами на любовь, но и с потерей веры в возрождение русского общества, казалось бы, неизбежное после Отечественной войны» [Медведева, 1974, с. 63—64].

Между тем, как показал Ю. Лебедев, автор подчеркивает ремаркой, что монолог Чацкого о «Французике из Бордо» не желает слушать не только София, но и гости Фамусова [Лебедев, 2013, с. 5—6]: «Оглядывается, все в вальсе кружится с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам» [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 97]. Потребовалось отойти от Чацкого, чтобы тот заметил происходящее у него, так сказать, под носом.

Грибоедов сознательно травестирует содержание обличительных монологов Чацкого «А судьи кто?» и «Французик из Бордо», вводя в них наряду с безусловно высокими и трагическими темами крепостного права и национальной культуры мотивы мужской и женской моды в одежде. Комизм этих мотивов в самих монологах «подсвечивается» полемическим отношением Чацкого к определяющему эти моды женскому восхищенному восприятию в целом, а в контексте комедии — давно замеченными в грибоедоведении аналогичными филиппиками в адрес женских мод и гвардейских мундиров со стороны Фамусова и Скалозуба. Возмущение Чацкого, вызванное усиливающейся регламентацией и «очиновлением» русского образованного общества, в результате сводится Грибоедовым к дискуссии о более модном покрое мундира; призыв протагониста к возрождению национальной культуры — к смене фрака и бритого лица допетровской «величавой одеждой» [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 96] и бородой. Таким образом, Грибоедов иронизирует над нетерпимостью Чацкого к мнению других людей точно так же, как Вольтер иронизировал над нетерпимостью теологов к мнению оппонентов: низводя идеи к их материальному воплощению, или, наоборот, выхолащивая из вещи — будь то военный мундир, бальная или монашеская одежда — ее символическое значение.

Если учесть, что в приведенном письме Грибоедова к Катенину содержится реминисценция вольтеровского мотива пропорции при определении умного человека, то станет яснее мнение драматурга об уме Чацкого. Скорее всего, по мысли Грибоедова, из двадцати человек, «зачитывающихся романами» [Вольтер, 1988, с. 114], Чацкий является тем одиночкой, который лишь «штудирует философию» [Там же], но отнюдь не к тем, «кто мыслит» [Там же], то есть декларирующим толерантность философам, типа Локка.

4. Заключение = Conclusions

Из вышесказанного следует, что Грибоедов критикует художественными средствами руссоистский склад ума Чацкого, за его субъективную ограниченность, незнание реальных людей и жизненных обстоятельств, агрессивность, опасную для общества («горе» в финале комедии испытывает не только Чацкий), своего рода юношеский максимализм, короче говоря, за нетерпимость к чужому мнению. Аналогичную точку зрения высказывал М. М. Бахтин, характеризуя образ Чацкого: «Он <Чацкий> всюду хочет быть первым. Даже в разговоре ищет первенства, равно спорить, равно разговаривать он не хочет. Чацкий — верхогляд и идеалист, который не может войти в чужую психологию и предъявляет ко всем невозможные требования. Это отсутствие живого, реального подхода к людям обрека-

ет его на безнадежность. Если бы они его послушались, то должны были бы сами упразднить себя. Они чувствуют, что Чацкий их не любит, о них не заботится. В его словах холодность, отсутствие такта, живого восприятия жизни. Отсюда никто его не слушал, никто не понимал. Его борьба с московским обществом — глас вопиющего в пустыне» [Бахтин, 2000, с. 416]. Грибоедову как человеку, как дипломату и государственному мужу был ближе, скорее, идеал человеческого ума, столь красноречиво и подробно описанный Локком и популяризированный Вольтером. Поэтому также вряд ли следует искать противовес уму Чацкого в уме Фамусова или Молчалина. Эти герои, как истовые представители фамусовского общества, в основе которого лежит «человеческое оподление» [Лебедев, 2013, с. 5], также нетерпимы, но они еще и злобны и низки. Можно вспомнить шитые белыми нитками издевательства Фамусова над Чацким (*Другий хоть притче будь, надутый всяким чванством / Пуская себе разумником слыви / А в семью не включают* [Грибоедов, 1995, т. 1, с. 46]) и ехидные насмешки «тишайшего» Молчалина (д. III, явл. III). Фамусовское общество еще более далеко от идеалов европейского либерализма. К нему относится саркастическая грибоедовская характеристика: «поврежденный класс полеевропейцев» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 277].

Катастрофическая развязка комедии отражает пессимистические воззрения драматурга на интеллектуальное развитие российского образованного общества.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Вольтер Ф. М. А.* Философские сочинения / Ф. М. А. Вольтер ; Пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн ; Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. Н. Кузнецов. — Москва : Наука, 1988. — 750 с. — ISBN 5-02-008001-2.
2. *Гончаров И. А.* «Миллон терзаний» / И. А. Гончаров // И. А. Гончаров-критик / Вступит. статья и коммент. естъ А. Краснощековой. — Москва : Сов. Россия, 1981. — С. 58—89.
3. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений : в 3 т. / А. С. Грибоедов ; Редкол. : С. А. Фомичев (гл. ред.) и др. — Санкт-Петербург : Нотабене, 1995—2006. — ISBN 5-87170-043-8.
4. *Локк Д.* Сочинения : в 3 т. / Д. Локк ; ред. и примеч. : И. С. Нарский, А. Л. Субботин ; пер. с англ. А. Н. Савина. — Москва : Мысль, 1985—1988.
5. *Пушкин А. С.* [Письмо А. А. Бестужеву. янв. 1825 г.] / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10-ти т. — Москва : Правда, 1981. — Т. 9. — С. 163—164.

6. *Руссо Ж-Ж*. Избранные сочинения : в 3 т. / Жан-Жак Руссо ; пер. с фр. / Сост. и авт. вступ. статьи И. Е. Верцман. — Москва : Гослитиздат, 1961. — 23 см.

Литература

1. *Аблогина Е. В.* Концепт ум в творчестве А. С. Грибоедова и его англоязычная переводческая рецепция : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Аблогина. — Томск, 2011. — 205 с.

2. *Бахтин М. М.* [Грибоедов] / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 7 т. — Москва : Русское слово, 2000. — Т. 2. — С. 416—418. — ISBN 5-89216-010-6.

3. *Данелиа С. И.* О философии Грибоедова / С. И. Данелиа. — 2-е изд. — Тбилиси : Издание Пантеона писателей Грузии, 1940. — 70 с.

4. *Задворный В. Л.* История францисканского ордена [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://krotov.info/libr_min/08_z/zad/vorny_1.htm (дата обращения 24.03.2025).

5. *Ильёв С. П.* «Ум» и «горе» в комедии Грибоедова / С. П. Ильёв // Проблемы творчества А. С. Грибоедова / Отв. ред. С. А. Фомичев. — Смоленск : ТРАСТ — ИМАКОМ, 1994. — С. 50—56.

6. *Кошелев В. А.* Грибоедов в «предлагаемых обстоятельствах» / В. А. Кошелев. — Санкт-Петербург : ООО «Издательство “Росток”», 2020. — 336 с. — ISBN 978-5-94668-316-6.

7. *Лебедев Ю. В.* Самонадеянный ум и самовлюбленное сердце в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» / Ю. В. Лебедев // Литература в школе. — 2013. — № 9. — С. 2—7.

8. *Медведева И. Н.* «Горе от ума» А. С. Грибоедова / И. Н. Медведева. — 2-е изд. — Москва : Художественная литература, 1974. — 109 с.

9. *Мелихов А. М.* Между цинизмом и безответственностью / А. М. Мелихов // Вольтер : pro et contra : личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и исследователей : антология ; сост., вступ. ст., коммент. А. А. Златопольской. — Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. — С. 709—730. — ISBN 978-5-88812-522-9.

10. *Моторин Л. В.* Эволюция художественного миропонимания в творчестве А. С. Грибоедова / Л. В. Моторин // Русская литература. — 1993 — № 1 — С. 21—37.

11. *Мулен Л.* Повседневная жизнь средневековых монахов западной Европы X—XV века / Л. Мулен ; пер. с фр. Т. А. Чесноковой. — Москва ; Классик : Молодая гвардия, 2002. — 346 с.

12. *Нечаев А. В.* Фантомность глупости или А. С. Грибоедов как зеркало новой реальности / А. В. Нечаев // Социальные явления. — 2016. — № 3 (6). — С. 32—50.

13. *Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней : в 3 кн. : перевод с английского / Б. Рассел ; науч. ред. В. В. Целищев. — 2-е изд., испр. — Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. — 814 с. — ISBN 5-7615-0436-7.

14. *Строганов М. В.* Об идейном составе «Горя от ума» / М. В. Строганов // Проблемы творчества А. С. Грибоедова / РАН. Отд-ние лит. и яз., Пушкин. комис. ; Отв. ред. С. А. Фомичев. — Смоленск : ТРАСТ — ИМАКОМ, 1994. — С. 56—70.

15. *Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» / Ю. Н. Тынянов // Пушкин и его современники. — Москва : Наука, 1969. — С. 347—379.

16. *Фуксон Л. Ю.* Еще раз о смысле названия «Горя от ума» / Л. Ю. Фуксон // Сибирский филологический журнал. — 2003. — № 1. — С. 10—17.

17. Штайн К. Э. Повседневное и элитарное мышление : о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» в современном социокультурном пространстве / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко // Русистика без границы. — 2018. — № 1. — С. 29—40.

18. Clayton J. Douglas. «This folly to bowies» : The semantics of um — ii Griboedow's 'Gore ot uma' / Clayton, J. Douglas // Acta Universitatis Stockholm Studies in Russian Literature, 23. Text and context / Essays to honor Nils Ake Nilson, Stockholm. — 1987. — Pp. 7—15.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025,
одобрена после рецензирования 01.06.2025,
подготовлена к публикации 20.06.2025.

Material resources

- Goncharov, I. A. (1981). “A Million torments”. In: *I. A. Goncharov-critic*. Moscow: Sov. Russia. 58—89. (In Russ.).
- Griboyedov, A. S. (1995—2006). *Complete works: in 3 volumes*. St. Petersburg: Notabene. ISBN 5-87170-043-8. (In Russ.).
- Locke, D. (1985—1988). *Essays: in 3 volumes*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1981). [Letter to A. A. Bestuzhev. Jan. 1825]. In: *Collected works: in 10 volumes*, 9. Moscow: Pravda. 163—164. (In Russ.).
- Rousseau, J-J. (1961). *Selected works: in 3 volumes*. Moscow: Goslitizdat. 23 cm. (In Russ.).
- Voltaire, F. M. A. (1988). *Philosophical writings*. Moscow: Nauka Publ. 750 p. ISBN 5-02-008001-2. (In Russ.).

References

- Ablogina, E. V. (2011). *The concept of mind in the works of A. S. Griboyedov and his English-language translation reception*. PhD Diss. Tomsk. 205 p. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2000). [Griboyedov]. In: *Collected works: in 7 volumes*, 2. Moscow: Russian Word. 416—418. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).
- Clayton, J. D. (1987). «This folly to bowies»: The semantics of um — ii Griboedow's 'Gore ot uma'. *Acta Universitatis Stockholm Studies in Russian Literature*, 23. Text and context / Essays to honor Nils Ake Nilson, Stockholm. 7—15.
- Danelia, S. I. (1940). *On the philosophy of Griboyedov*. 2nd ed. Tbilisi: Edition of the Pantheon of Writers of Georgia. 70 p. (In Russ.).
- Fuchson, L. Y. (2003). Once again about the meaning of the name “Woe from wit”. *Siberian Philological Journal*, 1: 10—17. (In Russ.).
- Ilyev, S. P. (1994). “Mind” and “grief” in Griboyedov's comedy. In: *Problems of creativity of A. S. Griboyedov*. Smolensk: TRUST — IMAKOM. 50—56. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (2020). *Griboyedov in the “proposed circumstances”*. Saint Petersburg: Rostock Publishing House. 336 p. ISBN 978-5-94668-316-6. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (2013). The arrogant mind and the narcissistic heart in A. S. Griboyedov's comedy “Woe from Wit”. *Literature at school*, 9: 2—7. (In Russ.).
- Medvedeva, I. N. (1974). *“Woe from wit” by A. S. Griboyedov*. 2nd ed. Moscow: Fiction. 109 p. (In Russ.).
- Melikhov, A. M. (2013). Between cynicism and irresponsibility. In: *Voltaire: pro et contra: Voltaire's personality and ideas in the assessment of Russian thinkers and researchers: an anthology*. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy. 709—730. ISBN 978-5-88812-522-9. (In Russ.).

- Motorin, L. V. (1993). The evolution of artistic worldview in the work of A.S. Griboyedov. *Russian literature, 1*: 21—37. (In Russ.).
- Moulin, L. (2002). *The daily life of medieval monks of Western Europe of the X—XV century*. Moscow; Classic: Molodaya Gvardiya. 346 p. (In Russ.).
- Nechaev, A. V. (2016). The phantom of stupidity or A. S. Griboyedov as a mirror of a new reality. *Social phenomena, 3* (6): 32—50. (In Russ.).
- Russell, B. (1997). *The history of Western philosophy and its connection with political and social conditions from antiquity to the present day: in 3 books*. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University. 814 S. ISBN 5-7615-0436-7. (In Russ.).
- Stein, K. E., Petrenko, D. I. (2018). Everyday and elite thinking: about A. S. Griboyedov's comedy "Woe from Wit" in the modern socio-cultural space. *Russian studies without borders, 1*: 29—40. (In Russ.).
- Stroganov, M. V. (1994). On the ideological composition of "Woe from wit". In: *Problems of creativity of A. S. Griboyedov*. Smolensk: TRUST — IMAKOM. 56—70. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1969). The plot of "Woe from wit". In: *Pushkin and his contemporaries*. Moscow: Nauka. 347—379. (In Russ.).
- Zadvorny, V. L. *The history of the Franciscan Order*. Available at: http://kroto.v.info/libr_min/08_z/zad/vorniy_1.htm (accessed 24.03.2025). (In Russ.).

*The article was submitted 31.03.2025;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 20.06.2025.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORY

.....

Александр Геннадьевич Нестеров, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Алексей Васильевич Савельев, соискатель (Ульяновск)
Алисе Плате, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Андрей Анатольевич Аганов, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Баходир Манглибой Сатимов, канд. истор. наук (Ургенч, Узбекистан)
Виталий Александрович Бондарев, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Екатерина Олеговна Муслимова, канд. истор. наук (Тюмень)
Елена Валерьевна Миронова, канд. истор. наук (Казань)
Максим Дмитриевич Новиков, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Мария Сергеевна Диривянкина, преподаватель (Краснодар)
Наталья Владимировна Эйльбарт, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Олег Александрович Елдинов, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Ольга Николаевна Науменко, д-р истор. наук (Ургенч, Узбекистан)
Рашид Алимович Мухамедов, д-р истор. наук (Ульяновск)
Уткир Исмаилович Абдуллаев, канд. истор. наук (Ургенч, Узбекистан)
Юрий Асланбиевич Яхутль, д-р истор. наук (Краснодар)

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Аганов А. А. Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного общества старых большевиков (1930—1935 годы) / А. А. Аганов, О. А. Елдинов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 344—363. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-344-363.

Aganov, A. A., Eldinov, O. A. (2025). North Caucasus Regional Branch of All-Union Society of Old Bolsheviks (1930—1935). *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 344-363. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-344-363. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного общества старых большевиков (1930—1935 годы)

Аганов Андрей Анатольевич

orcid.org/0000-0002-8123-6765

кандидат исторических наук,

преподаватель, кафедра

«Документоведение и языковая
коммуникация»,

корреспондирующий автор

Aganoff.a@yandex.ru

Елдинов Олег Александрович

orcid.org/0000-0001-9425-1705

кандидат исторических наук, доцент,

кафедра «Документоведение

и языковая коммуникация»

olegeldinov@yandex.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

North Caucasus Regional Branch of All-Union Society of Old Bolsheviks (1930–1935)

Andrey A. Aganov

orcid.org/0000-0002-8123-6765

PhD in History, lecturer,

Department of Documentation

and Language Communication,

corresponding author

Aganoff.a@yandex.ru

Oleg A. Eldinov

orcid.org/0000-0001-9425-1705

PhD in History, Associate Professor,

Department of Documentation

and Language Communication

olegeldinov@yandex.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена деятельности Северо-Кавказского краевого отделения Всесоюзного общества старых большевиков в первой половине 1930-х годов. В качестве источниковой базы используются неопубликованные делопроизводственные материалы из Центра документации новейшей истории Ростовской области. Выявлены основные направления деятельности Северо-Кавказского краевого отделения Всесоюзного общества старых большевиков. Прослеживается история Общества с момента его учреждения до прекращения деятельности (январь 1922 – май 1935). Сделан вывод о том, что краевое отделение организации находилось в состоянии кризиса еще до убийства видного советского партийного и государственного деятеля С. М. Кирова, после которого в СССР начался поиск «врагов народа», в том числе среди старых большевиков. Сообщается, что незадолго до гибели С. М. Кирова руководство организации совершило крупную политическую ошибку: один из членов организации И. Д. Ченцов пригласил оппозиционеров на празднование 15-летнего юбилея освобождения Ростова-на-Дону частями Красной Армией от белогвардейцев. Отмечается, что Ченцов был изгнан из организации по политическим причинам и позднее репрессирован. Установлено, что падение региональной ячейки Общества совпало с этим серьезным просчетом. Сообщается, что в мае 1935 года по указанию руководства партии Всесоюзное общество старых большевиков и все его региональные отделения самоликвидировались.

Ключевые слова:

Азово-Черноморское краевое отделение; ветераны революционного движения; Общество старых большевиков; пропаганда; убийство Кирова.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the activities of the North Caucasus Regional Branch of the All-Union Society of Old Bolsheviks during the early 1930s. Utilizing unpublished administrative materials from the Center for Documentation of Recent History in the Rostov Region as its primary source base, the study identifies the main areas of focus for the North Caucasus branch. The history of the Society is traced from its establishment to its dissolution (January 1922 – May 1935). The findings suggest that the regional branch was in a state of crisis even before the assassination of prominent Soviet party and state leader S. M. Kirov, which triggered a search for “enemies of the people” within the USSR, including among the ranks of the old Bolsheviks. Notably, it is reported that shortly before Kirov's death, the organization's leadership made a significant political misstep when one of its members, I. D. Chentsov, invited opposition figures to celebrate the 15th anniversary of Rostov-on-Don's liberation by Red Army forces from White Guards. Chentsov was subsequently expelled from the organization on political grounds and later repressed. The study establishes that the decline of the regional branch coincided with this critical error. Furthermore, it is noted that in May 1935, following directives from party leadership, the All-Union Society of Old Bolsheviks and all its regional branches self-dissolved.

Key words:

Azov-Black Sea Regional Branch; veterans of the revolutionary movement; Society of Old Bolsheviks; propaganda; Kirov's assassination.

УДК 94(47).084.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-344-363

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Северо-Кавказское краевое отделение Всесоюзного общества старых большевиков (1930—1935 годы)

© Аганов А. А., Елдинов О. А., 2025

1. Введение = Introduction

Исследование социальной природы раннего большевизма становится актуальным в контексте работы с почти неизученными документами по истории конструирования новых форматов исторической памяти в молодом советском обществе. На первом этапе развития советского строя общественные организации могли иметь внутреннюю самостоятельность. Как и партийный механизм, общественные организации переживали трансформацию в связи с изменениями в методах управления обществом.

С завершением Гражданской войны перед одержавшей победу большевистской партией выдвинулась приоритетная задача сохранения власти в новых условиях. Часть членов партии с большим дореволюционным стажем в новых условиях стали работать в партийных организациях и государственных учреждениях. Но другие подпольщики в мирное время стали заниматься деятельностью, напрямую связанной с предшествующим опытом. Являясь носителями партийных традиций, старые большевики должны были не допустить возможного раскола партии и при этом заняться воспитанием подрастающего поколения. Многие из них стали работать в Истпарте, который занимался сбором и изданием информации по истории партии и Октябрьской революции. Именно они стали инициаторами создания новой организации.

Всесоюзное общество старых большевиков (далее — ВОСБ, Общество) создавалось с целью сохранения новой исторической памяти о событиях революции. Одной из ключевых задач Общества была трансляция революционного опыта молодым большевикам. Критерием вступления в Общество был непрерывный политстаж — более 18 лет. Помимо поддержки исторической преемственности Общество обеспечивало пожилых революционеров финансовой помощью, санаторно-курортным лечением, выполняя важную социальную функцию.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Существует два этапа историографии ВОСБ.

Первый, советский этап был связан с попыткой осмысления роли Общества в контексте партийных и околопартийных структур. Коротко упоминала о деятельности ВОСБ И. В. Загоскина [Загоскина, 1967, с. 413—414]. Наиболее полно деятельность ВОСБ была исследована историком Т. П. Коржихиной [Коржихина, 1989, с. 50—65]. Деятельность революционеров-большевиков, оказавшихся в ближнем зарубежье, исследовал М. Бирон [Бирон, 1978, с. 100].

Второй, постсоветский этап историографии связан с попыткой проанализировать феномен Общества, работу его региональных отделений. С. В. Федоров в своем исследовании [Федоров, 1996, с. 42—48] впервые проанализировал деятельность организации. Н. Ю. Пивоваров пытается восстановить «лакуны» в изучении темы. Исследование истории Общества позволяет дать ответ, почему происходило сначала вытеснение, а затем отторжение «старой гвардии» из советской политической системы» [Пивоваров, 2018, с. 52]. Автор приводит важную для понимания деятельности ростовского Общества статистику, свидетельствующую о количественном преобладании «московских большевиков» над региональными организациями [Там же, с. 65—66]. Историк М. А. Фельдман в одной из своих работ [Фельдман, 2017, с. 36] выделил характерные черты группы старых большевиков, которые стали особой социальной группой в первые два десятилетия существования советской власти.

Дискуссия о социальной и идеологической природе ВОСБ в настоящее время продолжается. До настоящего времени исследователи частично анализировали деятельность региональных отделений организации. В рамках изучения деятельности ВОСБ на Юге России важно сравнить данную региональную структуру с другими региональными отделениями.

А. В. Трофимова в своей работе приводит важную для понимания деятельности ростовского Общества статистику, свидетельствующую о количественном преобладании «московских большевиков» над региональными организациями [Трофимова, 2018, с. 65—66]. В другой своей работе она обратила внимание на то, что некоторые старые большевики привлекали в партию представителей оппозиционных политических сил, которые стремились к «социальной справедливости» [Трофимова, 2018, с. 67]. И. В. Павлова изучила деятельность ВОСБ в Сибири [Павлова, 1984]. Фрагментарно работу Воронежского отделения ВОСБ анализировал В. Н. Плаксин [Плаксин, 2008, с. 48]. Он отметил, что отделение финансировалось из областного комитета ВКП(б). Историк И. Н. Ильина обратила внимание на то, что тенденция трансформации политического режима «за-

метно сказалась на состоянии и качестве» [Ильина, 2000, с. 140] общественных организаций.

Региональной проблематике развития советских общественных организаций (в том числе ВОСБ и близких ей структур) посвящены диссертации Н. Б. Алиевой [Алиева, 1993], И. Т. Камболовой [Камболова, 2011] и Н. И. Капустиной [Капустина, 2005]. В целом же в исторической науке недостаточно изучена деятельность советских общественных организаций в различных частях Советского Союза.

Отбор членов в региональное отделение Общества осуществлялся через анкетирование, которое позволяло идентифицировать лояльных кандидатов: «кем был до вступления в партию», имеется ли опыт революционной деятельности, «какую позицию занимал во время империалистической войны», какое участие принимал в Февральскую и Октябрьскую революции, «был ли в Красной армии, Красной гвардии». Финальный вопрос — «что представляет собой [кандидат] в период советского строительства» [ЦДНИРО, ф. Р319. оп. 1, д. 1, л. 3].

В рамках данного исследования используется идеографический метод, позволяющий описать деятельность Общества старых большевиков в региональном измерении, поскольку вопросы формирования, развития и кризиса организации в региональной ретроспективе остаются неисследованными. Нами использовался также проблемно-хронологический подход: проанализированы создание организации и её самоопределение как старой «ленинской» гвардии. При этом ключевым для нас был вопрос о степени самостоятельности организации при проведении агитационно-пропагандистских мероприятий и реализации практик сохранения исторической памяти. Определение «границ» автономности Общества от партии становится одной из центральных проблем исследования.

Корпус источников по данной проблеме представлен материалами Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Фонд ф. Р-319 содержит полную информацию о деятельности на Юге советской России отделения ВОСБ, биографические данные членов Общества, хозяйственно-отчетную документацию и т. д.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание Северо-Кавказского отделения Всесоюзного общества старых большевиков и его деятельность на первом этапе существования

ВОСБ было создано 28 января 1922 года [Трофимова, 2018, с. 169] после проведения чистки РКП(б), приведшей к исключению четверти ее членов [Шишкин и др., 2015, с. 146]. К этому времени в советской Рос-

сии уже существовало Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев [Папков, 2013, с. 94], в составе которого находились народники и представители других социалистических партий [Юнге, 2015, с. 11]. Идея по созданию ВОСБ принадлежала старым членам партии РКП(б), которые вступили в нее еще до Февральской революции и боялись [Земляной, 2003, с. 159] реставрации капитализма после введения Новой экономической политики. Их идея была поддержана лидером партии В. И. Лениным. Среди инициаторов создания Общества были известные деятели социал-демократического движения: П. Н. Лепешинский, М. С. Ольминский, А. М. Стопани, С. В. Малышев, И. В. Невский, Ф. В. Ленгник, С. И. Мицкевич и др. Созданное Общество должно было взять на себя заботу о материальном положении старых большевиков и содействовать Истпарту, а также заняться воспитанием подрастающего поколения в духе официальной идеологии. Первым председателем ВОСБ стал известный революционер М. С. Ольминский [Терещенков, 2012, с. 238]. Изначально организация пыталась вмешиваться в политику и влиять на решения руководства партии, но постепенно генеральному секретарю ВКП(б) И. В. Сталину и его сторонникам удалось добиться контроля над деятельностью организации, которая отныне отказалась от вмешательства в политику.

Долгое время у ВОСБ отсутствовали филиалы и отделения. При этом, несмотря на наличие в рядах ВОСБ политических противников И. В. Сталина, организация во внутривнутрипартийной борьбе поддерживала «генеральную линию» и тем самым осуждала действие оппозиционеров. При этом Сталин и его приближенные добивались от Общества более жесткого осуждения оппозиционеров. В конце 1920-х годов руководство партии достигло определенных успехов [Трофимова, 2018, с. 171] по усилению надзора за деятельностью организации. В начале 1930-х годов из-за начавшейся индустриализации и невозможности принятия политических решений ВОСБ делает основной упор на проведение пропагандистской работы и закрепляет это в уставе. На рубеже 20—30-х годов XX века после назначения Е. М. Ярославского новым руководителем организация изменила свою деятельность. Согласно уставу 1931 года главной целью ВОСБ становилось «всемерное использование революционного опыта старых большевиков в помощь партии и ее ленинскому ЦК» [Устав ..., 1932, с. 4]. Фактически речь шла о проведении агитационно-просветительской работы среди населения страны и помощи по созданию истории ВКП(б) в рамках взаимодействия с Истпартом. Данная работа велась и через проведение лекций, бесед, написание статей для газет.

Именно данный поворот в работе ВОСБ привел к тому, что на территории СССР стали создаваться отделения и филиалы организации, выросло

количество членов Общества, а также выросло финансирование со стороны ВКП(б). Одно из таких отделений появилось на территории Юга РСФСР. Краевое отделение ВОСБ на Северном Кавказе было создано в Ростове-на-Дону в 1930 году [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 8, л. 11] по инициативе отдельных представителей старых большевиков, а также при безусловной поддержке Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). В таком формате оно просуществовало до 1934 года, когда Северо-Кавказский край был разделен на две части: Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске. Изначально в нем состояло всего три старых большевика, но постепенно инициативная группа сумела создать организационную структуру краевого отделения. В рамках этого они создали орган управления — Бюро, которое избрало председателя и секретаря отделения организации, а также приступили к поиску на территории региона старых большевиков и их привлечению в ряды ВОСБ. Одновременно с этим в Таганроге, Краснодаре, Армавире, Сочи, Пятигорске, Кисловодске и Грозном стали появляться ячейки организации, которые входили в состав северокавказского отделения ВОСБ [Там же].

При этом работа над созданием четкой организационной структуры краевого отделения ВОСБ велась и в дальнейшем по причине расширения направлений деятельности. Так, на Северо-Кавказской краевой конференции ВОСБ, проходившей в Ростове-на-Дону с 7 по 9 января 1932 года, был принят ряд важных решений [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 8, л. 101], касавшихся усовершенствования организационной структуры. Было решено образовать при Бюро организации шесть секций: организационную, агит-массовую, содействия краевой контрольной комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции, литературно-издательскую, лечебно-бытовую, финансово-хозяйственную. Организационная секция занималась привлечением потенциальных членов краевого отделения ВОСБ, контролировала их учет, а также вела работу над созданием новых филиалов. Агитмассовая секция занималась проведением лекций, чтением докладов и ведением пропагандистской работы в подшефных организациях. Секция содействия контрольной комиссии и рабоче-крестьянской инспекции поддерживала связь с данными учреждениями и содействовала их работе «в деле мобилизации сил подпольщиков на ряд работ этих организаций» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 8, л. 103]. Таким образом, из-за увеличения объема работ организация была вынуждена изменить первоначальную структуру и создать несколько отделов, занимавшихся решением дел по различным направлениям деятельности.

Любая организация существует за счет средств, которые она зарабатывает или получает в качестве дотаций от органов власти. Свою деятель-

ность Северо-Кавказское отделение ВОСБ осуществляло за счет различных доходов. Так, за семь месяцев работы (с 1 мая по 31 декабря 1931 года) доходы организации составили 3955 руб. 60 коп. [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 5, л. 39]. Большую часть дохода составляли дотации от Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета (3340 руб.). 500 руб. были выделены Президиумом Совета ВОСБ, членские взносы принесли организации 17 руб., 93 руб. 60 коп. были пожертвованы в фонды эскадрильи «Имени Ленина» и шефства над Алексеевским районом. Статья дохода «Разные» принесла краевому отделению ВОСБ 5 руб. Расходы [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 5, л. 40] организации за отчетный период составили 2565 руб. 34 коп., то есть краевое отделение ВОСБ умеренно тратило заработанные средства. Данная информация позволяет нам сделать вывод о том, что организация осуществляла свою деятельность за счет дотаций от региональных органов власти и находилась от них в зависимом положении.

Состоя в организации, члены краевого отделения ВОСБ получали определенные преимущества. Так, они могли получать от организации пенсии и пособия, помощь в решении бытовых проблем. Для решения последней проблемы, а также для укрепления влияния организации ее руководство приняло решение о строительстве дома [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 3], который одновременно должен был стать юридическим адресом отделения и местом жительства для старых большевиков. Другим преимуществом членства в краевом отделении ВОСБ было то, что организация имела доступ к закрытым распределителям. Этим пользовались члены организации, которые обращались в Бюро для решения своих проблем. Руководство Северо-Кавказского краевого отделения ВОСБ с учетом заслуг заявителя очень часто шло ему на встречу. Так, оно в ответ на заявление Синицына (начальника строящегося для Общества дома) выполнило его просьбу [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 41] по прикреплению к закрытому распределителю, так как он был активным членом революционного движения, являлся участником ростовской стачки 1902 года. Из-за того, что он участвовал в революционной деятельности и «перенес ряд тюремных заключений» [Там же], Бюро выполнило и вторую его просьбу — о прикреплении к больнице краевого исполнительного комитета.

За небольшой промежуток времени в ряды ВОСБ было привлечено 30 старых большевиков [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 5, л. 18]. Это позволило начать работу на территории региона, заключающуюся в воспитании подрастающего поколения, проведение агитационно-пропагандистской работы с различными группами населения, а также выполнение производственных планов через оформление шефства над предприятиями.

3.2. Основные направления деятельности организации

Одним из важнейших направлений деятельности Северо-Кавказского отделения ВОСБ было оформление шефства над предприятиями, колхозами и государственными организациями.

Так, созданная 19 ноября 1933 года в Новороссийске ячейка отделения организации [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 25, л. 4] практически сразу же приступила к оформлению шефства над местным отделением экспедиции подводных работ особого назначения (далее — ЭПРОН) — государственной организации особого назначения, которая занималась подъёмом кораблей, судов и подводных лодок, а также другими подводными работами. В рамках данной работы краевое отделение ВОСБ поддерживало систематическую связь с ЭПРОНОм по проведению партийно-воспитательной и массовой работе. Эта работа заключалась в том, что прикомандированные к местному отделению ЭПРОНа члены ВОСБ должны были проводить партийно-воспитательную работу по сохранению истории ВКП(б) и «глубокое изучение решений» XVII съезда партии [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 3]. Проведение массовой работы включало в себя активное вовлечение ЭПРОНОВцев и членов их семей в общественную работу. Руководство краевого отделения ВОСБ даже поставило задачу прикомандированным к организации сотрудникам, которая заключалась в том, что новороссийская ячейка ЭПРОНа должна была добиться получения первого места по партийно-воспитательной и массовой работе. Фактически, члены регионального отделения ВОСБ в рамках работы с ЭПРОН занимались проведением лекторской работы, которая заключалась в воспитании масс в духе верности ВКП(б) и сталинскому режиму, а также в организации различных мероприятий. Ярким примером служит следующее мероприятие, в котором участвовали представители краевого отделения ВОСБ. Так, 26 января 1934 года на заседании Бюро было принято решение вручить знамя с грамотой команде новороссийского отделения ЭПРОНа в день подъема транспорта «Женероза», который был затоплен в Цемесской бухте в 1918 году [Там же]. Для реализации данного мероприятия организация выделила ЭПРОН 250 руб. для покупки фотоаппарата, то есть она стремилась запечатлеть проведение процедуры подъема корабля и свое участие в этом. Также в рамках работы с ЭПРОН члены краевого отделения принимали участие в первомайских демонстрациях, делали доклады и проводили беседы, писали статьи для местных газет и передавали в дар агитационно-пропагандистскую литературу [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 29]. При этом необходимо отметить, что в рамках данной работы краевое отделение специально прикрепило к ЭПРОНу своих представителей, но члены самой новороссийской ячейки при этом не принимали никакого участия в данной работе [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 40].

Краевое отделение брало шефство и над промышленными предприятиями. Так, организация взяла шефство над котельным цехом паровозоремонтного завода им. В. И. Ленина — одного из старейших предприятий железнодорожной отрасли, находившегося в Ростове-на-Дону. Вопрос об организации шефства над котельным цехом обсуждался на заседании Бюро Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ 20 мая 1934 года [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28. л. 40]. После рассмотрения данного вопроса члены Бюро приняли решение отправить на котельный цех завода для ведения шефской работы нескольких членов организации. Они должны были посещать партийные и общие собрания цеха для того, чтобы включиться «в повседневную партийную и общественную работу» [Там же]. В рамках заключенного договора с паровозоремонтным заводом им. В. И. Ленина отправленные на предприятие старые большевики должны были выполнить взятые краевым отделением ВОСБ обязательства. Они заключались в том, что старые большевики должны были заниматься агитацией среди рабочих завода для выполнения ими плановых показателей в рамках проводившейся в те годы индустриализации. Так, прикомандированные к предприятию старые большевики должны были согласовывать свою работу с планом работы партийного комитета котельного цеха завода. При этом бригада членов Общества для привлечения рабочих завода к выполнению взятых на себя обязательств должна была на общих собраниях цеха отчитываться перед ними. Члены отделения должны были заниматься на заводе агитационно-пропагандистской деятельностью, которая заключалась в том, что старые большевики для выполнения плановых показателей предприятием должны были объяснять трудящимся поставленные руководством ВКП(б) задачи.

Краевое отделение ВОСБ принимало участие и в иницилируемых партий политическими кампаниях. В 1934 году 27 членов организации [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 20] приняли участие в работе комиссии по чистке рядов ВКП(б), целью которой было очищение партии «от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов» [КПСС в резолюциях ..., 1985, с. 32]. Таким образом, члены краевого отделения получали от государства различные материальные поощрения. В ответ на это партийные структуры получали не только их политическую лояльность, но и участие представителей организации в различных политических кампаниях, которые инициировались руководством ВКП(б).

Периодически выявлялись и недостатки в работе Общества: слабая агитация в армии, неэффективная организация библиотеки и партийного кабинета. В русле общепартийных тенденций наблюдалась и борьба с правым и лево-правым «оппортунизмом». Общество предлагало тематики детской литературы: ростовская стачка 1902 года, ростовская демонстрация

1903 года, 1905 года и баррикадные бои в Ростове, годы реакции и империалистическая война и т. д. [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 6, л. 9]. В местном отделении возникает идея написания истории партии «Северо-Кавказского края» — «не вообще истории партии», а конкретно в ее региональном аспекте, с привлечением пролетарских писателей и историков-марксистов.

Празднование годовщины Стачки 1902 года (30-летия данного события) становится одним из ключевых для формирования идентичности старого большевика [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 6, л. 34]. Для празднования юбилея стачечных событий предлагалось отозвать из Москвы Ставского, Гусева, Васильченко, Невского.

Огромное значение организация придавала работе с подрастающим поколением для воспитания их в духе официальной идеологии. Так, краевое отделение ВОСБ поощряло школьников за отличную учебу. В 1934 году региональное отделение Общества приняло решение изготовить переходящее знамя и передать его краевому дому детского коммунистического движения для лучшей группы октябрят «за отличную учебу» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 42]. Помимо этого, в школах и детских лагерях для пионеров члены краевого отделения проводили в дни памятных событий (Февральской революции, Красной Армии и 1-го мая) детские утренники [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 45] и выступали с докладами, посвященными речам Сталина на XVII-м и других съездах партии.

3.3. Начало кризиса организации

В последний год существования организации в ее руководстве усилились резкие противоречия. Об этом свидетельствуют выводы [д. 28, л. 78—79] по обследованию Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ, которое было проведено 20—21 октября 1934 года членом центральной ревизионной комиссии Амосовым. Он отмечал, что «между некоторыми членами общества и в самом бюро» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 78] сложились нездоровые отношения, отдельные руководители практически не принимают никакого участия в жизни организации. Заявлял Амосов и о том, что часто между членами Бюро возникают споры по вопросам, касающимся строительных работ и деятельности регионального Истпарта. Он отмечал, что к моменту проведения ревизии в рядах организации находился [Там же] 101 старый большевик, а за последние три года в краевое отделение вступило 20 человек, на оформлении же находились еще 9 человек. На основании данной информации Амосов делает неутешительный вывод о «слабом» [Там же] росте членов организации. При этом только 10—12 человек [Там же] принимали активное участие в агитационной работе, выступали с докладами на заводах и предприятиях. Помимо этого, по итогам проведенной ревизии Амосов сделал вывод о том, что Азово-

Черноморское краевое отделение ВОСБ недостаточно активно проводит работу с региональными отделениями комсомола, пионерии и не взаимодействует с МОПР.

Не выполнялись и принятые годовые планы работы организации. Амосов связал это с тем, что члены Бюро принимали активное участие в чистке рядов ВКП(б). Он подчеркивал, что заседания Бюро проходят нерегулярно, а создаваемая в процессе его работы делопроизводственная документация создается с большим опозданием. Отмечал он и то, что «недостаточно четко оформляются документы по приходу и расходу денег» [Там же], а расписки на выдачу денег пишутся «на клочках бумаги» [Там же], и при этом далеко не всегда известно, кому они выданы, из-за неразборчивой подписи. Эта информация свидетельствует о том, что организация находилась в состоянии кризиса, так как подавляющая часть членов Азово-Черноморской краевого отделения ВОСБ не принимала никакого участия в ее работе, а у ее руководителей не было четкой программы действий.

Амосов отмечал, что сама работа Бюро Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ на общем собрании его членов была признана «неудовлетворительной» [Там же]. Для исправления данной ситуации Амосов предлагал центральному руководству ВОСБ принять ряд мер: для сплочения членов отделения организовывать «семейные вечера», чаще созывать собрания членов Общества, усилить работу по привлечению старых большевиков в ряды организации, создавать квартальные планы работы и проверять их выполнение, а также усилить взаимодействие с МОПР. Для повышения эффективности работы краевого отделения Амосов предлагал назначить несколько ответственных членов организации, которые должны были отвечать за определенные направления деятельности, а также рекомендовал ревизионной комиссии составить план работы.

Результаты ревизии Амосова позволяют увидеть реальное состояние дел в Азово-Черноморском краевом отделении ВОСБ. Руководство ВОСБ в Москве прекрасно осознавало всю серьезность положения, за которым могла последовать ликвидация отделения. В подобных условиях руководство краевого отделения не должно было совершать никаких ошибок. Несмотря на это, организация снова оказалась в центре скандала.

Так, 11 декабря 1934 года на заседании [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 85] Бюро краевого отделения ВОСБ был заслушан доклад И. Д. Ченцова о проведении краевой комиссией празднования 15-летнего юбилея освобождения Ростова-на-Дону частями Красной Армией от белогвардейцев. В рамках празднования руководство организации приняло решение провести ряд торжественных мероприятий, в том числе пригласить на них в качестве почетных гостей крупных партийных и государственных деятелей,

которые принимали участие в Гражданской войне на юге страны. Список почетных гостей был представлен Ченцовым и утвержден на том же заседании. При этом в списке [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 91] приглашенных гостей был С. И. Сырцов — советский партийный и государственный деятель [Зенькович, 2005, с. 418], который в начале 1930-х годов стал активно критиковать [Кислицын, 2021, с. 228] политику И. В. Сталина. Также в списке приглашенных был А. Г. Белобородов и П. А. Залуцкий (бывшие участники «левой оппозиции»), а также Г. Я. Сокольников. Данным решением остался недоволен М. Н. Корчин — один из руководителей краевого отделения ВОСБ и заведующий региональным Истпартом. В своем письме [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 134] от 21 декабря 1934 года Бюро организации он заявил о своем несогласии с тем, чтобы «оппозиционеры приглашались в качестве почетных гостей» [Там же], и обещал проинформировать краевой комитет ВКП(б) о своей позиции.

В результате Бюро Азово-Черноморского комитета ВКП(б) 23 декабря 1934 года приняло решение отменить решение Бюро краевого отделения ВОСБ и признало его «политически ошибочным» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 109] из-за того, что в качестве почетных гостей были приглашены «бывшие члены к-р Зиновьевско-Троцкистской оппозиции» [Там же]. 26 декабря 1934 года на заседании Бюро краевого отделения ВОСБ руководители организации обсуждали решение краевого комитета. Они пытались снять с себя всю ответственность за принятие данного списка, обвинив во всем Ченцова, который в свою очередь признал ряд ошибок при составлении списка почетных гостей. Понимая неизбежность наказания, Ченцов попросил освободить его от исполнения обязанностей секретаря краевого отделения. Его просьба была удовлетворена. Одновременно с этим Ченцов также был выведен из состава Бюро. Но о произошедшей ситуации узнали и в Москве. В феврале 1935 года решением Центрального совета ВОСБ И. Д. Ченцов «за политически неправильное и недопустимое поведение» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 137] был исключен из рядов организации. Таким образом, руководство организации совершило крупную политическую ошибку, за которую кто-то должен был ответить. Ченцов был изгнан из организации исключительно по политическим причинам и позже репрессирован [Кислицын, 2022, с. 459].

3.4. Ликвидация организации

Последним крупным мероприятием Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ стало проведение в Ростове-на-Дону 28 февраля — 1 марта 1935 года третьей краевой конференции, в работе которой участвовал 101 человек [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 32, л. 1]. Участники краевой конференции обсуждали несколько важных вопросов: отчетный доклад

Центрального совета ВОСБ; отчетный доклад о работе Бюро Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ; доклад ревизионной комиссии Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ; выборы новых членов Бюро и ревизионной комиссии. Заслушав отчетный доклад члена центрального совета ВОСБ А. А. Ширямова, участники конференции одобрили его доклад, но при этом отметили «неточность живой связи Президиума ЦС ВОСБ с периферией» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 2]. Речь шла о том, что руководящие органы ВОСБ практически не помогают своим региональным отделениям в решении ряда вопросов. После заслушивания отчетного доклада Я. Ф. Урбацана о работе Бюро Азово-Черноморского краевого отделения ВОСБ участники конференции отметили, что руководство организации сумело привлечь ее членов и тем самым помогло краевой партийной организации в проведении чистки Азово-Черноморского краевого отделения партии. Была отмечена роль Азово-Черноморского отделения ВОСБ в содействии краевой партийной организации «в деле выполнения текущих политических и хозяйственных задач» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 3], а также в проведении агитационно-пропагандистской работы среди пионеров, комсомольцев, рабочих и красноармейцев в количестве 16 494 человек [Там же]. Нельзя не заметить, что организация активно принимала участие в инициированных партией политических кампаниях по причине полной зависимости от нее. Успешной была признана и работа организации в шефствовании над новороссийским отделением ЭПРОНа, с которым удалось укрепить связь через отправку туда представителей краевого отделения ВОСБ, оказывавших идеологическую и материально-культурную помощь.

При этом участники конференции отметили и отрицательные стороны в работе Бюро краевого отделения. По их мнению, Бюро «допустило политическую ошибку» [Там же], которая заключалась в том, что его член И. Д. Ченцов на 15-летие освобождения Ростова-на-Дону от белогвардейских войск включил в список гостей оппозиционеров. Кроме того, руководящий орган не сумел усилить агитационно-пропагандистскую работу и обеспечить шефство над котельным заводом Лензавода. Для исправления данной ситуации III-я краевая конференция предложила Бюро усилить вовлечение членов организации в проведение агитационно-пропагандистской работы на предприятиях Ростова-на-Дону и Азово-Черноморского края, среди пионеров, комсомольцев, красноармейцев через создание агитационных бригад, чтение докладов, организацию вечеров.

Бюро было рекомендовано освещать агитационно-пропагандистскую работу в средствах массовой информации, а также создать план агитации в колхозах. Привлекать к проведению этой работы конференция рекомен-

довала лишь таких старых большевиков, которые прошли необходимую проверку. От Бюро требовали «мобилизовать большевистскую бдительность на борьбу со всякими отклонениями» [ЦДНИРО, ф. Р319, оп. 1, д. 28, л. 4] от линии ВКП(б). Бюро было рекомендовано обратить особое внимание на решение бытовых вопросов членов отделения через оказание материальной и медицинской помощи, культурное обслуживание и улучшение жилищных проблем. Что касается вопроса о строительстве дома для регионального отделения, то конференция рекомендовала руководству решить ее «исходя из реальных бюджетных возможностей» [Там же]. Руководство краевого отделения ВОСБ не должно было требовать от государственных органов и краевого партийного комитета увеличения финансирования для строительства дома с учетом того, что в это время в стране проходила индустриализация, которая имела первостепенное значение для руководства страны и Азово-Черноморского края.

При этом доклад ревизионной и мандатной комиссий был полностью одобрен делегатами. На конференции был избран новый состав Бюро краевого отделения: Б. П. Шеболдаев (первый секретарь Азово-Черноморского краевого комитета Коммунистической партии), В. Ф. Ларин (председатель Азово-Черноморского исполнительного комитета), М. Н. Корчин, М. А. Вацлавский, Я. К. Кульпе, Я. М. Струмилин, Я. Ф. Урбацан и П. И. Мальцев. Позже некоторые из них станут жертвами «Большого террора».

После убийства советского партийного и государственного деятеля С. М. Кирова положение ВОСБ резко изменилось. В СССР начался поиск «врагов народа». Руководство ВКП(б) требовало искать потенциальных членов «пятой колонны» и среди старых большевиков [Конквест, 1991, с. 287]. Накануне самоликвидации организации в СССР прошла волна арестов, которая затронула и членов ВОСБ. В мае 1935 года по указанию руководства партии ВОСБ и все его региональные отделения самоликвидировались. Несмотря на то, что решение о ликвидации организации принималось в основном по политическим причинам, необходимо отметить, что к моменту своей ликвидации Азово-Черноморское отделение краевого отделения ВОСБ находилось в кризисном состоянии, из которого не было выхода.

4. Заключение = Conclusions

Падение региональной ячейки Общества совпало с серьёзным просчетом, который допустил один из членов организации И. Д. Ченцов, пригласивший оппозиционеров к обсуждению памятных партийных вопросов. В описанный период происходило формирование партийного дискурса о прошлом, революции и роли в ней И. В. Сталина. Гипотеза о том,

что Общество занималось лишь пропагандой, не вполне убедительна, так как попытки организации встречи с оппозицией порождали выходящую за пределы партийного официоза дискуссию. Далеко не все члены Азово-Черноморского отделения ВОСБ переживут 1930-е годы и Великую Отечественную войну. После смерти И. В. Сталина судьбой выживших старых большевиков заинтересовался партийный архив Ростовской области, который возглавлял уже упоминавшийся выше М. Н. Корчин. Ростовский областной отдел социального обеспечения в своем письме Корчину сообщал ему о том, что на территории Ростовской области в 1954 году проживало 43 старых большевика, которые получали персональные пенсии [ЦДНИРО, ф. Р-319, оп. 1, д. 33, л. 1—2]. Память о революции и революционный опыт были вытолкнуты в общественном сознании: перед послевоенным Обществом стояли совершенно другие вызовы. Кризисные явления в ВОСБ наступили ещё до смерти С. М. Кирова, а закрытие Общества положило конец существованию автономных организаций-«спутников» партии.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Истпарт — *Комиссия* по истории Октябрьской революции и РКП(б).
2. МОПР — *Международная* организация помощи борцам революции.
3. ВОСБ — *Всесоюзное* Общество старых большевиков.
4. *Устав* Всесоюзного общества старых большевиков. — Москва : Старый большевик, 1932. — 20 с.
5. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-319. (Северо-Кавказское Краевое отделение общества старых большевиков ВКП(б)). Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 5. Л. 18,39,40 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 6. Л. 9,34 ; Ф. Р-319. Оп. 1, Д. 8. Л. 11,101, 103 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 25. Л. 4 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 28. Л. 2, 3, 4, 20, 29, 40, 41, 45, 78—79, 85, 91, 109, 134, 137 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 ; Ф. Р-319. Оп. 1. Д. 33. Л. 1—2.

Литература

1. *Алиева Н. Б.* Образование и деятельность организации МОПР на Северном Кавказе (1923—1929 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Б. Алиева. — Санкт-Петербург, 1993. — 191 с.
2. *Бирон М.* Ветераны партии о своей борьбе / М. Бирон // Коммунист советской Латвии. — 1978. — № 6. — С. 99—109.
3. *Загоскина И. В.* Общество старых большевиков / И. В. Загоскина // Советская историческая энциклопедия. — 1967. — Т. 10. — С. 413—414.

4. Земляной С. Н. Советский термидор и проблема модернизации России (20-е годы) / С. Н. Земляной // Политическая наука. — 2003. — № 2. — С. 158—187.
5. Зенькович А. И. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий / А. И. Зенькович. — Москва : Олма-пресс, 2005. — 512 с. — ISBN 5-94850-408-5.
6. Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы / И. Н. Ильина. — Москва : Институт российской истории РАН, 2000. — 215 с. — ISBN 5-8055-0047-7.
7. Камболова И. Т. Добровольные общества Северной Осетии в советской общественно-политической системе 1920—1930-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Т. Камболова. — Владикавказ, 2011. — 196 с.
8. Капустина Н. И. Развитие общественных организаций Ставрополя в 1920-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. И. Капустина. — Пятигорск, 2005. — 231 с.
9. Кислицын С. А. Красная фронда под секирой НКВД : Киров, Орджоникидзе, Бухарин и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов / С. А. Кислицын. — Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2022. — 512 с. — ISBN 978-5-904079-79-6.
10. Кислицын С. А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов : Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920-1930-е годы / С. А. Кислицын. — Москва : ЛЕНАНД, 2021. — 264 с. — ISBN 978-5-9710-0706-7.
11. Конквест Р. Большой террор / Р. Конквест. — Москва : Ракстникс, 1991. — 432 с.
12. Коржихина Т. П. Общество старых большевиков (1922—1935 гг.) / Т. П. Коржихина // Вопросы истории КПСС. — 1989. — № 11. — С. 50—65.
13. Павлова И. В. К истории общества старых большевиков в Сибири / И. В. Павлова // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. — 1984. — № 9. — Выпуск 2. — С. 64—67.
14. Папков С. А. Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в Сибири (1924—1935 гг.) / С. А. Папков // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.). — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. — С. 94—107.
15. Пивоваров Н. Ю. Из жизни «старой гвардии». Общество старых большевиков как опыт политической адаптации революционеров (1922—1935 гг.) / Н. Ю. Пивоваров // Россия XXI. — 2018. — № 1. — С. 5—18.
16. Плаксин В. Н. Общество старых большевиков и подпольщиков / В. Н. Плаксин // Воронежская энциклопедия : в 2-х томах. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. — Т. 2. — С. 48.
17. Слезкин Ю. Л. Дом правительства. Сага о русской революции. Книга первая. В пути / С. Ю. Слезкин. — Москва : CORPUS, 2019. — 476 с. — ISBN 978-5-17-100477-4.
18. Терещенков Л. Е. Документы из фондов РГАСПИ как источник о взглядах деятелей РКП(б) на проблему репрезентации смерти героев революции / Л. Е. Терещенков // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2012» — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — С. 235—238.
19. Трофимова А. М. Две линии в судьбах ветеранов революционного движения (по материалам переписки В. И. Скляревича с К. П. Зинченко 1920—1930-х гг.) / А. М. Трофимова // Манускрипт. — 2018. — № 7. — С. 65—69.

20. Трофимова А. М. Общество старых большевиков : путь от ленинской гвардии к сталинской лекторской группе / А. С. Трофимова // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — № 1. — С. 168—173.

21. Федоров С. В. Всесоюзное общество старых большевиков. Опыт характеристики тоталитаризма с использованием элементов системного анализа. Историческое познание : традиции и новации. Материалы международной теоретической конференции / С. В. Федоров // Историческое познание : традиции и новации. — Ижевск : [б. и.], 1996. — Ч. 2. — С. 42—48. — ISBN 5-7029-0093-6.

22. Фельдман М. А. Социокультурный портрет старых большевиков после Гражданской войны / М. А. Фельдман // Социологические исследования. — 2017. — № 2. — С. 36—40.

23. Шишкин В. И. Генеральная чистка РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в Советской России / В. И. Шишкин, Н. Ю. Пивоваров // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : история, филология. — 2015. — Т. 14. — № 8. — С. 118—150.

24. Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1921—1935 / М. Юнге. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — 640 с. — ISBN 978-5-91022-302-2.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024,
одобрена после рецензирования 25.03.2025,
подготовлена к публикации 20.06.2025.

Material resources

Eastpart — *Commission on the history of the October Revolution and the Russian Communist Party (b)*. (In Russ.).

The Charter of the All-Union Society of Old Bolsheviks. (1932). Moscow: Stary Bolshevik. 20 p. (In Russ.).

The PRI — *International organization for assistance to the fighters of the revolution*. (In Russ.).

TSDNIRO — *Documentation Center for the modern history of the Rostov region. F. R-319. (North Caucasian Regional branch of the Society of old Bolsheviks of the CPSU(b))*. (In Russ.).

VOSB — *All-Union Society of Old Bolsheviks*. (In Russ.).

References

Alieva, N. B. (1993). *Education and activities of the organization of the PRI in the North Caucasus (1923—1929)*. PhD Diss. St. Petersburg. 191 p. (In Russ.).

Biron, M. (1978). Veterans of the party about their struggle. *Communist of Soviet Latvia*, 6: 99—109. (In Russ.).

Conquest, R. (1991). *The Great Terror*. Moscow: Rakstnieks Publ. 432 p. (In Russ.).

Fedorov, S. V. (1996). The All-Union Society of Old Bolsheviks. The experience of characterizing totalitarianism using elements of system analysis. Historical knowledge: traditions and innovations. Materials of the international theoretical conference. In: *Historical cognition: traditions and innovations*, 2. Izhevsk: [b. i.]. 42—48. ISBN 5-7029-0093-6. (In Russ.).

Feldman, M. A. (2017). Socio-cultural portrait of the old Bolsheviks after the Civil War. *Sociological research*, 2: 36—40. (In Russ.).

- Ilyina, I. N. (2000). *Public organizations of Russia in the 1920s*. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 215 p. ISBN 5-8055-0047-7. (In Russ.).
- Junge, M. (2015). *Retired revolutionaries. All-Union Society of Political prisoners and exiled settlers. 1921—1935*. Moscow: AIRO-XXI. 640 p. ISBN 978-5-91022-302-2. (In Russ.).
- Kambolova, I. T. (2011). *Voluntary societies of North Ossetia in the Soviet socio-political system of the 1920s and 1930s*. PhD Diss. Vladikavkaz. 196 p. (In Russ.).
- Kapustina, N. I. (2005). *The development of public organizations in Stavropol in the 1920s*. PhD Diss. Pyatigorsk. 231 p. (In Russ.).
- Kislitsyn, S. A. (2021). *Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey Syrtsov: From the history of the formation of anti-Stalinist Resistance in Soviet Society in the 1920s and 1930s*. Moscow: LENAND Publ. 264 p. ISBN 978-5-9710-0706-7. (In Russ.).
- Kislitsyn, S. A. (2022). *The Red Front under the axe of the NKVD: Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin and the leaders of the Azov-Black Sea region in the political repression of the second half of the 1930s*. Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House. 512 p. ISBN 978-5-904079-79-6. (In Russ.).
- Korzhikhina, T. P. (1989). The Society of the Old Bolsheviks (1922—1935). *Questions of the History of the CPSU*, 11: 50—65. (In Russ.).
- Papkov, S. A. (2009). Society of former political prisoners and exiled settlers in Siberia (1924—1935). In: *Institutes of civil society in Siberia (XX — early XXI century)*. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 94—107. (In Russ.).
- Pavlova, I. V. (1984). On the history of the society of the old Bolsheviks in Siberia. *Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences*, 9 (2): 64—67. (In Russ.).
- Pivovarov, N. Y. (2018). From the life of the “old Guard”. The society of the old Bolsheviks as an experience of political adaptation of revolutionaries (1922—1935). *Russia XXI*, 1: 5—18. (In Russ.).
- Plaksin, V. N. (2008). The society of old Bolsheviks and underground workers. In: *The Voronezh Encyclopedia: in 2 volumes*, 2. Voronezh: Center for Spiritual Rebirth of the Chernozem Region. P. 48. (In Russ.).
- Shishkin, V. I., Pivovarov, N. Y. (2015). General purge of the Russian Communist Party(b) in 1921 as a tool of social regulation in Soviet Russia. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 14 (8): 118—150. (In Russ.).
- Slezkin, Yu. L. (2019). *Government House. The saga of the Russian Revolution. The first book. On the way*. Moscow: CORPUS. 476 p. ISBN 978-5-17-100477-4. (In Russ.).
- Tereshchenkov, L. E. (2012). Documents from the RGASPI funds as a source on the views of the leaders of the Russian Communist Party(b) on the problem of representing the death of heroes of the revolution. In: *Historical documents and current problems of archeography, national and universal history of modern and modern times. Collection of abstracts of the participants of the conference of young scientists and specialists “Clio-2012”*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 235—238. (In Russ.).
- Trofimova, A. M. (2018). The society of the old Bolsheviks: the path from the Lenin Guard to the Stalinist lecture group. *Bulletin of Kostroma State University*, 1: 168—173. (In Russ.).

- Trofimova, A. M. (2018). Two lines in the fate of veterans of the revolutionary movement (based on the correspondence of V. I. Sklyarevich with K. P. Zinchenko in the 1920s and 1930s). *Manuscript*, 7: 65—69. (In Russ.).
- Zagoskina, I. V. (1967). Society of old Bolsheviks. *The Soviet Historical Encyclopedia*, 10: 413—414. (In Russ.).
- Zemlyanoi, S. N. (2003). The Soviet thermidor and the problem of modernization of Russia (the 20s). *Political Science*, 2: 158—187. (In Russ.).
- Zenkovich, A. I. (2005). *The most secret relatives. Encyclopedia of biographies*. Moscow: Olma Press. 512 p. ISBN 5-94850-408-5. (In Russ.).

*The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 25.03.2025;
accepted for publication 20.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бондарев В. А. Добровольческое движение в сельских районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны : историко-экономический анализ (на материалах Ростовской области) / В. А. Бондарев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 364—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-364-380.

Bondarev, V. A. (2025). Volunteer Movement in Rural Areas of RSFSR During Great Patriotic War: A Historical and Economic Analysis (Materials from Rostov Region). *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 364-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-364-380. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

LIBRARY.RU

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Добровольческое движение в сельских районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ (на материалах Ростовской области)

Бондарев Виталий Александрович

orcid.org/0000-0003-4558-3564

доктор исторических наук, доцент,
кафедра истории и культурологии,
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

Volunteer Movement in Rural Areas of RSFSR During Great Patriotic War: A Historical and Economic Analysis (Materials from Rostov Region)

Vitaliy A. Bondarev

orcid.org/0000-0003-4558-3564

Doctor of History, Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies,
vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
<https://rscf.ru/project/24-28-01265/>

© Бондарев В. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются экономические аспекты добровольческого движения в сельских районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны на материалах Ростовской области как одного из исторически аграрных регионов России. Источниковой базой выступили опубликованные и архивные материалы. Изучается влияние, которое оказывала на добровольческое движение колхозная система, сформированная в СССР на протяжении 1930-х годов. Показано, что колхозы выступили одним из наиболее существенных факторов добровольчества в военное время. Установлено значение коллективных хозяйств в процессе организации и материального обеспечения добровольческих казачьих кавалерийских формирований, созданных в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что, в отличие от досоветских практик, колхозы позволяли снабдить казачью кавалерию необходимым снаряжением и инвентарем, не допустив при этом серьезного материального ослабления семей казаков-добровольцев. Отмечается, что, благодаря высоким мобилизационным возможностям коллективных хозяйств, казачьи кавалерийские подразделения получали необходимое им пополнение людьми и конским составом и сохраняли боеспособность на протяжении военных лет. Высоко оценена роль коллективных хозяйств в деле организации добровольной материальной помощи фронту: колхозниками проводилась обработка дополнительных «гектаров обороны», сбор предназначенных для действующей армии пожертвований в виде денег, продовольствия, вещей, и пр.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война; колхозы; Ростовская область; добровольная помощь фронту; добровольческое движение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the economic aspects of the volunteer movement in rural areas of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) during the Great Patriotic War, focusing on the Rostov region as one of Russia's historically agrarian territories. The research is grounded in both published and archival materials. It explores the influence of the collective farm system, established in the USSR throughout the 1930s, on the volunteer movement. The findings reveal that collective farms emerged as a crucial factor in wartime volunteering. The significance of these collective enterprises is highlighted in their role in organizing and supplying volunteer Cossack cavalry units formed in the Rostov region during the Great Patriotic War. Unlike pre-Soviet practices, collective farms enabled the provision of essential equipment and supplies to Cossack cavalymen without causing significant material hardship for the families of volunteer Cossacks. The study notes that, thanks to the high mobilization potential of collective farms, Cossack cavalry units received necessary reinforcements in personnel and horses, maintaining their combat effectiveness throughout the war years. The role of collective farms in organizing voluntary material support for the front is highly valued, with collective farmers processing additional "defense hectares" and collecting donations for the active army in the form of money, food, clothing, and other goods.

Key words:

Great Patriotic War; collective farms; Rostov region; voluntary support for the front; volunteer movement.

Добровольческое движение в сельских районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ (на материалах Ростовской области)

© Бондарев В. А., 2025

1. Введение = Introduction

Великая Отечественная война неразрывно связана с массовым добровольческим движением, в котором приняли участие миллионы граждан СССР, стремившихся защитить Родину и внести свой посильный вклад в разгром гитлеровской Германии и её сателлитов. Советское добровольчество первой половины 1940-х годов являлось продолжением славных патриотических традиций России, таких как деятельность Первого и Второго народных ополчений во времена Смуты или масштабная партизанская война, развернувшаяся в нашей стране в 1812 году в ответ на вторжение Наполеона. Вместе с тем добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны отличалось заметной спецификой, поскольку было сильнейшим образом опосредовано социально-экономическим, общественно-политическим, социокультурным устройством советского государства и общества. В частности, весьма существенным фактором советского добровольчества выступала колхозная система, сформированная в рамках сталинской модернизации и занявшая доминирующие позиции в сельском хозяйстве СССР к исходу 1930-х годов. Наиболее отчетливо воздействие колхозной системы на добровольчество было заметно в аграрных регионах СССР, в том числе — в Ростовской области.

В советской научной литературе неоднократно освещалось участие населения колхозной деревни в добровольческом движении и всенародной помощи фронту в годы Великой Отечественной войны [Арутюнян, 1970; Синицын, 1985; Источники победы ..., 1985]. Таким вопросам уделялось внимание и в региональной, донской, историографии [Зайцев, 1967; Маркусенко, 1977; Селюнин, 1985; Ленинский путь ..., 1970; Очерки истории ..., 1973]. Результаты научных изысканий и выводы советских исследователей были обобщены в изданном в 1987 году фундаментальном труде — третьем томе «Истории советского крестьянства», посвященном

Великой Отечественной войне [История ..., 1987]. Однако во всех этих работах в фокусе авторского внимания находились формы и масштабы добровольческого движения в колхозной деревне, будь то организация народного ополчения или пожертвования в помощь фронту. Стимулирующее же воздействие колхозной системы на патриотические инициативы сельского населения считалось очевидным фактом и никоим образом не подвергалось сомнению, но рассматривалось весьма фрагментарно.

Анализ новейшей литературы по исследуемой нами проблеме дает основания констатировать факт сохранения традиционного подхода к осмыслению добровольческого движения в колхозной деревне в годы Великой Отечественной войны. Как правило, исследователи по-прежнему сосредотачивают усилия на освещении направлений, форм и методов помощи советского крестьянства фронту, оставляя за пределами внимания многообразное воздействие колхозов на феномен добровольчества [Анисков, 1998; Анисков, 2003; Земсков, 2010]. Данное обстоятельство актуализирует задачу тщательного всестороннего осмысления колхозной системы как фактора добровольческого движения в 1941—1945 годах. Указанная проблематика имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение. Опыт функционирования колхозной системы в качестве экономической базы добровольческого движения в советской деревне в 1941—1945 годах может быть востребован и в наши дни.

2. Материалы, методы, обзор = Materials, Methods, Review

Исследование проведено с опорой на материалы Ростовской области как исторически аграрного региона, в котором к началу Великой Отечественной войны колхозы решительно доминировали среди других организационных форм сельхозпроизводства, а сельские жители преобладали в массе населения. По статистике, в 1939 году в Ростовской области сельское население составляло 56,3 % (свыше 1,6 млн чел.), а городское — 43,7 % (около 1,3 млн чел.) [Народное хозяйство ..., 1971, с. 10]. В 1941 году в Ростовской области насчитывалось 1840 коллективных хозяйств, занятых в земледелии, плюс еще 48 рыбоволовецких колхозов [Там же, с. 55]. В колхозах объединялось 259,1 тыс. крестьянских дворов [Там же] с более чем 1015 тыс. наличного населения; в том числе наличных трудоспособных обоего пола в возрасте старше 16 лет насчитывалось более 480 тыс. чел. [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 1, л. 90 об]. Колхозники составляли 62,3 % от общей численности сельских жителей и 35 % всего населения Ростовской области.

Эмпирической базой настоящей работы выступают как опубликованные, так и архивные документы и материалы из фондов Российского государственного архива экономики [РГАЭ], Центра документации новейшей

истории Ростовской области [ЦДНИРО], Государственного архива Ростовской области [ГАРО]. Исследование осуществлялось путем применения историко-генетического, проблемно-хронологического и сравнительно-исторического методов. Означенный методологический инструментарий позволил проследить роль колхозной системы в организации кавалерийских ополченческих формирований в казачьих районах и станицах Дона, установить специфику колхозов как экономической базы добровольчества, выявить преимущества коллективных хозяйств в деле материального обеспечения добровольческого движения в сравнении с досоветскими формами организации аграрного производства.

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion.

В результате сплошной коллективизации, развернутой в СССР в конце 1920-х годов, подавляющее большинство крестьянских хозяйств были вовлечены в колхозы. К лету 1937 года колхозы объединяли 93 % крестьянских дворов и 99,1 % посевных площадей Советского Союза [История советского крестьянства ..., 1986, с. 362]. В частности, в колхозах Ростовской области к 1940 году находилось 99,2 % от общего количества крестьянских хозяйств региона [Народное хозяйство ..., 1940, с. 150].

Экономическое устройство колхозов и статус колхозников определялись основополагающим для них документом — «Примерным уставом сельскохозяйственной артели» от 17 февраля 1935 года. Согласно «Примерному уставу», в сельхозартелях обобществлялись основные средства производства: земля, техника, сельхозинвентарь, тягловый и продуктивный скот, семенные запасы и иное имущество. В пользовании членов артели оставалось небольшое личное подсобное хозяйство (ЛПХ): участок земли, простейшие орудия труда, некоторое количество скота и птицы. Размеры ЛПХ различались в зависимости от хозяйственной специализации регионов страны. В зерновых регионах, к которым относилась Ростовская область, колхозники могли пользоваться наделом 0,25—0,5 га и держать в хозяйстве одну корову, до двух голов молодняка крупного рогатого скота, 1—2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз, неограниченное количество птицы. Важно подчеркнуть, что законодатель запрещал держать в ЛПХ лошадь [История колхозного права ..., 1959, с. 427, 428].

Единицей измерения труда и, одновременно, распределения доходов в колхозах являлся трудодень. Доходы колхозника зависели от количества трудодней, выработанных в течение года в колхозном производстве. В отличие от рабочих и служащих колхозники не получали фиксированную ежемесячную зарплату. Оплата трудодней не была нормированной и производилась один раз в год: в конце года, после сбора урожая. На трудод-

ни выдавалась часть собранной сельхозпродукции и денежные средства [Сельскохозяйственный словарь-справочник ..., 1934, с. 262—263]. Поскольку трудодни оплачивались по остаточному принципу — только после того, как колхоз сдавал государству часть сельхозпродукции и возвращал имеющиеся задолженности, расплачивался с машинно-тракторными станциями за выполненные на колхозных полях работы и пр., — зачастую доходы колхозников были весьма скромными. По статистике, в колхозах Дона средние выдачи на трудодень составляли: в 1931 году — 2,20 кг зерна и 0,2 руб., в 1932 году — 1,42 кг и 0,4 руб., в 1937 году — 5,31 кг и 0,8 руб., в 1939 году — 3,3 кг и 1,31 руб. [Народное хозяйство ..., 1940, с. 159]. Для понимания общих сумм отметим, что среднестатистический колхозник вырабатывал в год 133 — 312 трудодней [Там же]. Следовательно, даже по рекордным показателям 1937 года и 1939 годов, рядовой член колхоза мог получить в пределах 500—1500 кг зерна и около 170—410 руб.; не так уж много, учитывая, что на эти средства надо было жить целый год. Поэтому для жителей колхозной деревни имели огромное значение их ЛПХ и разнообразные сторонние заработки.

Отмеченные особенности устройства колхозов и положения колхозников, сложившиеся в 1930-х годах, в полной мере сохранялись и к началу 1940-х годов. В той или иной степени они оказали влияние на добровольческое движение в годы Великой Отечественной войны.

3.1. Коллективные хозяйства как фактор формирования добровольческих кавалерийских подразделений на Дону

Добровольческое движение в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны разворачивалось в двух основных формах: во-первых, это было личное участие в вооруженном противостоянии агрессору и, во-вторых, добровольная помощь жителей тыловых районов страны, оказываемая ими действующей армии. Высшей формой выражения патриотических настроений являлось, безусловно, личное участие в борьбе с врагом, что выражалось в добровольном вступлении советских граждан в ряды действующей армии, истребительные отряды и батальоны, народное ополчение, партизанские формирования, группы подпольщиков. По имеющимся данным, только в отрядах народного ополчения состояло не менее 2 млн человек [Кирсанов и др., 2001, с. 62]. Еще более массовым явлением стала добровольная помощь тыла фронту, в рамках которой граждане жертвовали деньги и прочие ценности и имущество в Фонд обороны, передавали теплые вещи для солдат, участвовали в донорском движении и т. д.

С июля 1941 года в Ростовской области, как и по всей стране, началось формирование отрядов народного ополчения. По неполным данным, к осени того же года в донском ополчении насчитывалось не менее

100 тыс. человек [Колесник, 1988, с. 35]. При этом в связи с наличием на территории области крупных казачьих сообществ, представители которых приняли активнейшее участие в патриотическом движении и выражали желание служить в коннице, а не в пехоте, представители власти сочли целесообразным сформировать добровольческую кавалерийскую казачью дивизию.

Постановление о создании Донской казачьей дивизии было принято Ростовским обкомом ВКП(б) 15 июля 1941 года. Согласно постановлению, в районах области следовало немедленно приступить к формированию добровольческих казачьих сотен 4-взводного состава численностью 135 чел. [На защите Родины ..., 1980, с. 66]. К постановлению прилагалась диспозиция дивизии, определявшая местоположение её штаба и районы комплектования полков и сотен. Планировалось, что штаб дивизии разместится в г. Новочеркасске, а формирование подразделений (четырёх полков пятисотенного состава) должно было осуществляться в 34 сельских районах области: Азовском, Багаевском, Верхнедонском, Дубовском, Кагальницком, Мечетинском, Сальском, Целинском, и др. [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 309, л. 119—120].

Надо отметить, что формирование Донской казачьей добровольческой дивизии (и подобных ей воинских частей, созданных в годы Великой Отечественной войны) проходило в русле традиций донского казачества. Как уже отмечалось, традиционным было стремление казаков служить и воевать в составе кавалерийских, а не пехотных частей. Традиционным был и территориальный принцип формирования дивизии, сотни которой комплектовались из земляков, уроженцев одного района. Партийно-советское руководство призывало активно использовать и такую древнюю традицию донцов, как самостоятельное обеспечение отправляющегося на военную службу казака всем необходимым, от коня и обмундирования до ухналя (гвоздя для прибивания подков). В частности, Ростовский обком ВКП(б) в принятом 20 марта 1943 года постановлении «Об отборе 5 тыс. человек бойцов, младших и средних командиров на укомплектование частей 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса» указывал, что пополнение корпуса следует проводить «с применением старинного казачьего обычая — полностью снаряжать казака, отправляемого в армию» [Завещано помнить ..., 2015, с. 187].

Вместе с тем при формировании добровольческих казачьих кавалерийских подразделений в годы Великой Отечественной войны традиции казачества дополнялись советскими социально-экономическими новациями. Под их влиянием традиции подвергались трансформации и изменению. В рамках рассматриваемой нами проблемы важно отметить, что колхозная

система существенным образом видоизменила традицию самостоятельно-го снаряжения казаков на военную службу.

В досоветский период казака снаряжала на службу его семья, затрачивая для этого немалые средства. По подсчетам, в конце XIX века стоимость казачьего снаряжения за 4 года службы доходила до чрезвычайно высокой, по тем временам, суммы — 1800 руб. [Водолацкий и др., с. 131]. Для многих казачьих семей это были очень высокие расходы, грозившие обнищанием либо разорением. Как следствие, в станицах росла численность хозяйств, с трудом сводивших концы с концами, особенно в том случае, если в семье были сыновья-погодки, которых требовалось отправлять на службу одного за другим и ежегодно тратить на это внушительные суммы. В 1897 году в Области войска Донского работала комиссия генерал-лейтенанта Н. А. Маслаковца, изучавшая экономическое положение казаков. Комиссия установила, что лишь 21 % станичных хозяйств могли без серьезных затруднений нести тяготы воинской повинности. Для 45 % хозяйств воинская повинность была сопряжена «со значительными потрясениями хозяйственного быта», а 34 % хозяйств оказались неспособными к обеспечению казаков-призывников. Кроме того, комиссия выяснила, что только 52 % казаков самостоятельно обрабатывают свои земельные паи. Остальные сдавали свою землю в аренду из-за нехватки живого тягла и рабочих рук, вызванной уходом члена семьи в армию; часть хозяйств вообще лишилась земли, которую у них отобрали станичные правления в счет погашения долгов [Трут, 2007, с. 74]. Дело в том, что семья, не имевшая средств для покупки лошади казаку-призывнику, могла получить для этих целей денежное пособие от войска. Если долг не удавалось погасить, земля переходила станичному правлению.

Как видим, традиция самостоятельного снаряжения казака на военную службу была сопряжена с весьма серьезными издержками. Однако в период Великой Отечественной войны данная традиция сохраняла лишь внешнюю оболочку, а ее социально-экономическое содержание изменилось. Когда представители власти в первой половине 1940-х годов говорили, что казаков-добровольцев следует снаряжать «с применением старинного казачьего обычая», они имели в виду, что теперь эта обязанность ложится не на семьи тех или иных казаков, а на колхозы.

Такое требование было сформулировано в упомянутом постановлении Ростовского обкома ВКП(б) о создании Донской казачьей дивизии от 15 июля 1941 года. Здесь указывалось, что конский состав и обозно-вещевое довольствие — тачанки, седла, сбруя — предоставляются формируемым казачьим сотням за счет колхозов и совхозов, расположенных в тех же районах [На защите Родины ..., 1980, с. 66]. Это решение не осталось на

бумаге. Местные коллективные и советские хозяйства действительно приложили усилия к материальному обеспечению добровольческих казачьих подразделений: «[Колхозные] правления выделяли для казачьих сотен лучших лошадей, снаряжение, в колхозных мастерских делали тачанки» [Воскобойников и др., 1986, с. 135]. По данным военного отдела Ростовского обкома ВКП(б), к 26 августа 1941 года во всех районах комплектования Донской казачьей дивизии не только был своевременно подобран личный состав, но и каждая сотня получила необходимое количество лошадей, тачанок, повозок [Завещано помнить ..., 2015, с. 166].

В январе 1942 года, когда возникла потребность в доукомплектовании Донской казачьей дивизии, Ростовский обком ВКП(б) своим постановлением расширил список районов, где создавались добровольческие кавалерийские подразделения, с 34 до 50 [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 325, л. 13]. Согласно одобренной обкомом разнарядке, дивизия должна была получить дополнительно 1580 добровольцев и 1875 лошадей [Там же, л. 17]. Разумеется, конский состав следовало сформировать за счет резервов колхозов и совхозов. В упомянутом выше мартовском (1943 год) постановлении Ростовского обкома ВКП(б) об отборе 5 тыс. добровольцев для пополнения 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса на колхозы вновь возлагалась задача обеспечить новобранцев «годными для службы в кавалерии лошадьми, седлами и шашками, организовав в случае необходимости тут же срочный ремонт седел, используя с этой целью все местные возможности». Кроме того, колхозы и местные чиновники должны были «обеспечить обязательное наличие у всех призываемых исправной одежды (если есть казачья форма — в казачьей форме), обуви и двух пар запасного белья, полотенце — 1, кружки и ложки — то есть снабдитьправляющегося в корпус так, как это делали казаки и раньше» [Завещано помнить ..., 2015, с. 187].

Если в досоветскую эпоху для многих казаков затраты, связанные с прохождением военной службы, были непомерно высоки, то колхозы весьма существенно минимизировали это бремя. Безусловно, жизненный уровень сельского населения Дона, как и всей страны, в годы Великой Отечественной войны снизился (о чем пойдет речь далее). Но, благодаря коллективным хозяйствам, о разорении семей казаков-добровольцев речи уже не шло.

3.2. Добровольная помощь фронту в 1941—1945 годах в контексте колхозной системы

Война с таким мощным противником, как возглавляемый гитлеровской Германией фашистский блок, стала тяжелейшим испытанием для СССР. Советское государство напрягало все силы в борьбе с опасным врагом, что,

естественно, не могло не привести к резкому снижению жизненного уровня городского и сельского населения.

Колхозное крестьянство также столкнулось с нарастанием материально-бытовых затруднений. Согласно материалам Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР, уже в июле — декабре 1941 года доходы жителей колхозной деревни заметно снизились в сравнении с тем же периодом 1940 года. К исходу 1941 года общая сумма денежных доходов колхозников уменьшилась на 25 % по сравнению с 1940 годом. Доходы колхозников от продажи на рынке выращенных ими сельхозпродуктов снизились на 23 %, от продажи на рынке своего скота — более чем на 55 %; денежные поступления из колхозов снизились на 30 % [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 184, л. 22]. Параллельно снижению доходов, статистика во второй половине 1941 года зафиксировала и снижение общих денежных расходов колхозников на 34 %. Наиболее серьезно — более чем на 42 % — снизились расходы на приобретение промышленных товаров, то есть одежды, обуви, предметов быта и т. п. [Там же, л. 23]. Это свидетельствовало о мобилизации всех ресурсов деревни для обеспечения армии и промышленности в ущерб снабжению сельского населения.

Заслуживает внимания тот факт, что, наряду со снижением денежных доходов и расходов колхозников во второй половине 1941 года, статистика в тот же период выявила некоторое увеличение остатка наличных денег в бюджетах аграриев. Данное обстоятельство, очевидно, имело социально-психологические мотивы и объяснялось стремлением населения создать финансовые запасы на нестабильный период, каковым являлась война. В русло той же тенденции укладывалась проявившаяся в начале войны тенденция сокращения вкладов населения в сберкассы, что отметил Ростовский обком ВКП(б) в постановлении от 18 июля 1941 года. Здесь констатировалось, что за первое полугодие 1941 года «отлив вкладов очень велик», причем «за последнюю июньскую декаду» отлив этот еще более усилился. Наиболее неудовлетворительная ситуация складывалась именно в сельских районах области, где местные жители, по-видимому, больше рассчитывали на пресловутую кубышку, чем на сбербанк [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 309, л. 11].

Специфика сельских районов заключалась в том, что, наряду со стремлением отложить как можно больше денег в предвидении вызванных войной материальных лишений, ряд жителей деревни с той же целью забивал скот на мясо. Мясо продавалось на рынке либо заготавливалось впрок для собственного потребления. Ростовский обком ВКП(б) 1 августа 1941 года указывал, что в сельских районах «увеличился убой скота, принадлежащего колхозникам, рабочим и служащим сельских местностей», и намечал

ряд мер для борьбы с этим «нездоровым явлением» (вызванным, как подчеркивалось в черновике соответствующего постановления обкома, «паникой, распространяемой неустойчивыми элементами») [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 311, л. 146]. По всей видимости, забой скота на мясо для собственного потребления отчасти объяснял вышеотмеченное снижение денежных доходов колхозников от продажи животных на рынке более чем на 55 %.

В то же время сокращение денежных доходов колхозников объяснялось не только мобилизацией ресурсов колхозов в помощь армии и стремлением сельских жителей экономить в нелегкое военное время. Весьма важным фактором отмеченных явлений стало широко распространенное патриотическое движение по оказанию помощи фронту, охватившее в годы Великой Отечественной войны как город, так и колхозную деревню. Значительную часть своих денежных средств и имущества колхозники жертвовали на дело защиты Родины.

В самом начале августа 1941 года был создан Фонд обороны, куда советские граждане могли вносить добровольные пожертвования в виде денег, банковских облигаций или материальных ценностей. Фонд обороны стал крупнейшим каналом аккумуляирования пожертвований советских граждан. Только в Москве к концу августа 1941 года в Фонд обороны поступило около 21 млн руб.; а к исходу года только жители семи областей и трех краев РСФСР и Грузинской ССР передали в фонд около 300 млн руб. [Синицын, 1985, с. 129]. Кроме того, советские граждане отчисляли на нужды обороны определенный процент заработной платы, жертвовали деньги на строительство военной техники, собирали теплую одежду для бойцов, и т. д. В частности, жители Азова и Азовского района Ростовской области одели и обули две дивизии РККА [Зайцев, 1967, с. 24].

В сельской местности патриотическое движение в помощь фронту имело свои особенности; они многократно описаны в литературе и потому не нуждаются в обстоятельном рассмотрении в рамках нашей публикации. Кратко отметим, что, помимо денег, облигаций и ценностей, жители села жертвовали в Фонд обороны продовольствие, животных и птицу, а также засевали сверхплановые «гектары обороны». Так, колхозники Целинского района Ростовской области к 20 сентября 1941 года внесли в Фонд обороны не только 472 700 руб. и облигаций госзаймов на сумму 1198 тыс. руб., но и 767 ц зерна, 8 379 кг мяса, 51 28 кг птицы, 418 ц молока [Зайцев, 1967, с. 24]. Весной 1942 года по 46 районам Ростовской области было засеяно 8,1 тыс. «гектаров обороны» [Ленинский путь ..., 1970, с. 129].

Освещен в историографии и такой специфический вид пожертвований колхозников в Фонд обороны, как отчисление определенного количества выработанных ими трудодней с причитавшимися на них деньгами и про-

дукцией. По имеющимся сведениям, уже в первый год войны члены коллективных хозяйств СССР перечислили в Фонд обороны «десятки миллионов трудодней, в счет которых из колхозной деревни поступили миллионы пудов хлеба, сотни тысяч рублей деньгами, а также мясо, молоко, овощи и другие продукты» [История советского крестьянства ..., 1987, с. 250]. Отчисления трудодней практиковали и донские колхозники, о чем содержится упоминание в документах. Так, в августе 1941 года колхозники сельхозартели им. Кирова Целинского района Ростовской области внесли в Фонд обороны трудодни за 17—19 августа [Трудящиеся Дона, 1965, с. 32].

Однако в региональной литературе отмеченная практика, по существу, не освещалась. Архивные поиски позволяют установить причину удивительного невнимания донских исследователей к данной разновидности патриотических инициатив. Очевидно, дело в том, что отчисления трудодней не получили широкого распространения в Ростовской области, поскольку не встретили одобрения у местного руководства. Ростовский обком ВКП(б) 26 июля 1941 года принял постановление «О некоторых формах отчислений в “фонд обороны” по колхозам». Здесь констатировалось: «В ряде районов области колхозники отчисляют в “Фонд обороны” родины трудодни или свою дополнительную оплату за перевыполнение урожайности, продуктивности животноводства, причем это довольно широко популяризируется». Однако, отмечали сотрудники обкома, «такие отчисления в данный момент являются, как это известно, нереальными, ибо выдача на трудодни основной и дополнительной оплаты произойдет только в конце года». По этой причине, обком считал подобную практику нецелесообразной и поручал райкомам компартии «разъяснять колхозам и колхозникам, что в настоящее время содействие обороне желательно [оказывать] вполне реальными поступлениями» — сельскохозяйственной продукцией и деньгами. Обком настаивал, что только такую «действительно реальную помощь обороне родины» следует популяризировать в печати, «а об отчислениях трудодней и дополнительной оплаты за превышение урожайности в данный момент не [следует] публиковать, поскольку это не подкреплено сейчас действительными взносами» [ЦДНИРО, ф. 9, оп. 1, д. 310, л. 164].

По мере продолжения войны оплата труда в колхозах неуклонно снижалась. Об этом свидетельствуют сводные годовые отчеты коллективных хозяйств Ростовской области, в которых содержатся данные о средних выплатах на трудодни колхозников. Согласно этим сведениям, в неурожайном 1943 году средние выдачи на трудодни в области составили 1,28 руб. и всего 0,183 кг зерна [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 35, л. 65об]. Мизерные размеры оплаты трудодней, вкупе с разорением гитлеровцами народного хозяйства Ростовской области, которая практически полностью находи-

лась в оккупации во второй половине 1942 — начале 1943 годов, предельно ухудшили положение сельского населения, вплоть до голода. Так, зимой 1943—1944 годов в колхозе им. Колесова Заветинского района Ростовской области не менее 60 человек опухли от голода [ГАРО, ф. р-3759, оп. 1, д. 20, л. 60]. В 1944 году на трудодень в колхозах Ростовской области пришлось в среднем 1,30 руб. и 0,93 кг зерна, в 1945 году — 1,22 руб. и 0,567 кг зерна [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 60, л. 10 об; д. 143, л. 86 об]. Даже в относительно благополучном 1944 году на Дону насчитывалось 4 колхоза, в которых на трудодни вообще не выдавались зернобобовые ввиду низкого урожая и высоких хлебопоставок [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 143, л. 90].

Тем не менее жители колхозной деревни Дона, как и сельское население всей страны, продолжали жертвовать средства в помощь фронту. Даже в тяжелом 1943 году в Фонд обороны, по решению общих собраний колхозников, было отчислено более 1,4 млн руб. [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 35, л. 65]. Кроме того, по решениям общих собраний, колхозы Ростовской области выделяли в Фонд обороны огромное количество продукции животноводства. В 1943 году колхозы передали в Фонд около 14,5 тонн мяса и сала, свыше 94,7 тыс. литров молока, более 300 кг масла; в 1944 году, соответственно, 11,9 тонн, 385,3 тыс. литров, 100 кг; в 1945 году — около 0,8 тонн, 37,3 тыс. литров, 158 кг [ГАРО, ф. р-4034, оп. 8, д. 35, л. 62; д. 60, л. 7; д. 143, л. 83]. Размеры пожертвований фронту демонстрировали решимость колхозного крестьянства во что бы то ни стало снабжать свою армию всем необходимым ради достижения победы. Только в 1945 году добровольная помощь донских колхозов действующей армии заметно уменьшилась в связи с разгромом гитлеровской Германии.

4. Заключение = Conclusions

Констатируем, что во время Великой Отечественной войны коллективные хозяйства выступили важным фактором добровольческого движения как по всей стране, так и, в частности, в Ростовской области. В военное время колхозная система продемонстрировала изначально присущий ей высокий мобилизационный потенциал, успешно концентрируя трудовые ресурсы для проведения сельскохозяйственных кампаний и аккумулируя максимум финансовых средств и аграрной продукции для обеспечения действующей армии, промышленности, городского населения продовольствием и сырьем. Помимо прочего, высокие мобилизационные возможности колхозов позволили создать экономический базис добровольческого движения на Дону. Формировавшиеся в Ростовской области добровольческие казачьи кавалерийские подразделения обеспечивались конским со-

ставом и необходимым инвентарем именно за счет коллективных хозяйств, причем это не была единовременная акция: подобную помощь и поддержку донские колхозы предоставляли казачьей кавалерии на протяжении всех военных лет. Снабжение казачьей конницы всем необходимым за счет колхозов предотвращало обнищание казачьих семейств, вынужденных в досоветский период самостоятельно обеспечивать всем необходимым своих родственников, призванных на военную службу.

Одновременно колхозы как крупные сельскохозяйственные предприятия создали основу для оказания широкомасштабной материальной помощи фронту. Концентрация людских и материальных ресурсов в рамках колхозной системы вкупе с патриотизмом сельского населения давала возможность засеивать сверхплановые «гектары обороны» и отчислять в пользу действующей армии крупные финансовые средства и огромное количество продовольствия, хотя это и сопровождалось неуклонным снижением уровня жизни сельского населения. Несмотря на нарастание материально-бытовых проблем на селе в годы войны, колхозное крестьянство Дона самоотверженно помогало армии, недвусмысленно демонстрируя свою решимость преодолеть любые трудности для достижения победы над фашизмом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРО — *Государственный архив Ростовской области*. Ф. р-3759. «Исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся Заветинского района Ростовской области». Оп. 1. 1937—1945 гг. Д. 20 ; Ф. р-4034. Статистическое управление Ростовской области. Оп. 8. 1937—1945 гг. Д. 1, 35, 60, 143.
2. *Завещано помнить...* Донские архивы — 70-летию Великой Победы: сборник документов и материалов / науч. ред. Е. Ф. Кринко. — Ростов-на-Дону: Альтаир, 2015. — 279 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.
3. *История колхозного права*. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. В 2-х т. — Москва: Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 518 с.
4. *На защите Родины*. Партийная организация Дона в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. : сборник документов. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1980. — 376 с.
5. *Народное хозяйство Ростовской области*. Статистический сборник. — Ростов-на-Дону: Ростовское отделение изд-ва «Статистика», 1971. — 214 с.
6. *Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / под общ. ред. А. И. Гозулова*. — Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1940. — 436 с.
7. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562. «Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР». Оп. 324. 1941 — 1948 гг. Д. 184.
8. *Сельскохозяйственный словарь-справочник* / гл. ред. А. И. Гайстер. — Москва-Ленинград: Гос-е изд-во колхозной и совхозной лит-ры, 1934. — 1280 стб.

9. *Трудящиеся Дона — фронту* : сборник документов / науч. ред. В. И. Кузнецов. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1965. — 88 с.

10. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Ростовский областной комитет коммунистической партии. Оп. 1. 1937—1945 гг.

Литература

1. *Анисков В. Т.* Война и судьбы российского крестьянства / В. Т. Анисков. — Вологда-Ярославль: изд-во Вологодского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров, 1998. — 286 с. — ISBN 5-87590-119-5.

2. *Анисков В. Т.* Крестьянство против фашизма. 1941 — 1945. История и психология подвига / В. Т. Анисков. — Москва: Памятники исторической мысли, 2003. — 500 с. — ISBN 5-88451-139-6.

3. *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., доп. / Ю. В. Арутюнян. — Москва: Наука, 1970. — 466 с.

4. *Водолацкий В. П.* Казачий Дон: очерки истории и культуры / В. П. Водолацкий, А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджян. — Ростов-на-Дону: Терра, 2005. — 448 с. — ISBN 5-98254-051-X.

5. *Воскобойников Г. Л.* Казачество и социализм. Исторические очерки / Г. Л. Воскобойников, Д. К. Прилепский. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1986. — 160 с.

6. *Зайцев В. П.* Годы суровых испытаний. Партийная организация Ростовской области в годы Великой Отечественной войны / В. П. Зайцев. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1967. — 128 с.

7. *Земсков В. Н.* Патриотический трудовой подвиг советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны / В. Н. Земсков // Мир и политика. — 2010. — № 10 (49). — С. 28—47.

8. *История советского крестьянства.* Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927—1937 / Отв. ред. И. Е. Зеленин. — Москва: Наука, 1986. — Т. 2. — 448 с.

9. *История советского крестьянства.* Крестьянство СССР накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938—1945 / Отв. ред. М. А. Вылцан. — Москва: Наука, 1987. — Т. 3. — 448 с.

10. *Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945* / отв. ред. Г. А. Куманев. — Москва: Наука, 1985. — 312 с.

11. *Кирсанов Н. А.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. : национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта / Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко // Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 60—75.

12. *Колесник А. Д.* Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник. — Москва: Наука, 1988. — 266 с. — ISBN 5-02-008432-8.

13. *Ленинский путь донской станицы* / науч. ред. Ф. И. Поташев, С. А. Андронов. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1970. — 275 с.

14. *Маркусенко И. С.* Дон в Великой Отечественной войне / И. С. Маркусенко. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977. — 180 с.

15. *Очерки истории партийных организаций Дона.* 1921—1971 гг. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1973. — Ч. 2. — 764 с.

16. *Селюнин В. А.* Трудовой Дон — фронту : исторический очерк / В. А. Селюнин. — Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1985. — 200 с.

17. Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Второе изд. / М. А. Сеницын. — Москва: Воениздат, 1985. — 319 с.

18. Трут В. П. Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций / В. П. Трут. — Москва: Яуза: Эксмо, 2007. — 539 с. — ISBN 978-5-699-21875-2.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025,
одобрена после рецензирования 01.06.2025,
подготовлена к публикации 21.06.2025.

Material resources

Defending the Motherland. The party organization of the Don in the Great Patriotic War of 1941—1945. Collection of documents. (1980). Rostov-on-Don: Publishing House, 1980. 376 p. (In Russ.).

Gaister, A. I. (ed.). (1934). *Agricultural dictionary*. Moscow-Leningrad: State Publishing House of kolkhoznaya and sovkhoznaya literature. 1280 stb. (In Russ.).

GARO — *The State Archive of the Rostov region*. (In Russ.).

Gozulov, A. I. (ed.). (1940). *National economy of the Rostov region for 20 years*. Rostov-on-Don: Rostizdat. 436 p. (In Russ.).

Krinko, E. F. (ed.). *Bequeathed to remember... Don Archives dedicated to the 70th Anniversary of the Great Victory: a collection of documents and materials*. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 279 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

Kuznetsov, V. I. (ed.). *The workers of the Don Front. Collection of documents*. (1965). Rostov-on-Don: Publishing House. 88 p. (In Russ.).

National economy of the Rostov region. Statistical collection. (1971). Rostov-on-Don: Rostov branch of the publishing house “Statistics”. 214 p. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics*. F. 1562. “Central Statistical Office of the USSR. Op. 324. 1941—1948. d. 184. (In Russ.).

The history of collective farm law. Collection of legislative materials of the USSR and the RSFSR. 1917—1958. In 2 volumes, 1. (1959). Moscow: Gosyurizdat. 518 p. (In Russ.).

TsDNIRO — *Documentation Center for the modern history of the Rostov region*. F. 9. *Rostov Regional Committee of the Communist Party. Op. 1. 1937—1945*. (In Russ.).

References

Aniskov, V. T. (1998). *The war and the fate of the Russian peasantry*. Vologda-Yaroslavl: Publishing House of the Vologda Institute of Advanced Training and Retraining of Pedagogical Personnel. 286 p. ISBN 5-87590-119-5. (In Russ.).

Aniskov, V. T. (2003). *The peasantry against fascism. 1941—1945. History and psychology of heroism*. Moscow: Monuments of Historical Thought. 500 p. ISBN 5-88451-139-6. (In Russ.).

Essays on the history of Don party organizations. 1921—1971, 2. (1973). Rostov-on-Don: Publishing House. 764 p. (In Russ.).

Harutyunyan, Yu. V. (1970). *The Soviet peasantry during the Great Patriotic War. 2nd ed., supplement*. Moscow: Nauka Publ. 466 p. (In Russ.).

Kirsanov, N. A., Drobiazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941—1945: national and volunteer formations on different sides of the front. *Russian history*, 6: 60—75. (In Russ.).

- Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War*. Moscow: Nauka Publ. 266 p. ISBN 5-02-008432-8. (In Russ.).
- Kumanev, G. A. (ed.). (1985). *Sources of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941—1945*. Moscow: Nauka Publ. 312 p. (In Russ.).
- Markusenko, I. S. (1977). *Don in the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State University of Economics. 180 p. (In Russ.).
- Potashev, F. I., Andronov, S. A. (eds.). (1970). *Lenin's way of the Don village*. Rostov-on-Don: Publishing house. 275 p. (In Russ.).
- Selyunin, V. A. (1985). *Trudovoy Don — front. Historical essay*. Rostov-on-Don: Publishing House. 200 p. (In Russ.).
- Sinityn, A. M. (1985). *National assistance to the front. About the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941—1945. Second ed.* Moscow: Voenizdat Publ. 319 p. (In Russ.).
- Trut, V. P. (2007). *The road of glory and loss: Cossack troops during wars and revolutions*. Moscow: Yauza: Eksmo. 539 p. ISBN 978-5-699-21875-2. (In Russ.).
- Vodolatsky, V. P., Skorik, A. P., Tikijyan, R. G. (2005). *Cossack Don: essays on history and culture*. Rostov-on-Don: Terra. 448 p. ISBN 5-98254-051-X. (In Russ.).
- Voskoboinikov, G. L., Prilepsky, D. K. (1986). *Cossacks and socialism. Historical essays*. Rostov-on-Don: Publishing House. 160 p. (In Russ.).
- Vyl'tsan, M. A. (1987). *History of the Soviet Peasantry. The peasantry of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. 1938—1945, 3.* Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).
- Zaitsev, V. P. (1967). *The years of severe trials. The party organization of the Rostov region during the Great Patriotic War*. Rostov-on-Don: Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Zelenin, I. E. (ed.). (1986). *History of the Soviet peasantry. The Soviet peasantry during the socialist reconstruction of the national economy. The end of 1927—1937, 2.* Moscow: Nauka Publ. 448 p. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. (2010). The patriotic labor feat of the Soviet peasantry during the Great Patriotic War. *Peace and Politics, 10 (49)*: 28—47. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2025;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 21.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Миронова Е. В. Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / Е. В. Миронова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 381—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399.

Mironova, E. V. (2025). Social and Economic Activities of Noblewomen in Kazan Province in Late 19th to Early 20th Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 381-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

Миронова Елена Валерьевна

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

кандидат исторических наук,

отдел новой истории

Yelena.Mironova@yandex.ru

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет
предоставленного в 2024 году
Академией
наук Республики Татарстан гранта
молодым кандидатам наук
(постдокторантам) с целью защиты
докторской диссертации

Social and Economic Activities of Noblewomen in Kazan Province in Late 19th to Early 20th Century

Elena V. Mironova

orcid.org/0000-0003-2818-8490

Scopus Author ID: 56705266300

PhD in History,

Department of Modern History

Yelena.Mironova@yandex.ru

Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:

This research was funded by a 2024
grant from the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan for young
candidates of sciences (postdoctoral
researchers) to support the preparation
of a doctoral dissertation

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению социальной и экономической активности казанских дворянок во второй половине XIX — начале XX столетий. Проанализированы мемуары, дневники и письма нескольких владелиц поместий Казанской губернии. Оценивается субъектность женщин, авторов мемуаров, как способность к самостоятельному осознанному выбору жизненного пути в таких областях, как образование, трудовая и общественная деятельность. Подчеркивается значение эго-документов для реконструкции «женского взгляда» на социальную повседневность и для изучения мотивации дворянок при выборе видов деятельности. Сделан вывод, что культурный подъем второй половины XIX — начала XX веков, сопровождавшийся эмансипацией женщин, предоставил дворянкам возможность реализовать свою субъектность в образовательном и профессиональном плане. Отмечается стремление некоторых казанских дворянок к продолжению образования после окончания курса средней школы, но чаще только при условии поддержки со стороны близких. Показано, что хозяйственная и трудовая деятельность дворянок заключались в управлении имением, учреждении обучающих курсов, преподавании, лечении крестьян и т. д. Под общественной деятельностью дворянок подразумевается благотворительность (открытие столовых, приютов, школ, служение в качестве сестер милосердия) и участие в светской жизни (визиты, рауты, балы, вечера, театры с целью установления связей и их использования для протекции в пользу знакомых).

Ключевые слова:

Казанская губерния; эго-документы; социальная повседневность; образование женщин; общественная деятельность женщин; труд женщин; дворянки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the social and economic engagement of noblewomen in Kazan Province during the late 19th and early 20th centuries. It analyzes memoirs, diaries, and letters from several estate owners in the region, assessing the agency of these women as authors of their narratives and their capacity for independent and conscious choices regarding their life paths in areas such as education, labor, and social involvement. The significance of ego-documents is highlighted for reconstructing the “female perspective” on social everyday life and for understanding the motivations of noblewomen in their pursuits. The study concludes that the cultural revival of the late 19th to early 20th centuries, accompanied by women's emancipation, provided noblewomen with opportunities to assert their agency in educational and professional realms. It notes a tendency among some Kazan noblewomen to pursue further education beyond secondary school, often contingent upon support from family members. The article illustrates that the economic and labor activities of these women included estate management, establishing educational courses, teaching, and providing medical care to peasants. Their social engagement encompassed charitable endeavors (such as opening canteens, orphanages, and schools, as well as serving as nurses) and participation in secular life (including visits, receptions, balls, and theater outings aimed at building connections for the benefit of acquaintances).

Key words:

Kazan Province; ego-documents; social everyday life; women's education; women's social engagement; women's labor; noblewomen.

УДК 94(470.4)“1861/1892”:352

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-381-399

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Социально-экономическая деятельность дворянок Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

© Миронова Е. В., 2025

1. Введение = Introduction

Историографию социальной активности женщин в области образования, трудовой и общественной жизни можно разделить на три этапа: дореволюционный, советский и современный. В имперский период появилась публицистическая литература, представленная главным образом статьями о развитии высшего образования для женщин, а также об их трудовой самореализации [К организации..., 1914; Вернадская, 1862; Телеграфная ..., 1916; Сухов, 1912]. Появление этих публикаций было вызвано вниманием общественности к вопросам изживания социальных ограничений, а также нехватки в определенных сферах квалифицированных рабочих рук в период русско-японской и Первой мировой войн. Кроме того, ряд работ был посвящен вовлеченности женщин в общественную и политическую жизнь страны [Женская..., 1875; Межуев, 1906; Петражицкий, 1907].

В советское время феномен трудовой эмансипации женщин изучался в качестве одного из достижений революции в 1920-х годах [Миловидова, 1929; Самойлова, 1920]. Эта тенденция имела продолжение в последующие годы. Так, в 1959 году выходит сборник воспоминаний участниц революций и Гражданской войны [Женщины..., 1959]. В последней трети XX века появляются исследования вопросов женского образования и труда в связи с ростом научного интереса к социальной истории [Федосова, 1980; Тишкин, 1984].

На современном этапе историография изучения вопросов женского образования [Оноприенко, 2009; Чернуха, 2008; Верemenko, 2004; Белова, 2002; Фролова, 2011], труда [Филатова, 2019; Верemenko, 2014; Пушкарева, 2012] и общественной деятельности [Мартыненко, 2002; Тончу, 2008; Фалько, 2002; Пашенцева, 2003; Кеня, 2014] значительно обогатилась, подходы стали более разнообразными, разрабатываются новые методологические приемы. На региональном уровне некоторые сюжеты были изучены казанскими историками Е. В. Афониной, С. А. Фроловой, А. Ю. Федото-

вой и др. [Афони́на, 2002; Паравина, 2006; Утробина, 1999; Фролова, 2011; Федотова, 2024]. Тем не менее самостоятельного исследования, посвященного социальной повседневности дворянок Казанской губернии, в настоящее время нет. Между тем изучение этого вопроса открывает перспективы для изучения роли женщин в модернизации провинции второй половины XIX — начала XX веков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Эго-документы служат источником эмпирических данных для изучения повседневности. При их анализе использовался биографический метод исследования, позволивший через видение автора изучить жизнь провинциальной дворянки во второй половине XIX — начале XX веков. Были привлечены разнообразные виды источников личного происхождения, такие как мемуары, дневники, письма, произведения автобиографистики. Хронологически корпус источников охватывает широкий временной промежуток — с 1850-х годов до 1917 года включительно, что позволяет проследить историческую изменчивость повседневности.

Одни из самых ранних воспоминаний принадлежат перу известной представительницы народнического движения, помещицы Тетюшского уезда В. Н. Фигнер (1852—1942) [Фигнер, 1922]. Мемуары не только содержат богатые сведения о детских и институтских годах жизни, но и насыщены информацией о ее общественно-политических занятиях. Описания быта и частной жизни провинциальной дворянки содержатся и в воспоминаниях О. А. Боратынской (1843—1918) [НМРТ, КП 32827/17] и ее дочери К. Н. Боратынской (1878—1958) [Боратынская, 2007]. Обе практически всю жизнь провели в Казани и имении в с. Шушары, занимались благотворительной и культурно-просветительской деятельностью в крестьянской среде. Также были использованы воспоминания М. П. Ватаци (1860—1936) [Ватаци, 1913] — педагога, супруги товарища министра внутренних дел, сенатора, сестры известного деятеля и писателя по сельскому хозяйству А. П. Мертваго.

Дневник М. Л. Казем-Бек (1855—1918) [Казем-Бек, 2016] отражает будни дворянки — супруги высокопоставленного столичного чиновника. Однако сезонные миграции между Петербургом и поместьем в Казанской губернии сближали ее быт с дворянством в провинции. Так, она занималась хозяйственными делами в поместье и на все лето погружалась в деревенскую жизнь, наполненную встречами с родственниками и друзьями, а также помощью крестьянскому населению в неурожайные годы. Поэтому ее жизнь мы рассматриваем как часть повседневности провинциальной дворянки.

Дополнительным источником по теме стала личная переписка дворянок Казанской губернии. Среди адресатов, в частности, была Елизавета Молостова (1873—1936). Е. В. Молостова являлась действительным членом Русского географического общества, она владела имением в с. Долгая Поляна в Тетюшском уезде, вела переписку с Л. Н. Толстым и поддерживала дружеские отношения с его женой Софьей Андреевной. Брат Е. В. Молостовой, Борис Владимирович Бер, стал поэтом и переводчиком.

Кроме того, в исследовании была использована автобиография крупной землевладелицы Спасского уезда А. В. Молостовой (род. в 1886 году). Она была написана в советское время и повествует главным образом о профессиональной деятельности автора в качестве преподавателя и переводчика в период Первой мировой войны и в годы существования Советской власти.

Хронологически завершает источниковый корпус исследования автобиографический роман правнучки поэта Е. А. Боратынского О. А. Ильиной (1894—1991) [Ильина, 2008]. Несмотря на то, что это художественное произведение, оно основано на реальных событиях и позволяет представить повседневную жизнь в провинции.

Эго-документы позволяют увидеть, каким путем осуществлялся выбор жизненного пути и насколько самостоятельным он был. Благодаря тому, что авторы представляют несколько поколений казанских дворянок, есть возможность увидеть повседневность в динамике. В данном исследовании мы сосредоточили внимание на таких сферах, как образование, трудовая и общественная деятельность, наиболее подверженных изменениям, являющихся своего рода индикаторами модернизации общества и позволяющих проследить вовлеченность казанских дворянок в эти процессы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Получение высшего и среднего специального образования казанскими дворянками

Если среднее образование девочки получали по усмотрению своих родителей, то высшее могли уже выбирать по собственному желанию. Тем более что доступ к высшему образованию для женщин даже в начале XX века был затруднен, поэтому для выбора этого пути требовалась значительная мотивация.

По окончании Родионовского института благородных девиц В. Н. Фигнер решила продолжить образование. Выйдя замуж и поселившись с мужем сначала в Тетюшах, а затем в с. Никифоровке, Вера Николаевна не оставляла мысль об университете и находила в этом поддержку от супруга А. В. Филиппова. В. Н. Фигнер владела немецким языком, а под руковод-

ством своего мужа продолжала заниматься математикой. В начале 70-х годов XIX века идея женского высшего образования не была еще широко распространена в обществе и требовалось немалое мужество, чтобы реализовать ее. Переломным моментом стал разговор Веры с отцом: *«Я сказала; просила совета». — Отец отвернул лицо и с тоской произнес: «Не знаю». — Я встала. — «Зачем я сказала? Зачем говорила?», — думала я с чувством жгучего стыда, что раскрыла свою душу. И отчетливо, резко мысль начертила в сознании: «Великие решения человек должен принимать для себя сам»* [Фигнер, 1922, с. 70].

Университетский устав 1863 года запрещал женщинам поступать в университеты [Семенкова, 1998, с. 102], однако девушки не оставляли надежды получить необходимые знания. Сохранялась возможность договориться с преподавателями о несистематическом обучении, и В. Н. Фигнер со своей сестрой получили согласие профессора В. В. Марковникова на занятия в лаборатории, но без посещения лекций. Не сумев добиться каких-то результатов в понимании химических процессов, они отправились в анатомический театр к П. Ф. Лесгафту, допустившему сестер к практическим занятиям и на лекции. Но после отставки профессора, дворянкам пришлось прервать занятия, а весной 1872 года В. Н. Фигнер с мужем и сестрой отправилась в Цюрих.

И хотя сестры Фигнер не были пионерами в деле получения высшего образования за границей, мы расцениваем этот шаг как проявление эмансипации, стремление к знаниям вопреки ограничениям в стране, обусловленным представлениями о роли женщины в обществе.

В последней четверти XIX и начале XX столетий существовала возможность получить высшее образование при Императорском Казанском университете. Первые Высшие женские курсы действовали в Казани в 1876—1887 годах, Вторые Высшие женские курсы — в 1906—1918 годах. Однако ни одна из помещиц-авторов эпистолярных источников не была в числе слушательниц. В мемуарах К. Н. Боратынской встречается упоминание о ее намерении поступить слушательницей Высших женских курсов в 1896 году. К этому времени она уже выдержала экзамен на звание «домашней учительницы» [Боратынская, 2007, с. 97], занималась самообразованием: систематически читала, составляла конспекты по литературе, политэкономии, психологии и философии, знакомилась с периодикой — публикациями в толстых журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и т. д. [Там же, с. 98]. Полная сил и энергии, К. Н. Боратынская жаждала деятельной жизни. Высших женских курсов в Казани тогда не было, а стать сельской учительницей ей не позволил отец. В это время она решает поступить в Казанскую художественную школу. Но, не

окончив курса, она подает документы на освободившееся место в земской школе в с. Шушары.

Дочь тетюшского предводителя дворянства В. Т. Молостова, Александра Валериановна, сообщала в автобиографии: «В годы, предшествовавшие 1917 году, была вольнослушательницей курсов иностранных языков в Ленинграде. Впоследствии, вступив в члены Петроградского Общества Содействия до- и внешкольному воспитанию под руководством тов. Калмыковой, я поступила продолжать учение на организованные Обществом краткосрочные педагогические курсы, одновременно принимая участие в устройстве яслей и клуба молодежи в рабочем районе Петрограда в 1915—1917 г. Ввиду семейных условий я не могла по окончании этих курсов тотчас продолжить свою педагогическую работу. Закончив ученье и практику, я в 1917 году вернулась в Казань» [ГАРТ, ф. 1183, оп. 1, д. 1, л. 1]. Однако жанр данного источника не позволяет увидеть мотивацию, поскольку автор оперирует только фактами.

3.2. Хозяйственная, медицинская и педагогическая деятельность дворянок Казанской губернии

Забота о хозяйстве была свойственна дворянкам во все периоды и являлась скорее обязанностью, чем сознательным выбором женщины. Но иногда, по необходимости или добровольно, владелицы поместий выходили за круг традиционных необходимых трудов. Например, мать М. П. Мертвого во время существования крепостного права управляла не только домом, но и незаметно для мужа всем домом и полевым хозяйством. Она открыла сельскую школу у себя в усадьбе, где сама выступала в роли учительницы, приобщая к этому делу дочь Соню, лечила крестьян.

Дворянка О. А. Боратынская вынуждена была приступить к хозяйственным делам в связи с кончиной мужа в 1898 году. Она «со свойственной ей энергией взяла в руки все сложное хозяйство по имению» [Боратынская, 2007, с. 131]. Но, по замечанию дочери Ксении Боратынской, мать «к этому делу особенной склонности не чувствовала». День Ольги Александровны начинался с того, что она ходила по коровникам и птичникам и лично контролировала пропуск молока через сепаратор, затем занималась счетами с конторщицей, а вечерами обсуждала со старостами работы следующего дня [Там же, с. 183].

Особой страстью О. А. Боратынской было садоводство. И хотя никаких познаний в этой отрасли у нее не было, она выписывала брошюры по теме, заказывала семена из иллюстрированного каталога знаменитого торгового дома «Э. Иммер и сын» [Там же], даже разбила оранжерею, представлявшую собой холодную комнату для выращивания семян цветов и ягодных кустов. Это увлечение было широким, известно, в частности,

что покупателями семян этой фирмы были А. П. Чехов, Толстые, которые разводили в своих усадьбах галантусы, розы, пионы, нарциссы. Ольга Александровне помогал садовник Ермолай, разводивший малину и клубнику [НМРТ, КПП 32827/17, с. 6].

Кроме того, О. А. Боратынская занималась распространением культурных занятий среди крестьянок. Главной отраслью стало вышивание. На мельнице была устроена мастерская художественного ткачества, приглашена мастерица для обучения женщин ремеслу. Выполненные ученицами заказы поступали на склад и в магазин. Такая мастерская просуществовала только два года, а вот «вышивка по дерганому полотну пошла в ход»: дворянка давала заказы крестьянкам, снабжая их материалом и хорошо оплачивая труд. Вся продукция сбывалась через кустарный магазин, стали приходить заказы из Москвы и Петербурга, а на Парижской выставке работы удостоились Похвального листа [Боратынская, 2007, с. 107]. Кроме того, произведения работниц экспонировались на Нижегородской и Казанской выставках и даже в Чикаго [Там же, с. 108]. Вдохновленная успехом, О. А. Боратынская организовала артель, в которую принимались работницы из все новых и новых деревень [Там же]. Но чаще всего приходили девушки из с. Бимерь, что в 4 верстах от Шушар [Там же, с. 182].

Ксения отмечала, что ни она, ни ее сестра Екатерина не допускались матерью к хозяйственным делам из-за их неопытной медлительности, Ольга Александровна все делала сама. В имении, предназначавшемся К. Н. Боратынской, наследница также не проявляла никакого интереса к делам и лишь «разыгрывала там роль будущей хозяйки» [Там же, с. 189]. Но уже будучи замужем, К. Н. Боратынская записывала в дневнике, как она со своими детьми трудилась на даче в Крутояре: пололи капусту, копнили сено [Там же, с. 387].

Погрузилась в хозяйственные дела своего имения дворянка М. Л. Казем-Бек после смерти управляющего Пустынникова, который, как следует из дневника, был «прекрасный хозяин», а потому никогда не требовалось вмешательства со стороны владелицы. Новость о его скоропостижной смерти застала М. Л. Казем-Бек врасплох [Казем-Бек, 2016, с. 112]. На время зимнего пребывания в Петербурге она при посредничестве своего родного дяди С. П. Толстого искала временного приказчика. В мае она прибыла в деревню «упорядочить дела, брошенные на произвол судьбы» [Там же, с. 130]. Однако ее инициативы не всегда были успешными. Например, М. Л. Казем-Бек пробовала наладить молочное хозяйство. Но, несмотря на некоторые успехи в этой отрасли, она столкнулась с противодействием со стороны персонала, который, как выяснилось, воровал молоко, а потому рассчитывать на устройство прибыльного маслоделия

дворянке не приходилось [Там же, с. 202—203]. Если при Пустынникове М. Л. Казем-Бек жила спокойно, то на нового управляющего, по ее словам, положиться было нельзя. Когда же она вступила в наследство — после раздела имущества с сестрой Надеждой, дворянка еще больше погрузилась в хозяйственные дела. Она решила продать сено с удвоившихся в ее владении луговых наделов. Подошло время покоса и нужно было торопиться, поэтому она решила организовать сбыт с пристани своих родственников Толстых в с. Мурзихе. Те, в свою очередь, согласились взять на себя отправку пробного сена, но промедлили, и «трава еще больше перестоялась» [Там же, с. 208]. Пришлось уволить лакея Гаврилу, который более 20 лет прожил у М. Л. Казем-Бек, но с годами пал нравственно из-за постоянного употребления алкоголя. Когда он стащил столовое серебро и заложил его, было решено с ним расстаться [Там же, с. 144—145].

Иногда женщина могла настолько погрузиться в управление помещением, что не допускала вмешательства мужчины. Примером может служить дворянка Симбирской губернии М. М. Бер. Ее судьба была тесно связана с Казанской губернией: ее дочь Елизавета вышла замуж за помещика Тетюшского уезда В. Г. Молодцова, а сын Борис учился в Казанском университете, сама она также часто жила в Казани.

В письме за 1904 год М. М. Бер писала дочери из с. Знаменского, что имение уже несколько лет не дает никакой прибыли и требует «ломки всего хозяйства» [РГАЛИ, ф. 43, оп. 1, д. 121, л. 250]. Доверить поместье сыну Мария Михайловна не решалась: «В его годы поселиться навсегда в деревне без определенной цели и дела, без семьи, то есть жены и детей — для меня это только кажется фантазией» [Там же], — делилась она своими переживаниями с дочерью. Вопрос о реорганизации хозяйства оставался открытым и в последующие годы. Мать Бера понимала, что больше не в состоянии поддерживать сына материально, но и без помощи оставить его не могла. И когда Бер приезжал домой, то неизбежно заходил разговор о хозяйстве, который создавал напряженность в семье [Там же, л. 253, 297].

Нередко трудовая деятельность переплеталась с общественной. Это касается медицинской практики и преподавания. По возвращении из-за границы казанская дворянка В. Н. Фигнер принимала больных в с. Вязьмино Петровского уезда Саратовской губернии. Она вспоминала, что появление фельдшерицы стало диковинкой для крестьян, вскоре стали стекаться к ней десятками и сотнями. Фигнер трудилась совместно с сестрой Евгенией. Доктор, в свою очередь, не стеснял их надзором, а медикаменты получали непосредственно из управы от председателя. Однако, несмотря на доверие крестьян и земства, сестрам Фигнер не удалось избежать преследования полиции, в связи с чем пришлось прекратить свою деятель-

ность и покинуть деревню. В данном случае мы видим, что дворянки работали не ради денег, а для реализации своей идеи общественного блага.

Ксения Боратынская не была так решительно настроена, как Фигнер. Она зависела от отца и брата, но все же старалась следовать своим желаниям. Со времени зарождения идеи преподавать и до начала педагогической деятельности прошли годы. Окончательное решение далось не сразу. Этому предшествовали поездки в Татеву к известному педагогу А. С. Рачинскому и в Ясную Поляну к писателю и мыслителю Л. Н. Толстому. Началу учительской карьеры мешали несколько факторов: неодобрение родителей и сложный выбор между мечтой преподавать и созданием семьи.

Во время учебы в Казанской художественной школе Боратынская подала прошение в Округ народного образования для назначения ее кандидаткой-практиканткой в одну из приходских городских школ [Боратынская, 2007, с. 173]. Не кончив курса в художественной школе, Боратынская решила бросить занятия, поступив на место, освободившееся в Шушарской земской школе [Там же, с. 181]. Документы в земскую школу оформил ее брат А. Н. Боратынский. Он же впоследствии помог Ксении Николаевне с открытием своей школы, которая хотя и была зарегистрирована в земской управе, но проверка инспекторов в ней, благодаря покровительству Боратынского, носила формальный характер. Это позволило Боратынской реализовать в учебной программе и во внеурочное время самые смелые планы — от введения уроков трудового воспитания до чтения газет и обсуждения общественно-политической ситуации в стране в период первой русской революции [Там же, с. 324].

Среди авторов мемуаров и дневников также были руководители институтов. Например, С. П. Мертваго по окончании Смольного института приехала в Казань, где занималась обучением младшей сестры Марии, которая училась дома, а выдержав экзамен, получила диплом [Ватаци, 1913, с. 789]. Обучение и вся жизнь по настоянию Софьи и гувернантки m-lée Jenny Portales проходили по режиму: аккуратные часы занятий, еды, прогулок [Там же, с. 790]. Софья Петровна занималась самообразованием и даже написала диссертацию брата на юридическую тему [Там же, с. 790]. Все это свидетельствовало о тяге юной дворянки к преподаванию, любовь которому была привита еще в детстве, когда Софья помогала матери в ее сельской школе. Со временем С. П. Мертваго станет начальницей русского института императрицы Марии Федоровны в Черногории [Там же, с. 779].

Другая казанская дворянка, М. Л. Казем-Бек, до 1908 года включительно возглавляла Родионовский институт благородных девиц в Казани, затем — Елисаветинский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. В дневниковых записях дворянка Мария Львовна признается в том, что

назначение на должность стало переломным событием в ее жизни, в одном ряду с замужеством. К этому времени Казем-Бек была вдовой и могла себя всецело посвятить управлению делами учебного заведения, в том числе решению целого ряда бытовых проблем, которые подробно описывает в дневнике. Характерно, что ни Мария Львовна, ни ее дочь Прасковья не учились в институте — обе получили домашнее образование. Однако Казем-Бек видела в институтском образовании хорошую перспективу для девушки. Например, свою племянницу Надежду Усову, оставшуюся сиротой, спасая от отца-тирана, в 1890 году она устроила на педагогические курсы в Петербурге [Казем-Бек, 2016, с. 88].

3.3. Основные направления общественной деятельности казанских дворянок

Под общественной деятельностью дворянок подразумевается прежде всего благотворительность, о которой пишут практически все авторы, чьи воспоминания послужили источником данного исследования. На помощь нуждающимся дворянки приходили в годы неурожая, эпидемий. Основными формами временной поддержки были открытие столовых, приютов, а также оказание медицинской помощи. Иногда благотворительность носила перманентный характер и была направлена на поддержание уровня жизни. Для этого открывались сиротские приюты, школы, больницы.

Среди дворянок-филантропов была З. М. Молодцова. Она вышла замуж в 24 года за Н. В. Тиле. Но ее супруг был всецело занят своими делами и далек от «душевной и умственной жизни» своей супруги. Зинаида Модестовна занялась благотворительной деятельностью — много занималась сиротскими домами, в том числе устроив такой у себя в деревне [РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 4780, л. 1].

Другая дворянка, Ксения Боратынская, помогала старшей сестре Екатерине лечить крестьян. А та, в свою очередь, не имея медицинского образования, действовала в соответствии с инструкциями, который давал врач Г. П. Владимиров. К. Н. Боратынская раздавала хину от лихорадки, касторку, ромашку, борную кислоту. А в период эпидемии еще и ставила компрессы, клизмы, дежурила возле больного. Ксения отмечала, что только «служением народу» могла перебороть отвращение перед болезнью, в то время как ее сестра спокойно взялась за дело, понимая, что, кроме них, помогать некому [Боратынская, 2007, с. 115]. К ней охотно обращались заболевшие жители.

В неурожайный 1892 год развернула благотворительную деятельность в деревне М. Л. Казем-Бек. Ею на средства Особого комитета наследника Цесаревича, будущего императора Николая II, в Новоспасском были открыты три столовые для голодающих. Она старалась оказывать помощь

только тем крестьянам, кто действительно находился в нужде, но, как отмечала, было много попрошайничества. На комитетские деньги также были закуплены лошади и одежда для крестьян [Казем-Бек, 2016, с. 168—174].

В период военных кампаний неотъемлемой частью общественной жизни дворянок становилась работа в лазаретах. Так, с началом русско-японской войны Ксения Боратынская, как и другие слушательницы, записалась на курсы сестер милосердия. Каждый вечер вместе с другими дворянками она посещала лекции, а днем шла на практические занятия в больницах и госпиталях [Боратынская, 2007, с. 277]. На эти же курсы ходила ее двоюродная сестра Прасковья Казем-Бек, которая по окончании их сразу уехала на фронт, оставаясь там до конца войны, а впоследствии работала сестрой в годы Первой мировой войны и даже была командирована в Германию для обследования русских пленных [Там же, с. 278].

В Первую мировую войну дочь А. Н. Боратынского Ольга Ильина сразу поступила на курсы сестер милосердия. В течение трех месяцев — с августа по октябрь — она с подругами работала по 6 часов в сутки, а также по 3—4 часа слушала лекции. Ольга Александровна была прикомандирована к военному госпиталю, который, как ей показалось, являлся самым мрачным из всех городских лазаретов. Дежурства были ночные, и все девушки, как писала О. А. Ильина в автобиографическом романе, уставали [Ильина, 2008, с. 207].

В период Первой мировой войны Мария Казем-Бек увидела несерьезное отношение некоторых девушек к делу милосердия. Она отмечала в дневнике, что они, лишённые светских развлечений, превратили посещения в рауты. При этом больных размещали в роскошных особняках и для них устраивали концерты. Модным стало ношение костюма сестер милосердия [Там же, с. 459]. В связи с этим она вспоминала лазарет, в котором довелось дежурить в русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Он размещался в частном доме, ни концертов, ни развлечений не было, но еда была простая, и приходил священник в дни больших праздников, что, по мнению дворянки, больше соответствовало духу военного времени [Там же, с. 460].

Еще одним видом общественной активности, доступной дворянкам, стали визиты и приемы, а также сопровождение в поездках, благотворительность, забота о своей популярности. Все это являлось светской обязанностью супруги высокопоставленного чиновника (иногда другой близкой родственницы). Так, М. Л. Казем-Бек, будучи женой высокопоставленного чиновника и живя в столице, вела светскую жизнь, начиная с осени и до отъезда в деревню в мае — начале лета. Она посещала театральные и балетные постановки, в том числе спектакли в знатных домах, в частности,

у Шереметьевых, Волконских и др. Публичные мероприятия Казем-Бек не посещала и с иронией относилась к таким развлечениям своей матери, когда та отправлялась на артиллерийский бал. Казем-Бек входила в число приглашенных гостей на бал императрицы или смотрела спектакли в Эрмитаже в присутствии царской фамилии, выезжала на приемы к Великой княгине, на бал у министра путей сообщения и раут у министра внутренних дел, «запросто» обедала у персидского посланника и у Победоносцевых вместе с привилегированной публикой, вечер проводила у графа Апраксина, сопровождала в командировку в Пермский край и на теплоходе до Астрахани [Казем-Бек, 2016, с. 67—69, 74—75, 97—98, 108, 114, 117, 124].

Кроме многочисленных визитов, М. Л. Казем-Бек также в определенный день каждую неделю принимала гостей у себя с 3 до 6 вечера. Так, на одном из приемов у Казем-Бек обсуждали смерть русского генерала в Париже от рук неизвестного убийцы. Кроме тем, которые волновали массы людей, поднимались философские вопросы «о широте души» и «лени русского человека» [Там же, с. 70, 103—104, 106].

Но Мария Львовна воспринимала светскую жизнь не просто как обязанность или развлечение, а как возможность использовать связи для устройства родственников в учебные заведения, продвижения по должности. Так, она договорилась о принятии своего пасынка Н. А. Казем-Бека на должность земского начальника в Казанской губернии [Там же, с. 168]. Овдовев, по прошествии многих лет, в январе 1913 года Казем-Бек писала: «Отвыкла я от общественной жизни, не тянет меня туда, и как-то странно я себя чувствую среди светских людей и чуждых мне интересов» [Там же, с. 329].

Если Казем-Бек, живя в Петербурге, довольно легко и даже с удовольствием несла бремя светских обязанностей, то провинциальным дворянкам это было в тягость. О. А. Ильина писала, что казанская бабушка «не может выносить великосветской жизни больше двух недель» [Ильина, 2008, с. 27]. Когда настало время дебютировать в светском обществе, Ильину сопровождала ее тетя Екатерина Николаевна. Когда-то после представления свету мать Ильиной была пожалована фрейлиной. Ожидалось, что и Ольга тоже будет пожалована: «Это звание не влекло за собой много обязанностей для молодой девицы — являться ко Двору на большие выходы, да иногда иметь возможность носить бриллиантовый шарф на платье, что в общем было очень заманчиво», — писала О. А. Ильина в романе [Там же, с. 72]. Также она отмечала, что положение отца (а он в разные годы был уездным предводителем дворянства и депутатом Государственной думы) вынуждало тетю Екатерину Николаевну взять на себя светские обязанности представительства. Последняя не признавала никакие формальные

приемы, выезды и вечера, которые, по словам Е. Н. Боратынской, были хороши только для молодежи [Боратынская, 2007, с. 72]. И даже были у нее свои приемные дни [Там же, с. 73]. Ни делать визиты, ни принимать гостей тетя Ильиной не любила. Однако обойтись без данного вида социальной активности Екатерина Николаевна не могла, так как это была неотъемлемая составляющая светской жизни всех женщин, чьи близкие родственники занимали значимое положение в обществе.

4. Заключение = Conclusions

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о стремлении некоторых казанских дворянок к продолжению образования после окончания курса средней школы. Однако у каждой из них был свой путь к реализации своего желания. Фигнер шла к цели без колебаний. Несмотря на отсутствие поддержки отца, у нее были единомышленники в лице близких ей людей — сестер, кроме того, ее взгляды на получение высшего образования разделял супруг. Она уехала за границу для обучения в университете с целью овладения знаниями, которые позволили бы ей оказывать реальную помощь крестьянскому населению. Боратынская действовала менее решительно: она не стала переезжать в Москву, где в это время действовали Высшие женские курсы, а выбрала другую альтернативу — Казанскую художественную школу. Для преподавания в обычной сельской школе Боратынской достаточно было звания домашней учительницы, и поступление в другое учебное заведение было скорее вынужденным шагом — на время, пока не приступит к педагогической деятельности, которая откладывалась по разным причинам: запрет отца, а также порожденные этим внутренние сомнения.

Анализируя хозяйственную деятельность дворянок, мы увидели, что они рассматривали экономику своего поместья в соединении с крестьянским хозяйством. О. А. Боратынская, занимаясь своим имением, развивала также кустарные промыслы среди крестьянок. Но ей пришлось взять в свои руки ведение дел в имении только после смерти супруга, так как старший сын был занят в дворянском и земском самоуправлении, а впоследствии являлся депутатом Третьей Государственной думы.

М. Л. Казем-Бек также вынужденно взялась за поместье — в связи со смертью управляющего, а муж целиком был поглощен государственной службой и приезжал в деревню только на время отпуска. Находясь в поместье, она считала своим долгом организовать материальную поддержку окрестных крестьян, пострадавших в неурожайные годы.

Трудовая деятельность дворянок Фигнер и Боратынской тоже находилась в тесной взаимосвязи с общественной активностью. Через свою

работу помещицы не только получали возможность самореализации, но главное — могли поддерживать крестьян, и стремление помогать выступало основным мотивом для начала профессиональной деятельности представительниц высшего сословия.

Изучение общественной деятельности дворянок показало, что они должны были выезжать в свет и устраивать приемы. Там они находили женихов, приобретали полезные связи, но если бы они не выполняли свои обязанности, то последовали бы значительные негативные последствия в виде отстраненности от дворянского общества. Поэтому в общественной жизни женщины еще воспринимались скорее как узницы социальных правил.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Боратынская К. Н.* Мои воспоминания / К. Н. Боратынская. — Москва : Зебра Е : Алта-Принт, 2007. — 538 с. — ISBN 5-94663-406-2.
2. *Ватаци М. П.* Быль минувшего / М. П. Ватаци // Исторический вестник. — 1913. — Т. 132. — С. 775—791.
3. *Вернадская М. Н.* Женский труд / М. Н. Вернадская // Собрание сочинений покойной Марии Николаевны Вернадской, уроч. Шигаевой. — Санкт-Петербург : Тип. Деп. уделов, 1862. — С. 94—115.
4. ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1183 (Молостова Александра Валериановна — потомственная дворянка, крупная землевладелица Спасского уезда). Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
5. *Женская* общинная благотворительность в России // Гражданин. — 1875. — № 15/16. — С. 371—373.
6. *Женщины* в революции [Воспоминания]. — Москва : Госполитиздат, 1959. — 471 с.
7. *Ильина О. А.* Канун Восьмого дня / О. А. Ильина. — Казань : Заман, 2003. — 400 с. — ISBN 5-89052-018-0.
8. *К организации* высших женских физико-математических курсов // Камско-Волжская речь : [газета]. — 1914. — № 100. — С. 4.
9. *Казем-Бек М. Л.* Дневники / М. Л. Казем-Бек. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. — 560 с. — ISBN 978-5-7533-1176-4.
10. *Межуев П. Г.* Женский вопрос и женское движение / П. Г. Межуев. — Санкт-Петербург : Тип. Альтшулера, 1906. — 72 с.
11. *Петражицкий Л. И.* О пользе политических прав женщин / Л. И. Петражицкий. — Санкт-Петербург : Тип. Б. М. Вольфа, 1907. — С. 5—11.
12. НМРТ — Национальный музей Республики Татарстан. КП. 32827/17. О. А. Боратынская «Из гнезда». — 143 с.
13. РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 43 (Бер Борис Владимирович (1871—1921) — поэт, переводчик). Оп. 1. Д. 121. Л. 250 ; Ф. 552 (Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — публицист, основатель издательства «Посредник», друг и последователь Л. Н. Толстого). Оп. 1. Д. 4780. Л. 1.

14. Сухов А. А. Общество Распространения между образованными женщинами практических знаний, женское медицинское образование и женский медицинский труд (Доклад 5 мая 1911 г. Общему собранию гг. членов Общества распространения между образованными женщинами практических знаний) / А. А. Сухов. — Москва : Тип. ТД «М. В. Балдин и Ко», 1912. — 17 с.

15. *Телеграфная служба и женщина* // Дамский мир. — 1916. — № 12. — С. 33.

16. Фигнер В. Н. Запечатленный труд (Воспоминания в двух томах) / В. Н. Фигнер. — Москва : Задруга, 1922. — Т. 1. — 318 с.

Литература

1. Афонина Е. В. Высшее женское образование в Казани : вторая половина XIX — начало XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. В. Афонина. — Казань, 2002. — 202 с.

2. Белова А. В. Женское институтское образование / А. В. Белова // Педагогика. — 2002. — № 9. — С. 76—83.

3. Веретенко В. А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX — начала XX вв. / В. А. Веретенко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 4. — С. 62—65.

4. Веретенко В. А. Женщины в русских университетах : (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. А. Веретенко. — Санкт-Петербург : Изд-во Высш. адм. шк., 2004. — 148 с. — ISBN 5-94815-007-0.

5. Мартыненко Н. К. Женское движение в России во второй половине XIX — начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. К. Мартыненко. — Воронеж, 2002. — 244 с.

6. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение : хрестоматия / Э. Миловидова. — Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1929. — 507 с.

7. Оноприенко И. Г. Женское дворянское образование во второй половине XIX в. (на примере Центрального Черноземья) / И. Г. Оноприенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История, Политология, Экономика, Информатика. — 2009. — № 15. — Выпуск 12. — С. 111—115.

8. Паравина М. Н. Гимназическое образование в Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Н. Паравина. — Казань, 2006. — 273 с.

9. Пашенцева С. В. Женские благотворительные общества Российской империи / С. С. Пашенцева. — Москва : ИКАР, 2003. — 115 с. — ISBN 5-8309-0069-6.

10. Кеня И. А. Женская благотворительность как особый элемент российской благотворительности в XIX — начале XX в. / И. А. Кеня // Genesis: исторические исследования. — 2014. — № 5. — С. 53—77. — DOI: 10.7256/2306-420X.2014.5.12462.

11. Пушкарева Н. Л. Женщины-историки России 1810—1917 годов / Н. Л. Пушкарева // Вестник Пермского университета. — 2012. — Выпуск 1 (18). — С. 228—245.

12. Самойлова К. Н. Работница в Российской революции / К. Н. Самойлова. — Харьков : Гос. изд-во, 1920. — 14 с.

13. Семенова Т. Г. Высшее образование для женщин в России XIX века (страницы истории) / Т. Г. Семенова // Финансы : теория и практика. — 1998. — № 1. — С. 102.

14. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50—60-е годы XIX века / Г. А. Тишкин. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 239 с.

15. Тончу Е. А. У милосердия женское лицо / Е. А. Тончу. — Москва : Издательский дом Тончу, 2008. — 215 с. — ISBN 978-5-91215-028-9.
16. Утробина И. В. Педагогическое образование в Казанской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. В. Утробина. — Казань, 1999. — 232 с.
17. Фалько Е. И. Русское Женское Взаимо — Благотворительное общество (1895—1918). Опыт источниковедческого поиска / Е. И. Фалько // Вестник архивиста : информационный бюллетень. — 2002. — № 3 (69). — С. 168—182.
18. Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878—1918 гг.) / Э. П. Федосова. — Москва : Педагогика, 1980. — 144 с.
19. Федотова А. Ю. «Благотворительница» — женская профессия второй половины XIX — начала XX вв. / А. Ю. Федотова // Женский труд в России и в мире : история, традиции, особенности. — Москва : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2024. — С. 134—143.
20. Филатова С. В. «Всею руководила его жена, а он всё время проводил в своём кабинете... и писал стихи» : иерархия ролей в провинциальных дворянских и купеческих семьях второй половины XVIII — начала XX в. / С. В. Филатова // Исторический курьер. — 2019. — № 3 (5). — С. 152—164.
21. Фролова С. А. От частных уроков — к собственной школе : участие гувернеров в создании частных учебных заведений в России (конец XVIII — первая половина XIX в.) / С. А. Фролова // Французский ежегодник. — 2011. — Т. 2011. — С. 92—109.
22. Фролова С. А. «Открыла я там... с позволения начальства пансион для детей мужеского и женского пола» (Учебные заведения француженки Марии Пото в Казани) / С. А. Фролова // Эхо веков — Гасырлар авазы. — 2011. — № 1. — С. 166—179.
23. Чернуха В. В. Образование дворянок в России в XIX веке / В. В. Чернуха, Г. В. Тимошенко // Наука, образование, общество : тенденции и перспективы. Сб-к науч. трудов по мат-лам Междунар. научно-практ. конф. — Люберцы : АР-Консалт, 2008. — С. 105—108.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025,
одобрена после рецензирования 29.05.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.

Material resources

- Boratynskaya, K. N. (2007). *My memories*. Moscow: Zebra E: Alta-Print. 538 p. ISBN 5-94663-406-2. (In Russ.).
- Figner, V. N. (1922). *Imprinted work (Memoirs in two volumes), 1*. Moscow: Zadruga. 318 p. (In Russ.).
- GARTH — *The State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 1183 (Alexandra Valerianovna Molostva is a hereditary noblewoman, a large landowner of the Spassky district). Op. 1. D. 1. L. 1*. (In Russ.).
- Ilyina, O. A. (2003). *The Eve of the Eighth day*. Kazan: Zaman. 400 p. ISBN 5-89052-018-0. (In Russ.).
- Kazem-Bek, M. L. (2016). *Diaries*. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House. 560 p. ISBN 978-5-7533-1176-4. (In Russ.).
- Mezhuyev, P. G. (1906). *The women's issue and the women's movement*. St. Petersburg: Type. Altshuler. 72 p. (In Russ.).

- NMRT — *National Museum of the Republic of Tatarstan*. KP. 32827/17. O. A. Boratynskaya “From the nest”. 143 p. (In Russ.).
- Petrazhitsky, L. I. (1907). *On the benefits of women’s political rights*. St. Petersburg: B. M. Wolf Publishing House. 5—11. (In Russ.).
- RGALI — *Russian State Archive of Literature and Arts*. F. 43 (Boris Vladimirovich Ber (1871—1921) — poet, translator). Op. 1. D. 121. L. 250; F. 552 (Vladimir Grigorievich Chertkov (1854—1936)). (In Russ.).
- Sukhov, A. A. (1912). *Society for the Dissemination of practical knowledge among educated women, women’s medical education and women’s medical work (Report on May 5, 1911 To the General Meeting of the members of the Society for the Dissemination of Practical Knowledge among Educated Women)*. Moscow: Type. TD “M. V. Baldin and Co.”. 17 p. (In Russ.).
- The telegraphic service and the woman. (1916). *The Ladies’ world*, 12: P. 33. (In Russ.).
- Towards the organization of higher women’s physics and mathematics courses. (1914). *Kam-sko-Volzhskaya speech: [newspaper]*, 100: P. 4. (In Russ.).
- Vatatsi, M. P. (1913). The past. *Historical Bulletin*, 132: 775—791. (In Russ.).
- Vernadskaya, M. N. (1862). Women’s labor. In: *The collected works of the late Maria Nikolaevna Vernadskaya, urozh. Shigaeva*. St. Petersburg: Typ. Dept. udelov. 94—115. (In Russ.).
- Women in the revolution [Memoirs]*. (1959). Moscow: Gospolitizdat. 471 p. (In Russ.).
- Women’s community charity in Russia. (1875). *Citizen*, 15/16: 371—373. (In Russ.).

References

- Afonina, E. V. (2002). *Higher women’s education in Kazan: the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 202 p. (In Russ.).
- Belova, A. V. (2002). Women’s institute education. *Pedagogy*, 9: 76—83. (In Russ.).
- Chernukha, V. V., Timoshenko, G. V. (2008). Education of noblewomen in Russia in the 19th century. In: *Science, education, society: trends and prospects. Collection of scientific papers on the materials of the International Scientific and Practical Conference*. Lyubertsy: ART-Consult. 105—108. (In Russ.).
- Falko, E. I. (2002). Russian Women’s Mutual Charity Society (1895—1918). The experience of source research. *Archivist’s Bulletin: information bulletin*, 3 (69): 168—182. (In Russ.).
- Fedosova, E. P. (1980). *Bestuzhev courses — the first women’s university in Russia (1878—1918)*. Moscow: Pedagogika Publ. 144 p. (In Russ.).
- Fedotova, A. Y. (2024). “Philanthropist” is a female profession of the second half of the XIX — early XX centuries. In: *Women’s labor in Russia and in the world: history, traditions, features*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics. 134—143. (In Russ.).
- Filatova, S. V. (2019). “His wife was in charge of everything, and he spent all his time in his office ... and wrote poetry”: hierarchy of roles in provincial noble and merchant families of the second half of the XVIII — early XX century. *Historical Courier*, 3 (5): 152—164. (In Russ.).
- Frolova, S. A. (2011). “I opened boarding schools for male and female children there ... with the permission of the authorities” (Educational institutions of Frenchwoman Maria Poto in Kazan). *The echo of centuries — Gasyrlar avaza*, 1: 166—179. (In Russ.).

- Frolova, S. A. (2011). From private lessons to one's own school: the participation of tutors in the creation of private educational institutions in Russia (late XVIII — first half of the XIX century). *French Yearbook, 2011*: 92—109. (In Russ.).
- Kenya, I. A. (2014). Women's charity as a special element of Russian charity in the 19th — early 20th century. *Genesis: Historical research, 5*: 53—77. DOI: 10.7256/2306-420X.2014.5.12462. (In Russ.).
- Martynenko, N. K. (2002). *The women's movement in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries*. PhD Diss. Voronezh. 244 p. (In Russ.).
- Milovidova, E. (1929). *The women's question and the women's movement: a textbook*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 507 p. (In Russ.).
- Onoprienko, I. G. (2009). Women's noble education in the second half of the 19th century. (on the example of the Central Chernozem region). *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History, Political Science, Economics, Computer Science, 15 (12)*: 111—115. (In Russ.).
- Paravina, M. N. (2006). *Gymnasium education in the Kazan province in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 273 p. (In Russ.).
- Pashentseva, S. V. (2003). *Women's charitable societies of the Russian Empire*. Moscow: IKAR. 115 p. ISBN 5-8309-0069-6. (In Russ.).
- Pushkareva, N. L. (2012). Women historians of Russia 1810—1917. *Bulletin of Perm University, 1 (18)*: 228—245. (In Russ.).
- Samoilova, K. N. (1920). *The worker in the Russian Revolution*. Kharkov: State Publishing House. 14 p. (In Russ.).
- Semenkova, T. G. (1998). Higher education for women in Russia of the 19th century (pages of history). *Finance: theory and practice, 1*: P. 102. (In Russ.).
- Tishkin, G. A. (1984). *The women's issue in Russia in the 50—60s of the XIX century*. Leningrad: Leningrad State University Publishing House. 239 p. (In Russ.).
- Tonchu, E. A. (2008). *Mercy has a woman's face*. Moscow: Tonchu Publishing House. 215 p. ISBN 978-5-91215-028-9. (In Russ.).
- Utrobina, I. V. (1999). *Pedagogical education in the Kazan province in the last quarter of the XIX — early XX century*. PhD Diss. Kazan. 232 p. (In Russ.).
- Veremenko, V. A. (2004). *Women in Russian universities: (the second half of the XIX — early XX century)*. Saint Petersburg: Higher Administrative School Publishing House. 148 p. ISBN 5-94815-007-0. (In Russ.).
- Veremenko, V. A. (2014). Preparation of noblewomen for economic activity in the family in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 4*: 62—65. (In Russ.).

*The article was submitted 19.03.2025;
approved after reviewing 29.05.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Мухамедов Р. А. Сельское хозяйство Ульяновской области в первой половине 1950-х годов / Р. А. Мухамедов, А. В. Савельев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 400—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-400-418.

Mukhamedov, R. A., Savelyev, A. V. (2025). Rural Economy in Ulyanovsk Region in Early 1950s. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 400-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-400-418. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Сельское хозяйство Ульяновской области в первой половине 1950-х годов

Мухамедов Рашит Алимович

orcid.org/0000-0001-6181-3249

доктор исторических наук, профессор,

корреспондирующий автор

rasit56@mail.ru

Савельев Алексей Васильевич

orcid.org/0009-0002-3563-6829

соискатель

dinar430@mail.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Rural Economy in Ulyanovsk Region in Early 1950s

Rashit A. Mukhamedov

orcid.org/0000-0001-6181-3249

Doctor of History, Professor,

corresponding author

rasit56@mail.ru

Alexey V. Savelyev

orcid.org/0009-0002-3563-6829

degree seeker

dinar430@mail.ru

Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена развитию сельского хозяйства в Ульяновской области в первой половине 1950-х годов. Изучается роль машинно-тракторных станций (МТС) в функционировании колхозной производственной системы. Уделяется внимание материально-техническому состоянию МТС. Осуществлено исследование динамики трудовых ресурсов деревни. Проанализирована работа партийных структур по обеспечению кадрами коллективных хозяйств и машинно-тракторных станций Ульяновской области, в том числе посредством улучшения условий обучения в учреждениях системы профессионально-технического образования и создания специальных курсов на базе МТС по подготовке механизаторов и повышению их технического уровня. Дана оценка достигнутым колхозами региона результатам в животноводческой и земледельческой отраслях сельского хозяйства. Выявлены факторы, препятствовавшие выполнению плановых показателей в полном объеме. Сделан вывод, что Ульяновская область благодаря реализованному комплексу мер смогла практически полностью решить вопрос, связанный с подготовкой специалистов массовых профессий для колхозов и машинно-тракторных станций, что позволило успешно выполнить спущенное партией задание по заготовке продукции растениеводства. Доказано, что в то же время регион не смог решить вопрос с массовым падежом скота, вследствие чего не выполнил план по заготовке продукции животноводства.

Ключевые слова:

Ульяновская область; сельское хозяйство; колхоз; механизаторские кадры; школа механизации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the development of agriculture in the Ulyanovsk region during the early 1950s. It examines the role of machine-tractor stations (MTS) in the operation of the collective farming production system. The study pays particular attention to the material and technical condition of the MTS. An analysis of the dynamics of labor resources in rural areas is conducted. The work of party structures in staffing collective farms and machine-tractor stations in the Ulyanovsk region is analyzed, including efforts to improve training conditions in vocational and technical education institutions and the establishment of specialized courses at MTS for the training of mechanizers and enhancement of their technical skills. The article evaluates the outcomes achieved by regional collective farms in livestock and crop production. Factors that hindered the full realization of planned targets are identified. The study concludes that the Ulyanovsk region, through a comprehensive set of measures, was able to effectively address the issue of preparing specialists for collective farms and machine-tractor stations, successfully fulfilling the party's directive on crop production procurement. However, it is demonstrated that the region failed to resolve issues related to mass livestock mortality, resulting in an inability to meet livestock product procurement targets.

Key words:

Ulyanovsk region; agriculture; collective farm; mechanization workforce; mechanization school.

УДК 94:633(470.42)“1950/1955”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-400-418

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Сельское хозяйство Ульяновской области в первой половине 1950-х годов

© Мухамедов Р. А., Савельев А. В., 2025

1. Введение = Introduction

Продовольственная безопасность является прочным фундаментом экономической и политической безопасности страны. На государственном и на местном уровне этот вопрос — один из приоритетных направлений внутренней политики. К числу его основных задач относится всестороннее обеспечение сельскохозяйственных производителей продукции условиями производства для достижения конечной цели: удовлетворить в достаточном количестве потребность населения в продуктах питания. Изучение процесса развития сельского хозяйства Ульяновской области в послевоенное десятилетие даст нам возможность глубже понять, в каком экономическом состоянии находились колхозы, в частности, животноводство, растениеводство и парк сельскохозяйственной техники, и в каких условиях было организовано техническое обслуживание тракторов и сельхозоборудования, а также вскрыть имевшиеся технические проблемы и проследить попытки партийных структур их решить. Среди производительных сил деревни огромную роль играли машинно-тракторные станции (МТС), обрабатывавшие почти 80 % от объема площади всей пашни. В то же время особо острым и критичным для властей был вопрос, связанный с укомплектованием кадрами сельскохозяйственных предприятий, так как в МТС и в колхозы с каждым годом стало поступать все больше тракторов, комбайнов и сельхозмашин, для освоения которых требовались обученные механизаторы и специалисты-агротехнологи. В связи с этим опыт решения проблем советскими властями может быть полезным для специалистов правительства Российской Федерации, прерогативой которых является разработка и реализация аграрных реформ в реалиях регулярного усиления санкционного давления. Актуальность проблемы обуславливается и тем, что на региональном уровне она нуждается в специальных научных изысканиях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография исследуемой проблемы в общем формате обширна, однако на частном, региональном уровне она малоизучена. В последние годы

были опубликованы монографии и статьи по аграрной истории послевоенной деревни, в том числе и по проблеме МТС. М. А. Безнин и Т. М. Димони, проведя серьезную работу по выявлению и систематизации фактического материала и его обобщению, впервые рассмотрели процесс формирования и деятельности машинно-тракторных станций в рамках «модернизации аграрной подсистемы, давшей импульс товаризации средств производства», и представили свою классификацию сельского населения на группы, возникшие в процессе раскрестьянивания: протобуржуазию, менеджеров, интеллектуалов, рабочую аристократию, сельский полупролетариат и пролетариат [Безнин и др., 2014]. В. Н. Томилин, рассмотрев состояние производственной и социальной инфраструктуры и выявив степень обеспеченности МТС специалистами и механизаторами, пришел к выводу, что государственные цены на продукцию сельского хозяйства не позволяли компенсировать даже половину затраченных на ее производство ресурсов из-за чего производственная система «коллективные хозяйства — МТС» функционировала нерационально [Томилин, 2010]. В то же время заявленная нами проблема нашла отражение и в трудах других отечественных историков: Е. Н. Бикейкина, О. И. Федоренко, Ю. В. Нечипас, Д. А. Субботина, Д. Н. Конышева, В. Н. Мамяченкова и Е. Н. Кананеровой и др. [Бикейкин, 2017; Васильева, 2020; Нечипас, 2005; Субботин, 2023; Конышев, 2020; Мямченков, 2017; Кананерова, 2019; Мухамедов и др., 2024]. Так, статья К. К. Васильевой посвящена технической оснащенности МТС Иркутской области в годы четвертой пятилетки, а именно: их вопросам обеспеченности тракторами, комбайнами, грузовыми автомашинами, определению уровня и динамики электрификации МТС и прочей региональной специфике сельского хозяйства области [Васильева, 2020, с. 404].

Не обошли вниманием проблему и зарубежные историки-советологи. Однако исследователи сконцентрировались не на самой деятельности МТС, а на реформе по ее реорганизации. Так, М. Макколей утверждал, что все предпринятые советским правительством усилия оказались фактически перечёркнуты Н. С. Хрущевым лишь одним необдуманном шагом [Макколей, 1994]. По мнению историка, если бы коммунистическая партия взяла в расчет при разработке и реализации аграрных реформ такие факторы, как личный интерес и материальное стимулирование работников, то, вне всякого сомнения, удалось бы достичь положительных результатов. Подверг справедливой критике в своем труде о Н. С. Хрущеве реформу МТС и У. Таубман, который отмечал, что спущенное советскими властями решение о реорганизации МТС оказалось контрпродуктивным и имело негативные последствия: значительная часть колхозов оказались лишены возможности свободно инвестировать средства на прочие нужды, а ра-

ботники расформированных МТС уехали в город, отказавшись трудиться за низкую заработную плату в колхозах [Таубман, 2005]. Дж. Боффа, рассматривая процесс реорганизации машинно-тракторных станций как постепенный и продуманный уход советского правительства от сталинской модели управления, предусматривающей принадлежность производственных средств государству, считал, что лишение руководства колхозов выбора в ходе реформы привело к ухудшению экономического положения агрохозяев [Боффа, 1994]. Вскользь затрагивали проблематику сельского хозяйства Н. Верт [Верт, 1995], Дж. Хоскинг и М. Левин [Верт, 1995; Хоскинг, 1994; Левин, 2008].

В свою очередь, проблема деятельности машинно-тракторных станций и их вклад в сельскохозяйственную отрасль Ульяновской области в первую половину 1950-х годов на настоящий момент практически осталась вне поля зрения исследователей. Так, А. А. Мальцевым были скрупулезно изучены происходившие в деревне Среднего Поволжья демографические процессы и выявлено, какое влияние они оказали на деятельность МТС. По мнению Мальцева, колоссальные потери трудоспособного мужского населения в военный период не позволили достичь высоких производственных показателей в сельскохозяйственной отрасли. Косвенно касались темы А. Г. Пашкин, Н. В. Забалухина, Р. А. Мухамедов, С. В. Степанюк, Д. А. Субботин [Пашкин и др., 2002; Мухамедов и др., 2023; Субботин, 2023].

Источниковая база научной статьи включает в себя архивные материалы, изрядная доля из которых была ранее недоступна для исследователей и впервые вводится в научный оборот. Интересующие нас сведения об уровне развития сельскохозяйственной отрасли Ульяновской области в первую половину 1950-х годов, о динамике производственных показателей, о состоянии материально-технической базы коллективных хозяйств и МТС, о проводимой партийными структурами работе по нивелированию кадрового дефицита, об организации подготовки руководящих и механизаторских кадров в образовательных учреждениях профессионально-технического образования и в рамках курсового обучения, организованного на базе машинно-тракторных станций, мы смогли обнаружить в делах, отложившихся в фондохранилищах местных архивов: Государственного архива новейшей истории Ульяновской области и Государственного архива Ульяновской области. Дополнить представление о происходивших событиях рассматриваемого нами периода нам удалось благодаря привлечению материалов газет.

Научная статья построена на объективистско-критическом анализе исторических документов и материалов. Системный анализ способствовал изучению темы как целостного явления во всей взаимосвязи и совокупно-

сти фактов. Объект изучения рассматривался как сложноорганизованная система, совокупность причинно-генетических и функциональных связей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность машинно-тракторных станций в колхозном производстве в Ульяновской области в пятой пятилетке

К началу 1950-х годов сельское хозяйство СССР, в том числе и Ульяновской области, оказалось в тяжелом положении: потери военнослужащих и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны оказались настолько большими, что после ее окончания народное хозяйство долгое время испытывало хроническую нехватку рабочей силы [Мухамедов и др., 2024, с. 466]. Деревня находилась на грани голода, в колхозах и совхозах не наблюдалось каких-либо успехов в развитии экономического благосостояния, население не имело паспортов, отсутствовали какие-либо социальные льготы, государственная поддержка и т. д. В столь сложных социально-экономических реалиях аграриям предстояло производить сельскохозяйственную продукцию, для того чтобы накормить всю страну [Трудовой подъем масс ..., 1952, с. 2].

В сентябре 1953 года руководство страны объявляет курс на использование интенсивных методов в развитии аграрного сектора. При этом роль МТС в колхозном производстве достигла апогея: на них была возложена полная ответственность за работу колхозов. Внедрение механизации в животноводческих фермах требовало строительства соответствующих новых зданий отдельно для каждой отрасли животноводства [Выполним ..., 1953, с. 2]. Еще 27 декабря 1952 года бюро обкома КПСС приняло постановление «О ходе выполнения плана капитального строительства и подготовки механизаторских кадров машинно-тракторными и лесозащитными станциями области» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 175, л. 7]. Данное постановление было принято в связи с необходимостью восстанавливать народное хозяйство СССР после Великой Отечественной войны. Соответственно, имелась и потребность как в модернизации животноводческих помещений, так и в комплектовании МТС сельскохозяйственными кадрами для выполнения поставленных задач. План капитального строительства на 1952—1954 годы с учетом дополнительно выделенных средств составлял 3042 тыс. руб., предусматривалось ввести в эксплуатацию помещения для крупного рогатого скота (КРС) на 40 тысяч голов и для птицы на 35 тысяч кур-несушек, а также жилье для рабочих и служащих совхозов общей площадью 42 тыс. кв. м. [Там же, л. 9]. Отдельной строчкой финансирования было обновление машинно-тракторного парка сельскохозяйственных предприятий. Так, например, Госпланом РСФСР было выделено для Ульяновской области на 1955 год тракторов всех марок — 440 шт., картофелеса-

жалок — 80, картофелекопалок — 225, зерноочистительных машин — 150, зерновых подборщиков — 400, саморазгружающихся тракторных тележек — 100, тракторных сеялок — 177, универсальных экскаваторов — 4, автоцистерн — 25, автопогрузчиков — 40 шт. [Там же, л. 14]. Однако область получила из выделенной техники не более 80 %, при этом часть принятых тракторов имела дефекты [Там же, д. 297, л. 33].

Основная техника в исследуемый период была сконцентрирована на предприятиях МТС и лесозащитных станций (ЛЗС) Ульяновской области. Однако ремонтные мастерские, как правило, размещались в непригодных помещениях, что не могло не влиять на качество обслуживания техники. В 25 МТС региона не имелось типовых мастерских, а из необходимых для хранения машин 462 сараев имелось только 62. В то же время в 52 МТС не было гаражей для автомашин, в 15 МТС не ограждены усадьбы, в 20 МТС не было складов для хранения запасных частей, а 11 МТС не имели нефтебаз [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 3, д. 326, л. 128]. Многие машинно-тракторные станции не были обеспечены жилищными и бытовыми помещениями: в 37 МТС не было общежитий, в 40 МТС — помещений для столовых, в 56 МТС — водоснабжения. Всего МТС не хватало по плану для размещения рабочих 443 жилых дома [Там же, л. 131].

План благоустройства МТС в области ежегодно срывался из-за недостаточного отпуска средств [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 297, л. 35]. В связи с этим секретарь Ульяновского облисполкома М. Чернышев и секретарь обкома ВКП (б) А. Бочкарев просили в своем письме Министру сельского хозяйства и заготовки СССР И. А. Бенедиктову от 12 сентября 1952 года предусмотреть на 1953 год выделение 10 миллионов рублей в соответствии с планом капитального строительства для МТС и ЛЗС, предусматривавшим сдачу в эксплуатацию: мастерских — 10, сараев для хранения машин — 40, автогаражей — 10, ограждение усадеб — 15, складов для хранения запасных частей — 10, контор — 10, электрификацию 15 МТС и 10 жилых домов, водоснабжение 10 МТС и 10 кирпичных заводов [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 3, д. 330, л. 7].

Техника часто простаивала из-за необеспеченности запасными частями. Так, в выступлении директора Ново-Малыклинского МТС Емельянова на 2-ом Пленуме райкома КПСС от 15 апреля 1955 года говорилось не только об этом, но и о наличии серьезных недостатков в работе Ульяновского областного управления сельского хозяйства [Там же, д. 332, л. 34]: «... наряды на запасные части к сеялкам делали на различных заводах г. Ульяновска, из-за чего мы не знаем, когда и что получить. Просим запасные части к сеялкам доставить в г. Мелекесс. Автопарк в МТС не имеет в настоящее время ни одной исправной машины, а Автотракторсбыт не

реагирует на наши просьбы. Так, в течение 9 месяцев находится у них на ремонте мотор к машине Газ-51, не отпускают вкладыши и кольца к моторам ЗИС. В Ульяновске в Автотракторсбыте имеется большое количество катков к гусеничным тракторам, а нам их попросту не дают и заставляют возить мешками по 5—10 штук. Наша просьба указывает, что пора моменты с запасными частями и другие вопросы в работе МТС решать уже в областном управлении сельского хозяйства по-серьезному. Я прошу обком КПСС воздействовать» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 299, л. 7]. Однако эту и многие проблемы в работе МТС удалось решить лишь к концу 1956 года.

3.2. Кадровое обеспечение агрохозяйств и МТС Ульяновской области в 1951—1955 годах

Одним из ключевых моментов любого производства является обеспеченность предприятий кадрами. Партийно-государственные органы Ульяновской области в первой половине 1950-х годов активно принимали участие в решении проблемы комплектования агрохозяйств и МТС квалифицированными кадрами для обслуживания сельскохозяйственной техники. Об этом свидетельствуют два постановления секретариата Ульяновского областного комитета КПСС от 30.10.1952 года «О неудовлетворительном выполнении плана набора учащихся в сельскохозяйственные школы области» и бюро Обкома КПСС от 27.12.1952 года «О ходе выполнения плана подготовки механизаторских кадров МТС и ЛЗС области» [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 11, д. 399, л. 7]. При этом личную ответственность за решение кадрового вопроса несли районные комитеты КПСС. Регулярно из районов в областной комитет поступали доклады о состоянии подготовки кадров. Например, в Старо-Кулаткинском РК КПСС в декабре 1952 года было проведено совещание с руководителями МТС и колхозов по вопросу подготовки кадров. На совместном заседании бюро РК КПСС и Исполкома районного Совета депутатов трудящихся заслушали информацию некоторых руководителей колхозов и МТС, провели заседания, на повестку которых был вынесен вопрос о ходе подготовки кадров. По прослушивании докладов было установлено, что по Старо-Кулаткинскому району на курсах трактористов гусеничных тракторов с пятимесячным сроком обучения учатся 25 чел. при плане 70 чел., на курсах трактористов гусеничных тракторов с двухмесячным сроком обучения — 9 чел. при плане 29 чел., на курсах комбайнеров прицепных комбайнов — 29 чел. при плане 14 чел., и на курсах бригадиров тракторных бригад — 5 чел. при плане 7 чел. При МТС района работали и курсы колесных тракторов, где училось 97 человек. Кроме этого, при Старо-Кулаткинской МТС проходили обучение 20 человек на профессию водителя гусеничного трактора. В сельскохозяйственных школах района училось 11 чел. при плане 19 чел. [Там же, л. 14].

В результате проведенной работы Инзенским РК КПСС по состоянию на 15 января 1953 года план подготовки механизаторских кадров в Карсунской школе механизации сельского хозяйства был перевыполнен. На учебу было послано 61 человек вместо 54 по плану. Среди них: бригадиров тракторных бригад — 2 чел., трактористов-гусеничников — 40 чел. и комбайнеров — 19 чел. Хуже обстояло дело с обучением трактористов-колесников на курсах при МТС. Так, из плана в 40 чел. было направлено на курсы только 22 чел. Подобраны были преподаватели и заведующие курсами, подготовлены помещения для проведения курсов при МТС, а также привлечены к работе механики и агрономы. Были организованы при каждой МТС столовые, общежития для полного размещения учащихся. Общежития были обеспечены инвентарем и постельными принадлежностями. Проводилась работа по вопросу овладения механизаторами одновременно несколькими профессиями. Занятия проводились по 8 часов в сутки в соответствии с программным документом. Среди курсантов и механизаторов регулярно проводились беседы, лекции, политинформации по вопросам международного положения СССР и зачитывались материалы 19 съезда КПСС.

На примере вышеназванных 2-х районов видно, что местные производственные органы и районные комитеты партии приложили немалые усилия к решению вопроса подготовки рабочих кадров для сельскохозяйственного производства. В то же время вопрос о состоянии руководящих кадров стоял достаточно остро (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования специалистов высшего и среднего звена МТС и колхозов в Ульяновской области по состоянию на январь 1953 года*

Должность	Всего	Высшее	Среднее	Практики
Директоры МТС	77	30	36	11
Главные инженеры	77	41	12	24
Главные агрономы	77	52	24	1
Главные зоотехники	63	25	38	—
Главные ветврачи	76	34	2	—
Заведующие мастерскими	77	11	40	26
Механики по ремонту тракторов и комбайнов	77	6	6	65
Старшие механики по трудоемким работам	77	1	11	65
Механики по сельхозмашинам	77	—	7	70
Участковые механики	240	—	40	200

*Источник: [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 297, л. 35].

Анализ таблицы показывает, что доля укомплектованности главных и ключевых специалистов сельского хозяйства с высшим образованием в агрохозяйствах и МТС составляла меньше половины (табл. 1). При этом большинство специалистов аграрного сектора, как правило, не имели среднеспециального образования, наличествовал лишь практический опыт.

В Ульяновской области в 587 колхозах только 45 председателей колхозов имели высшее образование, 71 — среднее образование, а остальные 461 — начальное образование или же опыт практической работы. По направлению из других регионов прибыло в Ульяновскую область инженеров-механиков в 1952 году — 10 чел., в 1953 году — 19 чел. Из них было направлено на работу в МТС в 1952 году — 5 чел., а в 1953 году — 9. При этом остальные 15 человек были оставлены для работы в аппарате Областного управления сельского хозяйства и заготовок и школах механизации [ГАУО, ф. Р-3024, оп. 1, д. 18, л. 69]. На 1 сентября 1953 года в МТС области числилось 9630 механизаторов [Там же, д. 19, л. 4]. В таблице ниже представлена информация об обеспеченности колхозов и МТС механизаторскими кадрами по состоянию на март 1953 года (табл. 2)

Таблица 2

Обеспеченность механизаторскими кадрами МТС и колхозов
Ульяновской области по состоянию на март 1953 года*

Механизаторских кадров	Требовалось	Имелось	Дефицит	Обучалось
Трактористов	9884	8184	170	147
В том числе трактористов колесных тракторов	6114	5339	775	674
Механиков комбайнов	2896	2702	194	175
Бригадиров тракторных бригад	1076	1048	36	30

*Источник: [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 297, л. 35; ГАУО, ф. Р-3024, оп. 1, д. 18, л. 69].

Согласно данным таблицы, на многих МТС и в колхозах самый большой недостаток кадров имелся именно среди трактористов на колесных тракторах — 775 чел. (табл. 2). Это означало, что почти каждый 10-й гусеничный трактор в регионе регулярно простаивал из-за отсутствия тракториста. Одной из причин этого могло быть то, что производство самих колёсных тракторов было начато лишь в 1949 году, а массовое их производство наладилось в 1953 году. Соответственно, план по набору кадров на новый вид техники еще не мог выполняться в полном масштабе, так как не хватало машин для обучения, к тому же не все колхозники, имеющие навыки обращения с гусеничными тракторами, хотели переучиваться. В даль-

нейшем, по мере распространения новых тракторов, расширялись и курсы для переобучения. Подобным образом ситуация обстояла и с подготовкой механизаторов — комбайнёров прицепных и самоходных комбайнов. Однако были и положительные моменты. Например, по состоянию на 15 января 1953 года в Карсунской школе механизации сельского хозяйства план подготовки кадров был перевыполнен [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 3, д. 104, л. 38].

Неукомплектованность механизаторскими кадрами в большинстве случаев приводила к нарушению агротехнических норм проведения таких важных работ, как весенне-полевые и осенняя вспашка зяби. Например, Ерыклинская МТС Тереньгульского района в 1952 году план тракторных работ выполнила лишь на 62, 2 %, перерасходовав при этом горючего на 32,2 тонны, или 2,5 кг на га мягкой пахоты. При этом более 50 % единиц тракторного парка осенью вовсе не работали. За срыв выполнения плана и допущенный перерасход горючего директора Ерыклинской МТС И. Самодурова с работы сняли. [Там же, л. 42]. Другой пример: по результатам проверки Обкомом ВКП (б) в сентябре 1952 года жалобы, направленной механизаторами Народному комиссару Земледелия Союза ССР А. А. Андрееву, на директора Ундоровской МТС было установлено, что факты, изложенные в ней, полностью подтвердились. Директор МТС Тещин «морально разложился», грубо обращался с работниками МТС, «огульно их охаивал» и даже нередко избивал трактористов [Там же, д. 94, л. 6].

В сельскохозяйственных училищах подготовка механизаторов и сохранение контингента учащихся зависели от укомплектованности педагогического состава и организованности воспитательного процесса. Например, в Мелекесском училище механизации сельского хозяйства была очень плохо поставлена воспитательная работа. Только за 1952 год были осуждены из-за различного рода правонарушений 10 учащихся. Кроме этого, было зафиксировано 22 несчастных случая и 27 грубых нарушений дисциплины. Потеря контингента учащихся только за 1952/53 учебный год составила 36 человек, что свидетельствовало о неудовлетворительной постановке культурно-массовой работы [ГАНИ УО, ф. 794, оп. 1, д. 15, л. 56]. Однако такое явление в Ульяновской области не носило повсеместный характер: ряд МТС и школ механизации проявляли должную ответственность, порой даже перевыполняя поставленный партийными структурами план по подготовке кадров.

В области сохранялась и проблема некомпетентности руководящих органов МТС, что также приводило к низкому уровню производительности МТС. Например, в Барышском районе по просьбе райкома партии был освобожден от своей должности директор Тимошкинской МТС Т. Комлев, по вине которого МТС покинули ряд опытных работников-механизаторов,

что значительно снизило количественный и качественный состав рабочего коллектива [Там же, д. 72, л. 11].

Распространенной была ситуация, когда количество поставляемой на село техники не было в достаточной мере обеспечено человеческими ресурсами для ее эксплуатации. Так, в отчете Тагайского РК КПСС от 27.12.1952 года указывалось, что с учетом имеющихся и обучающихся трактористов в МТС района недоставало 30 трактористов на тракторы марки «С-13», то есть на 15 тракторов этой марки не имелось трактористов для 2-сменной работы [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 11, д. 421, л. 31].

Нехватка кадров на селе компенсировалась не только путем направления на учебу местных жителей. Ульяновское областное Управление сельского хозяйства регулярно получало из колхозных хозяйств просьбы о помощи в укомплектовании кадрами. Обком КПСС по возможности присылал специалистов необходимого профиля для работы в селе. Так, Старо-Кулаткинский район, по информации из доклада местного партийного комитета от 10 апреля 1953 года, был практически полностью укомплектован необходимыми специалистами: из необходимых 60 чел. работало 59 чел. [Там же, д. 379, л. 13]. В Базарно-Сызганский район в 1952 и 1953 годах было направлено всего 15 специалистов: главный агроном, участковый агрономов — 6 чел., агролесомелиоратор, 2 зоотехника, ветеринарные работники — 3 чел. Также в отчете указывалось, что 7 специалистов из 15 присланных имели высшее образование [Там же, д. 319, л. 58].

Наличие в кадровом составе колхозов и совхозов специалистов со средним специальным и высшим образованием было также основанием для ведения регулярной массово-политической работы, которая носила обязательный характер. Набор специалистов для работы в сельском хозяйстве производился путем отбора из промышленности, предприятий и учреждений города. Востребованы были такие специальности, как инженеры, техники-механики, агрономы, зоотехники, комбайнеры, трактористы, слесари, токари, электросварщики. В сопутствующей справке, как правило, указывались данные об образовании направляемого лица и его принадлежности к партии или к комсомолу [Там же, д. 419, л. 58]. На селе проводилась и работа по организации агротехнических и зоотехнических курсов — двух- и трехгодичных. Для преподавателей этих курсов организовались семинары. Районные комитеты Ульяновской области имели обязательство подбирать, утверждать штат этих преподавателей и укомплектовывать учебные группы.

Говоря о системе подготовки и переподготовки механизаторских кадров, стоит сказать, что в Ульяновской области основу данной системы составляли школы механизации и курсы при МТС района. Подготовка кадров велась

в весьма краткие сроки; например, курсы трактористов гусеничных тракторов проводились в течение двух и пяти месяцев, при этом продолжительность учебного дня составляла не более 8-ми часов [Там же, д. 408, л. 9].

Были созданы и соответствующие условия для слушателей курсов при МТС. Так, например, при МТС Инзенского района в 1955 году для слушателей курсов были подготовлены специальные помещения для занятий, для размещения учащихся предоставлены общежития, оснащенные необходимым инвентарем и постельными принадлежностями, действовали столовые с горячим питанием. Учащиеся были обеспечены необходимым количеством наглядных пособий, учебниками и письменными принадлежностями. В качестве преподавателей курсов были привлечены механики, агрономы и заместители директоров МТС по политчасти [Там же, д. 176, л. 27]. Тем не менее, несмотря на создание надлежащих условий подготовки механизаторских кадров, в начале 1950-х годов в Ульяновской области сохранялась острая нехватка последних, что подтверждали многочисленные архивные данные.

3.3. Развитие сельскохозяйственной отрасли Ульяновской области в первой половине 1950-х годов

В Ульяновской области в первой половине 1950-х годов материальное положение преобладающего количества колхозов и колхозников было крайне тяжелым. Например, Ново-Малыклинский район, как и другие районы, в 1954 году второй год подряд подвергался засухе, а райком КПСС просил отсрочить до урожая 1956 года погашение задолженности прошлых лет по обязательным поставкам, натуральной оплате за работу МТС и возврат ссуды в количестве 1676 тонн продовольствия [Там же, л. 30].

Подобное положение дел в регионе сохранялось и в 1955 году. Всего по состоянию на январь вышеуказанного года в Ульяновской области было 557 колхозов, 18 совхозов и 5 конезаводов. Об экономическом состоянии хозяйства можно судить из справки треста совхозов: среднесписочное количество тракторов — 1010 шт., количество комбайнов — 312 шт. Этим количеством техники обрабатывалось 105 207 га посевных площадей, в том числе яровые и озимые зерновые — 6097 га, технические и пропашные культуры — 2186 га, овощебахчевые — 327 га, сеянные многолетние и однолетние травы — 35409 га и естественные сенокосы — 1331 га [Там же, л. 30]. Таким образом, на один трактор приходилось больше 105 га пашни. Однако если учитывать, что практически до 30—35 % от общего количества техники находилось в постоянном ремонте, то эта нагрузка увеличивалась до 140—150 га. Такое соотношение тракторов к площади пашни означало, что колхозам было сложно соблюдать агротехнические сроки, и это негативно сказывалось на сборе урожая.

Валовые показатели растениеводства непосредственно отражались и на развитии животноводства, которое всецело зависело от количества и качества кормовых культур. Агрохозяства в Ульяновской области не выполнили плановые показатели практически ни по одному из видов животноводства, за исключением овцеводства. Так, по тресту совхозов разница между фактическими и плановыми показателями по крупному рогатому скоту (КРС) составила тысяча голов, а в свиноводстве — почти 1500 голов (рис. 1).

Рис. 1. Количество поголовья по состоянию на октябрь 1955 года по тресту совхозов в Ульяновской области*

*Источник: [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 11, д. 176, л. 30].

Во многом к срыву агрохозяствами плана по поголовью скота привел массовый падеж животных. В частности, в период с октября 1954 года по март 1955 года в регионе падеж КРС составил 5367 голов, свиней — 21 128 и овец 14 322 головы. От общего поголовья скота доля падежа составила соответственно 3,2 %, 10,1 % и 2,9 %.

Взаимосвязь и взаимовлияние между двумя аграрными отраслями — растениеводством и животноводством — представлена в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Сдача продукции государству колхозами Ульяновской области
в 1951—1954 годах*

Продукция	ед. изм.	1954 г. сдано / в % к плану	1953 г. сдано / % к плану	1952 г. сдано / % к плану	1951 г. сдано / % к плану
Зерно	ц.	140120 / 73,7	213098 / 100,9	249415 / 101,6	210882 / 88, 8
Мясо	ц.	35018 / 74,4	42457 / 94,7	37581 / 90,0	24529 / 85,7
Молоко	ц.	76525 / 76,7	74745 / 99,5	60080 / 95,0	49155 / 87,3
Шерсть	ц.	368,8 / 75,1	347 / 72,2	268 / 90	165,5 / 79,8
Яйцо	тыс. шт.	418 / 67,4	413 / 82,6	347,3 / 44,0	439,5 / 81,0

* Источник: [ГАНИ УО, ф. 8, оп. 11, д. 176, л. 34].

В зависимости от таких факторов, как погодные условия и выполнение агротехнических требований в оптимальном режиме, колебались и показатели валового сбора зерна. Например, в 1954 году план по сдаче зерна был реализован лишь на 73,7 %, а план по животноводческой продукции — в пределах 74—76 %. В 1953 году данные показатели по растениеводству составили почти 101 %, а по животноводству 97 %.

В организации производства животноводческой продукции решающую роль играли кадры, кормоприготовление, ветеринарное обеспечение и механизация технологии по уходу за животными. В сельскохозяйственных предприятиях существенная доля поголовья животных размещалась в старых помещениях, которые были построены в довоенное и послевоенное время. В таких зданиях невозможно было механизировать такие трудоемкие процессы, как навозоудаление, приготовление и раздача кормов. Поэтому уровень механизации в животноводческой отрасли Ульяновской области был весьма невысоким (табл. 4).

Таблица 4

Уровень механизации трудоемких работ на животноводческих фермах колхозов Ульяновской области по состоянию на январь 1955 года

	Было на январь 1955 г., голов скота	План поголовья скота на октябрь 1955 г.	Механизировано обслуживающие (голов)	% к наличию скота на 1955 г.
Крупный рогатый скот	112 334	157 000	17 156	15,1
Свиньи	60 210	158 000	6708	10,9
Овцы	281 495	400 000	11 161	4,0
Лошади	60 323	—	2588	4,3
Механическая дойка коров	43 308	56 000	696	1,4
Внутрифермский транспортер:	172 544	342 000	5412	3,1
В фермах КРС	112 334	157 000	2872	2,5
В фермах свиноводческих	60 210	185 000	2540	4,2

*Источник: ГАНИ УО, ф. 8, оп. 9, д. 299, л. 6.

Согласно данным представленной выше таблицы, в агрохозяйствах региона к середине 1950-х годов уровень механизации в животноводческой отрасли не превышал в обслуживании КРС — 15 %, в свиноводстве — 11 %. В то же время механическая дойка коров использовалась редко, не превышая 1,5 %.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сельскохозяйственная отрасль Ульяновской области в первой половине 1950-х годов по животноводству не смогла выполнить плановых показателей по поставкам мяса и молока, прежде всего из-за условий содержания скота в не соответствующих зоотехническим нормам помещениях, плохого кормоприготовления и, как следствие, большого падежа скота. По растениеводческой продукции из исследуемого периода, только за 1953 и 1952 годы регион смог выполнить план поставок зерна соответственно на 100,9 и 101,6 %. Основные виды работ в растениеводстве на площади, составляющей 80 % пашни, выполняли МТС.

Изучив особенности исполнения Постановления «О ходе выполнения плана подготовки механизаторских кадров машинно-тракторными и лесозащитными станциями области» в разных районах Ульяновской области, мы заметили общую закономерность: каждый район, организуя курсы для обучения механизаторских кадров, все же впоследствии сталкивался с их нехваткой. И если на некоторых МТС недостаток исчислялся лишь несколькими специалистами, то в прочих районах потребность в кадрах составляла десятки человек. Рассмотрев структуру кадрового состава тракторных бригад, мы обнаружили, что особо значимая нехватка кадров наблюдалась среди трактористов-колёсников. Причин могло быть несколько, однако основной причиной, по нашему мнению, было то, что колёсные тракторы еще только поступили в массовое производство на момент выхода постановления, в связи с чем быстрый набор необходимых кадров был просто невозможен.

В целом же, большинство районов Ульяновской области регулярно справлялись с поставленными задачами и обеспечивали обучающихся и преподавателей всем необходимым: общежитиями, столовыми, учебными классами, наглядными пособиями и техникой. Именно благодаря слаженной работе местных районных комитетов КПСС и областных хозяйственно-партийных структур удалось укомплектовать механизаторские кадры для сельского хозяйства региона.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Выполним социалистические обязательства // Ленинский путь.* — 8 февраля 1953.
2. ГАНИ УО — *Государственный архив новейшей истории Ульяновской области.* Ф. 8 (Ульяновский областной комитет КПСС). Оп. 3. Д. 94. Л. 6 ; Д. 104. Л. 38, 42 ; Оп. 9.

Д. 175. Л. 7, 9, 14; Д. 297. Л. 33, 35; Д. 299. Л. 6, 7; Оп. 11. Д. 176. Л. 27, 30, 34; Д. 319. Л. 58; Д. 379. Л. 13; Д. 399. Л. 7, 14; Д. 408. Л. 9; Д. 419. Л. 58; Д. 421. Л. 31; Ф. 794 (Парторганизация Ульяновского областного управления профтехобразования). Оп. 1. Д. 15. Л. 56; Д. 42. Л. 11.

3. ГАУО — Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р. 3024 (Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Ульяновского областного Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 18. Л. 69; Д. 19. Л. 4; Оп. 3. Д. 326. Л. 128, 131; Д. 330. Л. 7; Д. 332. Л. 34.

4. *Трудовой подъем масс* // Ульяновская область. — 28 октября 1952.

Литература

1. *Безнин М. А.* Аграрный строй России в 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Москва : Ленанд, 2014. — 608 с. — ISBN 978-5-9710-6456-5.

2. *Бикейкин Е. Н.* Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953—1991 гг. : на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Е. Н. Бикейкин. — Саранск, 2017. — 515 с.

3. *Бюффа Дж.* История Советского Союза : в 2-х томах. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941—1964 гг. — 2-е изд. — Москва : Международные отношения, 1994. — 632 с.

4. *Васильева К. К.* Первая послевоенная пятилетка 1946—1950 годов : развитие материально-технической базы сельского хозяйства Иркутской области / К. К. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 401—415. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-401-415.

5. *Верт Н.* История советского государства. 1990—1991 / Н. Верт ; пер. с франц. — 2-е изд., испр. — Москва : Прогресс-Академия, 1995. — 544 с. — ISBN 586225-789-6.

6. *Кананерова Е. Н.* Проблема коллективизации в Прибалтийских республиках в советской историографии 1940—1960 годов / Е. Н. Кананерова // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 256—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-256-00271.

7. *Коньшев Д. Н.* Аграрные реформы периода оттепели 1953—1964 гг. : к постановке вопроса / Д. Н. Коньшев // Власть. — 2020. — № 2. — С. 218—225. — DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7160.

8. *Левин М.* Советский век / М. Левин. — Москва : Европа, 2008. — 660 с. — ISBN 978-5-9739-0147-9.

9. *Макколей М.* Хрущев и его политика. Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953—1964 гг.)? / М. Макколей // Россия в XX веке : Историки мира спорят : сборник статей ; под ред. : И. Д. Ковальченко. — Москва : Наука, 1994. — С. 548—551. — ISBN 5-02-009724-1.

10. *Мамяченков В. Н.* Животноводство Среднего Урала в 1916—2015 годах / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 126—143. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-7-126-143.

11. *Мухамедов Р. А.* Аграрный сектор экономики Ульяновской области в 1966—70 гг. : растениеводство / Р. А. Мухамедов, И. В. Ильичев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 463—481. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024.

12. *Мухамедов Р. А.* Исторический опыт проведения аграрных реформ в 1950-е — 60-е годы / Р. А. Мухамедов, С. В. Степанюк // История Поволжья сквозь призму истории России. — Ульяновск : Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, 2023. — С. 181—184.

13. Нечипас Ю. В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945—1984 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ю. В. Нечипас. — Москва, 2005. — 374 с.

14. Пашкин А. Г. Симбирский — Ульяновский край в новейшей истории России. 1917—1991. Люди, события, факты / А. Г. Пашкин, Н. В. Забалухина. — Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. — 202 с. — ISBN 978-5-94655-219-6.

15. Субботин Д. А. Реализация аграрной политики советского государства в 1953—1964 гг. на территории Среднего Поволжья (на материалах Ульяновской области) : диссертация ... кандидата исторических наук : 00.00.00 / Д. А. Субботин. — Саранск, 2023. — 319 с.

16. Таубман У. Хрущев / У. Таубман. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 850 с. — ISBN 978-5-235-03188-3.

17. Томилин В. Н. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России и их взаимоотношения с колхозами в послевоенный период : 1946—1958 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Н. Томилин. — Москва, 2010. — 559 с.

18. Федоренко О. И. Тенденции и противоречия аграрной политики Советского государства в 1953—1964 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / О. И. Федоренко. — Москва, 2003. — 198 с.

19. Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917—1991 / Д. Хоскинг ; пер. с англ. — Москва : Вагриус, 1994. — 510 с. — ISBN 5-7027-0034-1.

Статья поступила в редакцию 05.12.2024,
одобрена после рецензирования 30.04.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.

Material resources

GANI UO — *The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region. F. 8 (Ulyanovsk Regional Committee of the CPSU).* (In Russ.).

GAO — *State Archive of the Ulyanovsk region. F. R. 3024 (Department of Agriculture of the Executive Committee of the Ulyanovsk Regional Council of People's Deputies).* (In Russ.).

Labor rise of the masses. (1952). *Ulyanovsk region. October 28.* (In Russ.).

Let's fulfill our socialist obligations. (1953). *Lenin's Way. February 8.* (In Russ.).

References

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2014). *The agrarian system of Russia in the 1930s—1980s.* Moscow: Lenand. 608 p. ISBN 978-5-9710-6456-5. (In Russ.).

Bikeikin, E. N. (2017). *Agrarian modernization and development of agriculture in the Middle Volga region: 1953—1991: based on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR.* Doct. Diss. Saransk. 515 p. (In Russ.).

Boffa, J. (1994). *History of the Soviet Union: in 2 volumes. Vol. 2. From the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941-1964.* 2nd ed. Moscow: International Relations. 632 p. (In Russ.).

Fedorenko, O. I. (2003). *Trends and contradictions of the agrarian policy of the Soviet state in 1953—1964.* Doct. Diss. Moscow. 198 p. (In Russ.).

Hosking, D. (1994). *The history of the Soviet Union. 1917—1991.* Moscow: Vagrius. 510 p. ISBN 5-7027-0034-1. (In Russ.).

- Kananerova, E. N. (2019). Problem of Collectivization in Baltic Republics in Soviet Historiography of 1940—1960. *Nauchnyi dialog*, 4: 256—271. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-256-271. (In Russ.).
- Konyshchev, D. N. (2020). Agrarian reforms of the thaw period 1953—1964: towards the question. *Power*, 2: 218—225. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7160. (In Russ.).
- Levin, M. (2008). *The Soviet Century*. Moscow: Europa. 660 p. ISBN 978-5-9739-0147-9. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2017). Livestock Farming of Middle Urals in 1916—2015. *Nauchnyi dialog*, 7: 126—143. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-126-143>. (In Russ.).
- McCauley, M. (1994). Khrushchev and his politics. What conclusions can be drawn from the Khrushchev era (1953—1964)? [Text]. In: *Russia in the twentieth century: Historians of the World argue: a collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 548—551. ISBN 5-02-009724-1. (In Russ.).
- Mukhamedov, R. A., Ilyichev, I. V. (2024). Agricultural Sector of Ulyanovsk Region (1966—1970): A Focus on Crop Production. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 463—481. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-8-463-481>. (In Russ.).
- Mukhamedov, R. A., Stepanyuk, S. V. (2023). Historical experience of agrarian reforms in the 1950s — 60s. In: *History of the Volga region through the prism of the history of Russia*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov. 181—184. (In Russ.).
- Nechipas, Yu. V. (2005). *The evolution of the agrarian policy of the USSR in 1945—1984*. Doct. Diss. Moscow. 374 p. (In Russ.).
- Pashkin, A. G., Zabalukhina, N. V. (2012). *Simbirsk — Ulyanovsk region in the modern history of Russia. 1917—1991. People, events, facts*. Ulyanovsk: Corporation of Promotion Technologies. 202 p. ISBN 978-5-94655-219-6. (In Russ.).
- Subbotin, D. A. (2023). *Implementation of the agrarian policy of the Soviet state in 1953—1964 on the territory of the Middle Volga region (based on the materials of the Ulyanovsk region)*. PhD Diss. Saransk. 319 p. (In Russ.).
- Taubman, U. (2005). *Khrushchev*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ. 850 p. ISBN 978-5-235-03188-3. (In Russ.).
- Tomilin, V. N. (2010). *Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia and their relationship with collective farms in the post-war period: 1946—1958*. Doct. Diss. Moscow. 559 p. (In Russ.).
- Vasilyeva, K. K. (2020). First Post-War Five-Year Period 1946—1950: Development of Material and Technical Base of Agriculture in Irkutsk Region. *Nauchnyi dialog*, 6: 401—415. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-401-415. (In Russ.).
- Vert, N. (1995). *The history of the Soviet state. 1990—1991*. Moscow: Progress Academy. 544 p. ISBN 586225-789-6. (In Russ.).

*The article was submitted 05.12.2024;
approved after reviewing 30.04.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Науменко О. Н. Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев, Б. М. Сатимов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 419—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-419-437.

Naumenko, O. N., Abdullaev, V. I., Satimov, B. M. (2025). Exile of Last Khan of Khorezm, Sayyid Abdullah Qungrat: A Reflection of Soviet Authority's Policies. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 419-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-419-437. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти

Науменко Ольга Николаевна^{1,2}

orcid.org/0000-0002-4601-987X

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории,
корреспондирующий автор
oolgann@mail.ru

Абдуллаев Уткир Исмаилович³

orcid.org/0009-0000-1156-0167

кандидат исторических наук, профессор,
кафедры истории
utkir112@mail.ru

Сатимов Баходир Манглибой угли²

orcid.org/0009-0004-5127-2898

кандидат исторических наук,
кафедры истории
bsatimov263@gmail.com

¹ Университет Мамуна
(Ургенч, Узбекистан)

² Ургенчский инновационный университет
(Ургенч, Узбекистан)

³ Ургенчский государственный
университет имени Абу Райхана Беруни
(Ургенч, Узбекистан)

Exile of Last Khan of Khorezm, Sayyid Abdullah Qungrat: A Reflection of Soviet Authority's Policies

Olga N. Naumenko^{1,2}

orcid.org / 0000-0002-4601-987X

Doctor of History, Professor,
Department of History,
corresponding author
oolgann@mail.ru

Utkir I. Abdullaev³

orcid.org/0009-0000-1156-0167

PhD in History, Professor,
Department of History
utkir112@mail.ru

Bahodir M. Satimov²

orcid.org/0009-0004-5127-2898

PhD in History,
Department of History
bsatimov263@gmail.com

¹ Mamun University
(Urgench, Uzbekistan)

² Urgench Innovation University
(Urgench, Uzbekistan)

³ Urgench State University
named after Abu Rayhan Beruni
(Urgench, Uzbekistan)

© Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Сатимов Б. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется история ссылки последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта в условиях политики советской власти по борьбе с титулованной элитой в первой половине 1920-х годов. Доказано, что в рассматриваемый период репрессии против хана и мужской части его семьи включали три этапа, проходили в нескольких регионах, предполагали разные виды наказаний, в том числе лишение свободы в концлагерях, и отразили процесс формирования советской государственной политики и правовых норм. В качестве источников привлечены документы Государственного архива Хорезмской области (Узбекистан) и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (Россия). Методология исследования основана на многолинейной модели модернизации П. Штомпка. Используются сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы исследования. Авторы приходят к выводу, что в Хорезме в начале 1920-х годов политика советской власти и действие революционного права в отношении Сайида Абдуллы Кунграта и его семьи находились под влиянием мусульманско-традиционных представлений, а применение этих норм в России зависело от комплекса факторов, включая мировоззрение и личностные качества кадрового состава служащих. Установлено, что исполнение решения о высылке Хивинского хана, принятое Хорезмской Чрезвычайной комиссией, носило хаотичный и непоследовательный характер: репрессивные меры менялись в соответствии с этапами реформирования органов госбезопасности Советской России.

Ключевые слова:

Хивинский хан; Хорезм; Туркестан; Средняя Азия; политика советской власти; концлагерь, ссылка, Сайид Абдулла.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the history of the exile of Sayyid Abdullah Qungrat, the last Khan of Khorezm, within the context of Soviet authority's policies aimed at suppressing the titled elite during the early 1920s. It is demonstrated that during this period, the repressions against the Khan and the male members of his family unfolded in three distinct phases across various regions, involving different forms of punishment, including imprisonment in concentration camps. These events reflect the evolving nature of Soviet state policy and legal norms. Primary sources include documents from the State Archive of the Khorezm Region (Uzbekistan) and the State Archive of Tyumen Region in Tobolsk (Russia). The research methodology is grounded in P. Szotompka's multilinear model of modernization and employs comparative-historical and comparative-legal methods. The authors conclude that in Khorezm during the early 1920s, the policies of Soviet authority and the application of revolutionary law concerning Sayyid Abdullah Qungrat and his family were influenced by Muslim-traditional perceptions, while the implementation of these norms in Russia was contingent upon a complex interplay of factors, including the worldview and personal characteristics of the personnel involved. It has been established that the execution of the decision to exile the Khan of Khiva, made by the Khorezm Extraordinary Commission, was characterized by chaotic and inconsistent practices, with repressive measures fluctuating in accordance with the phases of reform within the state security apparatus of Soviet Russia.

Key words:

Khan of Khiva; Khorezm; Turkestan; Central Asia; Soviet authority policies; concentration camp; exile; Sayyid Abdullah.

Ссылка последнего хана Хорезма Сайида Абдуллы Кунграта как отражение политики советской власти

© Науменко О. Н., Абдуллаев У. И., Сатимов Б. М., 2025

1. Введение = Introduction

В настоящее время актуальной стала тема взаимоотношений народов России и Узбекистана, поэтому каждая страница их общей истории должна носить объективные оценки. Ссылка последнего Хивинского хана — один из таких сюжетов, исторический анализ которого подчеркивает значение традиции и религии в культуре Хорезма и отчасти меняет взгляд на действия отдельных сотрудников органов госбезопасности Советской России, которые, вопреки идеологии того времени, помогали высланному хану и его семье, в том числе с вопросом о возвращении на родину.

В начале февраля 1920 года под натиском революционных сил Сайид Абдулла-хан отрекся от престола и через несколько месяцев с мужской частью своей семьи был выдворен из Хорезма. На территории его бывших владений в качестве преемницы Хивинского ханства была учреждена Хорезмская Народная Советская Республика. Хан находился в украинской ссылке до смерти в 1933 году, но в тот период исследование трагических страниц его жизни было опасным и практически невозможным. В начале 1980-х годов украинский писатель Г. Д. Гусейнов познакомился с племянником хана Абдурасулом Мадияровым и записал его воспоминания. Тогда же был опубликован очерк «Как хан в шахте работал», позднее — роман «Ветер с Востока», презентованный в Ташкенте в 1921 году [В Узбекистане ..., 2021; Гусейнов, 2021]. Привлечение дополнительных источников из Государственных архивов России и Хорезмской области в сочетании с полевыми материалами, собранными авторским коллективом в Хиве, позволяет проанализировать этот исторический сюжет более полно.

Научная новизна статьи заключается: 1) в исследовании советской политики по борьбе с титулованной элитой на примере ссылки Хивинского хана; 2) в анализе неизвестных ранее источников о ссылке Сайида Абдуллы-хана и его семьи в Сибирь.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования: рассмотреть историю ссылки последнего Хивинского хана Сайида Абдуллы Кунграта с точки зрения политики советской власти и законодательства первой половины 1920-х годов.

Поставленные задачи пока не решались в историографии; по теме исследования нет ни одной научной публикации, хотя история Хивинской революции достаточно хорошо изучена и представлена многочисленными трудами советского и постсоветского периодов в виде статей, монографий и сборников [Гордиенко, 1959; Мухамедбердыев, 1986; Непесов, 1962; Погорельский, 1984; Хамдамов, 1960; Becker, 1968; Naugen, 2003; Khalid, 2015 и др.]. Основная часть историографии относится к советскому периоду и отражает идеологию того времени, обосновывая необходимость социалистических преобразований и справедливость свержения ханской власти. Фундаментальным исследованием того времени стала монография В. И. Погорельского [Погорельский, 1973], где раздел о низложении хана и его ссылке основан на документах из Центрального партийного архива в Ташкенте. В 1984 году эта монография переиздана в дополненном варианте, а вскоре под авторством К. Б. Мухамедбердыева вышел еще один фундаментальный труд по «истории Хорезмской революции» на русском и узбекском языках [Мухамедбердыев, 1986]. Почти во всех публикациях приводится один и тот же факт об отречении хана от престола с последующей высылкой за пределы Хорезма, но дальше этого упоминания никто из исследователей не пошел.

Намного шире представлена тематика ссылки и высылки в Советской России в 1920-е годы и ее связь с дореволюционным законодательством. В целом историческая преемственность в российском праве — одна из популярных тем в современной юридической науке [Новицкая, 2017; Коняхин, 2020 и др.]. А. А. Дорская и А. Ю. Дорский пришли к выводу, что реставрация института сибирской ссылки первоначально не входила в правовые приоритеты Советской власти, и введение этих норм происходило поэтапно [Дорская и др., 2022]. Однако авторы не упоминают, что фактически сибирская ссылка существовала уже с 1920 года. Диссертация В. И. Пинкина посвящена именно этому вопросу и представляет собой фундаментальное историко-правовое исследование, где рассмотрена теория и практика применения этого вида наказания в 1920-е годы [Пинкин, 2002]. Большой пласт исследований связан с процессом формирования советской репрессивной системы в начале 1920-х годов [Смыкалин, 1997; Рыбаков, 2017; Биюшкина, 2021 и др.], но пока никто не сравнивал ее действие на примере одних тех же лиц, прошедших через репрессивные системы советских республик, разных в конфессионально-этническом отношении.

Источники исследования включают четыре группы:

Материалы Государственного архива Хорезмской области [ГАХО] и Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске [БГУТО ГАТО в г. Тобольске]. В столице Хорезма (г. Ургенч) хранятся документы Областного отделения Компартии Узбекистана и Областного комитета народного образования, в которых содержится информация о механизмах, примененных для пропаганды «антиханской» идеологии, и которые характеризуют степень готовности хорезмского общества ее принять. Тексты отличаются языковой пестротой: русский язык, староузбекский в арабской графике, арабский язык, узбекский на кириллице, каракалпакский на латинице, что свидетельствует о сложности реализации задачи политической пропаганды. Документы, хранящиеся в Тобольском архиве, позволили сопоставить практику применения административной ссылки в Сибирь в первые годы советской власти с опытом Российской империи: сроки и условия отбывания наказания, возможность досрочного возврата на родину и проч.

Полевые материалы авторов [ПМА] выявили сюжет о сибирской ссылке хана, известный в Хиве, так как изгнанники имели возможность иногда поддерживать связь с родственниками, оставшимися в Хорезме. Полученная информация позволила заполнить пробел в истории ссылки Хивинского хана, а также сопоставить имеющиеся факты с процессом реализации репрессивной политики государства. Это, в свою очередь, помогло выявить этапы ссылки хана, составив ее общую картину.

Документально-художественное произведение Г. Гусейнова «Ветер с Востока» [Гусейнов, 2021] и выдержки из него в сети Интернет [Ханы ...; и др.] и телевизионных передачах Узбекистана, с перепроверкой информации и критической оценкой.

Нормативные документы первой половины 1920-х годов, характеризующие процесс формирования политики советского государства в отношении титулованной знати: Постановление «О революционных трибуналах» 1920 года [Постановление...], Уголовный Кодекс РСФСР 1922 года [Уголовный...] и Декрет «Об административной высылке» 1922 года [Декрет...]. Их сопоставление с сюжетами из истории ссылки Хивинского хана позволило проследить этапы и результат реализации государственной политики на конкретном примере.

В основу методологии положена теория многолинейной модернизации [Штомпка, 1995], которая объясняет появление национальных форм государственного устройства под воздействием не только объективных социально-экономических факторов, но в силу волевого вмешательства в процесс трансформации. Ссылка Хивинского хана и ломка традиционных представлений о предназначении его власти являлись звеньями этого

процесса. В рамках модели модернизации реакции и поведение людей могут быть многовариантными, что выражалось в «человеческом факторе», влиявшем на судьбу хивинских изгнанников.

Среди методов исследования использованы сравнительно-исторический и сравнительно-правовой. Первый метод позволил выявить отличия в реализации советской политики в первые годы советской власти на территории разных в религиозном и культурном отношении регионов, а второй — проанализировать преемственность между имперским и советским законодательством в рассматриваемый период.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Хивинская революция и судьба хана

Сайид Абдулла-хан вступил на престол Хорезма в период революционных событий, находился там всего два года (1918—1920 годы) и под натиском революционных сил отрекся от власти 2 февраля 1920 года. В июле в Хиве с участием служителей культа начались открытые акции с призывом восстановления ханской власти. У 49-летнего Сайида Абдуллы Кунграта появился шанс вернуться на престол, однако местные революционные силы этого не допустили, и хан с ближайшими родственниками по мужской линии был арестован и выслан из Хорезма [Погорельский, 1973].

Бывшему хану и его семье сохранили жизнь, хотя в традициях Востока свержение правителя означало его казнь, а нередко — смерть всего рода по прямой мужской линии, поэтому ситуация с Сайидом Абдуллой оказалась уникальной. Однако в истории Хивинского ханства правителя впервые свергли революционеры, а не другой претендент на престол, причем в условиях, когда святость ханской власти еще сохранялась в определенных кругах местного общества. Религиозный аспект присутствовал и в политических представлениях революционных сил, в частности местных джадидов, которые первоначально стремились к модернизации хивинского социума с мусульманских позиций и не планировали свержение ханской власти [Жалменова, 2019, с. 63].

В политической сводке по Хорезму в июне 1920 года значилось: «Революция мало затронула массы и почти не коснулась провинции» [Погорельский, 1973]. Это означало, что во время свержения хана жизнь большинства населения протекала в рамках привычных религиозных установок. Несмотря на революционные события, в начале 1920-х годов ислам оставался важнейшим духовным столпом Хорезма, а он сам — одним из центров мусульманской цивилизации. В такой ментальности всегда существовала «дилемма власти», связанная с традицией и принадлежностью к роду [Будкин, 2006], а трон был основой, на которую власть давалась

Аллахом. В частности, Накиб, глава мусульманского духовенства в Хорезме, избирался не просто из сайидов — потомков сподвижников Пророка Мухаммеда [Алимова и др., с. 62], а из рода внука Пророка — Мухаммада-Хусейна ибн Али. Это обеспечивало огромный авторитет религиозной власти. Отметим, что с начала XIX века все правители на Хивинском троне также относились к сайидам.

Этот фактор, важный для верующего населения, какое-то время был защитой свергнутого хана и его семьи. В июле 1920 года революционеры расстреляли 5 человек из окружения Сайида Абдуллы-хана во время попытки вернуть ему престол [Погорельский, 1973], однако никто из его семьи не пострадал, хотя возникла возможность (и повод) избавиться от всех сразу. В 1920—1924 годах показательным было отношение советской власти Хорезма к семье свергнутого хана: отречение от трона не означало изгнание его родственников из дворца. Хотя вся собственность правителя была формально национализирована, но новая власть не сразу лишила его семью привычного жилья, обстановки, интерьеров и прислуги. Во дворце Таш-Хаули родственники Сайида Абдуллы жили еще четыре года после его высылки из Хорезма [Собрание..., 2022, с. 51].

В 1924 году закончилась Хивинская революция, прошло национально-территориальное размежевание и была учреждена Узбекская ССР; начало работать Хорезмское отделение Компартии Узбекистана, которое стремилось форсировать социальные и политические изменения [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—102]. Преимущества новой власти для беднейших слоев населения еще не были заметны: хотя конфискованные земли хана и его приближенных перешли в пользование дехканства (крестьянства), но это не решило земельную проблему [Погорельский, 1973]. В 1924 году уже работало 15 светских (трудовых) школ, открылись 4 интерната и даже 1 детский сад, а из столицы СССР приходили деньги на финансирование социальных преобразований [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—100 об.], но этого было явно недостаточно для коренного изменения жизни бедноты. Вместе с тем в Хорезме уже проводились выборы в новые органы власти, активисты контролировали ход текущих реформ, некоторые женщины начали снимать паранджу, а в местном медресе и в мусульманских школах вводился комплекс дисциплин светского характера, включая изучение Советской Конституции [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, л. 101].

Таким образом, в 1924 году Хорезм находился на переломе. Именно тогда родственники Хивинского хана были выселены из дворца под предлогом продажи имущества, которое они считали своим. Обратим внимание на следующий факт: хан формально (документально) лишился богатств и всей недвижимости еще в 1920 году, однако в 1924 году акт о национа-

лизации пришлось продублировать, приняв отдельное решение о дворцовом комплексе Таш-Хаули [Собрание..., 2022, с. 51]. Соответственно, до 1924 года дворец и его содержимое воспринимались всеми, включая хивинских революционеров, как владение семьи хана.

С окончанием Хивинской революции эти представления начали меняться. В хорезмском обществе через систему образования и пропаганды распространялись установки «ханский гнет» и «ханский деспотизм» [ГАХО, ф. 194, оп. 1, д. 83, лл. 100—101]; шел процесс атеизации общества. Результат идеологического воздействия отражен в «Письме счастливого узбекского народа вождю народов Великому Иосифу Виссарионовичу Сталину» в 1939 году, где есть выражение «Хивинский хан-бандит» [Письмо ..., 1939, с. 10]. Процесс изменений сопровождался не только внедрением в общественное сознание «антиханской» идеологии, но и созданием новой правовой системы.

3.2. Путь последнего хана Хорезма в ссылку

В начале 1920-х годов советская политика по борьбе с титулованной элитой формировалась на основе принципов «революционной целесообразности» и «революционной законности» [Сушко, 2018], поэтому изгнание Хивинского хана с семьей вполне вписывалось в действовавшие политические и правовые представления. В период между отречением хана от престола и его изгнанием на высшем уровне СССР шла разработка нормативной базы для таких «социально опасных элементов». В марте 1920 года вышло Постановление «О революционных трибуналах», в апреле 1920 года — Приказ ВЧК, где были перечислены «опасные» социальные группы, в число которых включена и титулованная знать. В июле 1920 года эти нормы были применены к Хивинскому хану и части его семьи, отразив не только идеологическую окраску законодательства, но и его несовершенство. Один из пробелов — это размытость представлений о ссылке и высылке [Пинкин, 2002, с. 46]. С юридической точки зрения изгнание Хивинского хана из Хорезма являлось высылкой, но на практике в 1920—1922 годы хивинцы были подвергнуты ссылке и лишению свободы, пройдя через несколько концлагерей.

Процесс Хорезмской чрезвычайной комиссии (ЧК) над ханом начался после 11 июля 1920 года, когда местные служители культа организовали акцию за восстановление престола. Чекисты обычно не затягивали разбирательство дел, поэтому прибытие Сайида Абдуллы Кунграта с семьей в Россию можно отнести к концу лета — ранней осени 1920 года. Из Хивы до Ташкента они были отправлены с использованием водного пути, а из Ташкента — по железной дороге: в тот период действовали ветки «Ташкент — Оренбург» и «Оренбург — Самара» [Горюнов, 2009, с. 38].

В России ссыльные находились около полутора лет, до февраля 1922 года. Путь хана с семьей восстанавливался по нескольким источникам. Воспоминания его племянника, уже престарелого Абдурасула Мадиярова, записанные через 60 лет после произошедших событий, касаются эпизодов, проведенных в заключении, под охраной: высланные 2 дня находились в Ташкенте, 3 недели — под стражей в Самаре, 2 недели в Ордынском лагере в Москве (хотя он считался женским), после этого — 10 месяцев в Андрайковском лагере (вероятно, имеется ввиду Андроньевский концентрационный трудовой лагерь) и 2 месяца в Ивановском концлагере [Ханы...]. Подсчет показывает, что общий срок заключения составил около 13 месяцев, и в этом случае, за вычетом пути, выпадает около 3—4 месяцев истории ссылки. Полевые материалы авторов показали, что перед отправкой в концлагерь хан с семьей «недостающее» время провел в сибирской ссылке [ПМА, 2024].

3.3. Периодизация ссылки Хивинского хана и этапы формирования политики советского государства в борьбе с титулованной знатью

В 1920 году советское законодательство только формировалось, и большевики применяли некоторые нормы дореволюционного права; в результате был восстановлен институт сибирской ссылки. Согласно исследованию В. И. Пинкина, в Сибирь ссыльные начали поступать именно в 1920 году [Пинкин, с. 89], — как раз в это время из Ташкента в Россию были отправлены хивинцы. Их нахождение в Сибири вписывалось не только в советскую, но и в дореволюционную практику ссылки, и совпадение проявилось по нескольким признакам.

Прежде всего, это внесудебный характер репрессии. Решение о ссылке Хивинского хана исходило от Хорезмской чрезвычайной комиссии, а в 1920 году ссыльные попадали в Сибирь именно по решению Чрезвычайных или Специальных комиссий [Пинкин, с. 88]. В царской России административная ссылка в Сибирь также носила внесудебный характер и назначалась исполнительными органами. Они отправляли «неблагонадежных лиц» в Тобольск, откуда ссыльные распределялись по всей Сибири. Например, в 1906 году Варшавским генерал-губернатором был сослан «в отдаленные уезды Тобольской губернии» В. Я. Суходольский, а конкретное место в виде «отдаленного» Березовского уезда определил лично Тобольский губернатор [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 47]. Никто из сосланных не мог миновать Тобольскую губернию, которая являлась «воротами» в сибирскую ссылку.

В 1920 году эту роль исполняла Тюмень, а губерния была переименована в Тюменскую. Партии ссыльных формировались в Самарской пересыльной тюрьме и отправлялись до Тюмени на поезде: хивинцы как раз

провели в Самаре «под стражей» три недели — это обычный срок для формирования партии. «Под стражей» может означать не тюрьму, а размещение в отдельном доме, как это было сделано в отношении Романовых в Тобольске и Екатеринбурге. В Сибири в полномочия Тюменской Губчека входила высылка и пересылка «социально-опасных лиц» [Фирсов, 2015].

Таким образом, внесудебный механизм сибирской ссылки был схож с дореволюционным, но отличался видом исполнительных органов. Летом 1920 года ситуацию осложнил кризис в кадровом составе Тюменской Губчека: в июне прошла ее полная реорганизация, в результате чего из-за отсутствия должного рвения к работе арестовали или уволили почти половину сотрудников. Для исправления недостатков был назначен новый начальник П. И. Студитов: имея орудие политической репрессии, он проявлял беспощадность даже по отношению к своему штату [Фирсов, 2015]. В полномочия ЧК, кроме других функций, входило пополнение концлагерей: например, в 1921 году более 44 % заключенных были направлены туда именно чекистами [Пинкин, с. 89]. Все это сопровождалось политическими акциями «Мир хижинам — война дворцам», и в разгар описанных событий в Сибирь прибыл Хивинский хан с семьей — коронованные особы и классовые враги. Сочетание этих обстоятельств объясняет, почему изгнанники больше года провели в концлагерях.

6 февраля 1922 года органы Губчека были ликвидированы с учреждением Государственного политического управления (ГПУ), а 12 февраля хивинцев освободили, и они отправились на Украину [Ханы...]. Таким образом, ГПУ исправило «ошибку» ЧК, допущенную в отношении бывшего Хивинского хана и его семьи. Право выбора (Украина) им предоставил сотрудник ГПУ, посоветовав ехать именно туда. Климат там сравним с Узбекистаном, а вскоре на Украину для выращивания хлопка началось переселение других уроженцев Средней Азии [Как ссыльные...], и у бывшего хана появился шанс общаться с соотечественниками. В целом с ликвидацией органов ЧК в рассмотренной истории впервые проявился признак «высылки», при которой репрессированный сам определяет место жительства в рамках регионов, разрешенных законом.

Срок наказания для Хивинского хана был изначально сформулирован неопределенно: «от 3 до 5 лет». Летом 1922 года вступили в действие Уголовный Кодекс РСФСР, а также Декрет «Об административной высылке», снизившие максимальный срок с 5 до 3 лет. У изгнанников появился шанс вскоре вернуться на родину, так как 3 года высылки истекли, тем более в России уже существовала обратная сила закона. Между тем принятые нормативные акты не отразились на судьбе Сайида Абдуллы-хана и других высланных хивинцев.

Назначение неопределенных сроков также напоминает дореволюционную практику: в одном из личных дел ссыльных, находившихся в Тобольской губернии в 1905—1910 годах, содержится формулировка: «...на время военного положения в Присвиленском крае» [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 47, лл. 7—8], а в остальных делах (там встречались и дворянские звания) фигурируют именно 3—5 лет ссылки, преимущественно в арктическую зону [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. И-171, оп. 1, д. 31, 32, 35, 36, 59, 80 и др.].

В дореволюционный период для усмирения непокорных представителей титулованной знати, особенно проживающих в южных регионах империи, государственная власть широко использовала природно-климатические особенности Сибири: холод, полярные ночи, недостаток солнца, наличие множества кровососущих насекомых и проч. В начале XIX века эта судьба постигла «Астраханского хана Ахмета» и трех его приближенных в лице «Шафара, Давтара и Магомет бека» (так обозначено в архивном документе, оформленном в Тобольске, где чиновники фиксировали принадлежность к элите согласно сопроводительным документам, не вникая в тонкости титулов и должностей) [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 528, л. 25]. По Западной Сибири, в том числе по Северу, были распределены и «33 грузинских царевича» — участники Кахетинского восстания [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 671, л. 5—7]. В конце XIX — начале XX веков эту же практику применили к участникам Андижанского восстания 1898 года [Науменко и др., 2024, с. 450]. Сосланные на каторгу бессрочно или на длительные сроки, выжившие андижанцы смогли покинуть Сибирь еще при царском правительстве [Авазов, 2014]. Подчеркнем, что обычные преступники уже никогда не возвращались домой: уголовная ссылка была бессрочной, а каторга заканчивалась переводом на «вечное» поселение в Сибирь.

В июле 1925 года Сайид Абдулла-хан обратился в органы управления Украинской ССР за разрешением вернуться в Хиву. Он имел два основания: во-первых, в Хорезме бедствует выселенная из дворца его семья, а дети попрошайничают; во-вторых, в июле 1925 года закончился срок ссылки в 5 лет, а значит, формально изгнанники имели право вернуться на родину. На Украине представитель органов госбезопасности приложил к прошению хана записку: «...если не будет препятствий, то принять все меры по делу удовлетворения их просьбы» [Гусейнов, 2021; Ханы...]. Такое ходатайство в очередной раз отразило «человеческий фактор»: далеко не все сотрудники ГПУ были ориентированы на репрессивную политику в отношении «социально-опасных элементов». Кроме этого, для работы в советских органах управления в тот период было сложно набрать компе-

тентных сотрудников, и приходилось принимать служащих досюветского периода. В Тюменской губернии, например, в начале 1920-х годов они составляли 26 % состава, а среди членов военно-революционного комитета был даже дворянин [Хажеева и др., 2012, с. 42, 43]. Такие служащие помнили практику решения вопросов при царском правительстве.

В качестве примера можно привести историю за 1906 год, когда в Иркутскую губернию на 3 года был сослан житель Тобольска Шакир Абдул-Бакиев Шарыпов, но в назначенное место он так и не попал. Находясь в пути, Шакир отправил Тобольскому губернатору прошение о разрешении вернуться домой на месяц, так как «жена бедствует», а вернувшись, написал второе прошение, чтобы отбывать ссылку по месту жительства прямо в Тобольске. Обе просьбы были удовлетворены [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 59]. Административно-ссылных нередко возвращали и в другие регионы империи, поэтому прошения были нормой. Конечно, не по каждой просьбе выносилось положительное решение. Характерен пример, когда Тобольский губернатор отказал ссыльному в досрочном возвращении из Сибири, так как проситель не обосновал причину, но разрешил ему покупку оружия для «прокорма»: «Препятствий приобрести охотничьи ружья не встречается, разрешить» [БГУТО ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 31, лл. 13—14].

Для вынесения окончательного решения о возвращении Сайида Абдуллы-хана с семьей на родину материалы, с приложением пакета документов и ходатайства, с Украины были отправлены в Москву, и в итоге хан получил отказ из-за опасения, что в Хорезме с его приездом могут начаться народные волнения [Ханы...]. Действительно, в Хивинском районе в 1924—1925 годах наблюдался размах басмачества [ГАХО, ф. 194. оп. 1, д. 83, л. 2], и бывший правитель по-прежнему оставался «социально опасным элементом». Однако менее чем через 10 лет, уже после смерти хана и победы над басмачеством, изгнанным хивинцам разрешили вернуться с Украины в Узбекистан, при этом никто из них не был репрессирован в эпоху «Большого террора».

В целом нахождение Сайида Абдуллы-хана с семьей на Украине в 1920-е годы, несмотря на все сложности и беды, оказалось не самым страшным вариантом, возможным в тех революционно-политических условиях. В качестве альтернативы к ним могла быть применена административная ссылка на Обский Север, в арктический Обдорск (современный Салехард). Данная мера все чаще избиралась и была ориентирована на уничтожение поступавших туда лиц. В Обдорской ссылке находились представители известных фамилий: Витте, Тройницкий, князь Ширинский-Шихматов и др. [Бортникова, 1997]. Если на Украине хивинцы имели возможность рабо-

тать, то на Обском Севере с 1926 года ссылкой это запретили, всех уволили, а пособие не выплачивали. Нарушение запрета влекло увеличение срока наказания [Науменко и др., 2023, с. 445]. Система ждала открытия лагерей ГУЛАГа, и судьбы многих, в том числе — представителей титулованной знати, попавших в 1920-е годы на Обский Север, остались неизвестными.

4. Заключение = Conclusions

История ссылки Хивинского хана в первой половине 1920-х годов включает три этапа, которые отразили особенности формирования революционного законодательства и политики советской власти в разной культурной среде.

Первый этап связан с нахождением свергнутого Хивинского хана на территории Хорезма. Традиционность местного мусульманского общества, для которого ханский престол рассматривался как важный элемент в системе сложившихся мировоззренческих представлений, некоторое время создавала защиту его жизни и — частично — даже собственности. Однако, как только хан покинул территорию Хорезма, эта защита исчезла. Представители советской власти в Ташкенте поспешили избавиться от хана и его семьи, переложив ответственность за их судьбу на российские органы госбезопасности.

Второй этап связан с нахождением бывшего Хивинского хана на территории России в 1920 — начале 1922 гг. Репрессивные меры против него принимались в условиях, когда политика советской власти в борьбе с представителями титулованной знати получала законодательную основу: шел процесс обсуждения принципов советского права, начиналась его кодификация, но еще существовало множество правовых пробелов. Этот период в истории ссылки отразил прежде всего идеологические ориентиры того времени, в результате чего хивинские изгнанники вместо высылки оказались сначала в сибирской ссылке, а потом стали узниками сети концлагерей. Освобождение хана и его семьи из концлагеря произошло на несколько месяцев раньше, чем вступила в действие нормативная база в виде Декрета «Об административной высылке» и Уголовного Кодекса РСФСР 1922 года. Это свидетельствует о том, что служащие советских репрессивных органов пытались соблюдать принципы законности и приводить исполнение судебных приговоров и решений внесудебных органов в соответствие с их содержанием. Подтверждением этому служит предоставление бывшему хану выбора места жительства согласно «высылке» в рамках закона.

Третий этап связан с нахождением Сайида Абдуллы-хана с семьей на Украине с весны 1922 года. Условия проживания там соответствовали ста-

тусу высланных и попытке их «пролетаризации», учитывая рабочие должности в виде сторожа и конюха, нищету и лишения. Поддержка сотрудником госбезопасности прошения хана о возврате в Хиву свидетельствует, что в кадровом составе были служащие, которые считали важным соблюдение принципов справедливости. Однако ответственность за вынесение решения все же была возложена на вышестоящие инстанции, хотя это не являлось обязательной стадией рассмотрения просьбы. В этой истории прослеживается переходный характер советской репрессивной системы, так как с наступлением «Большого террора» поддержка «социально-опасных элементов» стала опасной и для самих сотрудников.

Изгнанникам разрешили вернуться в Узбекистан в 1933—1934 годах, когда шел процесс создания НКВД вместо ОГПУ. Таким образом, участь репрессированных хивинцев не осложнялась, а, наоборот, облегчалась на каждом этапе крупного реформирования органов госбезопасности (ВЧК — ОГПУ — НКВД). В целом история ссылки Хивинского хана отразила не просто этапы формирования политики советского государства в борьбе с титулованной знатью, но также сложность, разнонаправленность и неоднозначность этого процесса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. БГУТО ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области* в г. Тобольске.
2. В *Узбекистане* вышла книга украинского писателя азербайджанского происхождения про судьбу Хивинской династии. Новостной канал [Электронный ресурс]. — 18 октября. — 2021. — Режим доступа : <https://www.trend.az/life/culture/3499936.html> (дата обращения 29.01.2025).
3. ГАХО — *Государственный архив Хорезмской области*.
4. Гусейнов Г. Д. Ветер с Востока / Г. Д. Гусейнов. — Ташкент : O'ZBEKISTON. 2021. — 384 с.
5. Декрет ВЦИК «Об административной высылке». 10 августа 1922 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78134#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 26.01.2025).
6. Как ссыльные уроженцы Средней Азии на Украине хлопок выращивали. IslamNews : Информационное агентство России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://islamnews.ru/2023/6/21/kak-ssylnye-urozhentsy-sredney-azii-na-ukraine-khlopok-vyrashchivali> (дата обращения 29.01.2025).
7. Письмо счастливого узбекского народа вождю народов Великому Иосифу Виссарионовичу Сталину : к открытию XVIII съезда ВКП(б). — Ташкент : Узгиз, 1939. — 32 с.

8. ПИМА — *Полевые материалы автора*, 2024. Информатор — Садуллаев Санжар 2000 г.р., гид-экскурсовод государственного Музея-Заповедника ЮНЕСКО «Ичан-Кала» в Хиве.

9. *Положение «О революционных трибуналах»* от 18 марта 1920 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://diletant.media/articles/39639377/> (дата обращения 26.01.2025).

10. *Собрание государственного Музея-Заповедника «Ичан-Кала»*. — Toshkent : SILK ROAD MEDIA, 2022. — 416 с.

11. *Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения 26.01.2025).

12. *Ханы на Криворожье* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://royalhouseofsiberia.org/хивинские/> (дата обращения 26.01.2025).

Литература

1. *Алимова Ю.* Государственные должности в Хивинском ханстве (на основе произведений русских авторов XVIII — XIX вв.) / Ю. Алимова, М. Сардарова // *Цифровая наука*. — 2021. — № 4-2. — С. 59—63.

2. *Бортникова О. Н.* Политические ссыльные на Обском Севере / О. Н. Бортникова // *Музей : вчера. Сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея*. — Салехард : [б. и.], 1997. — С. 13—15.

3. *Будкин В.* Государства Центральной Азии : дилеммы власти / В. Будкин // *Центральная Азия и Кавказ*. — 2006. — № 5 (47). — С. 115—130.

4. *Биюшкина Н. И.* Уголовное законодательство Советских Социалистических республик в 1920-х гг. : сравнительно-правовой анализ / Н. И. Биюшкина // *Вестник Нижегородского университета*. — 2021. — № 6. — С. 70—81. — DOI 10.52452/19931778_2021_6_70.

5. *Гордиенко А. А.* Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре / А. А. Гордиенко. — Ташкент : Издательство САГУ, 1959. — 197 с.

6. *Горюнов А. Ю.* Транспортные потоки на Ташкентской и Самаро-Златоустовской железных дорогах в начале XX века / А. Ю. Горюнов // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2009. — № 16 (154). — Выпуск 32. — С. 38—43.

7. *Дорская А. А.* Проблема разрывов и преемственности в развитии российского права (на примере ссылки на поселение в Сибирь) / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // *Вестник МГПУ*. — 2022. — № 4 (48). — С. 22—31. — DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02.

8. *Жалменова О. П.* Религия и политика в деятельности хивинских джадидов — младохивинцев : (историографический ракурс) / О. П. Жалменова // *Гуманитарные исследования Центральной России*. — 2019. — № 1 (10). — 2019. — С. 62—70.

9. *Коняхин В. П.* Эволюция института действия Уголовного закона в пространстве : дореволюционный, советский и постсоветский периоды / В. В. Коняхин, А. К. Князькина // *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. — 2020. — № 1. — С. 30—35.

10. *Мухамедбердыев К. Б.* История Хорезмской революции / К. Б. Мухамедбердыев. — Ташкент : Фан, 1986. — 231 с.

11. *Науменко О. Н.* Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной

Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.

12. Науменко О. Н. Адаптация шариата к российскому уголовному праву у населения Западного Туркестана и сибирских бухарцев в конце XVIII — начале XX веков / О. Н. Науменко, У. И. Абдуллаев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 437—455. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455.

13. Непесов Г. Из истории Хорезмской революции 1920—1924 гг. / Г. Непесов. — Ташкент : Госиздат УзССР, 1962. — 364 с.

14. Новицкая Т. Е. Преемственность в регулировании гражданско-правовых отношений в российском дореволюционном и советском законодательстве / Т. Е. Новицкая // Труды института государства и права Российской академии наук. — 2017. — Т. 12. — № 5. — С. 37—62.

15. Пинкин В. И. Ссылка и высылка в Сибирь в 1920-е годы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. И. Пинкин. — Новосибирск, 2002. — 274 с.

16. Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.) / И. В. Погорельский. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. — 228 с.

17. Рыбаков В. А. Революционная законность : теоретический аспект / В. А. Рыбаков // Право и государство : теория и практика. — 2017. — № 12 (156). — С. 58—52.

18. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России / А. С. Смыкалин. — Екатеринбург : УрГЮА, 1997. — 364 с.

19. Сушко А. В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности» : эволюция взаимоотношений органов ГПУ — ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) / А. В. Сушко // Новейшая история России. — 2018. — Т. 8. — № 1. — С. 70—81. — DOI:10.21638/11701/spbu24.2018.105.

20. Фирсов И. Ф. Организационная и кадровая структура Тюменской ЧК / И. Ф. Фирсов // Академический вестник. — 2015. — № 1 (31). — С. 61—70.

21. Хажеева И. В. Советские управленцы Тюменской (Тобольской) губернии в 1919 — начале 1920-х годов / И. В. Хажеева, Н. В. Кудрявцев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 25 (279). — С. 42—49.

22. Штомпка П. Социология социальных изменений [Пер. с англ.] / П. Штомпка. — Москва : Аспект-пресс, 1996. — 414 с.

23. Авазов Э. А. Анжиян көтөрүлүшүнүн Кетмен-Төбө очогу: Токтогул жана Шадыбекчилер / Э. А. Авазов // Тоо булбулу Токтогул. Илимий макалалар топтому Тарых жана мурас түрмөгү. — Бишкек : [б. и.], 2014. — С. 51—56.

24. Ҳамдамов Х. Хива хонлигининг ағдарилиши ва Хоразм Совет Халқ Республикасининг тузилиши / Х. Ҳамдамов. — Тошкент : Ўздавнашр, 1960. — 192 б.

25. Becker S. Russia's Protectoras in Central Asia : Bukhara and Khiva (1865—1924) / S. Becker. — Cambridge : [b. i.], 1968. — 416 p.

26. Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia / A. Haugen. — London : PALGRAVE MACMILLAN, 2003. — 276 p.

27. Khalid A. Making Uzbekistan : nation, empire, and revolution in the early USSR / A. Khalid. — New York : Cornell University Press, 2015. — 402 p.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025,
одобрена после рецензирования 02.05.2025,
подготовлена к публикации 21.06.2025.

Material resources

- BGUTO GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk*. (In Russ.). *Collection of the Ichan-Kala State Museum-Reserve*. (2022). Tashkent: SILK ROAD MEDIA. 416 p. (In Russ.).
- Criminal Code of the RSFSR of 1922*. Available at https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- Decree of the Central Executive Committee "On administrative expulsion". August 10, 1922*. Available at: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78134#mode/inspect/page/1/zoom/4> (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- GAKhO — *The State Archive of the Khorezm region*. (In Russ.).
- How the exiled natives of Central Asia grew cotton in Ukraine*. *IslamNews: Russian News Agency*. Available at: <https://islamnews.ru/2023/6/21/kak-ssylnye-urozhentsy-sredney-azii-na-ukraine-khlpopok-vyrashchivali> (accessed 29.01.2025). (In Russ.).
- Huseynov, G. D. (2021). *The wind from the East*. Tashkent: O'ZBEKISTON. 384 p. (In Russ.).
- Khans on Krivoy Rog*. Available at <https://royalhouseofsiberia.org/хивинские/> (accessed 26.01.2025).
- Letter of the happy Uzbek people to the leader of the peoples, the Great Joseph Vissarionovich Stalin: for the opening of the XVIII Congress of the CPSU(b)*. (1939). Tashkent: Uzgiz. 32 p. (In Russ.).
- PMA — *Field materials of the author, 2024. The informant is Sadullaev Sanzhar, born in 2000, a tour guide at the UNESCO Ichan-Kala State Museum-Reserve in Khiva*. (In Russ.).
- The Regulation "On Revolutionary Tribunals" dated March 18, 1920*. Available at <https://diletant.media/articles/39639377/> (accessed 26.01.2025). (In Russ.).
- Uzbekistan has published a book by a Ukrainian writer of Azerbaijani origin about the fate of the Khiva dynasty*. *News channel*. (2021). Available at: <https://www.trend.az/life/culture/3499936.html> (accessed 29.01.2025). (In Russ.).

References

- Adam, H. (1960). *Khiva honligining agdarilishi va Khorazm Soviet Khalq Republikasining tuzilishi*. Toshkent: Uzdavnashr. 192 b. (In Uzbek.).
- Alimova, Y. (2021). Public positions in the Khiva Khanate (based on the works of Russian authors of the XVIII — XIX centuries). *Digital Science*, 4—2: 59—63. (In Russ.).
- Avazov, E. A. (2014). Anzhiyan katorulushunun Ketmen-Tobo ochogu: Toktogul zhana Shadybekchiler. In: *Bulbulu Toktogul LLP. Ilimiy makalalar toptom Tarykh zhana muras turmogu*. Bishkek: [b. i.]. 51—56. (In Uzbek.).
- Becker, S. (1968). *Russia's Protectoras in Central Asia: Bukhara and Khiva (1865—1924)*. Cambridge: [b. i.]. 416 p.
- Biyushkina, N. I. (2021). Criminal legislation of the Soviet Socialist Republics in the 1920s: a comparative legal analysis. *Bulletin of Nizhny Novgorod University*, 6: 70—81. DOI 10.52452/19931778_2021_6_70. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1997). Political exiles in the Ob North. In: *Museum: yesterday. Today, tomorrow: Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the Yamalo-Nenets Regional Museum of Local Lore*. Salekhard: [b. i.]. 13—15. (In Russ.).
- Budkin, V. (2006). The States of Central Asia: dilemmas of power. *Central Asia and the Caucasus*, 5 (47): 115—130. (In Russ.).

- Dorskaya, A. A., Dorsky, A. Y. (2022). The problem of gaps and continuity in the development of Russian law (on the example of a reference to a settlement in Siberia). *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University*, 4 (48): 22—31. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.48.4.02. (In Russ.).
- Firsov, I. F. (2015). Organizational and personnel structure of the Tyumen Cheka. *Academic Bulletin*, 1 (31): 61—70. (In Russ.).
- Gordienko, A. A. (1959). *Creation of the People's Soviet state and law and their revolutionary and transformative role in Khorezm and Bukhara*. Tashkent: SAGU Publishing House. 197 p. (In Russ.).
- Goryunov, A. Y. (2009). Transport flows on the Tashkent and Samara-Zlatoust railways at the beginning of the 20th century. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 16 (154) / 32: 38—43. (In Russ.).
- Haugen, A. (2003). *The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia*. London: PALGRAVE MACMILLAN. 276 p.
- Khalid, A. (2015). *Making Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early USSR*. New York: Cornell University Press. 402 p.
- Khazheeva, I. V., Kudryavtsev, N. V. (2012). Soviet managers of the Tyumen (Tobolsk) province in the 1919s — early 1920s. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 25 (279): 42—49. (In Russ.).
- Konyakhin, V. P., Knyazkina, A. K. (2020). Evolution of the institution of Criminal law in space: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. *Law Bulletin of the Kuban State University*, 1: 30—35. (In Russ.).
- Mukhamedberdiyev, K. B. (1986). *The history of the Khorezm Revolution*. Tashkent: Fan Publ. 231 p. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Abdullaev, U. I. (2024). Adaptation of Sharia Law to Russian Criminal Law by Population of Western Turkestan and Siberian Bukharans in Late 18th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 437—455. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-437-455>. (In Russ.).
- Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453>. (In Russ.).
- Nepesov, G. (1962). *From the history of the Khorezm Revolution of 1920—1924*. Tashkent: Gosizdat UzSSR. 364 p. (In Russ.).
- Novitskaya, T. E. (2017). Continuity in the regulation of civil law relations in Russian pre-revolutionary and Soviet legislation. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 12 (5): 37—62. (In Russ.).
- Pinkin, V. I. (2002). *Exile and exile to Siberia in the 1920s*. PhD Diss. Novosibirsk. 274 p. (In Russ.).
- Pogorelsky, I. V. (1984). *The history of the Khiva Revolution and the Khorezm People's Soviet Republic (1920—1924)*. Leningrad: LSU Publishing House. 228 p. (In Russ.).
- Rybakov, V. A. (2017). Revolutionary legality: a theoretical aspect. *Law and the state: theory and practice*, 12 (156): 58—52. (In Russ.).
- Shtompka, P. (1996). *The sociology of social change*. Moscow: Aspect Press. 414 p. (In Russ.).
- Smykalin, A. S. (1997). *Colonies and prisons in Soviet Russia*. Yekaterinburg: UrGUA Publ. 364 p. (In Russ.).

- Sushko, A. V. (2018). From “revolutionary legality” to “revolutionary expediency”: the evolution of the relationship between the GPU-OGPU bodies and the prosecutor’s office during the years of the new economic policy (on the example of the Omsk Irtysh region). *The modern history of Russia*, 8 (1): 70—81. DOI.10.21638/11701/spbu24.2018.105. (In Russ.).
- Zhalmenova, O. P. (2019). Religion and politics in the activities of the Khiva Jadids — Young Khivians: (historiographical perspective). *Humanitarian studies of Central Russia*, 1 (10): 62—70. (In Russ.).

*The article was submitted 30.01.2025;
approved after reviewing 02.05.2025;
accepted for publication 21.06.2025.*

Информация для цитирования:

Нестеров А. Г. Специальный административный район Китая Аомэнь (Макао) : особенности взаимоотношений с регионами Европы / А. Г. Нестеров, Е. О. Муслимова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 438—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-438-453.

Nesterov, A. G., Muslimova, E. O. (2025). Special Administrative Region of China Aomen (Macao): Features of Relations with European Regions. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 438-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-438-453. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Специальный административный район Китая Аомэнь (Макао): особенности взаимоотношений с регионами Европы

Нестеров Александр Геннадьевич ¹

orcid.org/0000-0002-3349-6204

доктор исторических наук,
профессор кафедры
зарубежного регионоведения,
корреспондирующий автор
alexander.nesterov@urfu.ru

Муслимова Екатерина Олеговна ²

orcid.org/0000-0003-3866-450X

кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных
отношений и регионоведения
e.o.muslimova@utmn.ru

¹ Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

² Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

Special Administrative Region of China Aomen (Macao): Features of Relations with European Regions

Alexander G. Nesterov ¹

orcid.org/0000-0002-3349-6204

Doctor of History, Professor,
Department of Foreign
Regional Studies,
corresponding author
alexander.nesterov@urfu.ru

Ekatgerina O. Muslimova ²

orcid.org/0000-0003-3866-450X

PhD in History, Associate Professor,
Department of International
Relations and Regional Studies,
e.o.muslimova@utmn.ru

¹ Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

² University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-78-10118,
<https://rscf.ru/project/22-78-10118/>

© Нестеров А. Г., Муслимова Е. О., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос развития трансрегиональных отношений между Специальным административным районом Китайской Народной Республики Аомэнь (Макао) и странами и регионами Европы. Обосновано, что Макао имеет особые права, открывающие региону возможности самостоятельной международной деятельности в экономической и культурной сферах. Доказано, что в настоящее время Макао стремится к диверсификации экономики и расширению возможных международных партнеров, прежде всего к сотрудничеству с лузофонными странами и регионами. Сотрудничество с регионами Европы является относительно небольшим, за исключением экономического партнерства с федеральными землями Германии, а также традиционного сотрудничества с Португалией. Установлено, что важнейшим элементом культурной политики и международного культурного сотрудничества Макао является лузофония, поддержка и распространение португальского языка и культуры, что исторически обусловлено и имеет тенденцию к развитию в рамках Содружества лузофонных стран. Выявлено, что в настоящее время Макао предпринимает активные попытки расширить контакты с регионами Европы, прежде всего в экономической, культурной и образовательной сферах. Показано, что особую активность в этом проявляет действующее правительство Макао, которое пользуется полной поддержкой центрального правительства Китайской Народной Республики.

Ключевые слова:

трансрегиональное сотрудничество; лузофония; Макао; Европейский союз; Португалия; Китай; международные отношения; международные экономические отношения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the development of trans-regional relationships between the Special Administrative Region of the People's Republic of China, Macao, and various countries and regions in Europe. It argues that Macao possesses unique rights that enable the region to engage in independent international activities within economic and cultural domains. The findings indicate that Macao is currently focused on diversifying its economy and expanding its potential international partnerships, particularly through cooperation with Lusophone countries and regions. While collaboration with European regions remains relatively limited, it is noteworthy in terms of economic partnerships with the federal states of Germany and traditional ties with Portugal. The research highlights that a key element of Macao's cultural policy and international cultural cooperation is Lusophony, which involves the promotion and dissemination of the Portuguese language and culture — a historical legacy that continues to evolve within the framework of the Community of Portuguese Language Countries. Furthermore, it reveals that Macao is actively seeking to enhance its connections with European regions, particularly in the economic, cultural, and educational sectors. The current government of Macao plays a significant role in this initiative, enjoying full support from the central government of the People's Republic of China.

Key words:

transregional cooperation; Lusophony; Macao; European Union; Portugal; China; international relations; international economic relations.

Специальный административный район Китая Аомэнь (Макао): особенности взаимоотношений с регионами Европы

© Нестеров А. Г., Муслимова Е. О., 2025

1. Введение = Introduction

Специальные административные районы Китая — Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао) — имеют особый статус во многих аспектах своего существования, в том числе и в международной деятельности. Современная наука проявляет особый интерес к исследованию специальных административных районов. В то же время необходимо подчеркнуть, что в исследовательской литературе основное внимание уделяется Гонконгу — это касается как собственно китайских, так и зарубежных по отношению к Китаю исследований, в том числе российских. Объяснить это очень легко, так как экономическое значение Гонконга намного существеннее, чем экономическое значение Макао. Гонконг является одним из крупнейших глобальных финансовых центров Восточной Азии и мира в целом, его население существенно превышает население Макао, кроме того, локальная идентичность жителей Гонконга оформилась намного более четко, чем идентичность жителей Макао. В Гонконге в определенной степени наблюдаются сепаратистские настроения среди части населения, в то время как в Макао они полностью отсутствуют.

Включение Макао в состав Китайской Народной Республики в статусе специального автономного района привело к тому, что Макао сохранило ограниченные возможности самостоятельной международной деятельности (в сферу ведения центрального правительства Китая перешли от Португалии внешняя политика и оборона Макао). В экономической и культурной сферах Макао на международной арене выступает как самостоятельный актор, является членом ряда международных организаций, таких как ЮНЕСКО и ВТО, и сохраняет традиционные международные связи, сложившиеся еще в период нахождения Макао под властью Португалии. В то же время Макао может считаться применительно к Китаю именно региональным субъектом, что позволяет специальному административному району развивать контакты не только на общегосударственном, но и на

трансрегиональном уровне. Всё это стало возможным благодаря реализации в Макао концепции «одна страна — две системы», ставшей основой для создания специальных административных районов.

Основными партнерами Макао в международной деятельности являются, естественно, собственно Китай и Гонконг, а также страны Восточной, Юго-Восточной Азии и США. В меньшей степени интересы Макао распространяются на Европу — здесь отношения развиваются прежде всего в сфере культуры и экономики, причем основным направлением сотрудничества в сфере культуры является лузофония, связанная с сохранением и распространением португальского языка. В экономической сфере основными европейскими региональными партнерами Макао являются федеральные земли Германии, но экономическое сотрудничество с ними находится на относительно невысоком уровне.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Важнейшим источником для исследования формирования концепции «Одна страна — две системы» служат работы автора этой концепции — Дэн Сяопина [Дэн Сяопин, 1994, с. 78—82]. Официальные документы Коммунистической партии Китая, в которых зафиксировано изложение концепции, а также конституционные документы специальных административных районов Китая — Гонконга и Макао — позволяют определить место концепции «Одна страна — две системы» во внешней и внутренней политике Китайской Народной Республики конца XX—XXI веков.

Литература, посвященная концепции «Одна страна — две системы», достаточно обширна. Среди публикаций следует отметить работы К. А. Кокарева [Кокарев, 2005], Л. М. Гудошникова [Гудошников, 1999] и ряд других. Необходимо подчеркнуть, что основная масса исследований посвящена проблеме реализации концепции «Одна страна — две системы» на примере трансформации Гонконга из британского колониального владения в специальный автономный район Китая; в связи с этим следует отметить книгу Янь Сяоцзюня «Управление и хаос в Гонконге (политическое представление о 2047 годе)» [Янь Сяоцзюнь, 2019]. Вопрос о роли данной концепции в связи с Тайванем в основном остается открытым, так как Тайвань остался в стороне от принципов концепции «Одна страна — две системы»; вопрос о реализации указанной концепции в Макао наиболее подробно рассмотрен в сборнике «Одна страна, две системы, три правовых порядка: перспективы эволюции», опубликованном в Берлине в 2009 году при поддержке Фонда Макао [One Country, Two Systems..., 2009]. Макао в отношении изучения по сравнению с Гонконгом не повезло. Его рассматривают лишь очень немногочисленные исследователи,

которые, как правило, затрагивают два основных аспекта существования Макао, причем очень тесно взаимосвязанных: культурно-туристическую и игорно-туристическую составляющую экономики Макао, так как основные средства регион получает от туризма и игорного бизнеса. Тем не менее реальная экономическая жизнь Макао шире таких узких границ, см.: [Нестеров, 2024]. Только в общей работе, посвященной Китаю в условиях развития глобализации, небольшой раздел посвящен Макао и затрагивает все основные направления жизни Специального административного района, в том числе и особенности его экономического развития [Вик и др., 2024, с. 680—702].

В последнее время появились исследования, рассматривающие лингвистическую ситуацию в Макао и особенности реализации на территории специального административном районе общей лингвистической политики центрального правительства Китая. Среди них следует отметить публикации О. И. Завьяловой [Завьялова, 2021], И. Ю. Гутина [Гутин, 2018; Гутин, 2021] и др. Тем не менее всестороннее рассмотрение международной деятельности Макао осталось вне поля зрения современных исследователей.

Источниковая база исследования основана прежде всего на материалах, размещенных на официальных сайтах правительства Специального Административного Района Аомэнь (Макао), Генерального консульства Португалии в Макао, а также включает новостные публикации в ряде китайских и макаоских периодических изданий, прежде всего в газете «The Macao News».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепция «Одна страна — две системы» в современном Китае

Впервые концепция «Одна страна — две системы» (一國兩制, упрощенно — 一国两制, yī guó liǎng zhì) была сформулирована лидером Китая Дэн Сяопином в связи с тайваньским вопросом. В 1984 году Дэн Сяопин опубликовал статью, посвященную основным принципам завершения объединения Китая в соответствии с концепцией «Одна страна — две системы». Собственно концепция изложена в статье «Одно государство — два строя» [Дэн Сяопин, 1994, с. 78—82].

Дэн Сяопин отмечал: «Мы предложили концепцию “Одна страна — две системы” как способ разрешения сянганского и тайваньского вопросов... Всекитайское собрание народных представителей уже приняло эту политику» [Дэн Сяопин, 1994, с. 79]. КНР и Коммунистическая партия Китая считают концепцию «Одна страна — две системы» основой политики урегулирования взаимоотношений между КНР и Гонконгом, Макао и Тайванем. Вопрос о Гонконге, Макао и тайваньский вопрос есть наследие сложившихся

исторических обстоятельств. Согласно теории Дэн Сяопина, принцип «Одна страна — две системы» должен служить стимулом для объединения государства. У китайской нации есть стремление решить эти вопросы и добиться национального воссоединения. Концепция «одна страна» предполагает, что существует единый Китай, частью которого являются специальные административные районы. При регулировании отношений между центральными властями и этими регионами центральное правительство имеет приоритет, несмотря на то, что основные принципы взаимодействия закреплены в Основных законах каждого САР. Иными словами, КНР завершает воссоединение страны посредством создания САР, однако это не изменяет сущность государства [Дэн Сяопин, 1994, с. 79—80].

«Одна страна — две системы» является концепцией, при которой центральное правительство реализует основные схемы управления государством. В 1984 году на заседании II Пленума ЦК КПК КПК 12-го созыва Дэн Сяопин зачитал «Доклад о государственной работе», где была описана концепция «Одна страна — две системы», которая была принята Всекитайским Съездом КПК. Принцип, провозглашенный в названии концепции, стал базовой политикой, имеющей юридическую силу [Доклад о проделанной работе..., 1984].

Председатель КНР Ху Цзиньтао отмечал: «Необходимо в полной мере реализовать важные идеи мирного развития отношений между Китаем и Макао. Необходимо укрепить политические, экономические, культурные и социальные основы, чтобы обеспечить полные условия для мирного объединения» [Ху Цзиньтао, 2012]. Он подчеркнул, что народ Китая должен всегда придерживаться политики «Одна страна — две системы», укрепить понимание принципа «Одна страна» и на этой основе находить общее, несмотря на существующие различия.

Углубление экономического сотрудничества, установление общих интересов, расширение культурного обмена, укрепление национальной идентичности, усиление институционального развития, ведение переговоров о создании системы взаимного доверия для обеспечения стабилизации ситуации, ведение переговоров по мирному соглашению — все это было заявлено важным для мирного развития отношений между Китаем и Макао.

Жители Китая и Макао стремились к укреплению единства Китая и тем самым способствовали сотрудничеству основной части страны и специального административного района. Ху Цзиньтао отмечал, что «все китайцы, работающие вместе, смогут достичь дела воссоединения Родины в процессе возрождения китайской нации» [Там же, 2012].

Позднее Председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Развитие Гонконга и Макао тесно связано с развитием Китая. Мы должны поддержать интегра-

цию Гонконга и Макао во время развития Китая. Мы должны приложить усилия, чтобы способствовать развитию сотрудничества между провинцией Гуандун, Гонконгом и Макао, а также региональному сотрудничеству в регионе Жемчужной реки. Мы должны полностью содействовать взаимовыгодному сотрудничеству между Китаем, с одной стороны, Гонконгом и Макао, с другой стороны» [Си Цзиньпин, 2014].

3.2. Основы международной и внешнеполитической деятельности Специального административного района Аомэнь (Макао).

Международной деятельности Макао посвящена отдельная VII глава Основного закона Специального административного района Аомэнь (Макао), охватывающая статьи 135—142 Основного закона Макао. В этой главе подробно указано, какие именно полномочия во внешней (международной) деятельности центральное правительство Китайской Народной Республики делегирует правительству Специального административного района Макао. В статьях 136 и 137 подчеркивается, что в международной деятельности Макао должно обозначать себя как «Макао, Китай». Статья 141 предусматривает следующее: «Специальный административный район Макао может создавать, в зависимости от потребностей, официальные или полуофициальные экономические и торговые миссии в зарубежных странах, сообщая об их создании Центальному народному правительству для целей регистрации» [Lei Básica...]. Статьей 142 установлено, что свои неофициальные (неправительственные) учреждения в Макао могут создавать даже страны, не признанные Китайской Народной Республикой [Ibid.].

В соответствии с Основным законом Макао имеет право подписывать международные договоры и соглашения в экономической и культурной сфере. К настоящему времени по отношению к европейским странам Макао имеет инвестиционные договоры с Португалией и Нидерландами, с Португалией также подписаны соглашения о взаимной правовой помощи и об избежании двойного налогообложения и ряд других. В Макао представлены Европейский Союз как международная организация, генеральное консульство Португалии, почетное консульство Эстонии, представительства торговых палат Германии, Франции, Ирландии и Румынии. В 1992 году было подписано соглашение о торговле и сотрудничестве между Макао и Европейским экономическим сообществом, продолжающее действовать и в настоящее время, несмотря на изменения статуса обеих сторон соглашения. Макао также является членом 19 международных организаций, в которых статус участника могут получить и территории, не обладающие полной суверенитетом. Ряд консульских учреждений европейских стран, распространяющие свои полномочия и на Макао, размещены в Гонконге,

расположенном вблизи от Макао специальном административном районе Китая (в том числе официальное представительство Европейского Союза, генеральные консульства Австрии, Бельгии, Франции, Финляндии, Греции Ирландии, Италии, Нидерландов, Польши, Румынии, Испании, Швеции и Венгрии).

3.3. Макао и Европа: основные направления экономического сотрудничества

Безусловно, основным экономическим и торговым партнером Макао является континентальный Китай (из Китая ввозится 57 % всего импорта Макао). В то же время на первый план в качестве внешнеэкономического партнера Макао выступают Соединенные Штаты Америки (на их долю приходится 57 % экспорта из Макао). Таким образом, Макао зачастую выступает в качестве посредника в китайско-американской торговле (это обусловлено тем фактом, что Макао воспринимается в США как отдельный субъект международной экономики, и на него не распространяются санкции и ограничения, налагаемые США на Китайскую Народную Республику). Как отмечается практически всеми исследователями, КНР ведет через Макао транзитную торговлю, ориентированную прежде всего на США и Европу [Government...].

Европейские страны выступают в качестве торговых партнеров Макао лишь в ограниченной степени. Среди государств ЕС наиболее заметное место среди торговых партнеров Макао занимает Германия, на долю которой приходится 7 % внешнеторгового оборота Макао [Government...]. Следует подчеркнуть, что в Германии ведущими партнерами Макао выступают не центральные власти страны, а отдельные федеральные земли, которым предоставлены достаточно широкие возможности для внешнеэкономической деятельности, а также коммерческие структуры, получающие существенную поддержку от федеральных властей Германии. В то же время следует отметить, что наиболее тесно исторически связанная с Макао европейская страна — Португалия — практически не играет существенной роли во внешнеэкономической деятельности Макао [Нестеров, 2024, с. 326]. Необходимо также подчеркнуть, что Макао, как и Гонконг, в значительной части не экспортирует в страны Европы собственную продукцию, а занимается реэкспортом продукции континентального Китая.

Межрегиональное сотрудничество с Макао применительно к Португалии может восприниматься лишь условно. Это объясняется затянувшейся административной реформой в Португалии. Португальская конституция 1976 года предусматривала создание в стране административных регионов, обладающих автономией, вместо существовавшей до этого времени системы провинций. Однако до создания реальных автономных регионов

дело так и не дошло: страна оказалась разделена на муниципалитеты, на базе которых по законам 2003 года были созданы межмуниципальные сообщества различного типа. Реально к настоящему времени было сформировано только два отдаленных от континентальной территории Португалии автономных региона — Мадейра и Азорские острова, но именно эти территории практически никак не связаны с сотрудничеством с Макао. Португалия в целом также занимает лишь очень незначительное место во внешнеэкономической деятельности Макао (объем торговли Макао с Португалией составляет менее 10 % объема торговли Макао с Германией и существенно меньше торговли с Испанией, соседом и традиционным конкурентом Португалии). Не случайно генеральный консул Португалии в Макао и Гонконге высказал своё крайнее неудовольствие в связи с тем, что единственный прямой грузовой авиарейс между Макао и Европой связал специальный автономный район не с Португалией, а с Испанией [Portugal's envoy...].

Для развития сотрудничества со странами и регионами Европы правительство Макао прикладывает достаточно ощутимые усилия, используя как ресурсы дипломатической и внешнеэкономической службы Китайской Народной Республики, так и собственные ресурсы. При этом необходимо подчеркнуть, что особое внимание правительства Макао привлекает сотрудничество на региональном уровне. Примером может служить визит в Европу делегации правительства Макао во главе с секретарем правительства Тай Кин Ипом в марте 2025 года. Во время своей поездки Тай Кин Ип посетил Испанию, Португалию, Бельгию и Монако. В Испании делегация Макао посетила Барселону, где принимала участие в конгрессе по высоким технологиям, а также провела переговоры с экономическим блоком Женеалитета Каталонии. В Португалии делегация обсуждала вопросы, связанные с расширением сотрудничества Макао и Португалии в области технологии, экономики и торговли. 7 марта 2025 года в Брюсселе делегация встретилась с главой китайской миссии при Европейском Союзе Цай Жуном, который принял участие в переговорах миссии с представителями Европейской Комиссии. На встрече было принято решение о проведении в конце 2025 года 24-го заседания Совместного комитета Макао — ЕС, а также рассматривались вопросы, связанные с расширением сотрудничества Специального административного района Макао с регионами стран ЕС, для чего было предусмотрено привлечение к планируемому заседанию Совместного комитета представителей Комитета регионов ЕС. Наконец, в Монако состоялась широкая встреча представителей Макао и представителей европейского бизнеса в сферах туризма, финансов и технологий. Ведущую роль на этой встрече сыграла руководитель Управления туризма

правительства Макао Мария Хелена де Сенна Фернандес. Как было отмечено Тай Кин Ипом в официальном заявлении по итогам визита в Европу, этот визит «имеет большое значение для стремления Макао к надлежащей диверсификации экономики и углублению международного сотрудничества и обменов» [A high-level Macao delegation...].

5 мая 2025 года делегация Института содействия экономике и инвестициям Макао приняла участие в крупнейшей португальской продовольственной выставке Sagal Expo Lisboa. Во время выставки делегация Макао особое внимание уделила переговорам с представителями северных винодельческих районов Португалии, поскольку Макао и Китай в целом весьма заинтересованы в расширении сотрудничества с португальскими виноделами. По итогам встречи было принято заявление, в котором зафиксировано, что Макао превращается в ворота для виноделов севера Португалии для продвижения их продукции в Китай и другие страны Восточной Азии [Macao delegation...].

3.4. Лузофония как важнейший аспект сотрудничества Макао и Португалии в сфере культуры

Макао в историческом смысле неразрывно связано с Португалией; сохранение португальской культурной традиции есть часть региональной идентичности Макао и жителей региона. В то же время в современной жизни Макао «португальский» аспект существования всё более и более сокращается. Это касается и сохранения португальского языка и культуры, и поддержания традиций, связанных с португальским миром, и сотрудничества с португалоязычными странами мира.

Для Португалии основной структурой сотрудничества с лузофонным миром является Содружество португалоязычных стран (Comunidade dos Países de Língua Portuguesa, CPLP), в состав которого входят Португалия, Бразилия, Кабо-Верде, Ангола, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Тимор-Леште, а также Экваториальная Гвинея. Макао в содружество не входит, так как по статусу стать членом содружества может только суверенное государство. В то же время Макао активно участвует в деятельности, связанной с сохранением и распространением португальского языка.

Ведущими структурами в развитии деятельности, связанной с сохранением и распространением португальского языка в Макао, являются Институт Камозенса (официально — Институт Камозенса по сотрудничеству и распространению португальского языка, действующий как структура Министерства иностранных дел Португалии) и Португальский институт Востока (Instituto Português do Oriente, IPOR), штаб-квартира которого находится в Макао. Португальский институт Востока рассматривается в Португалии

как своего рода региональная версия Института Камознса, и в Китае, Южной Корее, Японии, Индии и Тиморе-Леште функционируют объединенные структуры Института Камознса и Португальского института Востока. Кроме того, в Макао действует Португальский культурный центр, также занимающийся распространением португальского языка и культуры.

Во многом активность португальских культурных учреждений в Макао обусловлена реализацией там политики «три письменности — четыре языка» (три письменных языка — китайский, португальский и английский, четыре разговорных языка — китайский нормативный, китайский кантонский, португальский и английский) [Гутин, 2018, с. 46]. В то же время сохранение португальского языка и культуры поддерживается и центральным правительством Китая, так как реально португальским языком на достаточно высоком уровне владеет ничтожное меньшинство населения Макао (по разным оценкам — от 3 до 7 %) и тенденция к утрате португальского языка в Макао очевидна. Во многом это обусловлено сокращением «коренного» населения Макао после присоединения региона к Китаю в 1999 году: уже к 2011 году численность коренного населения Макао составляла чуть больше 40 % от общей численности населения специального административного района [Гутин, 2021, с. 56].

Еще хуже обстоит ситуация с региональной версией португальского языка — так называемым языком «макаишта», или «маканским» языком (лузокреольским языком, объединяющим в себе элементы португальского языка и китайского кантонского языка). В настоящее время численность жителей Макао, являющихся лузокреолами Макао, не превышает 8 000 человек (из более чем 650 тыс. населения Макао), но маканским языком из них владеет и использует его в повседневной жизни около 50 человек. ЮНЕСКО отнесла маканский язык к числу вымирающих, что подтолкнуло власти Макао и Португалии обратить на него особое внимание. В 2003 году по инициативе Португалии при поддержке властей Макао и центрального правительства Китая был открыт «Проект памяти Макао» (Projecto memória macanese), направленный на сохранение истории маканских семей, маканского языка, а также выявление и сохранение литературных памятников, созданных на маканском языке. Результаты проекта публиковались на официальном сайте проекта (www.memoriamacanense.org), основные результаты были подведены в 2011 году, после чего деятельность проекта стала частью работы Португальского института Востока.

В то же время и правительство Макао, и генеральное консульство Португалии категорически опровергают информацию о сокращении интереса к португальскому языку как среди жителей Макао, так и в континентальном Китае. Генеральный консул Александр Лейтан заявлял в беседе с гла-

вой исполнительной власти Макао Хо Ят Сенгом, что португальский язык имеет большое значение для расширения сотрудничества и торговли Китая в целом и Макао в частности с португалоязычными странами, и правительство Португалии в 2019 году возобновило финансирование преподавания португальского языка в Китае. Хо Ят Сенг со своей стороны подчеркнул, что португальский язык занимает значимое место в судебной системе Макао, в которой принято обращаться к юридическим нормам Португалии [Funding has been...].

Таким образом, несмотря на сокращение сферы использования португальского языка в реальной жизни Макао, португальский язык и культура являются неотъемлемой частью культурной жизни и культурного наследия Макао, своего рода фактором, формирующим региональную идентичность Специального административного района Аомэнь (Макао).

4. Заключение = Conclusions

Макао как специальный административный район Китайской Народной Республики является одним из важнейших региональных центров Восточной Азии, хотя по своему экономическому значению существенно уступает Гонконгу. В то же время Макао, как и Гонконг, является своего рода точкой контакта континентального Китая и внешнего мира, через который поддерживаются как экономические, так и культурные связи со многими странами и регионами. Макао стремится позиционировать себя как самостоятельного участника международной деятельности, что вполне соответствует юридическим нормам, заложенным в Основной закон Специального административного района, но особенностями его международной активности является ее ограниченность, что связано прежде всего с тем, что Макао является не суверенным государством, а автономной единицей, хотя и обладающей очень широкими полномочиями. Для такой автономной единицы связями на «равном» уровне являются отношения не с суверенными государствами, а с регионами, прежде всего самоуправляемыми; только одно государство имеет с Макао отношения на государственном уровне — это Португалия, что обусловлено исторической традицией и отсутствием в составе Португалии автономных единиц, интересующихся развитием отношений с Макао. В то же время Макао активно стремится диверсифицировать свою международную экономическую и культурную активность, формируя и развивая контакты с регионами Испании (прежде всего Каталонией и Галисией), федеральными землями Португалии, отдельными регионами Италии, Германии, Австрии. Тем не менее в число задач международной деятельности Макао входят диверсификация и расширение этой деятельности, в том числе и на европейском направлении.

Можно предполагать, что в обозримом будущем активность контактов Макао с регионами Европы будет увеличиваться. В то же время необходимо констатировать факт, что основными направлениями международного сотрудничества Макао являются Гонконг, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, а также лузофонные страны Африки и Латинской Америки, прежде всего Бразилия, и европейское направление международной деятельности Макао имеет тенденцию к относительному сокращению в сравнении с другими возможными международными партнерами Специального административного района Макао.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Доклад о проделанной работе Государственного совета за прошедшие годы [Электронный ресурс] // Экономика Китая. — 2012. — № 3. — Режим доступа : http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201203/06/t20120306_23133647.shtml (дата обращения 21.03.2025) (资料:历年国务院政府工作报告// 中国经济网. (URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201203/06/t20120306_23133647.shtml)).
2. Дэн Сяопин. Избранное / Дэн Сяопин. — Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1994. — Т. 3. — 538 с.
3. Си Цзиньпин представляет речь в праздновании 15-летия включения в качестве специального административного района в состав КНР [Электронный ресурс] // Народ. — 2014. — Режим доступа : <http://hm.people.com.cn/n/2014/1220/c42272-26244408.html> (дата обращения 24.03.2025) (习近平在庆祝澳门回归祖国15周年大会上发表重要讲话 // 人民网. URL: <http://hm.people.com.cn/n/2014/1220/c42272-26244408.html>).
4. Ху Цзиньтао : обогащение практики «Одна страна-две системы», способствующей единству Китая [Электронный ресурс] // Новости Китая. — 2012. — 8 ноября. — Режим доступа : <http://www.chinanews.com/gn/2012/11-08/4312273.shtml> (дата обращения 25.03.2025). (胡锦涛: 丰富“一国两制”实践 推进祖国统一 () // 中新网. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2012/11-08/4312273.shtml>).
5. Government of Macao Special Administrative Region Statistics and Census Service [Electronic resource] // Macao in Figures. — Access mode : <https://www.dsec.gov.mo/en-US/> (accessed 25.03.2025).
6. Lei Básica da Região Administrativa Especial de Macau da República Popular da China [Electronic resource] // O Governo da Região Administrativa Especial de Macau. — Access mode : <https://bo.io.gov.mo/bo/i/1999/leibasica/index.asp#c4> (accessed 26.03.2025).

Литература

1. Вик Г. География Китая : Глобализация и динамика политических, экономических и социальных изменений в Поднебесной / Г. Вик, К. Паннел, С. Шэнь, Ю. Хуан. — Санкт-Петербург : Библиороссика, 2024. — 726 с. — ISBN 978-5-907767-47-8.

2. Гудошников Л. М. Аомынь накануне воссоединения с Китаем (политико-юридические вопросы) / Л. М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. — 1999. — № 1. — С. 50—57.

3. Гутин И. Ю. Сопоставление принципа «один язык — две письменности» в материковом Китае с принципами «две письменности — три языка» в Гонконге и «три письменности — четыре языка» в Макао / И. Ю. Гутин // Наука России. — 2018. — № 10. — С. 44—47. — DOI: 10.18411/sr-10-10-2018-11.

4. Гутин И. Ю. Макао : в поисках постколониальной идентичности / И. Ю. Гутин // Азия и Африка сегодня. — 2021. — № 4. — С. 54—58. — DOI: 10.31857/S032150750014656-3.

5. Завьялова О. И. Языковое разнообразие Китая и безопасность страны / О. И. Завьялова // Проблемы Дальнего Востока. — 2021. — № 4. — С. 168—176. — DOI: 10.31857/S013128120016163-0.

6. Кокарев К. А. Эволюция политических режимов в Китае в период реформ : 1976—2002 гг. / К. А. Кокарев. — Москва : Институт Дальнего Востока РАН, 2005. — 731 с.

7. Нестеров А. Г. Специальный административный район КНР Аомэнь (Макао) : особенности внешнеэкономической деятельности / А. Г. Нестеров // Экономика : вчера, сегодня, завтра. — 2024. — Т. 14. — № 11А. — С. 322—332. — DOI: 10.34670/AR.2024.33.31.035.

8. Ян Сюэцзюнь. Правление и хаос в Гонконге : Политическое видение 2047 года / Ян Сюэцзюнь. — Пекин : Жэньминь чубаньшэ, 2019. — 220 с. (阎小骏. 香港治与乱: 2047的政治想象. 北京: 人民出版社, 2019. 220 p., Yang Xiaojun. Xiānggǎng zhì yǔ luàn: 2047 de zhèngzhì xiǎng xiàng / Yang Xiaojun. Beijing: Renmin chubanshe, 2019. 220 p.).

9. A high-level Macao delegation travelled to Europe in March [Electronic resource] // The Macao News. — 2025. — 25 Mar. — Access mode : <https://macaonews.org/news/business/macau-delegation-europe-business-trade-technology-investment/> (accessed 23.03.2025).

10. Funding has been renewed for Portuguese teaching programs in mainland China [Electronic resource] // The Macao News. — 2023. — 22 Mar. — Access mode : <https://macaonews.org/culture/portuguese-language-teaching-china-caple-ipor-macao-macau/> (accessed 23.03.2025).

11. Macao delegation promotes trade ties at Portugal's largest food expo [Electronic resource] // The Macao News. — 2025. — 5 May. — Access mode : <https://macaonews.org/news/lusofonia/macau-sagal-food-trade-portugal/> (accessed 23.03.2025).

12. One Country, Two Systems, Three Legal Orders — Perspectives of Evolution : Essays on Macau's Autonomy after the Resumption of Sovereignty by China / Jorge Oliveira (Editor), Paulo Cardinal (Editor). — Berlin : Macao Foundation, 2009. — 843 p.

13. Portugal's envoy is 'angry' over the lack of Macao-Portugal cargo flights [Electronic resource] // The Macao News. — 2025. — 30 April. — Access mode : <https://macaonews.org/news/lusofonia/macau-madrid-cargo-flights-macao/> (accessed 23.03.2025).

Статья поступила в редакцию 18.03.2025,
одобрена после рецензирования 06.05.2025,
подготовлена к публикации 28.05.2025.

Material resources

Deng Xiaoping. (1994). *Favorites*, 3. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign languages. 538 p. (In Russ.).

- Government of Macao Special Administrative Region Statistics and Census Service. *Macao in Figures*. Available at: <https://www.dsec.gov.mo/en-US/> (accessed 25.03.2025).
- Hu Jintao: enriching the practice of “One country, two systems”, contributing to the unity of China. (2012). *Chinese News. November 8th*. Available at: <http://www.chinanews.com/gn/2012/11-08/4312273.shtml> (accessed 25.03.2025). (In Chin.).
- Lei Básica da Região Administrativa Especial de Macau da República Popular da China. *O Governo da Região Administrativa Especial de Macau*. Available at: <https://bo.io.gov.mo/bo/i/1999/leibasica/index.asp#c4> (accessed 26.03.2025). (In Port.).
- Report on the work done by the State Council over the past years. (2012). *China's economy*, 3. Available at: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/gdxw/201203/06/t20120306_23133647.shtml (accessed 21.03.2025). (In Chin.).
- Xi Jinping presents a speech in celebration of the 15th anniversary of incorporation as a special administrative region into the PRC. (2014). *People*. Available at: <http://hm.people.com.cn/n/2014/1220/c42272-26244408.html> (accessed 24.03.2025). (In Chin.).

References

- A high-level Macao delegation travelled to Europe in March. (2025). *The Macao News*. 25 Mar. Available at: <https://macaonews.org/news/business/macao-delegation-europe-business-trade-technology-investment/> (accessed 23.03.2025).
- Funding has been renewed for Portuguese teaching programs in mainland China. (2023). *The Macao News*. 22 Mar. Available at: <https://macaonews.org/culture/portuguese-language-teaching-china-caple-ipor-macao-macau/> (accessed 23.03.2025).
- Gudoshnikov, L. M. (1999). Aomin on the eve of reunification with China (political and legal issues). *Problems of the Far East*, 1: 50—57. (In Russ.).
- Gutin, I. Y. (2018). Comparison of the principle of “one language — two scripts” in mainland China with the principles of “two scripts — three languages” in Hong Kong and “three scripts — four languages” in Macau. *Science of Russia*, 10: 44—47. DOI: 10.18411/sr-10-10-2018-11. (In Russ.).
- Gutin, I. Y. (2021). Macau: in search of a postcolonial identity. *Asia and Africa today*, 4: 54—58. DOI: 10.31857/S032150750014656-3. (In Russ.).
- Kokarev, K. A. (2005). *Evolution of political regimes in China during the period of reforms: 1976—2002*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 731 p. (In Russ.).
- Macao delegation promotes trade ties at Portugal's largest food expo. (2025). *The Macao News*. 5 May. Available at: <https://macaonews.org/news/lusofonia/macao-sagal-food-trade-portugal/> (accessed 23.03.2025).
- Nesterov, A. G. (2024). Macao Special Administrative Region of China: features of foreign economic activity. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 14 (11A): 322—332. DOI: 10.34670/AR.2024.33.31.035. (In Russ.).
- Oliveira, J., Cardinal, P. (eds.). (2009). *One Country, Two Systems, Three Legal Orders — Perspectives of Evolution: Essays on Macau's Autonomy after the Resumption of Sovereignty by China*. Berlin: Macao Foundation. 843 p.
- Portugal's envoy is ‘angry’ over the lack of Macao-Portugal cargo flights. (2025). *The Macao News*. 30 April. Available at: <https://macaonews.org/news/lusofonia/macao-madrid-cargo-flights-macao/> (accessed 23.03.2025).

- Vic, G., Pannel, K., Shen, S., Huang, Yu. (2024). *Geography of China: Globalization and dynamics of political, economic and social changes in China*. Saint Petersburg: Bibliorossika. 726 p. ISBN 978-5-907767-47-8. (In Russ.).
- Yang Xiaojun. (2019). *Rule and Chaos in Hong Kong: A Political Vision for 2047*. Beijing: Renmin chubanshe. 220 p. (In Chin.).
- Zavialova, O. I. (2021). Linguistic diversity of China and the security of the country. *Problems of the Far East*, 4: 168—176. DOI: 10.31857/S013128120016163-0. (In Russ.).

*The article was submitted 18.03.2025;
approved after reviewing 06.05.2025;
accepted for publication 28.05.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Новиков М. Д. Влияние государственных займов 1946—1957 годов на личные бюджеты граждан СССР (по материалам финансовых органов и эго-документов) / М. Д. Новиков // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 454—472. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-454-472.

Novikov, M. D. (2025). Impact of State Loans (1946-1957) on Personal Budgets of Soviet Citizens: Insights from Financial Records and Ego-documents. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 454-472. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-454-472. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Влияние государственных займов 1946—1957 годов на личные бюджеты граждан СССР (по материалам финансовых органов и эго-документов)

Новиков Максим Дмитриевич

orcid.org/0000-0002-4831-4063

Scopus Author ID: 58554506600

кандидат исторических наук,

старший преподаватель

Высшей школы общественных наук

maximnovikov3@mail.ru

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-01100

Impact of State Loans (1946-1957) on Personal Budgets of Soviet Citizens: Insights from Financial Records and Ego-documents

Maxim D. Novikov

orcid.org/0000-0002-4831-4063

Scopus Author ID: 58554506600

PhD in History, Senior Lecturer,

Higher School of Social Sciences

maximnovikov3@mail.ru

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with financial support Russian Science Foundation, Project № 23-78-01100

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена оценке значения доходов и расходов по государственным внутренним займам 1946—1957 годов в личных бюджетах советских граждан. В качестве источников привлечены архивные документы. Установлено, что органами государственной власти детально изучались структура подписки граждан, поступление средств в бюджеты, а также суммы расходов на займы. Отмечается, что их значение не представлялось как ухудшавшее общий уровень благосостояния населения. Показано, что доходы граждан по займам изучались государственными структурами менее детально, хотя в информационном пространстве количество упоминаний о них росло. Доказано, что в течение рассматриваемого периода в информационном поле происходила трансформация представления сюжетов о займах от «общественного блага» к «личному благополучию», а также увеличивалось внимание к выигрышам и распоряжению этими средствами. Подчеркивается, что, несмотря на формируемый позитивный образ займовых кампаний, граждане искали возможность продать облигации в случаях крайней необходимости. Автор приходит к выводу о том, что экономическое поведение граждан имело ситуативный или реактивный характер, поскольку внимание к этим сюжетам чаще совпадало с активным периодом проведения кампаний.

Ключевые слова:

государственные займы; бюджетная статистика; реакция населения; исторические источники; финансовая политика; история СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article evaluates the significance of income and expenditures associated with state internal loans from 1946 to 1957 in the personal budgets of Soviet citizens. Utilizing archival documents as primary sources, the study reveals that government authorities meticulously analyzed the structure of citizen subscriptions, the influx of funds into budgets, and the amounts allocated for loan repayments. It is noted that these loans were not perceived as detrimental to the overall welfare of the population. The findings indicate that while state structures conducted less detailed examinations of citizens' income from loans, references to these incomes increased in public discourse. The analysis demonstrates a transformation in the narrative surrounding loans during this period, shifting from a focus on "public good" to "personal well-being," alongside heightened attention to gains and the management of these funds. Despite the positive portrayal of loan campaigns, citizens often sought opportunities to sell bonds in times of dire need. The author concludes that the economic behavior of citizens was situational or reactive, as their engagement with these narratives frequently coincided with active campaign periods.

Key words:

State loans; budget statistics; public response; historical sources; financial policy; history of the USSR.

УДК 94(47).084.9+336.273.23:32.019.52(47)“1946/1957”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-454-472

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Влияние государственных займов 1946—1957 годов на личные бюджеты граждан СССР (по материалам финансовых органов и эго-документов)

© Новиков М. Д., 2025

1. Введение = Introduction

17 марта 1953 года нижнетагильский инженер Н. А. Мезенин оставил следующую запись в своём дневнике: «Хочу сегодня выразить ряд своих неудовольствий жизнью. Я вообще мало жалею на материальные затруднения в моей жизни. Но все-таки настоящее положение с моей зарплатой лишает и меня спокойствия. Я учился 16 лет, работаю диспетчером в мартеновском цехе, а получаю денег меньше, чем экспедитор и дежурный по путям, работающие в моем распоряжении. Мой оклад 1200 р., а дежурный с двумя классами образования получает 1600 руб. в среднем. На руки мне приходится 650—700 руб., после вычета подписки на займы и налогов, а экспедитор с 4—5 классами получает 750—800 руб. ИТР цеха с прошлого года не получает премии, т. к. нет [снижения] (здесь и далее в цитатах курсив наш. — М. Н.) себестоимости и поэтому нечего говорить, что я получаю меньше всех рабочих, которые от нее зависят. Я не против того, чтобы рабочие получали высокую оплату, но не нужно забывать и остальных» [Мезенин, 2005, с. 132]. Такие цитаты заставляют задаться вопросами: как государственные займы послевоенного времени оказывали влияние на личные бюджеты советских граждан? Насколько органы государственной власти были озадачены контролем за доходами от займов и расходами на них? Как часто граждане обращали внимание на данный аспект кампаний и предпринимали ли какие-либо действия по организации собственного бюджета?

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых не дают однозначных ответов на эти вопросы [Клинова, 2023; Клинова, 2021, Козлов и др., 2021; Мамяченков и др., 2020]. Современные работы о динамике доходов граждан в послевоенный период позволяют получить представление об изменении заработной платы разных социальных групп [Мамяченков, 2017], проследить влияние государственных финансово-политических мероприятий (к примеру, денежных реформ) на уровень доходов и расходов населения [Чуднов, 2018], оценить результативность

бюджетной политики [Баканов, 2021]. Однако современные исследователи уделяют мало внимания сюжетам, связанным с личным бюджетным планированием.

Некоторые исследователи [Фигурнов, 1960; Ваксер, 2005, с. 98; Клинова, 2020, с. 308—352; Баканов, 2024, с. 105] приводят в своих работах отдельные сведения о влиянии займов на благосостояние граждан, но не детализируют их значимость.

Зарубежные авторы [Holzman, 1957a; Holzman, 1957b; Millar, 1975; Ironside, 2021] также изучали советские внутренние займы, предлагая рассматривать платежи граждан по ним близкими к налоговым, однако вопрос об их влиянии на личные бюджеты раскрыт недостаточно. Несмотря на рост внимания исследователей к социальной стороне советской финансовой политики, остаётся немалое количество вопросов, требующих изучения и уточнения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Для получения ответов на эти вопросы важно понять, как именно советское руководство собирало и анализировало информацию о ходе займовых кампаний, а также установить, какую значимость имели доходы от выигрышей и расходы на приобретение облигаций для личных бюджетов граждан. Сделать выводы возможно при помощи сведений, содержащихся в статистических материалах, сообщениях советских СМИ, письмах граждан, их личных дневниках. Основными источниками информации для исследования послужили документы Российского государственного архива экономики [РГАЭ], Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ], Российского государственного архива новейшей истории [РГАНИ], Центрального государственного архива Санкт-Петербурга [ЦГА СПб], Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга [ЦГАЛИ СПб]. Сведения из дневников были получены при помощи Электронного корпуса дневников «Прожито» [Прожито]. Записи приведены в авторской орфографии и пунктуации.

Изучением личных бюджетов граждан занимались Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР и региональные статистические управления. Данные собирались статистиками из ежедневных записей доходов и расходов семей, входивших в выборку, далее эти сведения заносились в форму № 2, где определялись суммарные и средние значения показателей.

Анализ этих документов не лишен объективных трудностей, поскольку, во-первых, в графе «расходы на государственные займы» не разграничивались «массовые» и «выигрышные» ценные бумаги, а во-вторых, данные, обнаруженные в фондах РГАЭ, не охватывают весь период про-

ведения послевоенных кампаний. Сведения, обработанные статистиками, позволяют достаточно внимательно изучить интервал 1951—1957 годов, хотя в некоторых региональных архивах имеются данные о 1946—1950 годах [ЦГА СПб, ф. Р—4965, оп. 1, д. 5764, д. 5766, д. 5767, д. 5874, д. 6002, д. 6004, д. 6212]. Подобные ограничения затрудняют полноценный анализ бюджетов граждан, но позволяют продемонстрировать, какие значения от поступлений и трат на займы фигурировали в общесоюзной статистике.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Государственные исследования доходов и расходов граждан

Каждая займовая кампания начиналась с подготовки к ней и установки плановых заданий для отдельных населённых пунктов и союзных республик, а уже после этого проводилась подписка граждан и сбор средств. Внимание к подписке было пристальным, потому что от этого зависели выполнение планового показателя и объём поступления средств в бюджеты разных уровней. Недостаток взносов мог негативно повлиять на зарплату некоторых категорий населения, в частности работников социальной сферы. О подобных ситуациях сообщали чиновники из разных частей СССР. Так, например, в I квартале 1946 года в Ставропольском крае и Ростовской области с крестьян было собрано недостаточно средств по подписке, из-за чего, по данным Министерства финансов РСФСР, несвоевременно осуществлялось финансирование школ, больниц, детских домов и других социально-бытовых учреждений в ряде районов, не хватало денег на обеспечение полноценным питанием пациентов медицинских стационаров, а также росла задолженность по зарплате учителей [ГАРФ, ф. А—259, оп. 6, д. 3762, л. 2].

Во II квартале 1953 года из-за недопоступления средств от госзайма в региональные бюджеты Министерство финансов РСФСР при поддержке Совета Министров РСФСР запрашивало у союзного руководства дополнительные средства для покрытия расходов на своевременную зарплату учителям за период отпусков. Обоснование такой меры опиралось на экономические расчёты, письма руководителей Советов Министров автономных республик, исполкомов краёв, областей и городов республиканского подчинения о необходимости компенсации разрыва [ГАРФ, ф. А—259, оп. 7, д. 3100, л. 1, 5, 6, 7].

Аналогичная ситуация имела место в 1957 году, когда было принято решение прекратить ежегодные массовые подписки на займы. Однако доходы от предполагавшейся ранее кампании этого года были запланированы в бюджетах разных уровней. Если к марту суммы отчислений в бюджеты уже были утверждены, то после 19 апреля 1957 года произошла оператив-

ная корректировка этих показателей. Вместе с тем было принято решение об увеличении отчислений от займа в бюджеты союзных республик, АССР, краёв, областей и городов республиканского значения для предотвращения разрывов [ГАРФ, ф. А—259, оп. 7, д. 9126, л. 1, 5].

Министерство финансов, Главное управление гострудсберкасс и ЦСУ СССР совместно контролировали ход подписки на предприятиях, в учреждениях и организациях. Выборочные исследования проводились неоднократно, охватывали около 1000 предприятий, расположенных в крупных городах и райцентрах [РГАЭ, ф. 7599, оп. 20, д. 1816, л. 88—89]. В качестве основных параметров использовали списочный состав рабочих и служащих, фонд зарплаты, количество подписчиков. Исходя из этих параметров производилось распределение работников по уровням подписки: до 75 % зарплаты, от 75 до 100 %, от 100 до 125 %, от 125 до 150 % и свыше 150 %. Дополнительно производилось распределение по размерам зарплат: до 400 руб., от 400 до 700 руб., от 700 до 1000 руб., свыше 1000 руб. [РГАЭ, ф. 7599, оп. 20, д. 1101—1105]. В 1952 году аналогичные исследования хотели распространить на домохозяйства колхозов, однако ЦСУ СССР не сочло возможным проведение подобного мероприятия [РГАЭ, ф. 7599, оп. 20, д. 1816, л. 88].

Изучение структуры подписки проводилось и на местном уровне, о чём свидетельствуют документы региональных статуправлений и финансовых отделов. Логика и результаты этих исследований соответствовали общесоюзному вектору. С помощью этих данных можно увидеть, какой вариант подписки был наиболее распространённым, однако почти невозможно понять причины, по которым граждане жертвовали те или иные суммы. Очевидно, одни руководствовались рациональными соображениями, желая потратить на займы не больше, чем зарабатывали, другие могли потратить на покупку облигаций сверхсуммы, надеясь получить дополнительные доходы (в частности, за счет выигрышей). Но в этих материалах отсутствуют комментарии, способные как-либо прояснить отношение государственных структур к финансовой нагрузке граждан. Вероятно, региональное руководство стремилось сохранить подписку на уровне, близком к месячному заработку гражданина, не допуская излишних «прыжков». Знание об уровне подписки было полезно в административной работе. Однако для более детального понимания значения займов в бюджетах граждан необходимо обратиться к источникам иного рода.

ЦСУ СССР изучались бюджеты рабочих, служащих и ИТР, с 1950-х годов — также учителей, врачей и среднего медперсонала. Расчёты производились на семью в целом и на одного человека. Процесс формирования выборки, описание категорий доходов и расходов регламентировались специ-

альными правилами ЦСУ СССР для региональных статуправлений. Там сообщалось, что граждане, которые получали крупные выигрыши по займам, исключались из выборки [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 564, л. 2; РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 431, л. 30], поэтому возникает сложность в понимании значительности выигрыша в качестве фактора, влиявшего на уровень дохода. Результаты обработки статистических форм представлены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Значения доходов и расходов категорий городского населения СССР
(в руб.) *

Рабочие								
Год	доход на семью	доход на одного	расход на семью	расход на одного	доход от займа на семью в месяц	доход от займа на одного в месяц	расход на займы на семью в месяц	расход на займы на одного в месяц
1951	—**	473,13	—	467,25	-	3,9	—	29,63
1952	1488,3	476,11	—	469,62	-	3,34	—	29,58
1953	1441	482,06	1419,8	475,02	13,63	4,54	49,19	16,37
1954	1489,21	500,07	1470,31	493,78	12,82	4,28	39,71	13,28
1955	1563,12	517,04	1547,51	512,08	18,46	6,08	77,77	25,89
1956	1615,89	534,27	1587,56	525,14	20,3	6,7	87,78	29,11
1957	1700,41	562,89	1668,24	552,42	6,18	2	59,39	19,58
ИТР								
1951	—	589,89	—	570,91	—	6,94	—	41,2
1952	1973,87	597,15	1933,77	585,4	20,67	6,27	137,88	41,77
1953	1977,17	598,24	1932,24	585	27,53	8,32	73,62	22,09
1954	2071,11	632,93	2025,03	619,77	28,32	8,58	61,75	18,87
1955	2120,63	646,25	2092,72	638,36	32,82	9,99	118,41	36,35
1956	—							
1957	2274,42	695,91	2221,67	680,63	11,08	3,3	91,39	27,77
Служащие								
1951	—	510,38	—	503,31	—	4,53	—	31,96
1952	1430,64	506,4	1409,6	499,18	12,46	4,41	89,53	31,73
1953	1740,88	581,88	1704,67	570,22	23,25	4,53	61,92	20,55
1954	1511,57	544,32	1490,18	536,85	18,57	6,62	42,37	15,24
1955	1537,9	557,42	1519,08	550,83	24,76	8,96	73,67	26,88
1956	—							
1957	1622,78	580,29	1561,71	558,62	24,18	8,65	98,63	35,28

* Составлено автором по [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 25, л. 126; д. 48, л. 100а, 153; д. 152, л. 103; д. 154, л. 22—23, 45; д. 157, л. 160; д. 287, л. 10, 37, 102, 288; д. 395, л. 22, 45; д. 396, л. 117; д. 486, л. 117; д. 582, л. 112—113; д. 584, л. 121—122, 124—125].

** Данные отсутствуют.

Данные, собранные по разным группам населения, позволяют показать, что для граждан СССР поступления от займов составляли около 1 % от общего дохода. За весь рассматриваемый период доход по займам ни разу не превышал расход по ним. Соотношение дохода к расходу можно представить как 1 : 3 или 1 : 4 в зависимости от социальной группы и года проведения кампании. Наибольшие расходы по займам приходились на семьи ИТР, поскольку в рассматриваемый период эти граждане обладали наиболее высоким доходом. Различие в уровне доходов и расходов по займам, которое отмечается в 1957 году во всех группах, можно обосновать принятием решения о прекращении новых массовых займов, но вместе с этим проводилась подписка и взимание средств по последней кампании 1957 года.

Помимо сбора количественных показателей, региональные статистические управления составляли поквартальные аналитические записки о состоянии бюджетов граждан в городах и сельской местности. С обработкой этих данных также возникают сложности, поскольку в каждой союзной республике аналитическое представление информации о бюджетах не было одинаковым. Далеко не во всех регионах уделялось подробное внимание соответствующей оценке, поэтому сведения не отличаются равномерностью. К примеру, в Латвийской ССР сохранились данные о расходах колхозников на займы в течение 1952—1955 годов с указанием их доли процента к общему уровню трат (табл. 2).

Таблица 2

Значения доходов и расходов колхозников Латвийской ССР
за 1952—1955 годы (в руб.) *

Показатели	1952	1953	1954	1955
Доход на 1 двор	3915	4354	5979	7225
Расход на 1 двор	3850	4209	5657	7177
Расход на займы	282	103	120	268
% на займы	7,3	2,4	2,1	3,7

* Составлено автором по [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 468, л. 222, 227, 228].

Объяснить динамику процентного соотношения возможно изменениями в суммах размещения займов в указанные годы и постепенным совершенствованием системы ограничений размеров подписки в зависимости от уровня заработка.

Похожие сведения предоставляли статуправления Белорусской, Молдавской, Эстонской ССР и РСФСР (табл. 3; табл. 4).

Таблица 3

Денежные расходы на семью в РСФСР за 1952 год (в руб.) *

Рабочие квал.	Рабочие малоквал.	ИТР	Служащие	Учителя нач. Учителя сред.	Медперсонал Врачи
1556	1261	1968	1415	1557	1419
Траты на займы					
101	77	144	91	115	96
6,5 %	6,1 %	7,3 %	6,4 %	7,4 %	6,8 %

* Составлено автором по [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 80, л. 151, 183].

Таблица 4

Денежные расходы на семью в РСФСР за 1953 год (в руб.) *

Рабочие квал.	Рабочие малоквал.	ИТР	Служащие	Учителя нач.	Учителя сред.	Медперсонал	Врачи
1556	1268	1953	1409	1379	1744	1229	2014
Траты на займы							
56	43	75	49	45	63	40	74
3,6 %	3,4 %	3,8 %**	3,4 %**	3,3 %**	3,6 %**	3,3 %**	3,7 %**

* Составлено автором по [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 210, л. 158, 176].

** Расчёты автора

Уменьшение процентных и абсолютных значений связано с общим снижением суммы размещения займа в 1953 году.

Важно подчеркнуть, что советскими статистиками в общей структуре расходов населения траты на займы представлялись как вполне контролируемые и не наносившие серьёзного удара по финансовому благополучию граждан.

Между тратами на займы и другими категориями расходов могла быть установлена зависимость. В 1956 году статуправление УССР привело такую оценку денежных трат рабочих: «Некоторое снижение расходов на покупку непродовольственных промтоваров в 1 квартале 1956 года по сравнению с 1 кварталом 1955 года при снижении расходов на питание связано с повышением расходов на приобретение облигаций госзаймов» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 561, л. 134—135]. Доля трат на займы составляла 3,3 % в 1955 году и 6,5 % в 1956 году [Там же, л. 133].

Данных о том, чтобы подобные значения превышали уровень 10 % общей суммы расходов, обнаружить не удалось. В процессе подготовки к прекращению займовых кампаний министр финансов СССР А. Г. Зверев сообщал, что в среднем ежемесячно граждане тратили на выкуп облигаций 7—8 % зарплаты [РГАНИ, ф. 5, оп. 30, д. 222, л. 14].

Если в статистической документации доля трат на займы в структуре расходов фиксировалась почти повсеместно, то комментарии о значении поступлений по займам в структуре доходов граждан обнаруживаются далеко не всегда.

Нередко такая информация встречалась в аналитических записках из Молдавской ССР, например: «Доходы от выигрышей и погашения госзаймов в 1955 году составляют 40 руб. на 1 хозяйство, а в 1954 году — 39 руб., т. е. остались на том же уровне» [РГАЭ, ф. 1562, оп. 26, д. 561, л. 173]. Там же сведения о масштабах подписки увязывались с материальным положением коллективных хозяйств: «Расходы на приобретение облигаций государственного займа 1955 года возросли против 1954 года на 84 %. Необходимо отметить, что хозяйства с большими денежными доходами приобретают облигации на большую сумму. Однако, в относительном выражении, по отношению к общей сумме денежных доходов, удельный вес расхода на покупку облигаций в хозяйствах с меньшим денежным доходом выше, чем в хозяйствах с большим денежным доходом» [Там же, л. 182]. Объяснить акцент внимания статистиков на получении дохода от займа можно необходимостью демонстрации роста общего уровня материального благополучия граждан.

3.2. Представление доходов и расходов по займам в советских СМИ

В государственных СМИ освещение сюжетов, связанных с займами, со временем содержательно изменилось. С 1946 года и вплоть до 1953—1954 годов в информационном поле продвигалась идея важности займов для восстановления ущерба, нанесённого войной, приводились примеры объектов, созданных на эти средства. Уделялось внимание рекордным суммам подписки от граждан с высоким уровнем дохода: академиков и профессоров, лауреатов Ленинской и Сталинской премий, передовиков производства, деятелей культуры и искусства, — все они способствовали скорейшему восстановлению страны [Вклад ..., 1948; На заводах ..., 1948].

Постепенно в СМИ возросло внимание к выигрышам от займов. В ходе конверсии 1948 года по радио сообщали о невостребованных выигрышах, исчислявшихся миллионами рублей. Аналогичную информацию об этом можно встретить и в финансовых отчётах сберкасс, так как их работники проводили проверки облигаций и выигрышей по ним на предприятиях. За один только 1947 год в Ленинграде было выявлено 90 186 выигрышей на 11,4 млн руб. [ЦГА СПб, ф. Р—9823, оп. 1, д. 251, л. 5]. С 1949 года о выигрышах в СМИ стали говорить чаще, но не придавая значения фактам распоряжения этими средствами.

После смерти И. В. Сталина в советских медиа наблюдалось изменение курса информирования граждан о займах. В ходе кампании подписки

на Государственный заём развития народного хозяйства 1953 года в эфире ленинградского радио прозвучало сообщение о счетоводе колхоза «Сталинец» М. М. Александровой, которая в 1952 году выиграла по займу 25 000 руб. На эти средства был построен «большой дом, украшенный густой зеленью, обнесённый красивым палисадом» [ЦГАЛИ СПб, ф. Р—12, оп. 2, д. 321, л. 145], в котором семья Александровой отпраздновала новоселье. В этом же материале рассказывалось об удачливости жителей города Гатчины и Гатчинского района: только за 1952 год местное население получило выигрышей на 1,5 млн руб., а доходы от займов стали «существенным подспорьем в бюджетах тружеников села» [Там же, л. 146]. По радио сообщалось, что на полученные деньги люди приобретали радиоприёмники, велосипеды, швейные машины, мотоциклы, мебель, чайные и столовые сервизы.

Любопытный сюжет прозвучал по ленинградскому радио в ходе проведения кампании 1956 года. Рабочий завода им. К. Маркса И. Н. Пилевин приобрёл на выигрыш по займу телевизор, о котором давно мечтал. В сообщении также указывалось, что на этом заводе не было рабочего, который не получал бы выигрышей по займу. Некоторые из них становились счастливыми неоднократно. Так, например, рабочий автомато-револьверного цеха Давыдов выигрывал 60 раз, начиная с первого займа индустриализации. В материале констатировалось, что выигрыши по облигациям займов стали постоянным доходом граждан, и подчеркивалось, что за один год проводилось 27 тиражей выигрышей и 6 тиражей погашения, в результате которых государство выплатило 14 млрд руб. [ЦГАЛИ СПб, ф. Р—293, оп. 4, д. 96, л. 152].

Налицо трансформация информационной политики, которая сместила акценты с общественного благополучия на личное. Вероятно, такие изменения имели закономерный характер, поскольку они решали задачу обоснования необходимости продолжения ежегодных кампаний. Вместе с тем никуда не исчезли сообщения о значении займов для общественного благополучия и укрепления материальной базы СССР.

3.3. Отношение граждан к личным доходам и расходам на займы

Вопросы распределения выигрышей были важными для советских граждан, о чём они сообщали в своих письмах к высшему руководству страны. Они хотели изменить суммы и количество выигрышей, чтобы эти деньги равномерно распределялись между всеми займодержателями [Новиков, 2019].

Кроме того, люди хотели иметь возможность легально продать облигации для решения личных финансовых проблем. К примеру, в сентябре 1947 года житель Казани Г. В. Александров написал письмо на имя мини-

стра финансов СССР А. Г. Зверева, в котором просил разрешить ему продать облигации займов на сумму 1000 руб., чтобы содержать семью. Автор письма был эвакуирован из Ленинграда в Казань вместе с семьёй, его заработок составлял 600 руб. Положение отягощалось тем, что у двоих из пяти членов его семьи развился туберкулёз [РГАЭ, ф. 7571, оп. 1, д. 174, л. 309]. Александров просил помочь, поскольку, «кроме как от советской власти, ждать подмоги было не от кого» [Там же]. Аналогичная просьба звучала от ветерана войны И. С. Павлова из Мгинского района Ленинградской области, также страдавшего от туберкулёза и имевшего на иждивении 6 членов семьи при зарплате в 450 руб. Он хотел сдать в Госбанк облигации на сумму 4300 руб. [РГАЭ, ф. 7571, оп. 1, д. 172, л. 150]. Заявление было рассмотрено Главным управлением гострудсберкасс СССР, но не поддержано [Там же, л. 146].

Однако имелись и примеры обращений, по результатам которых гражданам удалось продать облигации. К. Айронсайд приводит в своей работе письмо участника войны из Московской области Н. М. Маралина, потерявшего обе руки. В 1947 году он обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой предоставить возможность продать облигации займов на сумму 3500 руб. Председатель Президиума Н. М. Шверник согласился помочь, и Маралин продал облигации на сумму 1000 руб. [Ironsides, 2021, p. 135] Другие граждане были не столь удачливыми, получая неоднократные отказы на свои требования.

Отсутствие положительных решений, скорее всего, подталкивало граждан на продажу облигаций скупщикам, которых было достаточно много. Они предлагали кратно меньшие суммы за облигации номиналом 100 руб., но эти деньги были реальными. Сохранившиеся сведения о скупщиках облигаций позволяют делать выводы о скептическом отношении граждан к советским ценным бумагам [Новиков, 2025].

Финансовые органы не могли не обращать внимания на подобные проблемы, однако каких-либо существенных решений об изменении процедуры взаимодействия с гражданами по поводу оборота облигаций или о внедрении новых финансовых инструментов не принималось.

В то же время ими внимательно изучались особенности работы с народными сбережениями в иных государствах. В справке Главного управления гострудсберкасс СССР от 1956 года о госдолге разных капиталистических стран и способах аккумуляции сбережений граждан сообщалось, что во Франции граждане предпочитают краткосрочные и среднесрочные займы, в США — процентные с доходом в 3 % годовых, которые выплачивались 2 раза в год, в ФРГ и Италии действовали 5 %-е займы. Отличались также и сроки реализации внутренних займов: в Западной Германии срок

реализации был 5 лет, а в Италии — 9 лет, тогда как в СССР внутренние займы размещались на 20 лет. Продолжая характеристику итальянской сберегательной системы, авторы отмечали, что там люди чаще вкладывали в сберегательные сертификаты, поскольку их можно было в любое время продать по нарицательной стоимости [РГАЭ, ф. 7599, оп. 21, д. 30, л. 8]. Возможно, такой инструмент мог бы удовлетворить желание советских граждан продавать ценные бумаги в случае крайней необходимости, но подобных вариантов в СССР не существовало.

Граждане могли размышлять о собственных тратах и доходах в своих дневниках, однако эти сведения не всегда подробны. Для них характерна фиксация факта сохранения денежных средств и некоторые комментарии о том, на что можно было бы их потратить. Сложно обнаружить в этих данных прямые указания на бюджетное планирование, поскольку доход от займов был ситуативным и плохо прогнозируемым. Граждане чаще обращали внимание на займовые расходы в период проведения кампаний подписки, когда актуальность вопроса была выше. Однако имелись и примеры бюджетного планирования, как, например, в записи из дневника рабочего из г. Молотова (Перми) А. И. Дмитриева от 31 марта 1951 года:

«С 1-го апреля я ввожу для себя новые суммы заработка за смену и за месяц. Кроме оклада, за смену я должен зарабатывать сейчас по 30 руб. премии. Это значит, что в месяц я буду зарабатывать:

1. Оклад за 22 смены: 950 р. 00 к.
 2. Премия за 22 смены — 660 р. 00 к.
 3. За ночное время — 50 р. 00 к.
- Всего — 1660 р. 00 к.

А получать:

1. Налог — 158 р. 00
2. 1 % — 16 р. 00
3. Заем — 170 р. 00
4. Аванс — 700 р. 00
5. Окончательный на руки — 616 руб.

Это при условии работы в воскресенье и при наличии полной загрузки. В случае [чего] могут быть отклонения в сторону уменьшения — от оклада 130 р. [и] от премии — 90 р.» [Дмитриев, 1951].

В дневниках Дмитриева тема планирования расходов и доходов возникала часто, однако на общем фоне данный источник выглядит скорее как исключение.

В ходе обсуждения проблемы прекращения массовых займов в апреле 1957 года граждане прямо заявляли о своих планах использовать освободо-

дивившиеся средства для решения личных проблем. Так, слесарь Ленинградского инструментального завода С. Коляда сказал: «Речь товарища Хрущёва и обращение горьковчан я внимательно прочитал и глубоко продумал. Предложения о займовской реформе твёрдо поддерживаем. Она укрепит бюджет каждой семьи. Вот, например, я и моя жена ежегодно подписывались на 1700 руб. С будущего года мы сможем эту сумму использовать на свои нужды» [ЦГАЛИ СПб, ф. Р—293, оп. 4, д. 350, л. 101]. Аналогичные суждения высказывали рабочие других ленинградских предприятий. Факт сохранения денег в семейных бюджетах воспринимался однозначно положительно, а реакция на прекращение выплат выигрышей и отсрочку погашения облигаций не была исключительно позитивной.

Упомянутый Коляда так рассуждал о прекращении выплат выигрышей: «С будущего года у нас не будет выигрышей по займу (облигаций на 9 тыс. руб.). Ну и пусть. Наш главный выигрыш — это благоденствие любимой отчизны, новые успехи в коммунистическом строительстве» [Там же.]. Аналогично высказывался токарь-новатор завода им. К. Маркса И. Н. Колодкин: «В прошлом году я подписался на 1700 руб., а в этом году подпишусь на сумму в 2 раза меньшую. С будущего года уже больше не придётся вообще подписываться на заём. Значит, я смогу больше денег тратить на удовлетворение своих нужд. Я получил квартиру в новом доме, но многие рабочие ещё нуждаются в жилье. Каждый из нас понимает, как важно быстрее дать квартиры всем советским людям. Это сделает наше государство, но мы ему обязаны помочь. Поэтому отсрочку выплат по займам мы целиком приветствуем» [Там же, л. 84]. Подобные высказывания были нацелены на демонстрацию необходимого политического поведения, которое позволяло бы подтвердить правильность выбранного государством курса и минимизировать негативный эффект принятого решения для личного благосостояния граждан.

В 1962 году, по прошествии 5 лет после прекращения массовых кампаний, в материалах к докладу о государственном бюджете СССР сообщалось, что ежегодно у граждан на руках оставалось 2,2 млрд руб. (в ценах 1961 года), что значительно увеличивало их реальные доходы [РГАЭ, ф. 7599, оп. 21, д. 424, л. 167]. Вероятно, тем самым советское руководство в очередной раз получило подтверждение сохранения контроля над ситуацией в социально-экономической сфере.

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование показало сложность поиска ответа на вопрос о значении государственных займов в бюджетах граждан СССР. С одной стороны, в распоряжении исследователей находится немалое коли-

чество полезных сведений, которые могут пролить свет на особенности функционирования советской экономики, сложности ликвидации товарно-денежных отношений и трудности реализации финансовой политики. С другой стороны, согласно данным статистики, займы в структуре денежных трат граждан не занимали определяющего места, поскольку ключевой статьёй расходов на протяжении всего изучаемого периода было продовольствие. Поэтому логично, что внимание советской статистики и органов власти было сосредоточено не на детальном исследовании влияния займов, а на сохранении статус-кво и контролируемости процесса подписки. Доходы и расходы на займы, по сведениям государственных статистических служб, не выглядели аномальными, а коррелировали с общими изменениями в реализации этих финансовых кампаний. Абсолютные значения и процентное соотношение займов в структуре расходов менялись соразмерно доходам и расходам разных социально-профессиональных групп.

Статистическая картина не совпадала с личным восприятием граждан, но и они не всегда придавали значение этим кампаниям и не всегда внимательно анализировали состояние своих доходов и расходов. Вероятно, большее внимание к этой проблеме обуславливалось ухудшением личного финансового положения.

Как отметил С. А. Баканов, займы представляли собой «хорошо апробированный инструмент мобилизации средств населения, который на протяжении многих лет позволял балансировать доходы и расходы граждан» [Баканов, 2024, с. 106]. Вместе с этим не до конца были решены вопросы о способах реализации облигаций или о создании альтернативных финансовых инструментов, позволявших гражданам восполнять нехватку средств в личных бюджетах.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Вклад учёных и студентов // Ленинградская правда [газета]. — 1948. — № 104. — С. 3.
2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации Ф. А—259 (Совет Министров РСФСР). Оп. 6. Д. 3762 ; Оп. 7. Д. 3100, Д. 9126.
3. Дмитриев 1951 — Дмитриев А. И. Запись от 31 марта 1951 года [Электронный ресурс] / А. И. Дмитриев // Прожито : архив : корпус дневников. — Режим доступа : <https://corpus.prozhito.org/note/109007> (дата обращения 12.03.2025).
4. Мезенин Н. А. Жизнь после Победы (записки из дневника) / Н. А. Мезенин // Тагильский краевед. — 2005. — № 18—19. — С. 132—134.
5. На заводах, стройках, в колхозах, институтах // Ленинградская правда [газета]. — 1948. — № 105. — С. 3.

6. Прожито — *Электронный* корпус дневников «Прожито» [Электронный ресурс] / Европейский университет в Санкт-Петербурге. — Режим доступа : <https://cogrus.prozhito.org> (дата обращения 16.03.2025).

7. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС. 1949—1991 гг.). Оп. 30. Д. 222.

8. РГАЗ — *Российский* государственный архив экономики Ф. 1562 (Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР) Оп. 26. Д. 25, Д. 48, Д. 80, Д. 152, Д. 154, Д. 157, Д. 287, Д. 210, Д. 395, Д. 396, Д. 468, Д. 486, Д. 561, Д. 564, Д. 582, Д. 584 ; Ф. 7571 (Арсений Григорьевич Зверев) Оп. 1. Д. 172, Д. 174 ; Ф. 7599 (Главное управление государственных трудовых сберкасс и государственного кредита СССР). Оп. 20 Д. 1101—1105, Д. 1816 ; Оп. 21. Д. 30, Д. 424.

9. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга Ф. Р—4965 (Статистическое управление города Ленинграда — ЦСУ СМ СССР. Ленинград). Оп. 1. Д. 5764, Д. 5766, Д. 5767, Д. 5874, Д. 6002, Д. 6004, Д. 6212 ; Ф. Р—9823. (Санкт-Петербургский банк акционерного коммерческого банка Сбербанка России и его предшественники) Оп. 1. Д. 251.

10. ЦГАЛИ СПб — *Центральный* государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга Ф. Р—12. (Федеральное государственной унитарное предприятие «Телеграфное агентство России ИТАР—ТАСС. Санкт-Петербургский региональный информационный центр ИТАР—ТАСС») Оп. 2. Д. 321. ; Ф. Р—293. («Государственная телерадиокомпания «Петербург—5 канал») Оп. 4. Д. 96, Д. 350.

Литература

1. *Баканов С. А.* Государственный бюджет СССР в 1950—80-е годы : динамика и структура расходов / С. А. Баканов // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 304—326. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-304-326.

2. *Баканов С. А.* Денежное обращение в СССР в период между реформами 1947 и 1961 гг. / С. А. Баканов // История и современное мировоззрение. — 2024. — Т. 6. — № 3. — С. 100—109. — DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-3-100-109.

3. *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945—1982 годы / А. З. Ваксер. — Санкт-Петербург : «Издательство ОСТРОВ», 2005. — 436 с. — ISBN 5-94500-029-9.

4. *Клинова М. А.* «Сегодня играю с министром финансов Зверевым в 1-й тираж 1-го займа» : проблематика выигрыша по займам в эго-документах 1946—1957 гг. / М. А. Клинова // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 486. — С. 137—146. — DOI: 10.17223/15617793/486/14.

5. *Клинова М. А.* Советские внутренние займы 1946—1957 гг. В политическом дискурсе и прессе / М. А. Клинова // Экономическая история. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 263—275. — DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.263-275.

6. *Клинова М. А.* Экономические стратегии городского населения РСФСР (1946—1956 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / М. А. Клинова. — Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2020. — 876 с.

7. *Козлов В. А.* Принуждение к добровольности : сваговцы и послевоенные займы / В. А. Козлов, М. Е. Козлова // Маленький СССР и его обитатели. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — С. 113—126. — ISBN 978-5-4448-1560-1.

8. *Мамяченков В. Н.* Внутренний заем 1957 года и завершение эпохи «добровольно-обязательных займов» (на материалах Среднего Урала) / В. Н. Мамяченков, Е. А. Иванов,

В. В. Шведов // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 435—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-435-449.

9. *Мамяченков В. Н.* Динамика и структура денежных расходов семей советских рабочих и служащих в 1946—1991 гг. (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 2. — С. 192—206.

10. *Новиков М. Д.* Девиации в процессе проведения внутренних государственных займов 1946—1957 годов в СССР / М. Д. Новиков // Петербургский исторический журнал. — 2025. — № 1 (45). — С. 85—95. — DOI: 10.51255/2311-603X_2025_1_85.

11. *Новиков М. Д.* Отношение населения Советского Союза к выигрышам по государственным займам 1946—1957 годов / М. Д. Новиков // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2019. — № 2 (63). — С. 41—52.

12. *Фигурнов С. П.* Реальная заработная плата и подъём материального благосостояния трудящихся в СССР / С. П. Фигурнов. — Москва : Соцэкгиз, 1960. — 199 с.

13. *Чуднов И. А.* Денежная реформа 1947 года / И. А. Чуднов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 431 с. — ISBN 978-5-8243-2286-6.

14. *Holzman F. D.* An Estimate of the Tax Element in Soviet Bonds / F. D. Holzman // The American Economic Review. — 1957a. — Vol. 47. — № 3. — Pp. 390—396.

15. *Holzman F. D.* The Soviet Bond Hoax / F. D. Holzman // Problems of Communism. — 1957b. — Vol. 6. — № 5. — Pp. 47—49.

16. *Ironside K.* A Full-Value Ruble the Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union / K. Ironside. — Harvard University Press : Cambridge, Massachusetts & London, England, 2021. — 320 p. — ISBN 9780674251649.

17. *Millar J. R.* History and Analysis of Soviet Domestic Bond Policy / J. R. Millar // Soviet Studies. — 1975. — Vol. 27. — № 4. — Pp. 598—614.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025,
одобрена после рецензирования 14.04.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.

Material resources

At factories, construction sites, collective farms, institutes. (1948). *Leningradskaya Pravda* [newspaper], 105: P. 3. (In Russ.).

Central State Administration of St. Petersburg — *Central State Archive of St. Petersburg F. R-4965 (Statistical Office of the City of Leningrad — Central State Archive of the USSR. Leningrad). Op. 1. 5764, 5766, 5767, 5874, 6002, 6004, 6212; F. R—9823. (St. Petersburg Bank of the joint-stock commercial Bank of Sberbank of Russia and its predecessors) Op. 1. D. 251.* (In Russ.).

Contribution of scientists and students. (1948). *Leningradskaya Pravda* [newspaper], 104: P. 3. (In Russ.).

Dmitriev 1951 — Dmitriev, A. I. Entry dated March 31, 1951. *Lived: archive: corpus of diaries*. Available at: <https://corpus.prozhito.org/note/109007> (accessed 12.03.2025). (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation F. A—259 (Council of Ministers of the RS-FSR). Op. 6. 3762; Op. 7. 3100, 9126.* (In Russ.).

Lived — *The electronic corpus of diaries “Lived”*. Available at: <https://corpus.prozhito.org> (accessed 16.03.2025). (In Russ.).

- Mezenin, N. A. (2005). Life after Victory (notes from a diary). *Tagil local historian*, 18—19: 132—134. (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics F. 1562 (Central Statistical Office (CSU) under the Council of Ministers of the USSR) Op. 26. D. 25, D. 48, D. 80, D. 152, D. 154, D. 157, D. 287, D. 210, D. 395, D. 396, D. 468, D. 486, 561, 564, 582, 584; F. 7571 (Arseniy Grigorievich Zverev) Op. 1. 172, 174; F. 7599 (Main Directorate of State Labor Savings Banks and State Credit of the USSR). Op. 20, 1101—1105, 1816; Op. 21, 30, 424. (In Russ.).*
- RGANI — *Russian State Archive of Modern History F. 5 (Apparatus of the Central Committee of the CPSU. 1949—1991). Op. 30. D. 222. (In Russ.).*
- TsGALI SPb — *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg F. R—12. (Federal State Unitary Enterprise “Telegraphic Agency of Russia ITAR—TASS. St. Petersburg Regional Information Center ITAR—TASS”) Op. 2. 321.; F. R—293. (“State Television and Radio Company “Petersburg—Channel 5”) Op. 4. 96, 350. (In Russ.).*

References

- Bakanov, S. A. (2021). The USSR State budget in the 1950s and 80s: dynamics and structure of expenditures. *Nauchnyj dialog*, 5: 304—326. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-304-326. (In Russ.).
- Bakanov, S. A. (2024). Monetary circulation in the USSR in the period between the reforms of 1947 and 1961. *History and modern worldview*, 6 (3): 100—109. DOI: 10.33693/2658-4654-2024-6-3-100-109. (In Russ.).
- Chudnov, I. A. (2018). *Monetary reform of 1947. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Political Encyclopedia. 431 p. ISBN 978-5-8243-2286-6. (In Russ.).
- Figurnov, S. P. (1960). *Real wages and the rise of the material well-being of workers in the USSR.* Moscow: Sotsekgiz. 199 p. (In Russ.).
- Holzman, F. D. (1957a). An Estimate of the Tax Element in Soviet Bonds. *The American Economic Review*, 47 (3): 390—396.
- Holzman, F. D. (1957b). The Soviet Bond Hoax. *Problems of Communism*, 6 (5): 47—49.
- Ironside, K. (2021). *A Full-Value Ruble the Promise of Prosperity in the Postwar Soviet Union.* Harvard University Press: Cambridge, Massachusetts & London, England. 320 p. ISBN 9780674251649.
- Klinova, M. A. (2020). *Economic strategies of the urban population of the RSFSR (1946—1956).* Doct. Diss. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. 876 p. (In Russ.).
- Klinova, M. A. (2021). Soviet domestic loans 1946—1957. In *Political Discourse and the Press. Economic history*, 17 (3): 263—275. DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.263-275. (In Russ.).
- Klinova, M. A. (2023). “Today I’m playing with Finance Minister Zverev in the 1st edition of the 1st loan”: the problems of winning loans in EGO documents 1946—1957. *Bulletin of Tomsk State University*, 486: 137—146. DOI: 10.17223/15617793/486/14. (In Russ.).
- Kozlov, V. A., Kozlova, M. E. (2021). Coercion to volunteerism: Svagovtsy and post-war loans. In: *The Little USSR and its inhabitants.* Moscow: New Literary Review. 113—126. ISBN 978-5-4448-1560-1. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2017). Dynamics and structure of monetary expenditures of families of Soviet workers and employees in 1946—1991. (based on materials from the Sverdlovsk region). *Nauchnyj dialog*, 2: 192—206. (In Russ.).

- Mamyachenkov, V. N., Ivanov, E. A., Shvedov, V. V. (2020). The internal loan of 1957 and the end of the era of “voluntary and compulsory loans” (based on the materials of the Middle Urals). *Nauchnyj dialog*, 5: 435—449. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-435-449. (In Russ.).
- Millar, J. R. (1975). History and Analysis of Soviet Domestic Bond Policy. *Soviet Studies*, 27 (4): 598—614.
- Novikov, M. D. (2019). The ratio of the population of the Soviet Union to government loan winnings 1946—1957. *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2 (63): 41—52. (In Russ.).
- Novikov, M. D. (2025). Deviations in the process of conducting internal government loans 1946—1957 in the USSR. *St. Petersburg Historical Magazine*, 1 (45): 85—95. DOI: 10.51255/2311-603X_2025_1_85. (In Russ.).
- Vaxer, A. Z. (2005). *Leningrad postwar. 1945—1982*. Saint Petersburg: OSTROV Publishing House. 436 p. ISBN 5-94500-029-9. (In Russ.).

*The article was submitted 02.04.2025;
approved after reviewing 14.04.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Плате А. Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале : законодательство и практика 1720—1750-х годов / А. Плате // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 473—490. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490.

Plate, A. (2025). Medical Expertise at Yekaterinburg Hospital: Legislation and Practice in 1720s–1750s. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 473-490. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-473-490. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале: законодательство и практика 1720—1750-х годов

Плате Алисе

orcid.org/0000.0003.0055-2385

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории
эдиционной археографии
aliceplate@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-18-00080

«Антропология горнозаводского центра:
социальная стратификация раннего
Екатеринбурга в 1723—1781 годах»

Medical Expertise at Yekaterinburg Hospital: Legislation and Practice in 1720s–1750s

Alice Plate

orcid.org/0000-0003-0055-2385

PhD in History, research scientist,
Laboratory of Editorial
Archaeography
aliceplate@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-00080
“Anthropology of the Mining Center:
Social
Stratification of Early Yekaterinburg,
1723–1781”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию процесса осуществления медицинской экспертизы в Екатеринбургском госпитале в 1720—1750 годах. Указано, что медицинское освидетельствование требовалось законодательством в ситуации досрочной отставки от заводской службы по состоянию здоровья и являлось одной из главных задач лечебного учреждения. Целью исследования стала реконструкция административно-медицинской процедуры, сложившейся в горном ведомстве к концу 1720-х годов. Главную источниковую базу составили документальные источники официального делопроизводства, наиболее значимыми из которых являлись выписки из историй болезни, а также оригиналы и копии паспортов, датированных 1747—1751 годами и выданных мастеровым и работным людям Канцелярией Главного заводов правления в связи с утратой трудоспособности. Проанализированы процесс и практика осуществления медицинских осмотров в Екатеринбургском госпитале. Показаны самые распространенные среди заводских служащих заболевания и производственные травмы, ставшие причиной для обращения за медпомощью. Выявлены критерии для присвоения временной или постоянной инвалидности. Сделан вывод о выраженно военно-ведомственном характере горнозаводского здравоохранения. Показано, что в соответствии с действующим законодательством руководство Екатеринбургского госпиталя было обязано учитывать не только принципы врачебной этики, но и потребности казны в людских ресурсах.

Ключевые слова:

история Урала; история медицины; медицинское законодательство; медицинское освидетельствование; Екатеринбургский госпиталь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of conducting medical expertise at the Yekaterinburg Hospital during the years 1720 to 1750. It highlights that medical examination was mandated by legislation in cases of early resignation from factory service due to health issues, constituting one of the primary responsibilities of the medical institution. The objective of this study is to reconstruct the administrative and medical procedures that had developed within the mining administration by the end of the 1720s. The main source base consists of documentary evidence from official records, with significant emphasis on excerpts from medical histories, as well as originals and copies of passports dated between 1747 and 1751, issued to skilled and laboring individuals by the Office of the Chief Factories Administration due to loss of work capacity. The article analyzes the processes and practices surrounding medical examinations at the Yekaterinburg Hospital. It reveals the most common illnesses and occupational injuries among factory workers that prompted requests for medical assistance. Criteria for assigning temporary or permanent disability are identified. The study concludes that the healthcare system in the mining sector exhibited a distinctly military character. It demonstrates that, in accordance with existing legislation, the management of the Yekaterinburg Hospital was obligated to consider not only the principles of medical ethics but also the needs of the treasury for human resources.

Key words:

Ural history; history of medicine; medical legislation; medical examination; Yekaterinburg Hospital.

Медицинская экспертиза в Екатеринбургском госпитале: законодательство и практика 1720—1750-х годов

© Плате А., 2025

1. Введение = Introduction

Одной из главных задач органов горнозаводского здравоохранения 1720—1750-х годов являлось проведение регулярных осмотров рекомендованных к отставке мастеровых и работных людей. На казенных предприятиях это было продиктовано требованием законодательства, предписывающего прохождение медицинского освидетельствования в аккредитованном Берг-коллегией лечебном учреждении в случаях увольнения со службы по состоянию здоровья.

Разрешив направлять рекрутов из приписных деревень «в заводские работы и обучать всякому мастерству», Сенат указом от 14 июля 1725 года приравнял службу на объектах горной промышленности к военной [ПСЗРИ-1, т. 7, № 4736, с. 503—508]. К концу первой половины столетия около 70 % рабочей силы на уральских казенных предприятиях, входивших в состав Екатеринбургского ведомства, составляли набранные из рекрут¹. Для них, так же, как в армии и во флоте, эта занятость фактически была пожизненной. Адмиралтейский регламент (гл. 1, п. 58) не предусматривал досрочной отставки, кроме как по болезни и возрасту [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3937, с. 535; Черкасова, 1985, с. 90—91]. Условия были уточнены в указе Берг-коллегии от 11 мая 1726 года, постановившем никого «без свидетельства лекаря от дел не отрешать» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 135, л. 194].

На Урале уполномоченным лицом, проводившим военно-врачебную экспертизу, являлся руководитель Екатеринбургского госпиталя. Решения, однако, принимались не только на основе медицинского заключения. С 1727 года, в соответствии с указами Берг-коллегии от 22 апреля и 12 июля, горнозаводское здравоохранение подчинялось местным органам исполнительной власти, отныне за госпитальную отчетность отвечал надзиратель [Там же, д. 122, л. 183—188]. Последнее слово оставалось за Сибирским Обер-бергамтом (с конца 1734 года — Канцелярией Главно-

1 К определению территории Екатеринбургского ведомства и перечню находившихся на ней казенных заводов см.: [Корепанов, 2023, с. 376—377].

го заводов правления). На мнение учреждения влияли, безусловно, кроме оценки врача, соображения экономического характера. Приходилось также учитывать социальный фактор — последствия регулярных увольнений многочисленного контингента инвалидов.

Помимо основной болезни, ставшей причиной для обращения в органы здравоохранения, здоровье работников было подорвано тяжелым физическим трудом. В рассматриваемый период на казенных предприятиях Урала вопрос о годности возникал, как правило, спустя 15—20 лет работы на заводах.

Государственная медицина петровской и послепетровской России являлась военно-ведомственной. Изначально система здравоохранения создавалась с целью повышения конкурентоспособности армии и флота. Для их нужд были изданы такие законодательные акты, как Воинский устав 1716 года, Морской устав 1720 года, Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 года, вышедшие в 1735 году Регламент медицинской канцелярии и Генеральный регламент о госпиталях [ПСЗРИ-1, т. 5, № 3006, с. 524—637; т. 6, № 3485, с. 2—116, № 3937, с. 525—637; т. 9, № 6808, с. 646—648, № 6852, с. 705—706]. Подобные меры, принятые ради общего блага, распространялись на передовые для казны отрасли промышленности. Горнозаводская медицина 1720—1750-х годов регулировалась также специально разработанными локальными нормативными актами. Главы 13 («О содержании аптеки, лекаря и богадельни») и 7 («О докторе медицины или Берг-физики») татищевских Наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову (1723) и Заводского устава (1735) посвящены организации лечебного дела на Урале [Заводской устав ..., 1831; Татищев, 1990, с. 91—93]. В соответствии с ними создавалась медицинская инфраструктура, решались вопросы снабжения лечебных учреждений, вырабатывались правила медицинской экспертизы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Процедура, практикуемая в горном ведомстве для оформления отставки от государственной службы, не являлась новшеством. Берг-коллегия обратилась к уже имеющемуся опыту «смотренных» мероприятий 1700—1723 годов. Порядок действий, как показано в историографии, был выработан при Петре I в результате известных акций по рекрутированию дворянства и служилых людей на государственную службу, и уже тогда процесс включал в себя проведение медицинских освидетельствований. Лица, подавшие челобитные с жалобами о состоянии здоровья, должны были проходить осмотры, и без заключения медика определения в отставку не осуществлялись [Бабич, 2006; Балыкина, 2021; Гурьева, 2010; Захаров, 2022; Захаров, 2021]. Однако очевидное сходство редко отмечается, и

параллели между военной и горной отраслями практически не проводятся. Дело в том, что исследования по истории медицины XVIII века, тем более его первой половины, зачастую не выходят за традиционные рамки, а остаются, вопреки заявленной междисциплинарности, в привычных тематических руслах. Историография, касающаяся становления горнозаводской медицины, посвящена в основном проблемам организации инфраструктуры здравоохранения в раннем Екатеринбурге (1723—1781 годы). В работах ряда авторов рассматриваются сложности финансирования и снабжения лечебных организаций, поднимается вопрос кадрового оснащения. Сама же деятельность медицинского персонала, круг его обязанностей, определявшийся ведомственностью госпиталя и основным контингентом лечившихся в нем пациентов, пока изучены недостаточно. Это справедливо обосновывается отсутствием в архивах цельного комплекса документов об истории медицины XVIII века [Копырина и др., 2020, с. 20—34; Корепанов, 2005; Сафронова, 2017, с. 51—70, Старков, 2007].

Тем не менее интересующая нас процедура медицинского освидетельствования не осталась вне поля зрения ученых. В статье А. М. Сафроновой и А. А. Сафронова «Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723—1734 годах», а также в кандидатской диссертации С. Н. Копыриной освещены проблемы взаимодействия представителей горной власти и медицины. Авторы, привлекая архивные материалы 1720—1750-х годов, описывают несколько случаев участия горных лекарей в процессе увольнения с заводской службы мастеровых и работных людей [Копырина, 2023, с. 116—166; Сафронова и др., 2020, 434—435]. Однако в связи с обзорным характером и иной постановкой исследовательских задач примеры в обеих работах несут скорее иллюстративную функцию, нежели систематизирующую. Исследования медицинской экспертизы в системе горной промышленности Урала первых десятилетий XVIII века комплексно пока не проводились. Не реконструирована заимствованная и сложившаяся в горном ведомстве в конце 1720-х годов административно-медицинская процедура, начинавшаяся с отправления инициативного документа (составляемого в заводских конторах доношения) и заканчивавшаяся в большинстве случаев распоряжением Сибирского Обер-бергамта (Канцелярии Главного заводов правления) о выдаче паспорта, наделявшего своего обладателя правом вернуться на место жительства — либо временно для восстановления здоровья, либо на постоянной основе [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. Соответственно, данная статья представляет собой попытку восполнить отмеченный историографический пробел.

В качестве основного источника избрано «Дело об отставке мастеровых и прочих чинов от службы», хранящееся в фонде № 24 «Уральское

горное управление» Государственного архива Свердловской области [Там же]¹. В нем документально зафиксированы все этапы делопроизводственной процедуры на казенных заводах Урала 1720—1750-х годов, которые были необходимы для оформления инвалидности. Стандартный пакет документов для предоставления в Сибирский Обер-бергamt (Канцелярию Главного заводов правления), включал в себя аттестаты (в свободной форме или в виде таблицы) с выписками из личных дел и истории болезни рекомендованного к отставке лица, медицинские заключения с поставленным в госпитале диагнозом и прогнозом болезни. Нередко власти просили приложить к этому комплексу свидетельство («расспросные речи» ближнего окружения больного) — дополнительный документ, необходимый врачу в случае сомнения в подлинности заявленной болезни. В архивном деле находятся оригиналы и копии 62 временных или постоянных паспортов, датированных 1748—1751 годами. Документы, выданные Канцелярией Главного заводов правления в подтверждение факта (временной или постоянной) нетрудоспособности, содержат богатый фактологический материал. Помимо личных данных, описания внешности и информации о состоянии здоровья, в паспортах указаны сведения о происхождении и социальном статусе обладателя, а также о заводе, к которому он был прикреплен, о занимаемой в нем должности или о профессии, а также о передвижениях по службе.

3. Результат и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Медицинский осмотр в Екатеринбургском госпитале

Согласно татищевскому Наказу шихтмейстеру 1734 года (глава 7 «О зарплате мастерам», пункты 3 и 4), в обязанности заводских контор вменялось проведение регулярных осмотров работников для выявления негодных к продолжению службы лиц и извещения об этом Канцелярии Главного заводов правления [Татищев, 1990, с. 182—183]. Затем, чаще всего небольшими группами по 2—12 человек, снабженными соответствующими документами, больных отправляли для прохождения медицинского освидетельствования в Екатеринбургский госпиталь [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. Исключение составляли служащие Кушвинского завода. После закрытия местного небольшого стационара в 1743 году они проходили первичный медицинский осмотр в госпитале Туринского завода. В Екатеринбург они попадали по направлению, когда туринские лекари не справлялись с нагрузкой [Копырина, 2023, с. 146—147; Сафронова, 2024, с. 302]. В период с 1 ноября 1750 года по 22 ноября 1751 года ру-

1 За предоставление документов автор выражает благодарность С. Н. Копыриной.

ководитель госпиталя, штаб-лекарь Иоганн-Христофор Шнезе обследовал в общей сложности 75 работников, рекомендованных к отставке по состоянию здоровья¹. Большая часть из них была прикреплена к Алапаевскому, Екатеринбургскому и Кушвинскому заводам и к заводу императрицы Анны (с 1759 года Сысертский завод). Также на прием к медику по болезни и из-за различных увечий попали служители ряда других казенных предприятий Екатеринбургского ведомства: Баранчинского, Каменского, Полевского, Синячихинского, Сусанского, Сылвинского и Уктусского заводов и завода цесаревны Анны (Верх-Исетский завод). Если оценить их с точки зрения социальной стратификации, основной контингент осматриваемых лиц составили рабочие и ремесленники различных специальностей и категорий (рудокопщики, молотобойцы, плавильщики, афутрайгеры (таскальщики), засыпщики, плотники, каменщики и кузнецы). В списках числились конюхи и сторожа, реже — подмастерья и мастеровые. В среднем вопрос об оформлении инвалидности поднимался после 21,7 года, отданных заводской службе; средний возраст увольняемых по медицинским показаниям составил 43,9 года.

Физическое состояние рабочих нельзя назвать иначе, чем плачевным. Помимо последствий производственных травм, выявленные болезни, главным образом «глазные» и «внутренние», как констатировал в своих отчетах штаб-лекарь Шнезе, «чрез многие лета застарели» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 66—66 об.]. Назначенный по результатам первичного медосмотра курс лечения занимал в среднем 2—3 недели, но в некоторых случаях больных решали оставить на более длительный срок. Иван Фуфаев,

1 Предполагается, что приведенными в архивном деле данными охвачены не все лица, утратившие работоспособность в указанный период. Вместимость Екатеринбургского госпиталя была ограничена: как в старом, построенном в 1727 году здании, так и в новом каменном (1751 год) количество койко-мест в стационаре было рассчитано на 24 — максимум 30 пациентов, что соответствовало законодательным нормам [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1243, л. 89—92, д. 1728, л. 159—160]. Судя по имеющейся информации, за 1735—1739 годы в госпитале (стационарно или, возможно, амбулаторно) лечились в среднем 455,6 человек ежегодно (включая делопроизводителей и чиновников) [Там же, д. 894, л. 406—481 об.]. Если исходить из подобных цифр за 1750—1751 годы, количество рекомендованных к отставке работников составило 16,5 % из общего числа пациентов. После отъезда доктора Д. Грифа в Самару в июне 1737 года руководство Екатеринбургским госпиталем находилось в руках лекарей. Сначала должность занимал Л. Сименс, а с января 1738 года в связи с возвращением последнего в Санкт-Петербург учреждение возглавил Иоганн-Христофор Шнезе (с 1746 года в чине штаб-лекаря), уроженец герцогства Брауншвейг, состоявший на российской службе с 1731 года. На Урале, таким образом, предписание медицинского законодательства о том, что лечением внутренних болезней должны заниматься лишь доктора, на практике не применялось [Мирский, 1996, с. 43]. В течение всего периода (1738—1774 годы) штаб-лекарь Шнезе проводил все виды лечения; был уполномочен визировать медицинские документы внутреннего и внешнего делопроизводства.

ученик оконниного дела, например, задержался в стационаре с ноября 1750 года до конца следующей весны. Затем, поскольку он не поправился, ему продлили «больничный лист» еще на шесть месяцев для лечения в домашних условиях [Там же, л. 1 об. — 3].

На сроки пребывания в госпитале могли влиять и другие факторы. Медицинские знания Раннего Нового времени далеко не всегда позволяли поставить точный диагноз, тем более когда речь шла о «внутренних болезнях». Как и в армии, врачи на казенных заводах беспокоились пропустить симулянта. Особые подозрения вызывала так называемая «падучая болезнь». В Екатеринбургском госпитале, опираясь на указы Берг-коллегии от 3 июля 1729 года и 23 июня 1731 года, лиц, якобы страдавших эпилепсией, подвергали двойной проверке [Там же, д. 280, л. 180, 183—185, 187]. Поскольку медики предполагали, что истинный эпилептик во время приступа лишается болевой чувствительности, госпитализированному в марте 1751 года подмастерью Ефтефею Горбунову из завода императрицы Анны были прописаны манипуляции раскаленным железом в течение 100 дней [Там же, д. 1310, л. 95, 105 об., 109—110]. К тому же экспертизе предшествовало обязательное проведение опроса окружения больного. В приведенном здесь случае шмельцер Евдокий Шишкин, кузнец Алексей Жданов и молотовой работник Гаврило Меркурьев расписались под свидетельством, подтвердившим регулярность проявлений болезни Горбунова. В июне того же года представители медицины и администрации пришли к консенсусу, что «болезнь не притворная» [Там же, л. 122—125 об.]. Описанная практика работала не всегда безошибочно. Доменный работник Яков Рукавшников, упавший во время припадка в расплавленный чугун, был доставлен из Кушвинского завода в Екатеринбург с сильными ожогами. Однако основанием для оформления отставки стала не эпилепсия. Во врачебном заключении указаны последствия производственной травмы [Там же, л. 160—160 об., 162].

Все описанные выше случаи восстановлены по заключениям штаб-лекаря, составляемым накануне выписки больного из госпиталя. Как правило, врачебные прогнозы были неутешительными, шансов на полное выздоровление не было. Соблюдая предписания Наказа шихтмейстеру, заводские конторы отправляли в Екатеринбург на экспертизу исключительно тяжелобольных, то есть работников, (временно или постоянно) лишившихся трудоспособности [ПСЗРИ-1, т. 7, № 5217, с. 911—912]. Однако в своей работе штаб-лекарь Шнезе руководствовался не только принципами врачебной этики. Учреждения ведомственного здравоохранения были обязаны учитывать потребности казны в людских ресурсах. Так же, как в армии, где именным указом от 5 июля 1740 года получил законодательное

закрепление давно прижившийся принцип «отставку чинить с великим рассмотрением» [ПСЗРИ-1, т. 10, № 8160, с. 178], на горных предприятиях прошения о присвоении инвалидности одобрялись далеко не всегда. Лишний раз сообщать в Москву о случаях досрочного увольнения со службы власти Екатеринбурга опасались уже в начале 1730-х годов, поскольку за это «Сибирский Обер-бергамт на себя может понести немалый штраф» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 280, л. 184]. Подобные директивы были хорошо известны Иоганну-Христофору Шнезе, бывшему полемому «chirurgus», сопровождавшему до перевода на Урал в январе 1738 года персидское посольство С. Д. Голицына (1733—1736) [Корепанов, 2005, с. 71]. Опираясь на закон и практику, больных мастеровых и работных людей, не достигших 40-летнего возраста, штаб-лекарь старался определить к легким работам, а временно нетрудоспособных отправлял для излечения по месту жительства на собственное пропитание.

3.2. Установление временной или постоянной нетрудоспособности

Согласно архивному делу, в рассматриваемый период Канцелярия Главного заводов правления выдала 62 паспорта. Кроме личных данных служителя, в документ вносилась информация об основной причине его оформления: состояние здоровья, (временно или постоянно) не позволяющее работать на занимаемой должности. Тяжелую физическую нагрузку на заводах выдерживали далеко не все, многие рано или поздно превращались в инвалидов, с трудом передвигавшихся и нередко слепых [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 1—201]. В историях болезни описаны открытые переломы, вывихи рук и иссушенные конечности, раздробленные надколенники и плечевые кости, а прежде всего грыжи — паховые и пупочные.

Печальную картину усугубляет перечень «особых примет», указанных в паспортах для облегчения идентификации обладателя. Все части тела рабочих были покрыты шрамами и рубцами от «посеку», «порезу», ушибов и ожогов. У многих были потеряны от ранений фаланги, целые пальцы и иные части кисти. Страдали кожа и мягкие ткани. При осмотре обнаруживалось заметное количество «черных пятен от болезни» (характерная для цинги геморрагическая сыпь) и «бородавок» — скорее всего, карцином, вызванных постоянным контактом с сажей при отсутствии защитной одежды и базовой гигиены [Беляев, 1976, с. 43—44; Kurin, 2021, р. 91—97]. Нередко штаб-лекарь Шнезе ставил диагноз «*внутренняя болезнь*» из-за выявленных удушья и туберкулеза или случаев цинги и венерических заболеваний (вероятно сифилиса), чаще всего не первой степени [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 27, 36 об. — 37, 41, 53—53 об., 63 об, 79, 103, 184]. Наибольшее распространение в документах имеет менее конкретная формулировка «*всем корпусом слаб и дряхл*» [Там же, л. 65]. Судя по исто-

риям болезни, в Екатеринбургском госпитале обнаруживали болезнь, называвшуюся в немецкоязычной горной медицине Раннего Нового времени *Bergsucht* (болезнь шахтера) или *Hüttenkatze* (кот рудоплавщика), позже названную *Шнеебергским раком*. Речь идет о профессиональном легочном раке, вызванном вдыханием радиоактивной пыли и впервые отмеченном у горнорабочих Шнееберга (Саксония) и соседнего Иоахимстала (сегодня Яхимов). Как правило, заболевание, проявляющееся разнообразными симптомами, прогрессирует медленно, постепенно поражая весь организм. На последней стадии больной, редко доживая до 40 лет, становится нетрудоспособным, или, как выражались горные врачи того времени, *bergfertig*, то есть «приконченным горой» [Härtling, Hesse, 1879, с. 296—309; 1880, с. 102—132, 313—337; Henkel, 1728; Schüttmann, 1988, с. 83—96].

Канцелярия Главного заводов правления выдавала два типа паспортов: временные и постоянные. В первых указывалась дата окончания срока, по истечении которого обладатель документа снова должен был отметиться в Канцелярии. Подобные «больничные листы» выписывали, как правило, на период до одного календарного года: временно нетрудоспособный рабочий отправлялся на место жительства, а выплаты жалования приостанавливались. За исполнением процесса следил госпитальный надзиратель, посредник между медицинской сферой и горнозаводской властью, состоявший в постоянной переписке со служащими заводской конторы. Если рабочий не выздоровел за указанный срок, а болезнь прогрессировала, то описанный процесс повторялся. После планового осмотра шихтмейстером такого работника направляли в Екатеринбург для прохождения очередной медкомиссии. В делопроизводственных документах регулярно встречаются упоминания многократных курсов лечения; в исследуемом архивном деле хранится несколько временных паспортов, датированных 1747—1749 годами [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 73, 82—82 об., 88]. Одним из пациентов являлся Иван Антропов. Рудокопщик Екатеринбургского завода наблюдался в госпитале из-за «внутренней болезни» в течение 5 лет. Однако к весне 1751 года его физические силы окончательно иссякли. На медосвидетельствование он лично явиться уже не мог, и новый паспорт Антропов получил через заводскую контору. Он оказался временным, со сроком действия до 1 июня 1752 года [Там же, л. 65—65 об., 71].

На выдачу постоянных паспортов Канцелярия Главного заводов правления решалась не сразу и, как правило, долго колебалась, когда вопрос о признании инвалидности затрагивал молодых служителей. Исключение составляли кадры, обратившиеся из-за «глазной болезни». Несмотря на сравнительно юный возраст (24—34 года), запросы учеников Екатеринбургского и Сылвинского заводов Антона Воробьева, Тимофея Гуляева и

Савы Корепова, работника Каменской пыльной мельницы, были одобрены при первом обращении за медицинской помощью [Там же, д. 1310, л. 20, 38—38 об., 112, 115—115 об., 181]. В иных случаях, однако, обследовав представителей молодого и среднего поколения, штаб-лекарь Шнезе заключал, что, «хотя летами невезма молод, некоторое время в легкой работе быть еще может» [Там же, л. 19]. При присвоении постоянной инвалидности чаще всего отмечали «старость и дряхлость». В отчетах этой устойчивой формулировкой дополнялся основной диагноз, в основном когда больной достигал хотя бы 50-летнего возраста. Главным ориентиром служило повеление именного указа от 5 июля 1740 года «определять к таким легким делам, какия по слабости их здоровья им будут сносны» [ПСЗРИ-1, т. 10, № 8160, с. 178]. Сроки эксплуатации человеческих ресурсов горнозаводское руководство старалось максимально продлить. Престарелых оформляли, по возможности, на вахтерскую должность, о чем свидетельствует завершающий этап карьерного пути 57-летнего Петра Костарева и 60-летнего Фирса Фомина, бывших молотовых работников на Синячихинского заводе и заводе императрицы Анны [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 28—28 об.]. Однако и последняя должность могла оказаться не по силам. Во время смены сторожа Афонася Серебрякова, в прошлом работника «досчатого дела» на Сылвинском заводе, случился пожар на скорняжной фабрике, и по его вине было уничтожено немалое количество мехов. Несмотря на многолетнее страдание «внутренней болезнью», несчастный сторож изъявил желание возместить причиненный ущерб, отработать его он планировал слесарем в Екатеринбурге. Просьбу о переводе Серебряков мотивировал наличием в городе родственников и лечебного заведения. Канцелярия Главного заводов правления согласилась, так как сумма казенных доимок составила 7,23 $\frac{3}{4}$ рублей [Там же, л. 72, 74—76].

Бывало, что инициативу увольнения нетрудоспособного работника брала на себя администрация, о чем свидетельствует пример 70-летних молотовых мастеровых завода императрицы Анны. Пантелей Забуров и Мосей Теткин являлись высококвалифицированными кадрами с полувековым служебным стажем — в лучшие годы, они, по всей видимости, были физически крепкими мужчинами. Впоследствии они так же отличались от своего окружения высоким ростом (171 и 173 см. [Там же, л. 175—176])¹, однако теперь, практически ослепшие, они перестали справляться с объемом работы. При этом уступать свои места масте-

1 В Российской империи рост человека измерялся в аршинах (71,12 см) и вершках (4,44 см). Согласно данным проанализированных паспортов, средний рост работников и мастеровых, прошедших медэкспертизу в Екатеринбургском госпитале в 1750—1751 годах, был 2 аршина и 4,5 вершка или в переводе на метрическую систему 161,9 см.

вые не планировали: уже давно (с целью сохранения неплохого оклада в размере 66 рублей ежегодно) двойная нагрузка была возложена на их сыновей, Якова Забунова и Мартына Теткина, подмастерьев на том же предприятии. Для заводского управления, разумеется, ситуация была невыгодной, что следует из ряда писем, адресованных Канцелярии Главного заводов правления в течение сентября-октября 1751 года [Там же, д. 1071, л. 4—339; д. 1310, л. 169—174 об., 178 об. — 179]. В итоге, на основании Сенатского указа от 5 февраля 1743 года, предписывавшего: «дабы такие, которые за совершенными болезнями, ранами и за старостью более воинской службы нести не могут, напрасно жалованья не брали», — Забунова и Теткина доставили в Екатеринбург для установления необходимого диагноза. Уже 2 ноября того же года молотовые мастера были освобождены от обязанностей [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 175—176; ПСЗРИ-1, т. 11, № 8701, с. 763—764].

3.3. Присвоение статуса трудового инвалида

Основная часть мастеровых и работных людей, проходивших в 1750—1751 годах медицинское освидетельствование в Екатеринбургском госпитале, поступили на заводскую службу из приписных деревень в окрестностях Белослудской, Белоярской, Камышловской, Невянской и Пышминской слобод, входивших в состав Екатеринбургского ведомства. Реже в качестве места жительства в документах указаны другие губернии — Сибирская, соседняя Оренбургская и в одном случае и Московская, откуда был взят в 1696 году упоминавшийся Пантелей Забунов [Там же, д. 1310, л. 73, 98—99 об., 116—116 об., 140]. Практически исключениями являлись рудопромышленник Алексей Кайнов, посадский человек из города Тобольска, каменщик Василий Мошейников, выходец из тюменского казачества, а также рудопромышленник на Уктусском заводе Родион Полагаев и ученик екатеринбургской меховой фабрики Петр Севастьянов, происходившие из мастеровых детей [Там же, л. 27, 73, 165 об., 186 об.]. Для каждого из них служба на горных предприятиях Урала была пожизненной. Таким образом, получение паспорта представляло собой возможность досрочного выхода из системы, поскольку навсегда освобождало их от заводских работ. Соответствующие документы оформлялись согласно формуляру указом императрицы и были скреплены подписями членов присутствия Канцелярии Главного заводов правления, надворного советника Н. Г. Клеопина, бергмейстера Г. У. Райзера и обер-гиттенфорвальтера Ф. М. Старого-Милукова. На оригиналы ставилась сургучная печать [Там же, л. 11—12, 41, 47, 73, 79, 88, 91, 112, 140, 151, 181]. Юридическая сила постоянных паспортов подчеркивалась перечнем законов и нормативных актов, на основании которых осуществлялась отставка: Адмиралтейский регламент (1 глава, п. 58), а также упо-

мянутые выше указы Берг-Коллегии от 31 декабря 1727 года и 23 июня 1731 года [Там же, л. 24, 119—119 об, 135, 182].

С получением паспорта бывшие рекруты приобретали личную свободу, имели право, как было написано в некоторых паспортах, жить «где в российском государстве... пожелает» [Там же, л. 63]. На практике, однако, Берг-коллегия ориентировалась на Сенатский указ от 31 мая 1750 года «О выдаче паспортов морским и адмиралтейским нижним служителям при совершенной отставке от службы, с прописанием в оных, чтобы возвращались для жительства на прежние жилища» [ПСЗРИ-1, т. 13, № 9753, с. 278—279]. Аналогично получатели постоянного паспорта расписывались под текстом специального документа, подтверждая тем самым свое согласие поселиться, чаще всего, в родной деревне.

На предприятиях горной промышленности Урала с каждым годом увеличивалось количество трудовых инвалидов, ранее ценных для казны кадров, потерявших работоспособность из-за профессиональных заболеваний и увечий. Для рядовых в России XVIII века выплаты пенсий не были предусмотрены, а система общественного призрения находилась в зачаточном состоянии. Чтобы избежать экономического ущерба, который неизбежно вылился бы со временем в социальную проблему, местные органы власти принимали профилактические меры. В продолжение начатой при Петре I борьбы против нищенства в постоянных паспортах было прописано требование «по миру не ходить и милостыни не просить» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 20, 30 об. — 31, 77—77 об., 115—115 об., 154]. Проверялся и налоговый статус. Для получения соответствующей справки рекомендованных к отставке служителей отправляли в Кантору судных и земских дел [Там же, л. 24, 96, 103]. Без предъявления такого рода обходного листа паспортов лицам данной категории не выдавали. Также горные власти интересовались ближайшим окружением претендента. В случае отсутствия сыновей, родственников или свойственников обязанность уплаты подушного оклада, а также уход за инвалидом возлагались на мир, из которого он когда-то был рекрутирован. Наименее популярным поэтому являлось решение уволить человека, имевшего «в дальнейшем пропитание... от труда своего» [Там же, л. 116 об.]. Прежние попытки правительства урегулировать проблему поселением ветеранов на окраинах, в Поволжье и Азиатской части страны или определением их в монастыри и богадельни, уже оказались малоэффективными в случае выбывших из армии унтер-офицеров и рядовых [ПСЗРИ-1, т. 6, № 3920, с. 516, т. 9, № 7142, с. 1022, т. 10, № 7727, с. 693—694, т. 11. № 8561, с. 607—608]. К тому же в центре горнозаводского Урала работала лишь одна богадельня. Открытое в 1737 году небольшое заведение размещалось в здании, состоявшем из двух изб, соединенных сенями [Копырина, 2023, с. 201].

Поселившись на новом (прежнем) месте жительства, отставные работники были обязаны уведомить о своем прибытии компетентный орган, каким являлась в большинстве случаев заводская контора. Туда же опекун — сын, родственник или глава общины — должен был отнести паспорт после смерти его обладателя [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1140, л. 477, 478—478 об.]. В связи с действовавшим законодательством о паспортном режиме жизненный круг замыкался лишь с завершением этого последнего акта.

4. Заключение = Conclusions

Поступив на заводскую службу, бывшие крестьяне окунались в незнакомый мир, живущий по новому распорядку времени, по расписанию, которое вместо цикла природы диктовалось потребностями горной промышленности. Чужим был и облик нового окружения — «организованная “регулярная” реальность» центра горнозаводского Урала. Строгая геометрия бастионной крепости, выстроенной двумя осями — течением реки и пересекавшей ее плотиной — и унифицированная планировка жилых кварталов с дворами мастеровых и прочих служителей придавали всему ансамблю непривычный, европейский вид. Впечатление усиливалось тем, что часть общественных и административных зданий раннего Екатеринбурга были построены по технологии мазанки, внешне похожей на фахверковый стиль, характерный для архитектуры прежде всего немецких земель [Редин, 2021, с. 1042—1063; цит. по: с. 1053]. В эту картину вписаться было велено и работникам промышленных предприятий. Применялся известный указ Петра. Находясь на производстве, они обязывались бриться и носить иноземное платье — своего рода мундир, являвшийся также знаком причастности к иной культуре. После увольнения мастеровые и нижние чины возвращались в прежние места жительства, однако им не удавалось слиться с окружением. Меры государственного надзора регулировали и жизнь после отставки, поскольку запрет рядовым солдатам переодеваться «в гражданское» распространялся на горное дело. Требование «носить немецкое платье ... и бороды брить», сформулированное изначально в именных указах императрицы Екатерины I от 31 мая и 5 июля 1726 года, повторялось в постоянных паспортах, выдаваемых Канцелярией Главного заводов правления [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1310, л. 20, 28—28 об., 30 об.—31, 39—39 об., 77 об. — 78, 99—99 об., 115—115 об., 119—196 об., 144—144 об., 158 об. — 159; ПСЗРИ-1, т. 7, № 4893, с. 654; Указ императрицы Екатерины I, 1883, с. 432—433]. Таким образом, служба на казенных заводах Урала оказывалась пожизненной в буквальном смысле этого слова. В перспективе правительственная политика способствовала разрыву ментальной связи с когда-то покинутым миром, формированию горнозаводской культуры.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 122, 135, 280, 894, 1140, 1243, 1310, 1728.
2. *Заводской устав* Татищева // Горный журнал. — 1831. — Книга 9. — С. 320—328; Книга 10. — С. 1—9.
3. ПСЗРИ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Т. 5. 1713—1719. — 781 с. ; — Т. 6. 1720—1722. — 815 с. ; Т. 7. 1723—1727. — 925 с. ; Т. 9. 1733—1736. — 1024 с. ; Т. 10. 1737—1739. — 995 с. ; Т. 11. 1740—1743. — 988 с. ; Т. 13. 1749—1753. — 957 с.
4. *Татищев В. Н.* Записки. Письма : 1717—1750 / В. Н. Татищев. — Москва : Наука, 1990. — 440 с.
5. *Указ императрицы Екатерины I «о содержании себя в чистоте и о бритии бород отставным военным чинам»* от 5 июля 1726 г. // Русская старина. — 1883. — № 8. — Т. XXXIX. — С. 432—433.

Литература

1. *Бабич М. В.* Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов / М. В. Бабич // Военное прошлое государства Российского : утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13—17 сентября 2006 года. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2006. — Ч. 2. — С. 13—17.
2. *Балыкина М. И.* Недоросль на смотре : у истории воинской службы в петровское время (на примере Нижегородской губернии) / М. И. Балыкина // История : Факты и Символы. — 2021. — № 1 (26). — С. 57—63. — DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-57-63.
3. *Беляев И. И.* К истории изучения этиологии рака кожи трубчатых / И. И. Беляев // Гигиена и санитария. — 1976. — № 6. — С. 43—44.
4. *Гурьева А. В.* Законодательство о смотрах дворянских недорослей в России XVIII в. / А. В. Гурьева // Документ. Архив. История. Современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 21—22 октября 2010 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2010. — С. 66—70. — ISBN 978-5-7525-4022-6.
5. *Захаров А. В.* Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени / А. В. Захаров // Петр Великий : исследования и открытия : к 350-летию со дня рождения : материалы Международной научной конференции. Российское историческое общество, Институт российской истории РАН. — Санкт-Петербург, Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2022. — С. 213—226. — ISBN 978-5-98712-306-5.
6. *Захаров А. В.* Информационность и состав массовой документации генерального смотра дворянства 1721—1723 гг. / А. В. Захаров // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021 — № 4. — С. 38—46. — DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4.
7. *Копырина С. Н.* Социальная инфраструктура поселков казенных заводов Урала в 20—50-е гг. XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 5.6.1 / С. Н. Копырина. — Екатеринбург, 2023. — 331 с.

8. *Копырина С. Н.* Становление медицинской инфраструктуры на казенных заводах Урала в первой трети XVIII века / С. Н. Копырина, А. В. Черноухов // Вестник гуманитарного образования. — 2020. — № 2 (18). — С. 20—34. — DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016.
9. *Корепанов Н. С.* Екатеринбургское ведомство / Н. С. Корепанов // Екатеринбург энциклопедия. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — Т. 1. — С. 376—377. — ISBN 978-5-7996-3717-0.
10. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 273 с. — ISBN 5-7851-0578-0.
11. *Мирский М. Б.* Медицина России XVI—XIX веков / М. Б. Мирский. — Москва : Росспэн, 1996. — 400 с. — ISBN 5-86004-029-6.
12. *Редин Д. А.* Екатеринбург генерала Геннина : опыт прочтения «городского текста» / Д. А. Редин // Quaestio Rossica. — 2021. — Т. 9. — № 3. — С. 1042—1063. — DOI: 10.15826/qr.2021.3.626.
13. *Сафронова А. М.* Документы Екатеринбургского госпиталя как уникальный источник для реконструкции состава его пациентов (1735—1739 гг.) / А. М. Сафронова // Архивы и историческая наука : механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума (Екатеринбург, 18—19 октября 2024 г.). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. — С. 297—302. — ISBN 978-5-7996-3927-3.
14. *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев — организатор медицинской службы в Екатеринбурге / А. М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — Выпуск 17. — С. 51—70. — ISBN 978-5-7996-2116-2.
15. *Сафронова А. М.* Госпиталь как объект социальной инфраструктуры Екатеринбурга в 1723—1734 годах / А. М. Сафронова, А. А. Сафронов // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 434—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-434-453.
16. *Старков В. И.* Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII — первой половине XIX в. / В. И. Старков. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. — 150 с. — ISBN 5-7851-0664-7.
17. *Черкасова А. С.* Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. / А. С. Черкасова. — Москва : Наука, 1985. — 247 с.
18. *Härtling F. H.* Der Lungenkrebs, die Bergkrankheit in den Schneeberger Gruben / F. H. Härtling, W. Hesse // Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin und öffentliches Gesundheitswesen. — 1879. — Nr. 30. — Pp. 296—309.
19. *Henkel J. F.* Medicinischer Ufstand und Schmelzt-Bogen : Insonderheit Von der Bergsucht und Hütten-Katze, und einigen andern, Denen Bergleuthen und Hütten-Arbeitern zutossenden Kranckheiten / J. F. Henkel. — Freyberg : Matthäi, 1728. — 174 p.
20. *Kurin D. S.* Soot Wart Cancer among British Chimney Sweeps, 18th — 19th Centuries / D. S. Kurin // The Bioarcheology of Disaster. How Catastrophes Change our Skel-etons. — New York : Routledge, 2021. — Pp. 91—97. — ISBN 978-1-003-22020-9.
21. *Schüttmann W.* Beitrag zur Geschichte der Schneeberger Lungenkrankheit, des Strahlenkrebses der Lunge durch Radon und seine Folgeprodukte / W. Schüttmann // NTM : Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. — 1988 — Nr. 25 (1). — Pp. 83—96.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025,
одобрена после рецензирования 25.05.2025,
подготовлена к публикации 05.06.2025.

Material resources

Decree of Empress Catherine I “on keeping oneself clean and shaving the beards of retired military officers” dated July 5, 1726. (1883). *Russian Antiquity*, 8 (XXXIX): 432—433. (In Russ.).

GASO — The State Archive of the Sverdlovsk region. (In Russ.).

PSZRI-I — *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825*. (1830). Saint Petersburg: Type. of the 2nd Department of the Own E. I. V. Chancellery. (In Russ.).

Tatishchev, V. N. (1990). *Notes. Letters: 1717—1750*. Moscow: Nauka Publ. 440 p. (In Russ.).

Tatishchev’s factory regulations. (1831). *Mining Journal*, 9, 10: 320—328; 1—9. (In Russ.).

References

Babich, M. V. (2006). Attempts to reform the policy and practice of officer retirements in the late 1730s. In: *The military past of the Russian state: lost and preserved. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 250th anniversary of the Memorable Hall, September 13—17, 2006*, 2. St. Petersburg: [b. i.]. 13—17. (In Russ.).

Balykina, M. I. (2021). Nedorosl on review: the history of military service in Peter’s time (on the example of Nizhny Novgorod province). *History: Facts and Symbols*, 1 (26): 57—63. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-26-1-57-63. (In Russ.).

Belyaev, I. I. (1976). On the history of studying the etiology of skin cancer of chimney sweeps. *Hygiene and sanitation*, 6: 43—44. (In Russ.).

Cherkasova, A. S. (1985). *Artisans and working people of the Urals in the XVIII century*. Moscow: Nauka Publ. 247 p. (In Russ.).

Guryeva, A. V. (2010). Legislation on inspections of noble minors in Russia of the XVIII century. In: *Document. Archive. History. Modernity. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, October 21—22, 2010)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 66—70. ISBN 978-5-7525-4022-6. (In Russ.).

Härtling, F. H. (1879). Der Lungenkrebs, die Bergkrankheit in den Schneeberger Gruben. *Vierteljahresschrift für gerichtliche Medizin und öffentliches Gesundheitswesen*, 30: 296—309. (In Germ.).

Henkel, J. F. (1728). *Medicinischer Ufstand und Schmelztz-Bogen: Insonderheit Von der Bergsucht und Hütten-Katze, und einigen andern, Denen Bergleuthen und Hütten-Arbeitern zustossenden Kranckheiten*. Freyberg: Matthäi. 174 p. (In Germ.).

Kopyrina, S. N. (2023). Social infrastructure of settlements of state-owned factories in the Urals in the 20—50s of the XVIII century. PhD Diss. Yekaterinburg. 331 p. (In Russ.).

Kopyrina, S. N., Chernoukhov, A. V. (2020). The formation of medical infrastructure at state-owned factories in the Urals in the first third of the XVIII century. *Bulletin of Humanitarian Education*, 2 (18): 20—34. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.016. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 273 p. ISBN 5-7851-0578-0. (In Russ.).

Korepanov, N. S. (2023). Yekaterinburg Department. In: *Yekaterinburg Encyclopedia*, 1. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 376—377. ISBN 978-5-7996-3717-0. (In Russ.).

- Kurin, D. S. (2021). Soot Wart Cancer among British Chimney Sweeps, 18th — 19th Centuries. In: *The Bioarcheology of Disaster. How Catastrophes Change our Skeletons*. New York: Routledge. 91—97. ISBN 978 1 003 22020 9. (In Germ.).
- Mirsky, M. B. (1996). *Medicine of Russia of the XVI—XIX centuries*. Moscow: Rosspen. 400 p. ISBN 5-86004-029-6. (In Russ.).
- Redin, D. A. (2021). Yekaterinburg of General Gennin: the experience of reading the “urban text”. *Quaestio Rossica*, 9 (3): 1042—1063. DOI: 10.15826/qr.2021.3.626. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2017). V. N. Tatishchev — organizer of the medical service in Yekaterinburg. In: *Document. Archive. History. Modernity: collection of scientific tr*, 17. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 51—70. ISBN 978-5-7996-2116-2. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2024). Documents of the Yekaterinburg Hospital as a unique source for reconstructing the composition of its patients (1735—1739). In: *Archives and historical science: mechanisms of interaction: materials of the III Ural Historical and Archival Forum (Yekaterinburg, October 18—19, 2024)*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University. 297—302. ISBN 978-5-7996-3927-3. (In Russ.).
- Safronova, A. M., Safronov, A. A. (2020). Hospital as an Object of Social Infrastructure in Yekaterinburg in 1723—1734. *Nauchnyi dialog*, 9: 434—453. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-434-453>. (In Russ.).
- Schüttmann, W. (1988). Beitrag zur Geschichte der Schneeberger Lungenkrankheit, des Strahlenkrebses der Lunge durch Radon und seine Folgeprodukte. *NTM: Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin*, 25 (1): 83—96. (In Germ.).
- Starkov, V. I. (2007). *Historical experience of the development of the healthcare system in the mining Urals in the XVIII — first half of the XIX century*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 150 p. ISBN 5-7851-0664-7. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (2021). Information content and composition of mass documentation of the general review of the nobility of 1721—1723. *Humanitarian and legal studies*, 4: 38—46. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.4. (In Russ.).
- Zakharov, A. V. (2022). Courtiers and gentry at the imperial reviews of Peter the Great. In: *Peter the Great: research and discoveries: on the 350th anniversary of his birth: proceedings of the International Scientific Conference. Russian Historical Society, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 213—226. ISBN 978-5-98712-306-5. (In Russ.).

*The article was submitted 18.02.2025;
approved after reviewing 25.05.2025;
accepted for publication 05.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Эйльбарт Н. В. Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского» А. Владиславского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 491—509. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509.

Eilbart, N. V. (2025). Information War Against Moscow State During Time of Troubles: A Case Study of “The Song of the Tyranny of Shuysky” by A. Vladislavsky. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 491-509. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ ИНИЦИАТИВА

РАЗВИТИЯ

LIBRARY.RU

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского» А. Владиславского)

Эйльбарт Наталия Владимировна
orcid.org/0000-0003-0021-073X д-р
доктор исторических наук, профессор
ejlbart@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Минпросвещения России
в рамках государственного задания
по теме «Образы героев в российской
педагогике» (проект № VRFY-2025-
0030)

Information War Against Moscow State During Time of Troubles: A Case Study of “The Song of the Tyranny of Shuysky” by A. Vladislavsky

Natalia V. Eilbart
orcid.org/0000-0003-0021-073X
Doctor of History, Professor
ejlbart@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with
the financial
support of the Ministry of Education
of the Russian Federation within
the framework of the state assignment
on the topic “Images of heroes in Russian
pedagogy” (project № VRFY-2025-0030)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование информационной войны и пропаганды Речи Посполитой против Московского государства в Смутное время. В качестве иллюстрации данной проблемы рассматривается польский новостной листок 1609 года «Песнь о тираннии Шуйского» из фондов Российской национальной библиотеки. Полный перевод «Песни ...» на русский язык впервые выполнен автором статьи. Установлено, что данное произведение написано польским шляхетским поэтом Адамом Владиславским (Wrocławczyk). Отмечается, что «Песнь ...» призвана была убедить жителей Речи Посполитой в справедливости похода короля Сигизмунда III под Смоленск. Проводится анализ представлений о личности царя Василия Шуйского в произведениях его современников. Проведено сравнение свидетельств современников (иностранных и российских) с текстом «Песни о тираннии Шуйского». Сделан вывод, что личность царя в «Песни ...» демонизирована в пропагандистских целях. Подчеркивается, что из польско-литовских «новостных листов» культурно-политические стереотипы представлений о московских правителях и русском народе переходят на общеевропейский уровень, где остаются на протяжении последующих веков. Отмечается, что отголоски данных стереотипов мы наблюдаем в западной пропаганде и по сегодняшний день.

Ключевые слова:

новостной листок; Речь Посполитая; Московское государство; осада Смоленска; Сигизмунд III; Василий Шуйский; информационная война.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the information warfare and propaganda employed by the Polish-Lithuanian Commonwealth against the Moscow State during the Time of Troubles. As an illustration of this issue, the Polish news pamphlet from 1609, "The Song of the Tyranny of Shuysky," housed in the collections of the Russian National Library, is examined. The author provides a complete translation of "The Song..." into Russian for the first time. It is established that this work was authored by the Polish burgher poet Adam Vladislavsky (Wrocławczyk). The analysis highlights that "The Song..." aimed to persuade the inhabitants of the Commonwealth of the righteousness of King Sigismund III's campaign against Smolensk. The study further analyzes contemporary representations of Tsar Vasily Shuysky in the works of his contemporaries. A comparison is made between the accounts of contemporaries (both foreign and Russian) and the text of "The Song of the Tyranny of Shuysky." The findings suggest that the portrayal of the Tsar in "The Song..." is demonized for propagandistic purposes. It is emphasized that cultural and political stereotypes regarding Moscow rulers and the Russian people, originating from Polish-Lithuanian news pamphlets, transitioned to a broader European context, where they persisted for centuries. Echoes of these stereotypes can still be observed in Western propaganda today.

Key words:

news pamphlet; Polish-Lithuanian Commonwealth; Moscow State; siege of Smolensk; Sigismund III; Vasily Shuysky; information warfare.

УДК 94(47).045+94(438)

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-491-509

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Информационная война против Московского государства в Смутное время (на примере «Песни о тирании Шуйского» А. Владиславского)

© Эйльбарт Н. В., 2025

1. Введение = Introduction

На протяжении трех десятилетий XVI века, вплоть до похода Стефана Батория на Московское государство, главным источником представлений европейцев о России стали вышедшие в 1549 году знаменитые «Записки о Московии» барона Сигизмунда фон Герберштейна [Герберштейн, 2008]. Возглавленный Баторием почти «общеевропейский» поход на северо-запад России на заключительном этапе Ливонской войны из изначально вооруженного конфликта перерастает в гибридный: европейская сторона не приемлет соперников ни в культурном, ни в религиозном, ни в цивилизационном аспекте [Прохоренков, Эйльбарт, 2023, с. 432—448]. Это время следует считать рождением антимосковской пропаганды для широкого европейского читателя (все же труд Герберштейна был доступен скорее менее значительному кругу лиц), эпохой создания десятков произведений, обличавших и высмеивавших Россию прежде всего в лице ее государей, ибо данный прием являлся наиболее эффективным для цели формирования негативного образа Московии на Западе. Целое столетие, с конца XVI вплоть до конца XVII века, Европа черпает знание о России почти исключительно из польских источников [Таньшина, 2024, с. 128—136; Неменский, 2010, с. 24—37], важной частью которых становится непериодическая новостная печать.

В рассматриваемый период (на рубеже XVI—XVII веков) в Речи Посполитой информация политического характера распространялась при помощи непериодической печати — «летучих газет» («ярмарочных листков») — «улеток» (польск. *ulotka*), тексты которых в подавляющем большинстве носили поэтический характер и печатались по заказу и на средства той или иной заинтересованной политической группы или отдельными участниками таких групп. Стихи для большей убедительности сопровождались иллю-

страциями или пышными ренессансными или барочными орнаментами, кои и сами по себе представляют сегодня интерес в качестве изобразительного источника. Таким образом, политические «летучие газеты» являлись плодами деятельности нескольких создателей, не лишенных во всех смыслах художественного таланта, а посему могут рассматриваться специалистами разных отраслей: филологами, историками, историками искусства.

В коллекции «Россия» Российской национальной библиотеки (РНБ) под шифром 13.IX.2.877 хранится любопытный новостной листок, напечатанный в формате In-quarto в 1609 году (предположительно в Гданьске). Титульный лист его содержит название на старопольском языке «Pieśń o tyraństwie Szuyskiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609» [Pieśń ..., 1609] («Песнь о тирании Шуйского, написанная лета Господня 1609») и крайне занимательный портрет главного героя этой политической «песни» — московского царя Василия Ивановича Шуйского. Это издание, носящее ярко выраженный пропагандистский характер, является доказательством того, что приемы «информационной войны» в начале XVII века оттачивались европейскими политиками во время вооруженных конфликтов и весьма умело играли на чувствах разных слоев населения. Поскольку текст данного произведения не был переведен на русский язык и практически не использовался исследователями (за исключением работ сотрудника отдела редкой книги РНБ И. А. Прохоренкова) [Прохоренков, 2024], в данной статье мы решили представить исторический анализ и полный перевод этого текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Польские летучие листки как отдельный вид старопечатных изданий рассматривались как отечественными, так и зарубежными (прежде всего польскими) исследователями с разных сторон. Прежде всего, польский ученый К. Завадский дал определение этому виду источников: это «стихотворное или прозаическое послание небольшого объема», которое «содержит новости об актуальных событиях» и, что самое важное, способно «разбудить широкий общественный интерес» [Zawadzki, 1972, S. 12—13; 2002]. Анализ изданных таким образом произведений проводился преимущественно в русле изучения стереотипных представлений о русских в польской шляхетской и мещанской среде, то есть с позиций вычленения «национальных стереотипов» в польском культурном пространстве. Среди польских исследователей стоит назвать А. Кемпинского [Kępiński, 1990] и А. Невяру [Niewiara, 2006], среди российских — В. В. Мочалову [Мочалова, 2002; 2007] и И. А. Прохоренкова.

Отметим, что «улетки» становились предметом коллекционирования любителей старины. Рассматриваемый нами источник попадает в середи-

не XVIII века в частное собрание польских просветителей братьев Юзефа и Анджея Залуских, перешедшее в собственность Речи Посполитой после их смерти в 1774 году. Известно, что братья переписывались и сотрудничали с потомками многих известных участников Смутного времени и Русско-польской войны 1609—1618 годов, в том числе с аристократами Яном Фредериком Сапегой и Юзефом Вандалином Мнишком [Kozłowski, 1986, S. 19], из чьих коллекций «Песнь о тирании Шуйского» и могла попасть в библиотеку Залуских. Примечательно, что, оценивая редкость изданий, Залуские проставляли на их титульном листе от одной до пяти «звездочек», где одна означала максимальную редкость. Рассматриваемому нами новостному листку было присвоено две «звездочки» (то есть «высокая степень редкости»). Последующие разделы Речи Посполитой способствовали поступлению собрания Залуских в формировавшуюся тогда Императорскую публичную библиотеку (впоследствии менявшую названия и в итоге преобразованную в РНБ). Далее собрание Залуских в результате Рижского мира 1921 года частично было возвращено польскому государству. «Песнь о тирании Шуйского» осталась в фондах РНБ и до настоящего времени, насколько нам известно, не была введена польскими учеными в научный оборот. Поскольку этот новостной листок подшит к произведению с известным авторством («Сердечный плач одной благородной пани, муж которой погиб в Москве при царице») Адама Владиславского (Вроцлавчика), мы предположим, что автором «Песни о тирании Шуйского» также является этот известный в Речи Посполитой мещанский поэт [Эйльбарт, 2017].

Используя историко-генетический и проблемно-хронологический методы, придерживаясь принципов научной объективности и историзма, опираясь на достижения предшественников в изучении данной проблемы, мы постарались вычленил наиболее существенные акценты в стереотипном представлении о российской власти и русском народе в польской шляхетско-сарматской и мещанской, а также (поскольку на Западе черпали информацию из польских источников) в европейской культурной среде.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Современники о личности царя Василия Ивановича Шуйского

Прежде чем переходить непосредственно к анализу текста «летучего листка», необходимо представить исторический контекст его появления, а в частности, упомянуть о заговоре против самозванца Лжедмитрия I, в результате которого в 1606 году на московском троне оказался последний Рюрикович: царь Василий Иванович Шуйский. В ходе переворота произошло избиение польских и вообще иностранных гостей, приехавших в Москву вслед за невестой самозванца Мариной Мнишек. Дальнейшая

высылка из столицы оставшихся в живых не только не успокоила общество, а привела к еще большей смуте и бунтам под знаменами нового самозванца — Лжедмитрия II — и при значительной поддержке из Речи Посполитой. Как же видели современники событий человека, которому была посвящена рассматриваемая нами «Песнь»?

Современники-иностранцы удивительно согласны в своих характеристиках относительно царя Василия Шуйского, у которого, по их мнению, коварство, жестокость, скупость и неблагодарность сочетались с бездарностью в качестве военачальника и государственного деятеля. Например, польские послы Н. Олесницкий и А. Гонсевский писали королю Сигизмунду из Москвы в 1607 году: «Он ведет войну и так неудачно со своей стороны, что проиграл несколько значительных битв с большой потерей своих людей... И здесь в Москве большая часть людей желает сбросить его со своей шеи. Он начал это правление с великого кровопролития и великих убийств, он не только теряет много [их] людей на войне, но и бросает в тюрьмы, и своим не прощает, которых при подозрении топит, приказывает убивать, никого не жалея» [Письмо польских послов..., 2013]. Поляк С. Немоевский, прибывший в Москву на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек, называл Шуйского «подлецом», «неблагодарным рабом», «над выей которого еще недавно стоял палач с топором и смиловивился над ним» [Записки Станислава Немоевского ..., 2006, с. 142]. Несмотря на весьма критическое отношение к Лжедмитрию I и его сторонникам, гетман С. Жолковский в своих записках «Начало и успех Московской войны» подчеркивает сомнительность прав на престол царя Василия: «Столь самовольное овладение престолом не понравилось многим, что всегда случается: когда счастье кого-нибудь внезапно возвысит, тот не избежит от зависти тех, которые видели его равным себе» [Там же, с. 345]. Немецкий наемник Конрад Буссов характеризует царя Василия в нелестных выражениях, подчеркивая также, что он занял престол «без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы» [Буссов, 1998, с. 82]; во многих местах Буссов называет Василия «цареубийцей». Голландец Элиас Геркман подчеркивал ненависть к Шуйскому простого народа: «Необходимость признать государем Шуйского, ненавидимого большей частью своих подданных, возбудила сильное неудовольствие в простом народе во многих городах, в особенности же в области Северной <...> в Путивле, где заперли в башню посланного туда знатного господина, и в Астрахани, где народ,

услышав имя Василия Шуйского, стал браниться и кричать: “Ужели же этот шубник станет нашим царем? Мы не хотим его принять, ибо признаем своим царем только Дмитрия”» [Геркман, 1998, с. 232], — а также отмечал его увлечение «страстью господства» [Там же, с. 223]. Шведский дворянин Петр Петрей передает слова заговорщиков во главе с Захаром Ляпуновым, которые выражали, по всей видимости, мнение уже подавляющей части русского дворянства: «Великий князь уже третий год как на царстве и не имеет ни счастья, ни благословения или победы, и все потому, что тайными, хитрыми или плутовскими проделками прокрался на царство. Сколько сотен тысяч старых и молодых, дворян и недворян, мужчин и женщин перешло из-за него от жизни к смерти! Кровапролитию и конца не будет, пока правление останется в его руках. Когда он или его братья вступали в бой или схватку, их всегда побеждали, а оттого страна приведена к гибели, и подданные погибали. Военному положению никогда не кончиться, пока он будет на царстве. А чтобы ожидать постоянного мира, всем быть единомышленными и готовыми помогать и содействовать общей пользе и благу отечества, для того надобно свести с царства великого князя с его братьями и всем сообща, с согласия всех сословий, духовных и светских, выбрать и поставить другого великого князя» [Петрей, 1997, с. 164]. Французский ротмистр-наемник Жак Маржерет, которому довелось вблизи наблюдать поведение вновь избранного царя, подчеркивает, что «против сказанного Шуйского после его коронации начались новые секретные козни», а сам царь среди собравшихся перед Кремлем москвичей «начал плакать, упрекая их в непостоянстве, и говорил, что они не должны пускаться на такую хитрость, чтобы избавиться от него» [Маржерет, 1986, с. 277—278].

Из этого стройного хора голосов обличителей пороков царя Василия и свидетелей неприязни к нему русских людей выбивается, однако, голос голландского купца Исаака Массы, назвавшего Шуйского «радетелем о благе отечества и религии», который «много раз подвергал жизнь свою опасности ради общего блага и преуспевания отечества» [Масса, 1997, с. 106, 124]. Но, казалось бы, такая лестная характеристика не помешала автору подчеркнуть суеверность царя: «Царь не пожелал остаться в том великолепном дворце, где жил Дмитрий, страшась, что ему ночью явится дьявол, ибо Дмитрия все еще считали чародеем и потому покои, в которых он жил, были нечисты» [Там же, с. 139].

В сочинениях православных авторов, среди которых грек-епископ Арсений Елассонский, дьяк Иван Тимофеев (Иван Тимофеевич Семенов), неизвестный автор «Нового летописца», и князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, также значительно преобладает критическая оценка Василия Шуйского как человека и политика.

Иван Тимофеев, сравнивая Шуйского с двумя предыдущими царями, находил его еще ужаснее и считал жертвой страстей: «В годы, когда прекратился со смертью предел жизни царствующего над нами Бориса со всем его родом и когда поражен был гневом ярости Господней и убит рукой народа в царском [городе] Богом попущенный нам Расстрига за то, что вместе с именем [Димитрия] так недостойно наследовал такое место, — после них тотчас же зависть к царствованию возникла также и у царя Василия, и, как стрелой подстреленный властолюбием первых, он поступил еще более дерзко, чем те двое: весьма неосмотрительно и спешно сел на престол, так как *не был искусен в этом*. Он создал себе дом и не углубил его в землю, но основал его только на песке, как это показал конец его, по слову Самой Истины: “разлились реки и подули ветры, здание сильно заколебалось и житель его пал”. Он поднялся внезапно и по собственному побуждению и без согласия всей земли сам поставил себя царем, и все люди были смущены этим скорым его помазанием [на царство]; этим он возбудил к себе ненависть всех городов своего государства. Отсюда, после первых [захватчиков], началось все зло на Руси и стали происходить в земле многие нестроения; именно — по всей земле нашей [началось] непослушание и самовластие рабов и осада городов, так что свои, одной с нами веры рабы, придя войском к матери городов [Москве], этим своим приближением к стенам города изменнически оказывали презрение самой главе царства, а новоцарившийся [Василий Шуйский] со всем своим родом был ими заперт и затворен, как птица в клетке» [Тимофеев, 1951]. Отмечая избрание Василия на царство узким кругом заговорщиков, неизвестный автор «Нового летописца» подчеркивал его недальновидность как государя, мелочность и жестокость: «Царь же Василий после воцарения своего, не помня своего обещания, начал мстить людям, которые ему грубили, бояр, и думных дьяков, и стольников, и дворян многих разослал по городам на службу, а у иных многих поместья и вотчины отнял. За ту же неправду Бог на нас попустил, а враг действовал: вложил враг мысль людям украинных городов, что того Расстригу Бог уберег, а вместо него будто убили немчина, подобного ему лицом» [Новый летописец, 1997, с. 309]. Много лет проживший в Московском государстве, настоятель Архангельского собора Московского кремля грек Арсений Елассонский возлагал на Шуйского ответственность за беды, постигшие Московское государство: «Царь этот Василий оказался весьма скупым и неблагодарным, и не воздал почестей воинам и не дал обычных даров боярам и священникам, которые раздавали прежние цари, под тем предлогом, что его предшественник, царь Дмитрий, расточил царскую казну <...>. По этой причине быстро начались для него многие бедствия и создались поводы к многочисленным скандалам для него со стороны обиженных бояр и всего народа, провозгласивших,

что царь Дмитрий убежал» [Елассонский, 1997, с. 184]. В то же время князь И. М. Катырев Ростовский в «Написании вкратце о царях московских» наряду с недостатками подчеркивает и достоинства Шуйского: «Царь Василий возрастом мал, образом же нелепым, очи подслепы имея, книжному поучению доволен и в разсуждении ума зело смыслен, скуп велми и неподатлив; ко единым же к тем тшание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицом восприимаше, и в сладость их послушати желаше, и к волхованию прилежаше, а о всех своих не радяше» [Катырев-Ростовский, 2024].

Таким образом, в глазах современников царь-заговорщик был не менее презираем, чем царь-самозванец, а суждения о нем соотечественников были порой даже более жесткими, нежели иностранцев. Вообще царя Василия Шуйского можно назвать весьма удачным объектом для тех политических сил в Польше, которые стремились демонизировать его образ и представить «ужасным тираном» в глазах собственных граждан.

3.2. Текст и иллюстративное украшение «летучего листка»

Донесения польско-литовских гостей, пострадавших во время свадебных торжеств Лжедмитрия I в Москве, а также слухи о непрочности власти Шуйского подвигли короля Сигизмунда III мечтать заполучить русскую корону и начать поход против Московского государства осенью 1609 года. Разумеется, этот шаг сопровождался и «информационной войной»: «летучие газеты» сообщали «гражданам Короны и Литвы» о необходимости устранить «тирана» и восстановить справедливость. «Песнь о тирании Шуйского» (предположительно авторства Адама Владиславского) воздействует на читателя широким арсеналом пропагандистских средств. На первой странице «улетки» мы видим огромный фантастический портрет царя Василия с выразительной символикой. Справа от него («на востоке») изображен силуэт Московского Кремля и защищающий крепость медведь с поднятой лапой, слева же (со стороны запада) — три оружейных ствола с вырывающимся из них языком пламени. На наш взгляд это художественно-изобразительная недвусмысленная угроза русской столице и Кремлю, как ее главной цитадели, со стороны наступающего с запада противника. Ружья направлены прямо в лицо царю, которому сознательно приданы черты азиатского деспота: широкие скулы и приплюснутый нос на протяжении длительного времени, вплоть до XX века, символизировали в польской изобразительной культуре восточную, татаро-монгольскую сущность «москалей» (как, например, на картине Яна Матейки «Баторий под Псковом» лица кланяющихся королю бояр носят ярко выраженные монголоидные черты). Костюм царя Василия на данном портрете довольно точно передает особенности одежды бояр и дворян: парчовый узорчатый кафтан

со стоячим воротником и опущенный мехом колпак должны убеждать читателя в правдоподобности всего, что было изложено в тексте новостного листка (отметим, что в те времена в Речи Посполитой существовало для жителей Московского государства насмешливое прозвище «колпаки», таким образом, этот головной убор в какой-то мере в их глазах определял русскую культурную идентичность). Вероятно, автор данного рисунка неоднократно видел при королевском дворе членов русского посольства, хотя портретное сходство данного изображения с настоящим царем Василием вызывает вопросы, однако полностью, разумеется, не исключено (вспомним, насколько точно изображали «летучие листки» Лжедмитрия I, тщательно вырисовывая даже его бородавки).

Текст «Песни о тирании Шуйского» написан, скорее всего, перед самым выдвижением войск короля Сигизмунда III из Орши к Смоленску, то есть в конце августа — начале сентября 1609 года:

«Пришел уже король под Оршу, роты прибывают...» (стих 64).

Печать «Песни», очевидно, заняла некоторое время, так что к началу осады Смоленска ее, по-видимому, уже читали «граждане Короны и Литвы». Автор ведет повествование от имени человека, прибывшего в Москву в свите Марины Мнишек, однако, на наш взгляд, это всего лишь художественный прием для большего убеждения читателя, которого должны были впечатлить ужасы избиения поляков, якобы пережитые неизвестным поэтом. Его цель — «расшевелить» чувства соотечественников, дабы они поддержали королевский поход на Московское государство вопреки страху, издавна испытываемому перед могущественным восточным соседом. Ее поэт добивается двумя художественными способами: «расчеловечивает» противника, приписывая ему все мыслимые и немыслимые грехи, и в то же время указывает на его слабость, ничтожество и бедность, обещая, что король «в три месяца дойдет до Москвы» с войском «в тридцать тысяч» (последняя цифра как минимум в три раза превосходит реальное число приведенных Сигизмундом III под Смоленск войск). Коварство, измена, жестокость — вот те качества, которыми автор наделяет не только самого Шуйского, но и в целом русский народ. Неоднократно поэт прибегает к сравнению царя Василия («занявшего трон незаконно») и герцога Карла Зюдерманландского (лишившего шведской короны своего племянника Сигизмунда III). Карл к тому времени был достаточно демонизирован польской пропагандистской литературой и являлся хорошо известным читателю: *Изменник друг изменнику в делах ужасных...* (стих 61) [Pieśń ..., 1609].

Царя он называет «завистливым», «жадным до крови», «безжалостным палачом», «архипалачом», который не пощадил не только поляков, но и собственных подданных:

*Свершив тиранство, сделался царем.
И сел в Москве, и взял сокровища, иных принудил дать,
А несогласным рубил он головы, казнил, четвертовал* (стихи 31—33)
[Pieśń ..., 1609].

Несмотря на то, что «лживый царь» «увлек предательских москалей» и повел их на убийство «наследника по праву» Лжедмитрия I, высшая кара не преминула постигнуть и правителя, и его народ, который уразумел свою роковую ошибку: собравшись под знамена «ложного царя», тушинцы опустошили московское государство, заставив людей роптать на своего государя:

*Все это против Шуйского. Из-за его измены
Сами москали начали роптать,
Кляня себя, что раньше шли за ним.*

*Они не могут надивиться многим чудесам,
Ведь больше тысяч ста уж сгинуло людей
Меж москвитян, младенцев не считая.*

*И жонок, и девиц, и серебра, и злата,
Коней, и денег, и одежд, расшитых жемчугом,
Все сгинуло, и подлость Шуйского тому виной* (стихи 40—48) [Pieśń ..., 1609].

Таким образом, королю и коронному войску, по логике поэта-пропагандиста, остается только довершить дело, помочь свершиться «божьему суду» над Шуйским, тем более что «хорошие русские» уже ему изменили и «ударили челом» Сигизмунду III:

*Пришел уже король под Орию, роты прибывают,
И пригличная «москва» его охотно принимает,
И до чего довел их Шуйский, говоря при том.*

*Четверо знатных воевод пристали к королю
И дали живности для всяческих потреб,
Били челом и до земли склонялись:*

*«Здрав будь, великий **господарь**, мы твои слуги,
Как поляки, мы **будем** твоей милости служить,
Не прикажи уж более по **голове** нас бить»* (стихи 64—72).

Для большей убедительности поэт использует в описании жизни в Московском государстве, а также в прямой речи послов к королю русские слова, записанные латиницей (которые мы в нашем переводе выделили курсивом): *деньги* (*dziag*), *будем* (*budem*), *господарь* (*hospodar*), *голова* (*holowa*).

«Низкопоклонству и лживости» со стороны русских, по-холопски просящих короля «не бить по голове», противопоставляется образ «благородных поляков», порой страдающих за свою доброту. Автор упоминает отца Марины Мнишек «добродетельного пана воеводу сandomирского», заступившегося в свое время за Шуйского, приговоренного Лжедмитрием I к казни, за что после, став царем, тот «поляков безжалостно убил». Соответственно, любые, даже самые сомнительные с моральной точки зрения поступки (как, например, провозглашение царем явного самозванца Лжедмитрия II) видятся пропагандисту допустимыми («благородная месть», «честные поляки»). Сам Сигизмунд III изображается «приветливым», «милостивым», которому «бог поможет в праведных делах».

Поскольку, как уже было сказано выше, данный «летучий листок» уже в XVIII веке был отнесен коллекционерами к редким, предположим, что он был напечатан небольшим тиражом и не имел сколько-нибудь широкого распространения на территории Речи Посполитой. Из соображений редкости и показательной ангажированности данного источника мы полностью перевели его на русский язык для дальнейшего использования в гуманитарных исследованиях.

3.3. Песнь о тирании Шуйского, написанная лета господня 1609 [Pieśń ..., 1609]: подстрочный перевод

Услышьте все о зверстве Шуйского-тирана.

Убил изменой он московского царя

Димитрия Ивановича, наследника по праву,

Ни Бога не боясь, не слушаясь и совесть.

Завистливое сердце уж не таило более измены,

Руками, жадными до крови, задуманное совершив.

Уже и ранее о том он думал, но Господь

Спас приговоренного Димитрием к казни,

И добродетельный пан воевода сandomирский

Вступился за него, вновь жизнь ему вернув.

Подумал он, что совершил благое, изменник же

Затем царя с поляками безжалостно убил,

*Иных в застенки бросил без причин,
И илхту знатную средь них, и воеводичей, и кастеляна.
Средь них, помилуй Боже, и царицу, и нас, кто был при ней,*

*От коих Небо приняло сочувственно стенанья,
А воздух всколыхнул всеобщий плач
И благородных женщин жалобы печальны.*

*Но Шуйского не тронули они, а сердце палача,
За что Московская страна заплатит,
Измыслило уж лживые упреки.*

*Смел обвинить поляков в том, что мир порушили.
Что дали им фальшивого царя рукой военной,
И царицу латинской веры им привели.*

*Тем он увлек предательских москалей, ему поверили
И в ночь в часу четвертом ворвались в царские покои,
Всех бывших там ножами заколов.*

*Стал Шуйский архипалачом, взяв тело из могилы,
Спалив его за городом и начинив сим пушку,
И выстрелить он в воздух приказал, чтобы развеять.*

*Свершив тиранство, сделался царем.
И сел в Москве, и взял сокровища, иных принудил дать,
А несогласным рубил он головы, казнил, четвертовал.*

*Засим поляки честные под знаменем царя
Кричали дружно, что он спасся, хоть притворно.
Собрав большое войско, двинулись к Москве.*

*Сам Бог повел их дело, видя справедливость,
И много раз давал победу над москалем лживым,
Мстя за обиды братии своей.*

*Все это против Шуйского. Из-за его измены
Сами москали начали роптать,
Кляня себя, что раньше шли за ним.*

Они не могут надивиться многим чудесам,
Ведь больше тысяч ста уж сгнуло людей
Меж москвитян, младенцев не считая.

И жонок, и девиц, и серебра, и злата,
Коней, и денег, и одежд, расшитых жемчугом,
Все сгнуло, и подлость Шуйского тому виной.

Замки, веси и города обращены во прах,
И привезли различных ружей в лагерь,
Чтоб ими нашим мощно штурмовать Москву.

Табором они еще стоят под стольным градом,
И клятву твердую уж Богу принесли
Не отходить, пока Господь не даст победы полной.

Шуйский же упрямо на своем стоит.
А слыша, что король идет, тогда лишь испугался:
Принялся говорить о помощи он с Карлом.

И начал ты, пан Шуйский, трепетать:
Пока ты водишь дружбу с Карлом,
До той поры ты от поляков не ожидай добра.

Изменник друг изменнику в делах ужасных:
А королю поможет Бог во праведных делах
И отобьет у этих двух господ ретивое желанье.

Пришел уже король под Оршу, роты прибывают,
И приграничная «москва» его охотно принимает,
И до чего довел их Шуйский, говоря при том.

Четверо знатных воевод пристали к королю
И дали живности для всяческих потреб,
Били челом и до земли склонялись:

«Здрав будь, великий государь, мы твои слуги,
Как поляки, мы будем твоей милости служить,
Не прикажи уж более по голове нас бить».

*Король приветливо им милость оказал,
Велел он гетману Жолкевскому войска собрать,
В Лифляндию же пару тысяч выслать приказал.*

*Поскольку шведы быстрые туда приплыли морем,
В Парнаве, где живут поляки, учинив тревогу,
Но более того поляки наши там не допустили.*

*Ведь пан Ходкевич стоял недалеко там со своим отрядом,
И если б видел он насилие, то быстро б подошел.
Как швед узнал о нем, то быстро отступил.*

*Вайер¹ ведет людей из Пруссии, и кнехтов, и рейтар,
По Божьей милости и гетманы у короля отличны,
И старосты с ротмистрами и с господами прочими.*

*У короля всего уж войска тридцать тысяч,
Надеется в три месяца дойти он до Москвы
И с радостью вернется к нам, честь отдав Богу.*

*И с рыцарством честным поедет в Краков,
И набожно помолится он небу,
За победу благодаря, а мы ему поможем.
(Перевод наш. — Н. Э.).*

4. Заключение = Conclusions

Непериодическая европейская печать последней четверти XVI — начала XVII веков в виде «летучих ярмарочных листков», вывешиваемых на стенах ратуш и храмов и передаваемых читателями из рук в руки, является весьма ярким источником по выявлению культурных стереотипов в восприятии соседних государств, их правителей и народов. Число таких новостных форм резко возрастает на территории Речи Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны, поскольку набирающее силу Московское государство является не только военным и политическим, но и религиозным противником, примером успешной реализации идеи абсолютной монархии и жесткой вертикали власти, чего так боялось и что отвергало

1 Речь идет о Яне Якубе Вайере (Wajer, Wejher) (1580—1626), дворянине из Королевской Пруссии, старосте пуцком. Вместе с двумя братьями Людвигом и Мартином он привел под Смоленск отряд в 1400 ландскнехтов, которые в подавляющем большинстве погибли при осаде крепости.

польско-литовское дворянство, воспитанное и взращенное в конфедеративном государстве в условиях выборности монарха. Культурно-политическая «инаковость» московских государей и русского народа подвергается осуждению и насмешкам польских авторов, клеймящих правителей как «тиранов» и «палачей», а «москалей» как «лживых изменников» и «рабов». Подобные нарративы повторяются и в «Песне о тирании Шуйского», предположительно отнесенной нами к авторству Адама Владиславского (Вроцлавчика), который специализировался на написании пропагандистских стихов «малой литературной формы». Из неудачливого политика, царя Василия Шуйского, чью неспособность к управлению отмечало большинство современников, поэт делает «архипалача», угрожающего Речи Посполитой союзом с ее давним противником — шведским королем Карлом IX. Как сам Шуйский, так и весь русский народ видится автору не в славянской, но в монголо-татарской культурной парадигме, и даже портрет царя Василия Ивановича, помещенный на первой странице «летучего листка», подчеркивает азиатскую внешность (видимо, и сущность) русского монарха. Поскольку именно Речь Посполитая являлась в то время основным поставщиком информации относительно Московского государства для остальной Европы, мы считаем, что отраженные в «Песни ...» стереотипы носили не только польско-литовский, но и общеевропейский характер. К сожалению, отголоски данных стереотипов мы наблюдаем в западной периодической печати по сегодняшний день.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Буссов К. Московская хроника / К. Буссов // Хроники Смутного времени. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 82.
2. Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. / С. Герберштейн. — Москва : Памятники исторической мысли, 2008. — Т. 1. — 776 с.
3. Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском, виновником которых был царевич князь Дмитрий Иванович, несправедливо называемый самозванцем / Э. Геркман // Хроники Смутного времени. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. — С. 223—232.
4. Елассонский А. Мемуары из русской истории / А. Елассонский // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 184.
5. Записки Станислава Немоевского (1606-1608). Рукопись Жолкевского / С. Немоевский, С. Жолкевский. — Рязань : Александрия, 2006. — С. 142, 345. — ISBN 5-94460-029-2.
6. Катырев-Ростовский И. М. Написание вкратце о царях московских. [Электронный ресурс] / И. М. Катырев-Ростовский. — Режим доступа : <https://constitutions.ru/?p=18657&ysclid=m2tmvqwb0896918450> (дата обращения 29.10.2024).

7. *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и Великого княжества Московии / Ж. Маржерет // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. — Ленинград : Лениздат, 1986. — С. 277—278.

8. *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / И. Масса // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 106, 124, 139.

9. *Новый летописец* // О начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 309.

10. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года / П. Петрей // о начале войн и смут в Московии. — Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. — С. 164.

11. *Письмо* польских послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского Сигизмунду III из Москвы от 20 апреля 1607 г. // Смутное время в польских документах государственного архива Швеции : Комментированный перевод и исторический анализ. — Новосибирск : [б. и.], 2013. — С. 103.

12. Тимофеев, 1951 — *Временник* Ивана Тимофеева [Электронный ресурс] / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Даржавиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — Изд. Академии наук СССР. — Москва — Ленинград : 1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1951. — 524 с. (Литературные памятники). — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Timofeev/vremennik/2 (дата обращения 29.10.2024).

13. *Pieśń o tyranstwie Szuyjskiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609* // Российская национальная библиотека, шифр 13.IX.2.877.

Литература

1. *Мочалова В. В.* Представления о России и их верификация в Польше, XVI—XVII вв. / В. В. Мочалова // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. — Москва : Индрик, 2002. — С. 44—64.

2. *Мочалова В. В.* Представления поляков о русских в XVII в. / В. В. Мочалова // Россия в глазах славянского мира. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 39—71. — ISBN 5-7576-0192-2.

3. *Неменский О. Б.* Поляки и русские : народы разных времен и разных пространств / О. Б. Неменский // Вопросы национализма. — 2010. — № 3. — С. 24—37.

4. *Прохоренков И. А.* Война образов и концептов : у истоков антироссийской пропаганды [Электронный ресурс] / И. А. Прохоренков, М. А. Шibaев. — Режим доступа : <https://nlr.ru/elibrary/RA4951/voyna-obrazov-i-kontseptov> (дата обращения 09.11.2024).

5. *Прохоренков И. А.* Военная и политическая агитация Речи Посполитой против Ивана Грозного : по материалам разножанровых литературных памятников эпохи Ливонской войны / И. А. Прохоренков, Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 432—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448.

6. *Таньшина Н. П.* Русофобия : История изобретения страха / Н. П. Таньшина. — Москва : Концептуал, 2024. — С. 128—136. — ISBN 978-5-907624-82-5.

7. *Эйльбарт Н. В.* Отражение событий Смутного времени в польской поэзии первой четверти XVII века (на примере творчества Адама Владиславского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 215—225.

8. Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu / A. Kępiński. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1990. — 221 s.
9. Kozłowski J. Szkice o dziejach biblioteki Załuskich. / J. Kozłowski. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk : Copyright by Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo, 1986. — S. 19. — ISBN 83-04-02244-3.
10. Niewiara A. Moskwicin — Moskal — Rosjanin w dokumentach prywatnych : portret / A. Niewiara. — Łódź : Wydawnictwo Ibidem, 2006. — 184 s.
11. Zawadzki K. Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące / K. Zawadzki // Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego. — 1972. — № 11 (1). — S. 12—13.
12. Zawadzki K. Początki prasy polskiej : gazety ulotne i seryjne XVI—XVIII wieku / K. Zawadzki. — Warszawa : Bibl. nar., 2002. — 440 s. — ISBN 83-7009-358-2.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025,
одобрена после рецензирования 18.04.2025,
подготовлена к публикации 17.06.2025.

Material resources

- Bussov, K. (1998). The Moscow Chronicle. In: *Chronicles of the Time of Troubles*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 82. (In Russ.).
- Elassonsky, A. (1997). Memoirs from Russian history. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 184. (In Russ.).
- Gerberstein, S. (2008). *Notes on Muscovy: in 2 volumes, I*. Moscow: Monuments of historical thought. 776 p. (In Russ.).
- Herkman, E. (1998). A historical narrative about the most important troubles in the Russian state, the culprit of which was Tsarevich Prince Dmitry Ivanovich, unfairly called an impostor. In: *Chronicles of the Time of Troubles*. Moscow: Sergey Dubov Foundation. 223—232. (In Russ.).
- Katyrev—Rostovsky, I. M. *Writing briefly about the Tsars of Moscow*. Available at: <https://constitutions.ru/?p=18657&ysclid=m2tmvqwb0896918450> (accessed 29.10.2024). (In Russ.).
- Letter of Polish Ambassadors N. Olesnitsky and A. Gonsesky to Sigismund III from Moscow dated April 20, 1607. In: *Time of Troubles in Polish documents of the Swedish State Archive: Commented translation and historical analysis*. Novosibirsk: [b. i.]. P. 103. (In Russ.).
- Margeret, J. (1986). The state of the Russian Empire and the Grand Duchy of Muscovy. In: *Russia of the XV—XVII centuries through the eyes of foreigners*. Leningrad: Lenizdat. 277—278. (In Russ.).
- Massa, I. (1997). A brief account of the beginning and origin of modern wars and troubles in Muscovy that occurred before 1610 during the short reign of several sovereigns. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. 106, 124, 139. (In Russ.).
- New Chronicler. (1997). *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 309. (In Russ.).
- Notes by Stanislav Nemoevsky (1606—1608). The Zholkevsky Manuscript*. (2006). Ryazan: Alexandria. 142, 345. ISBN 5-94460-029-2. (In Russ.).
- Petrei, P. (1997). The story of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent troubles caused there by three False Dmitriy, and about Moscow's laws, customs, government, faith, and rituals, which Peter Petrei de Erlezund col-

- lected, described, and published in Leipzig in 1620. In: *About the beginning of wars and troubles in Muscovy*. Moscow: Sergei Dubov Foundation. P. 164. (In Russ.).
- Pieśń o tyraństwie Szuyujskiego, teraz wczyniona Roku Panskiego 1609. *Russian National Library, code 13.IX.2.877*. (In Russ.).
- Timofeev, 1951 — Adrianova-Peretz, V. P. (ed.). Ivan Timofeev's Timeline [Vremennik] (1951). Moscow–Leningrad: Ist Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 524 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Timofeev/vremennik/2 (accessed 29.10.2024). (In Russ.).

References

- Eilbart, N. V. (2017). Reflection of the events of the Time of Troubles in Polish poetry of the first quarter of the 17th century (on the example of Adam Vladislavsky's work) *Nauchnyi dialog, 1*: 215—225. (In Russ.).
- Kępiński, A. (1990). *Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe. 221 s. (In Polish.).
- Kozłowski, J. (1986). *Szkice o dziejach biblioteki Załuskich*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Copyright by Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo. S. 19. ISBN 83-04-02244-3. (In Polish.).
- Mochalova, V. V. (2002). Representations of Russia and their verification in Poland, XVI—XVII centuries. In: *Russia — Poland. Images and stereotypes in literature and culture*. Moscow: Indrik. 44—64. (In Russ.).
- Mochalova, V. V. (2007). The Poles' ideas about Russians in the 17th century. In: *Russia in the eyes of the Slavic world*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 39—71. ISBN 5-7576-0192-2. (In Russ.).
- Nemensky, O. B. (2010). Poles and Russians: peoples of different times and different spaces. *Issues of nationalism, 3*: 24—37. (In Russ.).
- Niewiara, A. (2006). *Moskwicin — Moskal — Rosjanin w dokumentach prywatnych: portret*. Łódź: Wydawnictwo Ibidem. 184 s. (In Polish.).
- Prokhorenkov, I. A., Eylbart, N. V. (2023). Military and Political Agitation of Polish-Lithuanian Commonwealth against Ivan Terrible (Materials of Various Literary Monuments of Livonian War Era). *Nauchnyi dialog, 12 (6)*: 432—448. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-432-448. (In Russ.).
- Prokhorenkov, I. A., Shibaev, M. A. *The war of images and concepts: at the origins of anti-Russian propaganda*. Available at: <https://nlr.ru/elibrary/RA4951/voyna-obrazov-i-kontseptov> (accessed 09.11.2024). (In Russ.).
- Tanshina, N. P. (2024). *Russophobia: The story of the invention of fear*. Moscow: Conceptual. 128—136. ISBN 978-5-907624-82-5. (In Russ.).
- Zawadzki, K. (1972). Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące. *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego, 11 (1)*: 12—13. (In Polish.).
- Zawadzki, K. (2002). *Początki prasy polskiej: gazety ulotne i seryjne XVI—XVIII wieku*. Warszawa: Bibl. nar. 440 s. ISBN 83-7009-358-2. (In Polish.).

*The article was submitted 17.02.2025;
approved after reviewing 18.04.2025;
accepted for publication 17.06.2025.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(5), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Яхутль Ю. А. Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье : к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов / Ю. А. Яхутль, М. С. Диривянкина // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 510—527. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527.

Yakhutl, Y. A., Dirivyankina, M. S. (2025). Bolshevik Food Policy in Kuban and Black Sea Region: Examining Conflict between RCP(b) and Rural Population in Early 1920s. *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 510-527. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье: к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов

Яхутль Юрий Асланбиевич

orcid.org/0000-0002-6750-4110

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
a075ca@yandex.ru

Диривянкина Мария Сергеевна

orcid.org/0000-0003-3014-8199

преподаватель кафедры истории России,
корреспондирующий автор
dirivyankina@mail.ru

Кубанский

государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Кубанского научного фонда и за счет
гранта Российского научного фонда
в рамках проекта № 24-18-20096
«Исторические закономерности развития
городов, станиц и сел Краснодарского края
в конце XVIII — начале XXI веков»

Bolshevik Food Policy in Kuban and Black Sea Region: Examining Conflict between RCP(b) and Rural Population in Early 1920s

Yuri A. Yakhutl

orcid.org/0000-0002-6750-4110

Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department of Russian History
a075ca@yandex.ru

Mariya S. Dirivyankina

orcid.org/0000-0003-3014-8199

Lecturer, Department of Russian History,
corresponding author
dirivyankina@mail.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Kuban Scientific Foundation
and Russian Science Foundation,
project number 24-18-20096
“Historical patterns of development
of cities, villages and stanitsas
of Krasnodar region
in the late 18th - early 21st centuries”

© Яхутль Ю. А., Диривянкина М. С., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется содержание продовольственной политики большевиков на Кубани и Черноморье в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике в начале 1920-х годов. При написании статьи применялись историко-генетический, ретроспективный методы и коммуникативный подход. Привлечены различные виды письменных источников, материалы партийных и советских органов власти. Отмечается, что переход к новым средствам сбора продовольствия и формирования новых земельных отношений в казачьем регионе приобретал затяжной характер. Показано, что активное использование в практике большевиков военно-коммунистических методов руководства способствовало росту сопротивления со стороны сельского населения. Авторы утверждают, что вооружённое противостояние сельского населения налоговой политике усиливало репрессивные меры со стороны РКП(б). Подчёркивается, что отсутствие политического согласия в регионе с преобладающим товарным хозяйством требовало поиска компромисса. Выявлено, что он был достигнут за счёт военного доминирования советской власти. Установлено, что земельный вопрос на этом этапе взаимодействия большевиков и сельского населения не имел приоритетного значения и уступал продовольственному вопросу. Авторы приходят к заключению, что к 1924 году, когда окончательно разрешился военный конфликт, была предпринята очередная попытка установить диалог между властью и сельским населением с учётом экономических интересов последнего.

Ключевые слова:

большевики; военный коммунизм; новая экономическая политика; Кубань; сельское население; казаки; крестьяне.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the content of the Bolshevik food policy in Kuban and the Black Sea region during the transitional period from War Communism to the New Economic Policy in the early 1920s. Employing historical-genetic, retrospective methods, and a communicative approach, the article draws on various written sources, including materials from party and Soviet authorities. It is noted that the shift to new methods of food procurement and the establishment of new land relations in the Cossack region took on a protracted character. The active implementation of military-communist leadership methods by the Bolsheviks contributed to an increase in resistance from the rural population. The authors argue that the armed opposition of the rural populace to tax policies intensified repressive measures from the RCP(b) (Russian Communist Party (Bolsheviks)). The absence of political consensus in the region, characterized by a predominance of commodity-based agriculture, necessitated the search for a compromise. It is revealed that such a compromise was achieved through the military dominance of Soviet power. The study establishes that, at this stage of interaction between the Bolsheviks and the rural population, the land issue was not of primary importance and was secondary to the food question. The authors conclude that by 1924, when the military conflict had finally been resolved, another attempt was made to establish dialogue between the authorities and the rural population, taking into account their economic interests.

Key words:

Bolsheviks; War Communism; New Economic Policy; Kuban; rural population; Cossacks; peasants.

УДК 94(47).084.3+338.43(470.62)“1921/1924”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-510-527

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Продовольственная политика большевиков на Кубани и Черноморье: к вопросу о конфликте РКП(б) с сельским населением в начале 1920-х годов

© Яхутль Ю. А., Диривянкина М. С., 2025

1. Введение = Introduction

Взаимоотношение власти и сельского населения в России в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике остаётся актуальной темой. Содержание аграрной политики большевиков предопределяло историческую судьбу советской власти. Доколхозная российская деревня отличалась многообразием аграрных отношений, сложившихся в предшествующий период. К таким регионам относилась Кубано-Черноморская область, которая отличалась сословным и национальным составом населения, высоким уровнем развития товарного хозяйства, активным применением наёмного труда в сельском хозяйстве, условиями землепользования, организацией регионального и местного самоуправления. Исследуемая тема в современных условиях приобретает теоретическую и практическую значимость в контексте поиска новых методов и средств разрешения социально-политических конфликтов.

Тема нашла отражение в многочисленных исследованиях советских и российских крестьяноведов. В 1920—1930-х годах вышли первые публикации на общероссийском и региональном уровне [Большаков, 1924; Кактынь, 1924; Клейнер, 1924; Чермак, 1923], в которых предпринимались попытки оценить результаты аграрной политики большевиков. В период с 1930-х годов по первую половину 1950-х годов научный интерес советских историков к новой экономической политике и её составляющим был значительно меньше [Бабурин, 1957; Генкина, 1954; Гладков, 1956; Попова, 1950]. Исследователи рассматривали нэп как временное явление, отступление, обусловленное экономическим кризисом начала 1920-х годов. Возрождение интереса к нэпу, в том числе к аграрной политике большевиков, намечилось с середины 1950-х и продолжалось до середины 1980-х годов. Исследователи обращаются к новым рассекреченным источникам, расширяют тематику исследований, но придерживаются устоявшихся выводов и оценок нэпа [Давыдов, 1971; Дмитренко,

1986; Перехов, 1971; Поляков, 1961; Проблемы ..., 1971; От капитализма ..., 1981; Трифионов, 1960].

Постсоветский период в изучении нэпа характеризуется многообразием методологических подходов. Современные российские исследователи вводят в научный оборот новые архивные материалы [Баранов и др., 2022; Ильиных, 2010; Крестьянство ..., 2017; Рогалина, 2001]. Судьба нэпа, по мнению современных исследователей, зависела от результатов политической борьбы за власть в РКП (б). Реализация аграрной политики и в целом нэпа имела региональные особенности, поэтому наблюдается устойчивый интерес к её проявлению с учётом местных особенностей. Переходный период в казачьих регионах Юга России представлен современными историками как противостояние казачества и РКП (б). Вместе с тем появляются работы, в которых тема трактуется шире, как противостояние сельского населения и власти [Яхутль, 2021].

В постсоветской историографии сложилось несколько направлений в изучении нэпа: проблема влияния идеологии на экономику, либерализация народного хозяйства, альтернативы нэпу и др. Несмотря на значительное количество опубликованных научных работ, в рамках этой широкой темы сохраняется ряд вопросов, требующих применения новых методологических подходов и дальнейших исследований. Следует обратить внимание на роль местных партийных структур и кадров в формировании региональной политики, модели компромисса между властью и обществом и на взаимовлияние политики военного коммунизма и новых принципов хозяйствования. В целом современная российская историография нэпа отличается своей многовекторностью, плюрализмом мнений, что является несомненным достижением.

Зарубежная историография также обращалась к теме нэпа, аграрной политики, политической борьбы в РКП(б) [Грациози, 2008; Дэвис, 1994]. Несмотря на это, региональные проблемы оказались вне научных интересов зарубежных исследователей.

Новизну работы составляет акцент на исследовании взаимодействия власти и сельского населения Кубано-Черноморской области, а также взаимовлияния методов военного коммунизма и нэпа.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Цель статьи — оценить содержание продовольственной политики большевиков на Кубани и Черноморье в переходный период от военного коммунизма к новой экономической политике в начале 1920-х годов. В ходе исследования использовались неопубликованные архивные документы центральных и региональных архивов: Российского государственного архива

социально-политической истории (далее — РГАСПИ), Краснодарского края (далее — ЦДНИКК) и Государственного архива Краснодарского края (далее — ГАКК). Авторы в ходе исследования обращались к опубликованным источникам [Советская деревня ..., 1998; Яхутль, 2022; Яхутль, 2023] и воспоминаниям непосредственных участников событий [Микоян, 1975].

Использованы историко-генетический, ретроспективный методы и коммуникативный подход. С помощью историко-генетического метода изучен процесс зарождения новых аграрных отношений в кубанской станице, формирования продовольственной политики большевиков в переходный период. Ретроспективный в сочетании с историко-генетическим методом обеспечил выявление причинно-следственных связей при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике и формированию новой модели взаимоотношения РКП(б) с сельским населением региона. Коммуникативный подход позволил изучить, как складывались новые формы взаимодействия между большевиками и сельским населением Кубано-Черноморской области в условиях острого военно-политического противостояния.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сельское население Кубано-Черноморской области в условиях военного коммунизма (март 1920 года — март 1921 года): особенности и закономерности

Первое десятилетие Советской власти отличалось большим количеством реформ и экспериментов в различных областях, в том числе в аграрной сфере, которые ставили своей целью выход из военно-политического и экономического кризиса, охватившего страну в 1917—1920 годах. Правящая партия вынуждена была учесть требования сельского населения, пытаясь создать экономическую основу для установления политического диалога, способного стабилизировать общественно-политическую обстановку и, главное, сохранить под контролем политическую власть. Принятые в 1921—1922 годах законодательные акты об экономических отношениях деревни и государства, положившие начало переходу к новой экономической политике, отвечали крестьянским требованиям и открывали пути для восстановления сельского хозяйства. Но последствия войн и засуха 1921 года, породившие голод, исключали возможность спокойного выхода из кризиса.

В марте 1920 года на Кубани и Черноморье повторно была восстановлена власть большевиков. Остатки белой армии эвакуировались с Черноморского побережья.

Большая часть населения региона жила в сельской местности и была занята производством сельскохозяйственной продукции. Ведущее место

занимали казачьи хозяйства. Из 8 834 324 дес. земли Кубанской области 6 млн дес. находились в их пользовании. Иногородние из-за дефицита земли вели своё хозяйство на арендованной земле. Это вело к росту экономической зависимости сельского населения от зажиточной части казачества [Скобцов, 2015, с. 21—22]. Регион в целом отличался высоким уровнем товарности индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1911—1916 годах средняя площадь посева составляла 3 220 000 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.]. Средний ежегодный сбор хлебов в довоенное время выражался в 217 млн пуд., более половины из которых составляла пшеница. Следующими по объёмам сбора шли в порядке убывания: ячмень, картофель, овёс, рожь, кукуруза, просо, фасоль и гречиха. Семян подсолнечника в год собирали более 12 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. По размерам производства озимой пшеницы (58—108 млн пудов) на Кубань приходилось 16 % всего общероссийского сбора. Рост урожая способствовал увеличению товарно-зерновых продуктов, о чем свидетельствовали показатели сбора зерна на душу населения. К началу Первой мировой войны Кубань вышла по данным показателям на первое место в России: в среднем 60—70 пуд. чистого сбора зерна на человека, что позволяло увеличивать поставки товарного хлеба как внутри страны, так и за ее пределами [Ратушняк, 2015, с. 35, 37, 39]. На этом основании большевики имели возможность утверждать, что на Кубани имеются излишки хлеба. Поэтому на I Всероссийском съезде трудового казачества лидер большевиков призывал сдавать государству излишки продовольствия [Ленин, 1977, с. 186—187]. В свою очередь советская власть не вносила кардинальных изменений в казачье землепользование. Декрет ВЦИК и СНК от 18 ноября 1920 года «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» сохранил за сельским населением их наделы, а также регламентировал наделение землёй местных безземельных и малоземельных за счет территорий бывшего нетрудового пользования [О землепользовании ..., 1983, с. 234—236]. Таким образом, в 1920—1922 годах землеустроительные работы были связаны с решением проблемы недостаточного количества земель, но не их передела внутри станиц: в Кубано-Черноморской области в пользовании станиц осталось 97,9 % прежних объёмов земли [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 2]. В свою очередь, Первая мировая и Гражданская войны оказали существенное негативное влияние на состояние индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств. В 1920—1921 годах посевная площадь сократилась до 1 611 929 дес. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 153, л. 71 об.], урожай хлебов составил 75 млн пуд. [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 549, л. 64]. В начале 1920-х годов в сельской местности проживало 83,1 % населения. При росте сельского населения посевные площади

снизились по сравнению с 1916 годом на 37,6 %, поголовье рабочего скота сократилось на 23,1 %, лошадей — на 22,4 % [Щетнёв, 1980, с. 44].

Весной 1920 года Кубано-Черноморская областная партийная организация активно разрабатывала региональную аграрную политику. Первостепенное значение отводилось сбору продовольствия. С весны 1920 года по весну 1921 года он характеризовался активным использованием методов военного коммунизма и «твёрдым административным нажимом» [Яхутль, 2023, с. 245]. С целью «максимального содействия гражданским органам» активно привлекались воинские подразделения. [ГАКК, Ф. Р-132, оп. 1, д. 1, л. 20].

Особенностью этого периода стало враждебное отношение казаков и иногородних к большевикам, за исключением бедняков и сельскохозяйственных рабочих, которых насчитывалось около 14 тыс. человек [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 355, л. 29]. Поэтому большевики стали использовать не сословные противоречия кубанской станицы, а социально-имущественные. Классовый подход в ходе решения продовольственного вопроса формировал новый очаг противостояния в кубанской станице. Большевики не делали больших различий между зажиточными хозяйствами иногородних и казаков, что расширяло социальную базу повстанческого движения региона.

На Кубани необходимо было обозначить контуры взаимоотношения с сельским населением, в том числе и казачеством. Для сохранения политической стабильности в регионе, на который надеялись большевики как на источник продовольствия, проводилась постепенная трансформация партийной линии. Коммунисты пытались перейти к сотрудничеству, но идеологические принципы РКП (б) продолжали оказывать влияние на её содержание. На фоне повстанческого движения, где сельское население играло главенствующую роль, большевики продолжали использовать военно-коммунистические методы, в которых доминировали политический контроль, принуждение и максимальное регламентирование деятельности местного социума.

Идеология военного коммунизма стала формулой для политического диалога между региональной властью и сельским населением. Большевики с этой целью предприняли попытку учредить на Кубани комитеты бедноты и ревкомы как формы местного самоуправления [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 239, л. 13]. От чрезвычайных органов власти отказались на основании решения Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 22 февраля 1921 года.

Весной 1920 года из числа бывших офицеров белой армии и недовольной решениями большевиков части сельского населения формируются повстанческие отряды. Уже 30 марта Исполнительный комитет Славянского отдела в связи с ростом бело-зелёных отрядов предложил взять заложников [Яхутль, 2022, с. 121]. С учреждением ревкомов в станицах Тифлис-

ской, Казанской, Кавказской, Тихорецкой, Новопокровской, Темижбекской объявлялось взятие в заложники мужчин старше 18 лет.

С середины мая 1920 года на Кубани становилось тревожно, росло число донесений об активизации антисоветских сил [Советская деревня ..., 1998, с. 276]. В отчётах звучали имена руководителей повстанческих отрядов: генерала М. А. Фостикова, полковника П. А. Савицкого, Сухенко, есаула В. Ф. Рябоконя и др. [ЦДНИКК, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 17]. Летом 1920 года бело-зелёные усилились на фоне продовольственной политикой большевиков, реализуемой военно-коммунистическими методами.

Продразвёрстка, как составляющая военного коммунизма, стала источником военно-политического конфликта между большевиками и сельским населением региона. Она породила государственный террор. В приказе особо уполномоченного Революционного Военного Совета Кавказского фронта Г. А. Атарбекова он приобрёл правовую форму [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 15, л. 5]. Так, в августе 1920 года Военный Совет IX армии приговорил к высшей мере 20 человек из-за антисоветской позиции и отказа сдавать хлеб [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 32, л. 26].

Практика террора нашла свое продолжение на региональном уровне. Она приобретала региональные особенности по мере нарастания продовольственного кризиса и появления лозунгов повстанцев с явно выраженным антисоветским содержанием. Восторг от новой власти сменился вооружённым сопротивлением сельского населения [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 96, л. 136].

Продовольственная диктатура большевиков на рубеже 1920—1921 годов для многих станиц и сёл Кубани и Черноморского побережья означала военную и экономическую блокаду. Население вынуждено было уходить к бело-зелёным, чтобы избежать насилия со стороны советской власти. Большевики ответили красным террором на отказ сдавать хлеб, и, как следствие, росло сопротивление населения. Специальные отряды ЧОН (части особого назначения), 65 продовольственных отрядов (и более 12 тыс. красноармейцев) активно использовали практику взятия заложников, проводили выездные заседания военных трибуналов, которые выносили решения в течение нескольких часов. В некоторых случаях тех, кто активно сопротивлялся или отказывался добровольно сдавать хлеб, расстреливали. Продовольственная политика, хлебная монополия, реализованная методами политики военного коммунизма, стала одним из главных причин нарастания повстанческого движения в регионе.

3.2. От продовольственной диктатуры к продналогу: 1921—1922 годы

Продовольственная диктатура, сложившаяся в годы Гражданской войны, продолжала демонстрировать свою экономическую несостоятель-

ность и организационную беспорядочность. Поэтому в марте 1921 года на X съезде большевики под давлением роста повстанческого движения и необходимости возрождения хозяйственной деятельности сельского населения предложили новую концепцию продовольственной политики, которая существенно не отличалась от предыдущей. В её основе была плановая реквизиционная практика, когда система заготовок продовольствия «развёрстывалась» от губернии до индивидуального казачье-крестьянского хозяйства на основании фиксированных цен, установленных государством. Следовательно, сельское население Советской России, в том числе Кубано-Черноморской области, не могло заметить тонких граней различий между продразвёрсткой и продналогом и продолжало борьбу за свои экономические права.

На региональном уровне вопрос о реализации продналоговой политики рассматривали на VI Кубано-Черноморской областной партийной конференции 24 марта 1921 года [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 293, л. 102]. Дискуссии в областной партийной организации по вопросу сбора продовольствия свидетельствовали об отсутствии единства в понимании новой аграрной политики. Сельское население региона не ощутило преимуществ новой продовольственной политики и ответило на неё усилением военного сопротивления. Весной 1921 года на территории региона, за исключением Черноморья, действовало 50 повстанческих отрядов общей численностью до 2—3 тыс. чел. [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 138, л. 24, 34—37].

Отсутствие законодательной базы новой продовольственной политики, кадров, способных её реализовать, продолжало расширять конфликт между советской властью и сельским населением региона. Кроме того, система продовольственных органов окончательно ещё не сформировалась и находилась в хаотичном состоянии. Сбор продовольствия напоминал очередной фронт большевиков. Местные партийные органы осуществляли «мобилизацию» ответственных работников [ЦДНИКК, ф. 160, оп. 1 доп., д. 19, л. 1] для выполнения «боевой задачи» [ГАКК, Ф. Р-990, оп. 2, д. 171, л. 1] — проведения работы на «продовольственном фронте» [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 168].

Продналог в 1921—1922 годах, когда продолжалось активное сопротивление сельского населения, выступал в большей мере как политический лозунг. Продовольственная диктатура оставалась приоритетной и приемлемой политикой для большевиков. На местах советские и партийные кадры продолжали использовать методы военного коммунизма. В постановлении Кубано-Черноморского облисполкома № 260 от 17 сентября 1921 года указывалось, что выполнение продналога является не только долгом, но и повинностью, предписывалось в отношении всех «нерадивых

и не аккуратных» в его выполнении неуклонно принимать репрессивные меры, установленные соответствующими декретами Совнаркома [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 606, л. 150]. На местах продолжали практиковать тотальные реквизиции, аресты с преданием неплательщиков налога суду Ревтрибунала [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 244, л. 140], конфискацию имущества, что вынуждало крестьян сводить к минимуму посевы или отказываться от сельскохозяйственной деятельности [ГАКК, Ф. Р-581, оп. 1, д. 71, л. 33]. Очередной рост повстанческого движения на Кубани вынудил органы власти прибегнуть к крайним мерам. В районах, находящихся под контролем бело-зелёных, отменялись итоги выборов в советы и возрождались ревкомы. Еще весной 1920 года в некоторых отделах региона состоялись выборы в советы без руководства со стороны РКП (б) [ГАКК, Ф. Р-649, оп. 1, д. 10, л. 1], однако результаты выборов не устроили большевистское руководство области, в связи с чем последовал роспуск избранных органов управления [ГАКК, Ф. Р-158, оп. 1, д. 3, л. 47 об.]. В регионе наряду с воссозданием ревкомов наблюдалось стремление к расширению их полномочий: получению права использовать вооружённую силу для «большого авторитета и введению твёрдого порядка» в отношении тех населённых пунктов, жители которых противятся распоряжениям ревкомов [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 173, л. 1, 14, 22]. Рецидивы политики военного коммунизма стали составной частью политической повседневности Кубани и Черноморья.

Органы советской власти Кубано-Черноморской области в сложившихся условиях решили, что переход к чрезвычайным средствам поможет решить проблему и обеспечит необходимый сбор продовольствия. Чрезвычайные полномочия получили продовольственные органы. Это позволило объявлять «врагом народа» или советской власти тех, кто не заявлял о наличии продовольствия или отказывался добровольно вносить продналог. Кубано-Черноморская чрезвычайная комиссия, фиксируя политическую ситуацию, сложившуюся в регионе, отмечала, что население не видело различий между продналогом и продразверсткой. Казаки и крестьяне были настроены крайне враждебно, зачастую вступая в столкновения с продовольственными органами [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 263].

В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 года «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» это грозило 10-ю годами тюремного заключения [О предоставлении ..., 1918, с. 203—206]. «Врагом» объявлялся зажиточный казак или крестьянин. Таким образом, продовольственная политика на Кубани ориентировалась на централизацию заготовок и подавление протеста казачье-крестьянского населения. В условиях, когда в регионе наблюдался

острый продовольственный кризис, большевики продолжили единственно известным им методом силового воздействия конфисковать хлеб.

В регионе постепенно сформировалась продовольственная диктатура как система чрезвычайных органов по насильственному изъятию продовольствия. Экономические чрезвычайные меры обеспечивали монополию государства на хлеб. Отношение населения изменялось в ту или иную сторону, главным образом, в зависимости от экономической политики.

Идеологически и организационно фрагментированное повстанческое движение использовало политизацию в качестве объединяющего фактора для различных антисоветских сил. Так, в своих обращениях к красноармейцам повстанцы отмечали, что они выступают «за истинное народоправство, за истинную свободу личности без подвалов и чрезвычайок, за землю для всех трудящихся на ней без всяких выкупов у помещиков и капиталистов, за восьми часовый рабочий день, за всеобщее бесплатное и обязательное народное образование» [ГАКК, Ф. Р-102, оп. 1, д. 32, л. 168]. Осенью 1922 года боеспособные части бело-зелёных потерпели поражение от РККА. Часть участников повстанческого движения вынуждены были согласиться на добровольную сдачу оружия и явку с повинной в местные органы власти. Всех явившихся брали на учет и контроль, имущественную и личную ответственность за них несли ближайшие родственники. Встречались случаи незаконных арестов и заключения под стражу амнистированных повстанцев, что тормозило ликвидацию бело-зеленого движения: некоторые, опасаясь за свое будущее, возвращались в отряды [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 431, л. 2]. Утверждение, что в 1922 году в регионе завершилась активная фаза сопротивления сельского населения, было связано именно с подавлением открытого сопротивления сельского населения [Микоян, 1975, с. 211].

Правительство Советской России в режиме активной законодательной инициативы принимало законы, обеспечивавшие выполнение задач по сбору продовольствия. Они находили продолжение на региональном уровне. Например, Кубано-Черноморский областной исполком 3 февраля 1922 года принял постановление № 59, согласно которому все хлеборобы, получившие хотя бы средний размер урожая, должны были выделить возможное количество посевного материала для неурожайных районов [Постановление ..., 1922]. В данном постановлении, как и в аналогичных, не содержалось точных норм, регулирующих правоотношения, возникающие между продорганами и сельским населением. Выполнение 100 % сбора продналога обеспечивалось за счет применения репрессивных мер [ГАКК, Ф. Р-382, оп. 1, д. 503, л. 11, 25]. В результате этого деятельность продорганов отличалась беззаконием и произволом, что неизбежно провоци-

ровало конфликт. Согласно докладом на VI областной партийной конференции (16—18 декабря 1923 года), административные меры воздействия в регионе были применены к 8 000 чел., к суду привлечены 2 720 чел. На той же конференции местным партиям пришлось констатировать, что продовольственная политика в Кубано-Черноморье легла на плечи сельского населения гораздо более тяжелым бременем, чем продразверстка, что сказалось напрямую на сельскохозяйственной деятельности: казаки и крестьяне стали отказываться от земельных наделов [ЦДНИКК, ф. 1, оп. 1, д. 296, л. 152, 164].

Значимость этого периода для юга России и в целом страны заключается в том, что открытый протест трансформировался в пассивное сопротивление, продолжавшееся до 1930-х годов. Для большевиков активное использование методов политики военного коммунизма в условиях различных кризисов и реформ стало основным содержанием внутренней политики. Важная роль в этом механизме на Кубани отводилась возрождающимся ревкомам, продовольственным отрядам и продовольственным органам. Их деятельность по-прежнему выступала стимулятором формирования антиправительственных настроений сельского населения. Продовольственный вопрос в конфликте между властью и сельским населением Кубано-Черноморской области в начале 1920-х сохранял свою актуальность. Большевики вынуждены были и в последующем постоянно оказывать силовое давление на казаков и крестьян для выполнения плана продналога.

4. Заключение = Conclusions

Взаимоотношения советской власти и сельского населения Советской России в начале 1920-х годов вызывают объективный научный интерес у современных исследователей. Это обусловлено историческим опытом решения кризисных вопросов в переходный период и в условиях сложных экономических и политических кризисов. Для Кубани и Черноморья он приобретает региональные особенности. Окончание Гражданской войны не завершилось установлением на юге России прочного мира. Продразвёрстка как временная мера военного времени, так считали большевики, получила продолжение в регионе в крайних её формах. Репрессии со стороны советской власти по отношению сельскому населению Кубани были вызваны отказом от добровольной сдачи излишков продовольствия, которых объективно не было. Безальтернативная продовольственная политика РКП (б) с активным применением силовых методов в 1920—1922 годах стала причиной активного сопротивления советской власти.

До 1923 года в основных хлебопроизводящих регионах юга России крестьяне и казаки продолжали сопротивляться. Бело-зелёные отряды ста-

ли неотъемлемой частью южнороссийской действительности. В этих условиях необходимо было разработать новую линию по отношению к крестьянству и казачеству. На региональном уровне оно приобретало свои особенности в зависимости от состояния индивидуальных крестьянских и казачьих хозяйств, степени вовлечённости в Гражданскую войну, национального, социального и сословного состава населения.

Структуры РКП (б) и советских органов власти на местах не были укомплектованы подготовленными кадрами. Их практическая деятельность по сбору продналога была сведена к насильственной реквизиции продовольствия. Переход к продналогу не принёс принципиальных изменений в практике партячеек и советов, а привёл к расширению повстанческого движения. Это породило рецидивы военного коммунизма: отказ от итогов выборов в сельские советы, возрождение ревкомов, усиление репрессий и внесудебных решений.

Переход от продразвёрстки к продналогу для Кубано-Черноморской области затянулся из-за продолжавшегося противостояния с сельским населением и рецидивов военного коммунизма. Особенностью регионального конфликта в начале 1920-х годов было сочетание сословных и классовых противоречий в кубанской станице.

Но при этом коммунисты были главным инициаторами преобразований. В начале 1920-х годов РКП (б) на фоне нарастающего экономического и политического кризиса вынуждена была перейти к новой модели взаимоотношения с сельским населением, которая весь последующий период трансформировалась в зависимости от складывающейся политической ситуации.

Реалистично оценив экономические и политические ожидания казаков и крестьян области, большевики смогли достичь временного компромисса.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р-102 (Отдел управления Кубано-Черноморского облисполкома). Оп. 1. Д. 32. Л. 168, 263 ; Д. 138. Л. 24, 34—37 ; Д. 153. Л. 71 об. ; Д. 173. Л. 1, 14, 22 ; Д. 239. Л. 13 ; Ф. Р-158 (Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об. ; Д. 15. Л. 5 ; Д. 32. Л. 26 ; Ф. Р-382 (Славянский отдельский отдел управления). Оп. 1. Д. 244. Л. 140, 168 ; Д. 431. Л. 2 ; Д. 503. Л. 11, 25 ; Д. 606. Л. 150 ; Ф. Р-581 (Исполнительный комитет Приморско-Ахтарского городского и волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов). Оп. 1. Д. 71. Л. 33 ; Ф. Р-649 (Ейский отдельский

революционный комитет). Оп. 1. Д. 10. Л. 1 ; Ф. Р-990 (Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов). Оп. 2. Д. 171. Л. 1 ; Д. 549. Л. 64.

2. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Москва: Политиздат, 1977. — Т. 40. — С. 166—187.

3. Микоян А. И. В начале двадцатых... / А. И. Микоян. — Москва: Политиздат, 1975. — 383 с.

4. О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях: Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров от 18 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. — Москва: Политиздат, 1983. — Т. XI. Октябрь — ноябрь 1920 г. — С. 234—236.

5. О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 9 мая (26 апреля) 1918 г. // Сборник узаконений, постановлений и распоряжений по продовольственному делу (общего характера), вышедших в период времени с 1 августа 1917 года по 15 июля 1918 года. — Москва: [б. и.], 1918. — С. 203—206.

6. Постановление Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета от 3 февраля 1922 г. № 59 // Красное знамя: [газета]. — 1922. — 4 февраля. — № 27.

7. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 64 (Кавказское областное бюро РКП(б) — ВКП(б)). Оп. 1. Д. 96. Л. 136.

8. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. — Москва: РОССПЭН, 1998. — Т. 1. — 864 с.

9. ЦДНИКК — Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1 (Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 49. Л. 2 ; Д. 293. Л. 102 ; Д. 296. Л. 152, 164 ; Д. 355. Л. 29 ; Ф. 17 (Краснодарский отдельский комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 20. Л. 17 ; Ф. 160 (Тимашевский отдельский партийный комитет РКП(б)). Оп. 1 доп. Д. 19. Л. 1.

10. Яхутль Ю. А. Кубано-Черноморская область в условиях противостояния власти и сельского населения (1920—1924 гг.). Документы и материалы / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. — 436 с. — ISBN 978-5-8209-2214-5.

11. Яхутль Ю. А. Кубань и Черноморье в 1920—1922 гг.: от военного коммунизма к новой экономической политике. Документы и материалы / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. — 409 с. — ISBN 978-5-8209-2290-9.

Литература

1. Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг. / Д. С. Бабурин // Исторические записки. — Москва: Издательство Академии наук СССР, 1957. — Т. 61. — С. 333—369.

2. Баранов А. В. Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России: особенности взаимодействия власти и сельского населения / А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль // Новейшая история России. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 276—287. — DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201.

3. *Большаков А. М.* Советская деревня за 1917—1924 гг. Экономика и быт / А. М. Большаков. — Ленинград: Прибой, 1924. — 172 с.
4. *Генкина Э. Б.* Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922) / Э. Б. Генкина. — Москва: Госполитиздат, 1954. — 504 с.
5. *Гладков И. А.* Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. / И. А. Гладков. — Москва: Госполитиздат, 1956. — 503 с.
6. *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917—1933 / А. Грациози ; Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. — Москва: РОССПЭН, 2008. — 135 с.
7. *Давыдов М. И.* Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны / М. И. Давыдов. — Москва: Мысль, 1971. — 221 с.
8. *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры / В. П. Дмитренко ; отв. ред. Ю. А. Поляков ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — Москва: Наука, 1986. — 252 с.
9. *Дэвис Р. У.* Советская экономическая реформа в исторической перспективе / Р. У. Дэвис // НЭП: приобретения и потери. — Москва: Наука, 1994. — С. 7—26.
10. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта: заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири / В. А. Ильиных. — Москва: РОССПЭН, 2010. — 342 с. — ISBN 978-5-8243-1406-9.
11. *Кактынь А.* Новая экономическая политика и «ножницы» (очередные задачи экономической политики) / А. Кактынь. — Москва: Красная новь, 1924. — 130 с.
12. *Клейнер И. М.* Действительность кубанской станицы / И. М. Клейнер. — Краснодар: Буревестник, 1924. — 122 с.
13. *Крестьянство* и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / редкол. : В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков. — Москва ; Саранск: НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2017. — 1048 с.
14. *От капитализма к социализму: основные проблемы переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.* В 2 т. Развернутое строительство социализма в СССР 1929—1937 гг. / под ред. Ю. А. Полякова. — Москва: Наука, 1981. — Т. 2. — 440 с.
15. *Перехов Я. А.* Об аграрных преобразованиях на Дону и Кубани в первые годы социалистического строительства (1920—1925 гг.) / Я. А. Перехов // Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9—12 июня 1969 г. — Москва: Наука, 1971. — С. 45—48.
16. *Поляков Ю. А.* Социально-экономические итоги аграрных преобразований Октябрьской революции (1917—1920 гг.): Материал для обсуждения на Сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР / Ю. А. Поляков ; Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч. совет по проблеме «История соц. и ком. строительства в СССР». — Москва: [б. и.], 1961. — 71 с.
17. *Попова Г. А.* Борьба большевистских организаций Юго-Востока за восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством в 1921—1925 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук / Г. А. Попова. — Москва, 1950. — 316 с.
18. *Проблемы аграрной истории советского общества: Материалы науч. конф. 9—12 июня 1969 г.* / отв. ред. М. П. Ким. — Москва: Наука, 1971. — 367 с.
19. *Ратушняк В. Н.* Развитие сельского хозяйства на Кубани в пореформенное время (1861—1914 гг.) / В. Н. Ратушняк // Голос минувшего. — 2015. — № 3—4. — С. 32—43.

20. *Рогалина Н. Л.* Нэп как реформа (Аграрный аспект) / Н. Л. Рогалина // Нэп в контексте исторического развития России XX века: сборник статей / отв. ред. А. К. Соколов. — Москва: Ин-т рос. истории, 2001. — С. 221—237. — ISBN 5-8055-0077-9.
21. *Скобцов Д. Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани / Д. Е. Скобцов. — Москва: Кучково поле, 2015. — 542 с.
22. *Трифонов И. Я.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа (1921—1937) / И. Я. Трифонов. — Москва: Госполитиздат, 1960. — 279 с.
23. *Чермак Л. К.* Основные черты развития сельского хозяйства на Юго-Востоке России / Л. К. Чермак // Экономическое районирование Юго-Востока России. — Москва: Статиздат, 1923. — Выпуск 1. — С. 64—80.
24. *Щетнёв В. Е.* Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий Советской власти на Кубани / В. Е. Щетнёв // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1980. — С. 40—57.
25. *Яхутль Ю. А.* Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921—1929 гг. (на примере Кубани и Дона) / Ю. А. Яхутль. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. — 361 с.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2025,
одобрена после рецензирования 08.04.2025,
подготовлена к публикации 22.06.2025.*

Material resources

- Belerevich, A. (ed.). (1998). *The Soviet village through the eyes of the CHEKA — OGPU — NKVD: Documents and materials 1918—1939. In 4 volumes, 1.* Moscow: ROSSPEN. 864 p. (In Russ.).
- CDNIKK — *Documentation Center for the modern history of the Krasnodar Territory.* (In Russ.).
- GAKK — *The State Archive of the Krasnodar Territory. F. R-102 (Department of Management of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee). (Kuban-Black Sea Regional Revolutionary Committee). (Slavyansk separate management department). (Executive Committee of the Primorsko-Akhtarsky city and Volost Council of Workers, Peasants, Red Army and Cossack Deputies). (Yeisk Separate Revolutionary Committee). (Kuban-Black Sea Regional Workers' and Peasants' Inspection of the Executive Committee of the Kuban-Black Sea Regional Council of Workers, Peasants, Red Army, Cossack and Mountain deputies).* (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1977). Report at the I All-Russian Congress of Labor Cossacks on March 1, 1920. In: *Complete works*, 40. Moscow: Politizdat. 166—187. (In Russ.).
- Mikoyan, A. I. (1975). *In the early twenties...* Moscow: Politizdat Publ. 383 p. (In Russ.).
- On granting the People's Commissar of Food extraordinary powers to combat the rural bourgeoisie, which harbors grain stocks and speculates in them: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets of Workers, Soldiers, Peasants and Cossacks Deputies of May 9 (April 26) 1918. (1918). In: *Collection of laws, resolutions and orders on food business (general character), published between August 1, 1917 and July 15, 1918.* Moscow: [b. i.]. 203—206. (In Russ.).
- On land use and land management in the former Cossack regions: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of No-

- vember 18, 1920. (1983). In: *Decrees of Soviet power, XI*. Moscow: Politizdat Publ. 234—236. (In Russ.).
- Resolution № 59 of the Kuban-Black Sea Regional Executive Committee dated February 3, 1922. (1922). *Krasnoe znamya: [newspaper]*, 27. February 4. (In Russ.).
- RGASPI — Russian State Archive of Socio-political History. F. 64 (Caucasian Regional Bureau of the Russian Communist Party(b). VKP(b)). Op. 1. D. 96. L. 136. (In Russ.).
- Yahutl, Yu. A. (2023). *Kuban and the Black Sea region in 1920—1922: from war communism to a new economic policy. Documents and materials*. Krasnodar: Kuban State University. 409 p. ISBN 978-5-8209-2290-9. (In Russ.).
- Yakhutl, Yu. A. (2022). *The Kuban-Black Sea region in the conditions of confrontation between the government and the rural population (1920—1924). Documents and materials*. Krasnodar: Kuban State University. 436 p. ISBN 978-5-8209-2214-5. (In Russ.).

References

- Baburin, D. S. (1957). Narkomprod in the early years of Soviet power. 1917—1924. In: *Historical notes*, 6. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 333—369. (In Russ.).
- Baranov, A. V., Yahutl, Yu. A. (2022). Transition from “war communism” to the New Economic Policy in the Cossack regions of Southern Russia: features of interaction between government and rural population. *Modern History of Russia*, 12 (2): 276—287. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.201. (In Russ.).
- Bolshakov, A. M. (1924). *The Soviet village in 1917—1924. Economics and everyday life*. Leningrad: Priboy Publ. 172 p. (In Russ.).
- Chermak, L. K. (1923). The main features of agricultural development in the South-East of Russia. In: *Economic zoning of the South-East of Russia*, 1. Moscow: Statistat. 64—80. (In Russ.).
- Davis, R. U. (1994). Soviet economic reform in historical perspective. In: *NEP: gains and losses*. Moscow: Nauka Publ. 7—26. (In Russ.).
- Davydov, M. I. (1971). *The struggle for bread. The food policy of the Communist Party and the Soviet State during the Civil War*. Moscow: Mysl Publ. 221 p. (In Russ.).
- Dmitrenko, V. P. (1986). *Soviet economic policy in the early years of the proletarian dictatorship*. Moscow: Nauka Publ. 252 p. (In Russ.).
- Genkina, E. B. (1954). *The transition of the Soviet state to a new economic policy (1921—1922)*. Moscow: Gospolitizdat. 504 p. (In Russ.).
- Gladkov, I. A. (1956). *Essays on the Soviet economy. 1917—1920*. Moscow: Gospolitizdat. 503 p. (In Russ.).
- Graziosi, A. (2008). *The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the peasants. 1917—1933*. Moscow: ROSSPEN. 135 p. (In Russ.).
- Ilinykh, V. A. (2010). *Chronicles of the grain front: procurement campaigns of the late 1920s in Siberia*. Moscow: ROSSPEN. 342 p. ISBN 978-5-8243-1406-9. (In Russ.).
- Kaktyn, A. (1924). *New Economic Policy and scissors (the next tasks of economic policy)*. Moscow: Krasnaya Nov. 130 p. (In Russ.).
- Kim, M. P. (ed.). (1971). *Problems of the agrarian history of Soviet society: Materials of the scientific conference on June 9—12, 1969*. Moscow: Nauka. 367 p. (In Russ.).
- Kleiner, I. M. (1924). *The reality of the Kuban village*. Krasnodar: Burevestnik Publ. 122 p. (In Russ.).

- Kondrashin, V. V. (ed.). (2017). *The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: a national and regional aspect*. Moscow; Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 1048 p. (In Russ.).
- Perekhov, Ya. A. (1971). On agrarian transformations on the Don and Kuban in the early years of socialist construction (1920—1925). In: *Problems of the agrarian history of Soviet society: Proceedings of the scientific conference on June 9—12, 1969*. Moscow: Nauka. 45—48. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (1961). *Socio-economic results of the agrarian transformations of the October Revolution (1917—1920): Material for discussion at the Session on the history of the Soviet peasantry and collective farm construction in the USSR*. Moscow: [b. i.]. 71 p. (In Russ.).
- Polyakov, Yu. A. (ed.). (1981). *From capitalism to socialism: the main problems of the transition period in the USSR. 1917—1937. In 2 volumes. The extensive construction of socialism in the USSR 1929—1937, 2*. Moscow: Nauka Publ. 440 p. (In Russ.).
- Popova, G. A. (1950). *The struggle of the Bolshevik organizations of the South-East for the restoration of the national economy and the strengthening of the alliance of the working class with the working peasantry in 1921—1925*. PhD Diss. Moscow. 316 p. (In Russ.).
- Ratushnyak, V. N. (2015). Development of agriculture in the Kuban in the post-reform period (1861—1914). *Voice of the past*, 3—4: 32—43. (In Russ.).
- Rogalina, N. L. (2001). Nep as a reform (Agrarian aspect). In: *Nep in the context of the historical development of Russia in the twentieth century: a collection of articles*. Moscow: Institute of Russian History. 221—237. ISBN 5-8055-0077-9. (In Russ.).
- Shchetnev, V. E. (1980). The class struggle and the implementation of the first land and food measures of the Soviet government in the Kuban. In: *Agrarian History of the Don and the North Caucasus*. Rostov-on-Don: Rostov University Press. 40—57. (In Russ.).
- Skobtsov, D. E. (2015). *Three years of revolution and civil war in the Kuban*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ. 542 p. (In Russ.).
- Trifonov, I. Ya. (1960). *Essays on the history of the class struggle in the USSR during the NEP (1921—1937)*. Moscow: Gospolitizdat. 279 p. (In Russ.).
- Yakhutl, Yu. A. (2021). *Transformation of relations between the government and the Cossacks and the peasantry in Soviet Russia 1921—1929. (on the example of Kuban and the Don)*. Krasnodar: Kuban State University. 361 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.01.2025;
approved after reviewing 08.04.2025;
accepted for publication 22.06.2025.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Перечень ВАК РФ	
Область наук: Социальные и гуманитарные науки	
Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный корпус* русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;

должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:

<https://www.sciencedirect.com/>

<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>

<https://doaj.org/>

<https://mjl.clarivate.com/home>

сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теоллингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47—48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Andreev, V. K., Kochelaeva, I. S., Nikitina, T. G.</i> Dynamics of Youth Art Subculture Lexicons as Reflections of Evolution of Genres, Techniques, and Subcultural Practices	9
<i>Bogoyavlenskaya, Yu. V., Paliychuk, D. A.</i> Collocations with Adjective ‘Bleu’ in French: A Study Based on Lexicographic and Corpus Data.....	29
<i>Burchanova, A. A.</i> Moldovan Linguistic System: Historical, Socio-Political, and Linguistic Aspects	51
<i>Galiuk, A. A., Zinovieva, E. I.</i> Features of Conceptualization and Categorization of Verbal Synonyms for ‘Providing Medical Assistance’ in Contemporary Russian	68
<i>Dzakhova, V. T.</i> Assimilation of Voiced Plosive /d/ in Word-final Position in Ossetian Language	88
<i>Ivanov, A. V.</i> Dvoyetochiye [Colon]: A Historical-Linguistic Study	105
<i>Ivanova, E. D.</i> Anthroponymy of Crimean Italians: Identity Dynamics Through Lens of History	128
<i>Kotyurova, M. P., Bazhenova, E. A.</i> Speech Systemicity of Scientific Texts: Conceptual Development (On Centenary of M. N. Kozhina’s Birth).....	144
<i>Sokolova, E. N.</i> Comparative Constructions in Ray Bradbury’s “The Martian Chronicles”	162

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Danilova, Yu. Yu., Mukhametshina, D. R.</i> Intertextuality and Precedent Situations in Memes Regarding Brand Exits from Russia.....	183
<i>Olenev, S. V., Tikhomirova, L. S., Permyakova, K. V.</i> Rational and Emotional Communicative Strategies and Tactics in Advertising Discourse of Russian Glossy Magazines	205
<i>Tretyakova, O. V.</i> Multimedia Journalism in Legal Education System	224

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Alexandrova-Osokina, O. N., Wang Juan.</i> Motif of Road in Stepan Shevryev’s “Journey to Kirillo-Belozersky Monastery”	244
<i>Alekseev, P. V.</i> Imperial Southwest in P. A. Krushevan’s Travelogue “What is Russia?”	262
<i>Bogdanova, O. V.</i> Visual Poetry of Vasily Kamensky	289
<i>Kirdyanova, E. R.</i> Specificity of Garden and Park Topoi in Novellas of Theodor Storm	304

<i>Cherkasov, V. A., Demicheva, V. V., Eremenko, O. I.</i> Locke, Voltaire, Rousseau: Philosophical Genesis of Griboedov's Comedy "Woe from Wit".	323

HISTORY

<i>Aganov, A. A., Eldinov, O. A.</i> North Caucasus Regional Branch of All-Union Society of Old Bolsheviks (1930–1935).	344
<i>Bondarev, V. A.</i> Volunteer Movement in Rural Areas of RSFSR During Great Patriotic War: A Historical and Economic Analysis (Materials from Rostov Region).	364
<i>Mironova, E. V.</i> Social and Economic Activities of Noblewomen in Kazan Province in Late 19th to Early 20th Century	381
<i>Mukhamedov, R. A., Savelyev, A. V.</i> Rural Economy in Ulyanovsk Region in Early 1950s	400
<i>Naumenko, O. N., Abdullaev, V. I., Satimov, B. M.</i> Exile of Last Khan of Khorezm, Sayyid Abdullah Qungrat: A Reflection of Soviet Authority's Policies	419
<i>Nesterov, A. G., Muslimova, E. O.</i> Special Administrative Region of China Aomen (Macao): Features of Relations with European Regions	438
<i>Novikov, M. D.</i> Impact of State Loans (1946–1957) on Personal Budgets of Soviet Citizens: Insights from Financial Records and Ego-documents	454
<i>Plate, A.</i> Medical Expertise at Yekaterinburg Hospital: Legislation and Practice in 1720s–1750s	473
<i>Eilbart, N. V.</i> Information War Against Moscow State During Time of Troubles: A Case Study of "The Song of the Tyranny of Shuysky" by A. Vladislavsky	491
<i>Yakhutl, Y. A., Dirivyankina, M. S.</i> Bolshevik Food Policy in Kuban and Black Sea Region: Examining Conflict between RCP(b) and Rural Population in Early 1920s.....	510
TO AUTHORS	528

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог»
можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав
запрос в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 23.06.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 31,26. Тираж 500 экз. Заказ 23/06-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2025
Свободная цена

